

2026 № 3

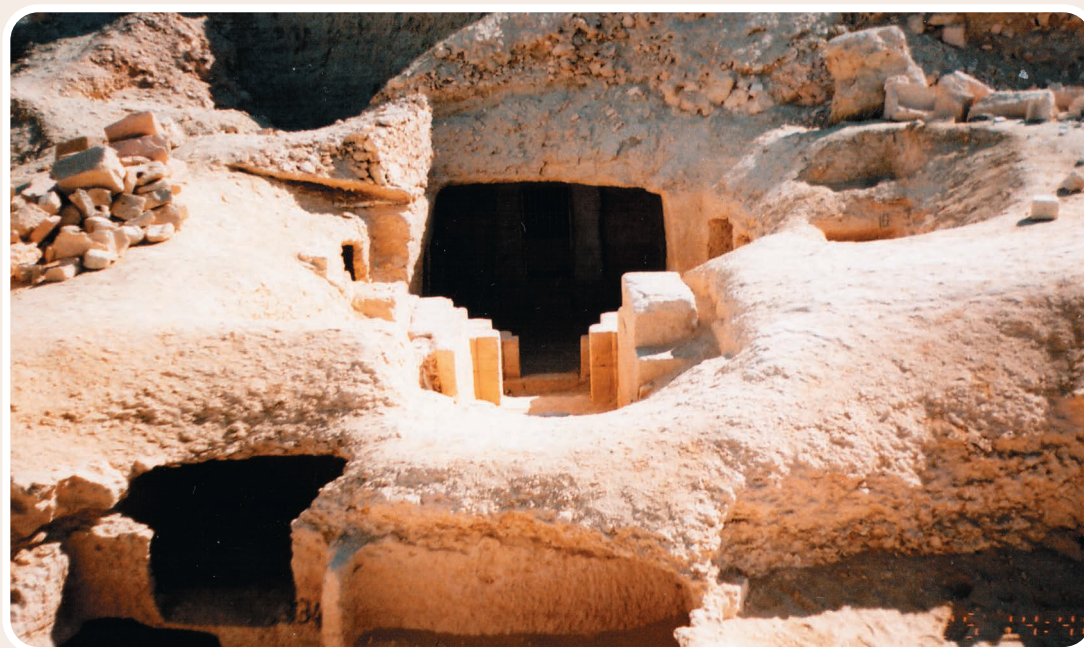
ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

3(37)
2026

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2026

3 (37)

**Журнал выходит четыре раза в год
Основан в феврале 2018 года**

Москва

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3

Рецензируемый научный академический журнал

Учреждён Учёным советом Института востоковедения Российской академии наук

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН
Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов

А. К. Аликберов

В. М. Алпатов

С. Э. Бабкин

А. Г. Белова

В. Я. Белокреницкий

С. А. Бурлак

А. В. Воронцов

А. В. Демченко

А. Ю. Другов

Д. В. Дубровская

А. О. Захаров

Т. А. Карасова

Е. Л. Катасонова

А. И. Кобзев

В. А. Кузнецов

Ю. В. Любимов

Н. М. Мамедова

С. Е. Малых

Д. В. Микульский

Д. В. Мосяков

В. Н. Настич

В. В. Наумкин

К. В. Орлова

Н. Г. Романова

А. В. Сарабьев

В. Н. Саутов

Т. Л. Шаумян

На обложке: Погребальные ниши на Горе мертвых, оазис Сива, Египет. Фото А. А. Блинова, 2003 г.

© ФГБУН ИВ РАН, 2026

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несёт ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS
2026
3 (37)

Published quarterly
Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302

Peer-reviewed academic journal

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov

A. K. Alikberov

V. M. Alpatov

S. E. Babkin

A. G. Belova

V. Y. Belokrenitsky

S. A. Burlak

A. V. Vorontsov

A. V. Demchenko

A. Y. Drugov

D. V. Dubrovskaya

A. O. Zakharov

T. A. Karasova

E. L. Katasonova

A. I. Kobzev

V.A. Kuznetsov

Y. V. Lyubimov

N. M. Mamedova

S. E. Malykh

D. V. Mikulskiy

D. V. Mosyakov

V. N. Nastich

V. V. Naumkin

K. V. Orlova

N. G. Romanova

A. V. Sarabyev

V. N. Sautov

T. L. Shaumian

On the cover: Funerary niches on the Mountain of the Dead, Siwa Oasis, Egypt. Photo by A. Blinov, 2003

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2026

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no responsibility for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание учёной степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>В. В. Прудников.</i> «Я, Рожер, некогда называвшийся в религии агарян Ахметом»: арабское происхождение и юридическая саморепрезентация в сигиллии Рожера Хамета (Палермо, 1141 г.)	10
<i>Renu Baliyan.</i> Hunting Landscapes of the Mughals: Power, Nature and Conservation	18
<i>С. Л. Кузьмин.</i> Геноцид монголов в XIX веке: мятеж секты Цзиньдандао	32
<i>А. В. Хренков, Л. В. Тишабаева.</i> К истории первой гуманитарной миссии Российского Красного Креста в Африке	52
<i>В. Э. Молодяков.</i> Тайвань глазами военных аналитиков императорской России: тактика, стратегия, геополитика	66
<i>А. А. Нарышкин.</i> «Японский вопрос» в стратегии Коминтерна: политические установки и практическая реализация в условиях милитаризации (1920–1937 гг.)	74

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Т. А. Карасова, В. П. Кашин.</i> К вопросу о некоторых аспектах индийско-израильских отношений. Хиндутва и сионизм	81
<i>Н. Н. Миклухо-Маклай-мл.</i> Между наукой и дипломатией: траектории отношений России с Папуа-Новой Гвинеей. Часть II	93

СОЦИУМ И ЯЗЫК

<i>Я. А. Рязанов.</i> Трансформация индийских научных элит в XX–XXI вв.	104
<i>А. А. Блинов.</i> Арабский язык в странах Африки южнее Сахары (Мавритания, Судан, Южный Судан, Эритрея, Джибути, Сомали, Коморские острова)	116

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

<i>Н. З. Мосаки.</i> Пакистановед Раиля Мухсиновна Мукимджанова (1927–2015): к столетию со дня рождения. Часть I	125
<i>С. М. Степаняц.</i> Академик Национальной академии наук Армении, востоковед-тюрколог Рубен Сафрастян. К 70-летию со дня рождения	153

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А. А. Зайцев.</i> Экология и социум в Южной Азии. Обзор конференции	158
<i>О. Е. Евсеенко.</i> Научная конференция «Афганистан и сопредельные страны». Обзор.	170

*МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«Афганистан и сопредельные страны»*

<i>У. В. Окимбеков. Внутриполитическая и социально-экономическая обстановка в Афганистане</i>	173
<i>Е. В. Дунаева. Афганские беженцы в Иране: политика властей и позиция общества</i>	182
<i>О. Е. Евсеенко. Афганский метамфетамин и угроза безопасности для стран Центральной Азии</i>	192
<i>Н. А. Замараева. Исламабад — Кабул: корректировка афганского вектора внешней политики (2025–2026 гг.)</i>	200
<i>С. Пойя. Взаимодействие «Техрик-е Талибан Пакистан» и афганского правительства талибов как катализатор афгано-пакистанского кризиса</i>	207
<i>А. Н. Обухова. Интеграционный потенциал Афганистана: транзит, энергетика</i>	216

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

<i>И. В. Дерюгина. Научно-технологическое развитие в странах Азии и Северной Африки. Введение</i>	228
<i>А. В. Акимов. Особенности диффузии IT-фирм в сфере услуг в мировом хозяйстве: гипотеза о связи экономической экспансии и культурной однородности на примере Китая</i>	233
<i>И. В. Дерюгина. Стратегическая цель Индии — стать лидером в сфере науки и технологий</i>	241
<i>Я. А. Рязанов. Искусственный интеллект в производственном секторе Индии</i>	251
<i>А. В. Дера. НТР Алжира в 2025 г.: события и перспективы</i>	260
<i>Р. Ш. Мамедов. Система высшего образования и научных исследований Египта на современном этапе</i>	265
<i>В. В. Панов. Развитие энергетики Египта как ответ на демографические вызовы в XXI в.</i>	283
<i>Н. Н. Цветкова. ОАЭ как новый технологический хаб</i>	292

CONTENTS

HISTORY

- V. V. *Prudnikov*. “I, Roger, Known in the Religion of the Agaryans as Ahmet”:
Arabic Origin and Legal Self-Presentation in the Sigillion by Roger Chamet
(Palermo, 1141) 10
- Renu Baliyan*. Hunting Landscapes of the Mughals: Power, Nature and Conservation 18
- S. L. *Kuzmin*. The Mongol Genocide in the Nineteenth Century:
Riot of the Jindandao Sect 32
- A. W. *Khrenkov*, L. V. *Tishabaeva*. Towards the History of the First Humanitarian
Mission of the Russian Red Cross in Africa 52
- V. E. *Molodyakov*. Taiwan as Seen by Military Analysts of Imperial Russia:
Tactics, Strategy, Geopolitics 66
- A. A. *Naryshkin*. “The Japanese Question” in the Comintern’s Strategy:
Political Guidelines, and Practical Implementation Under the Conditions
of Militarization (1920–1937) 74

INTERNATIONAL RELATIONS

- T. A. *Karasova*, V. P. *Kashin*. Concerning Some Aspects of Indian-Israeli Relations.
Hindutva and Zionism 81
- N. N. *Miklouho-Maclay jr.* Between Science and Diplomacy: Trajectories of Russia’s
Relations with Papua New Guinea. Part II 93

SOCIUM AND LANGUAGE

- Y. A. *Ryazanov*. The Transformation of Indian Scientific Elites
in the Twentieth – Twenty-First Century 104
- A. A. *Blinov*. Arabic in Sub-Saharan Africa (Mauritania, Sudan, South Sudan, Eritrea,
Djibouti, Somalia, Comoros) 116

FROM THE HISTORY OF ORIENTAL STUDIES

- Nodar Z. Mossaki*. Pakistan Studies Scholar
Railya Mukhsinova Muqemjanova (1927–2015). For Her Birth Centenary. Part I 125
- S. M. *Stepanyants*. Academician of the National Academy of Sciences of Armenia,
Orientalist and Turkologist Ruben Safrastyan. For His 70th Birthday 153

ACADEMIC LIFE

- A. A. *Zaytsev*. Ecology and Society in South Asia. A Conference Review 158
- O. E. *Evseenko*. Afghanistan and Neighbouring Countries. A Conference Review 170

“Afghanistan and Neighbouring Countries”
CONFERENCE MATERIALS

<i>U. V. Okimbekov.</i> Political and Socio-Economic Situation in Afghanistan	173
<i>E. V. Dunaeva.</i> Afghan Refugees in Iran: Government Policy and Public Opinion	182
<i>O. E. Evseenko.</i> Afghan Methamphetamine and the Security Threat to Central Asian Countries	192
<i>N. A. Zamaraeva.</i> Islamabad — Kabul: Adjusting the Afghan Vector of Foreign Policy (2025–2026)	200
<i>S. Poya.</i> The Interaction Between Tehreek-e Taliban Pakistan and the Afghan Taliban Government as a Catalyst for the Afghan-Pakistani Crisis	207
<i>A. N. Obukhova.</i> Integration Potential of Afghanistan: Transit, Energy	216
RESEARCH PROJECT	
<i>I. V. Deryugina.</i> Scientific and Technological Development in Asia and North Africa: an Introduction	228
<i>A. V. Akimov.</i> Features of IT Firms' Diffusion in the Service Sector of the World Economy: The Connection Between Economic Expansion and Cultural Homogeneity, as Exemplified by China	233
<i>I. V. Deryugina.</i> India's Strategic Goal is to Become a Leader in Science and Technology	241
<i>Ya. A. Ryazanov.</i> Artificial Intelligence in India's Manufacturing Sector	251
<i>A. V. Dera.</i> Algeria's Scientific and Technological Development in 2025: Events and Perspectives	260
<i>R. Sh. Mamedov.</i> Contemporary System of Higher Education and Scientific Research in Egypt	265
<i>V. V. Panov.</i> Development of Egypt's Energy Sector as a Response to the Twenty-First Century Demographic Challenges	283
<i>N. N. Tsvetkova.</i> The UAE as a New Technology Hub	292

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-010-017

**«Я, РОЖЕР, НЕКОГДА НАЗЫВАВШИЙСЯ
В РЕЛИГИИ АГАРЯН АХМЕТОМ»:
АРАБСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И ЮРИДИЧЕСКАЯ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СИГИЛЛИИ
РОЖЕРА ХАМЕТА (ПАЛЕРМО, 1141 Г.)**

© 2026

В. В. Прудников¹

В статье анализируется греческий сигиллий (дарственная грамота) 1141 г., составленный от имени Рожера Хамета — бывшего мусульманина, принявшего христианство при дворе сицилийского графа (впоследствии короля) Рожера II. Документ содержит уникальную автоидентификационную формулу: «ἐγὼ Ρογέριος ὁ ... καλούμενος Ἀχμετ» (в латинском переводе Пирри — «*Ego Rogerius olim in fide Saracenorum, tunc vocatus Châmet*»). Автор рассматривает, каким образом бывший мусульманин использовал указание на своё арабское прошлое для легитимации нового христианского статуса, укрепления прав на земельную собственность и демонстрации лояльности норманнской короне. На основе дипломатического анализа, ономастических данных и сравнения с «Палермитанскими обычаями» (*Consuetudines Panormitanae*) делается вывод, что подчёркивание прежней сарацинской идентичности было не знаком подчинённого положения, а продуманной юридической и социальной стратегией. Статья вносит вклад в дискуссию о религиозной конверсии, идентичности и правовом статусе мусульман.

Ключевые слова: Норманнская Сицилия, Рожер Хамет, религиозная конверсия, греко-арабская дипломатика, идентичность, мусульмане под христианской властью

Для цитирования: Прудников В. В. «Я, Рожер, некогда называвшийся в религии агарян Ахметом»: арабское происхождение и юридическая саморепрезентация в сигиллии Рожера Хамета (Палермо, 1141 г.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 10–17. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-010-017

**“I, ROGER, KNOWN IN THE RELIGION OF THE AGARYANS AS AHMET”:
ARABIC ORIGIN AND LEGAL SELF-PRESENTATION IN THE SIGILLION
BY ROGER CHAMET (PALERMO, 1141)**

Vitaly V. Prudnikov

This paper analyses a Greek *sigillion* (donation charter) of 1141 issued by Rogerius Chamet – a former Muslim who converted to Christianity at the court of the Sicilian count (later king) Roger II. The document contains a unique self-identifying formula: “ἐγὼ Ρογέριος ὁ ... καλούμενος Ἀχμετ” (in Pirri’s Latin version: “*Ego Rogerius*

¹ Прудников Виталий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; v.prudnikov@ivran.ru

Vitaly V. Prudnikov, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; v.prudnikov@ivran.ru
ORCID: 0000-0002-0355-2324

olim in fide Saracenorum, tunc vocatus Châmet”). The author examines how the convert used his Arabic past to legitimise his new Christian status, strengthen his landownership rights, and demonstrate loyalty to the Norman crown. Drawing on diplomatic analysis, onomastic data and a comparison with the *Consuetudines Panormitanae*, the article argues that emphasising the former Saracen identity was not a sign of subordination but a deliberate legal and social strategy. The paper contributes to the debate on religious conversion, identity and the legal status of Muslims in medieval Sicily.

Keywords: Norman Sicily, Rogerius Chamet, religious conversion, Greek-Arabic diplomatics, identity, Muslims under Christian rule

For citation: Prudnikov V. V. “I, Roger, Known in the Religion of the Agaryans as Ahmet”: Arabic Origin and Legal Self-Presentation in the Sigillion by Roger Chamet (Palermo, 1141). *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2026. No. 3. Pp. 10–17. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-010-017

Введение

В феврале 1141 г. в Палермо был составлен документ, который на первый взгляд кажется обычным актом благочестия: некий Рожер передал три селения в дар Палермитанской архиепископии «ради спасения своей души и отпущения грехов». Однако уже первые строки грамоты выдают её исключительный характер. Даритель называет себя так: «ἐγὼ Ρογέριος ὁ ἐν τῇ τῶν Ἀγαρινῶν θρησκείᾳ ποτὲ καλούμενος Ἀχμετ» — «я, Рожер, некогда называвшийся в религии агарян Ахметом» [Cusa, 1868, p. 16]. Перед нами не просто дарственная, а документ **обращённого** — бывшего мусульманина, принявшего христианство и публично зафиксировавшего эту трансформацию.

Латинская версия той же формулы, сохранённая Рокко Пирри в «*Sicilia sacra*», звучит ещё более выразительно: «*Ego Rogerius olim in fide Saracenorum, tunc vocatus Châmet*» [Pirri, 1733, p. 85]. Именно эта фраза станет лейтмотивом нашего исследования. Почему человек, перешедший на сторону победителей-христиан, добровольно и настойчиво напоминает о своём «сарацинском» прошлом? В средневековом мире это могло быть опасно². Ответ, как будет показано, лежит в сложном переплетении юридических, религиозных и социальных факторов. Подчёркивание прежней идентичности служило не слабостью, а инструментом легитимации: оно удостоверяло личность дарителя, подчёркивало величие христианства, обратившего «неверного», и демонстрировало лояльность норманнской короне.

Документ известен в двух основных версиях: греческий оригинал (сигиллий), опубликованный Сальваторе Кузой в «*I diplomi greci ed arabi di Sicilia*», и латинский перевод, включённый Пирри в его церковно-исторический компендиум [Cusa, 1868, pp. 16–19; Pirri, 1733, pp. 85–87]. Обе версии дополняют друг друга: греческий текст содержит арабские списки свидетелей и топонимы, латинский — более удобную для европейского читателя передачу основных формул. В 1665 г. земли, подаренные Рожером Хаметом, всё ещё фигурировали в документах Палермитанской церкви как «*feuda, olim Casalia... anno 1141 a Rogerio Charnet Ecclesiae Panormitanae dono oblata*» [Pirri, 1733, p. 247]. Это свидетельствует о долгой юридической жизни дара.

Задача статьи — реконструировать стратегию саморепрезентации Рожера Хамета, показав, как его арабское происхождение стало преимуществом. Исследование опирается на дипломатический анализ сигиллия, ономастические данные (имена свидетелей, топонимы) и сравнительный

² Подробный обзор современного состояния изучения истории мусульман в средневековой Италии см.: [Metcalf, 2009]. Критическую оценку этой работы, а также обсуждение дискуссионных вопросов административной терминологии см. в рецензии Такамы [Takayama, 2019].

материал из «*Consuetudines Panormitanae*» — сборника городских обычаев Палермо, зафиксировавших правовой статус мусульман и обращённых.

Греческий сигиллий имеет полное название — «*Σιγίλλιον Ρογερίου τοῦ Ἀχμετ*», которое указывает на то, что документ носит характер частного акта, скреплённого подписью и печатью дарителя (отсюда термин *σιγίλλιον*, от лат. *sigillum*). В конце греческого текста указано: «*ἔτους παραιρέχοντος ἀπὸ κτήσεως κόσμου σχιθ' μηνὶ φεβρουαρίῳ, ἰνδικτιῶνος δ'*» [Cusa, 1868, p. 19]. Буквенная запись *σχιθ'* (= 6249) давала бы 741 г. н. э., что явно ошибочно. Латинская версия Пирри исправляет эту ошибку: «*anno ab initio mundi 6649, mense Februarii, Indictione 4*» [Pirri, 1733, p. 87]. Вычитая 5508 лет (византийская эра), получаем 1141 г. н. э. Индикт 4-й (с сентября 1140 по август 1141) полностью соответствует февралю 1141 г. Таким образом, документ датируется временем правления короля Рожера II (1130–1154), когда он уже не только принял королевский титул, но и ввёл Арианские ассизы — первый свод законов Сицилийского королевства³.

Хироси Такаяма отмечает, что «в 1140 г. Рожер II оказался единым могущественным правителем всех различных территорий, каждая из которых имела свою историческую идентичность» [Takayama, 1993, p. 163]. Для управления ими он создал местных камергеров и юстициариев, а также учредил *dīwān al-tahqīq al-ma'mūr* для Сицилии [Takayama, 1993, p. 163]. Сигиллий Рожера Хамета, датированный февралём 1141 г., был составлен именно в этот период административной реформы. Его регистрация в диванах и скрепление королевской печатью были частью новой централизаторской политики Рожера II, направленной на усиление контроля над землями и их держателями.

Джереми Джонс в фундаментальном исследовании арабской администрации в норманнской Сицилии относит сигиллий Рожера Хамета к категории частных дарственных, составленных по образцу королевских дипломов, но от имени частного лица. Он отмечает, что этот документ «был личным дарением, сделанным от имени самого Рожера Хамета и скреплённым его печатью, но написанным в королевском дворце в Палермо и выпущенным с явного одобрения и при поддержке самого короля» [Johns, 2002, p. 113]. В отличие от королевских хрисовулов, сигиллий не претендовал на высшую торжественность, но его юридическая сила обеспечивалась королевской санкцией и регистрацией в диванах. Дж. Джонс подчёркивает, что «установленная форма, которой король давал своё одобрение на дарения, совершаемые его придворными, может быть видна в греческом сигиллии, выданном крёстным сыном короля, Рожером-Ахмадом, обращённым из ислама в христианство ...» [Johns, 2002, p. 113]. Таким образом, сигиллий Хамета является не уникальным феноменом, а частью устоявшейся практики, когда частные лица, приближённые ко двору, оформляли свои дарения по стандартам королевской канцелярии.

Сигиллий распадается на несколько смысловых блоков:

1. религиозно-нравоучительное вступление — о превосходстве вечных благ над временными;
2. идентификация дарителя — бывший мусульманин Ахмет, ныне христианин Рожер;
3. обстоятельства дарения — королевский двор в Палермо, осознание тщетности мирского;
4. обозначение получателя — «достопочтеннейший наречённый архиепископ» *Δογέριος Φρεσκά* (Rogerius Fresca);
5. предмет дарения — три селения *Βουργινήσεμρα*, *Χαλιώβ* и *Λασγαδέν* с подробным описанием границ;
6. обязательство защиты — штраф в 40 номисм и анафема на нарушителей;
7. королевское подтверждение — подпись Рожера II и свинцовая булла.

³ О хронологии правления Рожера II см.: [Houben, 2002, pp. xvii — xviii].

Особого внимания заслуживают **арабские элементы**, рассредоточенные по всему документу: топонимы в описании границ (ручей *Μούστα*, холм *ἀεινὴλ βακάρ*, пещера *χαμμέτ τοῦ ἀγαρινού*), имена свидетелей и, наконец, арабская запись на обороте, подтверждающая регистрацию дарения в королевских диванах.

Формула самоидентификации Рожера Хамета — «ὁ... καλούμενος Ἀχμέτ» — звучит вполне подходяще для описания той этносоциальной ситуации, которая складывалась в ходе и после норманнского завоевания Сицилии. Так, Малатерра сообщает о мусульманском правителе Агридженто и Кастроджованни Хамуде, который передал свои владения норманнам и принял крещение вместе с женой и детьми. За это он получил от графа Рожера I земли в Калабрии, где «... *прожив долгую жизнь, всегда от всякого обмана по отношению к нашему племени (норманнам — В.П.) воздерживался*» [Malaterra, 1928, p. 88].

Исследование М. А. Курышевой показывает, что в Южной Италии XII в. греки начинали давать своим детям норманнские имена — Рогерий (Rogerios), Гульельм (Goulielmos) и другие, — чтобы продемонстрировать лояльность новой власти и сохранить своё социальное положение [Курышева, 2006, с. 160–162]. Так, в актах встречаются «Рогерий, сын Григория Левка» (1175 г.) и «Рогерий, сын логофета Мессины» (1189 г.) [Курышева, 2006, с. 161]. Она также отмечает, что «в XII в. для греческой среды Южной Италии характерны те же пути приспособления к местному окружению, которые осваивали норманны в Византии: владение греческим языком, принятие православной веры и взаимное породнение богатых и знатных правящих семей» [Курышева, 2006, с. 162].

В случае Рожера Хамета обращает на себя внимание не только сам факт упоминания старого имени, но и его **акцентная позиция** в самом начале документа. Юридически указание на прежнее имя было необходимо для идентификации лица, владевшего даримой землёй. Если бы Рожер скрыл, что он — тот самый Ахмет, цепочка передачи права собственности оказалась бы разорвана. Кроме того, в норманнском государстве крещение сопровождалось не только сменой имени, но и изменением правового статуса: обращённый получал возможность владеть землёй на тех же условиях, что и христиане [Johns, 2002, p. 37]. Поэтому фиксация старого имени была не просто данью традиции, а **гарантией юридической преемственности**.

В то же время формула несёт мощный религиозный подтекст. Этот нарратив обращения был чрезвычайно востребован норманнской пропагандой. Короли Сицилии, сами происходившие из «варваров-норманнов», стремились представить своё правление как торжество христианства над «сарацинским» прошлым острова⁴. Дарственная Рожера Хамета служила идеальным подтверждением этого тезиса: бывший мусульманин добровольно отрекается от ислама и передаёт свои земли церкви.

Одной из самых ярких особенностей сигиллия являются **списки мусульманских имён**, записанных арабскими буквами и транслитерированных по-гречески. В общей сложности в документе фигурирует более 70 человек, большинство из которых носят типичные арабские имена: *Muḥammad*, *Aḥmad*, *ʿAlī*, *Ḥusayn*, *Ibrāhīm*, *Khalīl* и др. [Cusa, 1868, pp. 17–18]. Кто были эти люди?

Алекс Меткалф, анализируя подобные списки в других документах, приходит к выводу, что в них представлены в основном **зависимые крестьяне**, а также деревенские шейхи и кади [Metcalf, 2002, pp. 309–310]. В XII ст. на западе Сицилии (Валь-ди-Мазара) мусульмане составляли большинство сельского населения, и их имена естественным образом фигурировали в юридических актах [Metcalf, 2003, p. 22].

Присутствие мусульман в качестве свидетелей в христианском документе может показаться противоречащим более поздним нормам, зафиксированным в «*Consuetudines Panormitanae*» (гл.

⁴ См. анализ королевских эпитетов [Metcalf, 2002, pp. 302–303].

XV), где прямо сказано: «*Saraceni... a testimonio repellendi sunt*» — «сарацины должны быть отстранены от свидетельствования» [Siciliano Villanueva, 1894, p. 229]. Однако этот капитул был составлен после III Латеранского собора (1179 г.) и окончательно утвердился лишь в XIV в. [Siciliano Villanueva, 1894, pp. 231–232]. В 1141 г. действовали иные правила. Мусульмане сохраняли право свидетельствовать в делах, касающихся их общины, а их показания, данные под присягой на Коране, принимались в судах [Johns, 2002, pp. 35, 145–146]. Таким образом, присутствие арабских свидетелей в сигиллии Рожера Хамета — не аномалия, а отражение реальной практики середины XII в.

Более того, списки имён позволяют реконструировать **социальную структуру** местного общества. Наряду с простыми земледельцами встречаются лица с почётными титулами: *al-shaykh*, *al-qādī*, *al-‘ālim* [Cusa, 1868, pp. 1–3, 16–19, 540–560; Metcalfe, 2002, pp. 309–310]. Это говорит о том, что Рожер Хамет даже после крещения сохранил связи с мусульманской элитой своих бывших владений.

Особую ценность представляет **арабская запись на обороте** сигиллия, которая гласит: «*Kutiba fī dawāwīn ma‘mūra aw fī dafātir al-ratārā*» — «Записано в действующих диванах или в реестрах нотариев» [Cusa, 1868, p. 19]. Эта лаконичная фраза — ключ к пониманию административной системы норманнского королевства.

При Рожере II была создана сложная финансовая администрация, во многом копировавшая модели Фатимидского Египта. Центральную роль играли два ведомства: *Dīwān al-Taḥqīq al-Ma‘mūr* (с 1149 г.) и *Dīwān al-Ma‘mūr* (с 1145 г.), отвечавшие за регистрацию земель, податей и королевского домена [Johns, 2002, pp. 128–135]. Оба ведомства использовали **арабский язык** как основной рабочий. Запись на обороте сигиллия свидетельствует о том, что дарение Рожера Хамета было внесено в эти реестры, что придавало ему высшую юридическую силу. Любой спор о земле мог быть разрешён путём сверки с королевскими диванами.

Одновременно фраза «*aw fī dafātir al-ratārā*» (или *al-ratārī*) отсылает к греческим нота-риальным реестрам (*βετάρια*), которые вели нотариусы Палермо. Таким образом, документ был зарегистрирован **дважды**: в арабо-мусульманской и в греко-христианской канцеляриях. Это отражает политику «трёх языков» (латыни, греческого, арабского), характерную для норманнского двора [Johns, 2002, p. 284].

Подводя итог значению многоязычной канцелярии норманнских королей, Дж. Джонс отмечает: «Рожер II ввёл двуязычную монету, а его крёстный сын, Рожер-Ахмад, имел двуязычную печать» [Johns, 2002, p. 298]. Это указание чрезвычайно важно, поскольку оно подтверждает, что Рожер Хамет, будучи обращённым, пользовался теми же инструментами репрезентации власти, что и сам король. Двуязычная печать (вероятно, с греческой и арабской сторонами) была не просто элементом оформления документа, но заявляла о принадлежности его владельца к узкому кругу приближённых, которым позволялось использовать такие знаки отличия. К сожалению, оригинальная печать сигиллия не сохранилась, однако Пирри в «*Sicilia sacra*» упоминает, что документ был скреплён свинцовой буллой [Pirri, 1733, p. 87]. Дж. Джонс подтверждает, что такие печати были частью «квази-сакрального» характера королевских документов, которые под страхом смерти запрещалось подделывать [Johns, 2002, p. 298].

Вслед за Рихардом Эттингхаузенем Дж. Джонс утверждает, что арабские надписи в норманнской Сицилии часто оставались непрочитанными, но «буквы были посланием, а не их содержание» [Johns, 2002, p. 299]. Они служили «символическим утверждением перед Богом веры» и «абсолютной политической власти» [Johns, 2002, pp. 307, 311–317]. Это наблюдение в полной мере относится и к сигиллию Рожера Хамета. Арабские имена свидетелей и арабская канцелярская запись на обороте документа были адресованы не столько читателю, сколько зрителю. Для

латинского архиепископа, получившего дар, арабские буквы были зримым знаком того, что документ составлен при королевском дворе, в диване и скреплён королевской властью. Более того, как подчёркивает Джонс, арабская администрация выросла из «мемориалов норманнской власти над завоёванными арабами» [Johns, 2002, p. 300]. Сигиллий арабского землевладельца, в котором бывший мусульманин дарит земли христианской церкви, является именно таким мемориалом — он символически утверждает победу христианства над исламом на языке побеждённых.

Феномен обращённых мусульман не ограничивался скромными землевладельцами. При дворе Рожера II и его преемников существовала целая категория «дворцовых сарацин» (*saraceni palatii*) — евнухов, формально принявших христианство, но часто тайно исповедовавших ислам (практика *такийи*) [Falcandus Hugo, 1897, pp. 25, 56, 115–117]. Такие фигуры, как *qā'id* Филипп, *qā'id* Пётр или *qā'id* Мартин, занимали высшие посты в администрации и войске.

Рожер Хамет не был евнухом и не входил в ближний круг дворцовых сарацин. Однако его публичное обращение отличалось от их религиозной двусмысленности. Он **открыто заявил** о разрыве с исламом, причём сделал это в документе, который должен был храниться в церковном архиве. Чем это было вызвано?

Дж. Джонс прямо помещает дарителя в ближний круг королевской семьи в качестве крёстного сына Рожера II [Johns, 2002, p. 250]. Крёстное родство в средневековой традиции создавало духовную связь, сопоставимую с кровным родством, и налагало взаимные обязательства. Тот факт, что сам король выступил восприемником при крещении бывшего мусульманина, свидетельствует о высоком статусе последнего и о целенаправленной политике Рожера II по интеграции арабской элиты. Дж. Джонс также показывает, что в королевском суде Палермо в 1123 г. наравне с латинскими баронами заседали арабские свидетели, а в качестве доказательств использовались арабские документы, которые читал и толковал кади Палермо [Johns, 2002, pp. 237–238]. Это подтверждает, что Рожер Хамет действовал в среде, где арабский язык и исламские правовые нормы сохраняли свою силу, а обращение в христианство открывало путь к королевским милостям.

Хироси Такаяма в своём фундаментальном исследовании норманнской администрации подчёркивает, что «участие бывших мусульман в центральном правительстве было важной характеристикой сицилийской администрации» [Takayama, 1993, p. 166]. Короли назначали их на ключевые посты не только из-за их знаний и навыков, но и для того, чтобы ослабить власть баронов и укрепить свою собственную [Takayama, 1993, p. 166]. Рожер Хамет, хотя и не занимал высшей придворной должности, был крёстным сыном короля и получил от него земли. Его случай показывает, что обращённые могли интегрироваться в королевскую систему не только как чиновники, но и как землевладельцы, действовавшие в согласии с церковью и короной.

Дж. Джонс обращает внимание на парадоксальный, с точки зрения исламской традиции, характер норманнской арабской администрации. Побеждённые мусульмане обязывались как зимии и как «люди реестров» присягать на Коране [Johns, 2002, p. 35]. Их имена фиксировались в арабских джаридах, и они получали прозвище *rijāl al-jarā'id* — «люди реестров» [Johns, 2002, p. 300]. Эта практика была прямой субверсией исламского обычая, по которому побеждённые христиане включались в Дар аль-Ислам с сохранением своих законов, но на условиях уплаты джизьи. Норманны перевернули эту схему: они заставили мусульман подчиниться христианской власти, зафиксировав их подчинение в арабских документах. Рожер Хамет, приняв христианство и передав свои земли церкви, совершил ещё более радикальный акт субверсии. Он не просто подчинился, но добровольно перешёл на сторону победителей, и его дарение, записанное на греческом языке с арабскими вставками, стало письменным свидетельством этого перехода. Джонс подчёркивает:

«субверсия того, что считалось кораническим предписанием, осуществлялась на арабском языке, на языке, на котором Бог ниспослал Священный Коран» [Johns, 2002, p. 300].

В отличие от дворцовых сарацин, чья ценность для короны заключалась в их административных навыках (и которые могли позволить себе скрытую приверженность исламу), Рожер Хамет был **землевладельцем**, передававшим свою собственность церкви. Ему было необходимо **юридически безупречное** оформление дара, чтобы исключить любые будущие притязания со стороны наследников-мусульман. Открытая демонстрация христианского благочестия и публичное отречение от ислама служили этой цели.

Кроме того, обращение открывало доступ к **материальным благам**. Рожер Хамет прямо говорит, что получил от королевской власти «многие и различные дары» (*πλήστα καὶ διάφορα χαρίσματα*) [Cusa, 1868, p. 16]. По словам хрониста и придворного медика, архиепископа Ромуальда Салернского, в конце жизни Рожер II «всячески старался обратить мусульман и евреев, которых щедро награждал дарами» [Garufi, 1914, p. 235]. Рожер Хамет, вероятно, был одним из таких «щедро одарённых».

Земли, подаренные Рожером Хаметом в 1141 г., оставались в собственности Палермитанской церкви по крайней мере до XVII в. В 1665 г. архиепископ Палермо, опираясь на решение Великого королевского суда, вернул в непосредственное владение архиепископского стола «*feuda, olim Casalia... a Rogerio Charnet dono oblata*» [Pirri, 1733, p. 247]. Хотя имя дарителя в позднейшей передаче исказилось (*Charnet* вместо *Chamet*), сам факт его упоминания спустя более 500 лет говорит о непрерывной юридической памяти.

Показательно, что земли фигурируют в документах как **феоды** (*feuda*), хотя в оригинальном сигиллии они названы *casalia* (деревни, селения). Это отражает трансформацию правового статуса: в XII в. они были частным даром церкви, в XVII в. стали уже частью феодальной системы королевства. Тем не менее исходное дарение сохранило силу.

В историографии имя Рожера Хамета (Ахмета) появляется лишь эпизодически. А. Меткалф упоминает его в одном абзаце как пример обращённого, получившего выгоду от конверсии [Metcalf, 2002, p. 294; Metcalf, 2009, p. 222]. Дж. Джонс в своём фундаментальном исследовании арабской администрации в королевстве не анализирует этот документ подробно, ограничиваясь общими замечаниями [Johns, 2002, pp. 15, 210]. Настоящая статья призвана заполнить этот пробел.

Заключение

Сигиллий Рожера Хамета — это не просто дарственная грамота, а **документ переходного периода**, запечатлевший сложный процесс интеграции мусульманской элиты в христианское норманнское королевство. Анализ формулы «*ἐγὼ Ρογήριος ὁ ... καλούμενος Ἀχμετ*» позволяет сделать следующие выводы.

Юридическая функция. Указание на прежнее мусульманское имя было необходимо для идентификации дарителя и подтверждения его прав на землю, полученную от графа Рожера. Без этой идентификации дар мог быть оспорен.

Религиозная функция. Формула выстроена по принципу контраста «тьма — свет», что усиливало пропагандистский эффект обращения и служило доказательством торжества христианства над исламом.

Социальная функция. Рожер Хамет использовал свой статус обращённого для получения материальных благ от короля. Его открытое отречение от ислама отличало его от «дворцовых сарацин», практиковавших *такийю*.

Культурная функция. Арабские элементы документа (топонимы, имена свидетелей, канцелярская запись) свидетельствуют о том, что арабский язык и культура продолжали играть важную роль на Сицилии ещё долго после норманнского завоевания.

Таким образом, фраза «*olim in fide Saracenorum, tunc vocatus Châmet*» была не клеймом побеждённого, а **продуманным инструментом саморепрезентации**, позволявшим Рожеру Хамету легитимировать свой новый статус и укрепить свои права. Его пример показывает, что в сицилийском королевстве обращение было не только актом веры, но и рациональной стратегией социального и экономического продвижения.

Литература / References

- Курышева М.А. Византийцы и норманны: проблемы симбиоза. *Византийский временник*. 2006. Т. 65(90). С. 149–163 [Kuryshcheva M. A. Byzantines and Normans: the Problems of Symbiosis. *Vizantiiskiy vremennik*. 2006. Vol. 65 (90). Pp. 149–163 (in Russian)].
- Cusa S., *tradotti ed illustrati. I diplomi greci ed arabi di Sicilia pubblicati nel testo originale*. Vol. I. Palermo: Stabilimento tipografico Lao, premiato con diverse medaglie, via Celso 31, 1868 (in Italian).
- Falcandus H. *La Historia o Liber de Regno Sicilie e la Epistola ad Petrum Panormitane Ecclesie Thesaurium*. Ed. Siragusa G. B. Roma: Istituto Storico Italiano, 1897.
- Garufi C. A., ed. Romualdus Salernitanus. *Chronicon. Rerum Italicarum Scriptores*. 2nd ed. Vol. VII, Part 1. Città di Castello, 1914.
- Houben H. *Roger II of Sicily: A Ruler Between East and West*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Johns J. *Arabic Administration in Norman Sicily: The Royal Dīwān*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Malaterra G. *De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius*. Ed. Pontieri E. Bologna: Zanichelli, 1927–1928.
- Metcalf A. The Muslims of Sicily under Christian Rule. Loud G. A., Metcalfe A., eds. *The Society of Norman Italy*. Leiden: Brill, 2002. Pp. 289–317.
- Metcalf A. *Muslims and Christians in Norman Sicily: Arabic Speakers and the End of Islam*. London: Routledge, 2003.
- Metcalf A. *The Muslims of Medieval Italy*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
- Pirri R. *Sicilia sacra disquisitionibus et notitiis illustrata*. Editio secunda. Palermo: Typographia 'Regia', 1733.
- Siciliano Villanueva L., ed. *Raccolta delle Consuetudini Siciliane*. Vol. 1: Consuetudini di Palermo. Palermo: Tipografia 'Lo Statuto', 1894.
- Takayama H. *The Administration of the Norman Kingdom of Sicily*. Leiden – New York – Köln: E.J. Brill, 1993 (*The Medieval Mediterranean: Peoples, Economies and Cultures*, 400-1453; 5).
- Takayama H. *Sicily and the Mediterranean in the Middle Ages*. London – New York: Routledge, 2019.

HUNTING LANDSCAPES OF THE MUGHALS: POWER, NATURE AND CONSERVATION

© 2026

Renu Baliyan¹

The Mughal Empire, which ruled India from the sixteenth to the nineteenth century, was known for its grandeur, opulence, and love for hunting. Hunting was an essential part of Mughal royal life, serving not only as a means of entertainment but also as a way to showcase bravery, martial skills, and imperial power. The Mughal emperors, such as Akbar and Jahangir, would often organize grand hunting parties, which included nobles, courtiers, and other dignitaries. *Shikargah*, also known as *Shikar*, refers to a hunting ground or a game reserve, particularly during the medieval period in India. Hunting grounds were specially created and maintained for royal hunting parties. These areas were often fenced or enclosed to contain the game. *Shikargahs* were also used as game reserves, where animals were bred and raised for hunting purposes. *Shikargahs* were also symbols of royal power and wealth, demonstrating the emperor's control over nature and his ability to provide for his subjects. *Shikargahs* often included royal accommodations, such as pavilions, tents, or lodges, for the emperor and his entourage. *Shikargahs* were managed to ensure a steady supply of game for hunting purposes. During the Mughal Empire *Shikargahs* were an integral part of royal life. *Shikargahs* were equipped with infrastructure such as hunting towers, blinds, and traps to facilitate hunting. The emperors implemented regulations on hunting, including restrictions on the types of game that could be hunted and the methods used, practiced wildlife management techniques, such as habitat manipulation and game reintroduction, to maintain healthy game populations. The emperors and nobles employed various hunting methods, including falconry, hawking, and shooting with guns and bows. The Mughal rulers recognized the importance of sustainable hunting practices and made efforts to balance their hunting activities with conservation goals. This paper aims to explore the various hunting methods and techniques employed by the Mughals, their approaches to conservation, and the organization of their hunting grounds. By examining these aspects, this study seeks to provide a comprehensive understanding of the role of hunting in Mughal India and its significance in the broader context of imperial culture and politics. By exploring royal hunting practices, wildlife management, and imperial authority, the study contributes to discussions in social, environmental, and historical studies. The research is based on historical chronicles, memoirs, and travel accounts, providing new insights into the relationship between power and nature in early modern India.

Keywords: *Shikargah*, *qamargah*, hunting, conservation, *janwar-i-shikar*

For citation: Renu Baliyan. Hunting Landscapes of the Mughals: Power, Nature and Conservation. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 3. Pp. 18–31. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-018-031

¹ Renu Baliyan, Associate Professor, Kumari Vidyavati Anand DAV College for Women, Karnal, Haryana, India; renu.baliyan131@gmail.com.

Рену Балиян, доцент, женский колледж им. Кумари Видьявати, Карнал, Харьяна, Индия; renu.baliyan131@gmail.com.
ORCID: 0009-0003-2874-8205

ОХОТНИЧЬИ ПЕЙЗАЖИ МОГОЛОВ: ВЛАСТЬ, ПРИРОДА И ЕЁ ОХРАНА

Рену Балиян

Империя Великих Моголов, владевшая Индией с XVI до XIX в., славилась величием, богатством и любовью к охоте. Охота была важной частью жизни императорских семей и служила не только развлечением, но и способом демонстрации храбрости, военных навыков и власти. Могольские падишахи, такие как Акбар и Джахангир, часто организовывали огромные охотничьи экспедиции с участием знати, придворных и прочих высокопоставленных персон. Термином *шикаргах* или *шикар* в средневековой Индии обозначались охотничьи угодья или заповедники. Их специально устраивали и оберегали для царской охоты, часто ограждая для того, чтобы дичь не разбегалась. Их также использовали как заповедники, где животных выращивали специально для охоты. *Шикаргахи* были символами имперской власти и роскоши, демонстрируя монарший контроль над природой и способность государя заботиться о подданных. Они часто включали в себя места для размещения государя и его свиты — павильоны, охотничьи домики, палаточные городки. На этой же территории устраивались башни для охоты на крупных хищников, ловушки и места засад. Могольские императоры регулировали охоту, вводили ограничения на определённые виды дичи или методы охоты, манипулировали средой обитания, осуществляли меры для сохранения поголовья животных. Правители и придворные практиковали различные виды охоты: с соколами, ястребами, ружьями и луками, понимали необходимость поддерживать баланс между охотой и сохранением фауны. Статья рассматривает различные методы и технические средства, которыми пользовались Моголы, их подход к сохранению природы и организации охотничьих угодий, анализирует роль охоты в Могольской Индии и её значение в более широком контексте имперской политики и культуры, вносит вклад в изучение истории, социальных и природных проблем. Исследование базируется на материале хроник, мемуаров, травелогов, что позволяет увидеть новые аспекты взаимоотношений между властью и природой в Индии позднего средневековья.

Ключевые слова: *шикаргах, камаргах, охота, охрана природы, джанвар-и шикар*

Для цитирования: Renu Baliyan. Hunting Landscapes of the Mughals: Power, Nature and Conservation. Вестник Института востоковедения РАН. 2026. № 3. С. 18–31. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-018-031

Hunting, or *shikar* has been a cherished royal activity in India since ancient times, persisting as a pleasure-seeking pursuit until Independence. From the early sixteenth to the early eighteenth century, the Mughal Empire underwent a transformation, characterized by the royal insignia, kingship, power, and absoluteness. Notable nobles and elites played a crucial role in shaping the empire's trajectory. The memoirs of Mughal emperors Babur and Jahangir offer valuable insights into the geographical scenario of the time, showcasing their vast knowledge of nature. The Mughal emperors were known for their extensive travels, often with grand entourages, which made their progress a spectacular sight [Farooque, 1977, p. 8].

For the Mughal emperors, hunting was a multifaceted activity that served as a source of pleasure and a means to manage administrative tasks. Hunting expeditions provided opportunities for the emperors to inspect their territories, interact with local officials, and demonstrate their power and authority. The Mughals hunted a wide variety of animals, including tigers, leopards, lions, elephants, antelopes, rhinos, and numerous species of wild beasts and birds. They employed various hunting methods, showcasing their knowledge and skills in tracking and capturing their prey. Some animals, such as *'cheetahs*, deer, buffalos, and falcons, were specifically trained for hunting purposes. This highlights the Mughals' appreciation for the skills and abilities of these animals.

The Mughal emperors frequently received gifts of exotic animals, known as '*janwar-i-shikar*' or 'animals of the chase'. These gifts were presented by vassals, defeated rebels, and foreign dignitaries as a symbol of loyalty, power, and prestige [Thapar, 2013, p. 93]. The term '*janwar-i-shikar*' appears frequently in Mughal records, yet scholars have made limited attempts to identify and document these animals. Uncovering the identities of these 'animals of the chase' can provide valuable insights into the Mughal Empire's cultural, economic, and environmental dynamics [Ansari, 1959, p. 1].

Scholars have proposed various theories and views on human-nature relations during the Mughal era. According to Jos Gommans, Mughal hunting practices served a purpose beyond mere sport. Away from the formalities of court life, hunting created a relaxed atmosphere, reminiscent of Babur's war-band days. This setting fostered new relationships built on friendship and loyalty. Notably, Islamic prescriptions and *adab* (etiquette) cautioned against unnecessary or excessive killing of game. However, hunting remained a cornerstone of Mughal rule during the sixteenth and seventeenth centuries [Gommans, 2002, pp.110–111].

According to Lisa Balabanlilar, hunting was widely justified at the Timurid-Mughal court as a royal duty, an act of mediation between the ruler and the forces of nature [Balabanlilar, 2013, p. 84]. This notion reinforced the idea that only the King was competent to control and regulate the natural world. The Mughal nobility's passion for hunting was deeply intertwined with their loyalty to their Timurid legacy. The royal court's frequent movements provided ample opportunities for the nobility to indulge in hunting, which became a near-daily activity.

In Mughal India the hunt remained, just as for earlier Central Asian Turks and Mongols, a vehicle for display of imperial dominance over nature, proof of the King's ability to tame the wild, to identify and successfully mobilize resources, to publicize his superior administrative skills, and an open-air theatre in which bravery could be publicly tested and appreciated [Balabanlilar, 2013, p. 85]. Thomson observes, 'Akbar hunted the lion, the elephant, and the *yuz*, or hunting leopard, but more to show his imperial courage, and his skill in shooting with the fusil or bow, than from any pleasure he had in the discipline of the pack' [Thomson, 1798, p.75]. Thapar notes that in the Mughal era, demonstrating bravery by fighting a lion or a tiger — even in a controlled setting — was a surefire way to establish one's courage. No one would dare question the valour of such an individual [Thapar, 2013, p. 126]. A notable example of this is Akbar, who, as a young man, reportedly killed a tiger on foot. This feat would have undoubtedly cemented his reputation as a fearless and skilled hunter.

As Abu-l Fazl tried to justify the hunting of Akbar that it was basically a part of Akbar's administrative policies, he comments, 'He lifts up such as are oppressed and punishes the oppressors. On account of these higher reasons His Majesty indulges in the chase, and shows himself quite enamoured of it. Short-sighted and shallow observers think that His Majesty has no other object in view but hunting; but the wise and experienced now that he pursues higher aims' [Abu-l Fazl, III, 1989, p. 293]. Sometimes Abu-l Fazl used to say the hunting march of Akbar, 'spread the shadow of his justice over city' [Abu-l Fazl, III, 1989, p. 328].

He writes about hunting that 'Superficial worldly observers see in killing an animal a sort of pleasure, and in their ignorance stride about, as if senseless, on the field of their passions. But deep inquires see in hunting a means of acquisition of knowledge, and the temple of their worship derives from it a peculiar lustre. This is the case with His Majesty. He always makes hunting a means of increasing his knowledge, and besides, uses hunting parties as occasions to inquire, without having first given notice of his coming, into the condition of the people and the army' [Abu-l Fazl, I, 1978, p. 292].

IMPERIAL HUNTING GROUNDS

In the northern and central part of India there were many imperial hunting grounds, which were preserved by the state for their own pleasure. The Mughal Emperors were very much interested in

a special kind of large-scale enclosed hunting known as *qamargah* (Hunting ground) and such pleasant hunts were frequently arranged for them, in which the important nobles of the state and, sometimes, even the commoners (male and female both) also participated [Ojha, 1975, p. 57].

During the reign of Mughals, we find so many *qamargahs* (hunting grounds) that were situated at Bari, Hisar, Sunnam, Bhatindah, Bhatnir, Nagaur, Narwar near Gwalior, Palam near Delhi, Sheikhpura/Jahangirpur near Lahore, Girjik and Nandina, Jalalabad and Sahara. Jahangir built several country houses and hunting lodges. The most outstanding hunting ground was Shaikhupura near Lahore [Ansari, 1959, pp. 13–14; Habib, 1982²].

Akbar institutionalized hunting by establishing a separate staff for the hunting department. Their primary responsibility was to organize imperial hunts, which involved: Gathering intelligence on animal movements and habitats, coordinating logistics for the hunt and collaborating with local tribal communities for guidance and support. Ultimately, the objective of the hunt depended on the emperor's whim; whether he desired to capture or kill the animal. This level of organization and planning underscores the significance of hunting in Akbar's court. Abu-l Fazl informs that when Akbar starts hunting, 'active *Qarawals* men employed by the Mir Shikar³, ... surrounded the hunting ground, the *Qur*, remaining at a distance of about five *kos* from it. Near the *Qur* the grandees and other people await the arrival of His Majesty. Several near servants off His Majesty have admission to this place; but generally, only such are allowed to come as are required to render services at chase' [Abu-l Fazl, 1978, p. 293].

Jahangir loved hunting and cared little whether there were 'many or few' attendants or whether it was 'rainy or windy' [Jahangir, I, 2006, p. 312]. Basically, the flesh of hunted animals was distributed among the members of royal family or nobles for their consumption and sometimes it was distributed among the poor like charity. Jahangir, after the killings for his own curiosity, measured every rare beast and recorded as rarity in his Memoirs. There are many references of this kind in his account [Jahangir, I, 2006, p. 307]. Manucci observed that the Mughal hunting involved a meticulous and stealthy approach. The hunter would cautiously approach the prey, navigating through vigilant sentinels. At the slightest suspicion, a sentinel would softly cry out, prompting the other sentinels to respond in kind. As the hunter drew closer, the sentinels' cries would grow louder, signalling increased alarm. Upon detecting danger, the sentinels would sound a loud alarm, rousing the entire flock and prompting a swift retreat accompanied by frantic cries [Manucci, I, 2010, p. 184]. Manucci's account highlights the complexity and strategy involved in Mughal hunting practices.

TIGER/ LION HUNTING & METHODS

The Indian wild life has different types of beasts, but the role of big cats as tiger/lion; leopard/'cheetah'/panther have special value and concentration because of their existence nowadays. As they all belong to the *Panthera genus* — 'the name given to the big cats that have a special roar, made possible by the vibration of the thickened vocal folds just below the vocal cords in the larynx' [Thapar, 2013, p. 3]. The tigers were very well known to the Mughals, as Babur commented when he hunted it and mentions that his predators also involved in the hunting of tiger. All the Mughal emperors used to hunt of tigers and the royal hunt organized specially for the amusement. The travellers and the Mughal chronicles have given detailed accounts of various hunts and the existence of tigers in different regions

² See sheets, 4B, 6 B, 8 B.

³ Ansari comments mostly a nobleman was appointed to the post of Qarawals Baigi (chief huntsman) [Ansari, 1959, pp. 13–14]. During the time of Akbar, *Mir Shikar* is mentioned by Abul Fazl but from later accounts it is gathered that *Qarawal Baigi* was a higher post than the Mir Shikar. Usually, a prominent nobleman was made *Qarawal Baigi*. Men like Allahwardi Khan were appointed Qarawal Baigi in the reign of Shahjahan.

of India particularly in Northern and Central India. Many British accounts refer to presence of lions and tigers till the late nineteenth centuries and about their hunts. Mughals employed different methods to catch various prey. As it was royal privilege to hunt lion and tiger. No one killed them unless permission was granted by the King before [Pelsaert, 2011, p. 52; Bernier, 1990, pp. 378–379]. Basically, we do not find so much about tiger and lion hunt in the chronicles of Babur and Humayun. Babur describes that he hunted tiger in 1519, near Bhira, on March, 25, and ‘ordered to be skinned’ [Babur, 2010, p. 393]. Akbar and his successors were involved in this sport very enthusiastically; even Jahangir recorded every detail of the sport. Aurangzeb in the starting phase, there are some incidents could be noted but largely, hunting was not at all a favourite past time of Aurangzeb instead his hunting marches were largely motivated to keep watch on recalcitrant.

There were many methods of tiger hunting. At times for tiger iron cages with open door were prepared and they put goat in, poisoned arrow and bow, tied a sheep to a place in a road frequented by tigers putting round the sheep on the ground small blades of grass covered with glue, and an intrepid experienced hunter gets on the back of a male buffalo and makes it attack the tiger. The buffalo will quickly catch the tiger on its horns, and toss it violently upwards, so that it dies. It is impossible to describe the excitement of this manner of hunting the tiger. One does not know what to admire more, the courage of the rider, or his skill in standing firm on the slippery back of the buffalo’ [Abu-l Fazl, I, 1978, p. 294]. They were especially killed with bows and arrows or matchlocks. Abu-l Fazl comments, ‘His Majesty, from his straight forwardness, dislikes having recourse to such tricks, and prefers with bows or matchlocks openly to attack this brute, which destroys so many lives [Abu-l Fazl, I, 1978, p. 294]. The Mughals also kept tamed and trained elephants for the hunts and taught not to be scared of lions and tigers. ‘To teach them, they take a tiger-skin or lion-skin, and stuff it with straw. Then, just as if it were alive, they move it here and there by a rope. The driver encourages the elephant, and urges him towards the dummy, which with feet and trunk he tears to pieces’ [Berinstain, 1998, p. 46]. Manucci gives references about the hunting of tiger especially with buffalos and other methods in the period of Shah Jahan, but riding on elephants, this way of hunting had much more risk for the hunters. Once it happened to King Shahjahan that a badly wounded tiger bounded up and hung on with its claws fixed in the elephant’s head [Manucci, I, 2010, pp. 184–85]. Accordingly, Shahjahan gave orders for the head of the elephants to be protected in future down to the end of the trunk with a covering of thick leather, studded with sharp nails [Manucci, I, 2010, p. 185].

The Mughals typically hunted tigers while mounted on elephant back, providing a safe vantage point for the encounter. These hunts were meticulously documented by court chroniclers. Akbar, in particular, was known for his bravery in hunting tigers, often venturing out to protect his people from the menace. One notable instance occurred in May 1561, near Narwar, where Akbar personally attacked a tiger: ‘This was the first beast of prey which His Majesty personally attacked. Its cubs were killed by the swords and arrows of a number of brave men who were in attendance on the sublime stirrup.’ This account highlights Akbar’s courage and skill as a hunter, as well as the significance of these events in Mughal court life [Abu-l Fazl, 1989, II, pp. 222–223, 294; Nizamuddin, II, 1913–36, pp. 255, 278, 525].

During the returned journey to Agra, Akbar traversed through the jungles of Mewat, which was a habitat of lions. A hunting excursion ensued, resulting in the unfortunate death of Adil Muhammad, who succumbed to injuries inflicted by a lion. On another occasion, in the district of Basi, Akbar received reports of a man-eater tiger. Mounting his trusty elephant, Nahir Khan, he successfully hunted and killed the tiger. A similar feat was accomplished in the district of Bari, where Akbar killed a tiger that had attacked his elephant. Near Toda, Akbar employed the *qamargah* hunting technique to kill a tiger, thereby saving a man’s life. Furthermore, while traveling between Ranthambhor and Ajmer, Akbar encountered multiple

tigers. Responding to a plea for help from a local man, Akbar bravely killed a tiger, showcasing his valour and commitment to protecting his subjects [Abu-l Fazl, III, 1989, pp. 482–483].

Jahangir demonstrated his marksmanship by killing two tigers near Panipat and Karnal, using the *qamargah* method with a gun [Jahangir, I, 2006, p. 136]. These tigers had been terrorizing travellers, and Jahangir's swift action brought relief to the region. On Jahangir's orders, Shah Jahan successfully hunted a notorious man-eating tiger near Ahmadabad [Jahangir, II, 2006, p. 39]. This tiger had been wreaking havoc on the local population, and Shah Jahan's bravery brought an end to the terror, providing relief to the people.

Emperor Jahangir's hunting exploits were motivated by a desire for pleasure and to demonstrate his superiority over both the beasts and his peers. In his memoirs, Jahangir recounts a particular hunting incident: 'Although I refrain from hunting on Sundays and Thursdays, I made an exception for a noxious animal that needed to be eliminated. I approached the beast, which was resting under a tree, and from the back of my elephant, I fired my gun. The animal was killed instantly' [Jahangir, II, 2006, p. 363]. This account showcases Jahangir's skill as a hunter and his willingness to adapt his rules when necessary.

Although male tigers were typically the target of hunts, there were instances where tigresses were also hunted. Jahangir recounted one such occasion in his memoirs, dating back to 1615: 'Despite my customary preference for hunting male tigers, I made an exception in consideration of Prince Karan's presence. My aim was to shoot the tigress in the eye, and I prayed to God for success. Fortunately, my shot was true, and I was able to fulfil my commitment, avoiding any embarrassment before the prince' [Jahangir, II, 2006, p. 105]. This account highlights Jahangir's hunting prowess and his desire to impress his noble guests.

Royal Mughal women, like their male counterparts, actively participated in hunting, showcasing their bravery and skill. A notable example is Nur Jahan, who shot a tiger in 1619, demonstrating her marksmanship and contributing to public safety. Hunting served multiple purposes, including amusement and protecting people from menacing animals. Nobles also took part in hunting games, sometimes suffering injuries. The attendants and *Ahdīs*, who assisted in these hunts, were rewarded for their services, with some even receiving increased monthly pay after demonstrating bravery, like Jahangir's successful tiger hunt [Jahangir, I, 2006, p. 166].

François Bernier, a French traveller and physician, provides a vivid description of lion hunting in seventeenth-century India, highlighting its exclusivity, danger, and ceremonial nature. Lion hunting was a royal prerogative, reserved for the King and Princes, which required special permission to engage in this perilous sport. After a successful hunt, the King would hold a grand assembly, where the dead lion would be presented, measured, and examined in minute detail. The hunt's details, including the lion's size, skin, teeth, and claws, would be meticulously recorded in the royal archives. Bernier dismisses the popular notion that opium was given to lions to sedate them before hunting. According to the principal huntsman, lions were already lethargic after eating to satiety, making opium unnecessary [Bernier, 1990, pp. 377–379].

Jean-Baptiste Tavernier, a French traveller, provides a detailed account of lion taming near Sidhpur, India: 'four or five lions appeared which they brought to train, and they told me it generally took five or six months, and they do it in this way... A number of people come to this spectacle, and when the provoked lion jumps towards the cord, he has another round his neck which the master holds in his hand, and with which he pulls him back' [Tavernier, I, 2007, pp. 64–66]. Although this tradition has largely disappeared, the state of Gujarat is still home to the Asiatic lions that roam freely in the forest reservoirs of Gir, a testament to the region's enduring connection with these magnificent creatures.

‘CHEETAH CATCHING AND HUNTING

There can be no doubt, that the *‘cheetah (yuz)* [Akhtar, 1996, pp. 381–386; Akhtar, 2008, pp. 158–159, Enayatullah, 2012, pp. 461–469] is the swiftest mammal on earth. They can run up to 70 miles (113 km) per hour. The *‘cheetah* was declared extinct in India in 1952, but under the project *‘cheetah* (2022) which is an effort of the Indian government to bring *‘cheetahs* back and 20 *‘cheetahs* imported from Namibia, South Africa. Presently, in India there are around 30 *‘cheetahs* in Kuno National Park (Madhya Pradesh) around 30 by December, 2025. *‘cheetahs* are not yet fully established in the wild in India, but the reintroduction is ongoing. It is an important conservation effort to restore a lost species.

Akbar was very much fond of *‘cheetahs* as he had many tamed *‘cheetah* in his captivity. There were many methods used to catch *‘cheetah*. Abu-l Fazl informs that “hunters used to make deep holes and cover them with grass. These pits were called *odi*. The leopard on coming near them, fell down to the bottom; but they often broke their feet or legs, or managed by jumping to get out again. Nor could you catch more than one in each pit,” but Akbar invented a new method, which was a good effort ‘a pit only two or three *gaz* deep, and constructed a peculiar trapdoor, which closes when the *‘cheetah* falls into the hole. The animal is thus never hurt. Sometimes more than one goes into the trap’ [Abu-l Fazl, I, 1978, p. 296].

Another method was elaborated, by tiring the animal. It is interesting that *‘cheetah* was hunted after making it tire [forced to run, which tired it]. Other was ‘to fasten nooses to the foot of the tree, when it comes to scratch itself, it gets entangles’ [Abu-l Fazl, I, 1978, p. 296]. Abu-l Fazl shares a fascinating anecdote about the capture of seven *‘cheetahs*: During their mating season in winter, a female leopard was roaming the fields, pursued by six male leopards. She accidentally fell into a pit, and her persistent suitors, reluctant to abandon her, followed one by one into the pit. This unexpected turn of events led to the capture of all seven *‘cheetahs*, creating a rather remarkable scene [Abu-l Fazl, I, 1978, p. 296].

Thevenot, a French traveller, provides insight into the use of *‘cheetahs* for hunting in Ahmadabad: ‘In the heavily forested areas around Ahmadabad, panthers (likely referring to leopards or *‘cheetahs*) were employed for hunting purposes. The governor of the town would oversee the training of these big cats. The ultimate goal was to present these trained panthers to the King, highlighting the governor’s loyalty and the region’s expertise in hunting and animal training’ [Thevenot & Careri, 1949, p. 16]. Thevenot further describes the use of tame leopards for hunting antelopes. These trained leopards were utilized for their speed, agility, and hunting prowess, making them effective tools for hunting antelopes.

Hunting antelopes with tame *‘cheetahs* was a popular game among the Mughals. Skilled huntsmen employed various methods to make the sport more exciting. There were many methods of hunting Antelopes such as *Uparghati* method in which hunters released a leopard to the right of the deer’s location and the leopard swiftly seized the deer with its claws. Another *Righni* method in which a *‘cheetah* spotted the deer from a distance and the collar was removed, and the *‘cheetah* dashed off, jumping from ambush, with perfect skill, the *‘cheetah* caught the deer. The third one was *Muhari* method in which a leopard was placed in ambush, with the wind blowing towards it. A cart was taken away in the opposite direction, perplexing the deer. The leopard suddenly emerged from ambush and caught the deer’ [Abu-l Fazl, I, 1978, p. 299].

Akbar invented a new method called *chatrmandal* for hunting deer with *‘cheetah*, ‘the hunters lie in ambush near a place frequented by deer, and commence the chase from this place as if it was a *qamargah* hunt (in which drivers are used). The *‘cheetahs* are then let off in all directions, and many deer are thus caught’ [Abu-l Fazl, I, 1978, p. 299]. Abu-l Fazl also informs that these efforts of Akbar bore fruits and now *‘cheetah* could hunt twelve deer while the earlier catch were only three. It was a method of amusement, that to apply bet on *‘cheetah* to bring more and more deer. ‘If a *‘cheetah* brought twenty deer, his *doriya* (the man who holds the chain to which the *‘cheetah* was fastened) got five rupees from

his equals. The grandee in charge of *khasa 'cheetahs* got one *muhar* from each bet, by which he made a good deal of money. 'As often the grandee laid before emperor twenty pair of deer horns, (as the deer horns were used to build several minarets between Ajmer to Agra) he takes an *ashrafi* from each of his equals...every one shown his zeal in trying to get as many deer as possible. The skin of the deer was often given to poor people as part of money presents' [Abu-l Fazl, I, 1978, p. 300].

III

DEER HUNTING AND CATCHING

Deer is most common animal of Indian subcontinent. There are many types of deer/antelopes in India, as *Sambhar*, *Barasingha*, *Chausingha*, Leaf deer, *Sangai*, *Chital*, Serow, Goral, Hog deer, Musk deer, Barking deer, Black Buck, *Chinkara*, *Nilgai*, Himalayan Tahr, Kashmiri Stag, *Nilgiri* Stag, *Markhor*, Ibex and Tibetan antelope etc. Indian Subcontinent is the last remaining habitats in Asia for different types of deer, but many of them are in danger nowadays can be seen in zoo or reserves only due to large amount of hunting and catching. Deer was commonly seen in the Mughal painting as landscapes and hunting scenes. Even then it was a pleasure to catch or hunt deer with the trained animals. Common people also very well knew with different species of Indian deer. Deer hunting was also favourite game, sometimes deer were caught for taming and sometimes killed by the other animals who trained for catching deer. Instead, there were also some other methods to catch deer. Deer commonly hunted from the early period in India. Deer was tamed and trained in the Mughal period [Abu-l Fazl, I, 1978, p. 302; Jahangir, I & II, 2006; Thevenot & Careri, 1949, pp. 54–55, Manucci, III, 2010, p. 82], hog deer [Babur, 2010, p. 491], *gini-cow* (ram), *Sambhar*, *nila-gau* (blue-bull) this is most common and largest Indian antelope, and can be seen throughout India. Mughal chronicles and European travelogues describe about various instances related to deer, as Black deer is one of the beautiful antelope of India, which is threatened nowadays.

Babur, describes a unique method of hunting deer: 'A tame deer is prepared by hanging a large stone on one of its feet, preventing it from running far. The tame deer is set opposite a wild deer, and the two engage in a fight, striking and pushing each other. During the fight, the wild deer's horns become entangled in a net attached to the tame deer. If the wild deer tries to run, the tame deer is unable to follow due to the stone on its foot, allowing hunters to capture the wild deer. Captured deer are tamed and used for further hunting. Tamed deer are also used for organized fights' [Babur, 2010, p. 134]. Babur's method showcases the ingenuity and resourcefulness of Mughal hunters in capturing and utilizing deer for various purposes.

Akbar introduced new method for deer hunting, 'more than two hundred may at the same time go deer hunting. They drive slowly about forty cattle towards a place where deer are; the hunters are thus conceded and when arrived enjoy the chase' [Abu-l Fazl, I, 1978, p. 302]. By put tiny net over deer's horns, it was off let against wild deer, so out of fear deer will fight with them. During the struggle, the horn, or the foot, or the ear of the wild deer will get entangled in the net; the deer thus caught passes through a course of instruction, and gets tame. If the net should break, or the deer get tired during the struggle, it will return to the keeper, who either puts a new net on it, or sends out a fresh deer. Sometimes it happens that a wild deer will carry on the struggle from morning till evening, defeating as many as four tamed deer; but at last, it will succumb to the fifth [Abu-l Fazl, I, 1978, p. 302]. These carried nets on their horns 'in which the wild deer that came to attack them became entangled, upon which they were seized' [Pierre Du Jarrić, 1976, pp. 10–11]. The keepers will also bend forward and allow the trained deer to jump on them from behind. Wild deer, on seeing this, will think that they are in the act of copulation, and come near to fight. This way of hunting is disapproved of by Akbar, who uses female deer as a means of making wild

deer fight' [Abu-l Fazl, I, 1978, p. 302]. The methods were popular for hunting deer in that time, were *thangi*, *baukara*, *dadawan*, *ajara* etc. By the different techniques the deer hunting was in the process, after deer killing they used his skin, horns and flesh for their own purposes.

It is interesting that after the victory of Bengal when Akbar proceeded towards the capital Agra he ordered 'that for the comfort of the travellers he issued an order that every *kos* of the way from Agra to Ajmer a pillar (*minar*) should be set up, and be adorned with deer horns so that those who had lost their way might have a mark, and that strength might to be fatigued' [Abu-l Fazl, III, 1989, p. 156, Arif Qandhari, 1993, p. 226]. Badaoni informs that, 'even so many hundreds of thousands of stage's horns which the emperor had killed during the course of his life were placed on these pillars as a memorial to the world. And Mil-shakh 981/1573–74, "Mile-horn" gives the date' [Badaoni, II, 1990, p. 176]. However, significance of putting horns of deer as each *kosminar* is difficult to explain, unless we accept Abu-l Fazl's explanation, that it was done for beautification only, but Badaoni observation shows that hunting of deer was such an extensive level, as very common for amusement. Jahangir also got erected a *minar* at Jahagirpura, which was his hunting place, in Lahore, in the *Dil-Amiz* garden he ordered to erect a *minar* at the head of the grave of an antelope called *Mansaraj*, (gravestone in the shape of an antelope) 'which was without equal in fights with tame antelopes and in hunting wild ones. On a stone of that *minar* was carved this prose composition, written by Mulla Muhammad Husain of Kashmir, who was the chief elegant writers of the day: "In this enchanting place an antelope came into the world-holding (*jahan-giri*) net of the God-knowing ruler Nuru-d-din Jahangir Padshah. In the space of one month, having overcome his desert fierceness, he became the head of the special antelopes'" [Jahangir, I, 2006, pp. 90–91, Elliot & Dowson, VI, p. 309]. Jahangir had shown his sensitivity about that particular antelope, and later he banned further killing of it, 'no person should hunt the deer of this plain and that their flesh should be to Hindus and Muhammadans as is the flesh of cows and pigs' [Jahangir, I, 2006, p. 90].

Bernier comments, 'large numbers of antelopes, very much resembling our fawns in shape; that they move generally in herds; and that every herd, which is never composed of more than five or six' [Bernier, 1990, p. 377]. Manucci describes the use of domesticated deer by Mughal lords for fighting and hunting. Skilled hunters would use these methods to bring deer close to the king's matchlock and a shelter with green branches and small holes was used to conceal the king and hunters. Manucci personally witnessed and experienced these hunting methods multiple times [Manucci, I–II, 2010, p. 81].

ELEPHANT CATCHING

Elephants held a significant place in India, particularly in the eastern and southern regions, where they thrived in the lush, moist jungles. Their importance extended beyond their natural habitat, playing a vital role in various aspects of Indian society. There are two main species: African (genus *Loxodonta*) and Asian (*Elephas maximus*). Unfortunately, the Asian elephant is facing a rapid decline, with only around 50,000 individuals remaining in the wild. India is home to the largest population of Asian elephants, with around 28,000 in the wild and 3,500 in captivity [Trautmann, 2015, p. 12]. The chronicles and memoirs provide rich data pertaining to elephants. Ancient Indian texts like the Vedas, Puranas, Brahmanas, and epics contain a wealth of information on animal care, health management, and disease cure. Palakapya Muni, a legendary sage and elephant expert in ancient Indian tradition wrote *Hastya Ayurveda* [Palakapya, 1894], an ancient Indian text, is estimated to have been written between 500 BCE to 1000 CE. This text is a comprehensive guide to elephant care, covering anatomy, disease treatment, training, and classification, showcasing the advanced knowledge of ancient Indians regarding elephant biology and behavior. The *Arthaśāstra* [Kauṭilya 1915, pp. 195–199] of Kauṭilya mentions the eight elephant forests, grading their

elephants based on quality. As key components of military forces, elephants were considered vital to a kingdom's power and defense, making their protection a top priority. Elephants have a special place in India's art, folklore, mythology, and religious traditions. Their presence in rituals and representations is linked to the continued existence of wild elephants in forests and domesticated ones in human settlements. Elephant hunting and capture were highly valued and risky pursuits during the Mughal period. Elephants held significant importance due to their military and aristocratic demands, high economic value, fetching substantial prices, utilization in warfare and ceremonial events. They used several modes of hunting. Babur provides insight into the extensive efforts dedicated to capturing and training elephants 'as many as 30–40 villages in the region Karrah and Manikpur (west Allahabad along the Ganges) were involved to capturing and training of elephants. Elephant catches had to be reported to the *Diwan*'s office, accordingly they need to pay some amount in the form of tax and 'people answerable (*jawab birurlar*) for them to the exchequer' [Babur, 2010, pp. 488–89]. Abu-l Fazl gives a full section on elephants in *Akbarnama* and *Ain-i Akbari*. During Akbar's reign elephant assumed so much importance that even minute details on their size, behaviour etc. were given by Abu-l Fazl. Connecting the relationship of Delhi Sultans and Mughal emperors vis-à-vis elephants Raman Sukumar writes, 'As with the Delhi sultans, the Mughals continued the tradition of maintaining large numbers of elephants in their armies. The engagement of Mughals with the elephant also changed qualitatively compared to earlier Muslim rulers; the Mughal learnt and used the Indian art of capturing elephants. Some of them developed personal bonds with their animals; individual animals had names and distinct characters in the Mughal accounts' [Sukumar, Raman, 2011, p. 187]. Akbar hunted elephants in Narwar, Gwalior, Garha, Chunar with the various methods. Historical records, provide valuable insights into the significance and management of elephants during the Mughal era. By the method of *kbada*, 'deep *kbada* (pitt) *chor-kbada* take a tame female elephant to the grazing place of wild elephants, deep pit is constructed in a place frequented by an elephant, which is covered up with grass... They soon get tame' [Abu-l Fazl, I, 1978, pp. 295–296, Monserrate, 1922, p. 84; Thevenot & Careri, 1949, pp. 64–65; Manucci, III, 2010, p. 72].

Abu-l Fazl also describes the method which was introduced by Akbar, 'wild herd of elephants is surrounded on three sides by drivers, one side alone being left open. At its several female elephants are stationed. From all sides, male elephants will approach to cover the females. The latter then go gradually into an enclosure, whither the males follow' [Abu-l Fazl, I, 1978, pp. 295–296]. Jahangir also used this method of catching elephants. In 1618, Jahangir embarked on an elephant hunting expedition near Dohad, [Ali Muhammad 1965, pp. 102–103] Gujarat, employing the *qamargah* method. Jahangir's *qamargah* hunting method involved driving the elephants towards a designated area, where they could be captured or hunted. This method required careful planning, coordination, and execution.

Jahangir's elephant hunting expedition in Gujarat yielded a significant number of captures: 'as total elephants caught: "185 (73 males, 112 females) by imperial huntsmen and Faujdar: 122 elephants (47 males, 75 females) and Shah Jahan's huntsmen and elephant-drivers 63 elephants (26 males, 37 females). Jahangir's specific instructions to avoid capturing old or small elephants demonstrate his concern for selective hunting practices' [Jahangir, II, 2006, pp. 12, 24]. Nobles actively participated in elephant hunting, as evident from the account of Jamal Khan's hunting expedition near Sultanpur and Rajpipla, two dependencies of Gujarat, had started for court with 130 of them. As Inayat Khan recorded, 'In these days (16 December 1630), the 70 that had remained alive were presented to His Majesty, and their value amounted to one lakh and 30,000 rupees' [Inayat Khan, 1990, p. 48]. In August 1645, there came 'news from Bengal that 30 male and 26 female elephants were captured by Allah Yar Khan for the royal stud in the forests there, where they abound' [Inayat Khan, 1990, p. 327]. However, Irfan Habib comments that wild elephants previously used to be caught in Dohad and Rajpipla territories; but as 'passes were

closed to them (by human settlements) they were now no longer found there' [Habib, 1982, p. 26]. In Assam also elephants abounded in Kajliban forest and there were four and five other localities where wild elephants could be caught and says that if desired, 500 to 600 elephants could be captured annually in such localities [Habib, 1982, p. 263]. In the Deccan, *suba* Berar *sarkar* Kherla and *sarkar* Ramgir [Abu-l Fazl, II, 1978, pp. 237–238] were the areas where wild elephants could be traced. About the disappearance of elephants Raman Sukumar states, 'An important development for elephants at the height of Mughal power was that, for all practical purposes, the wild elephant populations of central India, with the exception of the region of Orissa and Bihar-Jharkhand, were wiped out. A part of this population in the present-day states of Gujarat, Maharashtra, southern Uttar Pradesh, Madhya Pradesh, and Chhattisgarh, in any case, would have been rather isolated by Mughal times, an all that the Mughal probably did was to deliver the final blow' [Sukumar, 2011, p. 209]. Though elephant are now removed from their natural habitats, in the Mughal territories elephants were found in Hardwar, Kumayun range, Gorakhpur, Agra, Allahabad, Malwa, Madhya Pradesh, Chhattisgarh, Gujarat, Bengal, Bihar, Orissa, Assam and Deccan. Outside the Mughal territories there were other areas also that were not the part of Mughal Empire, as deep South where elephants were found. This localized disappearance resulted primarily from nineteenth-century agricultural expansion and forest clearance rather than Mughal capture practices, as evidenced by Tavernier's late seventeenth-century testimony confirming continued elephant abundance in these regions.

RHINO HUNTING

The great one-horned Indian rhinoceros (*genda*) once existed across the entire northern part of the Indian subcontinent from Pakistan to the Indian-Burmese border, and including parts of Nepal and Bhutan. It may have also existed in Myanmar, southern China and Indochina. However, the species now exists in a few small population units generally situated in north-eastern India and in Nepal [Foose, 1997, p. 8]. Babur's accounts demonstrate his fascination with rhinos, which led him to attempt hunting them multiple times. His descriptions provide valuable insights into the habitats and behaviours of rhinos during the 16th century. He gives description on February 16 in 1519 near Bhira [Babur, 2010, p. 378]. In December, 1525, while passing through jungles near Bigram Babur also hunted rhino. He writes, 'the people had been stationed near-about it. We betook ourselves, loose rein, to the place, formed a ring round the jungle, made a noise, and brought the rhino out, when it took its way across the plain. Humayun and those come with him from the side (Tramontana), who had never seen one before, were much entertained. It was pursued for two miles; many arrows were shot at it; it was brought down without having made a good set at men or horse. Two others were killed. Babur amaze mentions in astonishment that he after visualized rhino-hunting fight but when, 'one came out right in front of some elephants the mahouts were bringing along; it did not face them when mahouts drove them towards it, but got off in another direction' [Babur, 2010, p. 378]. Babur's comment clearly indicates that the two did not see each other as rivals and peacefully co-existed. Except Babur's enthusiasm to hunt rhinos, we do not get any reference of rhino hunting throughout the Mughal period. Abu-l Fazl adds presence of rhino in Kumaun and Sambhal *sarkar* in *suba* Delhi [Abu-l Fazl, II, 1978, p. 285]. Tavernier informs (December, 1665) the friendliness of rhino with humans and comments that often they preferred to eat millet shrubs [Tavernier, I, 2007, pp. 93–94].

Thus, it appears that rhinos during the medieval period largely abounded the north-western passes in India to eastwards along the Gangetic plain to Assam, through Bihar, Bengal and the Sunderbans. However, at present the rhinoceros is restricted to a few reserves in Assam and West Bengal [IUCN, 2008, p. 2]. Rhino skin was used to make military arms. Abu-l Fazl informs that 'from its skin shields are made, from the horn, finger-guards for bow-strings and the like' [Abu-l Fazl, II, 1978, p. 285]. Rhinoceros's

horn is used as ‘an aphrodisiac as well as for curing fever, headache, and hearts and liver troubles in India and China and far East countries [Akhtar, 2008, p. 157].

It seems to be reasonable to assume that much of the aridity of today in Sindh is due to the drastic changes in the courses of the rivers of the region. Today we do not meet those thick marshes there that had Rhino living in it as late as the sixteenth century. This may again be the reason for the disappearance of Rhino from eastern U.P. where Akbar faced it in one of his visits to the region [Ansari, II, 1989, p. xx]. Though it is difficult to conclude where rhino population did actually decline. Even in the nineteenth century, rhino was still having disappeared from much of northern India. Apart from climatic, biotic and temperature changes, mounting demographic pressure forced the animal to make way for human settlements and cultivation. However, the decline of rhino population was caused by habitat destruction and fragmentation for extension of agriculture and later, tea gardens; poaching of rhino for horns which are much in demand in the Middle East, and other parts believed to have medicinal value [Krishna, 2010, p. 204]. Habitat destruction aided hunting and sounded the death knell, pushing the animal to the verge of near extinction [Bose, 2014, p. 80].

CATCHING WILD BUFFALOES

The wild buffalo/Asian buffalo is also a common in the Indian sub-continent. Presently in India they could be exclusive traced mostly in Assam. The population of this beast is on the constantly of decline. It is larger than domestic buffalo. Babur describes about it that ‘It is much larger than the (domestic) buffalo and its horns do not turn back in the same way. It is mightily destructive and ferocious animal [Babur, 2010, p. 492]. By the way of hunting, degradation of wetlands, diseases and many more buffalo factors were behind their reduction. Wild buffaloes were also used for hunting purposes. Abu-l Fazl while narrating the animal hunting of the *subah* of Oudh mentions that here ‘wild buffaloes are numerous. When the plains are inundated, the animals take to the high ground where the people find sport in hunting them. Some of the animals remain all day in the water and only at night approach the dry ground and breathe in freedom’ [Abu-l Fazl, II, 1978, p. 182]. To catch them distinct methods were used. Abu-l Fazl records, ‘at a place where buffaloes sleep, a rope is laid in the ground; but the end forming a loop is left outside. Another long rope is attached to it. To this they tie a female buffalo that wants the male. A courageous active man lies in ambush. As soon as a wild male buffalo comes to the spot, and covers the female, the hunter makes use of the opportunity, and fastens the foot of the male; but it frequently happens that the man loses courage, and has to pay for the attempt with his life. Another mode of catching them is to go near the ponds which they frequent. They put snares the ponds; and sitting on tame buffaloes the hunters go into the water with spears in their hands. Some buffaloes are then killed with spears; others are caught in the snares. A similar method may be adopted when buffaloes are attacked in their jungle pastures’ [Abu-l Fazl, I, 1978, p. 304].

Clearly Mughal hunts and catches of animals and birds were for various purposes. Since as elephant was symbol of royalty that’s why, it was the matter of concern for the State to control the elephant extensively for royal use. Their killing was not noted in any record, but their captive, maintenance and taming the wild was the big concern for the state. Similarly, Tigers were hunted basically to display the royal power as well as it was often done for their personal interest. Many miniatures of Mughal period recorded the ‘cheetah’ hunts. But we do not find any record of killing ‘cheetah’ except once Jahangir killed ‘cheetah’ during his extensive hunting activity in Ajmer. The hunting episodes basically recorded by all Mughal chronicles, [Jahangir, I, 2006, p. 369], but especially the changing outlook of Akbar is noted by them. As from the beginning of his reign, he was continuously involved in hunting, even hunting with

'cheetah was his favourite game, after the expansionist policy particularly after 1579, we found very few episodes of Akbar's hunting [Abu-l Fazl, I, 1978, p. 294]. In 1574, Abu-l Fazl justified the hunting of Akbar, proceed towards capital and he passed from stage to stage, occupied in appearance with the service of administering justice, and the enjoyment of hunting, while in reality he was per pending the divine mysteries, and imparting to society the gifts of seclusion [Abu-l Fazl, III, 1989, p. 152].

After the spiritual inclination of Akbar during *qamargah* hunt, 1579, near Bhira and 'a high order was issued that *qamargah* hunt should be stopped; and the game that had been collected should be allowed to escape...' [Nizamuddin, 1913–1936, p. 512; Abu-l Fazl, III, 1978, p. 345; Badaoni, II, 1990, p. 261]. Observation of Akbar in some manner was too much rare, when the establishment of the empire starts, Akbar tried to extend control in such areas which had also a large number of wild beasts. In some cases, hunting was for pleasure, some for political ambitions, and some for the cause for the people.

Jahangir extolled his own role as imperial exterminator, describing explicit invitations from his subjects to have the emperor rid them of a tiger or lion which threatened their village and portrait his hunting trips as a 'disinterested service to his subjects' [Jahangir, II, 2006, p. 312]. Pelsaert refers to the pleasures of the game of hunting, refers to Jahangir's interest in lion hunting, and says that the emperor, while young preferred shooting to all other forms of sport [Pelsaert, 2011, p. 51]. Jahangir had passion for hunting. Though his account and his scientific bent of mind are the important source for natural history, but his sensitivity towards the beast we can see with the rare animal also

Apart from the justification of public service, hunting served personal and political purposes. Shah Jahan fled plague-ridden Akbarabad and spent his time waiting for the disease to leave the region while hunting across the countryside. Aurangzeb suggested to his son 'Hunting is the business of idle persons. It is very reprehensible for one to be absorbed in worldly affairs, and to disregard religious matters' [Bilimoria, 2009, p. 15]. He wrote to Mahammad Azam, 'it seems that you passed one month in shooting cranes near the river Tali, (a river in Khandesh in Berar). Though hunting is an occupation which gives pleasure and delicious food, yet it is more pleasant when indulged in after being disengaged from the execution of important affairs, to do which is your bounden duty' [Bilimoria, 2009, p. 34]. The Mughal emperors' motivations and attitudes towards hunting and killing animals were also influenced by their personal thoughts and characteristics. For instance, Akbar's personality underwent a significant transformation after 1578, leading to a change in his views on killing creatures. Similarly, Jahangir abstained from hunting between 1618 and 1622, while Aurangzeb showed limited interest in hunting, likely due to his strong religious convictions.

References

- Abu-l Fazl. *Ain-i Akbari*. 2 vols. Tr. by H. Blochmann and H. S. Jarrett. Revised by J. N. Sarkar. Delhi: Oriental Books Reprint Corporation, 1978.
- Abu-l Fazl. *Akbarnama*. 3 vols. Tr. by H. Beveridge. New Delhi: Atlantic Publishers, 1989.
- Akhtar E. 'The *'cheetah* and the Mughals.' *Proceedings of the Indian History Congress*, 57th Session. Madras, 1996.
- Akhtar E. Zoological Interest of the Mughals (with Special Reference to the *'cheetah* and the Rhinoceros). *Essays in Medieval Indian History and Culture*, ed. by Shahabuddin Iraqi. New Delhi: Manohar, 2008.
- Ali Muhammad Khan. *Mirat-i-Ahmadi*. Tr. by M. F. Lokhandwala. Baroda: Oriental Institute, 1965.
- Ansari M. A. The Hunt of the Great Mughals. *Islamic Culture* 32, no. 1 (1959).
- Ansari M. A. *Geographical Glimpses of Medieval India*. Vol. 2. Delhi: Idarah-i-Adabiyat-i-Delli, 1989.
- Badaoni, Abdul Qadir. *Muntakhab-ut-Tawarikh*. Tr. by G. S. Ranking, W. H. Lowe, and W. Haig. 3 vols. Delhi: Atlantic Publishers, 1990.

- Babur Zahiru'd Din Muhammad. *Baburnama*. Tr. by A. S. Beveridge. Delhi: Low Price Publications, 2010.
- Balabanlilar L. *Imperial Identity in the Mughal Empire*. New Delhi: Viva Books, 2013.
- Bernier F. *Travels in the Mughal Empire, 1656–1668*. Tr. by Archibald Constable. Revised by Vincent A. Smith. New Delhi: Atlantic Publishers, 1990.
- Berinstain V. *Mughal India: Splendours of the Peacock Throne*. London: Thames and Hudson, 1998.
- Bose S. From Eminence to Near Extinction: The Journey of the Greater One-Horned Rhino. *Shifting Grounds: people, animals, and mobility in India's environmental history*. Ed. by Mahesh Rangarajan and K. Sivaramakrishnan. Delhi: Oxford University Press, 2014.
- Du Jarric P. *Akbar and the Jesuits*. Tr. by C. H. Payne. New Delhi: Tulsi Publications, 1976.
- Elliot H.M. & J. Dowson, *History Of India As Told By Its Own Historians*, vol. VI, Calcutta, 1867–77, reprint, Allahabad, 1972.
- Foose Thomas J., and Nico van Strien, eds. *Asian Rhinos: Status Survey and Conservation Action Plan*. Gland and Cambridge: IUCN, 1997.
- Gommans J. *Mughal Warfare: Indian Frontiers and High Roads to Empire, 1500–1700*. London: Routledge, 2002.
- Habib, Irfan. *An Atlas of the Mughal Empire: Political and Economic Maps with Detailed Notes*. New Delhi: Oxford University Press, 1982.
- Inayat Khan. *The Shah Jahan Nama*. Ed. by W. E. Begley and Z. A. Desai. Delhi: Oxford University Press, 1990.
- Jahangir. *Tuzuk-i-Jahangiri (Memoirs of Jahangir)*. Tr. by Alexander Rogers. Ed. by Henry Beveridge. New Delhi: Low Price Publications, 2006.
- Kautilya. *Arthashastra*. Tr. by R. Shamasastri. Bangalore: Government Press, 1915.
- Khan E. Akbar and His 'cheetah'. *Proceedings of the Indian History Congress*, 73rd Session, 2012.
- Krishna N. *Sacred Animals of India*. New Delhi: Penguin, 2010.
- Manucci N. *Mogul India, 1653–1708*. Tr. by William Irvine. 3 vols. Delhi: Low Price Publications, 2010.
- Monserate A. *Commentary on His Journey to the Court of Akbar*. Tr. by J. S. Hoyland. Cuttack: Mission Press, 1922.
- Nilakantha, *Matanga-lila* Tr. in English by Edgerton, F. as the Elephant -Lore of the Hindus, Delhi: Motilal Banarsidass, 1985.
- Nizamuddin Ahmad. *Tabaqat-i-Akbari*. Tr. by B. De. Calcutta, 1913–1936.
- Ojha, P. N. *North Indian Social Life during the Mughal Period*. Delhi: Oriental Publishers and Distributors, 1975.
- Palakapya. *Hastya Ayurveda*. Ed. by Sivadatta Sarma. Pune: Anandashram Press, 1894.
- Pelsaert F. *Jahangir's India*. Tr. by W. H. Moreland and P. Geyl. Delhi: Low Price Publications, 2011.
- Ruka'at-i-Alamgiri (Letters of Aurangzeb). Tr. by Jamshid H. Bilimoria. Delhi: Idarah-i-Adabiyat-i-Delli, 2009.
- Silverman B. *Can You Tell a 'cheetah from a Leopard?* Minneapolis: Lerner Publications, 2012.
- Sukumar R. *The Story of Asia's Elephant*. Mumbai: Marg Foundation, 2011.
- Tavernier J.-B. *Travels in India*. Tr. by V. Ball. Delhi: Low Price Publications, 2007.
- Thapar V. *The Tiger in Time*. New Delhi: Aleph Book Company, 2013.
- Thevenot, J. de, and Careri G. F. G. *Indian Travels*. Ed. by Surendranath Sen. Delhi: National Archives of India, 1949.
- Thomson, Pennant. *The View of Hindoostan*. Vol. 2. London: Henry Hughes, 1798.
- Trautmann, Thomas R. *Elephants and Kings: An Environmental History*. Chicago: University of Chicago Press, 2015.

ГЕНОЦИД МОНГОЛОВ В XIX в.: МЯТЕЖ СЕКТЫ ЦЗИНЬДАНЬДАО

© 2026

С.Л. Кузьмин¹

В статье проанализирован мятеж секты Цзиньдандао и примкнувших к ней представителей других китайских сект в 1891 г. на востоке Внутренней Монголии. Мятеж был направлен против монголов, христианских миссионеров и новообращённых китайских христиан. В результате погибли десятки тысяч человек, подавляющее большинство из них — монголы, на ряде территорий монгольское население было истреблено или разбежалось. Массовое переселение монголов из зоны мятежа привело к изменению демографического состава и ухудшению положения населения Внутренней Монголии. Мятеж Цзиньдандао не был антиимпериалистическим или антифеодальным. Это был эпизод китайской колонизации Монголии, межнациональный конфликт, созданный колонистами. Показано, что действия мятежников в отношении монголов соответствуют современному международно-правовому понятию геноцида.

Ключевые слова: Монголия, Китай, империя Цин, мятеж Цзиньдандао, геноцид

Для цитирования: Кузьмин С. Л. Геноцид монголов в XIX веке: мятеж секты Цзиньдандао. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 32–51. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-032-051

GENOCIDE OF THE MONGOLS IN THE NINETEENTH CENTURY: THE RIOT OF THE JINDANDAO SECT

Sergius L. Kuzmin

The article analyzes the riot of the Jindandao Sect and members of other Chinese sects who joined it in 1891 in the east of Inner Mongolia. The riot was directed against the Mongols, Christian missionaries and newly converted Chinese Christians. As a result, tens of thousands of people were killed, the vast majority of them Mongols, and the Mongolian population was exterminated or scattered over a number of territories. Mass migration of the Mongols from the affected area led to change in the demographic composition of the population of Inner Mongolia. The Jindandao riot was neither anti-imperialist, nor anti-feudal. It was an episode of the Chinese colonization of Mongolia, an interethnic conflict raised by the colonists. It is shown that actions of the rioters against the Mongols correspond to the modern concept of genocide in international law.

Keywords: Mongolia, China, Qing Empire, Jindandao riot, genocide

For citation: Kuzmin S. L. The Mongol Genocide in the Nineteenth Century: Riot of the Jindandao Sect. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 32–51. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-032-051

¹ Кузьмин Сергей Львович, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. Kuzmin, DSc (Hist.), PhD (Biol.), Principal Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; ipe51@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9544-1359

В истории Внутренней Азии есть недостаточно изученные эпизоды. Одним из них является тот, который привёл в XIX в. к масштабной гибели монголов и турбулентности во Внутренней Монголии. Для анализа этого следует вначале кратко остановиться на статусе и ареале монголов в тот период.

В период китайской (ханьской) империи Мин монголы, потеряв китайские домены своей империи Юань, сохраняли условное единство на исторически населённых ими территориях. Однако междоусобицы, разрушившие империю Юань, обострились, препятствуя реинтеграции монгольских земель. Это стало одним из факторов успеха формирования империи маньчжуров.

В первые десятилетия XVII в. юго-восточные аймаки исторической Монголии — Аохан, Хорчин, Харчин (Харачин), Джалайт, Горлос, Найман, Тумэт, Баарин, Оннюд, Джаруд и др. приняли подданство маньчжурскому хану Хунтайджи (Абахая) с поднесением ему титула всемонгольского хана — Богдо-хана (Богдыхана), то есть верховного или священного хана, императора. Вследствие этого Хунтайджи заменил прежний этноним своей народности «чжурчжэнь» на «маньчжур» и провозгласил империю Цин. При последующих цинских императорах почти вся историческая Монголия на разных основаниях подчинилась им. Монголы верно понимали это как подчинение маньчжурской империи Цин, а не захваченному ею Китаю (подробнее см. [Дмитриев, Кузьмин, 2014]).

Подчинение и в ряде случаев произвол чиновников не отменяли важного преимущества этой ситуации перед предыдущей независимостью: на земле монголов воцарились мир и спокойствие. Колонизация их земель китайцами запрещалась установлениями «Лифаньюань» — «Палаты внешних сношений», или «Палаты по управлению внешними (или зависимыми) регионами». Такое положение сохранялось до XIX в. Однако проникновение китайцев (ханьцев) на земли монголов началось ещё в XVII и особенно XVIII в. Причиной был быстрый рост населения в китайских провинциях Чжили, Шаньдун и Шаньси. Вначале стали предоставлять землю «для обустройства народа», но на самом деле это была политика освоения земель и укрепления имперских границ. Затем были учреждены области, уезды и должности судей [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 1]. К середине XIX в. китайцы заселили уже значительную часть Внутренней Монголии, особенно южную и юго-восточную.

Со второй половины XIX в. заселение ханьцами территорий севернее Великой китайской стены стало официально поощряться. В 1878 г. вышел правительственный указ, разрешавший частным лицам покупку и сдачу в аренду участков земли во Внутренней Монголии. В 1880 г. были основаны колонизационные бюро, число которых возрастало. Эта политика вела к недовольству монголов. К концу XIX в. накапливались их претензии к местным властям: в некоторых хошунах (княжествах) монголы были вынуждены теперь покупать у китайцев землю по ценам, более чем в 30 раз превышавшим те, за которые они когда-то её продали [Позднеев, 1898, с. 131, 354].

Результатом стало возрастающее напряжение между монголами и китайскими колонистами, что привело к масштабному столкновению. Это событие, известное как инцидент, или восстание, или мятеж Цзиньдандао, описано в ряде китайских и западных источников, что позволяет в целом восстановить картину происходящего. Но многие детали оставались малоизвестными. После 1959 г. в КНР стали восхвалять этот мятеж как «Великое крестьянское восстание секты Цзиньдандао» [McCaffrey, 2011, p. 538] против империализма и феодализма. Были случаи не только его восхваления, но и фальсификации лозунгов мятежников, чтобы скрыть их национальный характер [Borjigin, 2004, pp. 43–53]. Даже в японской публикации есть утверждение, что это восстание относится к начальным этапам антифеодальной, антироссийской и антияпонской борьбы, национально-освободительного движения [Sato, 1984], причем его антимонгольская

направленность проигнорирована. Игнорировалась она и в советских статьях, где это восстание оценивалось как антифеодальное и антидинастическое [Калужная, 1963, с. 78–79; Тихвинский, 1971, с. 75]. Правда, даже в КНР появляются работы, где признаётся, что этот мятеж представлял собой кровопролитные убийства в виде мести между ханьцами и монголами, национальный конфликт, в котором обе стороны понесли потери [Тан Кайцзянь, Чжан Юй, 2005, с. 17–22].

Важные документы опубликованы в 1892 г. в «North China Herald» (факсимиле: [The anti-foreign riots..., 2003]) и в официальном цинском бюллетене «Цзинбао», известном как «Peking Gazette» [Translation..., 1892].

Весьма важной является работа Ван Гоцзюня (Буянбилэгту, 1853–1921), оставившего ценные записки о мятеже, очевидцем которого он был [Ван Гоцзюнь, 2006]. Его отец Чоглу в хошуне Барун-Харачин Внутренней Монголии занимал в то время должность мэйрэна (заведующего делами княжеской канцелярии). Есть детальные обзорные и аналитические работы [Hyer, 1977; Shek, 1980; Borjigin, 2004], в которых использованы не только документальные материалы, но и собственные данные, собранные на местах. Основаны они преимущественно на цинских, китайских и монгольских источниках. Детально описаны также земельные и другие отношения монголов и китайцев [McCaffrey, 2011].

В то же время примечательно почти полное отсутствие русскоязычных данных, хотя в тот период Российская империя проявляла растущий интерес к Монголии и Маньчжурии. Донесения российских дипломатов в империи Цин, сохранившиеся в АВПРИ, немногочисленны и касаются лишь действий мятежников против христиан, которые указаны там как главная цель мятежников (например, [АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 109, л. 217–218; д. 110, л. 116–119об., 226–227]). Очевидно, это связано с особым интересом российских дипломатов к положению христиан и лучшей информированностью о них. Например, в одном из донесений российского посланника в Пекине А. П. Касини сказано, что, за немногими исключениями, многочисленные жертвы — китайские христиане [АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 109, л. 241–242об.].

Одно из наиболее полных описаний — малоизвестная брошюра российского монголоведа А. М. Позднеева. Через два года после мятежа — в 1893 г. он посетил империю Цин. Одной из целей этой поездки было «выяснение обстоятельств, причин и значения сказанного восстания». Материал он собирал в разных частях этой империи, а затем посетил саму область восстания, где «видел ужасающие следы зверства, с которым производилось оно, говорил как с победоносными усмирителями этого восстания, так и с заключёнными в оковы повстанцами; ещё важнее — я наблюдал среду, из которой одинаково вышли как виновные повстанцы, так и их умиротворители» [Позднеев, 1896, с. 1–2]. Результаты своего исследования он опубликовал в журнале «Церковные ведомости» в 1895 г., а затем — в той самой брошюре в С.-Петербурге в Синодальной типографии в 1896 г. Этот материал полностью вошёл в его фундаментальную монографию [Позднеев, 1898, с. 244–273].

Цель данной работы — описание мятежа Цзиньдандао, недостаточно известного в отечественной историографии, а также прояснение вопроса о том, был это межнациональный или социальный конфликт.

Предпосылки и подготовка мятежа

Монгольские земли, где проходил мятеж, примыкают с севера к восточной части Великой китайской стены. Это все пять княжеств Дзосотуского сейма (Барун-Харачин, Дунд-Харачин, Дзун-Харачин, Барун-Тумэд, Дзун-Тумэд) и четыре — Джоудаского сейма (Аохан, Дзун-Оннюд,

Барун-Оннюд, Найман). Эта территория в конце XIX в. обозначалась как Жэхэ. Она включала не только два монгольских сейма, но и китайскую префектуру Чэндэ. Жэхэ представляла собой район или округ провинции Чжили. В административном отношении Жэхэ находилась под двойной юрисдикцией: монгольские земли управлялись традиционной монгольской аристократией, а китайцы с XVIII в. управлялись китайской администрацией в Чэндэ. В случаях судебных процессов между монголами и китайцами окончательное решение выносили чиновники Лифаньюаня [McCaffrey, 2011, pp. 531–535].

Два указанных сейма раньше других монгольских земель подверглись китайской колонизации. В Дзосотуском сейме монголы первоначально были заинтересованы в китайских крестьянах. В XVIII в. монгольские князья предоставляли им земли, жилища и колодцы бесплатно, лишь с небольшим ежегодным налогом деньгами и зерном. Вначале монголы были рады наплыву китайцев, которым сдавали в аренду земли, до того не приносившие доходов, вели торговлю с ними. К 1872 г. в трёх хошунах харачинов и двух хошунах тумэдов было уже 8838770 китайских поселенцев. Они всё больше увеличивались в числе и требовали всё больше прав и власти, задерживали выплаты. К концу XIX в. монголы там составляли всего 15% населения [Позднеев, 1896, с. 3; Borjigin, 2004, pp. 45–52]. Они пытались сохранить своё жизненное пространство. Кроме того, их взгляд на землю отличался от китайского. Они считали, что земля — общая собственность хошуна, и монгол, принадлежащий к нему по праву рождения, имеет право селиться в любой его части и пользоваться его ресурсами. Переходя к оседлости, монголы считали, что обработка участка не даёт права считать его своей собственностью, он может находиться во временном безвозмездном пользовании [Фрозе, 1911, с. 104–105].

Ван Гоцзюнь приводит следующие причины возникновения монголо-китайской вражды на этой территории:

1) «С течением времени ханьцы всё больше превращались из гостей в хозяев, обижали и унижали монголов, что стало распространённой практикой. Во время уплаты аренды они намеренно создавали трудности, то ссылаясь на неурожайный год, то на нехватку денег, из-за чего недоплачивали первоначальную сумму; или затягивали во времени, заставляя землевладельца долго ждать. В день отъезда, собрав [для уплаты] мясо, муку и прочее, ещё вычитали расходы на ежедневное пропитание, и к тому же часто были случаи отказа от уплаты аренды».

2) «Монголы, будучи по натуре простодушными и прямыми, в большинстве своём не имели опыта и не разбирались в делах; каждый раз, под предлогом сбора аренды, они подолгу жили в домах арендаторов, их проживание, поведение и действия невольно вызывали неприязнь, чего они сами не осознавали и не замечали. Если что-то было немного не так, они часто по мелочам ворчали без конца. Арендаторы же, хотя в лицо и не спорили, в душе не могли не таить обиду».

3) «Монголы сами считали себя “хозяевами, занявшими горы” (имеются в виду хозяева, распахавшие целину и занявшие пастбища), поэтому пользовались всем — деревом, землёй, камнями, дровами и пастбищами — по своему усмотрению. У ханьцев же иначе: всё вышеперечисленное, в чём бы они ни нуждались, приходилось покупать. Более того, им не разрешалось самостоятельно перевозить [это], обязательно нужно было использовать монгольские повозки и лошадей. Если кто-то нарушал, его штрафовали, пороли плетью, конфисковывали [имущество]».

4) «В монгольских землях, на горных угодьях, землях князей и гунов, а также на “горах фэншуй” (风水山) и в тому подобных местах было много дров и травы, но всё это строго запрещалось [использовать], не разрешалось рубить и заготавливать произвольно. Только монголы, будь то с разрешения или тайком, могли это делать. Ханьцам же категорически запрещалось рубить в горах дрова и косить траву. Если кто-то нарушал, и дело было серьёзным, то его отправляли

в ямынь [присутственное место] правителя хошуна для наказания. Если же дело было пустяковым, то “туньда” (屯达), “пайтоу” (牌头) и другие ловили нарушителя, дрова и траву сжигали в куче, а верёвки, коромысла, топоры, серпы забирали в свою собственность, произвольно пороли и беспрестанно оскорбляли».

5) «Князья, тайджи, табунаны и другие имели в различных местах самый высокий авторитет и власть. Каждый раз, выезжая, при встрече с прохожими они приказывали всем уступать дорогу и становиться у обочины; независимо от того, женщины это, старики, дети, монголы или ханьцы, все должны были: едущие в повозке — выйти, едущие верхом — спешиться и стоять навывтяжку, к тому же не разрешалось держать руки за спиной или курить. Стоило в чём-то не угодить, как [стража] мгновенно подскакивала на лошадях, и [виновный] сполна вкушал плети».

6) «Изначально, при обустройстве народа, выделенная земля имела излишки пустошей. Теперь же [земля] была полностью распахана, возникли недостатки — много земли, но мало аренды. Монголы желали провести обмеры, чтобы увеличить арендную плату, а ханьцы, надеясь извлечь выгоду, часто собирались на сходки, всем миром сопротивляясь и не разрешая [этого]. Из-за этого возникали судебные тяжбы, продолжавшиеся годами; хотя справедливость и устанавливалась официально, ханьцы всё равно думали только о внесении арендной платы и призывали к сопротивлению».

«Поскольку между двумя сторонами существовали разного рода неприязненные чувства, стали распространяться слухи, росли подозрения, любители смуты намеренно разжигали и сбивали с толку, женщины и дети также передавали [сплетни], болтали языками, и это стало источником, породившим бедствие» [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 1–2].

С начала XIX в. на данной территории успешно действовали католические миссионеры. Число католиков-китайцев быстро росло, но среди монголов миссионерство было почти безуспешным. Иностранцы (в основном бельгийцы и французы) вызывали отвращение у китайцев показным богатством, высокомерием и чрезмерно ревностной защитой своих обращённых, некоторые из которых часто пользовались зарубежными связями, чтобы нарушать закон и запугивать соседей. Весной 1891 г. возник спор о разделе зерна. В ходе ссоры католики убили несколько членов секты Цзайлицияо. Власти дело замяли. Ситуация продолжала обостряться. Начиная с мая беспорядки против иностранцев вспыхивали в китайских провинциях Цзянсу, Аньхой, Чжэцзян, Цзянси, Хубэй, Хунань, Шаньдун, Чжили и Сычуань [Shek, 1980, pp. 173–176]. А в Жэхэ в конце лета 1891 г. наводнения уничтожили урожай. Это усугубилось притоком голодающих, спасавшихся из пострадавших от наводнений районов на юге Чжили [McCaffrey, 2011, p. 540].

Значительная часть китайских колонистов состояла из разорившихся крестьян, ссыльных, деклассированных элементов, членов антиправительственных организаций, сект и т. п. Китайские секты были весьма активны. Распространялись настроения против маньчжуров — как завоевателей Китая, монголов — как других «варваров» и против христиан. В целом «автономия хошунов давала силу монголам, а иностранная защита давала силу католикам» [Позднеев, 1896, с. 4; McCaffrey, 2011, pp. 537–538]. При этом надо учитывать, что коренное население этой территории составляли монголы, в отличие от католиков и китайцев других религий.

В мятеже участвовала секта «Путь Неизменного Принципа» (在理教 Цзайлицияо). Эта синкретическая секта, включавшая элементы буддизма, даосизма и конфуцианства, возникла в XVIII в. от китайского буддийско-даосского движения «Белый Лотос» (白蓮教 Байляньцияо), существовавшего уже много веков и неоднократно поднимавшего восстания². Одним из них было восстание «Красных повязок» 1351–1368 гг., вследствие которого Китай из части монгольской империи Юань вновь стал независимым государством — ханьской империей Мин. В XIX в. секта

² Подробнее см.: Поршнева, 1972.

Цзайлицзяо широко распространилась среди китайских колонистов. Она существует до сих пор. Важные её черты — отказ от алкоголя, курения и опиума, солидарность и взаимопомощь её членов, которые были людьми воинственными и смелыми [Shek, 1980, pp. 163–171].

Однако главную роль в мятеже сыграла даосская секта «Путь Золотого Эликсира» (金丹道 Цзиньдандао), возникшая от того же «Белого Лотоса». Секта Цзиньдандао возникла в 1881 г. Её полное название — «Врата Не-Деяния, Путь Золотого Эликсира — Одна Палочка Благовоний» (无上门 • 金丹道 • 一炷香 Ушанмэнь Цзиньдандао Ичжусян). Сотрудничавшие с ней тайные общества и секты включали Цзайлицзяо, «Врата Воинственного Мудреца — Золотой Колокол» (武圣门 • 金钟罩 Ушунмэнь–Цзинчжунчжао) и «Культе Желтой Овцы» (黄羊教 Хуанянцзяо). Цзиньдандао организовала в 1891 г. «Мятеж красноповязочных разбойников» (红巾贼之变). Мятежники использовали красные повязки на голове как отличительный знак. Монголы называли их «красношапочники» (улаан малгайтан), в то время как ханьцы пренебрежительно называли это восстанием «Красноголовых сестёр» [Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 20].

Секта Цзиньдандао в основном действовала в южной части монгольского аймака Аохан, вокруг резиденции его князя и южнее, включая районы Цзяньчана, Цзяньпина и Чаояна. Гора Дахэйшань с её обильными лесами и травами служила центральным пунктом для укрытия. Географически это место находилось между сектой Цзайлицзяо в районах Харачина, Пинцюаня и Чифэна и Ушунмэнь–Цзинчжунчжао в районах Цзиньчжоу, Ичжоу и Бэйчжэня. В показаниях главаря Цзиньдандао Ян Юэчуня говорится, что он создал эту секту под руководством «старика-даоса Го с юга реки Янцзы». В «Летописи уезда Чаоян» о «Пути Золотого Эликсира» записано следующее: «Расследование показывает, что секта Учения Совершенствования (Сюэхаоцзяо) изначально была еретическим учением, лжеучением, сбивающим народ с толку. В начале годов правления Гуансюй она создала молельные дома в деревнях Чаомидяньцзы и Няньпаньгоу на юго-востоке уезда Чаоян. Проповедовавшим учение и бывшим наставником был один даос. Они собирались ночью и расходились днём, в секту могли вступать как мужчины, так и женщины. Овладев [искусством], [последователи] становились неуязвимыми для пуль, могли взмывать на облаках и т. п. Впоследствии местные влиятельные и здравомыслящие люди изгнали его; он тайно бежал в северную часть Чаояна, в местности уезда Цзяньчан и аймака Аохан, где в доме врача Ян Янь (Юэ)чуня в деревне Янцзяваньцзы создал молельный дом... Все главы именовались “наставниками”. Ян Янь (Юэ)чунь был главным наставником. К осени 17-го года [правления Гуансюй, 1891 г.], следуя методу Чжан Цзяо, предводителя «Жёлтых повязок», [они], видя, что расположили к себе народ, сочли, что момент нельзя упускать, и тогда Ян Янь (Юэ)чунь и первоначальный даос собрали глав всех молельных домов... на совещание, поставив целью “вымести монголов и уничтожить Цин”, чтобы завоевать положение. Начали же с того, что убивали монголов, чтобы излить накопившуюся обиду» [Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 29–30].

Ян Юэчунь родился в 1841 г. в Янцзяваньцзы, в Шэлихугоу бывшего уезда Цзяньчан в аймаке Аохан. Его отец, Ян Чжаньшань, родом из Шаньдуна, арендовал княжеские земли для обработки и рано умер. Ян Юэчунь был вторым из трёх братьев, а в роду по старшинству шёл третьим. В молодости он содержал аптеку. Примерно в 13 с лишним лет, используя удалённое расположение гор Дахэйшань, под видом врачевания он организовал Цзиньдандао. За 10 с лишним лет он разбогател и построил усадьбу, прилегающую к горе, в форме укрепления. На небольшом склоне рядом он собирал людей для обсуждения дел раз в месяц (кто жил близко) и раз в год (кто далеко) [Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 30–31].

Ян Юэчунь показывал на допросе, что пришёл в юго-восточную Монголию, создал секту, присвоил себе титул главы «школы по основанию государства», действовал из вражды к монголам

под предлогом уничтожения христианства [Позднеев, 1898, с. 244–255, 350–351]. Ян утверждал: он слышал, что князь Аохана хочет отправить монгольские войска убивать ханьцев и вернуть их земли. Другой сектант говорил, что в прошлом году двое его племянников были арестованы и казнены за рубку дров на территории Аохана. Эти события можно объяснить положением монголов Аохана: к этому времени все долинные земли там были колонизованы китайцами, а монголы были вынуждены ютиться по отлогим местам гор и выпасать скот на покрытых лесом вершинах. Китайцам понадобилась и древесина этих лесов, что вызывало противодействие монголов [Позднеев, 1896, с. 8].

Сохранились китайские документы о принципах Цзиньдандао: 1. Не брить волосы. 2. Не пить спиртное. 3. Не курить табак. 4. Не совершать насилия. 5. Не играть в азартные игры. 6. Не скрывать монгола. 7. Не присваивать чужую собственность. 8. Проявлять сыновнюю почтительность. 9. Не убивать тяглогового вола. 10. Не запугивать людей. Среди дисциплинарных предписаний Ян Юэчуна были следующие. «Любой в нашей армии и среди гражданских лиц, кто освобождает монгола или скроет (монгольского) родственника или друга, будет казнён». «Монголы — наши старые враги. Любой, о ком станет известно, что он отпустил или скрыл монгола из сочувствия, будет немедленно казнён, а его дом и имущество отойдут доносчику» [Borjigin, 2004, pp. 57–58].

Под руководством Ян Юэчуна летом 1891 г. шла тайная подготовка к мятежу. Бандитизм в конце лета и начале осени ставил целью заготовку провианта и фуража для последующего выступления [Ван Гоцзюнь, 2006, и комм. Ма Си, Сюй Шимин в его кн., с. 3, 28–29].

Ход мятежа и его ликвидация

Мятеж 1891 г. начался в четырёх китайских уездах на монгольской территории — Пинцюань (平泉), Цзяньчан (建昌), Чаоян (朝阳) и Чифэн (赤峰) под лозунгом «Убивать, чтобы освободить землю».

В уезде Цзяньчан произошел бунт против католиков. Сообщается, что его подняла секта Цзайлицзяо [McCaffrey, 2011, p. 540]. По данным Позднеева, это была Цзиньдандао, и события развивались так. Летом 1891 г. из-за гибели урожая местное население голодало. Китайские чиновники и купцы п. Санцзяцзы решили раздать хлеб, но стали делать это через одного из учёных этой секты — Сюй Чжуна, возглавлявшего банду разбойников. Купцы наняли его стоять в охране у дверей хлебных магазинов в надежде, что хотя бы часть крестьян из страха перед ним не станет брать хлеб. Но крестьяне его убили. Опасаясь мести банды, люди распустили слух, что убийство совершили христиане. Появились призывы к их уничтожению. В результате 4 ноября 1891 г. начался погром иностранцев в Санцзяцзы. Там было убито и несколько сот семей китайских христиан. Мятежники двинулись на окружной г. Пинцюаньчжоу. Европейские миссионеры обратились за помощью к местным властям, но те отнеслись к этому равнодушно. Мятежники же заявили, что идут не против правительства, а хотят отомстить христианам за убийства и сожжение домов. Глава города объявил, что не может выступить против такой силы, а в погребах местной католической миссии найдены груды костей китайских детей, съеденных европейцами, и масса трупов детей с вынутыми глазами и сердцами. После этой прокламации восстание приняло ещё большие размеры. Местные чиновники и солдаты поддерживали мятежников — фактически было санкционировано уничтожение католиков [Позднеев, 1896, с. 4–6]. Сообщалось о больших жестокостях мятежников [The anti-foreign riots..., 2003, p. 66].

На знамени их главаря появился ханьский националистический лозунг: «Да возвысится великая Минская династия и да падет Цинский дом». Здесь примечательны две вещи. Монгольские

земли не входили в империю Мин, но желавшие свергнуть Цин ханьские националисты в 1891 г. считали их своими. А позже ведшие Синьхайскую революцию 1911–1912 гг. ханьские националисты считали так же.

Российский консул в столице Внешней Монголии Урге Я. П. Шишмарёв сообщал 18 мая 1892 г. директору Азиатского департамента МИД Д. А. Капнисту следующее.

«Спокойное положение Монголии было несколько встревожено в прошлом году появлением мятежнических китайских шаек в юго-восточной Монголии, грабивших монгол. Князь Аоханский бэйлэ, старшина монгольского сейма, с семейством поплатился жизнью за принятие военных мер против мятежников. Подробности появления шаек, их действия, стычки с китайскими войсками, рассеяние и многочисленные казни министерству известны из донесений тяньцзиньского консульства, в окресте которого находятся по соседству с Жэхэ означенные монгольские хошуны, подведомственные Ли Хунчжану — цзилийскому генерал-губернатору. Мелкие грабительские шайки из разного сброда появлялись в той местности ежегодно и преимущественно весной, во время голодное, бродя по разным дорогам до окрестностей Долоннора. В минувшем же году шайки появились довольно численные, состоящие преимущественно из китайцев, и грабежи приняли большие размеры, причем мятежники старались показать, что имеют характер восстания против нынешнего маньчжурского правительства. Мятежники распространили между монголами слух, что они действуют если не с целью свержения маньчжурской династии, то для возвращения того порядка правления, который существовал в первое время воцарения маньчжур, когда управление носило дух китайский, народ ведался высшими и низшими маньчжурскими и китайскими властями в таком порядке, что из шести правительственных лиц один был маньчжур, а пять китайцев, в последнее же время администрация, суд и хозяйство в руках маньчжур, чиновничество исключительно маньчжурское, попирающее китайский дух и традиции, злоупотребления доведены до крайних пределов, народ терпит гнет. Отсюда делался вывод, что и сношения с европейцами будут иметь для Китая губительные последствия, видимо проявляющиеся в портах и теперь, и которые постепенно распространятся далее в страну; монголам возмутители внушили ту же идею, хотя подобное проповедование на монгольской почве пока бесплодно. Тревожатся и сомоны, соседние с Монголией» [АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 562, л. 150–165]. Под последней имеется в виду Внешняя Монголия.

Ян Юэчунь на допросе показывал, что мятеж начался с нападения на ставку бэйсэ (князя) Аохана в полночь 9 октября 1891 г. и продолжался менее двух месяцев [Borjigin, 2004, p. 50; Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 20]. Нападение он объяснял тем, что этот князь, став председателем Джоудаского сейма, безудержно творил насилия, пытки и даже убийства, а пострадавшие вместо обращения к властям задумали месть [Sato, 1984, p. 284]. Ян так описал начало мятежа. Он приказал наставникам своей секты собрать учеников, каждый должен был мобилизовать 800 чел. 10 ноября они напали на резиденцию князя Аохана. Тот сбежал со своими приближёнными. Мятежники убили всех оставшихся мужчин и женщин и разграбили семейные княжеские могилы. На следующее утро они отразили нападение более сотни монгольских воинов, заняли резиденцию князя и переименовали его хошун в «Территорию Основного государства» (кай го фу). Китайцы провозгласили Ян Юэчуна вождём. Он приказал готовить оружие и флаги. Они захватили огнестрельное оружие и боеприпасы, чтобы сражаться с монголами и правительственными войсками [McCaffrey, 2011, pp. 54–542]. В нападении участвовали около 2000 мятежников [Shek, 1980, p. 177].

Ван Гоцзюнь описал эти события подробнее. У князя Аохана — Дагчин-бэйсэ был плотник Ван, которому он доверял. Но этот плотник тайно связался с мятежниками и ночью открыл им ворота в резиденцию. «Толпа бандитов хлынула внутрь, поднялся шум, [они] заблокировали двери всех комнат, не позволяя никому выйти. Хотя при бэйсэ было несколько слуг, они оказались

заперты в комнате, не могли бежать и, услышав тревожную весть, все затрепетали от страха. А бандиты врываются в комнаты, обыскивали и убивали, не спрашивая, мужчины это, женщины, старики или дети, убивали всех. И при каждом убийстве выкрикивали: “Ну что, ещё будете есть сало? (尔等尚吃粗乎?)³ Ещё будете показывать свою мощь?” — не переставая ругаться. Одновременно они грабили драгоценности, одежду, деньги, а во дворе запрягали его мулов и лошадей в повозки для погрузки или использовали мулов и лошадей для перевозки ценного имущества. Мулов, лошадей, риса и зерна не осталось совсем. После этого они подожгли [резиденцию] и ушли, прихватив всё. В тот момент лишь старший сын бэйсэ, один, с помощью слуги по имени Насун-Бату (那逊巴图), воспользовавшись суматохой, был тайно вынесен на спине и избежал ужасной участи. <...> Был ещё младший брат бэйсэ, лама, живший в монастыре, который не пострадал, — это нынешний, носящий титул гуна, так называемый “Третий лама Аохана” (敖汉三喇嘛). Спустя несколько дней дзасак-ван собрал войска и отправился осмотреть [место]. Все погибшие в помещениях были с обгоревшими головами и лицами, некоторые превратились в груды угля, невозможно было опознать; те, кто погиб во дворе, лежали обнажёнными, с отрубленными руками и ногами, было невыносимо смотреть, ужасно и трагично до крайности; к тому же были разбросаны красные и зелёные шелковые ткани, мужская и женская дорогая одежда, все ещё валялось во дворе, никто не подбирал. Затем [ван] приказал подготовить гробы, приблизительно определить [личность] по внешности, кое-как собрать и положить в гробы, после чего отдал приказ своим владениям вновь мобилизовать солдат, чтобы подготовить план уничтожения [бандитов]». При захвате резиденции погибло более 200 чел., включая князя Дагчина — правителя аймака Аохан и председателя Джоудаского сейма, а также почти всех 23 родственников князя. Поблизости проживали тысячи монголов, которые тоже стали жертвами мятежников. Спаслись указанные выше малолетний князь, лама и ещё несколько десятков человек [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 5–6; Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 34]. Была утеряна официальная печать сейма, что препятствовало управлению сеймом и вызывало опасения, что она будет использована незаконно [Hyer, 1977, p. 111].

Некоторые детали захвата резиденции князя Аохана привёл Позднеев. «Ставка аоханского вана защищалась пять дней, и неистовства овладевших ею инсургентов превосходят всякое описание. Рассказывают, что, ворвавшись в ставку, китайцы не только перебили всех мужчин до одного человека, но четвертовали убитых и развешивали по кольям и деревьям части их тела. Опьяненные кровью солдаты приказывали женщинам убивать овец и готовить кушанье, а сами между тем подбрасывали на пики младенцев этих женщин. Про мятежного предводителя северных шаек Лю-го-чжэнь⁴ говорили, что, усевшись обедать в доме аоханского князя, он заставил прислуживать себе жену одного тайчжия (младшего княжича). Женщина была беременна и тем привлекла к себе внимание пировавших. Лю-го-чжэнь заспорил с одним из своих собеседников, мальчика родит эта женщина или девочку; ударили о заклад и тотчас же решили его, распоров живот несчастной и вытащив из ее утробы ребенка. Другую такую же беременную женщину они сожгли заживо, облив ее предварительно керосином» [Позднеев, 1896, с. 9; 1898, с. 251].

После захвата резиденции князя Аохана Ян Юэчунь превратил её в «столичный дворец основанного государства» («Кайгофу»), облачился в расшитый драконами халат, надел головную повязку пяти цветов. Затем он послал банды мятежников на север, юг и восток — в хошуну монголов — оннюдов, найманов, харачинов и тумэдов. По подсчётам Яна, каждый из его отрядов насчитывал не менее 5000 чел. По мере продвижения они пополнялись. Монгольские войска были

³ 粗 (cū) — здесь подразумевается сало (猪油/肥肉), грубая, жирная пища. В оригинальном контексте это уничижительное обозначение монгольской пищи — прим. перев.

⁴ Ли Гочжэнь.

разгромлены — в основном из-за численного превосходства мятежников, недостатка и несовершенства оружия у монголов. Однако и мятежники были в основном плохо вооружены — кухонными ножами, топорами, серпами, выпрямленными и заточенными на конце мотыгами [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 6; Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 35; McCaffrey, 2011, pp. 543–545]. Однако имелись также ружья и пушки.

Мятежники ненавидели местность Ванцзыфэнь, где было родовое поместье предков харачинского вана (князя), где всегда запрещали рубить дрова и где они подвергались унижениям. Они собрали людей, стали жечь и грабить окрестные деревни Тайчэн, Синьчэн, Сыханьчэн, Цигуаньинцзы и другие, истребляя всех монголов. Немногие успели бежать. «Когда они подожгли гробницы на горе, били в большой барабан с ручкой, дули в большие медные трубы (всё было награблено из ламаистских монастырей), одновременно поджигали, кричали, чтобы усилить свою мощь». В это время мэйрэн Чанмин и Сангижав командовали 50 офицерами и солдатами княжеского хошуна и стрелками-охранниками. Увидев на горизонте пожары и движение нападавших, они бежали. «С этого времени бандиты стали ещё более наглыми и бесстрашными, жгли княжеские гробницы, храмы, погребальные павильоны... были и те, кто раскапывал могилы в поисках сокровищ. Затем они врываются в деревни, грабили рис и зерно, жгли дома. В деревнях были старики, старухи и три-пять старых лам, которых уговаривали быстро бежать, но те не слушали и говорили: “Разбойники ведь пришли за деньгами и богатством, когда придут, пусть берут имущество и шелка, сколько хотят, тем более что их и нет! Мы стары и скоро умрём, что они нам сделают? Убьют — так убьют, рано или поздно не избежать смерти!” Те, кто не бежал и остался сторожить дома, были все убиты» [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 6–7].

Бежавшие от мятежников Чанмин и Сангижав вернулись в резиденцию харачинского князя Вандутнамжила, который был председателем Дзосотуского сейма, и с преувеличениями рассказали о свирепости мятежников и обстоятельствах сожжения гробниц — преувеличивая, чтобы скрыть свою вину. Тогда князь отправил членов семьи в столицу для спасения, а сам с чиновниками хошунного управления остался в резиденции. Непрерывно прибывавших беженцев из Аохана, тумэдских и харачинских хошунов он приказал разместить по окрестным дворам с поставкой продовольствия, с обещанием возмещения хозяевам в будущем [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 8].

Мятежники за 2–3 дня разошлись для грабежей и убийств по территории более 200 км с востока на запад и более 150 с севера на юг: в аймаке Аохан, двух хошунах Тумэда и находящихся там китайских поселках. Банда Ли Гочжэня двинулась на север и разорила хошун Дзун-Оннюд и аймак Найман. На востоке сектанты Цзиньдандао объединились с сектантами Цзайли, чтобы разграбить г. Чаоян и хошун Дзун-Тумэд. Чаоян был захвачен 14 ноября. Здесь мятежники выпустили из тюрьмы преступников, сожгли городское управление, налоговый орган и буддийский монгольский храм. Они награбили деньги, драгоценности, одежду, верблюдов для вывоза награбленного, разрушили дома. Возникали всё новые банды и, по сведениям сановника Ли Хунчжана, в течение немногих дней их численность достигла десятков тысяч человек. Ставку князя хошуна Дзун-Тумэд 20 ноября атаквали около 1000 мятежников. Князь с 200 воинами засел за каменную ограду храма и повёл перестрелку с нападавшими. Бои длились два дня. Он проиграл их, потеряв более 100 чел., и с оставшимися ушёл в Маэринцзу, откуда отправил запрос о помощи маньчжурским властям [Позднеев, 1896, с. 8–9; Shek, 1980, pp. 177–180; Ван Гоцзюнь, 2006, с. 7; McCaffrey, 2011, pp. 543–545; Translation..., 1892, p. 189].

Из Тяньцзина сообщали о ситуации в Чаояне так. Ещё в августе отряд в 300 конников из Чаояна атаковал оплот 1000 бандитов и разгромил их. 9 ноября генерал Е Чжичао прибыл с ежегодной инспекцией в окрестности Чаояна, и отряд конников покинул город для смотра. Главарь бандитов

узнал об этом, захватил оставшийся без защиты город, перебил городское правление и объявил правителем себя. Его силы быстро увеличились до 6000–7000 чел. [The anti-foreign..., 2003, pp. 67–68]. Обычные ханьцы в большинстве присоединялись к бандитам, некоторые богатые семьи занимали двойственную позицию, а те, кто жил близко к княжеским резиденциям и не мог открыто проявлять враждебность, выжидали подходящего момента для действий [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 6–8].

В бандах находились даосские священники (даоши), которые во время боёв совершали ритуальные действия, вдохновлявшие мятежников и призванные дать победу. Солдаты в боях старались сразу убивать их.

Главарь мятежников присваивал себе княжеские титулы. Предводитель мятежа Ян Юэчунь объявил себя «великим священнослужителем вотчины, основавшей династию» [Позднеев, 1898, с. 253; Shek, 1980, pp. 178–179, 185; The anti-foreign..., 2003, pp. 71, 74, 75 etc.]. В монгольских княжествах Аохан, Тумэд и Найман действовали главарь мятежников Ян Юэчунь из Цзиньдандао и Го Ванчан из Цзайли. В хошунах харачинов мятежников возглавляли Чжао Цзиньгуй, Лю Сяньтан и Сюй Сяочжи. В регионе к югу от Цзяньчана, в районе Гаоэрдэна и Санышицзяцзы наибольшую власть имели Дун Цзе, провозгласивший себя «Князем, покоряющим Запад» (Пинси ван), и Фу Ляньсинь («Князь, покоряющий цинскую династию» — Пинцин ван). Центром последнего региона был Чифэн на севере, граничащий с монгольскими хошунами Оннюд. Здесь базировался Ли Гочжэнь — «Воинственный мудрец, покоряющий Север» (Саобэй ушэнжэнь). Все монгольские деревни, буддийские монастыри и католические церкви были сожжены. Мятежники преследовали и убивали бежавших монголов. Они создали банду «Общество обхода гор» (巡山会), специально для поиска людей, скрывающихся в глубоких горах и оврагах. Повсюду пошли слухи, что бандиты, читая заклинания, становятся неуязвимыми для мечей и копий, повсюду выпускают огненных петухов, изрыгающих огненные шары, деревни загораются сами и т. п. Монголы верили этому и заранее бежали. Не успевшие бежать группами по 30–50 чел. пытались тайно скрыться и, если на пути встречались 3–5 ханьцев, не смели сопротивляться, падали ниц, умоляя о пощаде, но не получали её и подставляли шею под удар [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 7].

«Ханьцы повсюду, близкие и дальние, все, у кого была предварительная договорённость, поднялись как один, каждый с красной повязкой на голове, с оружием в руках, только и крича: “Убивать! Убивать!” Встречавшихся монголов ни одного не щадили» [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 6]. Монголы подвергались истреблению по национальному признаку. Там, где монголы и ханьцы жили вперемишку, жертвами становились только монголы — мужчины и женщины, миряне и ламы (хотя среди мятежников были последователи синкретических верований, включавших буддизм). Сжигались христианские и буддийские монгольские храмы, но другие храмы, не принадлежавшие монголам, были пощажены; китайцев не убивали [Ньер, 1977, p. 111; McCaffrey, 2011, pp. 544–545] — очевидно, кроме китайцев-христиан.

Мятежники использовали лозунги: «Встретив монгола, убей без разъяснения», «Победим Цин и уничтожим монголов» (в КНР публиковался в фальсифицированном виде: «Победим Цин и уничтожим людей Запада»), «Уничтожим монголов в виде мести» (в КНР фальсифицировалось так: «Уничтожим монгольскую знать в виде мести»). Прокламации мятежников не упоминали «западную религию», но полны упоминаний «варваров» и «монголов». Следуя представлениям о крестьянском восстании на закате империи Юань, мятежники общались друг с другом, вкладывая бумажные листки с надписью «Убивайте монголов» в лунные пироги, приготавливавшиеся к празднику середины осени 15-го числа 8-го лунного месяца [Borjigin, 2004, pp. 43–53]. Был также лозунг «Убивать, чтобы освободить землю» [Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 20]. Он показывает причину истребления монголов.

Крупнейший гарнизон в охваченной мятежом области располагался в Чэндэ, где был летний дворец императора. Не желая оставлять этот город без охраны, дутун (военный губернатор) Жэхэ не спешил посылать свои войска. Вскоре дутун Дэ Фу из-за того, что мятеж был слишком крупным и ему было не избежать наказания за упущения в мерах предосторожности, принял яд и умер [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 17].

К харачинскому вану явился гун Ринчиндорж и вызвался возглавить войска для подавления мятежников, набрать солдат и офицеров. Был создан и вооружён отряд более чем в 500 чел., который выступил против мятежников и через несколько дней достиг хребта Суншулян в 50 км от княжеской резиденции. «По дороге они встретили бежавших монголов, ведших стариков и детей, горько плачущих и рыдающих... К тому же эта зима была холоднее, чем в предыдущие годы, плюс снег глубиной более чем в чи⁵, замерзшие насмерть лежали на обочине дороги — не счесть сколько; а молодые беременные женщины рожали на обочине дороги, некогда было позаботиться [о ребенке], бросали и уходили». Вскоре они встретили отряды мятежников численностью в несколько сот человек и в нескольких боях полностью разбили их. Теперь настроение монгольских солдат изменилось: они хотели вернуться в резиденцию князя — возможно, потому что захватили много добычи. Что и было сделано. Теперь старосты монгольских и ханьских общин, не примкнувшие к мятежникам, собрали и привели отряды более 300 чел. каждый для защиты княжеской ставки. Другой монгольский отряд в 500 чел. был разбит в бою мятежниками в хошуне Дунд-Харачин, потеряв более 100 чел. убитыми и ранеными [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 9–12].

Более 2000 монголов, бежавших из Аохана и других хошунов во главе с Сарингой, решили идти в резиденцию харачинского вана и, дойдя до места Шаньцзуйцзы (山咀子) к западу от р. Ляохэ, остановились на ночлег. Там они встретили местного бандита Ли Гуя, который заявил, что основные вопросы улажены, и предложил им остаться для борьбы с мятежниками. Затем он пригласил Сарингу и других мужчин на пирушку. Те поверили и пришли. Выйдя после выпивки, они увидели зарево пожара в Шаньцзуйцзы. Оказалось, что поселение, где оставались лишь женщины, старики и дети, атаковала банда мятежников. Женщины отстреливались до тех пор, пока ружья не перегрелись. «Бандиты перелезли через стену, подожгли дома и атаковали изнутри, что привело к падению [деревни]. Все монголы в деревне, около 2000 чел., были перебиты: некоторых разрубили косой, других притащили к каменным корытам и зарубили там, впоследствии десятки каменных корыт были заполнены человеческой кровью. Бандиты, убив человека, отбрасывали тело в сторону, затем брали пучок гаоляна и поджигали его на труп. С женщинами обращались особенно жестоко: после изнасилования они резали их ножами в интимных местах. Маленьких детей насаживали на кончики пик, забавляясь их предсмертными муками. Стояли сильные морозы, женские трупы лежали на спине с вытянутыми ногами, замерзшие в непристойных позах» [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 13–14]. Похоже, что здесь мятежники вели себя сходно с тем, что описал Позднеев (см. выше).

Против мятежников выдвинулись знаменные гарнизоны Фэнтяни и силы Зелёного знамени Чжили. Эти подкрепления прибыли через 10–14 дней после начала восстания. Мукденский командующий Цзо Баогуй двинулся на подавление мятежников в хошуны тумэдов. Генерал-губернатор Чжили Ли Хунчжан мобилизовал войска под командой генерала Е Чжичао, Пань Ваньцая, Люй Бэньюаня, Не Шичэна и других. Командующий Жэнь Юнцин и другие расположились в уезде Миюнь в Жэхэ, заместитель дутуна Ван во главе конного отряда в 100 чел. прибыл в резиденцию харачинского вана. Последний подробно описал ситуацию. Е Чжичао назначил командующего летучим конным отрядом и монгольских проводников [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 14–15]. Войска, в отличие от мятежников, имели современное оружие и действовали организованно. Часть пути войска

⁵ 1 чи = 34 см.

проехали по железной дороге, насколько линия была построена. Это был первый случай, когда цинские экспедиционные силы использовали железную дорогу [Shek, 1980, p. 182].

Мобилизация войск отражала стратегию Ли Хунчжана, которая заключалась в наступлении на мятежников с трёх сторон: войска Фэнтяня атаковали с востока, войска Чжили — с юга, силы Сюаньхуа — с юго-запада. Фэнтяньские войска 20 ноября вступили в бой с мятежниками. Первую победу они одержали в деревне Шуйчуаньтунь к востоку от Чаояна. В течение нескольких последующих дней в ходе боёв погибли сотни мятежников, потери войск были намного меньше [Shek, 1980, pp. 180–185]. По данным Позднеева, этот отряд имел до 10 сражений, главнейшими из которых были два: в г. Хэйчэнцза и урочище Дачжуанцза. В первом было убито более 1000 мятежников, взято в плен и казнено более 90, во втором уничтожена вся банда в 2000 чел. [Позднеев, 1896, с. 10–11].

Чжилийские войска после нескольких стычек выиграли большой бой 28 ноября в районе Цзяньчана. Погибло около 800 мятежников, включая 10 главарей. В ходе дальнейшего наступления эти войска совместно с монгольским отрядом побеждали мятежников, несмотря на их численное превосходство. Самый кровавый бой произошёл 4 декабря в Маоцзяопу. Мятежники численностью около 2000 чел. подготовили укрепления в местности Сюйсяо, создав нечто вроде форта, перед ним разместили пушки. Через несколько часов боя войска победили мятежников. Последние потеряли убитыми 1300 чел., включая трёх главарей. Ещё один главарь был пойман и обезглавлен. Чжилийские войска преследовали мятежников, уходивших на север к Чифэну. 6 декабря были захвачены и обезглавлены ещё три главаря в местности Эрсичацзу. Фэнтяньские войска одержали важные победы в первые две недели декабря. Несколько главарей мятежников погибли, несколько были захвачены и обезглавлены [Translation..., 1892, p. 188; Shek, 1980, pp. 180–185; The anti-for-eign riots..., 2003, pp. 74–77].

Теперь войска могли сосредоточиться на севере, куда отступили мятежники. Оплотом последних стал уезд Чифэн: 2 декабря 1891 г. под предводительством Ли Гочжэня сектанты заняли г. Уданьчэн. Он находился в монгольском хошуне Дзун-Оннюд. Резиденция хошунного князя была сожжена [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 19]. Укреплённый храм Бэйдасы стал оперативной базой мятежников. Солдат было более 4000, разделённых на пехотные и кавалерийские роты и размещённых на протяжении 25 км между Уданьчэном и хошуном Баарин на севере. Они прибыли 15 декабря. После боя мятежники отступили в храм. Взяв его, войска захватили 4 пушки, 15 полевых орудий, 500 винтовок, мечи, копыя и 200 лошадей. Раненый Ли Гочжэнь, о жестокостях которого сказано выше, попал в плен. После допроса он подвергся казни линчи (отрезание кусочков в течение длительного времени) [Hyer, 1977, p. 108; Shek, 1980, p. 186; Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 44; McCaffrey, 2011, pp. 545–546].

Главным оплотом мятежников оставалась резиденция аоханского князя. По рассказам, правительственные войска здесь в первый день разбили банду мятежников в 2500 чел. Но сильнейшие банды находились примерно в 21 км оттуда в урочище Сячжангао. Е Чжичао хотел овладеть этим пунктом, но мятежники численностью 4000 чел. атаковали первыми. В бой они шли с раскрашенными, зачернёнными тушью лицами, наклеенными бородами из красных ниток, намазанными носами, кричали заклинания, поднимали вверх своих даоши. К вечеру войска пошли на приступ окопов врага. Мятежники ушли в своё укрепление в Сячжангао, потеряв несколько сот убитыми и ранеными. 18 декабря войска захватили это укрепление. Последняя банда была разбита 20 декабря на золотом приiske Силиху. Там был взят в плен Ян Юэчунь с отцом, дядей и племянниками [Позднеев, 1896, с. 11–12].

Итак, восстание было подавлено к концу декабря. Цинский двор направил двух высоких сановников — Ли Хунчжана и Гуй Биня для руководства восстановлением. Было роздано 100 тыс.

серебряных таэлей нуждающимся семьям, выданы тысячи ватных курток тем, кто лишился жилья, открыты пункты раздачи каши голодающим. С приближением весеннего сева были выделены семена, орудия труда и лошади семьям, потерявшим всё. Сановники опасались конфликта в районах, где монголы и ханьцы живут вперемежку: между ними было большое недоверие. Поэтому местным властям было приказано равномерно оказывать им помощь. В регион были введены дополнительные войска. Секты, участвовавшие в мятеже, были объявлены вне закона, их лидеры допрошены и казнены. Аресты сектантов, многие из которых бежали в Маньчжурию, продолжались до 1893 г. [McCaffrey, 2011, pp. 546–548]. «Возбуждённое состояние Чэндэфуской провинции» продолжалось до первой половины 1893 г. включительно. «Но это были уже грабежи не инсургентов, а мирных жителей: разбойничали и правительственные войска, и лишённые крова и средств к жизни местные жители, и вновь прибывшие бродяги». В мае 1892 г. туда прибыли два чиновника, по приказу которых было погребено 20 тыс. трупов, не считая погребённых родственниками и съеденных зверями. На это Е Чжичао пожертвовал 2000 лан серебра [Позднеев, 1896, с. 12].

Расследование показало, что цинские чиновники во время мятежа халатно отнеслись к своим обязанностям и вводили высшие власти в заблуждение. «В 17-й год правления Гуансуй (1891 г.) Е Чжичао, командующий войсками провинции Чжили, при подавлении секты Цзиньдандао и в последующих мероприятиях потворствовал Цзиньдандао, заявляя, что монгольские войска при подавлении мятежа ложно обвиняли добропорядочных [людей] в мятеже и безосновательно убивали невинных. Меморандум был представлен в Военный совет. Личный князь Шижо запросил факты и истинное положение дел. Харачинский князь приказал Чоглу составить подробный доклад с анализом. Докладная записка была представлена, и из дворца последовал указ с выговором Е Чжичао за нестрогое подавление бандитов и пристрастную защиту еретической секты. С этого времени Е Чжичао несколько умерил своё отношение к монголам» [Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 7–9]. Провинциальные чиновники и военные, допустившие мятеж, были понижены в должностях, сосланы и т. п., а имевшие заслуги в его подавлении — награждены [Shek, 1980, p. 188].

Последствия мятежа

В разных источниках потери монголов и китайцев варьируют от 20 тыс. до 100 тыс. чел. Погибло много христиан, в основном крещёных китайцев. Однако основные потери понесло коренное население — монголы на своей земле. Главарь секты Ян Юэчунь показывал на допросе, что погибло около 10 тыс. чел. [Позднеев, 1898, с. 255]. По цинским официальным данным, более 300 тыс. чел. нуждались в помощи, а более 20 тыс. тел — в захоронении [McCaffrey, 2011, p. 546]. Сообщалось, что в боях было убито 15 тыс. мятежников, около 20 тыс. сектантов было казнено [Тихвинский, 1971, с. 75]. Если суммировать данные из «Peking Gazette» с 06.12.1891 по 04.01.1892, потери мятежников убитыми в этот период составили 10320 чел. [The anti-foreign riots..., 2003, pp. 77–78]. По разным данным, в целом погибло более 20 тыс. сектантов Цзиньдандао и Цзайли, 1200 принявших католицизм и не более 300 чел. с правительственной стороны [Shek, 1980, pp. 162, 187]. По другим данным, погибло 170 католиков [Тан Кайцзянь Чжан Юй, 2005, с. 17–22]. Ван Гоцзюнь писал, что с обеих сторон погибло не менее нескольких десятков тысяч человек [Ван Гоцзюнь, 2006, с. 19; Ма Си, Сюй Шимин в кн.: Ван Гоцзюнь, 2006, с. 44]. Однако, согласно точным данным, лишь в хошуне Дзун-Тумэд за 10 дней мятежники истребили как минимум 10 тыс. монголов, разрушили тысячу деревень, около 100 тыс. монголов потеряли жильё (Tolum-a, 1990 — in: Borjigin, 2004, p. 53). Были разгромлены княжества Аохан, Барун-Тумэд и Дзун-Тумэд, Барун-Харачин

и Дзун-Харачин. Больше всего пострадали Аохан и Барун-Харачин. Почти всё монгольское население этих хошунов было истреблено или разбежалось. Сильно пострадали пять китайских поселений в монгольских хошунах [Нyer, 1977, p. 108; Borjigin, 2004, pp. 43–53]. Причины гибели и потери ханьцев в этих поселениях неизвестны.

Мятеж Цзиньдандао нашёл отражение в отдельном параграфе послания Николаю II о помощи (датировано 23 июня 1911 г.), которое в 1911 г. доставила монгольская делегация, направленная в Россию главой буддизма Внешней Монголии Богдо-гэгэном VIII: «В последние годы много китайцев проникают в Монголию, образуя поселения вдоль дороги и поселяясь в районе Хурэ и других местах Монголии; в 17-м году Бадрулт Тур⁶ китайцы, которые поселились и занимались земледелием в Дзосотуском и Джоудаском сеймах, внезапно взбунтовались и убивали без разбора лам и мирян, мужчин и женщин, старых и молодых, и сожгли много жилищ; и их великие страдания таким образом дошли до предела» [Монгол ард..., 1982, с. 166].

Мятеж привёл к хаосу в монгольском обществе, массовому переселению монголов, переходу значительной части монголов юго-восточных предгорий Хингана к оседлому сельскому хозяйству, установлению китайского доминирования [Borjigin, 2004, pp. 50–53]. Монголы-харачины и тумэды в основном бежали со своих земель на север, прежде всего на земли монголов-хорчинов. После подавления восстания происходили акты бандитизма и мести. Кассини доносил зимой и весной 1892 г., что «многочисленные разбойничьи шайки продолжают грабить страну», антагонизм между китайцами и монголами обостряется, нападения на христиан делаются всё чаще [АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 110, л. 2–4, 44–46об.].

Князь Удай-ван хошуна Джасакту Джеримского сейма (расположен севернее) в 1892 г. согласился на иммиграцию в свой хошун харачинов феодала Хайсана, который имел 13 удачных боёв с мятежниками. Люди Удай всё ещё были кочевниками, харачины — уже земледельцами. Иммиграция началась в 1893 г., и к 1907 г. переселенцев — харачинов и тумэдов — было уже до 6000, прибывших из всех хошунов Дзосотуского сейма. С 1900 г. туда стали переселяться и китайцы при поддержке своих властей [Баранов, 1907, с. 1–32].

Под влиянием мятежа Цзиньдандао произошли антиправительственные выступления в ряде уездов провинций Чжили и Фэнтянь, также подавленные властями [Тихвинский, 1971, с. 75]. Считается также, что этот мятеж стал прологом к восстанию Ихэтуань в 1899–1901 гг. против иностранцев и христиан [Климов, 1945, с. 30]. Указывается как преемственность от этого мятежа и тот факт, что в конце 1940-х гг. власти КПК во Внутренней Монголии раздавали землю китайским крестьянам и квалифицировали монгольских скотоводов, имевших обширные пастбища, как эксплуататоров, что сопровождалось массовым уничтожением монголов [Цогту, 2020, с. 35].

Экономическое положение монголов ухудшилось. В начале мятежа китайские крестьяне сожгли налоговые книги монгольской знати, а после его подавления потребовали, чтобы монголы предъявили документы о сумме налогов. Цинское правительство пыталось восстановить эти книги. Однако, учитывая межэтнические противоречия, цинский суд постановил, что китайские префектуры и уезды могут собирать налоги от имени монгольской знати по доверенности. Право простых монголов собирать налоги с китайских арендаторов так и не было восстановлено [Borjigin, 2004, p. 52]. Много китайских крестьян в результате мятежа лишились земли и жили подаянием и воровством [Позднеев, 1898, с. 351].

В целом после мятежа Цзиньдандао права монголов уменьшились, а права ханьцев — увеличились. Китайская колонизация монгольских земель ускорилась после начала проведения цинской «новой политики» (с 1901 г.) и привела к дальнейшему обострению монголо-китайских

⁶ Император Гуансюй.

противоречий, хотя среди значительной части внутренних монголов уже преобладали земледелие и китайский язык. В начале XX в. харачины из разных хошунов сформировали вооружённые отряды и под командованием Шударга-Батора Бавужава участвовали в национально-освободительной борьбе монголов, после его гибели в 1917 г. ненадолго захватили Баргу, а в 1919–1921 гг. участвовали в панмонгольском движении и освобождении Внешней Монголии бароном Р. Ф. Унгерном. На монгольских землях, подвергшихся нашествию секты Цзиньдандао, преобладает китайское население.

Заключение

Приведённые факты свидетельствуют о том, что мятеж Цзиньдандао был межэтническим конфликтом китайцев (ханьцев) с монголами. Выше приведены и другие оценки. Они не представляются верными. Данный мятеж не был антиимпериалистическим, так как одним из лозунгов было смещение Цинской и установление Минской династии — то есть на смену империи маньчжуров должна была вернуться империя ханьцев — и вполне по-империалистически: с включением в неё монгольских земель (которые в империю Мин не входили) и их колонизацией. Замещение коренного монгольского населения китайскими колонистами — это переселенческий колониализм. Данный мятеж не был и антифеодальным — главари мятежников объявляли себя князьями. Этот мятеж не был и ранним этапом антироссийской и антияпонской борьбы — подданные России и Японии от него почти не пострадали. Этот мятеж не был и национально-освободительным движением — напротив, он был направлен на истребление коренного населения (монголов) ханьскими колонистами.

Анализ лозунгов и действий мятежников 1891 г. показывает, что мятеж был проявлением ханьского национализма и колониализма, а не восстания крестьян против социальной несправедливости. Об этом свидетельствует следующее. Монголы истреблялись неизбирательно — невзирая на пол, возраст и социальное положение; уничтожались также монгольские храмы и монахи. В известном как «Peking Gazette» официальном цинском бюллетене «Цзинбао» 28 декабря 1891 г. сообщалось: «Все источники сходятся во мнении, что нынешнее восстание относится к приверженцам Цзайли и подобных сект, которые воспользовались враждой с монголами, чтобы разжечь народные страсти, и без разбора совершали массовые грабежи и убийства как монголов, так и членов ламаистского духовенства. Они воздерживались от нападений на китайцев, преследуя лишь одну цель — склонить к присоединению к ним; и с этой целью обещали полную защиту от монгольского гнёта в будущем» [Translation..., 1892, pp. 187–188]. Христиане уничтожались, невзирая на национальность.

Общим для монголов и христиан было то, что в глазах ханьских националистов и те и другие были «чужими». С этим согласуются и антиманьчжурские лозунги (но неизвестно, сколько было убито маньчжуров). Следовательно, монгольские земли китайские колонисты считали своими и подлежащими чистке от «чужих». Поэтому экономические и другие требования монголов к ним были правомерными (конечно, за исключением случаев бандитизма — но они имели место с обеих сторон).

Итак, имеющиеся данные показывают, что одной из главных целей мятежа Цзиньдандао было именно истребление монголов по этническому принципу. Это соответствует трём из пяти действий, каждое из которых квалифицируется как геноцид согласно принятой ООН в 1948 г. «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него»: «Статья II. В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу

как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; с) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение её» (https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml).

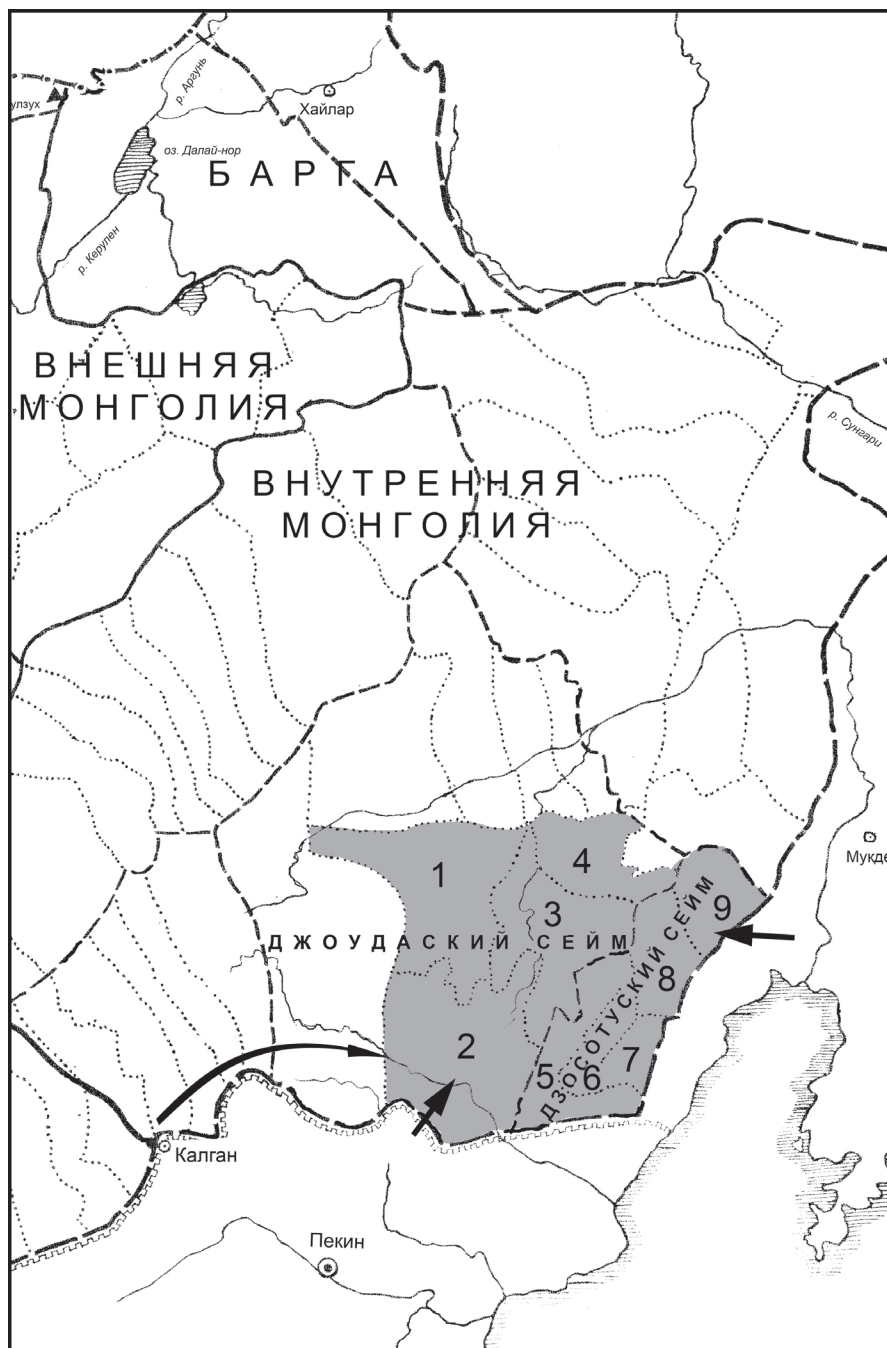
Причины типа «борьбы против империализма», «эксплуататоров», «феодалов» и т. п. не отменяют квалификацию геноцида, если при этом имеется намерение, указанное в приведённой формулировке.

Примечательно, что в англоязычной «Википедии» действия повстанцев обозначены как «геноцидная резня» (genocidal massacre) (https://en.wikipedia.org/wiki/Jindandao_incident). Данное понятие было введено Л. Купером: «Я также включил конфликты, обозначенные как геноцидная резня, характерно выражающиеся в уничтожении части группы — мужчин, женщин и детей, как, например, в случае с уничтожением целых деревень. “Частично” — это потому, что геноцидная резня имеет некоторые элементы геноцида. Но я также надеюсь, что включение геноцидной резни уменьшит противоречия при отборе случаев так, чтобы внимание к человеку могло преобладать над почти непреодолимой проблемой точности в классификации» (Kuper, 1981, p. 10).

Эта формулировка не конкретна: например, признаваемый геноцидом Холокост тоже привёл к уничтожению «части группы». Формулировку Купера конкретизируют в целом так: «Геноцид в общем смысле — это массовое убийство значительного числа людей, совершаемое не в ходе военных действий против вооружённых сил явного противника, в условиях крайней беззащитности и беспомощности жертв. Геноцидная резня — массовое убийство, как определено выше в общем определении геноцида, но при котором массовое убийство происходит в меньших масштабах, то есть погибает меньшее число людей» (Charny, 1997, p. 76). Такая конкретизация оставляет неясным, что конкретно значат эти «меньшие масштабы». В официальном определении ООН нет количественных показателей геноцида. В связи с этим понятие «геноцидная резня» трудно признать приемлемым.

Таким образом, действия секты Цзиньдандао в отношении монголов являлись геноцидом, устроенным на их родине иноземными колонизаторами.

Я благодарю М. М. Игнатову за переводы с китайского языка.

Территория, охваченная мятежом Цзиньдандао:

- 1 – хошун Дзун-Оннюд; 2 – хошун Барун-Оннюд; 3 – аймак Аохан; 4 – аймак Найман; 5 – хошун Барун-Харачин; 6 – хошун Дунд-Харачин; 7 – хошун Дзун-Харачин; 8 – хошун Барун-Тумэд; 9 – хошун Дзун-Тумэд. Стрелками показаны направления ударов цинских войск по мятежникам

Литература и источники

- АВПРИ, ф. КС – Архив внешней политики Российской империи, ф. Китайский Стол, Москва [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Moscow (in Russian)].
- Баранов. *Харачины в хошуне Джасакту-вана*. Харбин, 1907 [Baranov. *The Kharachins in the Jasagt Wang khoshun*. Harbin, 1907 (in Russian)].
- Ван Гоцзюнь. *Мэнгу цзивэнь (Записки о Монголии)*. Редакторы и комментаторы Ма Си, Сюй Шимин. Хух-хото, 2006 [Wang Guojun. *Menggu jiwen (Recollections of Mongolia)*. Hohhot, 2006 (in Chinese)].
- Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // *Восток*. 2014. № 1. С. 5–17 [Dmitriev S.V., Kuzmin S.L. Qing Empire as China: an anatomy of historical myth. *Oriens*. 2014. No. 1. Pp. 5–17 (in Russian)].
- Калужная Н.М. Антимиссионерские выступления в Китае (1886–1893). *Краткие сообщения Института народов Азии*. 1963. № 66. С. 69–81 [Kalyuzhnaya N.M. Anti-missionary riots in China (1886–1893). *Kratkie soobshcheniya Instituta narodov Azii*. 2006. No. 66. Pp. 69–81 (in Russian)].
- Климов А.А. *Внутренняя Монголия и Китай (история взаимоотношений с 1911 г.)*. Канд. дисс. Б.м., 1945 [Klimov A.Ya. *Inner Mongolia and China (history of relations since 1911)*. Ph.D. Diss. S.l., 1945 (in Russian)].
- Монголын ард түмний 1911 оны үндэсний эрх чөлөө, тусгаар тогтнолын төлөө тэмцэл. Баримт бичгийн эмхтгэл (1900–1914)*. Улаанбаатар, 1982 [Fight of Mongolian people in 1911 for independence and national liberation. Collection of documents (1900–1914). Ulaanbaatar, 1982 (in Mongolian)].
- Позднеев А. *О последнем китайском восстании в юго-восточной Монголии и причинах противохристианских восстаний в Китае вообще*. С.-Петербург, 1896 [Pozdnev A. *On the last Chinese rebellion in the SE Mongolia and causes of anti-Christian rebellions in China in general*. St. Petersburg, 1896 (in Russian)].
- Позднеев А. *Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг.* Т. 2. С.-Петербург, 1898 [Pozdnev A. *Mongolia and the Mongols. Results of the travel to Mongolia in 1892–1893*. Vol. 2. St. Petersburg, 1898 (in Russian)].
- Поршнева Е.Б. *Учение «Белого лотоса» – идеология народного восстания 1796–1804 гг.* М., 1972 [Porshneva E.B. *The “White Lotus” teaching, the ideology of people’s rebellion in 1796–1804*. Moscow, 1972 (in Russian)].
- Тан Кайцзянь, Чжан Бянь. 1891 нянь Жэхэ Цзиньдандао чи чжун дэ мэн хань миньцзу чжунту. *Сибэй Минзу дасюэ сюэбао чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань*. 2005. № 6. С. 17–22 [Tan Kaijiang, Zhang Bian. *The 1891 ethnic conflict Jindandao between Mongolian and Han in Rehe. Xibei Minzu daxue xuebao zhexue shehui kexue ban*. 2005. No. 6. Pp. 17–22 (in Chinese)].
- Тихвинский С.Л. Политика «самоусиления» – средство подавления народного недовольства в Цинском Китае. *Страны и народы Востока*. 1971. Вып. 11. С. 66–77 [Tikhvinskii S.L. The “self-strengthening” policy, a tool for suppression of people’s discontent in Qing China. *Strany i narody Vostoka*. 1971. No. 11. Pp. 66–77 (in Russian)].
- Фрозе Б. Восточная Монголия и ее колонизация. *Вестник Азии*. 1911. № 10. С. 90–136 [Froze B. Eastern Mongolia and its colonization. *Vestnik Azii*. 1911. No. 10. Pp. 90–136 (in Russian)].
- Цогту О. *Трагедия степи: Внутренняя Монголия под властью Мао Цзэдуна. Свидетельства очевидцев*. С.-Петербург, 2020 [Tsogtu O. *Tragedy of Steppe: Inner Mongolia under the rule of Mao Zedong. Eyewitness accounts*. St. Petersburg, 2020 (in Russian)].
- The anti-foreign riots in China in 1891*. Charleston, 2003.
- Borjigin B. The complex structure of ethnic conflict in the frontier: through the debates around the ‘Jindandao incident’ in 1891. *Inner Asia*. 2004. Vol. 6. No 1. Pp. 41–60.
- Charny I.W. Toward a generic definition of genocide. *Genocide: Conceptual and Historical Dimensions*. Philadelphia, 1997. Pp. 64–95.

- Hyer P. *The Chin-tan-tao movement, a Chinese revolt in Mongolia (1891)*. *Altaica* (Helsinki), 1977. Pp. 105–112.
- Kuper L. *Genocide. Its Political Use in the Twentieth Century*. New Haven–London, 1981.
- McCaffrey C. From chaos to a new order: rebellion and ethnic regulation in late Qing Inner Mongolia. *Modern China*. 2011. Vol. 37. No. 5. Pp. 528–561.
- Sato Kimihiko. Yi ba Kyu yi-Toshi netsu kawa no jin Ni-do hoki (The insurrection of Jindandao 金丹道 in Jehol in 1891). *Studies in Oriental History*. 1984. Vol. 43. No. 2. Pp. 275–309 (in Japanese).
- Shek R. The Revolt of the Zaili, Jindan sects in Rehe (Jehol), 1891. *Modern China*. 1980. Vol. 6. No. 2. Pp. 161–196.
- Translation of the Peking Gazette for 1891*. Shanghai, 1892.

К ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ГУМАНИТАРНОЙ МИССИИ РОССИЙСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА В АФРИКЕ

© 2026

А. В. Хренков, Л. В. Тишабаева¹

В статье (во вступительной части) кратко очерчены основные вехи становления военно-полевой медицины в России начиная с XVI–XVII вв.: создание первых школ военных врачей, появление первых полевых лазаретов, создание временных и постоянных военных госпиталей и первых специализированных организаций и учреждений для реабилитации раненых и помощи инвалидам войны, присоединение к международному движению Красного Креста через создание Российского общества Красного Креста (РОКК) и начало его деятельности за рубежом.

Основное внимание в статье уделено истории первой гуманитарной миссии РОКК на Африканском континенте — направлению в 1896 г. большого санитарного отряда на театр военных действий итало-эфиопской войны 1895–1896 гг. 130-летний юбилей этого знаменательного события отмечается в нынешнем году. В статье раскрываются движущие мотивы, обусловившие отправление первого санитарного отряда РОКК в Африку, особенности этой миссии и многочисленные сложности, вставшие на пути её реализации, которые не смогли, однако, помешать российским медикам выполнить её и добиться при этом великолепных результатов. Прямым результатом деятельности санитарного отряда РОКК в Эфиопии стало оказание помощи порядка 30 тыс. больных и раненых воинов, а косвенными его результатами – учреждение в Эфиопии национального общества Красного Креста, а также создание благоприятных предпосылок для установления российско-эфиопских дипломатических отношений. Продолжателем благородной гуманитарной миссии первого русского санитарного отряда является ныне действующий в Аддис-Абебе госпиталь Российского Красного Креста.

Ключевые слова: военно-полевая медицина, госпиталь, Эфиопия, Россия, Красный Крест, Менелик II, санитарный отряд, РОКК

Для цитирования: Хренков А. В., Тишабаева Л. В. К истории первой гуманитарной миссии Российского Красного Креста в Африке. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 52–65. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-052-065

¹ Хренков Андрей Вальтерович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; a.hrenkov@ivran.ru

Andrey W. Khrenkov, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow; a.hrenkov@ivran.ru

Тишабаева Лола Владимировна, главный специалист группы гуманитарной дипломатии Департамента международного сотрудничества Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест», Москва; tishabaeva@redcross.ru

Lola V. Tishabaeva, Chief specialist of International Cooperation Department humanitarian diplomacy group of All-Russian non-government organization "Russian Red Cross", Moscow; tishabaeva@redcross.ru
ORCID: 0009-0006-6667-1140

TOWARDS THE HISTORY OF THE FIRST HUMANITARIAN MISSION OF THE RUSSIAN RED CROSS IN AFRICA

Andrey W. Khrenkov, Lola V. Tishabaeva

The article (in its introductory part) briefly outlines the main milestones of the development of military field medicine in Russia since the sixteenth – seventeenth century: creation of the first military medicine schools, the appearance of the first field infirmaries, the creation of temporary and permanent military hospitals and organizations and institutions for the rehabilitation of the wounded and assistance to war invalids, joining the international Red Cross movement through the creation of the Russian Red Cross Society (RRCS) and starting its activities abroad.

The main focus of the article is on the history of the first humanitarian mission of RRCS on the African continent – the dispatch in 1896 of a medical detachment to the theater of military operations of the Italo-Ethiopian War 1895–1896. The 130th anniversary of this significant event is celebrated this year. The article reveals the driving motives behind the dispatch of the first RRCS ambulance detachment to Africa, the special features of that mission and the numerous difficulties encountered on the way to its realization, which could not, however, prevent Russian doctors from carrying it out and achieving excellent results. The direct result of the activities of the RRCS medical and sanitary units in Ethiopia was the provision of assistance to some 30,000 sick and wounded soldiers. Its indirect results were the establishment of the Ethiopian Red Cross Society as well as creating the prerequisites for establishing Russian-Ethiopian diplomatic relations. The noble humanitarian mission of the first medical detachment is continued now by the Russian Red Cross hospital currently operating in Addis Ababa.

Keywords: military field medicine, hospital, Ethiopia, Russian, Red Cross, Menelik II, medical detachment, RRCS

For citation: Khrenkov A. W., Tishabaeva L. V. Towards the History of the First Humanitarian Mission of the Russian Red Cross in Africa. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 52–65. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-052-065

Несколько слов о становлении военной медицины в России

Первые государственные учреждения и структуры, целью которых было лечение и выхаживание раненых воинов, появились в России на рубеже XVI–XVII вв. Заботе о раненых, сбережении и восстановлении здоровья воинов старались, конечно, по мере сил и возможности уделять внимание и прежде. К уходу за ранеными привлекались, например, монахи; а в монастырях нередко устраивались временные лазареты. В самих войсках имелись также свои костоправы, травники и знахари, умеющие останавливать кровь, вправлять вывихи, лечить относительно лёгкие раны и переломы.

При царе Михаиле Фёдоровиче (1613–1645) помощь раненым начали оказывать уже на более систематической основе: в зависимости от того, кто, куда и каким оружием ранен, определяли на излечение к лекарям соответствующей специализации [Любош, 1914, с. 103]. При Алексее Михайловиче (1645–1676) организация помощи раненым продолжала совершенствоваться. Людей с ранениями, полученными «на государевой службе», велено было лечить без взимания платы [Медицина в Московском государстве в XV–XVII вв.]. В 1653 г. при Стрелецком приказе была открыта костоправная школа — первое в Москве и России лечебное учреждение военного ведомства [Медицина в Московском государстве в XV–XVII вв.]. Через год, в 1654 году, при Аптекарском приказе учредили лекарскую школу, ученики которой изучали целебные травы, фармакологию,

симптомы болезней («знамения немочей»), некоторые амбулаторные приёмы лечения [Медицина в Московском государстве в XV–XVII вв.].

Царь Пётр I, которому приходилось вести войны на протяжении большей части своего правления, постарался подойти к вопросу военной медицины более комплексно и системно. Вначале он по традиции постарался по максимуму привлечь к лечению раненых и больных воинов монастыри. Их настоятелям он предписал открывать при монастырях лазареты, в коих содержать «отставных драгун и солдат престарелых увечных и раненых» [Любош, 1914, с. 103]. Но вскоре понял, что такой полумеры недостаточно для нужд созданной им большой регулярной армии. В 1707 г. Пётр I открыл в Москве первый в России постоянный военный госпиталь [Русев, Калмыков, Коровин, 2014, с. 253], а, кроме того, пригласил на русскую службу из-за границы полторы сотни врачей. Более того, с 1698 г., с Азовского похода, царём было велено на каждый военный корабль «назначать лекаря с аптекою». К концу же его правления во многих армейских полках уже имелся свой лекарь.

В 1735 г., в правление императрицы Анны Иоанновны (1730–1741) в России появились первые военно-полевые лазареты, которые, по некоторым данным, позволяли снизить смертность от ран, полученных в бою, сразу в 15 раз. Семилетняя война (1756–1763), в которую Россия вступила в конце правления Елизаветы Петровны, заставила значительно увеличить количество военно-полевых лазаретов, которые до того были единичными, а также начать подготовку собственных медицинских кадров, чему способствовал открывшийся в 1758 году в Московском университете медицинский факультет — первое высшее учебное заведение России, где готовили дипломированных врачей. При Елизавете же в России начали строиться первые военно-инвалидные дома (богательни) для престарелых и одиноких ветеранов войн [Костомаров, 2005, с. 995].

Отечественная война 1812 г. дала очередной толчок развитию военной медицины в России. По итогам уже первых месяцев войны русская армия позаимствовала кое-что из военно-врачебной практики французов, имевших в то время передовую для своего времени военно-полевую медицинскую школу, представленную знаменитым военным хирургом Наполеона I Домиником Жаном Ларреем (1766–1842), признанным позже «отцом скорой помощи».

С июля 1812 года в действующей русской армии учреждались развозные и передвижные госпитали, а в губерниях, не затронутых войной, началось развёртывание военно-временных госпиталей.

Отечественная война 1812 г. и заграничный поход русских войск (1813–1815) подняли вопрос заботы о раненых на уровень гражданского долга, сделали сферой внимания и заботы широкой общественности, что вскоре ознаменовались появлением на свет такого специализированного печатного издания, как благотворительная газета «Русский инвалид». Её зачинателем и первым редактором стал Павел Павлович Пезаровиус². Начиная издание, он был одухотворён благородной идеей — оказать помощь раненым и военным инвалидам. Доход от издания газеты за вычетом издержек предполагалось «употреблять во вспоможение инвалидам, солдатским вдовам и сиротам». Первый номер вышел 1 февраля 1813 г., и уже за первый месяц в редакцию поступило свыше двух тысяч рублей. Пезаровиус добился того, что известия с театра военных действия печатались в «Инвалиде» раньше, чем в других изданиях. Росла подписка, поступали частные пожертвования, и через год Пезаровиус смог образовать неприкосновенный фонд, достигший 400 тысяч рублей.

² Пезаровиус Пауль Вильгельм фон Помиан (Павел Павлович) (1776–1847) — этнический немец, принявший русское подданство. Служил в комиссии составления законов и юстиц-коллегии. Основатель и первый редактор благотворительной газеты «Русский инвалид».

Эти средства были переданы во вновь образованный Комитет о раненых. Всего же с 1814 по 1821 г. Пезаровиус передал в Комитет свыше миллиона рублей [Любош, 1914, с. 103].

Новый заметный толчок организации помощи раненым дала Крымская война (1853–1856). Именно во время неё заблистал гений выдающегося хирурга своего времени Николая Ивановича Пирогова, основоположника русской военно-полевой хирургии и «отца анестезии». По инициативе Н. И. Пирогова и под патронажем великой княгини Елены Павловны, сестры императора Николая I, в октябре 1854 г. образуется Крестовоздвиженская община сестёр милосердия, первая в мире женская медицинская организация по оказанию помощи раненым во время войны. Вступившие в неё 120 первых российских медсестёр были отправлены на театр военных действий. В госпиталях они трудились в перевязочных и операционных, ухаживали за ранеными в палатах, готовили лекарства в аптеках, следили за выдачей пищи и помогали готовить её. Эта община сестёр милосердия, созданная почти за десятилетие до принятия первых Женевских конвенций, стала одной из предшественников будущего Красного Креста.

В 1863 г. был основан Международный комитет Красного Креста, а в 1867 г. указом императора Александра II было образовано русское Общество попечения больных и раненых, которое позже было переименовано в Российское общество Красного Креста (РОКК).

Первый опыт международной деятельности РОКК получил во время Франко-прусской войны (1870–1871). Тогда в швейцарский Базель из России был откомандирован отряд из 30 врачей-хирургов, а на театр военных действий отправлено 16 транспортов с перевязочным материалом, лекарствами и другой помощью. Позже РОКК участвовал в оказании медицинской помощи раненым во время войны Турции с Черногорией и Сербией в 1876 г., в сербско-болгарской войне 1885 г., японско-китайской войне 1894 г., а также во время первой войны Италии с Эфиопией в 1895–1896 гг., на чём ниже мы остановимся подробнее, т. к. в этом году исполняется 130 лет со дня командирования санитарного отряда Российского общества Красного Креста в Эфиопию (1896 г.) — первой в истории гуманитарной миссии РОКК на Африканском континенте.

Итало-эфиопская война 1895–1896 гг. и деятельность Российского общества Красного Креста

В феврале 1885 г. Италия захватила оставленный египетским гарнизоном красноморский порт Массауа, который должен был отойти Эфиопии (которой некогда и принадлежал). На протяжении последующего десятилетия Италия — молодая, но весьма амбициозная европейская держава неуклонно расширяла занятую ею территорию на африканском побережье, образовав к 1890 году на прилегающих к побережью землях Абиссинии (Эфиопии) свою новую колонию Эритрея. Пользуясь распрями между феодальными правителями Эфиопии и войной между христианскими правителями Эфиопии и захватившими в 1885 г. власть в Судане мусульманскими фанатиками-махдистами, Рим постепенно округлял свои территориальные владения за счёт соседних областей Эфиопии, а заодно намеревался установить протекторат и над нею самою.

Однако император Эфиопии Менелик II вовремя разгадал замысел итальянцев и в 1894 г. расторг заключённый с ними ранее Уччиальский договор 1889 года, коварно сфальсифицированный и уже трактуемый итальянскими политиками в Европе в совершенно колониальном духе. В письмах, направленных главам ведущих мировых держав, он объявил о полном суверенитете Эфиопии в сфере внешней политики и словно бы в подтверждение этому отправил в 1895 г. дипломатическую миссию в Россию, с которой мечтал заключить союз. Раздражённая таким поворотом Италия решила силой принудить Менелика покориться и в 1895 г. начала военную агрессию против

Эфиопии. Итало-эфиопская война широко освещалась в Европе. Россия тоже следила за этой войной, причём симпатии и правительства, и общественного мнения были на стороне эфиопов. В России тепло вспоминали недавний визит эфиопской дипломатической миссии в Москву и С.-Петербург, благоговейное поклонение африканских христиан русским православным святыням, торжественный приём посланцев негуса императорской семьёй и высшими иерархами церкви и искренне сочувствовали «африканским братьям по вере». Следя за событиями в далёкой Абиссинии, русская пресса регулярно перепечатывала сообщения европейских агентств о ходе военных действий в Абиссинии. Комментируя сообщение из Лондона о «поражении итальянских войск от варварских народов», газета «Новое Время» писала: «...не варвары вторглись в пределы цивилизованного государства, а наоборот, от цивилизаторов во что бы то ни стало защищают своё отечество. Едва ли мы ошибёмся, заявив, что варвары эти ... возбуждают искреннее сочувствие и участие в русских сердцах...» (цит. по [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 152, л. 1]).

В ряде стран Европы общественное мнение также склонялось на сторону абиссинцев, но правительства европейских колониальных держав страшила победа африканцев. В Лондоне всерьёз опасались, что это может стать вдохновляющим примером для коренного населения британских колоний в Африке.

Неожиданная победа эфиопов над главными силами итальянской армии в битве при Адуа (1 марта 1896 г.) стала для Европы шоком. Поражение было совершенно сокрушительным. Из 17 тыс. солдат и офицеров (не считая вспомогательных туземных войск), сражавшихся под Адуа, итальянская армия, по разным оценкам, потеряла только убитыми от 7 до 11 тыс. человек, более 2,5 тыс., включая 2 генералов и 60 офицеров, оказались в плену [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 153, л. 64–71]. Лишь 3–4 тысячам солдат под началом генерала О. Баратьери удалось оторваться от преследования и вернуться в Эритрею, но итальянский экспедиционный корпус перестал существовать как военная сила. Перед Италией стояла реальная угроза утраты её эритрейской колонии, т. к. защищать её на тот момент у остатков итальянского корпуса не было ни сил, ни возможностей.

В Италии разразился правительственный кризис, правительство Ф. Криспи³ вынуждено было уйти в отставку. Новый итальянский кабинет министров во главе с маркизом ди Рудини⁴ оказался на перепутье, не зная, как в такой ситуации поступить — пытаться ли продолжать войну, посылая в Африку новые войска и кратно увеличивая военные расходы, или признать поражение. И то, и другое грозило Италии потерей имиджа великой европейской державы, статуса которого она упорно добивалась. А тут ещё лондонская «Daily Telegraph» пророчествовала, что «Россия ни за что не допустит присоединения Абиссинии к итальянским владениям...» (цит. по [Новое время, 1896, с. 2]).

Российская общественность действительно восторженно приветствовала победу абиссинцев, их борьба на независимость своей страны получила сочувственный отклик. Эфиопских христиан считали в России православными или близкими по вере к православию, и итальянская агрессия против Абиссинии воспринималась русской общественностью как «борьба католического Запада с православным Востоком» [Львов, 1896, с. 2]. Стихийные проявления этого сочувствия были поддержаны прессой и официальными властями. Через несколько дней после получения известия о победе эфиопских войск в битве при Адуа в России стихийно возникла идея об оказании раненым эфиопским воинам медицинской помощи по линии Красного Креста.

³ Криспи Франческо (1818–1901) — итальянский политик и государственный деятель, глава правительства Италии в 1887–1891 и 1893–1896 гг.

⁴ Антонио Старабба, маркиз ди Рудини (1839–1908) — итальянский политик и государственный деятель. В 1896–1898 гг. — глава кабинета министров Королевства Италии.

Откликаясь на призывы общественности, председатель Российского общества Красного Креста (РОКК) генерал-адъютант Михаил Петрович фон Кауфман, получив высочайшее одобрение со стороны императорского двора⁵, направил 6/18 марта⁶ 1896 г. письмо министру иностранных дел России князю Алексею Борисовичу Лобанову-Ростовскому, в котором уведомил о намерении Главного управления РОКК направить на театр итало-эфиопской войны два санитарных отряда — один в Эфиопию, другой в Эритрею — для оказания медицинской помощи раненым воинам обеих воюющих сторон. В нём же он просил министра заручиться согласием итальянского правительства на высадку русского санитарного отряда в порту Массауа и пропуск его через территорию Эритреи в Абиссинию.

В спешном порядке началось укомплектование отрядов персоналом и медицинским оборудованием. М. П. Кауфман особо настаивал на том, чтобы санитарные отряды были «во всех отношениях образцом лучшего, что может быть дано от русского Красного Креста» [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 150, л. 132–133]. И действительно, в отряды отбирали лучших военных врачей — докторов медицины, великолепных хирургов, многие из которых были врачами гвардейских полков. Медико-хирургическими инструментами укомплектовывала отряды самая знаменитая в России компания Сергея и Петра Егоровичей Трындиных. В последней трети XIX в. московская фирма братьев Трындиных по производству медицинских изделий и хирургических инструментов славилась не только в России, но и в Европе, являясь неизменным лауреатом общероссийских и международных выставок, на которых нередко получала самые престижные награды. В 1896 г. фирма Трындиных готовилась представить новейший ассортимент своих медицинских изделий на очередной всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде. И именно фирме Трындиных Главное управление РОКК направило 26 марта просьбу прислать для укомплектования санитарного отряда, готовящегося к отправке в Африку, «полный хирургический набор со всеми инструментами», причём не ординарный, а «заказанный для нижегородской выставки», и дополнить его «лучшими и новейшими инструментами» [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 150, л. 144 с об.].

К концу марта оба отряда были тщательно укомплектованы самым современным медицинским инструментарием, лекарствами, перевязочными материалами, госпитальным бельём, палатками, носилками и проч. Со складов военного министерства было отпущено также несколько десятков винтовок и револьверов — для защиты от африканских хищников и возможных разбойных нападений, весьма нередких ещё в тех местах, где предстояло идти отряду.

Первоначально в состав отряда включили 61 человека, в числе коих было 5 военных врачей, 4 помощника врачей, выбранных в основном из студентов старших курсов С.-Петербургской военно-медицинской академии, 5 фельдшеров (преимущественно из полков гвардии), 17 санитаров, 12 сестёр милосердия, начальник отряда и четверо его помощников — уполномоченных агентов РОКК, скрупулёзно и даже придирчиво отобранных начальником отряда из числа офицеров, владеющих иностранными языками или имеющих опыт заграничных экспедиций [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 150, л. 9–10].

22 марта А. Б. Лобанов-Ростовский уведомил М. П. Кауфмана, что итальянское правительство изъявило готовность пропустить отряд РОКК в Абиссинию через Массауа и принять от России гуманитарную и медицинскую помощь [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 150, л. 118–119]. Однако уже через несколько дней итальянцы «спохватились» и принялись искать благовидные предлоги, чтобы отклонить своё же разрешение. Масла в огонь подливали англичане, чья пресса

⁵ РОКК находилось под патронажем вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны — матери императора Николая II.

⁶ Здесь и далее даты даны по старому стилю или обозначены двойным вариантом, где вторая цифра соответствует новому стилю.

распространяла фальшивки о численности русского санитарного отряда и его кадровом составе. Лондонская «Times» намекала на скрытую подоплёку в посылке в Абиссинию русского санитарного отряда. Газета выражала скепсис по поводу слишком «военизированного» состава отряда во главе с целым генералом, в котором будто бы «количество военных помощников составляет 80 человек, а медицинский персонал состоит всего из 6 врачей и 12 сестёр милосердия» (цит. по [«Московские ведомости» от 08/20 апреля 1896, № 95, с. 3]).

В Риме этому едва ли верили, но повод взять своё разрешение назад был найден. 23 марта посол Италии в России К. Маффеи ди Больо нотой запросил у российского Министерства иностранных дел точные сведения о численности отряда, предназначенного для отправки в Абиссинию, а также о характере и весе его груза [АВПРИ, ф. Политархив, д. 2014, л. 11 с об. (на фр.)]. Князь А. Б. Лобанов-Ростовский уведомил председателя РОКК, что до итальянского правительства якобы дошло, что русский санитарный отряд «отправляется в Абиссинию под прикрытием конвоя из 200 солдат и 4 офицеров, которые должны вступить в ряды абиссинских войск» [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 150, л. 145–146]. В происхождении подобной фальшивки нетрудно было угадать британскую руку. Тем не менее министр иностранных дел рекомендовал М. П. Кауфману дать официальный ответ о составе отряда, чтобы сразу отвести подобные слухи.

Но практически сразу за запросом К. Маффеи из Рима последовало уведомление, что русские врачи в Эритрее более не нужны, т. к. итальянские раненые вывозятся в Неаполь, где и будут проходить лечение. В Главном управлении РОКК эту информацию учли и выразили готовность направить второй санитарный отряд во главе с известным в научном мире хирургом, профессором Е. В. Павловичем прямо в Неаполь [АВПРИ, ф. Политархив, д. 2014, л. 12 с об.]. Однако ещё через пару дней Лобанов-Ростовский сообщил Кауфману, что итальянское правительство просит «приостановить посылку в Неаполь» отряда РОКК «вследствие изобилия уже поступивших вспомоществований» [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 150, л. 151 с об.].

28 марта полностью укомплектованный и снабжённый всем необходимым санитарный отряд отбыл из С.-Петербурга в Одессу для погрузки на пароход до Александрии. В этот же день А. Б. Лобанов-Ростовский сообщил М. П. Кауфману, что итальянское правительство получило сведения о численности отряда, однако считает необходимым запросить предварительно решения генерала А. Бальдиссера⁷, а до получения одного просит задержать санитарный отряд в Одессе [АВПРИ, ф. Политархив, д. 2014, л. 18 с об.].

М. П. Кауфман не скрыл своего возмущения и в ответном письме Лобанову-Ростовскому (29 марта 1896 г.) просил министра уведомить итальянское внешнеполитическое ведомство, что РОКК не станет исполнять этой просьбы итальянского правительства, «задавшегося... целью сорвать посылку в Эфиопию» русских врачей. Он также напомнил, что решение направить санитарный отряд в Абиссинию «было принято... во внимание к... сочувствию русского общественного мнения к тяжёлому положению Абиссинии, лишённой всяких медицинских средств и помощи», а поэтому санитарный отряд отправится к месту назначения во что бы то ни стало, даже если для этого придётся изменить маршрут [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 150, л. 211–214].

Понимая, что действия Италии — не что иное, как закамуфлированный саботаж, А. Б. Лобанов-Ростовский переслал Кауфману телеграмму нашего посла в Италии Александра Егоровича Влангали, в которой тот сообщал, что итальянское правительство едва ли даст отряду

⁷ Бальдиссера Антонио (1838–1917) — итальянский генерал, в 1896 г. был послан в Эритрею, чтобы сменить генерала О. Баратьери на посту командующего войсками в Эритрее и спасти остатки итальянской армии от окончательного разгрома.

РОКК разрешение на проход через Массауа, и рекомендовал немедленно же «дать нашему отряду приказание направить свой пути на Джибути» [АВПРИ, ф. Политархив, д. 2014, л. 20 с об.].

Путь в Эфиопию

Намеченный маршрут пришлось, таким образом, в срочном порядке менять с Массауа на французский Джибути. Послу в Париже А. П. Моренгейму МИД поручил срочно запросить разрешение французского правительства на проход отряда в Эфиопию через Джибути и просить об оказании ему в этом месте возможного содействия.

Сообщение об изменении маршрута в связи с отказом итальянцев произвести высадку в Массауа застало санитарный отряд в Александрии, куда он прибыл в первых числах апреля. В этой связи начальнику отряда генерал-майору Н. К. Шведову было предписано сократить персональный состав отряда и в первую очередь отправить назад в Россию всех медсестёр [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 150, л. 283–286 об.]. Главное управление РОКК опасалось за жизнь и здоровье женщин, которые могли не выдержать трудностей многодневного караванного перехода через две пустыни — Сомалийскую и Данакильскую. Не добавил оптимизма и губернатор французской колонии Л. Лагард, телеграммой уведомивший начальника русского отряда о значительных трудностях предстоящего пути, отсутствии в Джибути достаточного количества вьючных животных и безводье в пустыне [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 150, л. 283–286 об.].

Санитарному отряду следовало спешить, чтобы успеть добраться до места назначения до сезона дождей, во время которого передвижение караванов по Эфиопскому нагорью становилось практически невозможным. Отказ итальянцев пропустить отряд через Эритрею делал выполнение этой задачи крайне затруднительным, не говоря о том, что это влекло за собой значительные дополнительные расходы. Кауфман заранее рекомендовал Шведову в случае невозможности достичь армии Менелика организовать медицинскую помощь в Харэре [АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 138, л. 22–25 об.].

В Джибути, считающимся одним из самых жарких мест планеты, санитарный отряд прибыл 18 апреля 1896 г., в самый пик сухого сезона. Непривычным к такой жаре русским пришлось столкнуться ещё и с огромными температурными перепадами: днём воздух раскалялся до +59° С, а ночью температура опускалась до +14° С. Отсутствие чистой питьевой воды провоцировало желудочные заболевания, вызывало сыпь на теле. Несмотря на это, как свидетельствуют донесения Шведова, персонал отряда старался поддерживать бодрость духа [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 150, л. 35–42].

Немедленно по прибытии в Джибути Н. К. Шведов занялся формированием каравана для скорейшей отправки отряда в Абиссинию. Задача сильно затруднялась отсутствием достаточного количества вьючных животных, о чём предупреждал Шведова губернатор Л. Лагард. Затруднения эти были вызваны не только сезонной нехваткой вьючных животных, но и тем, что даже находившиеся ранее в Джибути животные были незадолго до того скуплены французами для организации их собственной военной экспедиции на Мадагаскар.

С огромным трудом и за большие деньги Шведову удалось сговориться с вождями нескольких сомалийских кланов, которые стали понемногу пригонять животных в Джибути, и можно было начинать отправлять персонал и груз в Харэр, ближайший пограничный город Эфиопии.

И тут на арене вновь появляются итальянцы. На сей раз в лице графини Санта-Фиора, председательницы итальянского Дамского комитета. Адресуясь к министру иностранных дел России князю А. Б. Лобанову-Ростовскому, эта дама сообщила, что возглавляемый ею комитет организовал санитарный отряд, готовый отправиться в Эфиопию для помощи итальянцам, находящимся в плену. Этот отряд почему-то планировал добираться до Эфиопии не через Массауа, что было

и удобнее, и ближе, а тоже через Джибути. В связи с этим графиня обратилась к русскому правительству с просьбой «обязать генерала Шведова», находящегося в Джибути, оказать итальянскому отряду поддержку и покровительство [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 150, л. 331–341]. Замысел организаторов этой затеи был достаточно прозрачен: после того, как итальянцам не удалось помешать отправке санитарного отряда русских на помощь эфиопам, кое-кто в Риме решил с помощью РОКК сделать личный пиар на заботе об итальянских пленным.

М. П. Кауфман, которому Лобанов-Ростовский переслал это послание, был возмущён столь претенциозной просьбой и просил министра ответить графине Санта-Фиора, что у Шведова и без того хватает забот, чтобы ещё и брать на себя попечительство над итальянским отрядом. Впрочем, князь, отвечая на письмо дамы, нашёл более вежливый и благовидный предлог для отказа. Лобанов-Ростовский сообщил графине, нисколько не покривив душой, что её просьбу невозможно выполнить, так как русский отряд уже выступил из Джибути [АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2014, л. 36]. Действительно, когда Кауфманом было получено письмо графини Санта-Фиора (1 мая 1896 г.), генерала Шведова в Джибути уже не было. Двумя днями ранее он отбыл в Харэр с очередным (уже третьим) караваном отряда.

Заметим, к слову, что итальянский санитарный отряд, о котором писала графиня, так и не был отправлен в Эфиопию, и оказывать медицинскую помощь итальянским пленным довелось именно русским врачам. Очень похоже, что и с самого начала это было некой интригой или, может быть, провокацией с итальянской стороны. Будучи почти уверенными в том, что на их просьбу, скорее всего, последует отказ, в Риме таким образом стремились замотивировать и оправдать их собственный отказ в пропуске русского отряда через Эритрею.

Вернёмся, впрочем, к самому санитарному отряду РОКК, вынужденному почти на две недели задержаться в Джибути из-за нехватки транспортных средств. Понимая, что у него в сложившейся ситуации нет возможности поднять и отправить к границам Абиссинии сразу весь персонал и груз отряда, Шведов принял решение разделить его на сравнительно небольшие эшелоны и отправлять людей и грузы по частям, по мере появлявшейся возможности найма или покупки животных. Первый небольшой караван из 16 верблюдов удалось при содействии французской администрации снарядить и отправить в Харэр уже 20 апреля. 23 апреля ушёл второй эшелон, а 28 апреля в Джибути торжественно провожали уже третий эшелон во главе с самим Н. К. Шведовым; в этот день улицы города украсились флагами: французским, русским и Красного Креста [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 153, л. 7–17].

Ввиду нехватки верблюдов нанимать или скупать приходилось любых оказавшихся под рукой выючных животных — мулов, лошадей и даже ослов. Такая разнородность оборачивалась большим неудобством в походе, негативно сказываясь на скорости движения каравана, который растягивался порой в длину на два-три километра.

В середине мая 1896 г. русские врачи прибыли в Харэр, где был разбит временный лагерь. Здесь пришлось задержаться надолго, ожидая разрешения негуса Менелика II на дальнейшее движение вглубь страны. В Харэре развернули первый полевой госпиталь, который сразу начал оказывать медицинскую помощь всем нуждающимся: и на дому, и амбулаторно [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 153, л. 1–8]. Местное население поначалу шло неохотно и с большой опаской — репутация европейцев среди местного населения после только что окончившейся итало-эфиопской войны была сильно подорвана. К тому же абиссинцы привыкли, что «фрэнджи», как в Эфиопии называли белых иностранцев, приезжают в их страну лишь ради личной выгоды. Они не могли уяснить бескорыстного служения своему делу врачей русского отряда, и поэтому даже некоторые приближённые Менелика выступали против его прибытия. На первых порах русскому медицинскому персоналу пришлось нелегко: «путь к местным, — писал Н. К. Шведов М. П. Кауфману, — шёл через

внимательное и чуткое отношение к больному, мягкое и кроткое с ним обращение. С каждым днём людей стало приходить больше» [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 153, л. 148].

Чтобы разъяснить негусу настоящие цели санитарного отряда, присланного Россией, и ускорить получение разрешения на дальнейшее движение отряда в столицу страны, где находилась основная часть раненых, Шведовым 23 мая 1896 г. был откомандирован в ставку Менелика уполномоченный агент РОКК корнет лейб-гвардии гусарского полка А. К. Булатович [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 153, л. 38]. За неделю этот офицер, известный петербургскому свету победами на скачках в Красном селе, одолел свыше семисот километров от Харэра до Энтото⁸, превзойдя в скорости самых быстрых правительственных курьеров. Через 8 дней он был в Энтото и, представившись императору, разъяснил ему истинные цели прибывшего на помощь эфиопам санитарного отряда [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 153, л. 9–23]. Менелика особенно впечатлили в молодом русском офицере две вещи: невероятная скорость, с какой он передвигался по эфиопскому бездорожью, и то, что на аудиенции он заговорил с монархом на родном для него языке (А. К. Булатович начал изучать амхарский ещё до отъезда отряда из России и значительно улучшил его за время похода).

Вскоре Менелик и сам смог убедиться в том, что цели отряда РОКК — исключительно гуманитарные, а оказываемая его сотрудниками помощь — бескорыстна, что лечащие его воинов «москоб хаки́м» (русские врачи) ничего не требуют и не ожидают взамен. После разъяснений Булатовича Менелик II немедленно отдал распоряжение о пропуске отряда в Энтото. Более того, он уведомил вице-губернатора Харэра *гразмача*⁹ Банти (губернатор Харэра *рас Мэконнын* находился в то время при нём в Энтото), что желает видеть русский отряд у себя в столице как можно скорее и приказывает всем эфиопским властям по пути его следования оказывать ему в дороге всевозможное содействие.

Рас Мэконнын, возвращаясь из Энтото в Харэр, повстречался в дороге с генералом Шведовым и попросил его, с согласия Менелика, оставить часть отряда в Харэре — для оказания помощи его солдатам, возвращающимся домой с войны. Просьба была удовлетворена — в Харэре был оставлен малый госпиталь под началом доктора медицины Д. Л. Глинского, вторым врачом был доктор Г. В. Бобин, а помощниками врачей — студенты-медики К. Н. Кречунеско и П. П. Миллер. Кроме того, при госпитале остались 2 фельдшера и 3 санитары. Заведующий харэрским отделением Давид Львович Глинский получил от Шведова инструкцию относительно расходования переданных ему денежных средств, хранения и отпуска медикаментов, организации медицинской помощи с учётом местных условий и при непременно уважении персоналом госпиталя местных обычаев и законов [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 153, л. 79–82].

Добравшись до Энтото, санитарный отряд РОКК был торжественно встречен при въезде почётным военным эскортом, посланным Менеликом, а его члены были немедленно приняты во дворце самим императором. Уже на следующий день отряд РОКК разбил в столице временный палаточный госпиталь на 30 коек и начал приём раненых [Цыпкин, 2017, с. 114].

Поначалу местное население, как и в Харэре, боялось обращаться за медицинской помощью иностранцев, и посещений было немного. Негус Менелик II с супругой лично знакомились с проводимыми медицинскими процедурами и присутствовали при операциях. Русские врачи с пониманием и всегда радушно принимали у себя в госпитале Менелика II и его сановников, проводили экскурсии по госпиталю, объясняя назначение медицинских инструментов и суть манипуляций врачей во время операций. Нередко император лично навещал прооперированных пациентов,

⁸ *Энтото* — тогдашняя резиденция императора Менелика, позже переименованная в Аддис-Абебу и ставшая столицей страны.

⁹ *Гразмач* (букв. «начальник левой руки») — эфиопский военно-феодальный титул, приравнивавшийся нашими офицерами обыкновенно к чину подполковника.

справлялся об их самочувствии и был впечатлѐн результатами проводимого русскими врачами лечения. Императрица Таиту также живо интересовалась деятельностью отряда. Русских врачей часто приглашали в Гыби (императорский дворец), их принимали там как почѐтных гостей, проявляли внимание к их бытовым нуждам, дарили ценные подарки.

Следуя примеру монарха и его супруги, в госпиталь потянулось всё больше и больше людей, и скоро во дворе госпиталя уже с утра стояли очереди раненых и больных.

22 октября 1896 г. Менелик II писал генералу Шведову: «Сегодня в трудное время, когда люди разделились на друзей и врагов, русское государство в отличие от всех других объявило в знак вечной дружбы о посылке врачей для нас от вашего общества Красного Креста. Работа, проделанная с Вашей помощью врачами ... видна в нашей стране для всех» [Цыпкин, 1980, с. 224].

В начале октября 1896 года, во время одного из завтраков во дворце незадолго до завершения командировки санитарного отряда в Эфиопию, между Менеликом II и генералом Шведовым состоялся долгий разговор, в ходе которого была достигнута договорѐнность о том, что некоторая часть отряда задержится в Энтото ещё на некоторое время [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 153, л. 12–36].

Император сетовал, что одновременный отъезд сразу всех русских врачей лишит медицинской помощи нуждающихся в ней. До прибытия в Эфиопию санитарного отряда РОКК население страны не было знакомо с научной медициной. Но теперь её блага стали очевидны, и это осознавалось властителем Эфиопии особенно остро. У Менелика II появилось сильное желание иметь в стране собственный госпиталь. Но этой возможности пока не было, и он искренне уповал, что Россия не оставит его народ без медицинской помощи. Пока же первым его шагом и в то же время знаком признательности за работу Российского Красного Креста станет учреждение в Абиссинии собственного, первого в Африке, общества Красного Креста.

Торжественное открытие Абиссинского общества Красного Креста состоялось 5/17 октября 1896 г. в присутствии императорского двора, высших иерархов Эфиопской церкви и членов русского санитарного отряда. К событию готовились заранее: церемонию открытия согласовывали лично с негусом. Ровно в полдень священник санитарного отряда о. Александр отслужил молебен, который ознаменовал завершение деятельности отряда в Эфиопии, флаг РОКК был спущен, а вместо него на флагшток взметнулся флаг Абиссинского Красного Креста. Менелик II объявил Общество Красного Креста в Эфиопии открытым и поблагодарил за содействие в том Н. К. Шведова и весь состав миссии РОКК. Патронаж над новоучреждённым обществом приняла на себя, по примеру России, императрица Таиту [Хренков, 2022, с. 93]. После речи императора абиссинское духовенство во главе с митрополитом абуней Матеосом совершило торжественный молебен. Согласно желанию негуса церемония завершилась артиллерийским салютом — 6 выстрелов было дано в честь Русского Красного Креста и 6 — в честь Абиссинского [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 153, л. 64–90].

Тут следует, пожалуй, оговориться, что вышеупомянутое учреждение в 1896 г. Эфиопского общества Красного Креста носило всё же декларативный характер, поскольку реальной возможности развернуть в стране его деятельность у эфиопского правительства не было. Как отмечал в одном из своих писем Н. К. Шведов, Женевский комитет не посчитал пока возможным «включить Абиссинию в число государств, пользующихся протекторатом Женевской конвенции вследствие отсутствия в Абиссинии врачей и санитарной организации» [*Российско-эфиопские отношения...*, 1998, с. 205].

При прощании в октябре 1896 г. с отрядом РОКК император Менелик II наградил всех без исключения его членов эфиопскими орденами и медалями, вручил памятные подарки. Месяцем позже Менелик II учредил и специальный нагрудный знак Абиссинского Красного Креста, приурочив его утверждение к 14/26 ноября — дню рождения августейшей покровительницы Российского

Красного Креста императрицы Марии Фёдоровны. Она же стала и первой награждённой этим знаком [*Российско-эфиопские отношения...*, 1998, с. 231].

В своём письме к вдовствующей императрице Менелик II писал: «Ваше Императорское Величество, прислав ко мне санитарный отряд Российского Общества Красного Креста, Вы сделали великий христианский поступок, за который приношу Вам искреннюю и большую благодарность. Ваши врачи работают ещё и теперь, и я сам вижу, сколь великую пользу они приносят тысячам больных и раненых. При Вашей помощи я 5/17 октября основал у себя Красный Крест, который Вам обязан своим возникновением. Дабы ещё больше ознаменовать это великое для Абиссинии событие, я решил в день Вашего рождения учредить знак Абиссинского Красного Креста и прежде всего поднести Вашему Величеству, прося принять. Пусть он всегда напоминает Вам о Вашем добром поступке и о Нашей вечной благодарности...» [*Российско-эфиопские отношения...*, 1998, с. 231].

10 октября 1896 г. санитарный отряд, завершив свою миссию, отправился в обратный путь. Но, как уже говорилось выше, по просьбе императора Менелика в Энтото добровольно остались ещё на три месяца четверо сотрудников русского госпиталя (1 врач и 3 фельдшера). Продолжали работу в госпитале и обученные русскими врачами санитары-эфиопы. Кстати, подготовку медицинских кадров для Эфиопии первыми также начали русские. Вместе с уезжающими русскими врачами в Россию по желанию эфиопского императора поехали обучаться медицине пять эфиопских юношей [Деттерев, Кассае Ныгусие, 2018, с. 71].

Согласно отчётам Н.К. Шведова за неполные шесть месяцев работы двух отделений РОКК в Эфиопии медицинская помощь была оказана почти 26,5 тыс. больных и раненых [РГВИА. ф. 12651. оп. 3. д. 153. л. 329 об.]. При этом госпиталь в Энтото, открытый на полтора месяца позднее харэрского, принял 10,5 тыс. пациентов, а отделение в Харэре – около 16 тыс. [Там же, л. 329]. Обучены оказанию первой помощи и уходу за ранеными из числа местных жителей 4 санитара в Харэре и 8 в Энтото [РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 153, л. 12–36]. Кроме того, помощником врача Петром Щусевым было составлено, а затем переведено на амхарский язык справочное медицинское пособие по оказанию первой помощи — «Первая помощь при несчастных случаях» [*Российско-эфиопские отношения...*, 1998, с. 232]. Многочисленные наглядные иллюстрации к нему были талантливо исполнены пленным итальянским лейтенантом Пини, которого вылечили и поставили на ноги русские врачи [*Российско-эфиопские отношения...*, 1998, с. 234].

Следует здесь отметить и большую личную роль генерала Н. К. Шведова, который сумел установить с Менеликом исключительно сердечные и доверительные отношения и немало поспособствовал разъяснению и популяризации в этой африканской стране гуманных принципов Красного Креста. Помимо этого генерал Шведов за время своего пребывания в Абиссинии оказал важные услуги российскому внешнеполитическому ведомству, регулярно информируя наших дипломатов о текущих событиях в Абиссинии и, в частности, о ходе мирных переговоров между Италией и Эфиопией. Ему также удалось получить от Менелика документ (рескрипт), предоставлявший русским права наибольшего благоприятствования, которые до этого имели в Эфиопии только французы [*Российско-эфиопские отношения...*, 1998, с. 219–220]. Всё это создавало предпосылки к скорейшему установлению дипломатических отношений между Россией и Эфиопией.

Послесловие

В канун нового 1897 года основная часть санитарного отряда с почётом вернулась на Родину, с честью исполнив свой долг. В марте того же года газета «Московские ведомости» писала: «Пройдут годы и наши сношения сблизятся... Одним из таких действительно мирных христианских

и культурных сближений может послужить русский Красный Крест с его персоналом со светлым образом русского милосердия и сердечности...» [Львов, 1896, с. 2].

Слова эти стали пророческими. Вклад санитарного отряда Российского общества Красного Креста оказался навсегда вписан в анналы истории. Годы и правители сменяли друг друга, а репутация русского врача была и остаётся высокой в Эфиопии по сей день. Действующий ныне в Эфиопии госпиталь Российского Красного Креста им. дэджазмача Балчи, заново открытый в Аддис-Абебе по просьбе эфиопского правительства в 1947 году, является продолжателем славных традиций первых русских врачей, прибывших на помощь Эфиопии в конце позапрошлого века, одним из символов российско-эфиопской дружбы. В нём трудятся сегодня 152 эфиопских и 9 русских специалистов. И хотя за последние годы в Эфиопии появилось много больниц и госпиталей, более статусных и современных, русский госпиталь Красного Креста не закрывается, он продолжает свою работу. Соглашение между Россией и Эфиопией о его функционировании было в 2022 г. в очередной раз продлено, а значит, не угасает огонёк, зажжённый доброй искрой санитарного отряда РОКК, приехавшего в Эфиопию в далёком 1896 году.

Литература / Reference

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи, Москва [Russian Empire Foreign Policy Archive, Moscow].

Война в Абиссинии. *Новое время*. 17(29).02.1896. № 7173. С. 2 [War in Abyssinia. *Novoe Vremya*. 17(29).02.1896. P. 2 (in Russian)].

Дегтерев Д.А., Кассае Ныгусие М. Первые эфиопские студенты в Российской империи. *Вопросы истории*. 2018. № 5. С. 69–79 [Degterev D.A., Kassae Nigusie W. Michael. The First Ethiopian Students in the Russian Empire. *Voprosy Istorii*. 2018. No. 5. Pp. 69–79 (in Russian)].

Костомаров Н.И. *Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей*. М.: Эксмо, 2005. С. 995 [Kostomarov N.I. *Russian History in Biographies of Its Most Important Figures*. Moscow: Eksmo, 2005 (in Russian)].

Любош Л. Красный Крест. *Современная Иллюстрация, бесплатное приложение к газете «Современное Слово»*. 31.07.1914. № 7. С. 103–104 [Lyubosh S. Red Cross. *Sovremennaiia Illustratsiia, Besplatnoe Prilozhenie k Gazete 'Sovremennoe Slovo'*. 31.07.1914. No. 7. Pp. 103–104 (in Russian)].

Львов Е. Русский Красный Крест в Абиссинии. *Московские ведомости*. 15.03.1896. № 74. С. 2 [Lvov E. Russian Red Cross in Abyssinia. *Moskovskie Vedomosti*. 15.03.1896. No. 74. P. 2 (in Russian)].

Медицина в Московском государстве в XV–XVII вв. Лекция 9. История медицины. Проект кафедры истории медицины Российского университета медицины [Medicine in the Moscow State in the 15th–17th Centuries. Lecture 9. History of Medicine. Project of the Department of History of Medicine of the Russian University of Medicine (http://historymed.ru/education/education_lecture9_text.html) (дата обращения: 21.05.2026) (in Russian)].

Московские ведомости. 08(20).04.1896. № 95. С. 3 [Moskovskie Vedomosti. 08(20).04.1896. № 95. P. 3. (in Russian)].

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив, Москва [Russian State Military Historical Archive, Moscow].

Российско-эфиопские отношения в XIX – начале XX в. Сборник документов. М.: Восточная литература, 1998 [Russian-Ethiopian Relations in the 19th – beginning of the 20 century. Collection of Documents. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1998 (in Russian)].

Русев И.Т., Калмыков А.А., Коровин Р.А. История развития постоянных (непременных) военных госпиталей в Российской Империи в XVIII–XIX веках. *Вестник российской военно-медицинской академии*. 2014. №3 (47). С. 253–256 [Rusev I.T., Kalmykov A.A., Korovin R.A. History of Stationary (nonmoving) military hospitals development in Russian Empire in XVII–IXIX Centuries. *Vestnik Rossiyskoy Voennno-Meditsinskoy Akademii*. 2014. No. 3(47). Pp. 253–256 (in Russian)].

Хренков А.В. *Россия и Эфиопия: история отношений от Петра I до Николая II*. М.: Cherry Pie, 2022 [Khrenkov A.W. *Russia and Ethiopia: A History of Relations from Peter I to Nicholas II*. Moscow: Cherry Pie, 2022 (in Russian)].

Цыпкин Г.В. Русские медики в Эфиопии. У истоков отношений двух стран. *Новая и новейшая история*. 2017. № 4. С. 109–116 [Tsypkin G.V. Russian Doctors in Ethiopia. At the Origins of Relations of Two Countries. *Novaya i Noveyshaia Istorii*. 2017. No. 4. Pp. 109–116 (in Russian)].

Цыпкин Г.В. *Эфиопия: от раздробленности к политической централизации*. М.: Наука, 1980 [Tsypkin G.V. *Ethiopia: from Fragmentation to Political Centralization*. Moscow: Nauka, 1980 (in Russian)].

ТАЙВАНЬ ГЛАЗАМИ ВОЕННЫХ АНАЛИТИКОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ: ТАКТИКА, СТРАТЕГИЯ, ГЕОПОЛИТИКА

© 2026

В. Э. Молодяков¹

Российская империя не участвовала в соперничестве «великих держав» за Тайвань во второй половине XIX в., однако он попал в поле зрения её военных аналитиков. Триггером интереса послужила японская интервенция на «прекрасный остров» в 1874 г., указавшая на наличие нового актора в регионе. Российские военные моряки Владимир Африканович Терентьев (1840–1910) и Павел Иванович Ибис (1852–1877) не только собрали подробную и достоверную информацию о Тайване, но лично посетили его, после чего представили ценные отчёты о проделанной работе. Оценив ситуацию тактически, они смогли сделать стратегические выводы на перспективу. Данный Ибисом анализ ситуации отличался правильным пониманием влияния внутривосточных факторов на действия Японии. После перехода острова во владение Японии в 1895 г. военный агент в Китае и Японии Константин Ипполитович Вогак (1859–1923) проинформировал начальство о планах новых хозяев по «замирению» Тайваня. Оценивая итоги японо-китайской войны 1894–1895 г., включая превращение Тайваня в японскую колонию, Иосиф Владиславович Ржевуский (1870–1933) и Вячеслав Александрович Карликов (1871–1937) указали на возможные последствия изменения ситуации, однако геополитический анализ роли Тайваня с точки зрения военной аналитики в России будет дан только в советский период.

Ключевые слова: Россия, Тайвань, Япония, «великие державы», интервенция, экспансия, японо-китайская война 1894–1895 гг.

Для цитирования: Молодяков В. Э. Тайвань глазами военных аналитиков императорской России: тактика, стратегия, геополитика. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 66–73. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-066-073

TAIWAN AS SEEN BY MILITARY ANALYSTS OF IMPERIAL RUSSIA: TACTICS, STRATEGY, GEOPOLITICS

Vassili E. Molodiakov

The Russian Empire did not participate in the rivalry of the ‘great powers’ for Taiwan in the second half of the 19th century, however, it came into the view of its military analysts. The trigger for interest was the Japanese intervention on the ‘beautiful island’ in 1874, which indicated the presence of a new actor in the region. Russian naval officers Vladimir A. Terentyev (1840–1910) and Pavel I. Ibis (1852–1877) not only collected detailed and reliable information about Taiwan, but also personally visited it and presented valuable reports. Having assessed the

¹ Молодяков Василий Элианович, доктор политических наук, dottore68@mail.ru
Vassili E. Molodiakov, DSc (Political Science), Visiting Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dottore68@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5892-0473

situation tactically, they were able to draw strategic conclusions for the future. Ibis' analysis of the situation was characterized by a correct understanding of the influence of domestic political factors on Japan's actions. After the island came under Japanese control in 1895, the military agent in China and Japan Konstantin I. Vogak (1859–1923) informed the authorities about the new rulers' plans to 'pacify' Taiwan. Assessing the results of the First Sino-Japanese War of 1894–1895, including the transformation of Taiwan into a Japanese colony, Iosif V. Rzhnevsky (1870–1933) and Vyacheslav A. Karlikov (1871–1937) pointed out the possible consequences of the changing situation; however, a geopolitical analysis of Taiwan's role from the perspective of military analytics in Russia would be provided only in the Soviet period.

Keywords: Russia, Taiwan (Formose), Japan, "great powers", intervention, expansion, First Sino-Japanese war of 1894–95

For citation: Molodiakov V. E. Taiwan as Seen by Military Analysts of Imperial Russia: Tactics, Strategy, Geopolitics. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 66–73. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-066-073

«Тайвань всегда привлекал завоевателей. Китайцы, португальцы, испанцы, голландцы, французы, японцы поочерёдно пытались его захватить», — писал в 1924 г. французский военный аналитик Ж. Ребуль, указывая на стратегическую важность острова и тактические трудности в овладении им [Reboul, 1924, p. 3]. Соперничество «великих держав» за Тайвань приобрело конкретные формы в середине XIX в., после и в результате первой англо-китайской (опиумной) войны 1840–1842 гг., выйдя на государственный уровень, тогда как ранее там действовали частные компании. Речь шла об открытии острова для международной торговли, начало чему положили Тяньцзинские договоры 1858 г., по которым иностранцы допускались в четыре порта Тайваня [Тодер, 1978, с. 69–123] [Gordon, 2007, pp. 19–75]. «Изолированный остров вне побережья Китая, без сильного китайского военного присутствия и политического контроля, Тайвань был открыт для освоения заинтересованными силами или странами, искавшими финансовых или политических выгод. [...] Несмотря на растущий интерес иностранных держав к Тайваню, Китай ещё не оценил стратегическое и коммерческое значение острова и не принял должных усилий к закреплению контроля над ним» [Gordon, 2007, pp. 1, 77]. Потенциальное военное значение Тайваня также было осознано не сразу.

Российская империя не участвовала в торгово-экономическом соперничестве за «прекрасный остров», лежавший в стороне от её «караванных путей». Закономерно, что первыми из россиян на него обратили внимание военные моряки. В августе 1862 г. в Цзилуне сделал остановку корвет «Рында» с целью пополнить запасы угля: командир корабля обратил внимание на то, что уголь здесь оказался в три раза дешевле, чем в Гонконге [Хохлов, 1993, с. 125]. Триггером серьёзного интереса стала японская интервенция на Тайване в 1874 г. — «военная экспедиция, снаряжённая японским правительством на о[стров] Формозу для наказания жителей острова за убийство японцев», как она официально называлась в дипломатической переписке [Головачёв, 2024, с. 453].

Японская интервенция на Тайване (яп. *Тайван сюппэй*) в мае-июне 1874 г. стала реакцией на убийство в декабре 1871 г. рыбаков с островов Рюкю, потерпевших крушение у юго-восточного побережья острова, аборигенами из племени Боотанг («Муданьский инцидент»; яп. *Ботанся дзикэн*). В то время королевство Рюкю признавало своим сюзереном цинский Китай и князя Сацума с острова Кюсю, но после консервативной революции *Мэйдзи исин* (1868) состояло в дипломатических отношениях с Японией. В октябре 1872 г. Токио в одностороннем порядке объявил, что Рюкю является не государством, а частью Японии как отдельная территориальная единица, так что его подданные являются японскими подданными. Смысл интервенции на Тайвань заключался не только в том, чтобы продемонстрировать свою силу «великим державам», но и в том, чтобы вынудить

все стороны считать Рюкю частью Японии (окончательно аннексия завершилась лишь в 1879 г.). Япония потребовала от Китая официальных извинений и компенсации, а не получив удовлетворения по дипломатическим каналам, высадила войска на юге Тайваня и провела карательную операцию против аборигенов. Инцидент был урегулирован: Япония вывела войска с острова в обмен на уплату репараций.

С 1870 г. в распоряжение российского посланника в Пекине была назначена канонерская лодка «Горностай». В 1874 г. дипломатическую миссию возглавлял посланник Евгений Карлович Бюцов (1837–1904), а лодкой командовал капитан-лейтенант Владимир Африканович Терентьев (1840–1910).

Даже краткая справка о Бюцове показывает, что он был компетентным и в международных отношениях, и в местных, китайских и японских, делах. После окончания Александровского лицея в 1856 г. он получил пост секретаря по дипломатической части при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьёве и участвовал в переговорах с Китаем, завершившихся заключением Айгунского договора (1858). Бюцова оценили и пригласили в Министерство иностранных дел. С 1862 г. он служил на Дальнем Востоке: в 1862–1865 гг. — консул в Тяньцзине, в 1865–1869 гг. — консул в Хакодате (единственное российское дипломатическое представительство в Японии), в 1869–1870 гг. — поверенный в делах в Китае, в 1871–1873 гг. — первый русский консул в Иокогаме и поверенный в делах России в Японии после перенесения миссии из Хакодате в Токио. Назначенный в марте 1874 г. посланником в Цинской империи, он прослужил в этой должности девять лет.

Капитан-лейтенант Терентьев ещё ничем не прославился, но за пять лет командования «Горностаем» в 1873–1878 гг. достаточно зарекомендовал себя, чтобы получить назначения заведующим арктической подготовкой Сибирского флотского экипажа в 1878–1884 гг. и представителем Добровольного флота во Владивостоке в 1884–1904 гг. Закончивший службу в звании контр-адмирала, Терентьев был разносторонне образованным человеком и стал одним из создателей Общества изучения Амурского края. Опыт исследования Тайваня оказался для него «боевым крещением» в качестве аналитика. Видным военным востоковедом был и его старший брат Михаил, закончивший службу в чине генерал-лейтенанта Генерального штаба [Басханов, 2005, с. 233–236].

Бюцов отправил Терентьева на Тайвань «для собрания сведений, как о том, делаются ли какие-либо военные приготовления китайцами, так и о действиях японцев», о чём 24 мая / 5 июня 1874 г. докладывал министру князю А. М. Горчакову [Головачёв, 2024, с. 452–453]. Отправить было более некого, но командир «Горностая» оправдал доверие в превосходной степени. 4 / 16 сентября в докладе директору Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухову посланник лаконично и по существу изложил отчёт Терентьева [Головачёв, 2024, с. 453–455]. В. Ц. Головачёв опубликовал не только доклад Бюцова, но и приложенную к нему «выписку из отчёта» Терентьева (оригинал пока не найден) — первый российский письменный источник о Тайване, созданный человеком, который лично побывал там [Головачёв, 2024, с. 455–471] (далее цит. по этому источнику без ссылок). Выдержки из рапорта были без ссылок на источник (по причине секретности?) напечатаны в ряде петербургских газет, но изучение его полного текста только начинается [Головачёв, Емелин, 2026].

Терентьев не ограничился «собрани[ем] сведений, как о том, делаются ли какие-либо военные приготовления китайцами, так и о действиях японцев», как ему поручил Бюцов (в отчёте есть описания японского военного лагеря и лазарета, китайского военного лагеря и флотилии, включая характер вооружения и личного состава), но представил то, что позднее называли «справка». После подробной физико-географической и этнографической характеристики острова, включая описание, в том числе с военной точки зрения, города Тайвань-фу (совр. Тайнань), который он посетил лично, автор привёл данные о торговле на Тайване, полученные от таможенных чиновников,

и сделал вывод: «Формоза даже в руках китайцев способна служить для поддержки бюджета в государстве, что особенно известно японскому правительству, в последнее время реформ и войн нуждающе[му]ся в новых источниках доходов». Затем он перешёл к морской стороне дела, имевшей как экономическое, так и военное значение.

Описывая остров, Терентьев отметил следующие моменты, важные в тактическом и в стратегическом отношении: «Западный берег Формозы имеет 3 удобных гавани, во всякое время доступных для коммерческих судов среднего углубления 13 фут[ов]: Тамсуй, Такау-кон (совр. Гаосюн — В.М.) и Тон-конг (совр. Дунган — В.М.). [...] Близость превосходной гавани Макунг (совр. Магун) на Пескадорском острове Понгу делает возможным нагрузку и перегрузку на каботажные суда, которые затем везут товары в Тай-вань-фу, производить спокойно и комфортабельно. [...] Бухта Тон-конг есть только устье реки, судоходной на две мили от берега для судов до 17 фут[ов] углубления. [...] Если впоследствии здесь будет открытый порт Китайский ли или Японский, — торговля должна значительно оживиться, так как река судоходна для глубоких судов и пароходов, что составляет слабую сторону всех остальных гаваней Формозы, исключая Келунга (также Килонг; совр. Цзилун — В.М.)».

Терентьев анализировал ситуацию «на будущее». Во время франко-китайской войны 1884–1885 гг. к таким выводам придёт командующий французской эскадрой вице-адмирал А. Курбе, указавший на стратегическую важность Магуна и контроля над Пескадорскими островами, по сравнению с которыми не столь важен даже Цзилун, менее пригодный для стоянки крупных кораблей [Garnot, 1894, pp. 35–36, 97–98]. Информацию о действиях японцев Терентьев получил лично от контр-адмирала Акамацу Нориёси, позднее снискавшего известность как «отец японского судостроения». Из разговора с ним командир «Горностая» «заключ[ил], что остров ими оценён со всех сторон и признан заслуживающим экспедиции» как затратного мероприятия, и поставил вопрос: «Посмотрим, могут ли японцы удержаться на этом острове».

Заслуживает внимания предпринятое Терентьевым сравнение формозской кампании японцев и абиссинской кампании англичан 1867/68 гг.: вторую он полагал образцом для первой, сделав вывод: «Новейшие военные принципы усвоены японцами». Автор продемонстрировал стратегическое мышление: захват Тайваня в 1874 г. не был стратегической целью японцев, хотя ранее они пытались объявить часть острова, не контролируемую цинским правительством, «бесхозной» и потенциально подлежащей колонизации. Об этом Бюцову ещё в начале 1873 г. говорил глава внешнеполитического ведомства Соэдзима Танэтоми, подчеркнувший: «Утверждения европейского владычества на острове мы никак не можем допустить и потому предпочитаем предупредить возможность его». Позднее Соэдзима выражался осторожнее, но Бюцов продолжал считать «главной целью утверждение японского владычества на острове» [Хохлов, 1993, с. 126]. Полагаю, в таком духе посланник инструктировал Терентьева. По результатам увиденного тот констатировал, что японцы «смотрят на свой лагерь на Формозе не как на бивак, а как на колонию», добавив, что «войска экспедиции не просто зауряд, а нечто избранное». Наблюдение о том, что «население Формозы (китайское) совершенно безучастно смотрит на успех японцев и ничего не имеет против дальнейшего их движения», вероятно, восходит к японским источникам [Дела на Формозе, 1874].

Даже частичный переход контроля над Тайванем из рук китайцев в руки японцев привёл бы к изменению военно-стратегической и политической ситуации в регионе. Терентьев сделал вывод, что войны между Японией и Китаем из-за Тайваня не будет: «Столкновение немыслимо, если принять в соображение китайскую мудрость, с одной стороны, и такт японцев, с другой. Именно такт японцев должен не допустить открытой войны с Китаем, как со страной, умеющей делать уступки в территории за незначительное денежное вознаграждение, но неохотно отворяющей сундуки свой казны для выдач. [...] Японцы, по своей слабости, должны ограничить войну только отдалёнными

островами и вообще крайними точками Китая. Где Китай может без большого напряжения сосредоточить массу войск, там японцам делать нечего». События следующих десятилетий показали, что капитан-лейтенант был не только сведущим тактиком и стратегом, но и умел мыслить в категориях того, что позже называли геополитикой.

Морским офицером был и пионер российского тайваневедения — корпуса флотских штурманов прапорщик Павел Иванович (Пауль Юган) Ибис (1852–1877) с корвета «Аскольд». В. Ц. Головачёв детально реконструировал историю недолгой, но богатой событиями жизни Ибиса и републиковал его сочинения [Головачёв, 2019] (далее цит. по этому источнику без ссылок) [Головачёв, 2024, с. 40–51, 472–483]. Его главная работа «Экскурсия на Формозу» имела географический и этнографический, частично экономический характер, но в первом разделе автор привёл данные о портах Тайваня, важные в тактическом и в стратегическом отношении: «Берега Формозы бедны хорошими портами. Это одна из причин, почему её внутренность ещё так мало эксплуатирована и торговля так незначительна. По всему западному берегу только один Такао годен для навигации в продолжение круглого года, и то для судов, сидящих не глубже 14 фут[ов]. В Тай-ван-фу совершенно открытый рейд, где только от декабря до марта безопасная стоянка. [...] Килонгская бухта имеет только в начале достаточную глубину для больших судов».

В статье, опубликованной в специализированном отечественном журнале «Морской сборник», Ибис дал детальное профессиональное описание китайской канонерской лодки «Фу-зинг» (совр. «Фу-син»), на которой он прошёл из Килунга в Тамсуй (совр. Даньшуй) [Головачёв, 2019, с. 182]. Однако, как указал автору этой статьи В. Ц. Головачёв, данный эпизод и детальное описание китайского форта в Танг-Канге [Головачёв, 2019, с. 141–142] были изъяты Ибисом из немецкоязычной версии статьи в журнале «Глобус» — вероятно, сознательно.

Путешествуя по югу Тайваня, Ибис обратил внимание не только на действия побывавших здесь японцев (о них он писал саркастически, в отличие от дистанционно восторгавшегося «армией цивилизации» француза Эдмона Плошу [Головачёв, 2024, с. 41–42] [Молодяков, 2022] [Молодяков, 2023]), но и китайцев, стремившихся предотвратить дальнейшие осложнения в отношениях с «великими державами» из-за «дикарей» и «пиратов». «Только что миновавшая опасность потерять часть Формозы понудила китайцев энергичнее приняться за формозцев, особенно же за беспокойных жителей южной оконечности острова. [...] На южной Формозе опять война; но чем она кончится — неизвестно. Китайское войско, хоть и многочисленно, но лишено всякой энергии и патриотизма; туземцами же, кроме личной храбрости, руководит ещё справедливый принцип самосохранения». Военно-этнографический вывод, сделанный в 1875 г., подтвердился в ходе «замирения» острова японцами двадцать лет спустя и в столкновениях с аборигенами на протяжении следующих десятилетий. Подобно Терентьеву, Ибис считал, что японцы «видели пред собою уже новую колонию, новые доходные и тёплые места», но «вскоре эта приятная перспектива рушилась». Здесь он тоже заглядывал в будущее.

В статье «Формозский вопрос между Китаем и Японией» Ибис, находясь в Нагасаки, проанализировал действия Японии, исходя из внутриполитической ситуации. «Национальная гордость требовала войны, и японцы уже заранее готовились к этому. [...] Правительству нужна была война: от быстрых и бесконечных реформ последнего времени кружились у всех головы; весь народ находился в каком-то лихорадочном состоянии, которое ещё усилилось прошлогодним восстанием в Саге, близ Нагасаки²; [...] приверженцы старых порядков не сидели сложа руки; грозила новая междоусобная война; необходимо было прервать это опасное брожение, занять умы каким-нибудь новым общим делом,

² Восстание самураев в префектуре Сага на севере острова Кюсю в феврале 1874 г. во главе с Это Симпэй, одним из лидеров консервативной революции *Мэйдзи исин*. Первое вооружённое выступление против нового режима было подавлено правительственными войсками и закончилось массовыми казнями, включая Это. Иностранные наблюдатели рассматривали его как «испытание на прочность» новой власти. — Прим. В.М.

которое, вместе с тем, доказало бы и пользу всех нововведений; а что могло быть удобнее для этого как не война, мщение за оскорблённую честь нации?» Аналогии опасны, однако вспомним известные — возможно, апокрифические, но зажившие собственной жизнью — слова российского министра внутренних дел В. К. Плеве, сказанные 29 лет спустя, в январе 1904 г.: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Говоря Бюцову в январе 1873 г. о возможной экспедиции на Тайвань, Соэдзима напомнил: «В людях для такого предприятия недостатка у нас нет; есть тысячи бывших княжеских вассалов, которые жаждут случая обнажить саблю и показать своё удалство» [Хохлов, 1993, с. 126]. В то время в правительстве обсуждался план военного похода в Корею, в том числе с целью «занять делом» бывших самураев, лишённых привилегированного статуса и фиксированного содержания, но большинством голосов он был отвергнут. В оппозицию ушли сторонники внешней экспансии — сам Соэдзима, министр юстиции Это Симпэй, ставший во главе восстания в Сага, и военный министр Сайго Такамори, поднявший оружие против правительства в 1877 г. Таким образом, к моменту интервенции на Тайване изменилась прежде всего ситуация внутри Японии.

В следующий раз Тайвань попал в поле российских военных аналитиков двадцать лет спустя — в связи с японо-китайской войной, по результатам которой остров сменил хозяина. 18/30 сентября 1895 г. в Тяньцзине военный агент в Китае и Японии подполковник Константин Ипполитович Вогак (1859–1923, в эмиграции), служивший в должности с начала 1893 г. и в течение войны находившийся в японской действующей армии, составил очередное донесение. Оно представляло собой почти дословный перевод на русский язык статьи «Как надлежит усмирять остров Тайвань» из японской газеты «Ничи-ничи» (в принятой ныне транскрипции «Нити-нити») от 4 и 5 сентября 1895 г., приведённый без комментариев. Вводя документ в научный оборот, В. Ц. Головачёв отметил: «Донесение К. И. Вогака свидетельствует о том, что официальные представители России в странах Восточной Азии внимательно следили за событиями в Китае и Японии, в частности, за усилением Японии и развитием событий, связанных с аннексией Тайваня. При этом они старались (вполне успешно для условий того времени) сообщать в Россию самую оперативную и полную информацию «из первых рук», включая новейшие публикации официальной японской прессы» [Головачёв, 2015, с. 114–115]. В 1896 г. Вогак был произведён в полковники и назначен военным агентом только в Китае, оставаясь в должности до середины 1903 г. и получив в 1900 г. чин генерал-майора; после назначения в 1905 г. военным агентом в Лондоне дальневосточными делами более не занимался [Басханов, 2005, с. 52–53].

Одну из первых российских работ о японо-китайской войне оперативно подготовил поручик Иосиф Владиславович Ржевуский (1870–1933, в эмиграции). Она интересна не кратким описанием «замирения» острова [Ржевуский, 1896, с. 70–71], но подведением итогов войны и послевоенной перекройки карты региона в стратегическом и отчасти геополитическом плане [Ржевуский, 1896, с. 71–73] (далее цит. по этому источнику без ссылок). На локальном уровне аналитик отметил: «Так как китайское влияние на о[строве] Формозе распространялось только на северный и западный берег его, а малайские племена, населявшие внутреннюю часть и восточный берег острова, только номинально находились под властью китайцев, то пройдёт ещё немало времени, прежде чем японцы завладеют всем островом и будут пользоваться плодами своих трудов». Прогноз оказался верным. Отметим и констатацию факта, что цинский Китай не контролировал весь остров — к этому аргументу Япония пыталась прибегать в начале 1870-х годов.

Заслуживают внимания выводы обобщающего раздела «Значение войны», выходящие за пределы тайваньского вопроса. «Хотя война Японии с Китаем и не произвела никакого переворота, но она имеет громадное значение для культуры и могущества Восточной Азии. Европа с давних пор привыкла смотреть на Японию и Китай как на государства некультурные; даже усвоение

Японией за последние тридцать лет европейской цивилизации мало обращало на себя внимания. Минувшая война показала, что Япония достигла замечательного развития в культурном отношении. Её государственный строй, экономическое состояние, армия дают ей право стать в ряду европейских государств. Могущество, которого она достигла в такой короткий срок и которое доказала в войне с Китаем, не позволяют её игнорировать, особенно России, для которой она теперь является опасным соседом на востоке». Ржевуский правильно понимал стратегические цели Японии — добиться не только равноправия с партнёрами, но и членства в «клубе великих держав», для чего в то время было необходимо обладать колониями.

Значение Тайваня как японской колонии проанализировал капитан Генерального штаба Вячеслав Александрович Карликов (1871–1937, расстрелян), участвовавший в подавлении «боксерского» восстания 1900 г. в Китае и служивший в Азиатской части Главного штаба [Басханов, 2005, с. 104]. В «Очерк территориальных захватов европейцев у Китая и современное состояние отнятых областей» он включил и Формозу [Карликов, 1903, с. 41–51] (далее цит. по этому источнику без ссылок), тем самым приравняв Японию к «европейцам» (обратим внимание). Уже в начале обзора, предвзя «справку» об острове, он отметил, что японское «императорское правительство с некоторых пор особенно интересуется этой колонией, которая, помимо своей экономической роли, может быть призвана, по своему географическому положению, иметь немаловажное и политическое значение».

Первым среди российских аналитиков Карликов оценил деятельность четвёртого генерал-губернатора острова генерала Кодама Гэнтаро (1898–1906), с которым, как и с его «правой рукой» — гражданским губернатором Гото Симпэй, связаны начальные и принципиально важные успехи японской политики на Тайване. «Предшественники генерала Кодама не имели определённого плана, и к приезду нынешнего губернатора на Формозе царил неурядица». Это не совсем верное утверждение соответствовало образу, который исподволь создавали Кодама и Гото, однако до вступления «тандема» в должность японским властям на острове действительно не хватало стратегического видения. Основное внимание в обзоре Карликов уделил экономическим аспектам развития острова, отмечая его успехи, а среди военных отметил лишь работы по модернизации и укреплению порта Цзилун.

Складывается представление, что до русско-японской войны российские военные аналитики не задумывались о военно-стратегическом значении Тайваня в рамках баланса сил в регионе. Сделанное в декабре 1904 г. «китайским адмиралом Каном» российскому военному агенту в Китае генерал-майору К. Н. Дессино предложение поднять — на российские деньги — антияпонское восстание на острове при приближении к нему Балтийской эскадры было встречено специалистами по Китаю с интересом, однако не получило развития в силу неизвестности «адмирала Кана», в котором заподозрили авантюриста [Чигринский, 1992]. Даже после русско-японской войны отечественная аналитика продолжала уделять преимущественное внимание экономическому развитию и потенциалу первой японской колонии. обстоятельный военно-стратегический и геополитический анализ роли Тайваня будет дан в России только в советский период.

Литература / References

[Б.п.] Дела на Формозе. *Всемирная иллюстрация*. 1874. № 298. С. 179 [N.a. Formosan Affairs. *Vsemirnaya Illyustratsiya*. 1874. No. 298. P. 179 (in Russian)].

Головачёв В. Ц. Роль этнической политики в ранних японских планах «усмирения» Тайваня (по статье из официальной газеты «Ничи-Ничи» от 4 и 5 сентября 1895). *XLV научная конференция «Общество и государство в Китае»*. Сборник докладов. Ч. 1. М., 2015. С. 105–116 [Golovachev V. Ts. Place of Ethnic Policy in Early Japanese Plans of Taiwan 'Pacification' (According to Nichi-Nichi Gazette Dated September 4 and 5, 1895). *XLV Academic Conference "Society and State in China". Abstracts of Papers*. Part 1. Moscow: IV RAN, 2015. Pp. 105–116 (in Russian)].

Головачёв В. Ц. «Экскурсия на Формозу». Этнографическое путешествие П. И. Ибиса. М.: Весь мир, 2019 [Golovachev V. Ts. "Excursion to Formosa". *The Ethnographic Trip by Pavel Ibis*. Moscow: Ves' Mir, 2019 (in Russian)].

Головачёв В. Ц. «Остров именем Фромоза»: этнополитическая история Тайваня XVII–XXI вв. М.: ИВ РАН, 2024 [Golovachev V. Ts. "Island Named Fromosa": *Ethno-Political History of Taiwan in XVII–XXI c.* Moscow: IV RAN, 2024 (in Russian)].

Головачёв В. Ц., Емелин А. Ю. Отчёт капитан-лейтенанта В. А. Терентьева о посещении Формозы и публикации российской прессы о японской военной экспедиции 1874 г. *Россия и АТР*. 2026. № 2 [Golovachev V. Ts., Emelin A. Yu. Lt. Commander V. A. Terentyev's Report on His Visit to Formosa and the Russian Periodicals' Publications about the 1874 Japanese Military Expedition. *Rossiya i ATR*. 2026. No. 2 (in Russian)].

Карликов В. А. Очерк территориальных захватов европейцев у Китая и современное состояние отнятых областей. СПб.: [б. и.], 1903 [Karlikov V. A. *Essay on the Territorial Seizures of China by Europeans and the Current State of the Taken Regions*. St. Petersburg: [n. p.], 1903 (in Russian)].

Молодяков В. Э. Эдмон Плошю — французский апологет японской колониальной экспансии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 3 (21). С. 23–28 [Molodiakov V. E. Edmond Plauchut — French Apologist of the Japanese Colonial Expansion. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2022. No. 3 (21). Pp. 23–28 (in Russian)].

Молодяков В. Э. Японская интервенция на Тайване (1874) в контексте колониальной экспансии «великих держав»: Эдмон Плошю и его книга «Армии цивилизации» (1876). *Уральское востоковедение*. 2023. Вып. 13. С. 49–55 [Molodiakov V. E. The Japanese Intervention in Taiwan (1874) in the Context of the Colonial Expansion of the "Great Powers": Edmond Plauchut and His Book "Armies of Civilization" (1876). *Ural'skoe Vostokovedenie*. 2023. Issue 13. Pp. 49–55 (in Russian)].

Ржевуский И. В. Японо-китайская война 1894–1895. СПб.: М. М. Ледерле, 1896 [Rzhevusky I. V. *Sino-Japanese War of 1894–95*. St. Petersburg: M. M. Lederle, 1903 (in Russian)].

Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. Автор-составитель М. К. Басханов. М.: Восточная литература, 2005 [Russian Military Orientologists before 1917. *Biographical-Bibliographical Dictionary*. Baskhanov M. K. (comp.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005 (in Russian)].

Тодер Ф. А. Тайвань и его история (XIX в.). М.: Наука, 1978 [Toder F. A. *Taiwan and Its History (XIXth century)*. Moscow: Nauka, 1978 (in Russian)].

Хохлов А. Н. Исторические связи России с Тайванем (до 1917 г.). *Проблемы и перспективы развития неправительственных связей между Россией и Тайванем*. М. [б. и.], 1993. С. 123–138 [Khokhlov A. N. Historical relations of Russia with Taiwan (up to 1917). *Problems and prospects of the development of non-governmental relations between Russia and Taiwan*. Moscow [n. p.], 1993. Pp. 123–138 (in Russian)].

Чигринский М. Ф. Тайвань в политике держав. (Об одной несостоявшейся акции периода русско-японской войны). XXIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Часть II. М.: ИВ РАН, 1992. С. 57–60 [Chigrinsky M. F. Taiwan in the Politics of Powers. (About an Unfulfilled Action during the Russo-Japanese War). XXIII Academic Conference "Society and State in China". Abstracts of Papers. Part II. Moscow: IV RAN, 1992. Pp. 57–60 (in Russian)].

Garnot, le capitaine. *L'expédition française de Formose (1884–1885)*. Paris: Librairie Ch. Delagrave, 1894.

Gordon L. H.D. *Confrontation over Taiwan. Nineteenth-Century China and the Powers*. Plymouth UK: Lexington Books, 2007.

Reboul G., le lieutenant de vaisseau. École supérieure de guerre navale. *Les expéditions contre Formose. (Japonais, 1874 — Français, 1884–85 — Japonais, 1895)* [Paris: n. p.,] 1924. Paris: Hachette, 2022.

«ЯПОНСКИЙ ВОПРОС» В СТРАТЕГИИ КОМИНТЕРНА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ МИЛИТАРИЗАЦИИ (1920–1937 гг.)

© 2026

А. А. Нарышкин¹

В статье рассказывается об эволюции деятельности Коминтерна на японском направлении в 1920–1937 гг. Показано, что при сохранении идеологической установки на мировую революцию приоритеты в значительной мере смещались в сторону прикладных задач, связанных с обеспечением безопасности СССР на Дальнем Востоке и сдерживанием японской экспансии в сопредельных регионах. Анализируются предпосылки формирования коммунистического движения в Японии, создание Коммунистической партии Японии (КПЯ), а также механизмы внешней поддержки через дальневосточные центры Коминтерна. Особое внимание уделяется воздействию государственной репрессивной политики Японии, приведшей к дезорганизации партийных структур и ограничению возможностей легальной мобилизации. В этих условиях функционал Коминтерна трансформировался: на первый план вышли поддержание подпольных сетей, сохранение кадрового ядра и каналов коммуникации, подпольная печать и сбор политической информации. В заключительной части обозначается связь коминтерновской линии с антифашистской стратегией середины 1930-х гг., а также роль разведывательно-информационного компонента в условиях фактической деградации массовой базы КПЯ.

Ключевые слова: Коммунистический интернационал, Восточная Азия, Япония, советское влияние, национально-освободительное движение, единый фронт

Для цитирования: Нарышкин А. А. «Японский вопрос» в стратегии Коминтерна: политические установки и практическая реализация в условиях милитаризации (1920–1937 гг.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 74–80. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-074-080

“THE JAPANESE QUESTION” IN THE COMINTERN’S STRATEGY: POLITICAL GUIDELINES AND PRACTICAL IMPLEMENTATION UNDER THE CONDITIONS OF MILITARIZATION (1920–1937)

Andrey A. Naryshkin

This article examines the evolution of the Comintern’s activities in the Japanese direction from 1920 to 1937. It shows that, while the ideological commitment to world revolution was maintained, priorities largely shifted

¹ Нарышкин Андрей Александрович, доктор политических наук, доцент кафедры дипломатии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва; andr-naryshkin@yandex.ru

Andrey A. Naryshkin, DSc (Political Science), Associate Professor, Department of Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow; andr-naryshkin@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9815-0693

toward practical tasks related to ensuring the USSR's security in the Far East and containing Japanese expansion in neighboring regions. The article analyzes the preconditions for the formation of the communist movement in Japan, the establishment of the Japanese Communist Party (JCP), and the mechanisms of external support channeled through the Comintern's Far Eastern centers. Particular attention is paid to the impact of Japan's repressive state policies, which led to the disorganization of party structures and constrained the possibilities for legal mobilization. Under these conditions, the Comintern's functions were transformed: maintaining underground networks, preserving the cadre core and channels of communication, clandestine publishing, and collecting political information came to the fore. The concluding section highlights the link between the Comintern's line and the anti-fascist strategy of the mid-1930s, as well as the role of the intelligence and information component amid the effective erosion of the JCP's mass base.

Keywords: Communist International, East Asia, Japan, Soviet influence, national liberation movement, United Front

For citation: Naryshkin A. A. "The Japanese Question" in the Comintern's Strategy: Political Guidelines, and Practical Implementation Under the Conditions of Militarization (1920–1937). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 74–80. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-074-080

Введение

На японском направлении работа Коминтерна была ориентирована не столько на продолжение мировой революции, сколько на решение прикладных задач безопасности. Идея глобального революционного процесса, безусловно, сохраняла значение в идеологическом плане, однако конкретная международная обстановка диктовала иной приоритет: ослабление позиций империалистической державы, которая в межвоенный период воспринималась в Москве как один из наиболее активных противников Советского Союза. В этом смысле деятельность Коминтерна в Японии становилась элементом оборонительной стратегии — попыткой защитить результаты Октябрьской революции и одновременно ограничить расширение японского влияния в сопредельных регионах, прежде всего в Корее и Китае.

Сформировавшееся в начале 1920-х гг. японское коммунистическое движение оказалось в условиях системного и жёсткого противодействия со стороны государства. Политический контроль над левыми организациями, репрессивные меры, массовые аресты и постоянное идеологическое давление последовательно сужали пространство для легальной деятельности. К началу 1930-х гг. легальные формы борьбы были фактически парализованы: организационные структуры разрушались, связи между активистами рвались, а публичная политическая работа становилась крайне рискованной.

В результате функционал Коминтерна в японском контексте заметно трансформировался. На первый план вышли поддержка подпольных кружков и уцелевших сетей, помощь в сохранении кадрового ядра и каналов коммуникации, а также сбор сведений о внутренней и внешней политике Японии.

В методологическом отношении анализ «японского направления» Коминтерна целесообразно вести в расширенной рамке политэкономии безопасности и организационной устойчивости. Подобно тому как в современных исследованиях крупных трансформаций акцент смещается от статичных показателей обладания ресурсом к оценке устойчивости инфраструктур и управляемости рисков, в межвоенной Восточной Азии вопрос влияния и безопасности также может быть описан через призму способности поддерживать работоспособность сетей, каналов и процедур в условиях внешнего давления [Нарышкина, 2025]. Это позволяет рассматривать эволюцию практик Коминтерна не как линейное ослабление под воздействием репрессий, а как процесс исторической

эволюции приоритетов и инструментов при изменении конфигурации угроз. Описанный подход дополняется инструментарием ситуационного анализа в контексте дипломатии второго трека и научной дипломатии. Хотя исходно этот метод применяется к современным международным конфликтам, его значимость для исторического исследования состоит в том, что он задаёт последовательность аналитических операций, повышающих прозрачность аргументации и сопоставимость выводов.

Применительно к 1920–1937 гг. это означает, что Коминтерн, КПЯ и связанные с ними структуры можно анализировать как элементы многоуровневой системы, где эффективность определялась не столько декларативными целями, сколько устойчивостью инфраструктуры подполья: кадрового ядра, конспиративных процедур, каналов связи и финансирования, механизмов нелегальной печати, а также контуров сбора и передачи политической информации.

Начало коммунистического движения в Японии

В японском обществе 1910–1920-х гг. существовали сильные левые настроения, связанные с рабочим движением и идеями социализма. Октябрьская революция вызвала большой резонанс среди японских радикалов, и некоторые из них стремились установить связь с Москвой. Важно отметить, что подобные контакты с внешним центром могли реализовываться не только через формальные партийные структуры, но и через более гибкие, «внепротокольные» каналы коммуникации — то, что в современной терминологии описывается как неофициальные форматы взаимодействия, аналогичные логике дипломатии второго трека [Аликберов, Наумкин, 2024], создающие пространство для обмена позициями и выработки подходов при отсутствии устойчивых официальных каналов. В таких форматах решающим становится не публичный статус участников, а их включённость в сеть доверия, возможность конфиденциального обсуждения и практическая полезность результатов для принимающих решения акторов.

Конгресс революционных организаций Дальнего Востока 1922 г., прошедший с участием японских делегатов, обозначил интерес Коминтерна к Японии [Корейцы в СССР, 2004, с. 101–105]. С методологической точки зрения подобные площадки можно рассматривать как раннюю форму организованного «ситуационного обсуждения» транснациональной повестки: они позволяли одновременно выявлять проблему, уточнять круг заинтересованных сторон и их интересы, сопоставлять позиции и формировать набор установок для последующих действий, то есть выполнять функции, близкие к тем, которые в более поздних практиках описываются как этапы ситуационного анализа.

Одним из видных представителей японских социалистов, сблизившихся с Коминтерном, был Катаяма Сэн — ветеран рабочего движения, эмигрировавший в Советскую Россию. В 1922 г. он присутствовал на упомянутом Дальневосточном конгрессе. В своём выступлении на заседании Дальбюро ЦК РКП(б) он призвал к сплочению антиимпериалистических сил Востока, констатируя, что «японский пролетариат теперь уже узнал, к чему ведёт политика их правящих классов, ему знаком и зверский разгром японскими императорскими войсками амурской деревни Ивановки, и обречение японского гарнизона в Николаевске-на-Амуре для создания предлога продолжения интервенции» [Выступление Сэн Катаяма, 1922, с. 278].

Непосредственно в Японии создание коммунистической партии происходило тайно. Несмотря на то, что Катаяма Сэн на упомянутом выступлении утверждал о создании коммунистической партии Японии в 1921 г. [Выступление Сэн Катаяма, 1922], всё же в историографии принято считать, что Японская коммунистическая партия была образована в Токио в июле 1922 г. Официально Коммунистическая партия Японии (КПЯ) была учреждена несколькими организациями левого

толка 15 июля 1922 г. [ВКП(б), Коминтерн и Япония, с. 282]. Коминтерн вскоре принял КПЯ в качестве японской секции, поручив курировать её деятельность Дальневосточному бюро ИККИ в Шанхае. Программные установки японских коммунистов во многом формировались под влиянием советских советников [Программа КПЯ, 1922]. Структура, сформированная из нескольких организаций, слитых воедино, оказалась непрочной и уже в 1924 г. была дезорганизована и фактически прекратила функционирование в прежнем виде [Письмо Г. Н. Войтинского, 1924]. В 1920-е гг. КПЯ провозглашала конечной целью свержение императорского строя и установление диктатуры пролетариата, хотя признавалось, что сначала Япония должна пройти через стадию демократической революции, учитывая наличие феодальных пережитков. В первые годы своего существования КПЯ была крайне немногочисленной и действовала конспиративно. Коминтерн финансово поддерживал японское подполье, переправляя деньги через Шанхай и Корею, а также помогал налаживать подпольную печать.

Противостояние с государством и кризис партии (1925–1934)

Японское правительство с тревогой восприняло появление в стране коммунистической пропаганды. Опасаясь «большевистской заразы», Токио ещё в 1918–1922 гг. участвовал в интервенции против Советской России [Обращение Народного Собрания Дальневосточной Республики к народам и правительствам всего мира, 1921, с. 570]. Кульминацией стало принятие Закона о сохранении мира в 1925 г., который криминализировал любую деятельность, направленную на «изменение государственного строя» — фактически против компартии и анархистов [Takasi, 2019, p. 463]. В том же 1925 г. полиция впервые разгромила сеть коммунистических активистов, арестовав лидеров движения. Коммунисты были вынуждены уйти ещё глубже в подполье, переорганизовавшись через смену названий и руководства. Тем не менее уже к 1926–1927 гг. коммунисты восстановили влияние в части легальных профсоюзов и молодёжных организаций, работая через прикрытия. Ответом властей стала новая волна репрессий: 15 марта 1928 г. по всей Японии произвели одновременные аресты сотен человек, заподозренных в принадлежности к коммунистической организации [Лим, 2021, с. 211]. Эта акция во многом парализовала коммунистическое движение, многие активисты были приговорены к заключению на долгие сроки. Оставшиеся на свободе лидеры пытались восстановить оргструктуру, но давление со стороны силовых организаций не позволило поднять голову коммунистическому движению. Фактически борьба ведётся на уровне студенческих организаций при КПЯ [Лим, 2021, с. 208]. За пять лет (с 1930 по 1934 г.) было арестовано более 6000 студентов «за активное участие в социальном движении» [Smith, 1972, p. 206]. После этого организованное коммунистическое движение в Японии фактически перестало функционировать.

Коминтерн, наблюдая за разгромом своей японской секции, предпринимал попытки реанимации. Из зарубежных центров коммунистического движения в Шанхае и Москве японским товарищам направлялись инструкции с требованием усилить революционную борьбу. В ноябре 1931 года представитель японских коммунистов Окано выступил на заседании Политического секретариата ИККИ в Москве, где подробно отчитался о деятельности партии в условиях жесточайших репрессий. По его данным, около 2000 членов партии находились в тюрьмах, а в отдельные дни аресты достигали массового характера — так, в конце августа только за один день в Осаке, Киото и Кобе было задержано 1500 человек [Выступление Окано, 1931, с. 527].

Несмотря на попытки международной поддержки и героическое сопротивление, японское коммунистическое движение столкнулось с беспрецедентным давлением властей. Многие видные деятели партии, оказавшись в заключении, были вынуждены под давлением прокуратуры отречься

от своих убеждений. Некоторые из освобождённых в начале 1931 года даже создали «Рабочую группу Коммунистической партии Японии», целью которой была дезориентация революционно настроенных рабочих. Эта волна отречений и предательств стала трагической страницей в истории японского коммунистического движения, символизируя массовую капитуляцию перед лицом милитаристского «государственного террора».

К середине 1930-х гг. подпольная компартия Японии практически перестала подавать признаки жизни: численность активных членов сократилась до нескольких десятков, действовавших изолированно. Коминтерн рассматривал возможность роспуска японской секции, но формально не сделал этого, сохраняя надежду на возрождение движения.

Японский вопрос в стратегии Коминтерна (1934–1937)

В 1930-е гг. Япония превратилась в главного противника СССР на Дальнем Востоке. Агрессивная политика Токио, отзвуками которой стали вторжение в Маньчжурию, выход из Лиги Наций, курс на войну с Китаем, заставляла Москву учитывать фактор японского милитаризма при всех шагах. Коминтерн в этой обстановке акцентировал антифашистское направление и призывал к борьбе против японского империализма. На VII конгрессе Коминтерна 1935 г. было особо отмечено, что экспансия «фашистских держав» угрожает всем народам, и коммунисты должны выступить инициаторами широкого сопротивления [Выступление Окано, 1931, с. 527].

Применительно к Японии это означало, что остатки КПЯ должны, с одной стороны, проводить подрывную работу среди рабочих и крестьян против милитаристского режима, а с другой — пытаться установить связи с любыми оппозиционными правящему курсу силами. Практическое выполнение этих задач было почти невозможно. Тем не менее Коминтерн продолжал информировать мировую общественность о положении в Японии, разоблачая репрессивный характер режима. Поддерживалась надежда, что при ближайшем повороте истории в Японии вновь вспыхнет революционное движение.

Отдельно стоит упомянуть о взаимодействии советской разведки и коминтерновских структур на японском направлении. Понимая слабость японского коммунистического движения, советское руководство делало ставку на сбор информации и подрыв изнутри через разведывательные сети. В середине 1930-х гг. в Японии действовала разведгруппа под руководством Рихарда Зорге — хотя это выходило за рамки деятельности Коминтерна, Зорге и его японские помощники были тесно связаны с левыми кругами. Информация, добытая этой сетью, использовалась советским руководством для оценки планов Японии и выстраивания политики в отношении потенциальных противников. Правда, известен тот факт, что донесения группы не пользовались полным доверием в руководстве СССР. С точки зрения же влияния на массы до 1937 г. коммунисты в Японии не смогли создать ни легальных профсоюзов, ни заметной печати. Только с началом затяжной войны в Китае и ухудшением положения японских трудящихся появились некоторые предпосылки для роста недовольства, что впоследствии привело к зарождению тайных кружков сопротивления. Но это уже выходит за хронологические рамки данного исследования.

Выводы

Подводя итог, можно констатировать, что деятельность Коминтерна на японском направлении в 1920–1930-е гг. демонстрирует смещение акцента от универсалистской установки на «мировую революцию» к преимущественно прикладным задачам, связанным с обеспечением безопасности

СССР на Дальнем Востоке и сдерживанием расширения японского влияния в сопредельных регионах.

Создание КПЯ в 1922 г. и ее раннее развитие происходили в условиях зависимости от внешних ресурсов и консультационного влияния. Уже на начальном этапе устойчивость партийных структур оказалась ограниченной, что предопределило приоритет конспиративных форм работы.

Принятие Закона о сохранении мира 1925 г. и последующие репрессивные кампании привели к последовательному снижению потенциала КПЯ. К началу — середине 1930-х гг. партия утратила способность к устойчивой публичной деятельности, а активность сместилась в студенческую среду и подпольные кружки.

Разгром японской секции и массовые аресты обусловили функциональную трансформацию коминтерновских практик: при сохранении идеологической риторики возрастала значимость задач поддержания кадрового ядра, сохранения каналов связи, подпольной печати и получения сведений о внутривосточной и внешнеполитической динамике Японии. Тем самым Коминтерн в японском кейсе выступал не только как идеологический центр, но и как инфраструктура обеспечения устойчивости подполья.

В середине 1930-х гг. на фоне усиления японского милитаризма и эскалации в Восточной Азии японская проблематика в документах Коминтерна интерпретировалась в логике антифашистской мобилизации и политики широких коалиций. Однако практическая реализация этих установок в Японии была существенно ограничена уровнем давления властей и отсутствием жизнеспособных организационных рамок КПЯ.

Литература / References

Аликберов А. К., Наумкин В. В. Дипломатия второго трека в формате ситуационного анализа: опыт Института востоковедения РАН. *Вестник МГИМО-Университета*. 2024. Т. 17. № 4. С. 101–120 [Alikberov A. K., Naumkin V. V. Track-II diplomacy in the format of situational analysis: the experience of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2024. Vol. 17. № 4. Pp. 101–120 (in Russian)].

Выступление Сэн Катаяма на заседании Дальбюро ЦК РКП(б), г. Чита. 20 июня 1922 г. *ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг.* Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Фонд япон. историков; отв. ред. Грант Адиебеков, Харуки Вада. М.: РОССПЭН, 2001. С. 277–278 [Speech by Sen Katayama at a meeting of the Far Eastern Bureau of the Central Committee of the RCP(b), Chita. 20 June 1922. *VKP(b), the Comintern and Japan. 1917–1941*. Federal Archival Service of Russia, Russian State Archive of Socio-Political History, Foundation of Japanese Historians; ed. by Grant Adibekov, Haruki Wada. Moscow: ROSSPEN, 2001. Pp. 277–278 (in Russian)].

ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Фонд япон. историков; отв. ред. Грант Адиебеков, Харуки Вада. М.: РОССПЭН, 2001 [VKP(b), the Comintern and Japan. 1917–1941. Federal Archival Service of Russia, Russian State Archive of Socio-Political History, Foundation of Japanese Historians; ed. by Grant Adibekov, Haruki Wada. Moscow: ROSSPEN, 2001 (in Russian)].

Программа КПЯ. Япония, сентябрь 1922 г. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 127. Д. 9. Л. 104–107 [Program of the Communist Party of Japan. Japan, September 1922. RGASPI. F. 495. Op. 127. D. 9. L. 104–107 (in Russian)].

Письмо Г. Н. Войтинского в Восточный отдел ИККИ относительно роспуска КПЯ и дальнейших действий японских коммунистов. Шанхай, 1 мая 1924 г. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 127. Д. 80. Л. 1–6 [Letter from G. N. Voitinsky to the Eastern Department of the ECCI regarding the dissolution of the Communist Party of Japan and further actions of Japanese communists. Shanghai, 1 May 1924. RGASPI. F. 495. Op. 127. D. 80. L. 1–6 (in Russian)].

Обращение Народного Собрания Дальневосточной Республики к народам и правительствам всего мира. 9 декабря 1921 г. *Документы внешней политики СССР. Т. IV. 19 марта 1921 г. — 31 декабря 1921 г.* М.: Госполитиздат, 1960 [Appeal of the People's Assembly of the Far Eastern Republic to the peoples and governments of the whole world. 9 December 1921. *Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. IV. 19 March 1921–31 December 1921.* Moscow: Gospolitizdat, 1960 (in Russian)].

Из выступления В. Ульбрихта на VII конгрессе Коминтерна о пути к свержению фашистской диктатуры. Москва, 7 августа 1935 года. РЦХИДНИ, ф. 494, оп. 1, д. 269, л. 2, 31–34 [From W. Ulbricht's speech at the 7th Congress of the Comintern on the path to overthrowing the fascist dictatorship. Moscow, 7 August 1935. RTsKhIDNI. F. 494. Op. 1. D. 269. L. 2, 31–34 (in Russian)].

Выступление Окано на заседании Политического Секретариата ИККИ. Москва, 18 ноября 1931 г. *ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг.* Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Фонд япон. историков; отв. ред. Грант Адибеков, Харуки Вада. М.: РОССПЭН, 2001. С. 526–528 [Speech by Okano at a meeting of the Political Secretariat of the ECCI. Moscow, 18 November 1931. *VKP(b), the Comintern and Japan. 1917–1941.* Federal Archival Service of Russia, Russian State Archive of Socio-Political History, Foundation of Japanese Historians; ed. by Grant Adibekov, Haruki Wada. Moscow: ROSSPEN, 2001. Pp. 526–528 (in Russian)].

Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918–1937 гг. Отв. ред. Ю. В. Ванин. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. [Koreitsy v SSSR. *Materialy sovetskoy pechati 1918–1937 gg.* Ed. by Yu. V. Vanin. Moscow: IVRAN, 2004. 344 p. (in Russian)].

Лим С. Ч. Демократическое движение в университетах Японии (1918–1932). *Диалог со временем.* 2021. № 74. С. 197–213 [Lim S. Ch. Democratic movement in Japanese universities (1918–1932). *Dialog so vremenem.* 2021. № 74. Pp. 197–213 (in Russian)].

Нарышкина А. А. Политэкономика энергетического перехода: победители и проигравшие. *Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление.* 2025. № 4 (55). С. 77–84 [Naryshkina A. A. Political economy of the energy transition: winners and losers. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie.* 2025. № 4 (55). Pp. 77–84 (in Russian)].

Smith H. *Japan's First Student Radicals.* Harvard: Harvard University Press, 1972.

Takasi K. Premodern Ideas “Kokutai” as Essential Elements of Modernization in Japanese Historical Process. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies.* 2019. T. 11. № 4. Pp. 463–479.

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-081-092

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИНДИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ. ХИНДУТВА И СИОНИЗМ

© 2026

Т. А. Карасова, В. П. Кашин¹

Двусторонние отношения Индии и Израиля прошли несколько этапов развития — от трудного первоначального диалога до взаимовыгодного сотрудничества и особого стратегического партнёрства. Доверительный характер современных отношений Индии и Израиля включает распространившиеся в основном в индийской историографии идеи определённой близости сионизма и *хиндутвы*, двух видов этнополитической идеологии. Многие специалисты, особенно с индийской стороны, исследующие природу и развитие этих идеологий, опирающихся на их современные формы — *хиндутву* и неосионизм, находят целый ряд общих характеристик и признаков, позволяющих говорить об их родстве. Однако между двумя рассматриваемыми типами национализма существуют серьёзные различия, обусловленные как историческими условиями их возникновения и развития, так и государственными интересами каждой страны.

Ключевые слова: Индия, Израиль, Модии, Нетаньяху, индийско-израильские отношения, *хиндутва*, сионизм

Для цитирования: Карасова Т.А., Кашин В.П. К вопросу о некоторых аспектах индийско-израильских отношений. Хиндутва и сионизм. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 81–92. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-081-092

CONCERNING SOME ASPECTS OF INDIAN-ISRAELI RELATIONS. HINDUTVA AND ZIONISM

Tatyana A. Karasova, Valeriy P. Kashin

Bilateral relations between India and Israel have gone through several stages of development, from a difficult initial dialogue to mutually beneficial cooperation and special strategic partnership. The trusting nature of modern relations between India and Israel reflects the ideas, prevalent primarily in Indian historiography, of a certain affinity between Zionism and Hindutva, two types of ethno-political ideology. Many experts, particularly those from India, studying the nature and development of these ideologies, based on their modern forms — neo-Zionism and Hindutva — discover a number of common characteristics and attributes that suggest a certain

¹ Карасова Татьяна Анисимовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; karasovat@list.ru

Tatyana A. Karasova, PhD (Hist.), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; karasovat@list.ru
ORCID: 0000-0002-0245-5960

Кашин Валерий Петрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; indology@mail.ru

Valeriy P. Kashin, PhD (Hist.), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; indology@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0119-9157

similarity between the two types of ethno-political ideologies. However, there are significant differences between the two types of nationalism under consideration, stemming from both the historical conditions of their emergence and development, as well as the national interests of each country.

Keywords: India, Israel, Modi, Netanyahu, Indian-Israeli relations, Hindutva, Zionism

For citation: Karasova T. A., Kashin V. P. Concerning Some Aspects of Indian-Israeli Relations. Hindutva and Zionism. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 81–92. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-081-092

Отношения Индии и Израиля проделали большой и непростой путь от трудного первоначального диалога до взаимовыгодного сотрудничества и особого стратегического партнёрства. Этот период можно условно разделить на несколько этапов, первый и самый продолжительный из которых охватывает 1948–1992 гг. Хотя Индия была против раздела Палестины и создания еврейского государства, она в сентябре 1950 г. де-юре признала Израиль, но отложила обмен посольствами с ним до 1992 г. [Кашин, 2017, с. 31].

Между тем после создания в 1948 г. Государства Израиль страны устанавливают первые контакты. В область интересов Индии входило главным образом сотрудничество в сфере безопасности, включая обмен развединформацией и помощь оружием и амуницией. По мере усиления доверия между сторонами оно распространялось на торгово-экономические связи, в том числе технологические проекты [Крылов, 2024, с. 194–195]. Для Израиля развитие отношений с Индией в те годы вписывалось в практику «периферийной политики» со странами вне Ближнего Востока. Важным политическим фактором такой политики являлось преодоление Израилем региональной изоляции и блокады со стороны соседних арабских государств [Морозов, 2024, с. 175].

Второй этап индийско-израильского сближения (1992–2014) был обусловлен окончанием «холодной войны». Глобальные изменения на международной арене и ближневосточный мирный процесс 1990-х гг. позволили Индии и Израилю перейти к стабильным и взаимовыгодным связям. Их ключевым направлением стало военно-техническое сотрудничество. Индия остро нуждалась в новых союзниках, особенно в США, и в новых поставщиках оружия на смену устаревшему советскому. С точки зрения её дипломатов осуществлению этих планов могли способствовать тесные контакты с еврейским государством, стратегическим партнёром Вашингтона. В свою очередь Израиль серьёзно рассчитывал на большой и перспективный индийский рынок и готов был поделиться своими товарами, услугами и техническими разработками. Успешно развивалось сотрудничество в агросфере, атомной энергетике, освоении космоса, фармацевтике, использовании возобновляемых источников энергии, охране окружающей среды.

Третий этап индийско-израильских отношений берёт начало после победы в 2014 г. на парламентских выборах в Индии националистической Бхаратия джаната парти (БДП) во главе с Нарендрой Модой, в ходе которого страны вышли на уровень стратегического партнёрства. Его оформление состоялось во время визита в Израиль Моди 4–6 июля 2017 г. [Кашин, 2023, с. 327]. В феврале 2026 г. статус отношений между Индией и Израилем был повышен до «особого стратегического партнёрства ради мира, инноваций и процветания».

Доверительный характер отношений Индии и Израиля на этом этапе отражали распространившиеся в индийской историографии идеи определённой близости *хиндутвы* и сионизма, двух видов этнополитической идеологии. Будучи национальным движением евреев, сионизм официально является государственной идеологией Израиля, а *хиндутва* – идеологией индусского национализма, политическим крылом которого выступает БДП, правящая в Индии в 1998–2004 гг. и с мая 2014 г. по настоящее время. При этом между двумя рассматриваемыми типами национализма

существуют серьёзные различия, обусловленные как историческими условиями их возникновения и развития, так и государственными интересами каждой страны.

Хиндутва и индульский национализм

Принято считать, что развитие идеи *хиндутвы* началось в 1923 г., когда индийский революционер и националист Винайк Дамодар Саваркар (1883–1966) опубликовал в Нагпуре книгу «Хиндутва. Кто является индусом?» Она была с восторгом встречена партией Хинду махасабха (Великий союз индусов — ХМС, создана в 1915 г.) и стала кредо индульского национализма. Хотя термин «хиндутва» (индульскость) ввёл в оборот в 1892 г. бенгальский писатель и историк Чандранатх Басу, его разработкой занимался именно Саваркар. Он трактовал «хиндутву» значительно шире понятия «индуизм». Согласно Саваркару, индусом считается тот, кто признаёт территорию от реки Инд до океана землёй своих предков, почитает эту территорию священной и наследует культуру, проявившую себя в классическом санскрите, языке религиозных и философских сочинений Древней Индии. Буддисты, джайны и сикхи включались им в число индусов и воспринимались все вместе как единая «нация» и даже «раса» [Ванина, 2014, с. 164]. Саваркар критиковал позиции мусульманской общины Индии, для которых Мекка имеет большее значение, нежели Дели или Агра. Он подчёркивал, что «некоторые из них не скрывают, что готовы пожертвовать всей Индией ради величия ислама или спасения города пророка» [Savarkar, 1999, p. 84]. В 1937–1943 гг. Саваркар, будучи президентом ХМС, утверждал, что проводимая Индийским национальным конгрессом (ИНК), старейшей и самой массовой партией Британской Индии, политика единения индусов и мусульман ущемляла права индульского конфессионального большинства и препятствовала созданию индульского государства — *хинду раштры*. В то время как ИНК выступал под лозунгом «Свараджа» (Своё правление), что означало достижение Индией независимости, ХМС требовал «Акханд Бхарата» (Единая Индия) — сохранения целостности страны и недопущения её раздела по религиозно-общинному принципу. ИНК придерживался ненасильственных форм борьбы с британскими колониальными властями и под руководством Махатмы Ганди проводил общенациональные кампании гражданского неповиновения, а ХМС концентрировал внимание на движении *шуддхи* — «очищении» и возвращении в лоно индуизма тех, кто перешёл в другую конфессию, и укреплении индуизма как веры (*сангатхан*).

После убийства Махатмы Ганди 30 января 1948 г. членом ХМС и секретарём Саваркара Натхурамом Годсе деятельность этой партии была временно запрещена, она потеряла многих сторонников и фактически оказалась на обочине общественно-политической жизни страны. К суду привлекли и Саваркара, но он был оправдан за недостаточностью улик. Однако рост авторитета индульского национализма становился всё заметнее. Его самой влиятельной организацией выступала Раштрия сваямसेвак сангх (Союз добровольных служителей нации — Сангх или РСС, создана в 1925 г.). Отцом-основателем РСС был Кешав Балирам Хедгевар (1889–1940), который задумал Сангх как дисциплинированное братство единоверцев для защиты общины, религии и культуры индусов. Главным идеологом РСС считается Мадхав Садашив Голвалкар (1906–1973). Его книги «Мы и наша национальная идентичность» (1939) и «Гроздь мыслей» (1966) почитаются в РСС как святыни. Своё мировоззрение Голвалкар называл «культурным национализмом» и противопоставлял европейскому «территориальному национализму». Его «культурный национализм» исходил из тождественности культурной, национальной и религиозной принадлежности индусов, призывал к восстановлению былого духовного величия Бхарата (Индии) от Мексики до Японии и процветанию индусов в период, предшествовавший вторжению мусульманских и европейских

завоевателей, требовал от них прославления индусской нации и полного и всеобъемлющего единства в борьбе за установление царства дхармы (религиозный долг, закон) [Golwalkar, 2000, pp. 44, 168, 479]. Это даже дало повод К. Жаффрело, французскому исследователю индусского национализма, сделать вывод о близости идеологии Голвалкара к нацизму [Jaffrelot, 1996, pp. 53, 59].

Годвалкар утверждал, что неиндусы Индии должны уважать индуизм, индусскую расу, культуру и язык индусов и отказаться от любого проявления нетерпимости к нации индусов и её традициям. «В противном случае они могут оставаться в этой стране в полном подчинении у индусской нации, не претендуя ни на что, не заслуживая никаких привилегий, тем более какого-либо особого отношения, и даже прав гражданства», — писал он [Golwalkar, 1947, p. 56]. Главными врагами «национального дела» индусов он называл мусульман, христиан и коммунистов и сравнивал их с демонами-*ракшасами* [Golwalkar, 2000, pp. 177–201].

РСС располагает более чем ста отделениями, зарегистрированными как самостоятельные организации². Они охватывают все стороны жизни индийского общества. Все вместе они составляют *Сангх паривар* (Семью *сангх*) и сохраняют верность *хиндутве*. По статусу РСС находится вне политики и является культурной организацией, которая, по мнению индийского политолога П. Канунго, фактически трансформировалась в массовое движение [Kanungo, 2002, p. 84]. РСС и её отделения не нуждаются в рекламе и предпочитают не привлекать к себе особого внимания СМИ. Это придаёт им ореол загадочности и таинственности. На выборе подобного приёма работы в немалой степени сказался тот факт, что в независимой Индии РСС трижды запрещали под давлением политических соперников: в 1948, 1975–1977 и в 1992 гг.

Современные последователи *хиндутвы* объясняют происхождение термина «индус» (*хинду*) национальной, а не религиозной принадлежностью — по аналогии с тем, как, например, житель Соединённых Штатов Америки — американец. Любой человек, который проживает в Индии и следует индийской культурной традиции, является индусом. Национальность человека не меняется от того, что он мусульманин или христианин. Стало быть, в их трактовке *хиндута* призвана объединять индийцев, а не разъединять их. Она, по их мнению, противостоит западному рационализму и глобализации, угрожающим материальным и культурным устоям жизни сотен миллионов индийцев, глубоко религиозных и патриархальных в своей основе, и «позиционирует себя как патриотическая, великодержавная, антиимпериалистическая сила, которая стремится построить «сияющую Индию», могучее государство, несущее свет духовности всему человечеству [Куценков, 2017, с. 134–135].

11 декабря 1995 г. Верховный суд Индии характеризовал *хиндутву* как «образ жизни народа субконтинента» [Noorani, 2017, p. 109]. Выступая на национальном семинаре «Хиндута в современном контексте», проведённом 15–16 сентября 2009 г. в Ахмедабаде, действующий лидер РСС Моханрао Бхагват назвал её «душой Бхарата» [Bhagwat, 2010, p. 321]. Он и его единомышленники известны как сторонники диалога с мусульманской и христианской общинами страны. Они также вывели из категории врагов хиндутвы христиан Индии, чьи предки представляют собой её коренных жителей [Sudarshan, 2007, p. 45]. В настоящее время мусульмане составляют 14,2% населения Индии, почти 215 млн человек.

Термин «хиндута» окончательно закрепился в идеологическом арсенале индусского национализма только после 1977 г. с отменой чрезвычайного положения в Индии, введённого в 1975 г. Индирой Ганди, и прихода к власти коалиционного правительства Джаната парти с участием Бхаратия джана сангх. Позднее этот успех был приумножен БДП и её лидерами Аталом

² Наиболее значимые: Бхаратия джана сангх (Индийский народный союз), с 1980 г. Бхаратия джаната парти — политика, Вишва хинду паришад (Всемирный совет индусов) — индусская община, Бхаратия маздур сангх (Индийский рабочий союз) — профсоюз, Бхаратия किसान сангх (Индийский крестьянский союз) — крестьяне, Баджранг дал (Отряд сильных) — молодёжь, Видья бхарати (Индийское образование) и другие.

Бихари Ваджпай и Нарендрой Модии. Тем не менее отношение к индуусскому национализму и *хиндутве* в Индии и за её пределами остаётся неоднозначным. Многие полагают, что в их лице имеют дело с религиозно-общинной (коммуналистской) и даже фашистской идеологией и обвиняют её носителей в подрыве основ индийского государства, попытке пересмотреть индийскую конституцию, запугивании религиозных меньшинств, разжигании межконфессиональной розни и участии в индуусско-мусульманских погромах, переписывании истории Индии с позиции индуусского национализма и создании теократического индуусского государства. Подобного рода обвинения не имеют под собой твёрдой почвы и исходят, как правило, из штабов Индийского национального конгресса, главного политического оппонента индуусского национализма, Коммунистической партии Индии, Коммунистической партии Индии (марксистской) и некоторых региональных партий.

Не секрет, что идеология *хиндутвы* оказывает мощное влияние на индийское общество. В настоящее время её последователи также обращают пристальное внимание на развитие движений активного этнического национализма в других странах, и прежде всего сионистской идеологии Государства Израиль.

Сионизм как идеология Израиля

Национальная идея Государства Израиль имеет глубокие исторические корни. К моменту появления «классического» сионизма в конце XIX в. она прошла долгий путь становления и развития, вобрав в себя веру в возвращение на историческую родину — Землю Обетованную, — заложенную в еврейской религиозной традиции, и идеи европейского национализма. Основоположителем «классического» сионизма был Теодор Герцль (1860–1904). В трактате «Еврейское государство: опыт современного решения еврейского вопроса» (1896) он пришёл к выводу о необходимости создания еврейского государства для народа, долгое время находившегося в состоянии рассеяния, трактовавшегося как изгнание (*галут*) [Герцль, 2008, с. 29]. Для «классического» сионизма характерен «синтез» различных подходов к основным вопросам идеологии и национальной политики, в том числе сионистское течение либерального направления; сионистское рабочее, трудовое или лейбористское движение социалистического толка; ревизионистское движение, находившееся на правом фланге сионизма, и религиозный сионизм [Карасова, 2018, с. 368–371]. Все они требовали «возрождения» утраченной политической единицы, своей государственности.

Существовало три главных подхода к восстановлению политической независимости евреев: подход мирян (политический сионизм), подход ультраортодоксов (связанный с идеей прихода Мессии) и подход религиозных сионистов, веривших, что политический сионизм является частью Божественного плана [Essential Papers, 1996, p. 148]. В ходе сочетания разнообразных концепций: от социалистических учений конца XIX — начала XX в. с включением идей еврейского Просвещения — Хаскала до программ воинствующего, «активного» национализма, а также лейбористских и либеральных подходов в сионизме сложилась уникальная комбинация интеллектуальных, культурных и религиозных традиций. Её поливариантность и синтетический характер при наличии множественности партий, представляющих различные идеологические направления, предопределили не только мобильность и успехи Израиля, но и противоречия в его развитии.

После окончания Первой мировой войны Палестина перешла под управление Великобритании как государства-мандатария. При этом в решении о мандате на Палестину не были учтены пожелания её арабского населения. Правление британской администрации на этой территории в 1918–1948 гг. совпало с её заселением евреями-сионистами и действиями по легитимизации еврейского «национального очага». Британское управление воспринималось развивающейся еврейской

общиной (*ишувом*) как власть, стремившаяся ограничить еврейскую иммиграцию и тормозившая план создания еврейского государства. Результатом этого стало решительное сопротивление евреев мандатной системе. Британское правление рассматривалась ими как несправедливое, что фактически привело к партизанской войне против англичан. Именно тот период подмандатный истории сионизма привлёк внимание индийских политических деятелей, которые сравнивали борьбу евреев против англичан в Палестине с проявлением антиколониального движения по всему миру. Впоследствии для индийских политиков и идеологов сопротивление евреев английской администрации стало неким объединительным историческим фактором между сионизмом и индийским национализмом.

С принятием в 1947 г. резолюции ООН о разделе Палестины британский мандат прекратил своё действие, и в мае 1948 г. было создано Государство Израиль. После этого начался длительный период израильско-арабского противостояния — этнополитический конфликт, вобравший в себя весь набор межгосударственных, этнических и политических противоречий и историко-психологических, религиозных и других элементов, предопределивших своеобразие и особую сложность конфликтов данного типа.

Политическое развитие Израиля прошло несколько этапов. Первый из них охватывает 1948–1977 гг. и отмечен доминированием лейбористского, «рабочего» направления в сионизме под руководством партии МАПАЙ и её блоков МАИ и Маарах, а затем Партии труда — Авода. Первоначально рабочие партии придерживались идеи создания в Палестине двух независимых государств — арабского и еврейского и приняли план ООН о разделе Палестины. Однако в результате войны 1967 г. был оккупирован ряд арабских и палестинских территорий, что повлияло на процесс поправления сионистской идеологии и послужило началом поселенческого движения в этом направлении.

Второй период берёт начало с поражения партий «рабочего» сионизма в 1977 г. и выдвижения на передний план правого сионистского течения под руководством партии Ликуд. Этот поворот во многом изменил не только политическую ситуацию в стране, но и духовные и идейные ценности государства, прежде всего «классический» сионизм [Begin, 1972, p. 47]. Приход к власти Ликуда был обусловлен усилением националистических настроений в обществе вследствие войн с соседними арабскими государствами и оккупации ряда арабских территорий. Эти условия сформировали политические взгляды нового поколения израильтян, ориентирующихся на более жёсткие идейно-политические националистические установки, чем могла предложить традиционная программа левого социал-сионистского крыла [Dowty, 1998, p. 168].

Лидеры Ликуд и премьер-министр Менахем Бегин (1977–1983) направили свою деятельность на изменение основ политики Израиля. Вместо осторожного прагматизма лейбористского сионизма правительство Бегина взяло на вооружение идеи ревизионистского движения в сионизме, которое и стало затем идеологической и организационной базой партии Ликуд. Лидер этого движения Владимир Жаботинский (1880–1940) ещё в догосударственный период сформулировал идейно-политическую доктрину «интегрального» национализма, направленного на выполнение исторической миссии еврейского народа в борьбе за новую национальную идентичность и создание своего государства. Лозунг Жаботинского — «активизм и сила» предопределил его отношение к «арабскому вопросу», который он призывал решать «железной стеной» — военной и политической силой. Он не верил в возможность «еврейско-арабского соглашения» и писал: «Боюсь, что мы получим Эрец-Исраэль только военной силой» [Жаботинский, 2004, с. 268]. Эти идеи стали идейно-политической доктриной Ликуда. Поэтому партийная платформа этой партии стала официально именоваться «наследием Жаботинского». Руководство Ликуда предприняло «реконструкцию» основных традиционных социал-сионистских политических взглядов и идей. Одновременно

происходило обновление методов идеологизации израильской политики посредством усиления в ней националистического компонента [Карасова, 2009, с. 84].

Политическая линия Ликуда была основана на сепаратизме и жёсткой позиции в отношении арабского населения. Краеугольным камнем идеологической платформы правых партий стало требование сохранения в Израиле еврейского большинства и «еврейский характер» его государственной и общественной жизни, приведённый в соответствие с традиционными «еврейскими ценностями» [Harkabi, 1988, p. 105]. Статья В. Жаботинского «О железной стене» (1924) считается программной линией Ликуда в арабском вопросе. Сегодня идеи этой статьи снова актуальны, и даже само её название — «Стена» в буквальном смысле стоит в повестке дня политической жизни Израиля.

Заявка на роль продолжателей «интегрального» сионизма имела инструментальный характер. Для сохранения контроля над оккупированными территориями и развития там поселенческого движения была запущена идея «исторического права» еврейского народа на обозначение территории государства в его древних «исторических границах», которая легла в основу поселенческого движения. Национально-религиозный лагерь предполагает, что союз между сионизмом и религиозностью означает формирование политики государства Израиль согласно религиозным критериям [Sharot, 1982, p. 230]. В рамках этих усилий национальная идентичность строится на базе древней религиозной традиции, освящающей право Израиля на всю территорию «исторической» родины «Эрец Исраэль» [Халамиш, 2006, с. 201].

Однако идеологические, политические и культурные перемены, произошедшие в израильском обществе в последние десятилетия, постепенно расшатывали идейную ориентацию поколения «отцов-основателей». Стиль жизни, ценности и мировоззрение современных израильтян во многом изменились. Разочарование общества в возможностях реального продвижения мирного процесса и в связи с широким размахом терроризма со стороны радикальных палестинских организаций привело к тому, что израильтяне теперь меньше интересуются дискредитировавшими себя мирными программами урегулирования палестино-израильского кризиса и делают ставку на усиление силовых компонентов идеологической базы государства.

Новые тенденции в сионистской идеологии принято обозначать термином «неосионизм», используемым в израильском обществе в основном как демонстративный и мобилизационный фактор. По сути ничего принципиально нового это направление не предложило. Но в нём усилились черты наиболее радикального, силового политического «активизма», углубляющего процессы радикализации ортодоксального религиозного компонента, характерного для правого крыла еврейского национализма. Российские исследователи выделяют характеристики неосионизма, которые базируются на идее еврейского государства как центрального фактора еврейской идентичности [Беляев, Асонов, 2023, с. 73–75]. Неосионизм основывается на принципе секьюритизации государственной политики и в условиях палестино-израильского конфликта придаёт первостепенное значение силовому методу, обеспечивающему безопасность и выживание еврейского государства. Его сторонники выступают за расширение территории Израиля за пределы границ, существовавших до 1967 г., отвергают любой компромисс с палестинцами и утверждают, что исторические еврейские земли, включая Западный Берег и Восточный Иерусалим, должны оставаться под контролем Израиля. Главной чертой неосионизма остаётся националистическая направленность современных идеологов. Израильские исследователи неосионизма считают, что данная политическая идеология является «ультранационалистической» и не «допускает возможности совместного мирного проживания евреев и арабов в одном государстве» [Беляев, Асонов, 2023, с. 75].

Официальное закрепление этнонационального характера Государства Израиль произошло в феврале 2017 г., когда Кнессет принял закон о легализации строительства еврейских поселений

на частных палестинских землях Западного берега р. Иордан, считавшихся ранее незаконными самими же властями Израиля. Новым взрывом общественного мнения на внутриизраильском, региональном и мировом уровне стало принятие Кнессетом 19 июля 2018 г. закона о еврейском характере Государства Израиль. В соответствии с этим законом евреям в Израиле принадлежит исключительное право на национальное самоопределение в пределах государства, столицей которого является «единый и неделимый» Иерусалим. Закон понизил национальный статус арабского населения Израиля, фактически подтверждая, что их гражданские права не равны правам еврейского большинства [Sharvit, Zur, 2019]. Принятие этого закона подрывает последние аргументы в пользу демократического характера Государства Израиль.

В 2022 г. коалиционное правительство Израиля в шестой раз возглавил лидер Ликуда Биньямин Нетаньяху. В состав его самого правого в истории страны кабинета министров вошла партия «религиозного сионизма» Оцма Йехудит (Еврейская сила), историческая наследница крайне националистической партии Ках (Так), возглавляемой М. Кахане. Основной целью ортодоксов в правительстве является борьба против любых попыток «размывания еврейского характера государства» путём усиления религиозного диктата, идея неделимости «Земли Израиля» и жёсткая линия по отношению к арабам.

Массовая поддержка Закона о еврейском характере государства, статуса Иерусалима и позиции правительства в палестинском вопросе свидетельствует о продолжении процесса радикализации значительной части воззрений израильских евреев [Cook, 2017]. В Израиле усиливается «подпитка» еврейского национализма ощущением исторической уязвимости — Холокоста, изгнания, антисемитизма, антиизраилизма и угрозы безопасности еврейскому государству, что формирует оборонительный, иногда осаждённый тип современного национализма. Политический курс правительства Израиля на этом этапе обусловил повышение интереса индийских политиков к идеологическому сближению сионизма и хиндутвы. Идеи неосионизма, по мнению индийских теоретиков *хиндутвы*, сближали этнонациональную неосионистскую концепцию правящих кругов Израиля с этнорелигиозным национализмом политического истеблишмента Индии. Представители правых кругов Индии и Израиля разделяли многие постулаты неосионизма и *хиндутвы*, например, цели построения государства с единой национальной идентичностью и культурой — Израиль как еврейское государство и Индия или Бхарат — Хинду раштра. Они принимают идеи примата национального над классовым, социальным групповым (идея Жаботинского) и противопоставления «своих» «другим», считая лишь себя — евреев и индусов — творцами древних цивилизаций, историческими нациями, носители духовности, высокой культуры и искусства. Индусские националисты рассуждали о сионизме в целом и не выделяли в нём направлений, течений, группировок. Они опирались на идеологию индийской БДП и израильских правонационалистических партий во главе с Ликудом. Действительно, некоторую схожесть отмечали представители израильских академических кругов. В Израиле интерес к индийской религии и национальной политике начал развиваться прежде всего со стороны израильского религиозного лагеря. Однако, как подчёркивали израильские политологи [Kandel, Wald, 2017], связи между еврейскими религиозными общинами и последователями *хиндутвы* в основном развивались вне Израиля.

Диалог хиндутвы и сионизма

Показательно, что с самого начала идеологи индусского национализма проявляли интерес к сионизму и симпатизировали еврейским иммигрантам, возвращавшимся в Палестину. «Если мечта сионистов воплотится в жизнь и Палестина станет еврейским государством, это обрадует

нас не меньше, чем наших еврейских друзей, — подчеркнул в 1923 г. В. Д. Саваркар, — евреи, как и мусульмане, будут ставить интересы Святой земли выше интересов их родины в Америке и Европе. В случае войны между родной страной и еврейским государством они естественно будут симпатизировать последнему и при необходимости перейдут на его сторону» [Savarkar, 1999, pp. 84–85].

К евреям относился с уважением также М. С. Голвалкар и считал, что индусы и евреи в течение долгого времени подвергались угнетению со стороны мусульман. Он рассматривал религию в качестве главного структурно-образующего компонента национальной принадлежности и констатировал, что евреи сохранили верность своей религии и культуре, находясь в многовековом изгнании вдали от Палестины. «Восстановление еврейской нации в Палестине служит прямым подтверждением того, что страна, раса, религия, культура и язык формируют национальную идею», — рассуждал он в 1939 г. [Golwalkar, 1947, p. 37]. Саваркар и Голвалкар не разделяли политической линии Джавахарлала Неру на Ближнем Востоке из-за уклона в пользу арабов. В одном из своих выступлений в ноябре 1956 г. Саваркар убеждал сторонников *хиндутвы*, что внешнеполитическим интересам Индии более отвечает союз с Израилем, признанным Англией, СССР, Китаем и США [Keer, 1966, p. 499].

Но в подмандатный период сионисты оставались равнодушными к индусскому национализму и активно старались привлечь на свою сторону Махатму Ганди, лидера массовой освободительной борьбы на субконтиненте. В 1931 г. в Лондоне и в 1936 и 1947 гг. в Британской Индии они предприняли несколько попыток ознакомить Ганди с доктринами сионизма в ходе личных контактов, но он воздержался от каких-либо комментариев на сей счёт и обратил внимание гостей на многочисленные столкновения евреев и арабов в Палестине [Essa, 2025, p. 4]. Внимательно выслушав сионистов, он посоветовал им перейти к повсеместному проведению ненасильственных акций, способных, с его точки зрения, привести к успешной реализации их требований.

В 1977 г. ИНК потерпел поражение на парламентских выборах. Победу одержал блок Джаната парти, объединявший разнородные оппозиционные силы. В их числе был националистический Бхаратия джана сангх, лидер которого Атал Бихари Ваджпай занял пост министра иностранных дел и приступил к диалогу с лидерами Ликуд, также пришедшей к власти в Израиле в том же году. По приглашению Ваджпай в августе 1977 г. Нью-Дели посетил Моше Даян.

Одновременно с развитием связей на государственном уровне в Израиле рос интерес к индийской истории и духовности. В США и Великобритании были установлены первые контакты между еврейскими религиозными общинами и сторонниками *хиндутвы* [Kandel, Wald, 2017]. В 2007 г. в Нью-Дели, в 2008 в Иерусалиме и в 2009 г. в Вашингтоне прошли встречи индусских и еврейских религиозных деятелей, общественных лидеров и интеллектуалов, обсуждавших отношения между приверженцами сионизма и *хиндутвы*. Принятая в 2007 г. совместная декларация под названием «Высшая реальность, создавшая этот мир» напомнила об общей памяти о преследованиях, разрушениях и угнетении и растущей новой волне антисемитизма. В 2008 г. индийская делегация и раввины Израиля подписали заявление о духовной совместимости индуизма и иудаизма. Подводя итоги этих встреч, генеральный секретарь Всемирного совета религиозных лидеров Бава Джайн заметил: «В тесных контактах двух древнейших мировых религий я вижу большие перспективы для дальнейшего развития стратегических отношений между Индией и Израилем, а также между Индией, Израилем и США» [Kandel, Wald, 2017]. Если индусские и еврейские религиозные лидеры и представители индусской общины Индии выразили удовлетворение началом взаимного диалога, то секулярные израильтяне в большинстве своём остались безразличны к нему.

В мае 2014 г. победу на парламентских выборах в Индии одержала БДП во главе с Нарендрой Модой. Одним из приоритетных направлений политики Моды «Действуй на Востоке» стало углубление отношений с Израилем. В июле 2017 г. глава индийского правительства посетил

Израиль и подписал ряд документов, направленных на установление стратегического партнёрства. 14–19 января 2018 г. с ответным визитом в Индии находился премьер-министр Израиля Нетаньяху. Главы правительств двух стран — Модии и Нетаньяху — заложили новую идейно-политическую основу двухсторонних отношений. С политической точки зрения для Израиля при Модии большое значение на международном уровне имеет индийская поддержка (впрочем, весьма сдержанная) действий Израиля в отношении сектора Газа. Нарендра Мооди одним из первых осудил «террористические удары» ХАМАС 7 октября 2023 г. [Shreevatsa, 2023]. После этих событий индийские журналисты дружно объявили о начале прямого диалога сионизма и *хиндутвы* и сближении этнонациональной неосионистской концепции правящих кругов Израиля с этнорелигиозным национализмом политического истеблишмента Индии [Aiyar, 2023, p. 43]. Идеологическое сближение Индии и Израиля при Модии и Нетаньяху и их стремление использовать демократические институты в интересах отдельных этнических групп, придерживающихся изоляционистских религиозных взглядов, несомненно, способствовали сближению двух стран [Motwani, 2023].

Однако в отличие от индийских СМИ израильские, как правило, избегают высказываний о «родстве» *хиндутвы* и сионизма и акцентируют внимание на стратегическом партнёрстве и военнотехническом сотрудничестве этих стран. Они отстаивают демократический характер Государства Израиль и опасаются международной критики его внутренней репрессивной политики и обвинений в превращении государственной системы страны в этнополитический режим. При этом именно Мооди и Нетаньяху выстраивали новую схему партнёрства, основанную на доверительных отношениях, тесной координации и первенстве стратегических интересов. Это подтверждала поддержка Индией действий Израиля в секторе Газа после террористической атаки боевиков радикального палестинского движения ХАМАС. В 2025 г. Индия воздержалась при голосовании нескольких резолюций ООН, осуждающих военную операцию Израиля в секторе Газа и требующих введения эмбарго на поставки ему оружия и немедленного и постоянного прекращения огня. Больше того, Индия поставляла Израилю амуницию, беспилотники и артиллерийские снаряды, которые тот применял против палестинских боевиков [Khan, 2024, p. 69]. Мооди одобрил инициативу президента США Трампа по урегулированию ситуации в секторе Газа, выдвинутую 29 сентября 2025 г. Он считал, что план Трампа открывает «реальный путь к миру» как для израильцев, так и для палестинцев [The Times of India, 01.10.2025]. Израиль не остался в долгу и одобрил операцию «Синдур», проведённую Индией против Пакистана 7–10 мая 2025 г. в ответ на расстрел пропакистанскими террористами 26 туристов неподалёку от индийского города Пахалгам. Взрывоопасная ситуация на Ближнем Востоке вызывает глубокую озабоченность Нью-Дели. Индия призвала все стороны проявлять сдержанность, избегать дальнейшей эскалации и уделять главное внимание безопасности гражданского населения. Она поддерживает разрешение всех споров путём диалога, дипломатии и уважения суверенитета и территориальной целостности государств региона [Hindustan Times, 03.03.2026].

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что двусторонние отношения Индии и Израиля развиваются в направлении дальнейшего стратегического сближения. Индия остаётся верной стратегическому партнёрству с Израилем на протяжении всех последних лет, что доказал визит Модии в Иерусалим 25–26 февраля 2026 г. Показательно, что посещение Модии еврейского государства состоялось в канун военной операции США и Израиля против Ирана. Но особое значение имеет тот факт, что за четыре дня до этого визита Нетаньяху изложил на заседании кабинета министров новую концепцию внешней политики Израиля, призванную, помимо других внешнеполитических

проектов, определить место Израиля и Индии в формирующемся мировом порядке. Суть данного амбициозного плана состоит в создании круга альянсов, своеобразной оси вокруг Израиля, в который войдут Индия, арабские, африканские, средиземноморские государства (Греция и Кипр) и государства Азии. Эта инициатива представляет собой попытку преобразовать существующие отношения в многоаспектную структуру, объединяющую координацию в сфере безопасности, инфраструктурные связи и геоэкономическое сотрудничество [Kobi, 2026].

Одно из центральных мест в новом плане отводится Индии, и тесные личные отношения глав правительств, по мнению израильской стороны, могут придать решающий импульс его реализации. При этом черты силового политического «активизма» в современной израильской идеологии, углубляющие процессы радикализации ортодоксального религиозного компонента, характерного для правого крыла еврейского национализма, сближают его с религиозно-националистической концепцией индийских правящих кругов. В результате Индия будет важнейшим узлом в сети партнёрских отношений и архитектурой, связывающей три континента. Это придаст необходимый потенциал «системной взаимосвязанности» двух стран и приведёт к сотрудничеству, координирующему стандарты, проекты и управление рисками в широком географическом масштабе.

Литература / References

Беляев О. И., Асонов Н. В. Современное содержание и отличительные характеристики концепции неосионизма. *Научный лидер*. 2023. № 48. С. 69–78 [Belyaev O. I., Asonov N. V. The Modern Content and Distinctive Characteristics of the Neo-Zionism Concept. *Scientific Leader*. 2023. № 48. Pp. 69–78 (in Russian)].

Ванина Е. Ю. *Индия: история в истории*. М.: Наука, 2014 [Vanina E. Y. *India: History in History*. Moscow: Nauka, 2014 (in Russian)].

Герцль Т. *Еврейское государство: опыт современного решения еврейского вопроса*. М.: Книжники, 2008 [Herzl T. *The Jewish State: The Experience of a Modern Solution to Jewish Question*. Moscow: Knizhniki, 2008 (in Russian)].

Жаботинский В. *О железной стене*. Минск: МЕТ, 2004 [Jabotinsky V. *The Iron Wall*. Minsk: MET, 2004 (in Russian)].

Звягельская И. Д., Карасова Т. А., Федорченко Ф. В. *Государство Израиль*. М.: ИВ РАН, 2005 [Zvyagelskaya I. D., Karasova T. A., Fedorchenko F. V. *State of Israel*. Moscow: IOS RAS, 2025 (in Russian)].

Карасова Т. А. *Политическая история Израиля. Блок Ликуд: прошлое и настоящее*. М.: Наталис, 2009 [Karasova T. A. *Israeli Political history. Likud Bloc: Past and Present*. Moscow: Natalis, 2009 (in Russian)].

Карасова Т. А. Основные идейно-политические установки сионизма и их эволюция в современном Израиле. *Труды Отделения историко-филологических наук 2017*. М.: Наука, 2018 [Karasova T. A. The main ideological and political principles of Zionism and their evolution in modern Israel. *Proceedings of the Department of Historian Philological Sciences 2017*. Moscow: Nauka, 2018 (in Russian)].

Кашин В. П. Индия–Израиль: трудная дорога к стратегическому партнёрству. *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 12. С. 31–37 [Kashin V. P. India-Israel: Difficult Way to Strategic Partnership. *Aziya I Africa Segodnya*. 2017. No. 12. Pp. 31–37 (in Russian)].

Кашин В. П. Индия — Израиль: от диалога к сотрудничеству и партнёрству. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 318–328 [Kashin V. P. India — Israel: From Dialogue to Cooperation and Partnership. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2023. No. 4. Pp. 318–328 (in Russian)].

Крылов А. В. Основные направления деятельности МАШАВ (на примере КНР и Индии). *Израиль — 75 лет: между прошлым и будущим*. М.: ИВ РАН, 2024. С. 183–200 [Krylov A. V. The Main Fields of Activities of MASHAV (Based on the Example of China and India). *Israel at 75: Between the Past and the Future*. Moscow: IOS RAS, 2024. Pp. 183–200 (in Russian)].

Куценков А. А. *Очерки гражданского общества Индии. Часть II. Гражданское общество: организации и движения*. М.: ИВ РАН, 2017 [Kutsenkov A. A. *Essays on Civil Society of India. Part II. Civil Society: Organizations and Movements*. Moscow: IOS RAS, 2017 (in Russian)].

Морозов В. М. Периферийные альянсы во внешней политике Израиля. *Израиль — 75 лет: между прошлым и будущим*. М.: ИВ РАН, 2024. С. 172–182 [Morosov V. M. Peripheral Alliances in Israeli Foreign Policy. *Israel at 75: Between the Past and the Future*. Moscow: IOS RAS, 2024. Pp. 172–182 (in Russian)].

Халамиш А. От «национального очага» к государству. Еврейская община Палестины. *Ерец-Исраэль между первой и второй мировой войной*. Т. 2. Ранаана: Открытый университет Израиля, 2006 [Halamish A. *From “National Home” to the State. The Jewish Community of Palestine. Eretz-Israel between the First and Second World Wars*. Vol. 2. Ranaana: Open University of Israel, 2006 (in Russian)].

Aiyar M. Hindutva and Zionism. *The Week*. 24.12.2023. P. 43.

Begin M. *The Revolt: the dramatic inside story of the Irgun*. Los Angeles: Nash, 1972.

Bhagwat M. Hindutva: The Soul of Bharat. *Hindutva in Present Context*. V. Chauthaiwale, S. Katdare, P. Saiyed (eds.). Ahmedabad: Sadhana Mudranalaya Trust, 2010. Pp. 321–337.

Dowty A. *The Jewish State. A Century Later*. Barkley: University of California Press, 1998.

Essa A. *Hostile Homelands. The New Alliance Between India and Israel*. Chennai: Thomson Press, 2025.

Essential Papers on Zionism. J. Reinhars, A. Shapira (eds.). New York: University Press, 1996.

Golwalkar M. S. *We or Our Nationhood Defined*. Nagpur: Bharat Prakashan, 1947.

Golwalkar M. S. *Bunch of Thoughts*. Bangalore: Sindhu Prakashana, 2000.

Harkabi Y. *Israel's Fateful Hour*. New York: Harper & Row Publishers, 1988.

Jaffrelot C. *The Hindu Nationalist Movement and Indian Politics 1925 to the 1990s*. London: Penguin Books, 1996.

Kanungo P. *RSS's Tryst with Politics. From Hedgewar to Sudarshan*. Delhi: Manohar, 2002.

Keer D. *Veer Savarkar*. Bombay: Popular Prakashan, 1966.

Khan M. The 'grand strategy'. *Frontline*. 29.11.2024. Pp. 69–72.

Noorani A. G. Modi & Savarkar: Ideological Turns. *Frontline*. 31.03.2017. Pp. 103–110.

Savarkar V. D. *Hindutva. Who is a Hindu?* Mumbai: Pandit Bakhle, 1999.

Sharot S. *Messianism, Mysticism and Magic. A Sociological Analogies of the Jewish Religious Movements*. Chapel Hill: University of North California Press, 1982.

Sudarshan K. S. *Hindutva in Modern Perspective*. Nagpur: ShriBharati Prakashan, 2007.

Trivedi V. *The RSS. 100 Years of The Indian Right*. Chennai: Westland, 2025.

Электронные ресурсы / Electronic resources

Cook J. How will US Jerusalem move affect Israel's far right? URL: <http://www.aljazeera.com/news/2017/12/jerusalem-move-affect-israel-171210122104793.html> (дата обращения: 10.12.2017).

Kandel A., Wald S. INDIA, ISRAEL AND THE JEWISH PEOPLE. Looking Ahead, Looking Back. 25 Years after Normalization Emerging Super Powers of non-Biblical Traditions. Jerusalem: The Jewish People Policy Institute. 2017/5777. URL: <https://www.jppe.org.il> (дата обращения: 26.05.2017).

Kobi M. The Regional Hexagon Vision: A New Conception of the Middle East in a Multipolar World. URL: <https://icgs.org.il/en/publications/the-regional-hexagon-vision/> (дата обращения: 07.05.2026).

Motwani N. Change and continuity in India's relations with Israel and Palestine.

5 декабря 2023 года URL: <https://mei.edu/publication/change-and-continuity-indias-relations-israel-and-palestine/> (дата обращения: 05.12.2023).

Sharvit P., Zur L. The Temporary International Presence in Hebron (TIPH): Israel's Decision to End the Mandate. INSS Insight. No. 1140. URL: http://www.inss.org.il/publication/temporary-international-presence-hebron-tiph-israels-decision-end-mandate/?utm_source=activetrail&utm_medium=email&utm_campaign=INSS%20Insight%20No.%201140 (дата обращения: 06.08.2019).

Shreevatsa N. Why Zionism rules the hearts of Hindutva acolytes. URL: <https://frontline.thehindu.com/politics/why-zionism-rules-the-hearts-of-hindutva-acolytes/article67637346.ece> (дата обращения: 14.12.2023).

МЕЖДУ НАУКОЙ И ДИПЛОМАТИЕЙ: ТРАЕКТОРИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ С ПАПУА–НОВОЙ ГВИНЕЕЙ. ЧАСТЬ II

© 2026

Н. Н. Миклухо-Маклай мл.¹

История официальных дипломатических отношений России и Папуа—Новой Гвинеи (ПНГ) насчитывает полвека (1976–2026). Однако история связей между нашими странами началась задолго до официальных контактов — в 1871 г. благодаря выдающемуся исследователю острова Новая Гвинея Н. Н. Миклухо-Маклаю (1846–1888). В ходе экспедиций на северо-восток острова (1871–1872, 1876–1877 и 1883 гг.) учёный провёл 2,5 года среди коренных жителей, став первым из европейцев, который детально описал их быт и установил дружественные отношения с папуасами.

Деятельность Миклухо-Маклая выходила за рамки научных задач — фактически он выполнял функции неофициального дипломатического представителя. Его подходы предвосхитили ключевые принципы мультитрековой дипломатии (многоуровневое воздействие через культуру, науку, бизнес и др.), продемонстрировав потенциал учёных как посредников в укреплении межгосударственного доверия.

В статье анализируется взаимодействие официальной дипломатии и советских исследователей, которые в течение XX в. продолжили заложенные Н. Н. Миклухо-Маклаем традиции научно-дипломатического взаимодействия в регионе.

Цель данной работы — проанализировать роль советских учёных в XX в. сквозь призму концепции мультитрековой дипломатии, а также оценить эффективность и потенциал использования неформальных каналов в межгосударственных отношениях СССР и ПНГ на основе исторического опыта.

На основе анализа ключевых событий советского периода рассматривается роль учёных в формировании внешнеполитического курса, а также выявляются методы укрепления двусторонних связей через взаимодействие с официальной дипломатией. Применяя методы сравнительного анализа и обобщения, автор приходит к выводу: советские учёные продемонстрировали высокую эффективность в укреплении двусторонних связей с Папуа—Новой Гвинеей. Используя науку и наследие Н. Н. Миклухо-Маклая как ресурс доверия и диалога, они установили контакты с экспертами и политическими элитами ПНГ, эффективно поддерживая внешнеполитические задачи СССР.

Таким образом, взаимодействие официальной дипломатии с учёными, изучавшими регион, повышает эффективность межгосударственных отношений.

Ключевые слова: неофициальная дипломатия, мультитрековая дипломатия, Папуа—Новая Гвинея, СССР и ПНГ, Миклухо-Маклай

¹ Миклухо-Маклай (мл.) Николай Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Москва; президент Ассоциации исследователей Южно-Тихоокеанского региона, Санкт-Петербург; nn@mikluho-maclay.ru

Nickolay N. Miklouho-Maclay jr., PhD (Hist.), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; President of the Association of South Pacific Researchers; St. Petersburg; nn@mikluho-maclay.ru
ORCID: 0000-0002-5085-1693

Для цитирования: Миклухо-Маклай Н. Н. мл. Между наукой и дипломатией: траектории отношений России с Папуа—Новой Гвинеей. Часть II. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 93–103. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-093-103

BETWEEN SCIENCE AND DIPLOMACY: THE DEVELOPMENT OF RUSSIA'S RELATIONS WITH PAPUA NEW GUINEA PART II

Nickolay N. Miklouho-Maclay jr.

The history of official diplomatic relations between Russia and Papua New Guinea (PNG) spans half a century (1976–2026). However, the history of ties between our countries began long before official contacts were established — in 1871, thanks to the outstanding explorer of New Guinea, N. N. Miklouho-Maclay (1846–1888). During his expeditions to the north-east of the island (1871–1872, 1876–1877 and 1883), the scientist spent 2.5 years among the indigenous people, becoming the first European to describe their way of life in detail and establish friendly relations with the Papuans.

Miklouho-Maclay's activities went beyond scientific objectives — in effect, he acted as an unofficial diplomatic representative. His approaches anticipated the key principles of multi-track diplomacy (multi-level engagement through culture, science, business, etc.), demonstrating the potential of scientists as mediators in strengthening inter-state trust. The history of official diplomatic relations between Russia and Papua New Guinea (PNG) spans half a century (1976–2026). However, the history of ties between our countries began long before official contacts were established — in 1871, thanks to the outstanding explorer of New Guinea, N.N. Miklouho-Maclay (1846–1888). During his expeditions to the north-east of the island (1871–1872, 1876–1877 and 1883), the scientist spent 2.5 years among the indigenous people, becoming the first European to describe their way of life in detail and establish friendly relations with the Papuans.

Miklouho-Maclay's activities went beyond scientific objectives — in effect, he acted as an unofficial diplomatic representative. His approaches anticipated the key principles of multi-track diplomacy (multi-level engagement through culture, science, business, etc.), demonstrating the potential of scientists as mediators in strengthening inter-state trust.

Keywords: informal diplomacy, multi-track diplomacy, Papua New Guinea, The USSR and PNG, Miklouho-Maclay

For citation: Miklouho-Maclay N. N. jr. Between Science and Diplomacy: Trajectories of Russia's Relations with Papua New Guinea. Part II. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 3. Pp. 93–103. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-093-103

Введение

Эту работу автор посвящает двум юбилейным датам 2026 г.: 50-летию установления дипломатических отношений между РФ и ПНГ (19 мая 2026 г.) и 180-летней годовщине со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая (17 июля 2026 г.) Масштаб практического материала значительный, поэтому исследование структурировано в трёх частях и позволяет проанализировать деятельность учёных-дипломатов в XIX, XX и XXI вв. В первой статье представлен анализ деятельности учёного Н. Н. Миклухо-Маклая в контексте двусторонних связей РФ

и ПНГ (подробнее см.: [Миклухо-Маклай-мл., 2026, с. 77–88]). Данная — вторая — часть исследования посвящена развитию этих связей в советский период.

Папуа — Новая Гвинея — крупнейшее островное государство в Океании, занимает половину острова Новая Гвинея. В преддверии обретения независимости (1973) ПНГ провозгласила политический курс, получивший название «универсализм». Его суть — «идти по срединному пути, не отклоняясь ни на одну из сторон в вопросах, касающихся политических идеологий, вероисповеданий или государственных систем» [Nelson, 1978, pp. 176–177]. В 1981 г. данная стратегия была скорректирована на политику «выборочного взаимодействия», что отражало приоритетность отношений ПНГ с соседями как ключевыми партнёрами, т. е. с Австралией, Индонезией, Соломоновыми Островами и др.

В период 1960–1970-х гг. островные государства начали получать независимость сначала от Новой Зеландии, затем от Великобритании. Советский Союз проявлял заинтересованность в установлении дипломатических отношений с этими странами, уделяя особое внимание Папуа — Новой Гвинее.

Важную роль в формировании образа ПНГ в СССР сыграло научное и гуманистическое наследие Н. Н. Миклухо-Маклая, в первую очередь — его незыблемый постулат о равенстве рас и народов. Его исследования Новой Гвинеи, проводившиеся в 1870–1880 гг., получили широкую известность в советский период. В 1937 г. было принято решение на государственном уровне придать системный подход освещению и популяризации результатов работ учёного и его экспедициям на о-в Новая Гвинея [Тумаркин, 2013, с. 95]. О папуасах, к которым отправился отважный путешественник, знали в СССР и взрослые, и дети². Роль личности Н. Н. Миклухо-Маклая в мировой истории и науке трудно переоценить, не говоря уже о том, что именно его принципами руководствовались советские представители в построении и развитии контактов с папуа-новогвинейской стороной (подробнее см.: [Миклухо-Маклай, 2022, с. 232]).

Россия и ПНГ имеют давние исторические связи, однако роль советских учёных в формировании и поддержании связей с ПНГ остаётся слабо освещённой в научной литературе. Между тем в XX в. были заложены устойчивые механизмы научно-дипломатического взаимодействия с этой страной.

Актуальность исследования состоит в потребности системного осмысления и выявления успешных практик, которые применялись учёными в период СССР в контексте мультитрековой дипломатии.

ПНГ во внешней политике СССР

СССР уделял значимое внимание выстраиванию стратегического планирования внешней политики и подготовке специалистов-страноведов. Это позволяло учёным проводить академические исследования региона при поддержке государства. Публикация результатов исследований представляла интерес не только для специалистов — таким образом формировались информационная среда и актуальное мнение, влиявшие на широкую общественность. Собранные научные данные о состоянии региона были также весьма полезны внешнеполитическому ведомству.

В 1933 г. в Москве был учреждён Институт антропологии и этнографии АН СССР, в 1947 г. сменивший название на Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, который с 1954 г. начал подготовку и выпуск многотомной серии «Народы мира. Этнографические очерки». Первый том этой серии — «Народы Австралии и Океании» под редакцией С. А. Токарева и С. П. Толстова (1956) — вобрал в себя всю известную на тот момент информацию об этнографии,

² В 1947 г. на экраны вышел художественный историко-биографический фильм режиссёра А. Разумного «Миклухо-Маклай», пользовавшийся в то время большой популярностью и впоследствии не раз показанный по телевидению.

лингвистике, истории, политике и экономике австралийских, папуасских, меланезийских, полинезийских и микронезийских народов. Этот том представляет собой грандиозный фундаментальный научный труд. Работа над ним велась коллективом сотрудников сектора Америки, Австралии и Океании Института антропологии и этнографии, среди которых были известные учёные-этнографы. Но составители тома отмечали существенную нехватку информации о развитии политики и экономики островов Южно-Тихоокеанского региона [*Народы Австралии и Океании*, 1956, с. 5].

В связи с возросшей потребностью в исследовании социальных, экономических и политических тенденций в Океании на фоне усиления борьбы за независимость стран региона и желания СССР расширить влияние в странах Океании, которые начали получать независимость в 1960-х гг., возникла необходимость в создании специальной структуры для их изучения. Стараниями сотрудника Института востоковедения АН СССР К. В. Малаховского при этом институте в Москве в 1967 г. был основан отдел Южно-Тихоокеанских исследований (ЮТИ). Сотрудникам этого отдела посчастливилось побывать в Океании и посетить Берег Маклая. Это были: И. М. Меликсетова, принявшая участие в двух этнографических экспедициях в 1971 и 1977 гг., направленная от Института востоковедения, Н. Б. Лебедева, посетившая страны Океании на круизном лайнере в 1973 г., а также глава отдела ЮТИ К. В. Малаховский, командированный Институтом востоковедения в ПНГ в 1974 г., в момент выхода страны из-под управления Австралии. Советский Союз был крайне заинтересован в продвижении своего положительного образа за рубежом; для этих целей советские научные экспедиции в Океанию подходили как нельзя лучше. Ставшее в те годы легендарным судно «Витязь» выполнило 65 научных рейсов в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах³. Ему было дано имя в честь первого военного корабля, доставившего в 1871 г. Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею. Научно-исследовательское судно посещало Берег Маклая дважды: в первый раз — в апреле 1966 г. — «Витязь» простоял в городе Маданг (административном центре одноимённой провинции) пять суток для заправки топливом, питьевой водой и провиантом. В декабре 1970 г. «Витязь» снова посетил Берег Маклая и зашёл на несколько часов в бухту Константина в заливе Астролябия (где расположена деревня Бонгу, около которой жил и вёл научно-исследовательскую работу Н. Н. Миклухо-Маклай в 1870–1880-х гг.) [*Экспедиции трёх веков...*, 2021, с. 50]. На мысе Гарагасси, где стояла хижина знаменитого учёного, участники экспедиции установили на бетонной плите памятную металлическую табличку на русском и английском языках, специально привезённую для этого случая, она сохранилась до наших дней [*Экспедиции трёх веков...*, 2021, с. 51]. Экспедиции в 1971 и 1977 гг. осуществлялись уже на судне «Дмитрий Менделеев», первая экспедиция была приурочена сразу к двум ярким датам: 100-летию высадки Н. Н. Миклухо-Маклая на о-в Новая Гвинея (1871–1971) и 125-летию со дня рождения великого учёного [Аксёнов, Белоусов, 1975, с. 7]. Значимую роль в актуализации наследия Н. Н. Миклухо-Маклая сыграл Д. Д. Тумаркин, главный научный сотрудник Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнографии АН СССР (ныне — Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН). Под его научным руководством группа советских этнографов осуществила две научные экспедиции. Посещения были краткими, однако те несколько дней, которые позволили учёным увидеть всё своими глазами, «стоили многолетней кабинетной работы», — делился руководитель этнографических отрядов Д. Д. Тумаркин (1928–2019) в разговоре с автором. Это интервью удалось запечатлеть в документальном фильме «Человек с Луны»⁴. Независимость Папуа — Новая

³ Научно-исследовательское судно «Витязь». Музей Мирового океана (официальный сайт). URL: <https://world-ocean.ru/vityaz> (дата обращения: 15.03.2026).

⁴ Интервью с Д. Д. Тумаркиным в документальном фильме «Человек с Луны» (Реж. Н. Н. Миклухо-Маклай мл. Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая). Время воспроизведения 90 мин. 2019. Мин. 40.15–41.15.

Гвинея обрела в 1975 г. — таким образом, участникам двух экспедиций удалось собрать уникальные сравнительные данные об изменении образа жизни папуасов Берега Маклая до и после обретения страной суверенитета [Миклухо-Маклай, 2022, с. 29]. Учёные зафиксировали и бережное отношение к сохранению памяти среди папуасов о своём «большом друге», о Н. Н. Миклухо-Маклае. На северо-востоке острова не забывали о нашем соотечественнике: предания о нём передавались из поколения в поколение.

Из воспоминаний Аселя Туя (потомок в четвёртом поколении первого папуаса, который стал другом Миклухо-Маклая) [Миклухо-Маклай-мл., 2025, с. 49–51], которыми он поделился с автором в 2019 г. (интервью в ходе экспедиции на Берег Маклая): «Мы были очень напуганы, нас предупредили австралийцы, что к нам придут коммунисты. Мы не знали, кто это и как это воспринимать. Как только мы услышали бонгуанскую речь от этих коммунистов, всё поменялось в наших сердцах! Мы поняли: это наши братья, братья с земли Маклая. Их разместили в деревне».

Экспедиции на Берег Маклая успешно совместили научные задачи с внешнеполитическими, способствуя благоприятному имиджу СССР в среде местного населения.

Против колониальной политики

СССР выступал на международной арене с антиколониальных позиций. В монографии «Остров райских птиц. История Папуа — Новой Гвинеи» К. В. Малаховский указывает: «На протяжении всей истории существования Лиги Наций Советский Союз выступал против мандатной системы, разоблачая её империалистическую, колонизаторскую сущность»⁵.

Ещё в ноте, направленной 18 мая 1923 г. Англии, Франции и Италии, советское правительство заявило, что оно не признаёт «так называемого мандатного состояния» и относится отрицательно «к положению, создавшемуся в Палестине, Сирии и других мандатных территориях»⁶.

При вступлении в 1934 г. в Лигу Наций Советский Союз вновь подчеркнул своё отрицательное отношение к мандатной системе. В речи на пленарном заседании Ассамблеи Лиги 18 сентября 1934 г. представитель СССР заявил, что, «поскольку Советский Союз не участвовал в разработке Устава Лиги Наций, он не может взять на себя ответственность за ряд его органических пороков, в частности, за статью 22-ю о системе мандатов. СССР, став постоянным членом Совета Лиги Наций, отказался делегировать своего представителя в Постоянную мандатную комиссию (Документы внешней политики СССР. Т. 17. М., 1971. С. 593–601)» [Малаховский, 1976, с. 78].

В послевоенные годы США ввели термин «опека» для подопечных территорий (англ. trust territories). К. В. Малаховский отмечает: «Советская делегация на Сан-Францисской конференции не выступила с отдельным проектом, а внесла 11 мая 1945 г. ряд поправок к американскому проекту. Делегация СССР предлагала считать целью опеки подготовку той или иной территории к получению ею не только самоуправления, но и полной государственной независимости; пополнить состав Совета по опеке представителями всех постоянных членов Совета Безопасности, хотя бы и не управляющих подопечными территориями; предоставить Генеральной Ассамблее (и Совету по опеке) право посылать своих представителей и инспекторов для контроля за исполнением её указаний.

Однако страны капиталистического блока не пошли по пути, предложенному СССР.

<...> К наиболее существенным поправкам, улучшавшим проект, следует отнести включение слова “независимость”, наряду со словом “самоуправление”, при определении цели опеки; включение проекта о периодических инспекционных посещениях территорий, а также пункта о введении

⁵ *Известия*. 22 июня 1923 г. (цит. по: [Малаховский, 1976, с. 78]).

⁶ Там же.

в состав Совета по опеке постоянных членов Совета Безопасности ООН. Все эти поправки, как уже указывалось, были внесены делегацией СССР.

<...> Положения о международной опеке, разработанные на Сан-Францисской конференции, стали составной частью Устава ООН, вошедшего в силу 24 октября 1945 г.» [Малаховский, 1976, с. 99].

Австралия согласилась предоставить местное самоуправление своей зависимой территории Папуа и Новой Гвинее в форме выборной Палаты ассамблеи в 1963 г. «Но в то же время совершенно очевидно, что, идя на некоторые уступки, австралийское правительство сохраняло в неприкосновенности общее положение», — делает вывод К. В. Малаховский [Малаховский, 1976, с. 111]. Британский учёный-международник М. Лейфер, анализируя манёвры австралийского правительства с реорганизацией законодательного органа Папуа — Новой Гвинее, писал: «Парламент ПНГ, судя по недавним предложениям, может быть лишь фасадом, имитирующим то белое здание в столице Австралии Канберре» [Leifer, 1963, p. 261].

Только представитель Советского Союза выступил с разоблачением подобных действий. «Власть Палаты ассамблеи, — заявил он, — чрезвычайно ограничена, поскольку генерал-губернатор и австралийское правительство полностью контролируют территорию и имеют право изменять любой закон, принятый палатой, или налагать на него вето <...>. Если палате не будет дана власть утверждать законы и регулировать жизнь на территории и если она не будет выполнять законодательные функции, а австралийские власти в то же время сохраняют свою неограниченную власть над территорией, существо происшедших изменений будет весьма слабым и Палата ассамблеи будет фактически орехом без ядра <...>. Основная проблема политического развития территории — создание представительного парламента, наделённого всей полнотой власти, который явится краеугольным камнем будущего независимого государства, — осталась нерешённой» [*Report of the Trusteeship Council*, p. 11].

Советский представитель внёс на рассмотрение проект резолюции на 1239-е заседание Совета по опеке. В её преамбуле выражалось сожаление в связи с тем, что управляющая власть не предприняла необходимых шагов для передачи всей власти народу территории в соответствии с § 5 Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой на XV сессии Генеральной Ассамблеи 14 декабря 1960 г. В постановляющей части проекта резолюции предлагалось:

«1. Подтвердить неотъемлемое право народа Папуа и Новой Гвинее на самоуправление и получение независимости в соответствии с Декларацией.

2. Потребовать от управляющей власти выполнения постановления Декларации в Папуа и Новой Гвинее как можно скорее и во всяком случае не позднее, чем к 20-й годовщине ООН.

3. Призвать управляющую власть принять срочные меры для передачи всей законодательной власти на территории Палате ассамблеи и исключить дискриминационные пункты в отношении коренного населения из избирательного закона.

4. Просить Генерального секретаря ООН дать указание директору информационного центра в Порт-Морсби довести эту резолюцию до сведения народа Папуа и Новой Гвинее» [*Report of the Trusteeship Council*, p. 11].

Однако в результате колониальные державы добились отклонения этого проекта резолюции.

Советский Союз также выступал против мандатной системы, разоблачая её имперскую, колонизаторскую сущность и неизменно и последовательно поддерживал борьбу за независимость ПНГ (подробнее см.: [Миклухо-Маклай, 2021, с. 9]).

Завязывания личных контактов в рамках «неофициальной дипломатии» в ходе рабочих поездок и научных экспедиций, упомянутых выше, поспособствовали развитию доверительных отношений. К. В. Малаховский посетил страну менее чем за год до обретения независимости ПНГ (16 сентября 1975 г.), в ноябре 1974 г., и наладил дружественные отношения с политической элитой страны и будущими членами правительства ПНГ, включая заместителя премьер-министра А. М. Кики (Maori Kiki) и премьер-министра М. Сомаре [Миклухо-Маклай, Пале, 2022, с. 277–278].

Отец нации и первый премьер-министр М. Сомаре отводил Н. Н. Миклухо-Маклаю особую роль как человеку, вошедшему в историю Папуа — Новой Гвинеи. «Когда я читал дневник Миклухо-Маклая, предоставленный нам г-ном Сентинеллой, несколько моментов, в частности, нашли отклик в моём сердце. Это мужество Маклая, его любовь к своей работе и исключительный такт, который он проявлял в общении с другими людьми. Народ Папуа — Новой Гвинеи благодарен ему за это». Это слова из предисловия за подписью: Майкл Т. Сомаре, Премьер-министр. 22 ноября 1977 г.,⁷ поступившего, когда книга новогвинейских дневников Миклухо-Маклая в переводе Ч. Л. Сентинеллы (2-е изд., Маданг, 1977) уже находилась в печати [*Mikloucho-Maclay: New Guinea diaries...*, 1977].

10 октября 1975 г., менее чем через месяц после Дня независимости, Независимое Государство Папуа — Новая Гвинея стало членом ООН.

В поздравлении на собрании ООН Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, адресованном премьер-министру Папуа — Новой Гвинеи Майклу Т. Сомаре по случаю провозглашения независимости страны, говорилось: «Неуклонно следуя политике равноправия, дружбы между всеми государствами независимо от их социальных систем и руководствуясь принципами самоопределения народов, Советское правительство заявляет о признании Папуа — Новой Гвинеи в качестве суверенного, независимого государства и выражает свою готовность установить с ним дипломатические отношения⁸, выражая надежду, что между Советским Союзом и Папуа — Новой Гвинеей будут развиваться отношения дружбы и сотрудничества на благо народов наших стран, в интересах упрочения всеобщего мира»⁹.

19 мая 1976 г. ПНГ установила с Советским Союзом дипломатические отношения. Главы дипломатических миссий в Канберре (Австралия) подписали совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений. В этот же год по приглашению Правительства СССР 7–9 июля в Москву с официальным визитом прибыл А. М. Кики в должности заместителя премьер-министра, министра иностранных дел и внешней торговли, а также министра обороны Папуа — Новой Гвинеи [Миклухо-Маклай, 2022, с. 31].

8 июля 1976 г. он посетил Институт востоковедения АН СССР, где тепло встретился с К. В. Малаховским. В 1981 г. советский учёный поспособствовал изданию автобиографической книги А. М. Кики «Десять тысяч лет в одну жизнь» на русском языке [Кики, 1981].

А. М. Кики в интервью газете «Правда» сказал: «У нас к вашей стране всегда было доброе отношение. Мы небольшое государство. Мы не стремимся к тому, чтобы влиять на мировую политику. Но мы выступаем за взаимопонимание и мирное сосуществование стран с различной идеологией, в том числе за сосуществование с вашей страной. Мы могли бы развивать взаимовыгодную торговлю. Советский Союз неизменно и последовательно поддерживал нашу борьбу за независимость, и это мы всегда будем с благодарностью помнить» [Николаев, 1989, с. 53].

⁷ Процитировано по изданию: [*Newsletter of the Mikloucho-Maclay Society...*, 1985, p. 10].

⁸ Press Release TR/20942) August 1975. URL: <https://search.archives.un.org/uploads/r/united-nations-archives/0/c/0/0c047dd5ef6a608abedae58bf94f5a87cfcc333c31619b44438e0730e099f5/S-0504-0065-0003-00001.PDF> (дата обращения: 10.03.2026).

⁹ *Правда*. 16.09.1975 (цит. по: [Малаховский, 1976, с. 85]).

Учёные-дипломаты

Мультитрековая дипломатия определяется как «дипломатия, которая включает различные уровни (треки) взаимодействия с официальной дипломатией по направлению культуры, науки и пр. При этом степень взаимодействия с “первым треком” (официальная дипломатия) и влияния на официальную повестку определяет название треков: “полуторный”, “второй” и “третий” треки. Отличительной особенностью дипломатии “полуторного”, “второго” и “третьего” треков является то, что она независима, а её представители действуют в интересах государства, не являясь официальными лицами» [Миклухо-Маклай мл., 2025, с. 210]. Советские учёные демонстрируют активность на всех треках — от работы в поле (экспедиции) до контактов с политической элитой во время официальных визитов её представителей в СССР.

Академик РАН ректор МГИМО А. В. Торкунов отмечал: «Корпоративное свойство учёных — их неинфицированность идеологиями. Люди науки по роду своей деятельности не озабочены необходимостью упрощать. И даже когда, сформировавшись как учёный, человек переходит в сферу государственного управления или в медиа, он ещё долго сохраняет устойчивый иммунитет к идеологиям — используя их, но не подпадая под их воздействие» [Панченко, Торкунов, 2018, с. 10].

Научные экспедиции в СССР фактически выполняли функции дипломатического канала, сочетая академические и политические задачи. А учёные, которые оперировали фактами, а не догмами, быстро налаживали контакты, избегая политизации диалога, что позволяло выстраивать длительные отношения независимо от конъюнктуры, выступая посредниками независимо от вектора внешней политики.

Посольство

Влияние австралийцев сохранялось, и открытие советского посольства в ПНГ вызвало серьёзную дискуссию. Вот что пишет по этому поводу российский историк В. Н. Тимошенко: «С определёнными трудностями столкнулся Советский Союз и в налаживании отношений с одним из крупнейших океанийских государств — Папуа — Новой Гвинеей. Особенно острую дискуссию в политических и общественных кругах этой страны вызвало решение об открытии посольства СССР в ПНГ. Как и в других странах, тон в этой дискуссии задавала оппозиция. Бывший министр обороны этой страны Д. Пакасуи выражал опасения, что открытие посольства “позволит Советам оказывать помощь сепаратистам в Восточном Тиморе и Западном Ириане”, а также будет направлено против США и их базы на Филиппинах. Председатель парламентского комитета по иностранным делам Б. Сабулий, выступая с докладом в Национальной ассоциации по разведке, утверждал, что с открытием посольства советская активность в стране возрастет, и КГБ будет иметь хорошие возможности для своей деятельности. Такую же точку зрения высказывал и секретарь министерства обороны ПНГ С. Мокис. А премьер-министр Южных верхних островов Я. Каромба вообще был против допуска атеистов в христианскую страну. Против подписания с Советским Союзом соглашения о рыболовстве выступал министр рыболовства и морских ресурсов ПНГ А. Эбу, полагая, что оно носит чисто политический характер» [Тимошенко, 2009, с. 205].

В ноябре 1988 г. правительство ПНГ дало согласие на учреждение в Порт-Морсби посольства СССР, которое было официально открыто в марте 1990 г. Оно проработало около двух лет, и за время работы посольства осуществлялись межпарламентские связи, делегационные обмены по линии общественных организаций, предпринимались усилия по налаживанию сотрудничества в области образования и культуры, шли переговоры о возможностях взаимодействия

в экономической сфере. После распада СССР в связи с оптимизацией посольство было закрыто уже в августе 1992 г. и до настоящего времени не возобновило свою работу в стране [Миклухо-Маклай, 2020, с. 219].

Заключение

Историческое наследие Н. Н. Миклухо-Маклая оказало долгосрочное воздействие на формирование системы дружественных межкультурных связей и механизмов научно-дипломатического взаимодействия между СССР и ПНГ. Советские учёные унаследовали и развили заложенные им гуманистические принципы, выступая, в свою очередь, преемниками его научного подхода.

Проведённое исследование демонстрирует значимую роль учёных в развитии двусторонних отношений между СССР и ПНГ. Опираясь на научное и гуманистическое наследие Н. Н. Миклухо-Маклая, советские исследователи не просто выполняли академические задачи, но и выступали эффективными посредниками между государствами, сочетая экспертную функцию с дипломатическими инструментами.

Обращает на себя внимание активная роль государства в поддержке инициатив учёных в развитии исследований в Океании: публикация книг на русском и английском языках значимыми тиражами, финансирование экспедиций и командировок, масштабная просветительская работа в стране по популяризации деятельности отечественных исследователей в Океании. Это дало возможность проводить научные исследования и развивать свободное от идеологий научно-дипломатическое сотрудничество.

Деятельность учёных позволила активизировать взаимодействие по альтернативным каналам, установив устойчивые контакты с экспертным и политическим сообществом ПНГ. Используя науку как ресурс доверия и диалога, они преодолевали информационные барьеры, формировали долгосрочные связи и расширяли переговорные возможности. Это, как мы видим, особенно проявилось в ходе двусторонних визитов и в период открытия Посольства СССР в ПНГ. Научное сообщество стало важным дополнением к официальной дипломатии, повышая её эффективность за счёт глубокого понимания регионального контекста и налаживания неформальных коммуникаций. Результаты исследования подтверждают, что синергия науки и дипломатии — ключевой фактор укрепления межгосударственных отношений.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что взаимодействие официальной дипломатии с учёными, изучающими регион, существенно повышает результативность межгосударственного диалога. Опыт СССР в отношениях с ПНГ наглядно показывает, как интеграция научных и дипломатических усилий позволяет достигать стратегических внешнеполитических целей, опираясь на доверие, экспертизу и долгосрочное партнёрство. Исследование представляет особый интерес и имеет практическую значимость для разработки программ научно-дипломатического сотрудничества в контексте двусторонних отношений, а также актуально в проектировании образовательных курсов по истории внешней политики и мультитрековой дипломатии. Выводы по российско-папуановогвинейским отношениям эпохи СССР могут быть использованы профильными ведомствами в текущей дипломатической практике.

Советские учёные не только внесли значимый вклад в формирование позитивной повестки и дружественных связей с ПНГ, но и заложили прочный фундамент для последующих поколений исследователей. Нарботки советского периода сохраняют актуальность в XXI в.: они служат ценным заделом для современной научной работы в регионе, иллюстрируя значимость мультитрековой дипломатии, о чём пойдёт речь в следующей, третьей части работы.

Список сокращений

- АН СССР — Академия наук СССР (USSR Academy of Sciences).
КГБ — Комитет государственной безопасности (State Security Committee).
МГИМО — Московский государственный институт международных отношений (Moscow State Institute of International Relations).
ПНГ — Папуа—Новая Гвинея (PNG — Papua New Guinea).
РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований (Russian Foundation for Basic Research).
СССР — Союз Советских Социалистических Республик (USSR — Union of Soviet Socialist Republics).
США — Соединенные Штаты Америки (USA).
ЮТИ — Южно-Тихоокеанские исследования (South Pacific Research).

Литература / References

- Аксёнов А. А., Белоусов И. М. *Загадки Океании. Экспедиция на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев»*. М.: Мысль, 1975 [Aksenov A. A., Belousov I. M. *The mysteries of Oceania. Expedition on the scientific research vessel "Dmitry Mendeleev"*. Moscow: Mysl', 1975 (in Russian)].
- Кики А. М. *Десять тысяч лет в одну жизнь*. М.: Наука, 1981 [Kiki A. M. *Ten Thousand Years in a Lifetime*. Moscow: Nauka, 1981 (in Russian)].
- Котеленец Е. А. Образ Советского Союза в мире: факторы и динамика восприятия. *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2013. № 3. С. 76–90 [Kotelenev E. A. The image of the Soviet Union in the world: factors and dynamics of perception. *Bulletin of the RUDN University. Series: History of Russia*. 2013. No. 3. Pp. 76–90 (in Russian)].
- Малаховский К. В. *Остров райских птиц. История Папуа — Новой Гвинеи*. М.: Наука, 1976 [Malahovskiy K. V. *The island of birds of Paradise. The history of Papua New Guinea*. Moscow: Nauka, 1976 (in Russian)].
- Миклухо-Маклай Н. Н. Из истории двусторонних отношений России и Папуа — Новой Гвинеи. *Южно-Тихоокеанский регион в прошлом и настоящем. Коллективная монография*. Отв. ред.-сост. Д. С. Панарина. М.: ИВ РАН, 2020. С. 213–249 [Miklouho-Maklay N. N. From the history of bilateral relations between Russia and Papua New Guinea. *Yuzhno-Tihookeanskiy region v proshlom i nastoyashchem*. Ed. and comp. by D. S. Panarina. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2020. Pp. 213–249 (in Russian)].
- Миклухо-Маклай Н. Н. Об истории двусторонних отношений Российской Федерации и Папуа — Новой Гвинеи. *Сборник материалов международного симпозиума «Россия и Папуа — Новая Гвинея»*. Сост. Е. А. Канаев, Н. Н. Миклухо-Маклай, Е. М. Астафьева, А. А. Гарин. М.: ИВ РАН, 2021. С. 7–11 [Miklouho-Maklay N. N. About the history of bilateral relations between the Russian Federation and Papua New Guinea. *Collection of materials from the international symposium "Russia and Papua New Guinea"*. Comp. E. A. Kanaev, N. N. Miklouho-Maklay, E. M. Astafeva, A. A. Garin. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2021. Pp. 7–11 (in Russian)].
- Миклухо-Маклай Н. Н. О роли личности в истории: Н. Н. Миклухо-Маклай. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 220–237 [Miklouho-Maklay N. N. On the Role of Personality in History: Nikolay N. Miklouho-Maklay. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. No. 1. Pp. 220–237 (in Russian)].
- Миклухо-Маклай Н. Н. Сохранение историко-культурного наследия и исторической памяти как инструмент развития научных, образовательных и международных проектов. *Восточный курьер*. 2022. № 1. С. 20–43 [Miklouho-Maklay N. N. Preservation of historical and cultural heritage and historical memory as a tool for the development of scientific, educational and international projects. *Oriental Courier*. 2022. No. 1. Pp. 20–43 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. мл. Мультитрековая дипломатия в контексте связей России и Папуа — Новой Гвинеи (Азиатско-Тихоокеанский регион). Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 203–213 [Miklouho-Maklay N. N. Jr. Multitrack Diplomacy in the Context of Russia's Relations with Papua New Guinea (Asia-Pacific Region). Part I. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 4. Pp. 203–213 (in Russian)].

Миклухо-Маклай-мл. Н. Н. Жизнь между двух миров. Папуасы Берега Маклая / Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, ИВ РАН. Отв. ред. Д. М. Бондаренко. М.: ИВ РАН, 2025 [Miklouho-Maklay N. N. Jr. *Living between two worlds. Papuans of the Macalay Coast* / Miklouho-Maklay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage, Institute of Oriental Studies of the RAS. Ed.-in-Chief D. M. Bondarenko. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2025 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. мл. Между наукой и дипломатией: траектории отношений России с Папуа — Новой Гвинеей. Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 77–88 [Miklouho-Maklay N. N. Jr. Between Science and Diplomacy: Trajectories of Russia's Relations with Papua New Guinea. Part I. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2026. No. 2. Pp. 77–88 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н., Пале С. Е. Майкл Сомаре: «отец нации» Папуа — Новой Гвинеи [Глава 8]. *Многоликая элита Востока. Коллективная монография*. Отв. ред. Е. М. Астафьева. Т. 4. М.: Институт востоковедения РАН, 2022. С. 332–373 [Miklouho-Maklay N. N., Pale S. E. Michael Somare: The “Father of the Nation” of Papua New Guinea [Chapter 8]. *The Multifaceted Elite of the East*. Ed. by E. M. Astafieva. Vol. 4. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2022. Pp. 332–373 (in Russian)].

Народы Австралии и Океании. Под ред. С. А. Токарева, С. П. Толстова. М.: Изд. АН СССР, 1956 [*The peoples of Australia and Oceania*. Ed. by S. A. Tokarev, S. P. Tolstov. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956 (in Russian)].

Николаев В. П. *Папуа — Новая Гвинея*. М.: Знание, 1989 [Nikolaev V. P. *Papua New Guinea*. Moscow: Znanie., 1989 (in Russian)].

Панченко В. Я., Торкунов А. В. Учёный как дипломат: наука влияет на решение международных конфликтов и проблем. *Вестник РФФИ*. 2018. № 1(97). С. 10–17 [Panchenko V. Ya., Torkunov A. V. Scientist as a diplomat: science influences the resolution of international conflicts and problems. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research*. 2018. No. 1(97). Pp. 10–17 (in Russian)].

Тимошенко В. Н. *Южно-Тихоокеанский регион на пороге XXI века: проблемы внешней политики и безопасности*. Москва; Хабаровск: Дальневосточный государственный гуманитарный университет, 2009 [Timoshenko V. N. *The South Pacific region on the threshold of the 21st century: problems of Foreign policy and Security*. Moscow; Khabarovsk: Far Eastern State University for the Humanities, 2009 (in Russian)].

Тумаркин Д. Д. Женщины Маклая. *Этнографическое обозрение*. 2013. № 4. С. 95–110 [Tumarkin D. D. Macalay's Women. *Ethnographic Review*. 2013. No. 4. С. 95–110 (in Russian)].

Экспедиции трёх веков. По следам Миклухо-Маклая. Отв. ред. Н. Н. Миклухо-Маклай-мл. СПб: ИВ РАН, Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, 2021 [*Expeditions of Three Centuries. In the Footsteps of Miklouho-Maklay*. Ed.-in-Chief N. N. Miklouho-Maklay, Jr. Saint Petersburg: Institute of Oriental Studies of the RAS; Miklouho-Maklay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage, 2021 (in Russian)].

Miklouho-Maklay: New Guinea Diaries 1871–1883. Transl. from Russian; with biogr. a. hist. notes by C. L. Sentinella. Madang: Kristen Press, 1975; 2nd ed. Madang (Papua New Guinea): Kristen Press, 1977.

Nelson H. N. Papua New Guinea's Foreign Policy: Universalism, Trade, Aid and Borders. *India Quarterly*. 1978. Vol. 34. Issue 2. Pp. 175–187.

Newsletter of the Miklouho-Maklay Society of Australia. Ed. prof. C. M. Hotimsky. Vol. 6. No. 2. Sydney: The Macleay Museum of the University of Sydney. May 1985.

Leifer M. Australia, Trusteeship, and New Guinea. *Pacific Affairs*. Vol. 36. No. 3. Pacific Affairs, University of British Columbia, Autumn, 1963. Pp. 250–264.

Report of the Trusteeship Council. 27 June 1963–29 June 1964. New York: UN, 1964.

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-104-115

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНДИЙСКИХ НАУЧНЫХ ЭЛИТ В XX–XXI вв.

© 2026

Я. А. Рязанов¹

В статье рассматривается эволюция индийских научных элит от колониального периода до наших дней через призму институционального развития, социальной структуры и государственной политики.

Автор показывает, как в колониальной Индии формирование научных элит сдерживалось неравным доступом к образованию, национальными и кастовыми предубеждениями. На этом фоне анализируются первые попытки институционализации исследований и истории отдельных учёных, которые достигали мирового уровня, несмотря на системные барьеры. Однако их успех не трансформировался в устойчивые исследовательские традиции, поскольку отсутствовала целостная система подготовки кадров и интеллектуального воспроизводства.

После обретения независимости внимание уделяется роли государства в целенаправленном конструировании научной элиты через создание сетей институтов. Период «расцвета» сменяется усилением утечки мозгов, ростом иерархичности и ненаучного поведения.

Современный этап характеризуется переходом к приватизированной, коммерциализированной и глобализированной модели науки, где фундаментальные исследования уступают место стартапам и технопаркам. Сохраняются старые проблемы, например иерархичность в научной сфере, появляются новые, например хищнические журналы, но вместе с тем формируются и компенсирующие механизмы.

Ключевые слова: индийские научные элиты, история науки, институционализация науки, научная политика Индии, утечка мозгов

Для цитирования: Рязанов Я. А. Трансформация индийских научных элит в XX–XXI вв. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 104–115. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-104-115

THE TRANSFORMATION OF INDIAN SCIENTIFIC ELITES IN THE TWENTIETH – TWENTY-FIRST CENTURY

Yan A. Ryazanov

The article examines the evolution of Indian scientific elites from the colonial period to the present day through the prism of institutional development, social structure, and state policy.

The author shows how, in colonial India, the formation of scientific elites was hampered by unequal access to education and national and caste prejudices. Against this backdrop, the article analyzes the first attempts to institutionalize research and the history of individual scientists who achieved world-class status despite systemic

¹ Рязанов Ян Андреевич, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН, Москва; rjazanov9111@gmail.com
Yan A. Ryazanov. Laboratory research assistant, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; rjazanov9111@gmail.com
ORCID: 0009-0002-0801-870X

barriers. However, their success did not translate into sustainable research traditions, as there was no comprehensive system for training personnel and intellectual reproduction.

After independence, attention is focused on the role of the state in the targeted construction of a scientific elite through the creation of networks of institutions. The period of “prosperity” is replaced by an increase in brain drain, growth of hierarchy, and unscientific behavior.

The current stage is characterized by a transition to a privatized, commercialized, and globalized model of science, where fundamental research gives way to startups and technology parks. Old problems persist, such as hierarchy in the scientific sphere, and new ones emerge, such as predatory journals, but at the same time, compensatory mechanisms are also being formed.

Keywords: Indian scientific elites, history of science, institutionalization of science, Indian science policy, brain drain

For citation: Ryazanov Y. A. The Transformation of Indian Scientific Elites in the Twentieth – Twenty-First Century. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 104–115. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-104-115

Конец XIX в. — 1947 г.

Связь между индийской и колониальной научной сферами

Сразу следует отметить отдалённость индийской научной сферы от передовой мировой. В начале XX в. многие открытия, например, в области физики, совершались относительно узким кругом людей в Западной Европе, зачастую благодаря перепискам и конференциям (в первую очередь Сольевевские конгрессы), на которых они обменивались опытом. И любое открытие в первую очередь распространялось среди них. Поэтому иностранным исследователям было крайне трудно попасть в этот круг. Одними из немногих важных открытий отдельно от европейского научного фронта являлись открытия индийских исследователей Мегхнада Сахи, Сатъендранатха Боса и Чандрасекхары Венката Рамана в 1920-х годах. Но даже после этих открытий они не были полноценно интегрированы в научные круги Западной Европы, несмотря на две попытки американского физика Комптона выдвинуть Саху на Нобелевскую премию.

До середины XIX в. в колониальной Индии превалировала традиционная система образования, но в 1813 г., 1835 г., 1854 г. были приняты законы, внедряющие английскую систему образования (Хартия 1813 г. (The Charter Act of 1813), Записка Маколея (Macaulay’s Minute), Депеша Вуда (Wood’s Dispatch)), которая отчасти вытеснила индийскую с большой научной традицией [Gafoor, 2025, p. 2] в сферах математики, астрономии и медицины. Кроме того, Депеша Вуда создала неравенство в образовательной системе. На английском языке стали обучаться дети индийской элиты, которые вскоре благодаря западному образованию становились посредниками британцев в Индии, а остальные слои индийского общества без знания английского языка были во многом исключены из британских социально-экономических инициатив [Sajid, Hussain, 2025, pp. 75–77]. Колониальный режим, чтобы оправдать колониализм, пропагандировал различия между Западом и Востоком — согласно идеям колонизаторов, индийцы были неспособны к практическим делам ввиду их духовных наклонностей, поэтому неспособны и к фундаментальным исследованиям. Согласно новой политике в сфере образования, научное и техническое образование было направлено на удовлетворение практических потребностей империи, прежде всего в строительстве инфраструктуры [Choudhuri, 2024, pp. 4–6]. В Британской империи Индия была лидером по количеству инженерных школ.

И даже практическая помощь индийцев часто не принималась во внимание. Например, Рональд Росс не признал вклад индийца по имени Кишори Мохан Бандьопадхьяй в исследование механизма передачи малярии, за которое в 1902 г. Росс получил Нобелевскую премию. Хотя Росс

не получил формального наказания, общественное возмущение заставило вице-короля Индии вручить Бандопадхьяю золотую медаль короля Эдварда VII [Shahare, Roberts, 2020, pp. 488–495].

Отдельные учёные и попытки институционализации

Одним из ключевых и наиболее примечательных индийских научных деятелей начала XX в. является Шриниваса Рамануджан Айенгар, тамильский математик. Уже в школе он смог рассчитать приблизительную длину земного экватора. Даже без специального математического образования он продолжил заниматься математикой и открыл большое количество новых формул, которые стали известны только после его переписки с профессором Кембриджского университета Годфри Харди [Verma, 2024, p. 57]. Благодаря своему таланту Рамануджан оказался в Кембридже, где продолжил заниматься математикой. Ради него иногда делали исключения из правил, например, он получил статус студента-исследователя даже без диплома или аттестата. Благодаря Харди Рамануджан был избран в члены Английского Королевского общества (второй индиец в истории) и Тринити-колледжа (первый индиец в истории)². Его подход был достаточно оригинальным для математиков того времени, он часто говорил об интуиции, снах, богах и оставлял свои открытия без доказательств, которых от него требовали европейские коллеги, в частности Харди.

Джагадиш Чандра Бос, обучавшийся в Кембридже, был первым индийским физиком, занимающимся оригинальными исследованиями, — в 1895 г. он получил микроволны в лаборатории. Однако в отличие от своего коллеги Прафуллы Чандра Рая (первого индийского химика с оригинальными исследованиями) он не передал знания по проведению исследований следующим поколениям физиков. Правда, их пример, как и пример Рамануджана, был несколько нивелирован западной поддержкой — Рай и Бос получали образование на Западе (в Эдинбурге и Лондоне), а Рамануджан приобрёл возможности к исследованиям и публикациям тоже в рамках помощи британских учёных и институтов. Несмотря на западный след, в Индии их достаточно сильно уважают и всё же привязывают к индийской традиции. Так, Бос помимо радиоволн изучал реакции растений; Рай провёл исследования истории индуистской химии; а Рамануджан демонстрировал характерное для индийской математической традиции слабое внимание к доказательствам.

Первой инициативой по институционализации проведения индийских фундаментальных исследований была Индийская ассоциация развития науки (Indian Association for the Cultivation of Science), которую на пожертвования в 1876 г. основал бенгальский врач Махендра Лаль Саркар. Однако даже при институциональном оформлении фундаментальных исследований в Индии не было подготовленных кадров, которые бы ими занимались, до самой смерти Саркара в 1904 г.

В 1857 г. были основаны три университета: в Калькутте, Бомбее и Мадрасе. В Калькуттском университете, который изначально служил лишь экзаменационной комиссией, присуждавшей учёные степени, к 1915 г. Ашутосх Мукерджи благодаря собранному от влиятельных людей средствам смог открыть несколько новых факультетов для аспирантов и пригласить некоторых исследователей преподавать. В частности, преподавателями нового физического факультета стали Чандрасекара Венката Раман, Сатъендранатх Бос и Мегхнад Саха. Их открытия в 1920-х годах стали одними из самых значительных в научной истории Индии, а они сами, в отличие от предшественников, продемонстрировали свои способности без западного образования и влияния — Саха и Бос не покидали Индию до своих открытий, а Раман, хотя и побывал за границей после своих первых исследований, не приобрёл там значительного западного влияния.

Одним из наиболее ярких примеров в медицине служит Упендранатх Брахмачари. Он также получал высшее образование в Калькуттском университете, где впоследствии стал профессором.

² Srinivasa Rao K. Srinivasa Ramanujan: Life and Work of a Natural Mathematical Genius. Cham: Springer. 2021. Pp. 25–29. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-16-0447-8> (дата обращения: 12.02.2026).

В 1929 г. был номинирован на Нобелевскую премию за работу над мочевино-стибамином, а в 1934 г. получил рыцарское звание³.

Иерархичность

Впрочем, даже у успешных учёных, сумевших доказать свои способности в научной сфере, были проблемы в индийских кругах. Например, Саха, выходец из семьи низкой касты, упоминает постоянную недоброжелательность брахмана Рамана, которая послужила одним из факторов смены места работы на университет в Аллахабаде, где он занимался уже преимущественно административной и организационной работой, а не фундаментальными исследованиями.

В качестве другого примера можно привести обвинение против преподавателя философии в Калькуттском университете Сарвапалли Радхакришнана в нарушении авторских прав — некоторые считают это результатом недовольства бенгальской интеллигенции назначением небенгальца Радхакришнана на престижную кафедру.

Другими словами, если выходцы из высших каст сталкивались только с культурными предубеждениями европейцев, то остальные также страдали от кастовых и региональных предубеждений в самой Индии. Похожие недостатки были замечены и в Босе — в его случае предвзятость даже влияла на достоверность его исследований и исследований его коллег [Shahare, Roberts, 2020, pp. 490–492].

Закат

Примерно к 1920-м годам научное сообщество вместе с зарождающимся национальным движением против колониализма (в 1919 г. случился расстрел мирных жителей в Амритсаре, в 1915 г. из Южной Африки вернулся Махатма Ганди) тоже приобрело патриотические идеи. Так, первый нобелевский лауреат из Азии в науке, Чандрасексхара Венката Раман, в 1930 г. обратил внимание на отсутствие на церемонии награждения других индийцев и индийского флага.

Однако ввиду поддержки многих студентов и преподавателей национального движения Калькуттский университет подвергся урезанию бюджета со стороны правительства в 1920-х годах, что заставило многих преподавателей сменить место работы. В конечном счёте это стало финальным затмением университета.

В 1920–1930-х годах многие университеты в Аллахабаде, Дакке, Панджабе, Дели, Майсуре, Андхра-Прадеш, Бенаресе и т. д. внедряли научно-исследовательскую деятельность помимо учебной, поставленной в приоритет британцами⁴. Всё большее значение приобретал Индийский институт науки, созданный ещё в начале XX в. при поддержке Тата, но не сумевший активизировать промышленные исследования. Но повторить успехи предшественников в Бенгалии следующие поколения так и не смогли. Некоторые исследователи считают причиной отсутствие качественной исследовательской школы. Если отнести несколько ярких учёных с их открытиями к неординарным личностям, которым повезло раскрыть свой потенциал, то в остальном в Индии отсутствовала эффективная система и необходимая интеллектуальная среда, которая бы смогла подготовить новые поколения исследователей-физиков. Кроме того, социальная жизнь обострилась из-за нарастающих конфликтов между индуистами и мусульманами; голода в Бенгалии; процессов, ведущих к деколонизации Индии; и Второй мировой войны.

³ Kawalkar U., Mankar A., Gaidhane A., Talapalliwar M. Dr. Upendranath Brahmachari: The Unsung Hero of Indian Medical Research. *Cureus*. 2024. Vol. 16. No. 8. P. 1. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11372334/> (дата обращения: 12.03.2026).

⁴ Roy S. C. Discovery of X-rays — Its Impact in India and History of X-ray Research in Colonial India. *Quantum Beam Science*. 2022. Vol. 6. No. 2. Pp. 1–12. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/Discovery_of_X-rays-Its_Impact_in_India_and_Histor.pdf (дата обращения: 12.03.2026).

* * *

Таким образом, в Индии появилась своя национальная элита, совершившая достаточно значимые открытия в науке. Однако, вероятно, ещё больший потенциал создания таких элит был потерян из-за институциональных барьеров.

Для большинства существовало множество препятствий — качественное школьное образование с дальнейшим доступом к британскому образованию получали лишь элиты, колониальная вера в неспособность индийцев к оригинальным научным исследованиям разделялась даже самими индийцами, представители низких каст или другой народности испытывали дискриминацию от кастового или этнического большинства, и даже реальная помощь индийцев в исследованиях британцев часто не признавалась.

Однако некоторые учёные конца XIX в. — первой половины XX в., хотя и во многом благодаря поддержке или образованию, полученному на Западе, смогли совершить несколько важных научных открытий. Отчасти эти открытия в свете активно зарождающегося национального движения были призваны продемонстрировать колониальным властям способности индийцев. И даже Саха, Бос и Раман получили научную работу в Индии благодаря инициативе Ашутоса Мукерджи, создавшего для них отдельный факультет, — притом что не все подобные инициативы в то время оказывались успешными. Например, Махендра Лаль Саркар был разочарован деятельностью Индийской ассоциации развития науки. Кроме того, эти учёные не оформили надлежащее продолжение индийской научно-исследовательской традиции, а дальнейшая нестабильность в стране, вероятно, ещё сильнее затормозила формирование научных элит в Индии. Хотя стоит отметить, что к концу колониального правления уже было основано несколько важных организаций, которые активизируют свою деятельность уже в независимой Индии в рамках тенденции к институционализации науки, расширению штата научных организаций и усилению акцента на научных исследованиях в целом.

1947–1991 гг.

Если Ганди критиковал западное образование и предлагал ставить акцент на этическом и религиозном образовании, то Джавахарлал Неру придерживался других взглядов — в сфере образования он стремился отдать приоритет естественным наукам для развития в молодом поколении научного склада ума [Brimnes, 2006, p. 265]. Кроме того, начала создаваться система организаций, концентрирующих научные элиты в отдельных сферах.

Институты

Например, в 1945 г. Хоми Джахангир Бхабха и Джахангир Ратанджи Дадабхаи Тата основали Институт фундаментальных исследований Тата (Tata Institute of Fundamental Research, TIFR). Хоми Джахангир Бхабха обладает неординарной биографией. Получив высшее образование в Кембридже, он занимался перспективными передовыми теоретическими исследованиями в области физики на западе и не планировал продолжать их на родине. Однако, вернувшись в Индию в 1939 г., он уже не смог вернуться в Европу из-за Второй мировой войны. В Индии он стал основателем отдела по исследованию космических лучей в Индийском институте науки, а в 1945 г. — уже сооснователем TIFR.

В первые годы изучалась математика, теоретическая физика, физика элементарных частиц, исследования космических лучей, ядерная эмульсия, камера Вильсона, производство счётчиков и электроника. Ядерной физикой начали заниматься в 1949 г. Раджа Раманна, Б. В. Тхосар, Ш. Ш. Дхарметти, С. К. Бхаттачарджи, С. Джха, А. Мукерджи, Е. Кондайя и Б. Венкатараман — все

получили докторские степени в США или Великобритании. Первыми студентами, которые вскоре ярко проявили себя, стали П. К. Айенгар (позднее председатель Комиссии по атомной энергии), М. Ч. Джоши (заведующий кафедрой физики Университета Мумбаи), Р. Виджаярагхаван (старший профессор, декан факультета физики TIFR), М. Р. Дас (директор Института исследований рака в Тируванантапураме) и Шри В. Г. Кулкарни (директор Центра научного образования Хоми Бхабхи). Позже были добавлены отделы и проводились исследования в сфере молекулярной биологии, радиоастрономии, микроволн, ИТ. Наконец, для обучения был открыт Центр научного образования Хоми Бхабхи (Homí Bhabha Centre for Science Education)⁵. Стоит сказать, что многие учёные в первые годы существования TIFR имели в основном западное образование. Например, исследования в области радиоастрономии начались в ИФИТ в 1960-е годы с четырёх учёных (Г. Сваруп, М. Р. Кунду, Т. Кришнан, Т. К. Менон), каждый из которых в начале 1960-х работал за границей, где и получил образование и опыт работы в сфере радиоастрономии с ведущими специалистами других стран [Swagur, 2014, p. 74].

Центр ядерных исследований Бхабха (Bhabha Atomic Research Centre, BARC, изначально назывался Atomic Energy Establishment, Trombay) также был основан Хоми Джахангиром Бхабхой в 1954 г. для активизации ядерных исследований, которые были необходимы для амбициозной ядерной программы Индии, также разработанной Хоми Джахангиром Бхабхой (с 1945 г. он был назначен председателем Комитета по атомной энергии). В 1956 г. был запущен первый в Азии (за пределами СССР) исследовательский реактор APSARA, в 1960 г. — второй, CIRUS⁶. Можно сказать, что BARC был «детисцем» TIFR, поскольку первые кадры, первые исследования и даже системы для первых реакторов были подготовлены полностью или при большой поддержке TIFR⁷.

Одними из ключевых центров научно-технологической жизни независимой Индии стали Индийские институты технологий (Indian Institute of Technology, ИИТ). Закон об их регулировании был опубликован в 1961 г. и предоставлял им значительную автономию в назначении преподавателей, отборе студентов и разработке учебных программ. Достаточно сложный экзамен, отсеивающий около 98% заявок, и система оценивания, отсеивающая 20% зачисленных студентов, подерживают элитарный статус ИИТ [Jiang, 2022, pp. 1–3].

Кроме того, в их основании участвовали другие страны, предоставляя специалистов по обучению и созданию лабораторий и мастерских. Например, СССР, США, Великобритания и ФРГ поддерживали основание ИИТ в Бомбее, Канпуре, Дели и Мадрасе. ИИТ в Мадрасе был крупнейшим для ФРГ зарубежным проектом в сфере технического образования [Wittje, 2020, p. 335]. Многие ИИТ привлекали для работы иностранных преподавателей, а своих часто отправляли для получения опыта за рубеж [Krishna, Khadria, 1997, p. 354].

Индийский институт науки был основан в 1909 г. В 1933 г. Чандрасекхара Венката Раман, на тот момент уже лауреат Нобелевской премии, стал первым индийским директором института. Среди студентов и преподавателей института числились Хоми Джахангир Бхабха, Викарам Сарабхаи (основатель индийской космической программы), Чинтамани Нагеш Рамачандра Рао⁸.

⁵ Sreekantan B. V. Sixty years of the Tata Institute of Fundamental Research 1945–2005: The role of young men in the creation and development of this institute. *Current Science*. 2006. Vol. 90. No. 7. Pp. 1012–1013. URL: <http://eprints.nias.res.in/74/> (дата обращения: 27.02.2026).

⁶ Bhabha Atomic Research Centre. About BARC. URL: <https://barc.gov.in/about/index.html> (дата обращения: 14.01.2026).

⁷ Singh C. K., Jolad S. Structure and evolution of Indian physics co-authorship networks. *Scientometrics*. 2019. Vol. 118. No. 2. Pp. 5–6. URL: https://www.researchgate.net/publication/322537645_Structure_and_Evolution_of_Indian_Physics_Co-authorship_Networks (дата обращения: 16.04.2026).

⁸ Indian Council of Medical Research. History. URL: <https://www.icmr.gov.in/history> (дата обращения: 09.01.2026).

Совет по научным и промышленным исследованиям (CSIR) был создан как автономный орган для стимулирования индустриализации в 1942 г. Идеи по созданию такого органа выдвигали ещё в 1930-х годах Чандрасекхара Венката Раман и Гьянчандра Гхош⁹. Первым генеральным директором Совета стал Шанти Сваруп Бхатнагар, который также создал двенадцать национальных лабораторий¹⁰.

В 1960-х годах Викрам Сарабхаи, осознав потенциал космических исследований, собрал команду для составления индийской космической программы, в 1969 г. была основана Индийская организация космических исследований (ISRO)¹¹.

Действовали также Индийский совет медицинских исследований (Indian Council of Medical Research, ICMR)¹², Индийский совет сельскохозяйственных исследований (Indian Council of Agricultural Research, ICAR)¹³ [Randhawa, 1979, p. iii], Организация оборонных исследований и разработок (Defence Research and Development Organisation, DRDO)¹⁴ и др.

Отдельные учёные

Прашант Чандра Махаланобис (индийский математик и статистик) в 1931 г. стал учредителем Индийского статистического института и сыграл значительную роль в формировании второго пятилетнего плана [Saha, 2018, pp. T194, T196].

Среди других значительных учёных был также Раджа Раманна. Он был членом различных институтов, и именно под его руководством в 1974 г. был осуществлён первый в Индии мирный ядерный взрыв¹⁵. Авул Пакир Джайнулабдин Абдул Калам внёс значительный вклад в развитие спутниковой и ракетной программ в Индии, работая в Организации оборонных исследований и разработок под руководством Викрама Сарабхаи и в Индийской организации космических исследований (руководителем в тот момент был Сатиш Дхаван¹⁶), где стал директором проекта первой индийской ракеты-носителя со спутником. В 2002 г. он также стал президентом Индии¹⁷.

В области радиоастрофизики большое влияние приобрёл Говинд Сваруп, под началом которого была создана группа радиоастрономов в Институте фундаментальных исследований Тата, а также несколько астрономических сооружений, включая гигантский метровый радиотелескоп в Пуне, один из ведущих астрономических инструментов в мире [Padma, 2020]. Ч. В. Вишвешвара был пионером в исследованиях чёрных дыр [Dadhich, Nayak, 2024, p. 1].

Чинтамани Нагеш Рамачандра Рао сейчас является председателем Научно-консультативного совета при премьер-министре, также он провёл множество исследований в сфере химии твёрдых тел,

⁹ BYJU'S. Council of Scientific and Industrial Research (CSIR). URL: <https://byjus.com/free-ias-prep/council-of-scientific-and-industrial-research-csir/> (дата обращения: 19.01.2026).

¹⁰ Council of Scientific & Industrial Research. Shanti Swarup Bhatnagar Prize (SSB) for Science and Technology 2004–2010. URL: <https://ssbprize.gov.in/Content/SSBBio.aspx> (дата обращения: 11.01.2026).

¹¹ ISRO. Genesis. URL: <https://www.isro.gov.in/genesis.html> (дата обращения: 21.01.2026).

¹² Indian Council of Medical Research. History. URL: <https://www.icmr.gov.in/history> (дата обращения: 09.01.2026).

¹³ Randhawa M. S. A History of the Indian Council of Agricultural Research 1929–1979. New Delhi: ICAR, 1979. P. III. URL: <https://archive.org/details/IcarHistory> (дата обращения: 27.02.2026).

¹⁴ Defence Research and Development Organisation. Ministry of Defence. URL: <https://www.indiascienceandtechnology.gov.in/organisations/ministry-and-departments/defence-research-and-development-organisation-drdo> (дата обращения: 08.01.2026).

¹⁵ Bhabha Atomic Research Centre. Dr. Raja Ramanna. URL: <https://web.archive.org/web/20130523095007/http://barc.gov.in/leaders/ramanna.html> (дата обращения: 15.01.2026).

¹⁶ Hindustan Times. Satish Dhawan: Pioneer of India's space journey, Hindustan Times, 6 November 2019. URL: <https://www.hindustantimes.com/inspiring-lives/satish-dhawan-pioneer-of-india-s-space-journey/story-0aW9z1b4TzYmW3wLL09XtL.html> (дата обращения: 20.01.2026).

¹⁷ Vigyan Prasara. Maulana Abdul Kalam Azad. Vigyan Prasara Science Portal. URL: <https://web.archive.org/web/20070309080244/http://www.vigyanprasara.gov.in/scientists/Abdulkalam/Abdulkalam.htm> (дата обращения: 12.01.2026).

является членом многих научных академий мира¹⁸. Гопальсамудрам Нараян Рамачандран в 1954 г. вместе с Гопинатхом Картхой открыл правильную структуру коллагена. Во время более поздних исследований он создал карту Рамачандрана для визуализирования возможностей вращения частей белковой молекулы [Yathindra, 2001, p. 480].

Наконец, Ашок Сен внёс большой вклад в теорию струн и стал членом Лондонского королевского общества, будучи выдвинутым Стивеном Хокингом [Pulakkat, 2013].

Утечка мозгов

Вплоть до конца 1960-х годов Индия не испытывала проблемы утечки мозгов, поскольку множество новых создающихся институтов и правительственный акцент на науке и расширении академической среды создавал спрос, который удовлетворялся кадровым предложением. Напротив, даже в начале 1960-х годов наблюдался дефицит специалистов в размере 40–50% штатных должностей.

Проблема утечки мозгов проявилась в 1970-х годах. Если прежде из Индии ежегодно уезжало 850–900 специалистов, то с 1970-х годов это число выросло до 2700. Ещё один аспект проблемы — редкие возвращения после обучения за границей, которые также стали тенденцией в начале 1970-х годов. Это было связано с достижением предела расширения научных институтов, переизбытком подготавливаемых кадров и недостаточным спросом на специалистов в промышленности. Кроме того, многие учёные из Индии искали более благоприятный интеллектуальный климат [Krishna, Khadria, 1997, pp. 354, 358, 367–368, 375].

Ненаучное поведение

В 1970-х годах необходимость повышения продуктивности предприятий заставила правительство обратить более пристальное внимание на научную среду, которая, как оказалось, была почти столь же иерархична, как и в колониальные времена. Более того, с момента приобретения независимости индийское правительство сделало сильный акцент на науке как посреднике на пути к модернизации, вследствие чего предоставило научной системе значительную автономию, которая во многих местах стала подходящей средой для укрепления иерархичности. Наиболее яркий пример связан с сортом пшеницы Sharbati Sonora. Его вывел Манкомбу Самбасиван Свамнатхан с исследовательской группой, которая с 1967 г. делала ложные заявления об этом сорте, которые опровергались американскими и мексиканскими учёными в 1968 и 1970 гг. В 1971 г. ложные заявления повторились, Свамнатхан вскоре стал генеральным директором ICAR. В 1972 г. агроном Винод Шах совершил самоубийство, написав в предсмертной записке обвинения в сторону ICAR и упоминая ненаучные данные, в том числе в контексте сорта Sharbati Sonora. Благодаря влиянию Свамнатхана дело быстро потеряло свою значимость. Однако в 1973 г. в отчёте по делу ICAR была выделена основная причина проблемы — иерархичность структуры, в которой молодые учёные не могут проводить объективные исследования, поскольку находятся под сильным давлением вышестоящего руководства. Эта система поддерживалась практикой ежегодных отчётов руководителей отделений о каждом сотруднике.

Для решения этой проблемы в 1986 г. было зарегистрировано Общество научных ценностей (негосударственная организация), которое публиковало случаи ненаучного поведения. Оно стало одним из первых подобных институтов и примером для других стран, многие из которых смогли оформить надлежащие меры против ненаучного поведения только в 1990-х годах [Shahare, Roberts, 2020, pp. 494–496, 499, 501].

¹⁸ RSC. Author Profile: C.N.R. Rao. Journal of Materials Chemistry Blog. 20 July 2012. URL: <https://blogs.rsc.org/jm/2012/07/20/author-profile-c-n-r-rao/> (дата обращения: 22.01.2026).

* * *

Таким образом, с момента получения Индией независимости в рамках национальной политики стало создаваться и активизироваться большое количество научно-исследовательских организаций — период вплоть до конца 1960-х годов можно назвать периодом расцвета научной жизни в Индии, когда научные элиты получали поддержку и место для работы. Отдельного упоминания заслуживают и личные труды по организации научной работы таких людей, как Хоми Джахангир Бхабха и Шанти Сваруп Бхатнагар. Некоторые организации также получали значительное финансирование от семьи Тата. В этот период наблюдался дефицит сотрудников в научно-исследовательских учреждениях.

Однако в начале 1970-х годов недостатки существующей научной сферы стали очевидны. Во-первых, научная сфера перестала являться одним из главных приоритетов правительства, поскольку многие разочаровались в её возможностях решить социальные проблемы. Во-вторых, начали чрезмерно ярко проявляться проблемы с ненаучным поведением, связанным во многом с оставшейся ещё с колониальных времён иерархичностью науки. В-третьих, научная сфера постепенно теряла возможность вмещать ещё больше сотрудников — кадровый дефицит сменялся кадровым избытком. В-четвёртых, началась активная утечка мозгов.

1991 г. — начало XXI в.

В последние десятилетия акцент в научной сфере сместился с государственной приоритизации к необходимости частных инвестиций и инноваций. Другими словами, основной задачей стало связывание фундаментальных исследований с прикладной сферой, предпринимательством и социально-экономическими приоритетами. А для этого требуется усилить связь между наукой и промышленностью, переориентировать науку на междисциплинарные и более актуальные исследования, модернизировать научную инфраструктуру и активизировать международное сотрудничество [Basha, Ganesan, 2020].

Переход к прикладным исследованиям

И хотя Индия так и не достигла желаемой доли частного финансирования НИОКР, в последние годы в список 100 лучших университетов страны включается всё больше частных университетов и достаточно много автономных институтов национального значения, которые заняли в рейтинге финансируемые государством университеты, а также некоторые лаборатории CSIR и институты ICAR и NIPER (Национальный институт фармацевтического образования и исследований) [Singh, Karmakar, Kanaujia, 2024, p. 14].

Выделяются и новые типы организаций, в которых ведётся научно-исследовательская деятельность. Так, к 2014 г. было открыто более 140 финансируемых государством технологических бизнес-инкубаторов (Technology Business Incubators), парков для предпринимателей в сфере науки и технологий (Science and Technology Entrepreneurs Parks) и других инкубаторов¹⁹. Кроме того, к 2019 г. в Индии было 1430 глобальных центров компетенций (Global Capability Centers) ТНК, и 55% из них занимаются исследованиями и новыми разработками²⁰. Увеличивается количество стартапов в области биотехнологий, ИТ, космической отрасли.

¹⁹ Surana K., Singh A., Sagar A. D. Strengthening science, technology, and innovation-based incubators to help achieve Sustainable Development Goals: Lessons from India. Technological Forecasting and Social Change. 2020. Vol. 157. P. 26. URL: https://www.researchgate.net/publication/341634880_Strengthening_science_technology_and_innovation-based_incubators_to_help_achieve_Sustainable_Development_Goals_Lessons_from_India (дата обращения: 03.03.2026).

²⁰ GCC 3.0: Positioning India as the Global R&D Hub — A Strategic Trend Analysis. 2021. P. 4. Noida: NASSCOM. URL: <https://community.nasscom.in/index.php/communities/gcc/gcc-30-positioning-india-global-rd-hub-strategic-trend-analysis> (дата обращения: 15.03.2026).

Проблемы

Со времён либерализации в 1990-х годах Индия отчасти решала проблему утечки мозгов путём привлечения уже уехавших в США экспертов в новые проекты в прикладном секторе, особенно в ИТ и биотехнологиях, и внедрения стипендий для возвращающихся учёных [Krishna, Khadria, 1997, pp. 354, 358, 367–368, 375]. Однако в большинстве других сфер проблема сохранялась. Так, к 2008 г. 54% выпускников Всеиндийского института медицинских наук в Дели 1989–2000 гг. жили и работали за рубежом. Учёные с академическими наградами имели на 35% больше шансов эмигрировать [Kaushik et al., 2008, p. 40]. В физике в период 1970–2013 гг. количество исследований в соавторстве с иностранными учёными растёт быстрее, чем с отечественными учёными, что говорит о большей ориентации на международную научную сферу даже у учёных в Индии [Singh, Jolad, 2019, p. 1]. Хотя сейчас благодаря некоторым инициативам правительства по привлечению эмигрировавших учёных и крупным прикладным проектам некоторые исследователи говорят о том, что «brain drain» постепенно может замениться на «brain circulation» (возвращение эмигрантов с зарубежным опытом), а впоследствии и на «brain retain» [Varma, Kapur, 2013, p. 316], но пока позитивные тенденции слабы.

Сохраняется и иерархичность системы, и дискриминация внутри неё. Даже несмотря на систему резервирования, уязвимые группы в основном не имеют доступа к естественным наукам (в сельских регионах, где многие из них проживают, нет учителей естественных наук), соответственно их доля на естественно-научных факультетах значительно ниже установленных квот, на уровне магистратуры разрыв немного увеличивается, а в аспирантуре им редко удаётся найти хорошего научного руководителя, поскольку профессора из привилегированных каст отказываются от представителей маргинализированных сообществ. В Институте фундаментальных исследований Тата, на который не распространяются правила резервирования, нет профессоров из непривилегированных каст. Такая же проблема и в системе финансирования и предоставления стипендий [Pichon, 2023]. Доля женщин в научной сфере также была исторически низка, сейчас правительственные инициативы пытаются решить и эту проблему, но к 2024 г. в STEM-науках в Индии доля женщин по-прежнему была крайне невелика — около 16,7% [Muralidhar, Ananthanarayanan, 2024, p. 2].

Вместе со значительным увеличением количества студентов вновь появилась проблема дефицита кадров — во многих университетах более 50% должностей профессоров оставалось вакантно²¹. Многие частные учебные заведения стремятся к максимизации прибыли, поэтому экономят на кадрах и нанимают низкооплачиваемых и низкоквалифицированных преподавателей.

Наконец, сейчас серьёзной проблемой является увеличение количества хищнических журналов и статей в них. Это происходит из-за акцента на количестве публикаций при рассмотрении кандидатур на получение учёных степеней, который создаёт подходящую среду для обостряющейся конкуренции учёных и университетов за количеством публикаций в ущерб их качеству. Эта же проблема проявляется и в других странах, поэтому хищнические журналы пользуются спросом. Большая их часть базируется на территории Южной Азии, Африки и Турции [Shahare, Roberts, 2020, pp. 503–504].

Однако качество статей всё же тоже постепенно улучшается вместе с их количеством. Так, за 2015–2024 гг. нормализованный по категориям показатель цитируемости для всех статей Индии вырос с 0,7 до 0,9. 67% индийских исследований были опубликованы в 50% лучших журналов. Наконец, Индия находится на третьем после Китая и США месте по количеству статей, входящих в 10% наиболее цитируемых работ²².

²¹ India Today. IITs, IIMs, NITs have 56% faculty vacancies, says parliamentary report. India Today. 1 April 2025. URL: <https://www.indiatoday.in/education-today/news/story/iits-iims-nits-have-56-faculty-vacancies-says-parliamentary-report-2702244-2025-04-01> (дата обращения: 18.01.2026).

²² Springer Nature. Global Research Pulse: India. Springer Nature Stories. 5 November 2025. URL: <https://stories.springernature.com/global-research-pulse-india/index.html> (дата обращения: 23.01.2026).

* * *

Сейчас Индия продолжает страдать от проблем, проявившихся ещё в 1970-х годах, таких как утечка мозгов и ненаучное поведение, но вместе с тем делает многое для их решения — правительство инициировало множество программ и стипендий для вернувшихся учёных, а группа исследователей в конце 1980-х годов организовала институт, борющийся с ненаучным поведением. И хотя проблемы не решены, их негативное влияние всё же отчасти нивелируется общественными и правительственными инициативами.

Помимо старых проблем появляются новые, одна из главных — чрезмерная формализация научной сферы. Приоритет дипломов о высшем образовании над знаниями позволяет многим недобросовестным университетам экономить на преподавателях и качестве обучения, что негативно сказывается и на квалификации будущих выпускников, и на доступности рабочих мест для преподавателей. А измерение заслуг исследователей количеством написанных статей допускает появление большого количества хищнических журналов.

Параллельно существуют и положительные тенденции. Так, в Индии растёт и качество научных статей, и их цитируемость. А одним из наиболее значительных изменений в научной сфере Индии является усиление её связи с промышленностью. Часть исследований приобретает прикладной характер вместо фундаментального и начинается не в научно-исследовательских учреждениях, а в специальных инкубаторах и технологических парках. Так научная сфера наконец начинает реализовывать потенциал своей связи с промышленностью, которую хотели укрепить ещё с середины XX в. Это приводит к запуску большого количества стартапов в наиболее актуальных для экономики сферах и привлекает в исследования частные инвестиции.

Литература / References

- Brimmes N., Pratik Chakrabarti, Western science in modern India: metropolitan methods, colonial practices. *Medical History*. 2006. Vol. 50. No. 2. Pp. 265–272.
- Dadhich N., Nayak R. K. CV Vishveshwara (Vishu) on the Black Hole Trek. *Resonance*. 2024. Vol. 29. No. 1. Pp. 29–49.
- Gafoor A. P. Colonialism and English Education in India: From Charter Act to Wood's Dispatch. *International Journal for Multidisciplinary Research (IJFMR)*. 2025. Vol. 7. No. 2. Pp. 1–7.
- Jiang Y. The *Enlightenment of Indian Institute of Technology: Autonomy, Selection and Practical Education*. SHS Web of Conferences. 2022. Vol. 148.
- Kaushik M., Jaiswal A., Shah N., Mahal A. High-end physician migration from India. *Bulletin of the World Health Organization*. 2008. Vol. 86. No. 1. Pp. 40–45.
- Krishna V. V., Khadria B. Phasing scientific migration in the context of brain gain and brain drain in India. *Science, Technology and Society*. 1997. Vol. 2. No. 2. Pp. 347–385.
- Muralidhar S., Ananthanarayanan V. Women's representation in Indian academia and conferences. *Communications Biology*. 2024. Vol. 7. No. 1. Pp. 478–484.
- Saha S. Prasanta Chandra Mahalanobis and the Beginning of the Indian Statistical Institute. *Indian Journal of History of Science*. 2018. Vol. 53. No. 4. Pp. 191–197.
- Sajid M., Hussain M. Educational Policies and Colonial Legacy: A Historical Analysis of Successes and Failures (1835–1947). *Global Political Review*. 2025. Vol. 10. No. 1. Pp. 75–88.
- Shahare M., Roberts L. L. Historicizing the crisis of scientific misconduct in Indian science. *History of Science*. 2020. Vol. 58. No. 4. Pp. 485–506.
- Swarup G. Growth and Development of Radio Astronomy in India. *Astronomy in India: A Historical Perspective*. Ed. by Padmanabhan T. New Delhi: Springer India, 2014. P. 74.

Varma R., Kapur D. Comparative analysis of brain drain, brain circulation and brain retain: A case study of Indian Institutes of Technology. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 2013. Vol. 15. No. 4. P. 316.

Verma R. K. An analytical study on Srinivasa Ramanujan's contributions in the field of mathematics. *International Journal of Physics and Mathematics*. 2024. Vol. 6. No. 2. P. 57.

Wittje R. The Establishment of IIT Madras: German Cold War Development Assistance and Engineering Education in India. *Technikgeschichte*. 2020. Vol. 87. No. 4. P. 335.

Yathindra N. G. N. Ramachandran (1922–2001). *Acta Crystallographica Section A: Foundations of Crystallography*. 2001. Vol. 57. No. 5. P. 480.

Электронные ресурсы / Online resources

Kawalkar U., Mankar A., Gaidhane A., Talapalliwar M. Dr. Upendranath Brahmachari: The Unsung Hero of Indian Medical Research. *Cureus*. 2024. Vol. 16. No. 8. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11372334/> (дата обращения: 12.03.2026).

GCC 3.0: Positioning India as the Global R&D Hub — A Strategic Trend Analysis. *Noida: NASSCOM*. URL: <https://community.nasscom.in/index.php/communities/gcc/gcc-30-positioning-india-global-rd-hub-strategic-trend-analysis> (дата обращения: 15.03.2026).

Randhawa M. S. *A History of the Indian Council of Agricultural Research 1929–1979*. New Delhi: ICAR, 1979. URL: <https://archive.org/details/IcarHistory> (дата обращения: 27.02.2026).

Roy S. C. Discovery of X-rays — Its Impact in India and History of X-ray Research in Colonial India. *Quantum Beam Science*. 2022. Vol. 6. No. 2. Pp. 1–12. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/Discovery_of_X-rays-Its_Impact_in_India_and_Histor.pdf (дата обращения: 12.03.2026).

Singh C. K., Jolad S. Structure and evolution of Indian physics co-authorship networks. *Scientometrics*. 2019. Vol. 118. No. 2. Pp. 1–17. URL: https://www.researchgate.net/publication/322537645_Structure_and_Evolution_of_Indian_Physics_Co-authorship_Networks (дата обращения: 16.04.2026).

Singh V. K., Karmakar M., Kanaujia A. Institutional Shifts in Contribution to Indian Research Output during the last two decades. *Cornell University*. URL: <https://arxiv.org/abs/2412.06652> (дата обращения: 10.03.2026).

Sreekantan B. V. Sixty years of the Tata Institute of Fundamental Research 1945–2005: The role of young men in the creation and development of this institute. *Current Science*. 2006. Vol. 90. No. 7. URL: <http://eprints.nias.res.in/74/> (дата обращения: 27.02.2026).

Srinivasa Rao K. Srinivasa Ramanujan: Life and Work of a Natural Mathematical Genius. Cham: *Springer*. 2021. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-16-0447-8> (дата обращения: 12.02.2026).

Surana K., Singh A., Sagar A. D. Strengthening science, technology, and innovation-based incubators to help achieve Sustainable Development Goals: Lessons from India. *Technological Forecasting and Social Change*. 2020. Vol. 157. URL: https://www.researchgate.net/publication/341634880_Strengthening_science_technology_and_innovation-based_incubators_to_help_achieve_Sustainable_Development_Goals_Lessons_from_India (дата обращения: 03.03.2026).

АРАБСКИЙ ЯЗЫК В СТРАНАХ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ (МАВРИТАНИЯ, СУДАН, ЮЖНЫЙ СУДАН, ЭРИТРЕЯ, ДЖИБУТИ, СОМАЛИ, КОМОРСКИЕ ОСТРОВА)

© 2026

А. А. Блинов¹

Настоящая статья проясняет положение арабского языка в выбранных странах Африки южнее Сахары во всём многообразии взаимосвязей и взаимозависимостей между ним и господствующими здесь языками. В работе освещены этапы становления арабского языка в обозначенном регионе начиная с древнейших времён и до наших дней, определено его место в иерархии африканских языков, показаны особенности языковой политики африканских государств и их отношения с арабским миром. Также оцениваются перспективы дальнейшего арабо-африканского сотрудничества. Кроме того, для каждой из стран Африки южнее Сахары, включённых в статью, представлена информация обо всех основных языках, количестве говорящих на них и их генетической классификации, а также выделены направления дополнительных исследований. В целом данный регион всё ещё остаётся сравнительно малоизученным и недостаточно описанным в востоковедных источниках, поэтому он представляет несомненный интерес для арабистов. В этой связи рассмотрение положения арабского языка в странах Африки южнее Сахары позволяет не только установить масштабы его распространения в различных уголках земного шара, но и проанализировать характер его функционирования и развития в тех случаях, когда он не является доминирующим на фоне других языков.

Ключевые слова: арабский язык, страны Африки южнее Сахары, Мавритания, Судан, Южный Судан, Эритрея, Джибути, Сомали, Коморские острова

Для цитирования: Блинов А. А. Арабский язык в странах Африки южнее Сахары (Мавритания, Судан, Южный Судан, Эритрея, Джибути, Сомали, Коморские острова). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 116–124. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-116-124

ARABIC IN SUB-SAHARAN AFRICA (MAURITANIA, SUDAN, SOUTH SUDAN, ERITREA, DJIBOUTI, SOMALIA, COMOROS)

Andrey A. Blinov

This paper elucidates the position of Arabic in the selected countries of Sub-Saharan Africa, encompassing a diversity of interconnections and interdependencies between it and the dominant languages. The article highlights the development stages of Arabic in the specified region from prehistoric times to the present day, defines its place in the hierarchy of African languages, and shows the peculiarities of language policies of African states

¹ Блинов Андрей Андреевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; progrock1@yandex.ru,
Andrey A. Blinov, PhD (Philology), Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; progrock1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9694-8706

and their relations with the Arab world. It also assesses the prospects of further Arabic-African cooperation. Furthermore, the paper provides information on all major languages, the number of speakers, and their genetic classification for each covered country of Sub-Saharan Africa and singles out the areas of additional research. Overall, this region remains relatively understudied and insufficiently described in Orientalist sources, making it of particular interest to Arabists. In this regard, examining the status of Arabic in Sub-Saharan Africa allows us not only to determine the extent of its distribution in various parts of the world but also to analyze its operation and development in contexts where it does not dominate other languages.

Keywords: Arabic, Sub-Saharan Africa, Mauritania, Sudan, South Sudan, Eritrea, Djibouti, Somalia, Comoros

For citation: Blinov A. A. Arabic in Sub-Saharan Africa (Mauritania, Sudan, South Sudan, Eritrea, Djibouti, Somalia, Comoros). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 116–124. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-116-124

В зависимости от степени распространения арабского языка на территории Арабского Востока можно выделить два основных ареала его функционирования — внутренний и внешний. Внутренний ареал охватывает все регионы и страны, в которых арабский язык является родным для большинства населения и используется во всех областях жизни, — от Магриба² на западе до Машрика³ и стран Персидского залива на востоке арабского мира. Внешний ареал представлен государствами Африки и Азии, в которых арабский редко употребляется в повседневном общении. В некоторых из них он объявлен государственным или одним из официальных языков, в других его статус сугубо конфессиональный и ограничен отправлением культа. Таким образом, в отличие от внутреннего ареала, где арабский язык считается единственным «законодателем мод» на национальном уровне и устанавливает действующие стандарты, объединяя любые возможные формы своего бытования, во внешнем ареале он носит зависимый характер и вынужден конкурировать с другими языками, употребляясь только в отдельных сферах — например, административной работе, делопроизводстве, школьном образовании, средствах массовой информации, религиозных церемониях и т. д.

Современные арабистические исследования главным образом затрагивают именно внутренний ареал существования арабского языка, который служит неиссякаемым источником сведений о лингвистических явлениях и процессах, характеризующих коммуникативное поведение арабов. Внешний ареал Арабского Востока, напротив, редко привлекает внимание учёных, несмотря на то что здесь обнаруживается богатый материал для изучения, поэтому выбор темы настоящей статьи был не в последнюю очередь продиктован стремлением осветить некоторые особенности данного ареала, взяв в качестве примера едва ли не ярчайшего его представителя — страны Африки южнее Сахары.

Если говорить об Африке в целом, то арабский язык прочно утвердился на континенте еще в начале VII века, когда арабами были завоёваны обширные земли в Северной Африке — регионе, который впоследствии получил название «Арабская Африка». Впрочем, дальнейшее проникновение арабского языка вглубь Тропической Африки в указанный период замедлилось из-за обращения взора арабов на север, в сторону Испании, так что он сохранил незыблемые позиции только в регионе Магриба (Алжир, Марокко и Тунис) вместе с примыкающими к нему с востока Ливией и Египтом.

Что касается других стран Африки, то распространение арабского языка проходило здесь неравномерно и практически всегда сопровождалось экспансией ислама, которая особенно

² Арабские страны, лежащие к западу от Египта и Аравийского полуострова.

³ Арабские страны, лежащие к востоку от Египта (в отличие от Магриба) и к северу от Аравийского полуострова.

усилилась после окончания Второй мировой войны, когда на политической карте мира появилось множество новых стран, готовых к принятию новой религии. Пробуждению мусульманского самосознания всячески потворствовали богатые страны Персидского залива во главе с Саудовской Аравией, которые предприняли ряд решительных шагов для продвижения в странах Африки южнее Сахары исламского вероучения и арабского языка, осознавая наличие тесной связи между ними. Такие шаги включали открытие центров мусульманской культуры, обеспечение новейшими учебниками, пособиями и необходимым оборудованием местных учебных заведений, ориентированных на арабоязычную программу, предоставление стипендий лучшим студентам, направление в эти страны квалифицированных учителей арабского языка, богословия и других предметов, способствующих возникновению интереса к арабо-мусульманскому наследию, спонсирование происламских передач на радио и телевидении, развитие исламских университетов и ассоциаций, организация при них курсов арабского языка для начинающих и многое другое. Более того, любые соглашения о взаимопомощи и сотрудничестве, заключаемые между африканскими и арабскими государствами, обычно содержали пункт о необходимости развития арабского языка и культуры.

Тем не менее нельзя не признать, что исламизация местных сообществ не привела автоматически к их арабизации, что отчасти объясняется малым процентом арабского этнического элемента в составе населения стран, расположенных к югу от Сахары. Как следствие, в настоящее время количество мусульман, составляющее без малого 300 млн человек в данном регионе, не соответствует здесь количеству говорящих на арабском языке, поскольку степень проникновения ислама на Африканском континенте отлична от степени проникновения арабского языка. Многие мусульмане получают образование в коранических школах, где зачастую преподаются только азы арабского языка, а всё обучение сводится, по сути, к механическому заучиванию глав Священного писания, вследствие чего ученики, как правило, не могут закрепить свои знания на практике и довольствуются употреблением арабского в религиозной сфере. Изменить сложившуюся ситуацию может включение коранических школ в государственную систему дошкольного образования, что уже происходит в некоторых африканских странах, стимулируя дальнейшее становление арабского языка.

В дополнение к этому арабский язык, невзирая на закрепившуюся за ним конфессиональную роль, всякий раз наталкивается здесь на противодействие со стороны жизнеспособных автохтонных языков, борющихся за место под солнцем, тем более что после провозглашения независимости они пользовались особой поддержкой руководства африканских стран, освободившихся от колониального гнёта и стремящихся выдвинуть их на первый план в противовес языкам бывших европейских метрополий. Некоторые из них являлись бесписьменными, однако в поиске подходящего алфавита перешли на арабскую графику, приспособив её под свои нужды в качестве одного из возможных вариантов местного письма. Это свидетельствует о том, что арабский язык всегда занимал особое место в иерархии африканских языков, хотя и нередко сталкивался с трудностями, вызванными противоборством различных арабских стран за сферы влияния, сопротивлением самих африканцев и националистической языковой политикой африканских стран. Последние даже стремились присвоить автохтонным языкам региональный статус или превратить их в языки межнационального общения, что создавало дополнительную конкуренцию с арабским языком, который выполнял функцию *лингва франка* на определённых территориях.

Кроме того, арабский язык испытывал всё возрастающее давление со стороны европейских языков, конкурируя в бывших британских колониях с французским языком, а в бывших французских колониях — с английским в качестве второго языка в системе среднего образования. Нежелание новообразованных африканских государств включать арабский язык в школьную программу долгое время было связано с укоренившимся представлением о западных языках как средстве социального

прогресса, овладение которыми могло дать путёвку в жизнь, чего был лишён арабский язык с его узкой религиозной направленностью. Ещё одним очевидным недостатком в глазах жителей стран, расположенных южнее Сахары, являлась неспособность арабского языка соответствовать требованиям научно-технической революции из-за недостаточной проработанности терминологического аппарата по сравнению с западными языками, что сильно снижало возможности его использования в профессиональной и международной коммуникации. Одновременно с этим арабский обладал рядом ощутимых преимуществ перед европейскими языками, составляя вместе с африканскими языками единый фронт противодействия вестернизации, гегемонии западных стран и иностранному культурному империализму.

Отечественный арабист В. Э. Шагаль в своей книге «Арабские страны: язык и общество» (1998) выделяет ещё несколько факторов возможного развития африкано-арабского сотрудничества в будущем:

Многовековые культурные отношения связывают Африку и арабо-мусульманский мир. В исследованиях, посвящённых истории арабо-африканских отношений, всегда подчёркивается значение вклада арабской цивилизации в развитие африканской культуры, хотя нельзя сбрасывать со счетов и обратное влияние. В африканских странах распространено представление об арабском языке как одном из африканских, а не иностранном. Это серьёзный психологический фактор, который следует учитывать, когда речь идёт о перспективах арабского языка в Африке. В деле объединения африканских языков арабский, в той или иной форме функционирующий в каждой четвёртой стране — члене Организации африканского единства, играет важную роль.

Арабо-африканское единение особенно чётко проявляется в религиозной общности. 13 неарабских стран Африки вошли в организацию «Исламская конференция» (ОИК), насчитывающую более 40 членов. Под эгидой ОИК созданы центры исламской культуры в Мали, Гвинее-Бисау, исламские университеты открыты в Уганде и Нигерии. Заметное влияние ислама в районах, расположенных к югу от Сахары, положительно сказывается на распространении арабского языка. Многие арабские руководители отдают себе отчёт в том, что в настоящее время в Чёрной Африке как с арабским языком, так и с мусульманской религией связано представление о консерватизме и традиционализме. Поэтому, довольно часто ратуя за распространение арабского языка и мусульманского воспитания, они связывают этот процесс с расширением функционирования местных языков и культур, сохранением традиционного образа жизни.

Идея арабо-африканской общности, которая способствует распространению арабского языка, основывается на неразрывности судеб арабского и африканского миров; она эволюционирует и получила дополнительный стимул к укреплению своих позиций на базе так называемой «антиимпериалистической солидарности». Тем самым различия в культуре, образе жизни и религиозных убеждениях между европейцами, с одной стороны, и африканцами и арабами — с другой способствуют сохранению противостояния арабского языка, языка ислама и языков развивающихся стран французскому и английскому [Шагаль, 1998, с. 253].

Таким образом, все вышеперечисленные аспекты рисуют весьма радужную картину дальнейшего взаимодействия между арабским и автохтонными языками в странах Африки южнее Сахары, для успешного продолжения которого важны не столько усилия нефтедобывающих аравийских монархий по насаждению арабо-мусульманских ценностей, сколько отношения функциональной взаимодополняемости между такими языками, увеличение и уменьшение их использования в различных коммуникативных сферах, способность проникать в новые языковые подсистемы в условиях богатого полилингвизма Африканского континента, где на огромной территории порой

сосуществуют сотни языков, ведущих борьбу за выживание. Всё это способно привести к изменению роли и статуса арабского языка в странах Африки южнее Сахары в самое ближайшее время.

Территория данного ареала простирается на миллионы километров и охватывает без малого 50 стран, поэтому было бы непосильной задачей описать каждую из них, проанализировав специфику функционирования арабского языка в рамках местной языковой ситуации. Ввиду этого мы ограничились в своём исследовании только государствами, непосредственно примыкающими к странам Северной Африки или находящимися поблизости от них, начиная с Мавритании и Судана, опоясывающих регион Магриба с двух сторон и являющихся своего рода «мостиком» между Арабской и Черной Африкой, и заканчивая Коморскими островами, расположенными на значительном удалении от Африканского материка, но входящими в Лигу арабских государств (ЛАГ). Именно здесь влияние арабского языка прослеживается наиболее ярко и отчётливо по сравнению с другими странами Африки южнее Сахары, которые, безусловно, могут стать объектом отдельного исследования в будущем.

В целом данный регион всё ещё остаётся сравнительно малоизученным и недостаточно описанным в востоковедных источниках, поэтому он представляет несомненный интерес для арабистов. В этой связи рассмотрение положения арабского языка в странах Африки южнее Сахары позволяет не только прояснить масштабы его распространения в различных уголках земного шара, но и проанализировать характер его функционирования и развития в тех случаях, когда он не является доминирующим на фоне других языков.

Мавритания находится на стыке Северной и Тропической Африки и сочетает в себе черты региона Магриб и особенности стран, расположенных к югу от Сахары. Это подтверждается и размещением населения на территории Мавритании: мавры (потомки смешавшихся арабских и берберских племён) занимают большую часть страны, в то время как различные негроидные племена населяют юг, главным образом долину реки Сенегал [Блинов, 2011, с. 33].

Мавры говорят на арабском диалекте *хассания*, который принадлежит к группе западных арабских диалектов — так называемых диалектов Магриба. Количество говорящих на арабском языке в Мавритании составляет 3 140 000 человек (при общей численности населения 4 863 000 человек⁴), т. е. примерно 70% жителей. В лингвистическом отношении арабам-маврам противостоит собственно африканское население, которое сконцентрировано вдоль южной границы Мавритании с Сенегалом и говорит на различных национальных языках, принадлежащих к нигеро-конголезской макросемье: *пулаар* (15–20%), *сонинке* (7–10%), *волоф* (1–3%), *бамбара* (< 1%) и *серер* (< 1%). Кроме того, в Мавритании присутствуют берберские языки — *зенага* на юго-западе и *тамашек* на юго-востоке страны вблизи границы с Мали, однако в отличие от соседних государств Магриба (Марокко и Алжира) они находятся здесь на грани исчезновения из-за повсеместного смешения берберов с арабами, продолжавшегося на протяжении веков, и их постепенного отказа от родного языка в пользу *хассания*. Также широкое хождение имеет французский язык, который используется государственными органами в качестве рабочего языка (примерно 650 000 носителей, или 13,5% населения). Тем не менее, несмотря на вышеописанное языковое многообразие, только арабский язык является государственным языком Мавритании, которая считается полноправным членом ЛАГ и неотъемлемой частью Арабского Востока.

Такое же ярко выраженное противостояние (в том числе лингвистическое) между арабским севером и африканским югом наблюдалось и в Судане на протяжении XX в., но если в Мавритании оно не привело к распаду страны и ограничилось отдельными выступлениями представителей

⁴ Здесь и далее — по данным сайта Ethnologue за 2025 год. URL: <https://www.ethnologue.com/browse/countries/#africa> (дата обращения: 15.03.2026).

негроидных народностей, то в Судане последствия были более существенными и повлекли за собой раскол государства.

Результатом политики арабизации стала текущая языковая ситуация, сложившаяся в Судане. Официальными языками признаны арабский и английский. Арабский является родным языком примерно для 70% населения, что составляет примерно 34 550 000 человек при общей численности населения 49 358 000 человек. Кроме того, арабский язык выполняет здесь роль *лингва франка* и используется в качестве второго языка ещё 10% населения. Английский язык употребляется главным образом в высших учебных заведениях и правительственных учреждениях. Количество говорящих на нём оценивается примерно в 10,2% населения.

Региональный статус в стране присвоен таким языкам, как *беджа*⁵ (2,1–2,55 млн носителей), *фур*⁶ (744 000 носителей) и *нубийские языки*⁷ (411 000 носителей). Языками этнических меньшинств являются *масалит*⁸ (350 000 носителей), *загава*⁹ (171 000 носителей), *тигре*¹⁰ (132 000 носителей) и языки Нубийских гор¹¹ (более 100 000 носителей). Отдельное место здесь занимают языки народов, переселившихся на данную территорию в рамках обширных процессов миграции, такие как *фула*¹² (более 2 млн носителей), *хауса*¹³ (900 000 носителей) и *канури*¹⁴ (381 000 носителей).

В целом в Судане насчитывается свыше 100 автохтонных языков, принадлежащих к трём макросемьям — афразийской, нигеро-конголезской и нило-сахарской. Несмотря на всю сложность местной этнолингвистической ситуации, арабский служит здесь связующим звеном между различными языками, выступая в качестве первого, второго или даже третьего языка. Его носители составляют наиболее обеспеченную, авторитетную и влиятельную этническую группу в стране, поддерживая престиж арабского языка в общенациональном масштабе. Другие языки значительно уступают арабскому в этом отношении.

После отсоединения от Судана в 2011 году Южный Судан провозгласил английский государственным языком страны. Помимо английского языка, правительство новообразованного государства уделяло особое внимание местным автохтонным языкам. Наиболее распространёнными из них являются *нуэр* (4,5 млн носителей), *динка* (1,8 млн носителей), *занде* (915 000 носителей), *бари* (770 000 носителей), *шилук* (570 000 носителей), *лотуко* (310 000 носителей), *мору* (230 000 носителей), *мади* (90 000 носителей), *ачоли* (45 000 носителей) и т. д. Большинство из них относятся к нило-сахарской макросемье, за исключением нигеро-конголезского языка *занде*. Многие местные жители также говорят на южносуданском пиджине-арабике (*джубайском арабском*), возникшем на базе суданского диалекта арабского языка и являющемся *лингва франка* Южного Судана.

⁵ Язык, относящийся к кушитской семье афразийской макросемьи, на котором говорит одноимённый народ, проживающий на побережье Красного моря.

⁶ Язык народности фор, проживающей в суданском регионе Дарфур, который относится к фурской семье нило-сахарской макросемьи.

⁷ Одна из двух ветвей тама-нубийской семьи языков, традиционно включаемой в состав восточносуданской надсемьи нило-сахарской макросемьи.

⁸ Язык, относящийся к мабанской семье нило-сахарской макросемьи и распространённый в провинциях Западный Дарфур и Южный Дарфур.

⁹ Язык, относящийся к сахарской семье нило-сахарской макросемьи и распространённый на северо-западе Судана (Дарфур).

¹⁰ Язык, относящийся к северной ветви эфиосемитских языков афразийской макросемьи и распространённый в Эритрее и на востоке Судана.

¹¹ Относятся к нило-сахарской и нигеро-конголезской макросемьям.

¹² Язык атлантической языковой семьи нигеро-конголезской макросемьи, один из наиболее значимых языков Западной Африки.

¹³ Крупнейший по числу носителей язык чадской семьи афразийской макросемьи, распространённый в Западной Африке.

¹⁴ Диалектный континуум, принадлежащий к западной ветви сахарской семьи нило-сахарской макросемьи.

Тем не менее он до сих пор официально не признан на государственном уровне и имеет обиходно-разговорный характер. Общее количество его носителей превышает 1 млн человек.

После принятия конституции 2011 года правительство Южного Судана развернуло масштабную кампанию по переводу всего государственного делопроизводства и документооборота на английский язык, однако судебные органы, министерство юстиции и министерство внутренних дел продолжают вести всю документацию на арабском языке и тем самым нарушают положения конституции [Блинов, 2020, с. 9]. В настоящее время только местная интеллигенция имеет достаточный уровень языковой подготовки и может свободно разговаривать на английском языке, которым владеет только 7,5% населения.

Несмотря на равенство всех языков, закреплённое в конституции Эритреи 1997 года, основными рабочими языками страны являются *тигринья*¹⁵, арабский и английский. *Тигринья* (носители которого составляют около 50% населения) и *тигре*¹⁶ (примерно 30%) преобладают в большинстве социальных отношений ввиду наличия значительного количества говорящих на этих языках. Арабский язык, являющийся родным для менее 1% населения и вторым языком для большинства жителей, имеет огромное религиозное, социальное и историческое значение в Эритрее. Он пользуется непререкаемой популярностью среди мусульман и широкой публики ввиду своего всеобъемлющего регионального и глобального статуса, опирающегося на богатое многовековое наследие. Английский является языком обучения, начиная со средней школы и заканчивая высшими учебными заведениями. Он служит средством официальной коммуникации при ведении международной торговли, применяется банками, крупными корпорациями, официальными ведомствами, государственными и частными предприятиями в таких областях, как электроэнергетика, транспорт, финансы и т. д.

Девять автохтонных языков Эритреи — *тигринья*, *тигре*, *афар*¹⁷, *сахо*¹⁸, *беджа*¹⁹, *билин*²⁰, *кунама*²¹, *нара*²², *рашайда*²³ — в настоящее время используются на начальной ступени образования, употребляются в теле- и радиопередачах, появляются в некоторых фильмах и видеороликах. Время от времени предпринимаются попытки издать книги и дополнительные школьные пособия на некоторых языках, для которых отсутствуют другие печатные издания помимо учебников [Блинов, 2026, с. 90–91].

Джибути и Сомали долгое время являлись частью одной территории, разместившейся на побережье Сомалийского полуострова, и были разделены только в угоду колониальным интересам: они имеют давние добрососедские связи, а их жители ощущают себя членами одной общности, ведь большинство населения в обеих странах — сомалийцы, которые говорят на *сомалийском языке*²⁴.

Большинство жителей Джибути говорят на автохтонных языках *сомали* (524 000 носителей) и *афар* (306 000 носителей). Официальными языками являются французский и арабский: на французском говорит примерно 50% населения (508 000 носителей), на арабском — 3% населения (около

¹⁵ Семитский язык северной подгруппы эфиосемитских языков. Количество носителей в Эритрее — приблизительно 2,5 млн человек.

¹⁶ Количество носителей в Эритрее — 1,05 млн человек.

¹⁷ Язык, относящийся к кушитской семье афразийской макросемьи. Количество носителей в Эритрее — 235 000 человек.

¹⁸ Язык, относящийся к кушитской семье афразийской макросемьи. Количество носителей в Эритрее — 191 000 человек.

¹⁹ Количество носителей в Эритрее — 121 000 человек.

²⁰ Язык, относящийся к кушитской семье афразийской макросемьи. Количество носителей в Эритрее — 120 000 человек.

²¹ Язык, относящийся к нило-сахарской макросемье. Количество носителей в Эритрее — 110 000 человек.

²² Язык, относящийся к восточносуданской надсемье нило-сахарской макросемьи. Количество носителей в Эритрее — 73 000 человек.

²³ Хиджазский диалект арабского языка. Количество носителей в Эритрее — 24 000 человек.

²⁴ Принадлежит к кушитской семье афразийской макросемьи. Точное количество говорящих на этом языке неизвестно, но оценивается приблизительно в 15–25 млн человек.

30 000 носителей). В дополнение к этому в Джибути имеют хождение различные арабские диалекты, на которых говорят ещё 100 000 человек, представляющие иммигрантские сообщества.

Хотя арабский язык практически никогда не употребляется в повседневном общении жителями Джибути, правительство страны делает всё возможное, чтобы повысить его роль и значимость в различных сферах жизни. Разветвлённая система образования, способствующая увеличению программ как формального, так и неформального обучения, заметно улучшила средний уровень знания арабского языка в Джибути, особенно после введения арабского языка в качестве обязательного предмета начиная с первого класса начальной франкоязычной школы. Распространение арабского языка в стране также ведётся посредством СМИ (пресса, радио и телевидения) [Блинов, 2016(1), с. 128].

В Сомали арабский язык функционирует главным образом в религиозной сфере. Хотя все сомалийцы молятся и иногда приветствуют друзей и соплеменников на арабском языке, а число арабизмов в *сомалийском языке* превышает процент заимствований из других языков (20% лексики), местные жители редко переходят на этот язык в повседневном общении, где полностью доминирует *сомали*. Поэтому арабский занимает здесь подчинённое положение по отношению к *сомалийскому языку*, а количество говорящих на нём составляет не более 3% населения (приблизительно 500 000 носителей) в отличие от языка *сомали*, на котором говорят 95% жителей (около 17 млн носителей при общей численности населения 18 700 000 человек).

Тем не менее, учитывая прочно укоренившиеся исламские традиции в сознании джибутийцев и сомалийцев, а также высокие стандарты качества образования, применяемые в арабоязычной системе коранических школ и *медресе*, можно предположить, что арабский язык не только сохранит, но и приумножит свои позиции в этих странах в ближайшие годы [Блинов, 2014, с. 91].

По сравнению с другими перечисленными странами Коморские острова наиболее удалены от Африканского материка, однако относятся к арабскому языку со значительным пиететом, уходящим корнями в традиционное исламское прошлое, несмотря на наличие более интенсивных контактов с Занзибаром и Мадагаскаром. В настоящее время государственными языками Коморских островов являются *коморский*, французский и арабский. *Коморский язык*, относящийся к бенуэ-конголезской семье нигеро-конголезской макросемьи, представлен на каждом острове соответствующим диалектом: *шимаоре* (Майотта), *шимвали* (Мвали), *шиндзуани* (Ндзуани) и *шингазиджа* (Нгазиджа). Количество говорящих на *коморском языке* составляет примерно 840 000 человек (свыше 95% населения страны). Письменность на базе арабицы или латиницы.

Французский язык достался Коморским островам в наследство от эпохи французского протектората. Несмотря на официальный статус *коморского* и арабского языков, именно французский в настоящее время является языком обучения в государственных школах Коморских островов. На нём говорят приблизительно 215 000 человек, или 25% населения.

Языками меньшинств на Коморах являются *малагасийский* (около 39 000 носителей) и *суахили* (около 9 000 носителей).

Вхождение Коморских островов в состав ЛАГ не повлекло за собой всеобъемлющего процесса арабизации в государстве, поэтому распространение арабского языка главным образом происходит здесь за счёт усилий аравийских монархий по открытию центров арабской культуры. Отсутствие значительной поддержки правительства и невнимание высшего руководства к проблемам арабского языка сводят на нет все попытки ЛАГ как-то повлиять на данное положение, и арабизация продвигается здесь медленно и скорее не «благодаря», а «вопреки». Подобная ситуация даёт основания полагать, что статус арабского языка вряд ли изменится здесь в скором будущем [Блинов, 2016(2), с. 98].

В целом страны Африки южнее Сахары отличаются особыми условиями существования арабского языка в рамках местной многоязыковой ситуации, где он в большинстве случаев носит подчинённый характер по отношению к другим языкам. Эти страны редко ассоциируются с Арабским Востоком, однако остаются в орбите арабского влияния благодаря поддержанию устойчивых долгосрочных отношений с арабами, укоренившихся на протяжении веков.

Очевидно, что дальнейшие изыскания в данной области должны проходить в двух направлениях. С одной стороны, они могут проводиться путём увеличения и накопления имеющейся информации о Мавритании, Судане, Южном Судане, Эритрее, Джибути, Сомали и Коморских островах, сбор которой до сих пор связан со значительными трудностями из-за слабой разработанности заявленной темы и недостатка материалов в соответствующих источниках в России и за рубежом. С другой стороны, целесообразно продолжить исследование на примере других стран Африки южнее Сахары, отличающихся широким проникновением ислама и близостью к арабскому миру. По его результатам мы сможем выяснить, действительно ли по мере продвижения вглубь Африканского континента влияние арабского языка начинает ослабевать. В данном отношении среди возможных ориентиров для изучения функционирования арабского языка в будущем можно назвать Мали, Нигер и Чад, хотя при необходимости к ним могут быть добавлены другие государства с учётом социальных, культурных, демографических, этнических, исторических и других факторов. В этом смысле Африка с её безграничными языковыми и человеческими ресурсами служит благодатной почвой для плодотворной научной деятельности.

Литература / References

Блинов А. А. Мавританский территориальный вариант арабского литературного языка и его отражение в прессе. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2011. № 4. С. 33–45 [Blinov A. A. The Mauritanian Regional Variant of Standard Arabic and Its Reflection in the Press. *Vostok. Afro-Aziatskie Obshestva: Istorii i Sovremennost*. 2011. No. 4. Pp. 33–45 (in Russian)].

Блинов А. А. Арабский язык в Сомали. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2014. № 3. С. 77–92 [Blinov A. A. Arabic in Somalia. *Vostok. Afro-Aziatskie Obshestva: Istorii i Sovremennost*. 2014. No. 3. Pp. 77–92 (in Russian)].

Блинов А. А. Арабский язык в Джибути. *Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2014. В мире арабского языка. К 90-летию со дня рождения Г. Ш. Шарбатова: труды научной конференции*. М.: ИВ РАН, 2016. С. 116–129 [Blinov A. A. Arabic in Djibouti. *Problemy Obshechey i Vostokovednoy Lingvistiki 2014. V Mire Arabskogo Yazyka. K 90-letiyu So Dnya Rozhdeniya G. Sh. Sharbatova: Trudy Nauchnoy Konferentsii*. Moscow: IV RAN, 2016. Pp. 116–129 (in Russian)].

Блинов А. А. О положении и статусе арабского языка на Коморских островах. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2016. № 2. С. 86–99 [Blinov A. A. On the Position and Status of Arabic in the Comoros. *Vostok. Afro-Aziatskie Obshestva: Istorii i Sovremennost*. 2016. No. 2. Pp. 86–99 (in Russian)].

Блинов А. А. Современная языковая ситуация в Южном Судане. *Труды Института востоковедения РАН*. 2020. № 27. С. 5–25 [Blinov A. A. The Current Linguistic Situation in South Sudan. *Trudy Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2020. No. 27. Pp. 5–25 (in Russian)].

Блинов А. А. Современная языковая ситуация в Эритрее. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1 (35). С. 85–91 [Blinov A. A. The Current Linguistic Situation in Eritrea. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1 (35). Pp. 85–91 (in Russian)].

Шагаль В. Э. *Арабские страны: язык и общество*. М.: Восточная литература РАН, 1998 [Shagal V. E. *Arabic Countries: Language and Society*. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 1998 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Ethnologue: <https://www.ethnologue.com/browse/countries/#africa> (дата обращения: 15.03.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-125-152

**ПАКИСТАНОВЕД РАИЛЯ МУХСИНОВНА МУКИМДЖАНОВА (1927–2015):
К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Часть I**

© 2026

Н. З. Мосаки¹

Первая часть обширного биобиблиографического очерка, посвящённого жизни и научной деятельности известного отечественного пакистановеда, доктора исторических наук Раили Мухсиновны Мукимджановой и подготовленного к предстоящему столетию со дня её рождения, описывает начальный этап её биографии, формирование научных интересов и становление исследователя в контексте развития советского востоковедения послевоенного периода. Рассматриваются годы обучения на восточном факультете Среднеазиатского государственного университета, где она, будучи филологом по образованию, под влиянием своих учителей Г. Л. Бондаревского и Н. А. Халфина была приобщена к научной работе по изучению новейшей истории Востока и международных отношений стран Южной Азии. Показан малоизвестный её перевод на комсомольскую работу, открывавший перспективы партийно-государственной карьеры, отказ Мукимджановой от неё и выбор в пользу научной деятельности. Прослеживается возвращение Мукимджановой к исследовательской работе, завершение аспирантуры и переход в Институт востоковедения АН СССР, где она начала работу в отделе международных вопросов под руководством Бондаревского. Анализируются её ранние исследования, посвящённые внешней политике Пакистана, взаимодействию великих держав и формированию внешнеполитического курса страны. Показано становление Мукимджановой как специалиста по международным отношениям, определившее основные направления её дальнейших научных исследований и вклад в развитие отечественного пакистановедения, проанализированы её работы, опубликованные в изданиях ограниченного доступа. Представлена её научная деятельность до конца 70-х гг., когда она завершила свою работу в Отделе международных вопросов и перешла в сектор Пакистана, возглавляемый Ю. В. Ганковским.

Ключевые слова: Р. М. Мукимджанова, Среднеазиатский государственный университет, Институт востоковедения АН СССР, Пакистан, внешняя политика, Южная Азия, международные отношения

Для цитирования: Мосаки Н. З. Пакистановед Раиля Мухсиновна Мукимджанова (1927–2015): к столетию со дня рождения. Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 125–152. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-125-152

¹ Мосаки Нодар Зейналович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nodarmossaki@gmail.com
Nodar Z. Mossaki, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow;
nodarmossaki@gmail.com
ORCID: 0000–0001–8268–006X

PAKISTAN STUDIES SCHOLAR RAILIYA MUKHSINOVNA MUQEEMJANOVA (1927–2015): FOR HER BIRTH CENTENARY

Part I

Nodar Z. Mossaki

The first part of this extensive biobibliographical essay, dedicated to the life and scholarly activity of the prominent Soviet and Russian Pakistan studies scholar, Doctor of Historical Sciences Railiya Mukhsinovna Muqemjanova, and prepared for the forthcoming centenary of her birth, describes the initial stage of her biography, the formation of her academic interests, and her development as a researcher within the context of the evolution of Soviet Oriental studies in the post-war period.

The years of her study at the Faculty of Oriental Studies of the Central Asian State University are examined, where, being a philologist by training, she was introduced to academic research on the contemporary history of the East and the international relations of South Asian countries under the influence of her teachers G. L. Bondarevsky and N. A. Khalfin. Attention is given to the little-known episode of her transfer to Komsomol work, which opened prospects for a communist party-state career, Muqemjanova's refusal of this path, and her decision in favor of scholarly activity.

The narrative traces Muqemjanova's return to research work, the completion of her postgraduate studies, and her move to the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences, where she began working in the Department of International Issues under the supervision of Bondarevsky. Her early studies devoted to Pakistan's foreign policy, the interaction of great powers, and the formation of the country's foreign policy course are analyzed. The essay demonstrates Muqemjanova's emergence as a specialist in international relations, which determined the main directions of her subsequent scholarly research and her contribution to the development of Soviet and Russian Pakistan studies; her works published in restricted-access editions are also examined.

Her academic activity up to the late 1970s is presented, when she completed her work in the Department of International Issues and moved to the Pakistan sector headed by Yu. V. Gankovsky.

Keywords: R. M. Muqemjanova, Central Asian State University, Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences, Pakistan, foreign policy, South Asia, international relations

For citation: Mossaki N. Z. Pakistan Studies Scholar Railiya Mukhsinovna Muqemjanova (1927–2015). For Her Birth Centenary. Part I. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 125–152. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-125-152

В 2027 г. исполняется 100 лет со дня рождения доктора исторических наук известного специалиста по внешней политике Пакистана, а также международным отношениям в Южной и Центральной Азии Раили Мухсиновны Мукимджановой, более полувека (01.08.1958–27.09.2011) непрерывно проработавшей в Институте востоковедения АН СССР/РАН.

Как отмечал в своём обширном интервью В. Я. Белокреницкий, на протяжении четырёх десятилетий (с 1987 г.) возглавляющий Отдел/Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока, в котором в секторе Пакистана с конца 70-х гг. работала Р. М. Мукимджанова, в сентябре 2011 г. она «по болезни была вынуждена уйти на пенсию и исчезла, к сожалению, с нашего горизонта» [Дубровская, 2023, с. 77]. Поэтому после её кончины, которая не была известна даже в Институте, а в библиографических базах в отношении неё до сих пор даётся лишь дата рождения, ей не был посвящён некролог. Более того, ранее не были опубликованы списки её научных трудов к её

юбилеям, как это было принято в эпоху до Интернета в отношении отечественных востоковедов. В этом смысле настоящая публикация, посвящённая предстоящему 100-летию со дня её рождения, восполняет указанный пробел и имеет значение как с точки зрения необходимости воздать должное нашему известному пакистановеду и её вкладу в отечественное востоковедение, так и дополнительно обратиться к историографии темы внешней политики Пакистана — основной тематике её научных интересов, в том числе упоминая работы, традиционно не отмечавшиеся в библиографии ввиду ранее их закрытого характера, либо ещё раз вспомнить хорошо известные публикации.

Настоящая статья представляет обширный биобиблиографический очерк о Р. М. Мукимджановой, при написании которого использованы различные материалы о ней: хранящиеся в Институте востоковедения РАН, газета Среднеазиатского (Ташкентского) университета (САГУ, впоследствии — ТашГУ), в котором она получила высшее образование и начала свою научную деятельность ещё со студенческих времён под руководством получивших впоследствии большую известность и проработавших несколько десятилетий в ИВ АН СССР (РАН) учёных-историков — Г. Л. Бондаревского и Н. А. Халфина, впервые использованная как раз при изучении биографии Халфина, газета «Комсомолец Узбекистана» и главная партийная газета республики «Правда Востока», в которых отражена её деятельность в качестве видного члена комсомольской организации этой республики. Реконструирована её биография. Проработана обширная библиография её работ, в том числе изданная в советский период под грифом «Для служебного пользования» и поэтому малоизвестная в широких научных кругах², в справочниках, где ею были написаны отдельные разделы и авторство выделялось лишь во введении, составлена наиболее полная библиография её трудов³. Широко известные научные труды Мукимджановой дополнительно в настоящей статье не анализируются, они составляют важный фонд отечественного пакистановедения. В какой-то мере деятельность Мукимджановой включена в более широкий контекст советского пакистановедения, поэтому по тексту часто упоминаются другие известные отечественные пакистановеды — Ю. В. Ганковский, В. Н. Москаленко, В. Я. Белокреницкий, с которыми Мукимджанова тесно работала несколько десятилетий и имеет труды, подготовленные в соавторстве, и др.

Статья написана в стиле и методе, выработанном в ходе работы над монографией, посвящённой Н. А. Халфину и истории советского востоковедения 40-х-80-х гг. XX в. Выявлены и собраны различные новые сведения, в том числе и малоизвестные или вовсе не известные даже её коллегам, проработавшим долгое время бок о бок с ней, тщательно проработана её библиография, в научный оборот впервые вводятся различного рода материалы и литература — как личного и биографического, так и научного характера.

Краткие сведения о Р. М. Мукимджановой представлены в справочных отечественных изданиях о востоковедах [Милибанд, 1975, с. 368; 1995, с. 105; 2008, с. 953; Энциклопедия, 1998, с. 587].

Р. М. Мукимджанова родилась в Бухаре 6 марта 1927 г. в семье Мухсина Шариповича Мукимджанова, уроженца г. Самарканда, узбека (1902–1971)⁴ и Мукимджановой Магруй Шакировны, уроженки г. Оренбурга (1908–?), судя по всему, по национальности татарки, являвшейся

² Имеется в виду «Специальный бюллетень» ИВ АН СССР, на который «до 1991 г. ...не разрешалось ссылаться в открытых публикациях» [Белокреницкий, Серенко, 2025, с. 216], но и после распада Советского Союза не пользовавшийся особой популярностью у отечественных востоковедов из-за отсутствия в открытых библиографических базах и в связи с этим необходимости дополнительных усилий, хотя высокое качество многих работ, опубликованных в этом издании, стоит того.

³ Список литературы к настоящей работе фактически содержит и библиографию трудов Р. М. Мукимджановой.

⁴ В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) имеется дело: Фонд 532. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Опись 11. Общий отдел КУТВ, личные дела сотрудников КУТВ. Дело 2714. Личное дело МУКИМДЖАНОВ М.Ш. 04.09.1934–01.07.1937. — 20 л. Студент. Мне до завершения статьи не удалось ознакомиться с этим делом, однако, очевидно, это отец Р. М. Мукимджановой.

впоследствии персональной пенсионеркой⁵⁶. До 1938 г. она вместе с семьёй проживала в Бухаре, после чего они переехали в Ташкент⁵⁷. В 1944 г. Раиля Мукимджанова поступила на воссозданный в том же году после 13-летнего перерыва восточный факультет САГУ, ставший сразу же одним из важных востоковедческих центров Советского Союза, в том числе и благодаря работе на нём известных советских востоковедов, находящихся в эвакуации в Ташкенте. Ещё в студенческие годы Мукимджанова была вовлечена в научную работу, являлась активисткой. Так, по сообщению газеты САГУ, по итогам состоявшейся с 6 по 15 мая 1946 г. студенческой конференции в университете, посвящённой первой годовщине Дня Победы, лучшими докладами по восточному факультету, которые решено было премировать, были признаны доклады студентов II курса Р. Хади-Заде⁵⁸ и Р. Мукимджановой [Райкова, Иноятов, 1946]. Она являлась секретарём комсомольского бюро восточного факультета САГУ [Иноятов, 1946], третьекурсницей была названа в числе «передовой части молодёжи», «вожачков-активистов» [Алимов, 1947], «стахановцев» по сбору хлопка, была выделена в числе нескольких студентов восточного факультета, собиравших ежедневно не менее чем полторы нормы [Даянаев, 1946], избиралась членом избирательной комиссии во время выборов в Верховный совет страны [Гринберг, 1950, с. 2].

На восточном факультете САГУ тогда преподавали Григорий Львович Бондаревский и Нафтула Аронович Халфин, впоследствии по приглашению Б. Г. Гафурова перешедшие на работу в ИВ АН СССР, ставшие докторами наук и известными учёными в области новейшей истории международных отношений на Востоке. Они определили научный путь Мукимджановой, учитывая, что она обучалась на филологическом отделении, и увлекли её новейшей историей и международными отношениями. Г. Л. Бондаревский являлся руководителем кафедры истории Востока восточного факультета САГУ, а с начала 50-х гг. — ещё и деканом факультета. Без преувеличения, это были одни из наиболее ярких преподавателей и учёных востфака, которые внесли огромный вклад в его развитие, создали свою научную школу в Ташкенте. Собственно, благодаря изучению биографии Халфина и были получены сведения о ташкентском периоде жизни Р. М. Мукимджановой, обнаружено отсутствие некролога о ней⁵⁹, в связи с чем и принято решение написать о ней биобиблиографический очерк, хотя автор и не имеет отношения к пакистановедению. Настоящей очерк о Мукимджановой написан в контексте истории отечественного востоковедения.

В 1949 г. в «Вопросах истории» была опубликована заметка, посвящённая деятельности востоковедов АН Узбекской ССР и САГУ [Бондаревский, 1949]. Хотя заметка была подписана лишь

⁵⁶ Из заполненных Р. М. Мукимджановой во время работы в ИВ АН СССР анкет.

⁵⁷ В семье кроме Раили было ещё трое младших детей — две дочери и сын, все они получили высшее образование.

⁵⁸ Из её автобиографии, написанной при поступлении на работу в ИВ АН СССР 5 июля 1958 г. Видимо, её отец, окончивший Коммунистический университет трудящихся Востока в 1937 г., был переведён на работу в столицу Узбекистана.

⁵⁹ Р. Хади-Заде — очевидно, это Расул Хади-Заде (1918–2010), известный таджикский писатель, литературовед и критик. Окончил востфак САГУ. В Институте востоковедения АН СССР в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию по филологическим наукам («Источники к изучению таджикской литературы второй половины XIX века»), в 1968 г. — докторскую диссертацию («Ахмад Дониш и таджикская просветительская литература»).

⁶⁰ Автор подготовил обширную монографию о жизни и творчестве Н. А. Халфина, которая должна выйти в свет в издательстве ИВ РАН в 2026 г.

Работая в одном отделе с Р. М. Мукимджановой ещё со времён прохождения аспирантуры в ИВ РАН в конце 90-х гг. и в «нулевых» годах XXI в., часто видя её в кабинете Пакистана, находящегося напротив кабинета курдоведения, я, к великому сожалению, не знал и не предполагал, что когда-то буду исследовать научную деятельность и биографию Халфина и частично Бондаревского, в таком случае я бы подробно расспрашивал о них Мукимджанову — как о ташкентском периоде, так и о времени работы в Секторе/Отделе международных вопросов ИВ АН СССР. В этом смысле можно обратиться к мудрым словам П. М. Шаститко, отметившего в предисловии к книге о востоковедах, что «те, кто знал востоковедов» предыдущих поколений, как это ни печально, тоже уже уходят из жизни», в связи с чем лишь то, что будет запечатлено на бумаге, сохранится в истории [Шаститко, 1988, с. 13]. Всё это необходимо учитывать исследователям истории отечественного востоковедения, не упуская возможности «запечатлеть на бумаге» различного рода воспоминания опытных востоковедов, взаимодействовавших со своими старшими коллегами.

инициалами («Б. Г.»), известно, что её автором являлся Г. Л. Бондаревский (Б. Г. — Бондаревский Григорий). Во время этой публикации он являлся заведующим кафедрой истории Востока восточного факультета САГУ (1947–1956), а вскоре был назначен и его деканом (1951–1956). Именно на это время приходится, без преувеличения, заметное развитие факультета.

В этом сообщении отмечалась и научная деятельность Н. А. Халфина, работавшего тогда директором Центрального исторического государственного архива Узбекской ССР и по совместительству преподававшего на востфаке САГУ и исследовавшего политику англичан на Среднем Востоке и Памире, а также России в Туркестане. Кроме того, в сообщении Бондаревского подчёркивалась работа Халфина в качестве научного руководителя студентов-выпускников [Бондаревский, 1949, с. 156]. Кафедра истории Востока, помимо кандидатов исторических наук Бондаревского и Халфина, являвшихся её ведущими учёными, включала нескольких старших преподавателей, аспирантов и студентов-выпускников, вскоре защитивших диссертации и ставших известными востоковедами. В частности, в заметке среди научных воспитанников Халфина и Бондаревского в числе студентов-выпускников упоминалась и Р. Мукимджанова [Бондаревский, 1949]. Таким образом, впервые она была упомянута в наиболее известном советском историческом журнале в возрасте 22 лет.

На востфаке САГУ Р. М. Мукимджанова, обучавшаяся на кафедре северо-индийской филологии и получившая квалификацию филолога, прошла серьёзную языковую подготовку: кроме английского она знала урду, хинди и персидский языки (на литературу на урду и персидском она иногда ссылалась в своих исследованиях¹⁰), кроме того, она владела узбекским. Однако её влекла современная история и международные отношения, которыми она заинтересовалась, как уже отмечалось, благодаря Бондаревскому и Халфину.

Дипломная работа Мукимджановой «Мусульманская лига Пакистана», написанная под руководством Бондаревского, была признана лучшей дипломной работой в университете в 1949 г. и рекомендована к печати [Бондаревский, 1949, с. 156]. Поэтому можно сказать, что её научный стаж, связанный на всю жизнь с Пакистаном, начался практически сразу же после образования этого государства и продлился, за исключением небольшого перерыва, более чем шесть десятков лет. Вскоре на основе дипломной работы вышла её статья в сборнике студенческих работ САГУ [Мукимджанова, 1951], ответственным редактором которого был Халфин. Эта её статья указана в качестве первой и в справочнике востоковедов о ней [Милибанд, 1975, с. 368; 1995, с. 105] и присутствовала в списке литературе впоследствии изданных капитальных трудов выдающихся отечественных пакистановедов (см. далее). После окончания университета в 1949 г. Мукимджанова была зачислена в аспирантуру САГУ, во время обучения в которой ею в университетской газете была опубликована заметка, подвергавшая критике неудовлетворительную работу с аспирантами в этом вузе [Мукимджанова, 1950]. Как писал в газете САГУ декан востфака Г. Л. Бондаревский, после окончания вуза Мукимджанова в числе лучших выпускников была оставлена для преподавательской деятельности и читала «курс по Индии» [Бондаревский, 1951]. Однако аспирантуру в САГУ в связи с переводом в январе 1952 г. на комсомольскую работу она не окончила, хотя в 1950–1951 гг. сдала пять кандидатских экзаменов по направлению «История стран Востока», три из которых (по специальности) принимали Бондаревский и Халфин — «Новейшая история

¹⁰ См., например [Мукимджанова, 1986, с. 392], использованную периодику на урду, изданную в Карачи, Лахоре и в ФРГ, а также иранские газеты на персидском языке.

Индии и Пакистана», «Новая и новейшая история Востока» (оба экзамена — также Москалёв¹¹) и «Новая история Востока» (также — Абдураимов¹²)¹³.

Незадолго до окончания аспирантуры Мукимджанова «была направлена на работу» секретарём ЦК ЛКСМ УзССР¹⁴ и занимала эту должность до января 1956 г., в 1952 г. она была принята в партию, в 1953 г. в составе делегации ВЛКСМ выезжала в КНР. Можно сказать, что перед ней была открыта большая партийно-государственная карьера.

В органе Центрального, Ташкентского областного и городского комитетов ЛКСМ Узбекистана — газете «Комсомолец Узбекистана», а также республиканской партийной «Правде Востоке» имеются некоторые сведения о её деятельности в комсомольской организации этой республики. На XIII съезде ЛКСМ Узбекистана 26–27 февраля 1952 г. она (в числе более 70 человек) была избрана членом ЦК ЛКСМ [Центральный, 1952], а на организационном пленуме Центрального Комитета ЛКСМ Узбекистана, избранного этим съездом, — секретарём ЦК ЛКСМ Узбекистана (секретарями были избраны ещё два человека, а ещё двое занимали более высокую должность — второго и первого секретаря), а также членом бюро ЦК (в числе девяти человек) [Пленум, 1952а; 1952b]. Таким образом, Мукимджанова в свои неполные 25 лет занимала 3–5 место в иерархии комсомола Узбекской ССР. Очевидно, перед ней открывалась заманчивая партийная и республиканская карьера, учитывая, что у неё по тем временам было блестящее образование — университетский диплом по гуманитарному направлению со знанием нескольких западноевропейских и восточных языков, включая свободный русский и язык республики, неоконченная аспирантура и молодой по меркам руководства комсомола возраст. Так, избранный на том же пленуме первым секретарём этой организации Малик Абдуразакович Абдуразаков (1919–1973) с конца 1952 г. стал первым секретарём Ташкентского горкома КП УзССР, спустя несколько лет — секретарём ЦК КП Узбекистана, первым секретарём Ташкентского обкома, министром правительства республики. Его преемник — Каюм Муртазаевич Муртазаев (1926–1982), возглавлявший комсомол республики до 1958 г., а на XIII съезде комсомола Узбекистана избранный, как и Мукимджанова, его секретарём, с 1960 г. возглавлял Ташкентский горком партии, затем Бухарский обком партии, являлся председателем Госкомитета по труду Узбекистана, членом ЦК КП Узбекистана. В 1954 г. избранный секретарём ЦК ЛКСМ (3–5-е место в республиканском комсомоле) С. Т. Ташкулов (1923–1985) вскоре возглавил один из райкомов КП Узбекистана, стал секретарём Бухарского обкома, председателем Бухарского облисполкома, заместителем министра сельского хозяйства республики, первым зампредом Ташкентского облисполкома, неоднократно избирался депутатом Верховного Совета УзССР. Можно убедительно предположить, что Мукимджанова, как минимум, дослужилась бы до секретаря столичного или какого-нибудь областного комитета партии, заместителя министра Узбекистана.

Как можно понять из различных материалов комсомольской печати, Мукимджанова в качестве секретаря узбекистанского комсомола курировала вопросы женщин, детей, народного образования и просвещения, что в целом было характерно для советской действительности, наделявшей женщин-активисток именно гендерно обусловленными ролями. В материалах о работе съезда комсомола Узбекистана отмечалось, что Мукимджанова возглавляла отдел по работе среди школьной молодёжи [Вечернее, 1954, с. 3].

¹¹ Очевидно, это — Владимир Сергеевич Москалёв (1906–1982), автор первого в Советском Союзе Русско-урду словаря. На востфаке САГУ он заведовал кафедрой североиндийской филологии.

¹² Очевидно, это — тогдашний декан востфака Махкам Абдураимович Абдураимов (1916–1975), специалист по истории феодализма в Бухарском ханстве.

¹³ Удостоверение о сдаче Мукимджановой кандидатских испытаний по специальности «История стран Востока» от 4 июня 1958 г., выданное САГУ (Личное дело Р. М. Мукимджановой в ИВ РАН).

¹⁴ Из её автобиографии, написанной при поступлении на работу в ИВ АН СССР 5 июля 1958 г.

Вскоре после избрания Мукимджановой секретарём республиканской комсомольской организации в номере от 8 марта 1952 г. в «Комсомольце Узбекистана», понятно, посвящённом женщинам, одна из полос под названием «Активные строительницы коммунизма», содержала в том числе и её заметку — «Девушки солнечного Узбекистана» [Мукимджанова, 1952a]. В ней в духе советского времени говорилось об изменениях, которая принесла узбекским женщинам Октябрьская революция и советская власть, и далее рассказывалось об успешных в профессиональном отношении узбекских женщинах — от стахановок крупнейших предприятий, работниц колхозов и сельхозартелей до деятелей науки, культуры и искусства. В мае 1952 г. к 30-летию пионерской организации в той же газете была опубликована её статья о пионерах Узбекистана — «Юные ленинцы Советского Узбекистана» [Мукимджанова, 1952b], в которой говорилось о возможностях, предоставленных детям советской властью — в области школьного и внешкольного образования и отдыха. На XIV съезде ЛКСМ Узбекистана, состоявшемся 23 января 1954 г., Мукимджанова вместе с главой этой организации и ещё одним секретарём комсомола республики, а также партийными и государственными руководителями Узбекистана¹⁵ была избрана в президиум съезда [XIV съезд, 1954a; 1954b]. Правда, её работа подверглась критике. Так, в своём выступлении первый секретарь ЦК комсомола республики К. М. Муртазаев критиковал себя, а также двух секретарей ЦК, в т. ч. и Мукимджанову, за слабое руководство комсомольскими организациями и нередко подмену «живого дела» многочисленными решениями, неоказание помощи местам и т. д. [XIV съезд, 1954b]. В другом обширном сообщении о работе первого дня съезда, в частности, приводилось выступление секретаря Кара-Калпакского обкома комсомола, подвергнувшего критике ЦК комсомола Узбекистана, а именно посещавших столицу Кара-Калпакистана Нукус его руководителей (в том числе Мукимджанову), которые «вместо оказания практической помощи в работе» приезжали «как ревизоры и собиратели бесчисленных сведений и справок», не вникая «глубоко в жизнь и работу комсомольских организаций», не интересуясь «их нуждами и запросами», а лишь проводя «шумные совещания» [XIV съезд, 1954a]. Мукимджанова выступила с обширным докладом «О работе комсомола в школах республики» [Вечернее, 1954, с. 2; XIV съезд, 1954с], в котором обозревала систему народного образования, деятельность в школах комсомольской организации, различные проблемы, с которыми сталкивалась школа, в частности, трудности всеобщего в отношении девочек-узбечек, который, впрочем, в ходе обсуждения подвергся критике, по нему развернулись прения [Вечернее, 1954, с. 3; XIV съезд, 1954с].

Отдельным изданием по итогам XIV съезда комсомольской организации была издана брошюра, которая представляла собой резолюцию этого съезда под названием «О работе комсомола в школах республики» с подзаголовком «По докладу секретаря ЦК ЛКСМУз т. Мукимджановой» [Резолюция, 1954]. Несмотря на идеологическую деятельность комсомола, немалая часть его работы была связана с организацией образовательного процесса, связанного с переходом к всеобщему среднему образованию, политехническому обучению в школе, открытию различных кружков и спортивных секций, повышению культурного уровня школьников, особенно в сельской местности, вовлечению девочек «местной национальности» в различного рода активности, а также отдыхом и т. д.

На этом съезде Мукимджанова опять была избрана секретарём ЦК ЛКСМ Узбекистана, членом Бюро ЦК организации [Пленум, 1954] и в ЦК [Центральный комитет, 1954].

В 1954 г. опять-таки в «Комсомольце Узбекистана» вышли её публикации об организации школьников летнего отдыха, проблемах пионерлагерей, участии в этом комсомола [Мукимджанова,

¹⁵ С председателем Совета Министров УзССР У. Юсуповым, секретарём ЦК КП УзССР Р. Е. Мельниковым, Председателем Президиума Верховного Совета УзССР Ш. Рашидовым, заместителем председателя правительства А. Мухитдиновым, секретарями Ташкентского обкома и горкома, заведующими отделами ЦК КП Узбекистана и др. [XIV съезд, 1954].

1954а], о произошедших с нового учебного года изменениях, задачах и деятельности комсомола в средних учебных заведениях, связанных с организацией воспитательной и учебной работы [Мукимджанова, 1954b]¹⁶.

На XV съезде ЛКСМ Узбекистана, состоявшемся 20–23 января 1956 г., Мукимджанова, как и на предыдущем съезде, была избрана в президиум вместе с руководством республики [XV съезд, 1956а, с. 1]. Выступая на этом съезде, секретарь комитета комсомола САГУ Куценко пожурела ЦК ЛКСМ Узбекистана и непосредственно Мукимджанову за отсутствие заботы об улучшении учебно-воспитательного процесса и интереса к нуждам студенчества, заявив, в частности: «Секретарь ЦК т. Мукимджанова — воспитанница нашего университета. Она и сейчас часто бывает в университете, как преподаватель читает лекции. Но за три года т. Мукимджанова ни разу не сочла нужным зайти в комсомольский кабинет на помощь нам», жалуясь на отсутствие помещений для сбора молодёжи и дороговизну аренды на проведение различных массовых мероприятий [XV съезд, 1956а, с. 2]. То есть, как можно легко понять, Р. М. Мукимджанова, хотя и являлась крупным комсомольским деятелем республики, выполняла все обязательные для этой её должности обязанности, однако, судя по всему, больше была увлечена деятельностью, связанной с научно-преподавательским процессом в университете, ожидая возможности, покинуть комсомольскую стезю, и ей была безразлична критика её комсомольской деятельности. На этом съезде она уже не была избрана в руководство комсомольской организации Узбекской ССР [XV съезд, 1956b], «была освобождена от обязанностей секретаря [ЛКСМ Уз.]», зачислена в резерв «для продолжения работы над диссертацией»¹⁷.

Итак, к середине 50-х гг. Мукимджанова являлась крупным и перспективным комсомольским деятелем Узбекистана и имела все основания для успешной партийно-государственной карьеры. В это время она была единственной среди женщин «коренной национальности», говоря терминологией советского времени, занимавшей высокий пост в комсомоле Узбекистана. Так, в 1954 и 1956 гг. среди чуть более чем 350 секретарей горкомов и райкомов комсомола менее 120 были женщины, среди них ни одной — «коренной национальности» [Комсомол, 1966¹⁸], не говоря уже о секретарях ЛКСМ республики. Перед 13-м съездом республиканского комсомола в 1952 г., когда она впервые была избрана секретарём ЛКСМ УзССР, в передовой статье главной партийной газеты Узбекистана «Правда Востока» среди важнейших недостатков называлось неудовлетворительное выполнение решения предыдущего съезда «об усилении работы среди женской молодёжи», имея в виду слабое вовлечение «женской молодёжи» «в общественно-политическую жизнь» и слабое выдвижение на руководящую работу девушек, особенно узбечек [Съезд, 1952]. Поэтому, исходя из советской действительности и её образовательного бэкграунда, её, безусловно, ожидала весьма перспективная карьера советского управленца.

Однако её влекла научная деятельность. В этом смысле Мукимджанову можно назвать полной идейной ученицей Н. А. Халфина, также в своё время отказавшегося от высокой должности для полного перехода на научно-преподавательскую работу обычным доцентом в университет.

Вначале Мукимджановой удалось добиться перевода в резерв ЦК ЛКСМ УзССР, чтобы получить возможность продолжить научную работу, она находилась в резерве с февраля 1956 г. (то есть после 15-го съезда комсомола Узбекистана) до марта 1957 г., оставаясь членом Пленума ЦК ЛКСМ УзССР до 1958 г. В апреле 1957 г. она была зачислена на 3-й курс аспирантуры кафедры

¹⁶ Мне не удалось проработать все номера «Комсомольца Узбекистана» за период работы Мукимджановой в узбекистанском комсомоле, очевидно, кроме приведённых в настоящем очерке публикаций о ней в этой газете было больше, однако даже исходя из просмотренных материалов (до 1955 г.) можно составить полное впечатление об этом периоде её деятельности.

¹⁷ Из её автобиографии, написанной при поступлении на работу в ИВ АН СССР 5 июля 1958 г.

¹⁸ См. таблицу секретарей горкомов и райкомов комсомола [Узбекистана] 1956–1956 гг.

новой истории Академии общественных наук при ЦК КПСС (АОН) (как уже отмечалось, два курса аспирантуры она завершила в Среднеазиатском университете), а по комсомольской и партийной линии (высоким комсомольским и партийным деятелям) продолжить обучение, судя по всему, можно было лишь в этом высшем партийном образовательном учреждении, где под руководством выдающегося отечественного востоковеда, тогда ещё члена-корреспондента АН СССР (а вскоре — академика) А. А. Губера [Мукимджанова, 1958b, титульный лист], она завершила кандидатскую диссертацию о политике США в Пакистане в 1950–1956 гг. [Мукимджанова 1958a¹⁹; 1958b]. Во время обучения Мукимджанова вышла замуж за аспиранта этого же заведения Ришада Гиниятуллича Искандарова (1923–?), ветерана Великой Отечественной войны, который впоследствии стал доцентом Заочной высшей партийной школы при ЦК КПСС, писал работы о помощи Советского Союза слаборазвитым странам [Искандаров, 1960; 1972]. В 1958 г. Мукимджанова родила сына.

В преддверии защиты диссертации она опубликовала обширную по газетным меркам статью в газете «Тошкент ҳақиқати» [Муқимжонова, 1957], издаваемой Ташкентским горкомом и обкомом партии на узбекском языке, которая отражена в автореферате её диссертации, правда, без чётких выходных данных, лишь с указанием даты издания, через которую и удалось разыскать указанный номер газеты и эту статью, опубликованную в рубрике «Ответы на вопросы», когда в связи с «письмами читателей» рассказать о каком-то вопросе или стране газета предоставляла слово соответствующему специалисту, и привести её полные библиографические данные.

Непосредственно перед защитой диссертации в сборнике статей, издаваемом кафедрой, где Мукимджанова завершала аспирантуру, была опубликована её работа «Американская политика вовлечения в агрессивные военные блоки на Ближнем и Среднем Востоке (1953–1956 гг.)» [Мукимджанова, 1958c], представляющая материал из диссертации и «разоблачающую» агрессивную природу американского империализма, использовавшего экономическую и военную «помощь» в качестве инструмента для втягивания Пакистана в военные блоки с целью создания плацдарма против Советского Союза и подавления национально-освободительного движения в Азии.

В диссертации Мукимджанова значительное место, исходя из марксистской идеологии, уделяла социально-экономическим условиям, торговым отношениям и торгово-экономической экспансии. Она отмечала экономическую слабость Пакистана, ставшую результатом «английской империалистической политики», что привело к сохранению экономической и политической зависимости Пакистана от Англии в конце 40-х гг., однако в это же время указывала на проникновение монополий США в Пакистан сразу после получения этой страной независимости. В 50-х гг., согласно её диссертации, США через техническую и экономическую «помощь» осуществляли его закабаление, отдельно выделяла внешнеторговую экспансию США, американские капиталовложения, за чем следовала американская политика вовлечения Пакистана в 1953–1956 гг. в «агрессивные блоки в Азии», в частности, в Багдадский пакт и СЕАТО. Усиление влияния США на внешнюю политику Пакистана она связывала с ростом его экономической зависимости от них. Она исследовала и англо-американское соперничество в этой стране [Мукимджанова, 1958a; 1958b]. Понятно, что с учётом советской идеологии заключительная глава её диссертации была посвящена «борьбе пакистанского народа за национальную независимость», включающую «борьбу широких масс пакистанского народа» за это, а сама диссертационная работа была включена в широкий контекст «кризиса колониальной системы империализма», процесса национально-освободительного движения, охватившего страны Азии и Африки, и попыток империалистов сохранить свои позиции [Мукимджанова, 1958b, с. 1].

¹⁹ Отмечен в [Книжная летопись, 1959, с. 119].

Безусловно, это была важная работа, посвящённая политике США в отношении Пакистана, которая, можно сказать, была одной из первых (скорее — первая) в отечественном пакистановедении по этому направлению, то есть как политике Вашингтона в отношении этой страны, так и в целом исследованию места Пакистана в политике великих держав и его внешнеполитических устремлений. На протяжении нескольких десятилетий (почти 60 лет) после защиты диссертации Мукимджанова вносила заметный вклад в советское и российское востоковедение в деле изучения различных аспектов внешней политики Пакистана.

Непосредственно перед защитой диссертации, с середины 1958 г., Мукимджанова начала работать младшим научным сотрудником в Институте востоковедения АН СССР, придя в незадолго созданный до этого и наделённый важными в эпоху холодной войны функциями по изучению империализма и колониализма Сектор (вскоре — Отдел) международных вопросов под руководством Г. Л. Бондаревского, в котором также вёл научную деятельность и играл важную роль Н. А. Халфин, таким образом пополнив ташкентскую школу востоковедения в ИВ АН СССР (куда можно включить также в 1958 г. начавшего работать/проходить аспирантуру в отделе Бондаревского его и Халфина ташкентского ученика А. С. Шина, получившего впоследствии широкую известность). В Узбекистане помнят, что Мукимджанова является выпускницей востфака САГУ [Халмирзаев, 2019, с. 217]²⁰. В узбекской Википедии ей посвящена страничка [Railya Muqimjonova, б. д], впрочем, основанная на советской биобиблиографии востоковедов [Милибанд, 1975, с. 368] и информации узбекистанского биобиблиографического издания о востоковедах этой республики [Abdusamatov, 1996, с. 115–116] (см. по [Railya Muqimjonova, б. д]²¹).

С большой долей уверенности можно предположить, что на работу в ИВ АН СССР Мукимджанова поступила по предложению Бондаревского, формирующего тогда подразделение международных вопросов и, очевидно, считавшем необходимым наличие специалистов по международным отношениям в Южной Азии, в частности, вокруг Пакистана²². 18 июня 1958 г. директор ИВ Б. Г. Гафуров адресовал заведующему отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам Л. Ф. Ильичёву²³ письмо с просьбой «направить в распоряжение Института востоковедения АН СССР выпускницу Академии общественных наук при ЦК КПСС тов. Мукимджанову Р.», на что было получено соответствующее Постановление Секретариата ЦК КПСС от 26 июня 1958 г. Подобное обращение в ЦК КПСС и разрешение из этой высокой инстанции было обусловлено тем, что Мукимджанова находилась в резерве руководства ЛКСМ УзССР, числилась членом Пленума ЦК комсомольской организации республики и защитилась в учебном заведении, находящемся в ведении Центрального Комитета партии. Видимо, транзит через партийное

²⁰ Примечательно, что доцент кафедры индийской филологии Ташкентского государственного института востоковедения, созданного в 1991 г. на основе востфака (с 1990 г. — Института востоковедения) Ташкентского университета, в 70-х гг. занимавший должность декана востфака, Ташмурза Халмирзаев в своей статье в «Трудах ИВ РАН» о вкладе московской школы востоковедения в подготовку индологических кадров Узбекистана писал, что на послевоенном востфаке САГУ «на факультете работали... известные востоковеды, приехавшие сюда из Москвы, такие как Н. А. Халфин, Г. Л. Бондаревский» [Халмирзаев, 2019, с. 217], хотя широко известно, что, наоборот, они из Ташкента переехали в Москву, где их долго справедливо воспринимали в качестве представителей «ташкентской школы востоковедов».

²¹ Мне не удалось ознакомиться с биобиблиографическими очерками о востоковедах Узбекистана, составленными Маликом Абдусаматовым, поэтому сведения об этом издании взяты через библиографию других публикаций. Можно добавить, что Малик Абдусаматов (1928–2008) — советский и узбекистанский иранист-филолог, учился на востфаке САГУ в 1945–1950 гг., т. е. на год позже Мукимджановой, на кафедре ирано-афганской филологии, в 1954 г. окончил там же аспирантуру. Очевидно, он и Мукимджанова хорошо знали друг друга.

²² О том, относится ли Пакистан к Южной Азии, точнее — о его особенностях в этом регионе см. [Белокреницкий, 2023].

²³ Леонид Фёдорович Ильичёв (1906–1990) — советский журналист, партийный, государственный деятель, философ, академик, дипломат. В 1951–1952 гг. — главный редактор «Правды»,

учреждение был единственным способом уйти с комсомольской работы и, судя по всему, этот путь (переход с комсомольской работы в Узбекистане на завершение аспирантуры в партийном вузе в Москве) был заранее обговорен с Бондаревским, а уже им с Гафуровым, чтобы сразу же после защиты Мукимджановой диссертации «перехватить» её и забрать в Институт востоковедения, не допустив её возвращения в узбекистанский комсомол.

Свою публикационную деятельность в ИВ АН СССР она начала со статьи «Экономическое проникновение США в Пакистан (1951–1956 гг.)», изданной в тематическом выпуске «Кратких сообщений» Института, посвящённом Индии и Пакистану [Мукимджанова, 1959] (в этом выпуске были опубликованы работы Ю. В. Ганковского, справедливо названного «отцом» и «душой» «отечественного пакистановедения» [Белокреницкий, Москаленко, 2018, с. 12, 15], а также других в будущем видных востоковедов — В. Н. Москаленко²⁴, А. И. Чичерова и др. авторов). Эта статья была основана на части её кандидатской диссертации. В ней Мукимджанова, согласно советской идеологической позиции, утверждала о подчинении Пакистана Соединённым Штатам через принятие американской «помощи», которая не была «бескорыстным даром», не приносила большой пользы Пакистану, а США выкачивали из этой страны огромные прибыли. Однако несмотря на идеологическую окраску и «антиимпериалистическую» лексику статьи, она содержала большой фактический материал и в ряде аспектов явно не была далека от действительности.

В том же 1959 г. она была направлена в распоряжение Архивного Управления МИД СССР, до февраля 1962 г. работала в Комиссии по изданию дипломатических документов. Мукимджанова участвовала в составлении примечаний-комментариев к V и VI томам «Документов внешней политики СССР» [Документы, 1961, с. 8; 1962, с. 6]. В редколлегию 5-го тома входил директор ИВ АН СССР Б. Г. Гафуров, а в подготовке примечаний-комментариев участвовал и Г. Л. Бондаревский [Документы, 1961, с. 8], судя по всему, осуществлявший контроль и обучавший молодого сотрудника и по этому направлению.

Вскоре вышла её первая монография — о политике США в Пакистане в конце 40–50-х гг. XX в., основанная на кандидатской диссертации [Мукимджанова, 1961]²⁵, ставшая первой по этой теме. Книге посвятил небольшую, но обстоятельную рецензию Ю. В. Ганковский [Ганковский, 1962]. Рецензия и сама по себе является полезным образцом анализа научных трудов в отечественном востоковедении, так как не только рассматривает непосредственно рецензируемый труд и его недостатки, но также и дополняет исследованные вопросы, в частности, о политике США в Пакистане, да и в целом об особенностях американской политики, действительно, характерных для этой страны, в том числе и спустя несколько десятилетий, как-то попытки ограничения экономических связей Пакистана с другими странами, навязывание американских товаров, расходование большей части «помощи» на американских же советников и экспертов [Ганковский, 1962, с. 188]. При этом стоит добавить, что Ганковский, кроме блестящего знания Пакистана в целом, незадолго до этого написал раздел о военно-политическом проникновении США в Пакистан в важнейшем в то время для советского востоковедения международно-политическом сборнике, организованном Гафуровым и Бондаревским и положившим начало многосерийному изданию о политике «империалистических держав» на Востоке [Ганковский, с. 1960], в частности, исследовавшем, как экономическая «помощь» стала «важнейшей формой американского проникновения в Пакистан» [Ганковский,

²⁴ Раз уж рядом оказались эти фамилии, можно сказать, что не будет преувеличением назвать Ю. В. Ганковского, В. Н. Москаленко и В. Я. Белокреницкого (расположены по дате рождения) наиболее выдающимися отечественными пакистановедами — с точки зрения широты охвата различных тем на протяжении всей научной деятельности, глубины научных работ и научно-организационной деятельности.

²⁵ Отмечена в [Книжная летопись, 1962, с. 15].

1962, с. 275]²⁶, в котором он, к слову, ссылаясь на статью Мукимджановой, изданной в сборнике Академии общественных наук при ЦК КПСС [Ганковский, 1962, с. 276]²⁷, а она высоко оценивала эту работу Ганковского даже в середине 80-х гг. [Мукимджанова, 1986, с. 20]. Ганковский тогда же участвовал в создании вместе с В. Н. Москаленко совместной монографии, а которой отдельный параграф, правда, написанный Владимиром Москаленко, был посвящён «усилению экономической и политической зависимости Пакистана от иностранных государств» [Ганковский, Москаленко, 1960, с. 107–114]. Монографию Мукимджановой Ганковский в своей рецензии назвал «полезным обобщением по важным и актуальным проблемам современного Пакистана» [Ганковский, 1962, с. 188], хотя и сетовал на некоторое отсутствие новизны источников [Ганковский, 1962, с. 187].

Вышедшая в 1961 г. книга Ю. В. Ганковского и Л. Р. Гордон-Полонской [Ганковский, Гордон-Полонская, 1961], заложивших «основы отечественного пакистановедения» [Мукимджанова, 2009, с. 193], небезосновательно относимая в отечественной литературе «к крупным достижениям того периода» [Белокреницкий, Москаленко, 2018, с. 13] и на протяжении почти шести десятилетий, до выхода «Истории Пакистана» В. Я. Белокреницкого и В. Н. Москаленко [2008], являвшаяся единственным полномасштабным исследованием «исторического развития» этого государства» [Мукимджанова, 2009, с. 193], содержала ссылки на уже опубликованные к тому периоду работы Мукимджановой, а именно: автореферат её диссертации, а также статьи, изданные в студенческом сборнике САГУ, сборнике Академии общественных наук при ЦК КПСС и «Кратких сообщениях» Института востоковедения [Ганковский, Гордон-Полонская, 1961, с. 365, 370] [Мукимджанова, 1958а; 1951; 1958с; 1959].

Мукимджанова принадлежала к первому поколению отечественных специалистов по международным отношениям Пакистана. В отличие от многих исследователей, уделявших основное внимание внутренней политике страны или проблемам национального вопроса, она сосредоточилась на анализе внешнеполитической стратегии Пакистана в контексте соперничества великих держав, пронеся эту тему в различных её аспектах через всю жизнь, лишь изредка занимаясь иными вопросами.

В середине 60-х гг. Мукимджанова стала автором нескольких публикаций общего характера о Пакистане, а также о просвещении и культуре Пакистана. В 1964 г. в подготовленном Институтом народов Азии АН СССР и выпущенном Научно-методическим советом по пропаганде всеобщей истории и вопросам международной жизни Всесоюзного общества «Знание» для помощи лекторам и пропагандистам этого общества сборнике о странах Ближнего и Среднего Востока, в который были включены очерки об Афганистане, Иране, Турции²⁸ и Пакистане, Мукимджанова стала как раз автором текста о последнем [Мукимджанова, 1964], включающего общие сведения о стране, краткой истории, экономике, национальном вопросе, «экспансии США и других империалистических стран в Пакистане, внутривосточном положении и внешней политике, включающей сведения и о советско-пакистанских отношениях, точнее — помощи Советского Союза

²⁶ Там же в главе о политике США в Пакистане (как и в отношении других стран — Турции и Ирана) отдельно имелся раздел об «экономической экспансии американского империализма» в этой стране [Кузьмин, 1960]. Обширная глава о политике США в Индии вышла в книге, изданной в следующем году и подготовленной Г. П. Колыхаловой и И. Б. Редько [1961].

²⁷ Г. И. Мирский в своей рецензии на эту и ряд других книг по теме считал, что в ней «несколько односторонне рассматривается» ряд событий, объясняемых внешним, в первую очередь американским вмешательством, в связи с чем «остаются в тени сложные процессы, сыгравшие не меньшую, если не большую роль» в них [Мирский, 1962, с. 168], имея в виду раздел Ю. В. Ганковского. Возможно, это было обусловлено и характером книги, исследовавшей именно политику США и поэтому где-то преувеличивавшей роль Соединённых Штатов.

²⁸ Главы об Иране и Турции написали ставшие впоследствии известными отечественными востоковедами Е. А. Орлов и М. А. Гасратян.

Пакистану. В условиях отсутствия интернета, ограниченного количества публикаций по международным вопросам подобные издания играли важную роль для ознакомления широких слоёв населения с теми или иными странами.

В это время она принимала также участие в ряде коллективных работ, авторство в которых чётко не выделялось. Так, в её отчётах имеются сведения об участии в коллективной статье, написанной преимущественно сотрудниками Отдела международных вопросов и опубликованной в журнале «Народы Азии и Африки», № 1 за 1963 год. Это международный обзор по Азии и Африке в 1962 г., авторы которого не выделены в библиографии и содержании журнала, однако отражены в примечании, откуда и реконструированы библиографические данные [Брагинский и др., 1963], где, очевидно, ею были написаны части, касающиеся Пакистана, в частности, отмечался «рост нейтралистских тенденций» в этой стране, являющейся «участником одновременно двух агрессивных группировок», раскрывалось это утверждение [Брагинский и др., 1963, с. 13].

В журнале «Азия и Африка сегодня» в 1966 г. В. Москаленко и Р. Мукимджанова опубликовали статью под названием «Преодолевая прошлое», в которой показывали усилия властей по повышению культурного уровня, ликвидации безграмотности, изменениям в системе просвещения, подготовке научно-технических кадров, приводили слова президента страны М. Айюб-хана о полезном опыте Советской России в деле народного образования, анализировали систему среднего и высшего образования, развитие национальной литературы и кинопромышленности, культурные связи с Советским Союзом, в том числе и с народами Средней Азии [Москаленко, Мукимджанова, 1966].

До конца 70-х гг. Мукимджанова работала в Отделе международных вопросов под руководством Бондаревского, участвовала в публикации крупных монографических исследований по политике колониальных и империалистических держав в Южной Азии, международным отношениям в этом регионе, написании справочных материалов для директивных органов и инициативных записок по актуальным вопросам международной политики в изучаемом регионе.

В коллективной монографии «Политика Англии в странах Южной и Юго-Восточной Азии», представлявшей собой шестой том серийного издания «Политика колониальных держав в Азии и Африке» (четыре были посвящены политике США в различных регионах Востока, а один — колониальной политике Франции), и первой книге трёхтомника по изучению английской колониальной политики на Востоке, подготовленных отделом Бондаревского, Мукимджанова написала обширную и содержательную главу об английской политике по отношению к Пакистану [Мукимджанова, 1966a]²⁹, включающую комплексный анализ изучаемого вопроса. Она показала, как Англия, формально утратив статус метрополии, стремилась сохранить экономический и политический контроль над Пакистаном, используя унаследованные от колониальной эпохи рычаги, включая членство Пакистана в Содружестве, а также контроль над различными отраслями и секторами государства — армией, банками и внешней торговлей, кроме того, через искусственно созданные конфликты (Кашмир), играя роль «арбитра». Однако с начала 50-х гг., отметила автор, начинается постепенное вытеснение английского влияния американским, что привело к англо-американскому соперничеству в регионе. С конца 50-х гг. стало размываться и английское экономическое господство в Пакистане из-за экспансии США, ФРГ и Японии, а также роста национального пакистанского капитала. Хотя Пакистан пытался лавировать между Англией и США, к концу 50-х гг. он оказался в сильной зависимости от США, вызывавшей недовольство внутри страны.

²⁹ Можно добавить, что ещё две главы в этой коллективной монографии, а также предисловие (в соавторстве) принадлежали ещё одному ученику Бондаревского и Халфина в САГУ, также продолжившему научную карьеру в ИВ АН СССР, — А. С. Шину, о политике Англии по отношению к Индонезии и Малайзии.

К слову, эта работа Мукимджановой была включена в библиографию по Пакистану журнала *The Journal of Asian Studies* [Pakistan, 1968, p. 260].

В 60-х — начале 70-х гг. она писала заметки для Советской исторической энциклопедии [Мукимджанова, 1965]. В справочнике по Пакистану, изданном в 1966 г., она написала раздел по народному образованию [Мукимджанова, 1966b]. Раздел по Пакистану был подготовлен ею и для коллективной работы «Просвещение и подготовка национальных кадров в странах Востока», изданной в 1971 г. Тема системы образования, видимо, по инерции сопровождала её с комсомольского периода, когда она курировала школы.

В 1967 г. была переведена на должность старшего научного сотрудника, в 1973 г. утверждена в этом звании по специальности «всеобщая история».

В 60–70-х гг. вышло много её статей по различным актуальным вопросам внешней политики Пакистана в издаваемом тогда Институтом востоковедения (народов Азии) сборнике под грифом ДСП «Специальный бюллетень», однако опубликованные в нём труды ввиду ограниченного доступа в открытых библиографиях отсутствуют. Хотя ограниченный формат препятствовал широкому распространению этого издания, в то же время он давал определённое преимущество, заключающееся в более откровенном изложении. Кроме того, подобная цензура была обусловлена не опасением каких-то проблем с соответствующими странами, а сугубо внутренними ограничениями, существовавшими в СССР. Так, почти все работы, опубликованные в «Специальном бюллетене», были основаны на открытых источниках (в частности, статьи Мукимджановой — на пакистанских газетах, журналах и статистических изданиях³⁰), какой-либо крамолы, которая могла бы возбудить недовольство — в данном случае Пакистана в отношении Советского Союза — в них не имелось, это была просто аналитика высокого уровня. Поэтому, очевидно, можно сказать, что не только российское, но и мировое востоковедение много потеряло в связи с закрытым характером такого рода публикаций, в то время как западные аналогичные публикации были доступны широкому кругу исследователей и читателей. Хотя в настоящее время указанный «Специальный бюллетень» ИВ (ИНА) АН СССР доступен, однако его отсутствие во всех, то есть наиболее доступных библиографических базах требует дополнительных усилий по ознакомлению с ним, что препятствует введению в широкий научный оборот многих достойных работ, вышедших в этом издании. Особенно это касается трудов по международной политике на Востоке, различных экономических вопросов. Нередко статьи были посвящены узким темам, коротким периодам, что требовало глубокого профессионализма и исключало повтор каких-либо общих фраз и положений, давая новизну и актуальность.

Мукимджановой в этом издании были опубликованы статьи «Пакистано-американские отношения на современном этапе (конец 1966 — первое полугодие 1968 г.)»³¹, «О пакистано-американских отношениях», «Антикоммунизм во внешней политике Пакистана», «Американо-пакистанские отношения в 1969 г.», «Внешняя политика Пакистана в 1973 г.» «Внешняя политика

³⁰ В тот период в Институт востоковедения на постоянной основе поступали основная пакистанская периодика и статистические издания, и по трудам советских пакистановедов видно, с какой тщательностью ими прорабатывались эти издания, что позволяло держать высокий уровень страноведческой аналитики, актуальность, реалистичность оценок — в отличие от сугубо идеологических направлений тогдашнего востоковедения. Безусловно, это не исключало идеологическое использование тех или иных фактов и данных в условиях противоборства в холодной войне, подгонку под сформированные клише, однако всё же не сильно далеко уходило от реальности.

³¹ Можно добавить, что по более расширенной теме — всей внешней политике Пакистана в 1965 и 1967 гг. были опубликованы обстоятельные статьи В. Москаленко в других номерах «Специального бюллетеня», но в сборниках, полностью посвящённых Пакистану и подготовленных сектором Пакистана [Москаленко, 1965; 1968]. К вопросам внешней политики можно отнести и статью об экономической помощи капиталистических стран Западу Пакистану [Белокреницкий, Левин, 1974].

правительства З. А. Бхутто в 1974 г.»³², «Отношения Пакистана с КНР в 1972–1977 гг.» [Мукимджанова, 1968; 1969а; 1969б; 1975а; 1976; 1978а]³³.

Это были весьма подробные статьи, глубоко анализирующие рассматриваемые вопросы, демонстрирующие хорошее знание исследуемых тем. Так, в статье, посвящённой полуторагодичному сложному и противоречивому периоду пакистано-американских отношений [Мукимджанова, 1968], последовавшему после индо-пакистанской войны 1965 г., когда эти отношения в связи с американским эмбарго дали трещину, что вынуждало Пакистан пытаться диверсифицировать закупки вооружений, она умело описала маневрирование Пакистана в отношениях со своим важнейшим союзником — США, имеющим благодаря помощи и кредитам рычаги влияния на него, участие Исламабада в военно-политических блоках, показывая его попытки не обострять отношения с Советским Союзом, не идти на поводу у Вашингтона и присоединиться к осуждению СССР по различным вопросам. Например, Пакистан являлся единственной из азиатских стран — партнёров по блоку СЕАТО, отказавшихся участвовать во вьетнамской войне. Нарушая таким образом солидарность по блоку, вместе с тем не желая осложнять отношения с Вашингтоном, он воздерживался от критики в его адрес. США были вынуждены считаться с подобной позицией Пакистана, предпринимая усилия (в том числе визитами президента Джонсона и спецпредставителя Гарримана) удержать эту страну в орбите своего влияния и предотвратить скатывание Пакистана к критике американской политики во Вьетнаме [Мукимджанова, 1968, с. 60]. Искусно была показана политика США в отношении узла Китай — Индия — Пакистан, изменение значимости некоторых направлений в связи с изменением политики тех или иных стран. «Авантюристическая», как считалось тогда в советской историографии, политика Китая содействовала укреплению американских позиций в Индии, уменьшая значимость Пакистана как противовеса этой стране. Американская дипломатия пыталась создать условия для «создания “оборонительного” барьера на Индостанском полуострове путем военно-политического союза между Пакистаном и Индией» [Мукимджанова, 1968, с. 60]. Определённое недовольство активизировало пакистанскую внешнюю политику на французском направлении, впрочем, Франция вряд ли могла бы заменить США. Через кризис военно-политического союза США и Пакистана, выражающийся в стремлении Пакистана к большей самостоятельности и отходу от роли «младшего партнёра», Мукимджановой посредством заявлений государственных деятелей США было представлено начало признания американцами истощения старых, навязанных извне, моделей военных блоков и желание организации местных союзов (с участием Турции, Ирана, Пакистана, Саудовской Аравии и Кувейта) при сокращении прямого американского присутствия. Фактически она предвидела т. н. «доктрину Никсона», провозглашённую на следующий после написания статьи год — 1969-й.

Таким образом, это была фактологически очень насыщенная статья, содержащая значительный объём разного рода сведений и фиксирующая переходный момент в американо-пакистанских отношениях, а также дипломатическую динамику рассматриваемого периода, направленная на исследование логики внешнеполитических действий Пакистана, его мотивов, заключающихся в стремлении к независимой внешней политике и региональному сотрудничеству, поиску многовекторной политики, способности не идти во всём на поводу у своего главного союзника — Соединённых Штатов и улавливающая зарождение новых внешнеполитических тенденций у Вашингтона. Несмотря на встречающуюся идеологическую лексику, характерную для советского периода,

³² Так статья названа в оглавлении. Однако заглавие самой статьи — «Внешняя политика Пакистана в 1974 г.» [Мукимджанова, 1976, с. 31]. Поэтому в библиографии даны оба названия.

³³ Кроме того, у неё была опубликована статья о внешней политике Пакистана в 1969 г. в одном из других номеров «Специального бюллетеня» объёмом примерно в 1 авт. л., с которым мне не удалось ознакомиться [Мукимджанова, 1970], поэтому в списке литературы она приводится без указания страниц.

это был реальный политический анализ, качественный образец советской аналитики. Понятно, что эта статья вписывается в традицию советского востоковедения в области изучения современных международных отношений, даже точнее — «школы» и «группы» Бондаревского, но не только, анализировавших страны «третьего мира» через зависимость от империалистических центров, кризис колониальной и блоковой системы и рост тенденции к самостоятельности и национально-освободительным мотивам.

В своём выступлении Ю. В. Ганковский на состоявшемся 3–5 февраля 1969 г. в Институте востоковедения АН СССР первом рабочем совещании по проблемам современного Пакистана, в котором он обозревал изучение Пакистана в Советском Союзе [Ганковский, 1969], в числе авторов, в работах которых исследованы проблемы внешней политики этой страны, указывал в качестве первой Р. М. Мукимджанову, а также И. М. Компанцева, Ю. А. Пономарёва и др. [Ганковский, 1969, с. 18].

На этом совещании Р. Мукимджанова выступила по своей коронной теме — о пакистано-американских отношениях [Мукимджанова, 1969a]³⁴, в какой-то мере продолжая свою уже предшествующую работу [Мукимджанова, 1968]. Она показывала индо-пакистанские отношения, политику США и эволюцию внешнеполитического курса Пакистана в 60-х годах. Мукимджанова анализировала охлаждение в американо-пакистанских отношениях во второй половине этого десятилетия в связи с недовольством Пакистана характером отношений с США, политикой Вашингтона по «параллельной помощи» и Индии, и Пакистану, недовольством прекращения помощи Вашингтона этим двум странам после конфликта 1965 г., поскольку Пакистан оказался в более уязвимом положении, что привело к его дистанцированию от обязательств по блоку СЕАТО, отказу от направления войск в Лаос и участию во вьетнамской войне, даже разочарованию отношениями с США. Мукимджанова верно заметила в этой статье желание США стимулировать региональные державы (Индию, Пакистан, Индонезию, Японию) к созданию «региональной оборонительной системы» при формальном отстранении США и прекращении выполнения ими роли «азиатского полицейского». Всё это привело к активизации политики СССР и Китая в регионе, использовавших кризис в американо-пакистанских отношениях для усиления своего влияния. Пакистан, отходя от тесного союза с США, стал искать альтернативные источники поддержки — в лице Советского Союза, рост авторитета которого после посредничества в 1965 г. вырос, Китая и Франции, и связи с КНР переросли в стратегическое сотрудничество. Пакистан начал переходить к более самостоятельной внешней политике, прагматичному поведению, выдвигая приоритетом собственную безопасность, а не обязательства перед США. Мукимджанова показывала, как США, оказавшись перед дилеммой сохранения союза с Пакистаном или сближения с Индией для стратегического сдерживания Китая, решив прекратить военную помощь обоим государствам, предполагая таким образом выйти из этого противоречия, фактически ослабили свои позиции в регионе. Она отражала характерный для того времени взгляд на Южную Азию как арену соперничества сверхдержав, где локальные конфликты переплетались с глобальными.

В том же году в тематическом издании «Специального бюллетеня», подготовленном Отделом международных вопросов и посвящённом «антикоммунизму в странах Азии», Мукимджанова написала раздел по Пакистану [Мукимджанова, 1969b], опять-таки с упором на внешнюю политику страны, являвшейся «откровенно антикоммунистической» [Мукимджанова, 1969b, с. 154], а составной частью антикоммунизма как линии «государственной политики в международных

³⁴ Можно добавить, что в этом «Специальном бюллетене» ещё две статьи были посвящены внешней политике Пакистана — В. Н. Москаленко — о перспективах пребывания Пакистана в военных блоках [Москаленко, 1969] и И. М. Компанцева — о пакистано-индийских отношениях и их влиянии на формирование внешнеполитического курса Пакистана [Компанцев, 1969].

отношениях Пакистана с середины 50-х до начала 60-х годов», был «антисоветизм» [Мукимджанова, 1969b]. Несмотря на широкое употребление в этой статье терминов «антикоммунизм» и «антисоветизм», то есть идеологический пафос, в действительности статья была посвящена международным отношениям с участием сверхдержав вокруг Пакистана и внешней политике этой страны, её изменениям с точки зрения реализма. В частности, Мукимджанова отмечала переход от открытого антисоветизма, характерного для периода середины 50-х — начала 60-х гг., когда Пакистан активно участвовал в военных блоках под руководством США, в том числе и их военных приготовлениях против СССР, к политике «балансирования», начавшейся со второй половины 60-х гг., включающей отказ от открытого антикоммунизма во внешней политике, попытки использования советско-американского противостояния, а также советско-китайские разногласия для укрепления собственных позиций — принцип, согласно которому необходимо развивать дружественные отношения со всеми великими державами, но избегать втягивания в конфликты между ними. То есть Пакистан выступал с прагматических позиций, хотя его правящие круги видели угрозы в коммунистической идеологии и он сохранял осторожность в подходе к СССР, рассматривая отношения с ним как дополнение к связям с Западом. При этом, добиваясь расширения советской военной помощи, Пакистан рассматривал её как важный фактор развития экономики страны и ослабления зависимости от США. Как и в других её работах, были исследованы различные аспекты внешней политики Пакистана, приводились позиции его правящих кругов, а также видных экспертов в части основ внешнеполитического курса, а также теорий международных отношений.

В вышедшей в 1970 г. монографии И. М. Компанцева «Пакистан и Советский Союз» [Компанцев, 1970], ставшей первой в отечественном востоковедении книгой, посвящённой этой теме, отмечалось, что к тому времени «единственным исследованием, на страницах которого получил освещение ряд проблем пакистано-советских отношений до 1960 г.», являлась «История Пакистана» Ю. В. Ганковского и Л. Р. Гордон-Полонской [Ганковский, Гордон-Полонская, 1961]³⁵, а некоторые аспекты, «касающиеся участи Пакистана в направленных против СССР... военно-политических блоках империалистов, изложены в работе Р. М. Мукимджановой “Политика США в Пакистане”», а также в паре сборников Института востоковедения/народов Азии [Компанцев, 1970, с. 9]. Можно добавить, что к этому времени в статьях Мукимджановой тоже затрагивались некоторые аспекты пакистано-советских отношений.

В 1972 г. Отделом международных вопросов был издан очередной (3-й) выпуск предпринятой серии «Международные отношения в Азии», который был посвящён корням индо-пакистанского конфликта в 60-х — начале 70-х гг. и издан сразу после очередной индо-пакистанской войны. Фактически это была совместная монография Р. Мукимджановой и Г. Колыхаловой, написавших по две главы. Перу Мукимджановой принадлежали первая и третья главы — соответственно «Отношения Пакистана с Индией в 60-х годах» и «Политический кризис в Пакистане и новое обострение отношений Пакистана с Индией» [Мукимджанова, 1972а; 1972b], а Г. Колыхаловой — вторая и четвёртая — «Отношения Индии с Пакистаном в 60-х годах» и «Позиция Индии в связи с внутривосточным кризисом в Пакистане», то есть Мукимджанова изучала проблемы Пакистана, а Колыхалова — Индии. Эта книга исследовала истоки индо-пакистанского конфликта как в историческом смысле с учётом предшествующего десятилетия, так и его различные аспекты внутри- и внешнеполитического характера с огромным объёмом фактического материала. Заимствуя название известного труда Е. М. Примакова [Примаков, 1983], можно сказать, что Мукимджановой и Колыхаловой была представлена подробная «анатомия» индо-пакистанского конфликта.

³⁵ Хотя, надо сказать, в ней затрагивались и некоторые события из советско-пакистанских отношений 1961 года [Ганковский, Гордон-Полонская, 1961, с. 356].

В статье о внешней политике Пакистана в 1973 г. [Мукимджанова, 1975a] рассматривался внешнеполитический курс правительства З. А. Бхутто, направленный на преодоление последствий кризиса 1971 г. Власти этой страны вернулись к политике балансирования и лавирования между США, Советским Союзом и Китаем, пытаясь снизить зависимость от КНР, усиленную военной хунтой во главе с А. М. Яхья-ханом. Мукимджанова анализировала перипетии южноазиатской (Индия, Бангладеш) политики Пакистана, связи с США, для которых роль Пакистана как противовеса Индии снизилась, однако имела значение для укрепления позиций на Среднем Востоке и в районе Персидского залива, а также с другими странами Запада и отдельно — с КНР, СССР и мусульманским миром. Внимание уделялось и экономическим целям внешней политики правительства страны, нуждающейся в американской помощи, расширения в целом дипломатической деятельности на новых направлениях. Продолжение этих тенденций и пяти внешнеполитических направлений (взаимоотношения с Индией и Бангладеш, с «мусульманским миром», с развитыми капиталистическими странами, с Советским Союзом и Китаем) анализировались в статье о внешней политике Пакистана в следующем, 1974 г. [Мукимджанова, 1976], которой «были присущи активность и гибкость, реалистический подход ко многим международным вопросам» [Мукимджанова, 1976, с. 31]. В части отношений с СССР Мукимджанова отмечала улучшение двусторонних связей, несмотря на негативную оценку в Исламабаде советско-индийского договора 1971 г., во многом благодаря прагматичному настрою пакистанского руководства. Несмотря на то, что «внешнеполитический курс правительства З. А. Бхутто в 1974 г. не претерпел существенных изменений по сравнению с предыдущим годом», Мукимджанова замечала развитие тенденции «к региональной переориентации внешнеполитической деятельности» страны в сторону Ближнего и Среднего Востока, а также в целом «укрепление международных позиций Пакистана» [Мукимджанова, 1976, с. 65–67].

Исследование современных международных отношений в Южной Азии периода холодной войны, как известно, испытывало на себе влияние противоборства с Западом и Китаем, что наглядно иллюстрирует отрывок из характеристики на О. М. Мукимджанову от 5 февраля 1973 г., подписанной заведующим Отделом международных вопросов Г. Л. Бондаревским, а также секретарём партбюро Е. А. Орловым и председателем профбюро М. С. Лазаревым:

«В своих работах т. Мукимджанова исследовала особенности внешней политики развивающихся стран на примере Пакистана, подробно осветила изменения во внешней политике этой страны, приведшие к ослаблению участия Пакистана в СЕНТО и выходу из СЕАТО. Серьёзное внимание в своих исследованиях она уделяет изучению проблем пакистано-американских и пакистано-китайских отношений. В работах тов. Мукимджановой показана связь между ориентацией Пакистана на США и одновременно на Китай и обострением индо-пакистанских отношений, освещена роль Пакистана с КНР и США в возникновении индо-пакистанских конфликтов 1965 и 1971 гг.».

В 1974 г. увидела свет вторая индивидуальная монография Мукимджановой под названием «Пакистан, Южная Азия и политика США (60-е — начало 70-х гг.)» [Мукимджанова, 1974³⁶], ответственным редактором которой выступил Ю. В. Ганковский, в какой-то мере продолжавшая по периоду её предыдущую книгу [Мукимджанова, 1961], однако в несколько более широком контексте, поскольку её указанная более ранняя работа больше концентрировалась на политике США, хотя исследовала и пакистано-индийские отношения, в то время как книга 1974 г. освещала в первую очередь эти двусторонние отношения и политику США в целом в Южной Азии. Значительное внимание было уделено и деятельности Китая в этом регионе, ставшем с 60-х гг. новым фактором в этом проблемном узле. При этом роли Китая, ставшего к тому времени идеологическим

³⁶ Отмечена в [Книжная летопись, 1975, с. 16].

врагом СССР и поэтому крайне негативно оцениваемого советской историографией и согласно монографии Мукимджановой заинтересованного в сохранении напряжённости в Южной Азии, что, впрочем, не противоречило тогда действительности, противопоставлялись действия СССР, нацеленные на нормализацию обстановки в Южной Азии. Эта монография получила положительные отклики в советской ориенталистике. Так, крупный пакистановед, автор к тому времени уже ряда важных работ по внешней политике Пакистана³⁷ В. Н. Москаленко, отметив некоторые её недостатки, писал, что Мукимджанова «успешно справилась с анализом актуальной и сложной темы своего исследования», «в целом рецензируемая работа существенно расширяет наши представления о положении в Южной Азии» и «является определённым вкладом в изучение общих внешнеполитических проблем развивающихся стран» [Москаленко, 1975, с. 218].

В коллективной монографии «Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке после Второй мировой войны (1945–1955)», подготовленной Отделом международных вопросов Института востоковедения, Мукимджанова стала автором главы «Отношения Пакистана со странами Азии», один из параграфов которой был посвящён тогда малоизученной теме панисламистской деятельности Пакистана, ставшей важным направлением внешней политики [Мукимджанова, 1975b].

В 1978 г. в «Специальном бюллетене», посвящённом политике Китайской Народной Республики в странах Азии и Африка, её статья, посвящённая отношениям Пакистана с этой страной в 1972–1978 гг., которые представляли один из главных треков пакистанской внешней политики [Мукимджанова, 1978a], тем более что почти во всех работах Мукимджановой, посвящённых внешнеполитическому курсу Пакистана, в той или иной мере затрагивались связи с Китаем, являвшиеся приоритетными, особенно в результате событий 1971 г., за которыми последовали и рост антисоветизма пакистанских властей, открывала этот сборник. КНР оказывала сильную поддержку Пакистану, в том числе и в ООН, членом которого она стала в 1971 г., рассматривая эту поддержку в русле противостояния с Индией и Советским Союзом. Сменившее военную хунту правительство З. А. Бхутто, хотя и «рассматривало сотрудничество с Китаем как важный фактор упрочения внешнеполитического положения Пакистана», понимало, что «продолжение преимущественной ориентации на Китай могло бы воспрепятствовать самостоятельности внешнеполитического курса» страны, «помешало бы нормальным отношениям с Советским Союзом» [Мукимджанова, 1978a, с. 6, 8]. Реализм Бхутто и правящих классов больше склонялся к «политике балансирования между США, КНР и СССР, главными элементами которой» являлись «развитие отношений с каждой из этих стран не в ущерб с двумя другими», извлечение выгоды из столкновения интересов указанных государств при формально нейтральной позиции Исламабада касательно разногласий между ними» [Там же, с. 7], однако, тем не менее, связи с КНР были основными. Более того, близость с Китаем даже рассматривалась для противодействия снижению интереса Вашингтона к Пакистану в условиях потепления американо-китайских отношений и визита президента США Р. Никсона в Китай в 1972 г. [Мукимджанова, 1978a, с. 7]. В этой статье Мукимджанова исследовала различные аспекты пакистано-китайских отношений, в том числе в экономической области, хотя их торговля была невелика.

В 1978 г. вышла её статья «Противоречия в блоковой политике Пакистана» в коллективной монографии «Международные отношения в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке

³⁷ См., например, его статью в *Asian Survey* [Moskalenko, 1974], в которой он исследовал эволюцию внешней политики Пакистана в 1947–1971 гг., объясняя её изменения через сочетание внутренних социально-экономических факторов и международной обстановки в эпоху холодной войны, прослеживая ориентацию на поддержку крупных держав сразу же после создания союза с Западом, ограничения в самостоятельности такой внешней политики и изменения курса в 60-е гг., выразившиеся в стремлении к более сбалансированной дипломатии.

(1955–1965 гг.)» [Мукимджанова, 1978b]. В ней Мукимджанова анализировала проблемы военно-политических союзов в регионе, уделяла внимание кризису блоковой политики (СЕАТО, СЕНТО), зависимости от США и поиску новых путей международных отношений на фоне деколонизации, роста влияния социалистического лагеря и региональных конфликтов. Она показывала переход от жёсткой привязки к США и блокам к попыткам диверсификации внешней политики, новые направления внешней политики Пакистана — сближение с Китаем, начавшееся с 1963 г. и имеющее ярко выраженную антииндийскую, а не антиимпериалистическую направленность, региональное сотрудничество с Турцией и Ираном, а также отношения с арабскими странами.

Мукимджанова выступила в качестве редактора изданной в «Специальном бюллетене» ИВ АН СССР монографии М. Ждановой «Цейлон (Шри-Ланка) в международных отношениях в Азии (60-е — первая половина 70-х годов)» [Жданова, 1978].

Этими работами в 1978 г. она завершила свою деятельность в Отделе комплексных проблем международных отношений, как к этому времени назывался «Отдел Бондаревского», после его ухода из Института востоковедения в Институт социологических исследований АН СССР. После ухода своего учителя Бондаревского Мукимджанова стала настойчиво просить перевести её из Отдела комплексных международных отношений в Отдел Ближнего и Среднего Востока, в сектор Пакистана, к Ганковскому, с которым у неё к этому времени уже на протяжении длительного периода сложились успешные научные отношения, в секторе Пакистана её рассматривали как своего коллегу. В это подразделение института она была переведена в середине 1978 г.

Работы Мукимджановой органично вписываются в исследовательскую программу школы Г. Л. Бондаревского, ориентированной на изучение международных отношений в странах Азии в контексте глобального противостояния эпохи холодной войны и изучения проблем «колониализма» и «империализма». В то же время для неё была характерна повышенная внимательность к фактическому материалу, широкое использование зарубежной периодики и статистических изданий и стремление выявить реальные механизмы внешнеполитического поведения стран Азии, присущие востоковедам-страноведам, в частности, пакистановедам, что логично привело её в школу Ганковского, частично в рамках которой она находилась, ещё работая в другом отделе, но участвуя в мероприятиях, организованных Ганковским.

Р. М. Мукимджанова принимала активное участие в общественной жизни, была членом правления созданного в 1966 г. Общества советско-пакистанской дружбы³⁸, возглавляемого долгое время Ю. В. Ганковским³⁹ [Серенко, 2008, с. 8], членом Исполкома советско-пакистанского общества культурных связей, членом Комиссии по Азии и Африке Комитета советских женщин.

В изданную в 1973 г. «Библиографию Пакистана» были включены 9 работ Мукимджановой [Библиография Пакистана, 1973, с. 49, 4, 8, 12, 13, 20, 24, 39; Мукимджанова, 1964; 1951; 1958a; 1958c; 1961; 1966a; 1959; 1966b; Москаленко, Мукимджанова, 1966].

К концу 70-х гг. она справедливо считалась одним из ведущих специалистов по проблемам международных отношений на Среднем Востоке и Южной Азии, особенно по внешней политике Пакистана и политике других стран в отношении этой страны.

³⁸ Из характеристики Мукимджановой, утверждённой на парткоме Института народов Азии 23 мая 1968 г. (подписали директор института Б. Г. Гафуров и др.)

³⁹ В ходе работы над настоящей статьёй мне попала информация, что, оказывается, в конце 70-х гг. было создано ещё и Общество дружбы с народами Южной и Юго-Восточной Азии, в правление которого, в частности, были избраны «ведущие советские специалисты в области востоковедения Г. Котовский и Ю. Ганковский» [Danilin, 1979].

Литература / References

XIV съезд комсомола Узбекистана. [Газета] *Комсомолец Узбекистана* [Ташкент]. 1954а. 24 января. С. 1 [14th Congress of the Komsomol of Uzbekistan. [Daily] *Komsomolets Uzbekistana* [Tashkent]. 1954a. January 24. P. 1 (in Russian)].

XIV съезд комсомола Узбекистана. *Правда Востока*. 1954b. 24 января. С. 2 [14th Congress of the Komsomol of Uzbekistan. [Daily] *Pravda Vostoka* [Tashkent]. 1954b. January 24. P. 2 (in Russian)].

XIV съезд комсомола Узбекистана. *Правда Востока*. 1954с. 26 января. С. 2 [14th Congress of the Komsomol of Uzbekistan. *Pravda Vostoka*. 1954с. January 26. P. 2 (in Russian)].

XV съезд ЛКСМ Узбекистана. *Правда Востока*. 1956. 21 января. С. 1–2 [15th Congress of the Leninist Communist Youth League of Uzbekistan (LKSM of Uzbekistan). *Pravda Vostoka*. 1956. January 21. P. 1–2 (in Russian)].

XV съезд ЛКСМ Узбекистана. *Правда Востока*. 1956. 22 января. С. 2 [15th Congress of the Leninist Communist Youth League of Uzbekistan (LKSM of Uzbekistan). *Pravda Vostoka*. 1956. January 22. P. 2 (in Russian)].

Алимов С. К отличным успехам через упорный труд. [Газета Среднеазиатского государственного университета] *За сталинскую науку* (Ташкент). 1947. 16 июля. № 12 (25). С. 2 [Alimov, S. Toward Outstanding Success Through Persistent Hard Work. [Newspaper of the Central Asian State University] *Za stalinskuyu nauku* (Tashkent). 1947. July 16. No. 12 (25). P. 2 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. Принадлежит ли Пакистан Южной Азии? *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 222–236 [Belokrenitsky V. Ya. Does Pakistan belong to South Asia? *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. P. 222–236 (in Russian)]. DOI: 10.31696/2618–7302–2023–4–222–236.

Белокреницкий В., Левин С. Экономическая помощь капиталистических стран Западу Пакистану. *Специальный бюллетень*. № 7 (158). АН СССР. Институт востоковедения. Научные редакторы: Ю. В. Ганковский, С. Ф. Ленин, В. Н. Москаленко [Основные проблемы внутривосточного развития и внешней политики Пакистана (1972 г.)]. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. С. 121–132, [литература] 228–229 [Belokrenitsky V., Levin S. Economic Aid to Pakistan from the Capitalist Countries of the West. *Spetsial'nyi byulleten'*. No. 7 (158). Ed. by: Yu. V. Gankovsky etc]. Moscow, 1974. Pp. 121–132, 228–229 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. *История Пакистана. XX век* / Российская академия наук. Институт востоковедения. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008 [Belokrenitsky V. Ya., Moskalenko V. N. *The History of Pakistan: The Twentieth Century*. Moscow, 2008 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. Пакистановедение в ИВ РАН. Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 1. С. 11–18 [Belokrenitsky V. Ya., Moskalenko V. N. Pakistanovedenie v IV RAN. Pakistan Studies at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences: The Center for Near and Middle Eastern Studies. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2018. No. 1. P. 11–18 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Серенко И. Н. Пакистан во внешней политике России. Геополитические императивы и динамика двусторонних отношений. М.: ИВ РАН, 2025 [Belokrenitsky V. Ya., Serenko I. N. *Pakistan in Russia's Foreign Policy: Geopolitical Imperatives and the Dynamics of Bilateral Relations*. Moscow, 2025 (in Russian)].

Библиография Пакистана: 1947–1967. Составители: Д. А. Бирман, М. Н. Кафитина. Отв. ред.: Ю. В. Ганковский. М.: Наука, ГРВЛ, 1973 [Bibliography of Pakistan: 1947–1967. Compiled by D. A. Birman, M. N. Kafitina. Ed. by Yu. V. Gankovskii. Moscow, 1973 (in Russian)].

Бондаревский Г. [Б. Г.] Работа востоковедов Узбекской Академии наук и Среднеазиатского государственного университета. *Вопросы истории*. 1949. № 7. С. 156–158 [Bondarevsky G. [B. G.] The Work of Orientalists at the Uzbek Academy of Sciences and the Central Asian State University. *Voprosy istorii*. 1949. No. 7. P. 156–158 (in Russian)].

Бондаревский Г. Л. Будущие востоковеды. *За сталинскую науку*. 1951. 30 мая. № 12–13 (117–118). С. 4 [Bondarevsky G. L. Future Orientalists. *Za stalinskuyu nauku*. 1951. May 30. No. 12–13 (117–118). P. 4 (in Russian)].

Брагинский М. М., Воронцов В. Б., Кадымов Г. Г., Колыхалова Г. П., Кочарьянц Г. Г., Меликсетова И. Э., Мукимджанова Р. М., Орлов Б. А., Поцхверия Б. М., Редько И. Б., Трофимов В. В., Шин А. С. Азия и Африка в 1962 г. (Международный обзор). *Народы Азии и Африки*. 1963. № 1. С. 3–28 [Braginsky M. M., Vorontsov V. B., Kadymov G. G., Kolykhalova G. P., Kochar'yants G. G., Meliksetova I. E., Mukimdzhanova R. M., Orlov B. A., Potkhveriya B. M., Redd'ko I. B., Trofimov V. V., Shin A. S. Asia and Africa in 1962 (An International Survey). *Narody Azii i Afriki*. 1963. No. 1. Pp. 3–28 (in Russian)].

Вечернее заседание 24 января. *Комсомолец Узбекистана*. 1954. 26 января. С. 2–3 [Vechernee zasedanie 24 yanvarya [Evening Session of 24 January]. *Komsomolets Uzbekistana*. 1954. January 26. Pp. 2–3 (in Russian)].

Ганковский Ю. В. Военно-политическое проникновение США в Пакистан. *Политика США на Ближнем и Среднем Востоке (США и страны СЕНТО)*. Отв. ред. Б. Г. Гафуров / Академия наук СССР. Институт народов Азии. М.: ИВЛ, 1960. С. 274–313 [Gankovsky Yu. V. U. S. Military and Political Penetration into Pakistan. *U. S. Policy in the Near and Middle East (The United States and the CENTO Countries)*. Moscow, 1960. Pp. 274–313 (in Russian)].

Ганковский Ю. В. [Рец. на:] Р. М. Мукимджанова. *Политика США в Пакистане. 1947–1960*. М., 1961. 223 с. *Народы Азии и Африки*. 1962. № 4. С. 186–188 [Gankovsky Yu. V. [Rev. on:] R. M. Mukimdzhanova. *U. S. Policy in Pakistan, 1947–1960*. Moscow, 1961. 223 pp. *Narody Azii i Afriki*. 1962. No. 4. Pp. 186–188 (in Russian)].

Ганковский Ю. В. [Доклад] Изучение Пакистана в Советском Союзе (некоторые итоги и перспективы). Специальный бюллетень. № 8 (99) [Материалы рабочего совещания по проблемам современного Пакистана (февраль 1969 г., Москва)] / АН СССР. Институт востоковедения. Ред. группа: Ю. М. Ганковский, И. М. Компанцев, В. Н. Москаленко. М.: Наука, ГРБЛ, 1969. С. 17–25 [Gankovsky Yu. V. The Study of Pakistan in the Soviet Union (Some Results and Future Prospects). *Spetsial'nyi byulleten'*. № 8 (99). Moscow, 1969. Pp. 17–25 (in Russian)].

Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р. *История Пакистана* / Акад. наук СССР. Институт народов Азии. М.: Изд-во вост. лит., 1961 [Gankovsky Yu. V., Gordon-Polonskaya L. R. *History of Pakistan*. Moscow, 1961 (in Russian)].

Ганковский Ю. В., Москаленко В. Н. *Политическое положение в Пакистане: государственный переворот 1958 г. и военная диктатура* / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. М.: Изд-во вост. лит., 1960 [Gankovsky Yu. V., Moskalenko V. N. *The Political Situation in Pakistan: The 1958 Coup d'État and Military Dictatorship*. Moscow, 1960 (in Russian)].

Гринберг [без И. О.] Агитационная работа в дни подготовки к выборам. *За сталинскую науку*. 1950. 2 марта. № 5 (82). С. 2 [Grinberg. Campaigning During the Election Campaign Period. *Za stalinskuyu nauku*. 1950. March 2. No. 5 (82). P. 2 (in Russian)].

Даянаев. Опыт стахановцев сделать достоянием всех сборщиков. *За сталинскую науку*. 1946. 17 ноября. № 11. С. 1 [Dayanaev. Make the Experience of the Stakhanovites the Common Property of All Cotton Pickers. *Za stalinskuyu nauku*. 1946. November 17. No 11. P. 1 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. Том V. 1 января 1922 г. — 19 ноября 1922 г. М.: Госполитиздат, 1961 [Documents on the Foreign Policy of the USSR. Vol. V. January 1, 1922 — November 19, 1922. Moscow, 1961 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. Том VI. 20 ноября 1922 г. — 31 декабря 1923 г. М.: Госполитиздат, 1962 [Documents on the Foreign Policy of the USSR. Vol. VI. November 20, 1922 — December 31, 1923. Moscow, 1962 (in Russian)].

Дубровская Д. В. Вячеслав Яковлевич Белокреницкий: об изучении Востока, о Пакистане, о дорогих коллегам и о везении (интервью). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 2. С. 60–92. DOI: 10.18254/S268684310026691–8 [Dubrovskaya Dinara V. Vyacheslav Y. Belokrenitsky: On the Study of the East, on Pakistan, on Colleagues, and on Luck (An Interview). *Oriental Courier*. 2023. No. 2. Pp. 60–92 (in Russian)]. DOI: 10.18254/S268684310026691–8.

Жданова М. *Цейлон (Шри-Ланка) в международных отношениях в Азии (60-е–первая половина 70-х годов). Специальный бюллетень* / Академия наук СССР. Институт востоковедения. № 3 (200). Научный редактор: Р. М. Мукимджанова. М.: Наука, ГРВЛ, 1978 [Zhdanova M. *Ceylon (Sri Lanka) in International Relations in Asia (the 1960s–the First Half of the 1970s). Spetsial'nyi byulleten'*. USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. No. 3 (200). Moscow, 1978 (in Russian)].

Инояттов Н. Отчётно-выборная кампания комсомола САГУ. *За сталинскую науку*. 1946. 14 октября. № 9. С. 1 [Inoyatov N. The Reporting and Election Campaign of the Komsomol Organization at the Central Asian State University. *Za stalinskuyu nauku*. 1946. October 14. No. 9. P. 1 (in Russian)].

Искандаров Р. Г. *К вопросу о помощи слаборазвитым странам*. М.: Издательство ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960 [Iskandarov R. G. *On the Issue of Assistance to Underdeveloped Countries*. Moscow: Publishing House of the Higher Party School and the Academy of Social Sciences under the CPSU Central Committee, 1960 (in Russian)].

Искандаров Р. Г. *Сотрудничество во имя социального прогресса*. М.: Знание, 1972 [Iskandarov R. G. *Cooperation for Social Progress*. Moscow, 1972 (in Russian)].

Книжная летопись: орган государственной библиографии СССР. 1959. № 4 (4158–5691). М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1959 [Book Chronicle: The State Bibliographic Organ of the USSR. 1959. No. 4 (4158–5691). Moscow, 1959 (in Russian)].

Книжная летопись: орган государственной библиографии СССР. 1962. № 7 (5454–6451). М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1962 [Book Chronicle: The State Bibliographic Organ of the USSR. 1962. No. 7 ((5454–6451). Moscow, 1962 (in Russian)].

Книжная летопись: орган государственной библиографии СССР. 1975. № 13 (10780–11657). М.: Книга, 1975 [Book Chronicle: The State Bibliographic Organ of the USSR. 1975. No. 13 (10780–11657). Moscow, 1975 (in Russian)].

Колыхалова Г. П., Редько И. Б. Индия. *Политика США в странах Южной Азии: Индия, Бирма, Индонезия*. Отв. ред. Б. Г. Гафуров / Академия наук СССР. Институт народов Азии. М.: ИВЛ, 1961. С. 36–136 [Kolykhalova G. P., Red'ko I. B. India. *U. S. Policy in the Countries of South Asia: India, Burma, and Indonesia*. Ed. by B. G. Gafurov. Moscow, 1961. Pp. 36–136 (in Russian)].

Компанцев И. М. Некоторые аспекты пакистано-индийских отношений и их влияние на формирование внешнеполитического курса Пакистана. *Специальный бюллетень*. № 8 (99) [Материалы рабочего совещания по проблемам современного Пакистана (февраль 1969 г., Москва)] / АН СССР. Институт востоковедения. Ред. группа: Ю. М. Ганковский, И. М. Компанцев, В. Н. Москаленко. М.: Наука, ГРВЛ, 1969. С. 183–198 [Kompantsev I. M. Some Aspects of Pakistan–India Relations and Their Influence on the Formation of Pakistan's Foreign Policy. *Spetsial'nyi byulleten'*. № 8 (99) / USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. Moscow, 1969. P. 183–198 (in Russian)].

Компанцев И. М. *Пакистан и Советский Союз* / Академия наук СССР. Институт востоковедения. М.: Наука, ГРВЛ, 1970 [Kompantsev I. M. *Pakistan and the Soviet Union*. Moscow, 1970 (in Russian)].

Комсомол Узбекистана (факты, цифры). Составители: Гафурджанов Э. Г., Егоркин В. Д., Мамаджанова Ф. Я. Ташкент: Ёш гвардия, 1966 [The Komsomol of Uzbekistan (Facts and Figures). Tashkent, 1966 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Экономическая экспансия американского империализма в Пакистане. *Политика США на Ближнем и Среднем Востоке (США и страны СЕНТО)*. Отв. ред. Б. Г. Гафуров / Академия наук СССР. Институт народов Азии. М.: ИВЛ, 1960. С. 313–343 [Kuz'min S. A. The Economic Expansion of American Imperialism in Pakistan. *U. S. Policy in the Near and Middle East (The United States and the CENTO Countries)*. Ed. by Gafurov B. G. Moscow, 1960. Pp. 313–343 (in Russian)].

Милибанд С. Д. *Библиографический словарь советских востоковедов* / Академия наук СССР, Институт востоковедения, Институт научной информации по общественным наукам. М.: Наука, 1975 [Miliband S. D. *Biobibliographical Dictionary of Soviet Orientalists*. Moscow, 1975 (in Russian)].

Милицанд С. Д. *Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов* / 2-е изд., перераб. и доп. Кн. II. М–Я. М.: Наука, 1995 [Miliband S. D. *Biographical and Bibliographical Dictionary of Soviet and Russian Orientalists*. Book II. M–Ya. Moscow, 1995 (in Russian)].

Милицанд С. Д. *Востоковеды России: XX — начало XXI в.: биобиблиографический словарь*: в 2 кн. / Ин-т востоковедения РАН; Ин-т научной информации по общественным наукам РАН. М.: Вост. лит., 2008. Кн. I: А–М [Miliband S. D. *Orientalists of Russia: The Twentieth and Early Twenty-First Centuries. A Biographical and Bibliographical Dictionary*: in two books. Moscow, 2008. Book I: A–M (in Russian)].

Мирский Г. И. Экспансионистская политика США на Ближнем и Среднем Востоке. *Народы Азии и Африки*. 1962. № 1. С. 165–168 [Mirsky G. I. U. S. Expansionist Policy in the Near and Middle East. *Narody Azii i Afriki*. 1962. No. 1. Pp. 165–168 (in Russian)].

Москаленко В. Внешняя политика Пакистана на современном этапе. *Специальный бюллетень* / АН СССР. № 55 [Основные проблемы внутривосточного развития и внешней политики (1964 г.)] / Академия наук СССР. Институт народов Азии. Под общей редакцией Ю. В. Ганковского. М.: Наука, ГРВЛ, 1965. С. 86–152 [Moskalenko V. Pakistan's Foreign Policy at the Present Stage. *Spetsial'nyi byulleten'*. No. 55 [Major Problems of Domestic Political Development and Foreign Policy (1964)] / Academy of Sciences of the USSR. Institute of the Peoples of Asia. Ed. by Yu. V. Gankovsky. Moscow, 1965. Pp. 86–152 (in Russian)].

Москаленко В. Внешняя политика Пакистана в 1967 г. *Специальный бюллетень* / АН СССР. № 8 (90) [Основные проблемы внутривосточного развития и внешней политики (1967 г.)] / Академия наук СССР. Институт народов Азии. Отв. редакторы выпуска: Ю. В. Ганковский, С. Ф. Левин. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. С. 63–96 [Moskalenko V. Pakistan's Foreign Policy in 1967. *Spetsial'nyi byulleten'*. No. 8 (90) [Major Problems of Domestic Political Development and Foreign Policy (1967)] / Academy of Sciences of the USSR. Institute of the Peoples of Asia. Ed. by Yu. V. Gankovsky and S. F. Levin. Moscow, 1968. Pp. 63–96 (in Russian)].

Москаленко В. Н. Перспективы пребывания Пакистана в военных блоках // «Специальный бюллетень». № 8 (99) [Материалы рабочего совещания по проблемам современного Пакистана (февраль 1969 г., Москва)] / АН СССР. Институт востоковедения. Ред. группа: Ю. М. Ганковский, И. М. Компанцев, В. Н. Москаленко. М.: Наука, ГРВЛ, 1969. С. 171–182 [Moskalenko V. N. Prospects for Pakistan's Continued Membership in Military Alliances. *Spetsial'nyi byulleten'*. No. 8 (99) / USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. Moscow, 1969. Pp. 171–182 (in Russian)].

Москаленко В. Н. [Рец. на:] Р. М. Мукимджанова. Пакистан, Южная Азия и политика США (60-е — начало 70-х гг.). М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 190 с. *Народы Азии и Африки*. 1975. № 4. С. 217–218 [Moskalenko V. N. [Rev. on:] R. M. Mukimdzhanova. Pakistan, Pakistan, South Asia, and U. S. Policy (the 1960s–Early 1970s). Moscow: Nauka, 1974. 190 pp. *Narody Azii i Afriki*. 1975. No. 4. Pp. 217–218 (in Russian)].

Москаленко В., Мукимджанова Р. Преодолевая прошлое. *Азия и Африка сегодня*. 1966. № 5. С. 41–43 [Moskalenko V., Mukimdzhanova R. Overcoming the Past. *Aziya i Afrika segodnya*. 1966. No. 5. Pp. 41–43 (in Russian)].

Мукимджанова. Улучшить работу с аспирантами в университете. *За сталинскую науку*. 1950. 13 мая. № 13 (91). С. 1 [Mukimdzhanova. Improving the Supervision of Graduate Students at the University. *Za stalin'skuyu nauku*. 1950. May 13. No. 13 (91). P. 1 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. «Мусульманская лига» и образование Пакистана. *Сборник студенческих работ Среднеазиатского государственного университета*. Выпуск II (Гуманитарные науки, востоковедение). Гл. ред. проф. Т. З. Захидов, отв. ред. доц. Н. А. Халфин. Ташкент: Издательство САГУ, 1951. С. 63–87 [Mukimdzhanova R. M. *The Muslim League and the Creation of Pakistan. Collected Student Papers of the Central Asian State University*. Issue II (Humanities: Oriental Studies). Tashkent, 1951. Pp. 63–87 (in Russian)].

Мукимджанова Р. Девушки солнечного Узбекистана. *Комсомолец Узбекистана*. 1952а. 8 марта. С. 3 [Mukimdzhanova R. Girls of Sunny Uzbekistan. *Komsomolets Uzbekistana*. 1952а. March 8. P. 3 (in Russian)].

Мукимджанова Р. Юные ленинцы Советского Узбекистана. *Комсомолец Узбекистана*. 1952б. 18 мая. С. 2 [Mukimdzhanova R. Young Leninists of Soviet Uzbekistan. *Komsomolets Uzbekistana*. 1952б. May 18. P. 2 (in Russian)].

Мукимджанова Р. Обеспечить пионерам и школьникам разумный летний отдых. *Комсомолец Узбекистана*. 1954а. 24 апреля. С. 2 [Mukimdzhanova R. Providing Pioneer Members and Schoolchildren with Meaningful Summer Recreation. *Komsomolets Uzbekistana*. 1954а. April 24. P. 2 (in Russian)].

Мукимджанова Р. С новыми силами за работу. *Комсомолец Узбекистана*. 1954б. 2 сентября. С. 2 [Mukimdzhanova R. With Renewed Energy, Back to Work. *Komsomolets Uzbekistana*. 1954б. September 2. P. 2 (in Russian)].

Муқимжонов Р. Пакистан. [Газета на узб яз.] *Тошкент ҳақиқати*. 1957. 10 декабря. С. 3 [Muqimjonova R. Pakistan. *Toshkent haqiqati*. 1957. December 10. P. 3 (in Uzbek)].

Мукимджанова Р. М. *Политика США в Пакистане в 1950–1956 годах*. Автореф... к. и. н. / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1958а [Mukimdzhanova R. M. *U. S. Policy toward Pakistan, 1950–1956*. PhD Thesis. Moscow: Publishing House of the Higher Party School and the Academy of Social Sciences under the CPSU Central Committee, 1958а (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. *Политика США в Пакистане в 1950–1956 годах*. Дисс... к. и. н. / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра новой истории. М., 1958б [Mukimdzhanova R. M. *U. S. Policy toward Pakistan, 1950–1956*. PhD Diss. Moscow, 1958б (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. Американская политика вовлечения Пакистана в агрессивные военные блоки на Ближнем и Среднем Востоке (1953–1956 гг.). *Учёные записки*. Вып. 42 / Академия общественных наук. Кафедра новой истории. Сборник статей по вопросам новейшей истории. М., 1958с. С. 101–127 [Mukimdzhanova R. M. U. S. Policy of Drawing Pakistan into Aggressive Military Alliances in the Middle East and South Asia (1953–1956). *Uchenye zapiski*. Issue 42 / Academy of Social Sciences. Department of Modern History. Collection of Articles on Problems of Contemporary History. Moscow, 1958с. Pp. 101–127 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. Экономическое проникновение США в Пакистан (1951–1956 гг.). *Краткие сообщения Института востоковедения* / Академия наук СССР. 1959. XXXI: Индия и Пакистан. С. 57–67 [Mukimdzhanova R. M. U. S. Economic Penetration into Pakistan (1951–1956). *Kratkie soobshcheniya Instituta vostokovedeniya*. 1959. XXXI: India and Pakistan. Pp. 57–67 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. *Политика США в Пакистане. 1947–1960*. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961 [Mukimdzhanova R. M. *U. S. Policy toward Pakistan, 1947–1960*. Moscow, 1961 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. Пакистан. *Страны Ближнего и Среднего Востока (Афганистан, Иран, Турция, Пакистан)*. Выпуск 1 / Всесоюзное общество «Знание», Научно-методический совет по пропаганде всеобщей истории и вопросов международной жизни. Институт народов Азии АН СССР. М.: Знание, 1964. С. 56–77 [Mukimdzhanova R. M. Pakistan. *Countries of the Middle East and South Asia (Afghanistan, Iran, Turkey, and Pakistan)*. Issue 1. Moscow, 1964. Pp. 56–77 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. Локханде, Нарян Мегхаджи. *Советская историческая энциклопедия*. Т. 8: Кошала — Мальта. М.: Советская энциклопедия, 1965. Столб. 764–765 [Mukimdzhanova R. M. Lokhande, Narayan Meghaji. *Soviet Historical Encyclopedia*. Vol. 8: Koshala–Mal'ta. Moscow, 1965. Stolb. 764–765 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. Английская политика по отношению к Пакистану. *Политика Англии в странах Южной и Юго-Восточной Азии*. Отв. ред. Г. Л. Бондаревский, В. И. Павлов / АН СССР. Институт народов Азии. М.: Наука, ГРВЛ, 1966а. С. 62–113 [Mukimdzhanova R. M. British Policy toward Pakistan. In: *British Policy in South and Southeast Asia*. Ed. by G. L. Bondarevsky, V. I. Pavlov. Moscow, 1966а. Pp. 62–113 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. Народное образование. *Пакистан. Справочник* / Академия наук СССР. Институт народов Азии. Ред. коллегия: Ю. В. Ганковский (отв. ред.) и др. М.: Наука, ГРВЛ, 1966б. С. 399–408 [Mukimdzhanova R. M. Public Education. *Pakistan. A Handbook*. Moscow, 1966б. Pp. 399–408 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. Пакистано-американские отношения на современном этапе (конец 1966 — первое полугодие 1968 г.). *Специальный бюллетень*. № 9 (91) / Академия наук СССР. Институт народов Азии. Отв. редакторы: Г. Л. Бондаревский, Б. Г. Сапожников, Г. Г. Кочарьянц. М.: Наука, ГРБЛ, 1968. С. 55–68, [литература] 207–208 [Mukimdzhanova R. M. Pakistan–U.S. Relations at the Present Stage (Late 1966 — First Half of 1968). *Spetsial'nyi byulleten'*. No. 9 (91) / Academy of Sciences of the USSR. Institute of the Peoples of Asia. Ed. G. L. Bondarevsky, B. G. Sapozhnikov, and G. G. Kocharyants. Moscow, 1968. Pp. 55–68, 207–208 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. О пакистано-американских отношениях. *Специальный бюллетень*. № 8 (99) [Материалы рабочего совещания по проблемам современного Пакистана (февраль 1969 г., Москва)] / АН СССР. Институт востоковедения. Ред. группа: Ю. М. Ганковский, И. М. Компанцев, В. Н. Москаленко. М.: Наука, ГРБЛ, 1969а. С. 199–209 [Mukimdzhanova R. M. On Pakistan–U.S. Relations. *Spetsial'nyi byulleten'*. No. 8 (99) / USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. Moscow, 1969а. Pp. 199–209 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. Пакистан [в гл.: Антикоммунизм в политике некоторых азиатских государств]. *Специальный бюллетень* [Теория и практика антикоммунизма в странах Азии] / АН СССР. Институт востоковедения. № 14 (105). М.: Наука, ГРБЛ, 1969b. С. 154–168 [Mukimdzhanova R. M. Pakistan [in chapter: *Anti-Communism in the Policies of Certain Asian States*] *Spetsial'nyi byulleten'* [Theory and Practice of Anti-Communism in Asian Countries] / USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. No. 14 (105). Moscow, 1969b. Pp. 154–168 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. Америко-пакистанские отношения в 1969 г. *Специальный бюллетень*. № 7 (112) / АН СССР. Институт востоковедения. М.: Наука, ГРБЛ, 1970 [Mukimdzhanova R. M. U.S. — Pakistan Relations in 1969. *Spetsial'nyi byulleten'*. No. 7 (112) / USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. Moscow, 1970 (in Russian)].

Мукимджанова Р. Отношения Пакистана с Индией в 60-х годах. *Специальный бюллетень*. № 8 (136) [Корни индо-пакистанского конфликта (60-е — начало 70-х гг.)] / АН СССР. Институт востоковедения. Научный редактор: Г. Л. Бондаревский. М.: Наука, ГРБЛ, 1972а. С. 5–58, [литература] 194–199 [Mukimdzhanova R. Pakistan–India Relations in the 1960s. *Spetsial'nyi byulleten'*. No. 8 (136) [The Roots of the Indo–Pakistan Conflict (the 1960s–Early 1970s)] / USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. Moscow, 1972а. Pp. 5–58, 194–199 (in Russian)].

Мукимджанова Р. Политический кризис в Пакистане и новое обострение отношений Пакистана с Индией (начало 70-х годов). *Специальный бюллетень*. № 8 (136) [Корни индо-пакистанского конфликта (60-е — начало 70-х гг.)] / АН СССР. Институт востоковедения. Научный редактор: Г. Л. Бондаревский. М.: Наука, ГРБЛ, 1972b. С. 104–139, [литература] 206–209 [Mukimdzhanova R. The Political Crisis in Pakistan and the Renewed Deterioration of Pakistan–India Relations (Early 1970s). *Spetsial'nyi byulleten'*. No. 8 (136) [The Roots of the Indo–Pakistan Conflict (the 1960s — Early 1970s)] / USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. Moscow, 1972b. Pp. 104–139, 206–209 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. *Пакистан, Южная Азия и политика США. (60-е–начало 70-х гг.)*. М.: Наука, 1974 [Mukimdzhanova R. M. *Pakistan, South Asia, and U. S. Policy (the 1960s–Early 1970s)*. Moscow, 1974 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. Внешняя политика Пакистана в 1973 г. *Специальный бюллетень* [Основные проблемы внутриполитического развития и внешней политики Пакистана (1973 г.)] / Академия наук СССР. Институт востоковедения. № 8 (171). Отв. редакторы: Ю. В. Ганковский, С. Ф. Левин, В. Н. Москаленко. М.: Наука, ГРБЛ, 1975а. С. 55–84, [литература] 218–221 [Mukimdzhanova R. M. Pakistan's Foreign Policy in 1973. *Spetsial'nyi byulleten'* / USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. No. 8 (171). Moscow, 1975а. Pp. 55–84, 218–221 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. Отношения Пакистана со странами Азии. *Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке после Второй мировой войны (1945–1955)* / Ред. колл.: Г. Л. Бондаревский, М. С. Капица, Г. П. Колыханова, Р. М. Мукимджанова / Академия наук СССР. Институт востоковедения. М.: Наука, ГРБЛ, 1975b. С. 66–97, [примечания] 376–379 [Mukimdzhanova R. M. Pakistan's Relations with the Countries of Asia. In: *Essays on International Relations in South Asia, Southeast Asia, and the Far East after the Second World War (1945–1955)*. Moscow, 1975b. Pp. 66–97, 376–379 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. Внешняя политика правительства З. А. Бхутто в 1974 г. [Внешняя политика Пакистана в 1974 г.]. *Специальный бюллетень* [Основные проблемы внутривосточного развития и внешней политики Пакистана (1974–1975 гг.)] / Академия наук СССР. Институт востоковедения. № 4 (179). Отв. редакторы: Ю. В. Ганковский, В. Н. Москаленко. М.: Наука, ГРВЛ, 1976. С. 31–67, [литература] 224–228 [Mukimdzhanova R. M. The Foreign Policy of the Z. A. Bhutto Government in 1974 [Pakistan's Foreign Policy in 1974]. *Spetsial'nyi byulleten'* [Major Issues in Pakistan's Domestic Political Development and Foreign Policy (1974–1975)] / USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. No. 4 (179). Moscow, 1976. Pp. 31–67, 224–228 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. Отношения Пакистана с КНР в 1972–1977 гг. *Специальный бюллетень* [Азия, Африка и Китай] / Академия наук СССР. Институт востоковедения. № 4 (201). Отв. редакторы: А. М. Хазанов, В. И. Данилов. М.: Наука, ГРВЛ, 1978а. С. 5–24 [Mukimdzhanova R. M. Pakistan's Relations with the People's Republic of China, 1972–1977. *Spetsial'nyi byulleten'* / USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. № 4 (201). Moscow, 1978а. Pp. 5–24 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. Противоречия в блоковой политике Пакистана. *Международные отношения в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке (1955–1965 гг.)* / Академия наук СССР. Институт востоковедения. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 148–160 [Mukimdzhanova R. M. Contradictions in Pakistan's Bloc Policy. *International Relations in South Asia, Southeast Asia, and the Far East (1955–1965)* / Academy of Sciences of the USSR. Institute of Oriental Studies. Moscow, 1978. Pp. 148–160 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. *Пакистан и империалистические государства, 1947–1984*. Дисс... д-ра ист. наук.: 07.00.05. М., 1986 [Mukimdzhanova R. M. *Pakistan and the Imperialist States, 1947–1984*. Dr. Hab. Diss. Moscow, 1986 (in Russian)].

Мукимджанова Р. М. [Рец. на:] В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко. История Пакистана. XX век. *Восток. Афро-азиатские общества: История и современность*. 2009. № 1. С. 193–196 [Mukimdzhanova R. M. [Rev. on:] V. Ya. Belokrenitsky, V. N. Moskalenko. *History of Pakistan: The Twentieth Century*. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 2009. No. 1. Pp. 193–196 (in Russian)].

Пленум Центрального комитета ЛКСМ Узбекистана. *Комсомолец Узбекистана* [Ташкент]. 1952а. 1 марта. С. 1 [Plenum of the Central Committee of the Leninist Young Communist League of Uzbekistan. *Komsomolets Uzbekistana* [Tashkent]. 1952а. March 1. P. 1 (in Russian)].

Пленум Центрального комитета ЛКСМ Узбекистана. [Газета] *Правда Востока* [Ташкент]. 1952b. 1 марта. С. 1 [Plenum of the Central Committee of the Leninist Young Communist League of Uzbekistan. *Pravda Vostoka* [Tashkent]. 1952b. March 1. P. 1 (in Russian)].

Пленум Центрального комитета ЛКСМ Узбекистана. *Комсомолец Узбекистана* [Ташкент]. 1954. 26 января. С. 1 [Plenum of the Central Committee of the Leninist Young Communist League of Uzbekistan. *Komsomolets Uzbekistana* [Tashkent]. 1954. January 26. P. 1 (in Russian)].

Примаков Е. М. *Анатомия ближневосточного конфликта*. М.: Мысль, 1978 [Primakov E. M. *Anatomy of the Middle East Conflict*. Moscow, 1978 (in Russian)].

Райкова И. А., Иноятлов Н. Ш. Выше научную инициативу. *За сталинскую науку*. 1946. 30 мая. № 2. С. 2 [Raykova I. A., Inoyatov N. Sh. Raise the Level of Scientific Initiative. *Za stalinskuyu nauku* [Tashkent]. 1946. May 30. No. 2. P. 2 (in Russian)].

Резолюция XIV съезда ЛКСМ Узбекистана «О работе комсомола в школах республики» (По докладу секретаря ЦК ЛКСМУз т. Мукимджановой). Ташкент, 1954 [Resolution of the 14th Congress of the Leninist Young Communist League of Uzbekistan, "On the Work of the Komsomol in the Republic's Schools" (Based on the Report of Comrade Mukimdzhanova, Secretary of the Central Committee of the Leninist Young Communist League of Uzbekistan)]. Tashkent, 1954 (in Russian)].

Серенко И. Россия и Пакистан на пути к взаимовыгодному сотрудничеству. *Азия и Африка сегодня*. 2008. № 10. С. 7–10 [Serenko I. Russia and Pakistan on the Path toward Mutually Beneficial Cooperation. *Aziya i Afrika segodnya*. 2008. No. 10. Pp. 7–10 (in Russian)].

Съезд комсомола Узбекистана. *Правда Востока*. 1952. 26 февраля. С. 1 [Congress of the Komsomol of Uzbekistan. *Pravda Vostoka*. 1952. February 26. P. 1 (in Russian)].

Халмирзаев Т. Место московской школы востоковедения в подготовке индологических кадров Узбекистана. *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 24. Индия: история и историография / Отв. ред. выпуска Т. Н. Загородникова. — М.: ИВ РАН, 2019. С. 214–223 [Khalmirzaev T. The Place of the Moscow School of Oriental Studies in the Training of Indologists in Uzbekistan. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*. Issue 24. India: History and Historiography. Ed. by T. N. Zagorodnikova. Moscow, 2019. Pp. 214–223 (in Russian)].

Центральный Комитет ЛКСМ Узбекистана, избранный XIII съездом. *Комсомолец Узбекистана* [Ташкент]. 1952. 1 марта. С. 1 [Central Committee of the Leninist Young Communist League of Uzbekistan Elected by the 13th Congress. *Komsomolets Uzbekistana* [Tashkent]. 1952. March 1. P. 1 (in Russian)].

Центральный Комитет ЛКСМ Узбекистана, избранный XIV съездом ЛКСМУз. *Комсомолец Узбекистана* [Ташкент]. 1954. 28 января. С. 1 [Central Committee of the Leninist Young Communist League of Uzbekistan Elected by the 14th Congress. *Komsomolets Uzbekistana* [Tashkent]. 1954. January 28. P. 1 (in Russian)].

Шаститко П. М. Предисловие. *Слово об учителях: московские востоковеды 30–60-х годов*. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. С. 3–13 [Shastitko P. M. Preface. *A Word about the Teachers: Moscow Orientalists of the 1930s-1960s*. Moscow, 1988. Pp. 3–13 (in Russian)].

Энциклопедия Пакистана / РАН. Ин-т востоковедения, Ассоц. друзей Пакистана / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. М.: Фундамент Пресс, 1998 [*Encyclopedia of Pakistan* / Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies, Association of Friends of Pakistan / Ed. by Yu. V. Gankovsky. Moscow, 1998 (in Russian)].

Abdusamatov M. *O'zbekiston sharqshunoslari (bibliografik ocherk)*. Tashkent: Qomuslar Bosh tahririyati, 1996 [Abdusamatov M. *Orientalists of Uzbekistan (A Bibliographical Essay)*. Tashkent, 1996] (in Uzbek).

Danilin I. Association for Friendship with the Peoples of South and South-East Asia. *Moscow Times*. 1979. № 43. November 4–11. P. 7.

Moskalenko V. Pakistan's Foreign Policy. *Asian Survey*. 1974. Vol. 14. No. 3. Pp. 267–278.

Pakistan. *The Journal of Asian Studies*. 1968. Vol. 27. Issue 5. Pp. 252–260.

Электронные ресурсы / Online resources

Railya Muqimjonova, Railya Muhsinovna Muqimjonova. URL: // https://uz.wikipedia.org/wiki/Railya_Muqimjonova [на узб. яз.] (дата обращения: 16.05.2026).

**АКАДЕМИК НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК АРМЕНИИ,
ВОСТОКОВЕД-ТЮРКОЛОГ РУБЕН САФРАСТЯН.
К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

© 2026

С. М. Степанянц¹

В статье рассматриваются основные этапы научной, педагогической, организационной и общественной деятельности Рубена Арамовича Сафрастяна, академика Национальной академии наук Республики Армения, ведущего специалиста в области востоковедения и тюркологии. Особое внимание уделяется его месту в развитии армянской школы востоковедения и тюркологии, а также преемственности семейной научно-просветительской традиции, связанной с именем Арама Хачатуровича Сафрастяна. В статье реконструируются основные этапы биографии Рубена Сафрастяна и основные направления его исследовательской работы. Кроме того, освещается его вклад в подготовку научных кадров, в создание и развитие академических изданий, в расширение международного научного сотрудничества. Рассматривается также его дипломатическая и общественная деятельность.

Ключевые слова: Р. А. Сафрастян, Османская империя; Турецкая Республика; востоковедение; тюркология; геноцид

Для цитирования: Степанянц С. М. Академик Национальной академии наук Армении, востоковед-тюрколог Рубен Сафрастян. К 70-летию со дня рождения. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 153–157. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-153-157

**ACADEMICIAN OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF ARMENIA,
ORIENTALIST AND TURKOLOGIST RUBEN SAFRASYAN.
FOR THE OCCASION OF HIS 70TH BIRTHDAY**

Stepan M. Stepanyants

The article examines the main stages of the scholarly, pedagogical, institutional, and public activity of Ruben Aramovich Safrastyan, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia and a leading specialist in Oriental studies and Turkology. Particular attention is paid to his place in the development of the Armenian school of Oriental studies and Turkology, as well as to the continuity of the family scholarly and educational tradition associated with the name of Aram Khachaturovich Safrastyan. The article reconstructs the principal stages of Ruben Safrastyan's biography and the main directions of his research. It also highlights his contribution to the training of academic personnel, to the establishment and development of scholarly periodicals, and to the expansion of international academic cooperation. His diplomatic and public activity is also discussed.

¹ Степанянц Степан Мигранович, доктор исторических наук РФ и РА, профессор кафедры всемирной истории и зарубежного регионоведения, Ереван; stepan.stepanyants@mail.ru

Stepan M. Stepanyants, DSc (Hist.) of the Russian Federation and the Republic of Armenia, Professor at the Department of World History and Foreign Regional Studies, Yerevan, stepan.stepanyants@mail.ru

Keywords: R.A. Safrastyan, Ottoman Empire, Republic of Türkiye, Oriental Studies, Turkology, Genocide

For citation: Stepanyants S. M. Academician of the National Academy of Sciences of Armenia, Orientalist and Turkologist Ruben Safrastyan. For His 70th Birthday. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 153–157. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-153-157

Академик НАН Республики Армения Рубен Арамович Сафрастян является одним из ярких представителей востоковедческой школы, корнями уходящей в Российскую империю и Советский Союз, давшей миру таких видных учёных-востоковедов, как В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, И. А. Орбели, М. Б. Пиотровский, К. П. Патканов и многих других.

Р. А. Сафрастян, будучи крупным учёным и общественным деятелем, известен как гуманист и человек-практик, то есть обладатель свойств, так необходимых в наше сложное время.

Он пользуется всенародной любовью, а также неоспоримым авторитетом как в научных кругах востоковедов-тюркологов, так и историков, филологов, философов и др.

Р. А. Сафрастян родился в армянской семье, предки были выходцами из древнего города Ван, вот почему учёный трепетно и с особой любовью относится к богатому наследию ванских армян.

Представители семьи академика Р. А. Сафрастяна на протяжении двух веков занимались научно-преподавательской деятельностью в самых различных образовательных заведениях на территории Османской империи и России. Дед академика, Арам Хачатурович Сафрастян, являлся ярким представителем западноармянской интеллигенции, был известным учёным, востоковедом-тюркологом. После окончания в 1915 году Стамбульского университета он преподавал в престижном Галатасарайском лицее Стамбула. Однако антиармянская политика турецких властей заставила его и семью в 1919 году эмигрировать из Османской империи в Армению. Находясь в Армении, он был избран депутатом парламента. Затем переехал в Тбилиси, преподавал в высших учебных заведениях Грузии, защитил кандидатскую диссертацию, внёс свою лепту в создание азербайджанского алфавита на основе латиницы. Позже он переехал в Советскую Армению, став одним из основателей востоковедения и тюркологии в армянской науке [Sahakyan, 1963, p. 117].

Именно научная деятельность деда, востоковеда-тюрколога, привила Рубену Арамовичу любовь к науке.

Р. А. Сафрастян родился в Ереване 5 октября 1955 года. Избрав специальность востоковеда, Р. Сафрастян в 1977 году окончил отделение тюркологии факультета востоковедения ЕГУ, а уже в 1980 году — и аспирантуру при Институте востоковедения Академии наук Армении. В 1981 году он поступил на работу в Институт востоковедения НАН Армении в качестве младшего научного сотрудника, а вскоре стал ведущим научным сотрудником института. С 1999 года возглавил отдел Турции института. С 2006 по 2020 год Р. А. Сафрастян являлся директором Института востоковедения НАН РА.

Крупным научным достижением Р. Сафрастяна стала его кандидатская диссертация (1983), в виде монографии вышедшая на русском языке в 1985 г. под названием «Доктрина османизма в политической жизни Османской империи (50–70-е гг. XIX в.)». Капитальная научная монография даёт решительный отпор утверждениям турецкой историографии о том, что принятие правительствами Османской империи османизма в качестве официальной доктрины явилось началом либерализации и демократизации османского общества, в котором всем национальным и конфессиональным меньшинствам якобы были гарантированы равные политические права [Сафрастян, 1985, с. 6]. Для работы над своей кандидатской диссертацией кроме архивов Армении он всесторонне, глубоко и тщательно изучил и исследовал также российские архивы, в том числе Архив внешней политики Российской империи, Государственный архив Российской Федерации и Центральный

архив Министерства обороны Российской Федерации, всесторонне применив при этом метод сравнительного исторического анализа.

В 2007 году Р. А. Сафрастяну было присвоено учёное звание профессор. В 2009 году он защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук по теме геноцида армянского народа в Османской империи. В изданной в Москве монографии он, в частности, отмечает, что «исследование геноцида как величайшего зла, постигшего человечество в прошлом и имеющего место в настоящее время, чрезвычайно актуально и в научном, и в практическо-политическом отношении», и «те, кто его готовит и совершает, являются преступниками, стремящимися тем или иным способом скрыть факт преступления» [Сафрастян, 2024, с. 7].

В 2010 году известный востоковед был избран членом-корреспондентом НАН РА, а в 2014 году — действительным членом НАН РА.

Область научных исследований и сферы научных интересов академика Р. Сафрастяна широка. Она охватывает османистику и тюркологию, изучение геноцида, новую и новейшую историю, регионоведение, проблемы государствоведения. Этим вопросам посвящены около 200 исследований и статей, изданных как в Армении, так и за рубежом на английском, французском, испанском, немецком, португальском, турецком, болгарском и ряде других языков [Arevelagitut'yan harts'er, 2015, pp. 175–177].

Несмотря на свою огромную занятость, он является учредителем целого ряда научных журналов, в том числе «Тюркологические и османистические исследования» (2002), «Современная Евразия» (2012), а также входит в состав редакционных советов российских научных периодических изданий «ASIATICA: Труды по философии и культурам Востока» (СПбГУ), «Россия и новые государства Евразии» (ИМЭМО РАН), «Ближний и Постсоветский Восток» (ИНИОН РАН). Кроме того, он — иностранный член кафедры турецких и современных азиатских исследований Национального и Каподистрийского университета (Афины, Греция) и научных и редакционных советов ряда зарубежных научных центров и журналов.

Академик Р. А. Сафрастян также соавтор школьных учебников по всемирной истории, ответственный редактор и соавтор университетского учебника «История Турецкой Республики», выдержавшего три издания, и академического многотомника «История сопредельных с Арменией стран». Важным научным трудом академика Сафрастяна является монография «Мустафа Кемаль: борьба против Республики Армения (1919–1921)» [Safrastyan, 2019]. В ней на основе турецких документов, в том числе вышедших из-под пера Мустафы Кемаля, рассматриваются основные направления и цели политики кемалистов в отношении Республики Армения.

Значителен вклад Р. А. Сафрастяна не только в науку, но и в образование. Под его руководством большое количество молодых специалистов защитили научные диссертации и магистерские работы. С 1983 г. по настоящее время он преподаёт в вузах Еревана, а в 2015–2020 годах являлся заведующим кафедрой методологии преподавания всемирной истории Армянского государственного педагогического университета.

Его навыки учёного-исследователя оказались востребованы за границей. Он стал победителем международного научного конкурса имени Гумбольдта (ФРГ) и в 1999–2000 годы вел исследовательскую работу в университете немецкого города Бохум (Рурский университет). В 2001 году стал победителем международной образовательной программы имени Фулбрайта (США) и один год занимался научными исследованиями в Калифорнийском университете Беркли. В 2002 году Р. А. Сафрастян стал победителем конкурса по исследованиям в сфере международной политики, объявленного Центральноевропейским университетом (Будапешт, Венгрия), и год занимался

исследовательской работой в Центре политологических исследований этого университета [Melkonyan, 2026, pp. 301–304].

Кроме широкой научной, педагогической и исследовательской работы, Р. А. Сафрастян за своими плечами имеет опыт государственной, дипломатической и общественной деятельности. В 1991–1992 годах он являлся старшим экспертом по международным отношениям в Верховном Совете Армении, в 1992–1996 годах — заместителем руководителя департамента по стратегическому анализу при администрации президента Армении. В 1996–1997 годах вёл дипломатическую работу в Германии — работал советником посольства Армении в Бонне. Также участвовал в ряде важных переговоров, имеющих для Армении стратегическое значение.

С 2009 по 2018 год и с 2025 года Р. А. Сафрастян является членом Общественного совета Армении. Его общественная деятельность не ограничивается Арменией: он в течение ряда лет входит в Высший консультативный совет Международного союза неправительственных организаций «Ассамблея Народов Мира» (штаб-квартира в г. Москве). Как опытный аналитик и эксперт, он часто выступает по животрепещущим вопросам и проблемам.

За свою плодотворную научную и активную общественную деятельность академик Р. Сафрастян неоднократно удостоивался государственных наград. В частности, в 2008 году за достижения в области общественных наук он был награждён медалью «Мовсес Хоренаци». Активная общественная деятельность Р. Сафрастяна отмечена и в России: в 2023 г. он был награжден Почётной грамотой Ассамблеи народов России «за вклад в укрепление дружбы между народами России и Армении».

В 2021 году Рубен Сафрастян был включён во французское биографическое издание *Le dictionnaire biographique: Arméniens d'hier & d'aujourd'hui* как один из выдающихся представителей армянства прошлого и настоящего [Heratchian, Krikorian, 2021].

Литература / References

Даниелян Р. Арам Хачатурович Сафрастян: К 75-летию со дня рождения востоковеда-тюрколога. *Народы Азии и Африки*. 1963. № 6. С. 271 [Danielyan R. Aram Khachaturovich Safrastyan: On the 75th Anniversary of the Birth of the Orientalist and Turkologist. *Narody Azii i Afriki*. 1963. No. 6. P. 271 (in Russian)].

Сафрастян Р. *Османская империя: программы геноцида*. М.: Книжный мир, 2024 [Safrastyan R. *The Ottoman Empire: Programs of Genocide*. Moscow: Knizhny Mir, 2024 (in Russian)].

Сафрастян Р. *Доктрина османизма в политической жизни Османской империи (50–70-е гг. XIX в.)*. Ереван: Академия наук Армянской ССР, 1985 [Safrastyan R. *The Doctrine of Ottomanism in the Political Life of the Ottoman Empire, 1850s-1870s*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1985 (in Russian)].

Heratchian H., Krikorian A. *Le dictionnaire biographique: Arméniens d'hier et d'aujourd'hui*. Bayeux: Kirk Publishing, 2021. P. 484 [Heratchian H., Krikorian A. *Biographical Dictionary: Armenians of Yesterday and Today*. Bayeux: Kirk Publishing, 2021. P. 484 (in French)].

На армянском языке

Arevelagitut'yan harts'er (Gitakan hodvatsneri parberakan zhoghovatsu), No. 10: *Nvirvum e akademikos Ruben Safrastyani tsundyan 60-amyakin*. Yerevan: Yerevani petakan hamalsaran, 2015. էջ. 175–177 [Problems of Oriental Studies (Scholarly Periodical Journal), No. 10: Dedicated to the 60th Birthday Anniversary of the Full Member of ANAS Ruben Safrastyan. Yerevan: Yerevan State University, 2015. Pp. 175–177 (in Armenian)].

Melkonyan A. Ruben Safrastyan. Tsnndyan 70-rd taredardzi ev gitamankavarzhakan gortsuneut'yan 45-amyaki art'iv. *Patmabanasirakan bandes*. 2026. No. 1. ėj 301–304 [Melkonyan A. Ruben Safrastyan: On the Occasion of 70th Anniversary of His Birth and the 45th Anniversary of His Scholarly and Pedagogical Activity. *Patmabanasirakan bandes*. 2026. No. 1. Pp. 301–304 (in Armenian)].

Safrastyan R. *Osmanyen Kaysrut'yun. Tseghaspanut'yan tsragri tsagumnabanut'yuny (1876–1920 t't')*. Yerevan: Lusakn, 2009 [Safrastyan R. *Ottoman Empire: Genesys of the Program of Genocide (1876–1920)*. Yerevan: Lusakn, 2009 (in Armenian)].

Safrastyan R. *Must'afa K'emal: Payk'ar Hayastani Hanrapetut'yan dem (1919–1921 t't')*. Yerevan: Tir, 2019 [Safrastyan R. Mustafa Kemal: The Struggle against Republic of Armenia (1919–1921). Yerevan: Tir, 2019 (in Armenian)].

Sahakyan R. Avagaguyn t'urk'agety. *HSSR GA Tėgbekagir hasarakakan gitut'yunneri*. 1963. № 8. ėj 117–120 [Sahakyan R. The Foremost Turkologist. *HSSR GA Tėgbekagir hasarakakan gitut'yunneri*. 1963. No. 8. Pp. 117–120 (in Armenian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-158-169

ЭКОЛОГИЯ И СОЦИУМ В ЮЖНОЙ АЗИИ. ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ

© 2026

А. А. Зайцев¹

В статье дан обзор международной научной конференции «Экология и социум в Южной Азии: внутренние и внешние факторы», проведённой Институтом востоковедения РАН в смешанном, онлайн-офлайн, формате в период 20–21 мая 2026 г. Тема конференции нашла большой отклик у исследователей из таких научных и научно-образовательных учреждений, как ИВ РАН, ИМЭМО РАН, ИКСА РАН, ИЭА РАН, ИСАА МГУ, ФМП МГУ, МГИМО, НИУ ВШЭ, РУДН, МГЮА, Финансовый университет, МИД РФ, Россотрудничество, СПбГУ, МАЭ РАН Кунсткамера, ЛГПУ, Центр по развитию социально-культурных связей «Атлас». В конференции активное участие приняли индийские коллеги из Jawaharlal Nehru University и Karnal University. Первый день конференции был посвящён общим вопросам экологии Южной Азии, роли гражданского общества в решении проблем окружающей среды и государственной политике Индии, Шри-Ланки, Бутана в этой сфере. Во второй день конференции рассматривались подробно экологические проблемы отдельных регионов Южной Азии, взаимодействие экологии и экономики, исторический и внешнеполитический аспекты данной проблемы.

Ключевые слова: Южная Азия, Индия, Бангладеш, Пакистан, Бутан, Шри-Ланка, экология, окружающая среда, конференция

Для цитирования: Зайцев А. А. Экология и социум в Южной Азии. Обзор конференции. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 158–169. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-158-169

ECOLOGY AND SOCIETY IN SOUTH ASIA. A CONFERENCE REVIEW

Andrey A. Zaytsev

The article provides an overview of the conference «Ecology and society in South Asia: internal and external factors», held by the Institute of Oriental Studies RAS in online and off-line formats in 20–21 May 2026. The topic of the conference found a great response from many researchers. Specialists from various research institutes and universities of Russia, like Institute of Oriental Studies RAS, IMEMO RAS, Institute of China and Modern Asia RAS, IAAS MSU, Faculty of World Politics MSU, MGIMO, HSE, RUDN, MSYuA, Financial University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Rossotrudnichestvo, St. Petersburg State University, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera, Lipetsk State Pedagogical University, Center for

¹ Зайцев Андрей Алексеевич, лаборант-исследователь Центра индийских исследований Института востоковедения РАН, Москва; andrey.zaytsev1998@yandex.ru

Andrey A. Zaytsev, Research Assistant, Center for Indian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; andrey.zaytsev1998@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4099-3804

the development of social and cultural relations «Atlas» along with the colleagues from India (JNU, Karnal University) took part in the discussion.

The first day of the conference « Ecology and society in South Asia: internal and external factors » enlightened general environmental issues in South Asia, the role of civil society in solving environmental problems and the state policy of India, Sri Lanka and Bhutan in this area. Environmental problems of particular regions of South Asia, the interaction of ecology and economics, historical and foreign policy aspects of this problem were examined during the second day of the conference.

Keywords: South Asia, India, Bangladesh, Pakistan, Bhutan, Sri Lanka, ecology, environment, conference

For citation: Zaytsev A. A. Ecology and Society in South Asia. A Conference Review. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 158–169. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-158-169

20–21 мая 2026 г. в Центре индийских исследований Института востоковедения РАН состоялась шестнадцатая международная конференция в рамках исследовательского проекта «Индия: перспективы современного развития», инициатором которого является ИВ РАН. В 2026 году основной темой конференции выбрана экология и окружающая среда. В ней предлагалось рассмотреть не только воздействие природной среды на все стороны человеческой жизни, социальной и индивидуальной, экономической и политической, но и то, в какой степени страны Южной Азии подчиняются общим закономерностям взаимоотношений человеческих сообществ и окружающей среды и в какой степени они проявляют специфические черты, свойственные данному региону. Тема конференции — «Экология и социум в Южной Азии: внутренний и внешний факторы» оказалась достаточно интересной и нашла большой отклик у исследователей из разных научных и научно-образовательных учреждений.

В конференции помимо сотрудников ИВ РАН приняли участие исследователи, научные сотрудники, аспиранты и студенты таких организаций и институтов, как ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова, ИКСА РАН, ИЭА РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, ФМП при МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО, МИД РФ, Россотрудничество, НИУ ВШЭ, РУДН им. Патриса Лумумбы, МГЮА им. О. Е. Кутафина, Финансовый университет при Правительстве РФ, СПбГУ, МАЭ РАН им. Петра Великого (Кунсткамера), ЛГПУ им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского, Центр по развитию социально-культурных связей «Атлас», Jawaharlal Nehru University (Индия), Karnal University (Индия).

На открытии конференции 20 мая 2026 г. прозвучали приветственные выступления директора Института востоковедения РАН, доктора исторических наук А. К. Аликберова и руководителя Центра индийских исследований Института востоковедения РАН, кандидата исторических наук Т. Л. Шаумян, а также посла Республики Индия в Российской Федерации Виная Кумара. А. К. Аликберов отметил многообразие представленных в программе мероприятия докладов, а также актуальность темы. Посол Республики Индия в РФ Винай Кумар зачитал объёмный доклад о современном состоянии окружающей среды в Индии, необходимости обсуждения экологических проблем на научных конференциях и возможности сотрудничества России и Индии в данном направлении. К участию в конференции было одобрено 50 тезисов. Фактически в ходе двух дней сессионных заседаний было заслушано 45 докладов.

На пленарном заседании в первый день обсуждались общие вопросы экологии в Южной Азии. Сессия открылась сообщением *Н. Н. Алексеевой* (МГУ) «**Достижения и противоречия современного этапа экологического развития Индии**». Нина Николаевна отметила в докладе экологический дисбаланс в Индии вследствие быстрой индустриализации и устойчивого

экономического роста страны с 1990-х годов, а также климатических изменений, от последствий которых Индия страдает в значительной степени. Н. Н. Алексеева рассказала об экономических инициативах Индии, связанных с экологией, Национальной стратегии и плане действий по сохранению биоразнообразия (NBSAP) на 2024–2030 гг., росте прямых иностранных инвестиций в экологические проекты. Однако реальное исполнение экологических инициатив в Индии тормозится из-за недостаточной институциональной координации, коррупции, противоречий целей экологического и экономического развития, негативного влияния на природу крупных корпораций. Ключевой проблемой остаётся разрыв между политическими амбициями и реальным воплощением поставленных задач. Всё это говорит о масштабе и сложности проблем, стоящих перед современной Индией в области экологического развития.

Продолжил тему В. П. Кашин (ИВ РАН) в докладе **«Экология современной Индии: земля, вода, воздух»**. Валерий Петрович рассказал о низких позициях Индии в мировых рейтингах состояния окружающей среды, загрязнённости индийских городов, влиянии на процессы бурного экономического роста, демографической ситуации, роста урбанизации и изменений климата. Об экологической политике страны рассказал С. И. Лунёв (МГИМО, ИВ РАН) в докладе **«Эффективность экологической политики Индии в XXI в.»**. Сергей Иванович отметил стремление правительства Индии к прагматизму в вопросах экологии, который слабо сочетается с преодолением экосистемного кризиса и приводит к незначительным результатам. На международной арене Индия стремится показать себя серьёзным и надёжным игроком, способным идти на уступки, но не за счёт своих жизненно важных интересов, особенно высоких темпов экономического развития. При этом внешняя экологическая политика Дели позитивно влияет на отношения со странами Глобального Юга и вызывает рост их доверия к Индии.

Арчана Упадхьяй (Jawaharlal Nehru University, Индия) в сообщении **«Religious Traditions and Environmental Practice in India»** отметила влияние религиозных традиций индусов, сикхов, буддистов, джайнов и верований племён на состояние окружающей среды. В индийских религиозных традициях реки, горы, деревья и животные описываются как проявления божественного и, следовательно, считаются священными. В ведийских гимнах, посвящённых природе, в джайнских доктринах ахимсы (ненасилия) и в культурных традициях общин *адиваси*² природе придаётся внутренняя ценность и священная идентичность. Арчана Упадхьяй утверждает, что хотя сакральные представления о реках, лесах и животных обеспечивают мощную культурную легитимность для сохранения природы и мобилизации на низовом уровне, они также порождают парадоксы, что очевидно из сближения и разрыва между теологическими идеалами и реализацией на практике. Высказано предположение, что некритическое возрождение «поклонения природе» рискует привести к деполитизации экологических кризисов; однако цивилизационные подходы требуют демократической институционализации для решения экологических проблем Индии. Одной лишь божественности недостаточно для экологического управления; сакральные требования должны быть преобразованы в права, регулирование и равный доступ, чтобы быть экологически эффективными.

Об экологических проблемах Пакистана сообщила Н. А. Замараева (ИВ РАН) в докладе **«Пакистан: экологические вызовы и проблемы продовольственной безопасности населения»**. По её мнению, Пакистан переживает масштабный экологический кризис. Причины — высокая засушливость территории, неконтролируемый рост населения, неэффективное использование водных ресурсов, неспособность к эффективной эксплуатации возобновляемых источников

² Адиваси («старые (первые) жители») — этнические группы или племена, которые считаются аборигенными, автохтонными жителями Индии и сохраняют этническую обособленность, традиционную социальную организацию, религиозные воззрения и обрядность.

энергии и т. д. Особенно остро стоит проблема нехватки воды, поскольку она затрагивает производство продуктов питания, энергетические системы, здравоохранение, средства к существованию, безопасность жизнедеятельности человека и т. д. Водная проблема заметно обострилась после майского конфликта Индии с Пакистаном в 2025 г., после которого возникли опасения превращения воды в оружие. Пакистан предпринимает попытки «укреплять устойчивость» к водным проблемам, разрабатывая комплексные планы на федеральном и провинциальном уровнях, восстанавливать ирригационные системы, строить заградительные дамбы для пополнения грунтовых вод и восстановления экосистем, но пока без существенных результатов.

Завершило пленарное заседание выступление *С. А. Михайлова* (РУДН) **«Влияние глобального потепления на Южную Азию: сравнение температурных показателей периодов до и начиная с 1989–1990 годов по н. в.»**. Сергей Александрович проанализировал обширный массив температурных показателей крупнейших городов региона, имеющих наиболее обширные ряды температурной статистики (Дели, Ченнаи, Калькутта, Лахор, Нагпур, Пуна, Джайпур и др.). В ходе анализа выяснилось, что глобальное потепление повлияло на Южную Азию не так сильно, как на другие регионы мира. В период с 1989 г. по настоящее время в регионе было установлено немало как суточных рекордов холода и «волн холода», так и месячных и даже абсолютных рекордов холода. Среднегодовая температура воздуха в регионе повысилась за этот период незначительно.

После пленарного заседания конференция разделилась на две параллельные сессии — «В гражданском обществе» и «В государственной политике». Сессию про гражданское общество открыла *А. В. Бочковская* (ИСАА МГУ) с докладом **«Зелёная повестка панджабских неогуру: соединение профанного с сакральным»**. Анна Викторовна рассказала о небывалом росте активности *дер* — сикхских религиозных и псевдорелигиозных сообществ в Панджабе. Сегодня насчитывается до 10 тысяч разнообразных *дер*; в сфере их влияния находится около 80% жителей штата Панджаб. Популярность *дер* обусловлена их масштабной социальной и благотворительной работой — как на уровне штата, так и на общеиндийском. Вопросам экологии *дер* уделяют особое внимание: очистка рек и контроль над сточными водами, восстановление почв и лесов, борьба с пластиковым загрязнением — эти и другие программы и акции нацелены на решение злободневных проблем Панджаба и соседних областей и одновременно — на привлечение новых последователей и расширение финансовой базы. Экологическая деятельность *дер* имеет и моральный аспект как *сева* — акт почитания и служения.

А. А. Зайцев (ИВ РАН) в докладе **«Религия и экология: Вишва хинду паришад и защита индийских вод»** описал крупные экологические кампании Вишва хинду паришада по защите священных индийских водоёмов. Первой большой кампанией, связанной с защитой окружающей среды, стала «Кампания по защите Ганги», объявленная в ноябре 1996 г. Целью было не допустить возведения крупной плотины «Техри дам» в современном штате Уттаракханд, строительство которой началось ещё в 1978 г., и сохранить религиозную чистоту Ганги. Ещё одной масштабной кампанией было движение «Рам сету» в штате Тамилнаду в середине 2000-х годов против строительства судоходного канала Сетусамудрам в районе Полкского пролива. Тем самым ВХП вносил свой вклад как в экологическую повестку страны, так и в трансформацию деятельности самой организации. Проведением своих крупных кампаний ВХП показал свою причастность к защите окружающей среды в Индии, при этом добавив индийскому экологическому движению религиозный акцент.

Е. Н. Семенушкова (Центр по развитию социально-культурных связей «Атлас») в выступлении на тему **«Роль неправительственных организаций в управлении качеством воздуха в Индии: анализ ключевых стратегий и их эффективность»** обозначила роль различных экологических организаций в решении актуальной для Индии проблемы загрязнения воздуха.

Неправительственные организации — как чисто индийские (Chantan India, Swachh Bharat Abhiyan), так и филиалы международных (Greenpeace India³) сыграли важную роль в повышении осведомлённости, пропаганде среди населения, влиянии на разработку и реализацию политики в области мониторинга и контроля качества воздуха в Индии. Однако эти НПО работают разрозненно из-за пробелов в реализации политики мониторинга качества воздуха, бюрократии, отсутствия единой национальной программы в этом вопросе. Поэтому необходима координация НПО и правительства страны.

М. А. Нурова (ФМП МГУ) в сообщении **«Гармония между природой и человечеством на примере романа «Грядущее былое» («Анбита вьятит») Камлешвара»** затронула разъяснение темы защиты природы и гармонии с ней в романе «Грядущее былое» известного индийского писателя прошлого века Камлешвара (1936–2007), написанном на хинди. В этом романе Камлешвар хотел показать людям, что природа достойна другого отношения людей к ней, попытался изобразить двоякое отношение человека к природе и к птицам в частности. Двоякое отношение предстаёт в том смысле, что есть группа людей, которая относится к птицам сострадательно, жалеет их, даёт им воду и корм, защищает. И, с другой стороны, есть люди, которые превращают птиц в объект торговли и дохода. С помощью данного романа Майрамби Абулхаировна показала важность темы защиты природы в современной хиндиязычной литературе.

С. Г. Грачёв (МГУ) в докладе **«Экологическая повестка в медийном дискурсе стран Южной Азии в 2016–2025 гг.»** провёл мониторинг англоязычных медиа ряда стран Южной Азии в указанный период по теме экологии. Выяснилось, что за 2025 г. в Пакистане англоязычные СМИ выпустили 1 статью на 10,6 млн жителей; в Бангладеш — 1 статью на 7 млн в Индии — 1 статью на 4,1 млн на Шри-Ланке — 1 статью на 410 тыс. Показатель плотности экологических публикаций в англоязычных медиа относительно численности населения стран Южной Азии является не прямым показателем экологической осознанности граждан, а скорее индикатором того, насколько активно экологическая повестка представлена в информационном поле стран региона.

Завершила секцию *М. С. Рахимова (Анташьева)* (НИУ ВШЭ) выступлением на тему **«Зелёные» технологии в современной Индии: количественный анализ индийского медиа-дискурса**. Для выступления был проведён количественный анализ индийских англоязычных СМИ за 2020–2025 гг. на основе 20 929 документов с помощью системы интеллектуального анализа больших данных iFORA (разработка Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ). Марии Сергеевне удалось определить пять наиболее активно обсуждаемых в индийской повестке технологических направлений: электрифицированная мобильность с устойчивой зарядной инфраструктурой, экологичная инфраструктура для передачи электроэнергии, цифровая и водородная инфраструктура для зелёной экономики, институциональный и рыночный контекст экологического перехода, инфраструктура и энергетический микс (баланс) зелёной энергетики в Индии. Энергетическая повестка и значимость внедрения зелёных технологий становится вопросом государственной важности в индийских СМИ. В медиа-дискурсе заметен резкий сдвиг в сторону масштабирования применения успешных практик по внедрению экологических инициатив в жизнь страны. Представленный анализ СМИ показывает важность переплетения экологических обязательств с промышленной политикой Индии и формирования устойчивого фундамента «зелёной» экономики будущего.

Сессию «В государственной политике» открыл доклад *Т. Н. Загородниковой* (ИВ РАН) **«Княжеская охота в Бхопале и её последствия»**. Татьяна Николаевна рассказала о традиции охоты на тигров, её организации и проведении в княжестве Бхопал. Охота на тигров считалась

³ Деятельность организации Greenpeace признана нежелательной в Российской Федерации.

в Индии признаком мужества и маскулинности. Поэтому она стала традицией правителей княжеств или «белых сахибов» — чиновников колониальной администрации высокого статуса. Одним из последствий данной традиции стало сокращение популяции тигров на территории княжества, ныне части штата Мадхья-Прадеш. Охота на тигров в Бхопале подробно описана в дневнике русской эмигрантки В. М. Любошинской и в мемуарах наследницы бхопальского престола Абида Султан.

Сообщение *Г. Г. Макаревича* (ИМЭМО РАН) **«Не ловить рыбу в мутной воде: цели устойчивого развития в индийском экономическом планировании»** было посвящено влиянию экологической проблематики на приверженность целям устойчивого развития экономики Индии. В нём показаны острота стоящих перед Индией экономических проблем, связанных с защитой окружающей среды и целями устойчивого развития, их влияние на состояние экономики, упоминание в докладах соответствующих профильных министерств.

В. М. Немчинов (ИВ РАН) в докладе **«Экологическая повестка политики премьер-министра Нарендры Моди как актуальный метод императивного взаимодействия с социумом Индии»** проанализировал экологические программы правительства Нарендры Моди, в частности, движение «Чистая Индия» (Swachh Bharat Abhiyan), выполнение обязательств Рамочной конвенции ООН об изменении климата через организацию сбора и переработки отходов и др. Отдельно Виктор Михайлович рассмотрел прошлогоднюю инициативу Моди по запуску глобального движения LiFE — гуманитарной инициативы «Образ жизни во имя окружающей среды» с сильной пропагандистской составляющей.

В. А. Мачехин (МГЮА) в выступлении на тему **«Структура, компетенция и значение Национального зелёного трибунала Индии»** описал деятельность созданного в 2010 г. Национального зелёного трибунала в Индии, его компетенции, структуру, правоприменительную практику, последствия его создания и роль в судебной системе современной Индии.

В. И. Фёдоров (Финансовый университет) в докладе **«Экологическая политика как катализатор политического кризиса Шри-Ланки»** сообщил, как запрет синтетических удобрений и пестицидов в сельском хозяйстве Шри-Ланки стал одной из причин политического кризиса в островном государстве в 2022 г. Данная мера, имевшая цель сэкономить валюту и перейти к «устойчивому» сельскому хозяйству, привела к падению производства чая и риса, усугублению продовольственной проблемы на острове и отставке правительства Говинды Раджапаксы.

Несколько докладов были посвящены Бутану. *Е. П. Тюрина* (МИД РФ) в сообщении **«Модель экотуризма Бутана: синтез принципов «High Value Low Impact», устойчивости и валового национального счастья»** изучила сочетание концепции валового национального счастья короля Джигме Сингье Вангчука с принципом «высокая ценность, минимальное воздействие» (high value, low impact) в политике устойчивого экологического туризма в Бутане. Данная политика продиктована как сакральным отношением к природе бутанцев, так и развитием экономики через введение обязательного ежедневного сбора с туристов, лицензирование туроператоров и ограничение турпотоков. *Я. А. Рязанов* (ИВ РАН) в докладе **«Воздействие экологической политики Бутана на экономику страны»** показал влияние бережного отношения к природе бутанских властей через запрет на вырубку леса и его экспорт и коммерциализацию культурной ценности природы на экономическое положение страны.

Несколько докладов были посвящены влиянию сакральных традиций на политику в сфере экологии. *А. В. Рубцова* (СПбГУ) в выступлении на тему **«Сакрализация природы как инструмент экополитики в Индии»** рассматривала, как религиозно-художественная рефлексия природы перерастает в инструмент экологической политики в гидроконфликтах Индии с Пакистаном и Бангладеш. В Индии борьба за природу часто является борьбой за её сакральный образ.

Политическая победа может достаться той силе, которая убедительнее присваивает право говорить от имени «священных вод» и «священных рощ». В качестве экологической философии индусами была выбрана идеология движения Чипко (1970-е гг., современный штат Уттаракханд), участники которого, используя ритуальные образы дерева-божества, блокировали коммерческие вырубki деревьев. По схожему принципу было, по мнению Анны Васильевны, приостановлено участие Индии в договоре о реке Инд с Пакистаном в 2025 г.

О. Н. Меренкова (МАЭ РАН) в сообщении **«Закон об охране дикой природы Индии (1972) и его влияние на традиционные выступления со змеями»** рассказала о последствиях принятия данного закона для традиции уличного заклинания змей и боёв кобр с мангустами, ставшими одними из символов Индии. В результате принятия закона об охране дикой природы 1972 г. была введена уголовная ответственность за экспорт шкур змей, их владение или продажу, что осложнило работу заклинателям. Они были вынуждены переносить свои выступления в менее популярные районы, например, в небольшие деревни или подвергаться судебному преследованию. Это привело к кризису традиции и постепенному исчезновению профессии заклинателя змей. Исчезает и традиция боёв с мангустами из-за браконьерства в отношении последних и борьбы с ним.

Завершил секцию доклад *А. Н. Ямскова* (ИЭА РАН) **«Взгляды Ф. Барта на экологические ниши патанов, кохистанцев и гуджаров в округе Сват (Пакистан) как модель анализа этнотерриториального армяно-азербайджанского конфликта в Карабахе в конце XX в.»**. Он был посвящён экологической концепции антрополога Фредрика Барта, созданной на основе исследований систем природопользования и земледелия патанов, кохистанцев и гуджаров в пакистанском округе Сват у гор Гиндукуш. Ф. Барт на примере данных трёх народов создал концепцию разных экологических ниш у оседлых земледельцев и кочевых скотоводов, что исключает конфликты между ними за территории и природные ресурсы. Но эта концепция также позволяет понять, почему неизбежно возникают конфликты между оседло-земледельческими группами и бывшими кочевниками после оседания последних и превращения их в земледельцев, один из которых произошёл в Карабахе ещё в советский период между оседлыми армянами и некогда кочевыми азербайджанцами.

Второй день конференции начался секцией «В городах и сёлах», посвящённой отдельным регионам Южной Азии, и экономической секцией. Секцию «В городах и сёлах» открыла *А. А. Козлова* (ИВ РАН) докладом **«Питьевая вода и водоснабжение в Дели XIX в.»**. Александра Алексеевна рассказала о состоянии питьевых источников Дели того времени, упадке системы водоснабжения, попытках британцев решить проблему питьевой воды через постройку подземных каналов, резервуаров, колодцев, которые не привели к желаемому результату.

Независимый исследователь *Н. В. Герасимова* своё выступление **«Природа, инфраструктура и власть: формирование экологической модели Калькутты в XIX в.»** посвятила анализу формирования экологической модели Калькутты в XIX — начале XX века в контексте колониального управления городом. Показано, что колониальная администрация не стремилась к устранению экологических проблем в современном понимании, а выработала специфическую модель управления, основанную на пространственном перераспределении загрязнений и использовании природных ландшафтов — прежде всего болот и водоёмов — в качестве функционального элемента городской инфраструктуры. Развитие санитарной инфраструктуры, включая системы водоснабжения, дренажа и канализации, носило фрагментарный характер и было ограничено финансовыми и институциональными возможностями колониального государства. Отдельно рассматривается роль Калькутты как ключевого узла глобальных эпидемиологических процессов, прежде всего

в контексте распространения пандемий холеры в XIX веке, а также влияние индустриализации, развития портовой инфраструктуры и транспортных сетей на ухудшение состояния окружающей среды.

А. Д. Прохоренко-Коломейцев (ФМП МГУ) в докладе **«Экологический кризис в Дакке: история неконтролируемой урбанизации»** показал катастрофичную экологическую ситуацию в столице Бангладеш из-за перенаселённости города, климатических изменений, промышленного развития страны и отсутствия целостной программы городского благоустройства со стороны властей Бангладеш.

Следующие доклады посвящены сложнейшему региону — северо-восточной Индии. Независимый исследователь *А. А. Бычкова* в выступлении на тему **«Практика использования совместных ресурсов на примере племён Нагаленда»** осветила проблему организации использования совместных ресурсов в племенной зоне штата Нагаленд. Данная практика регулируется статьёй 37А Конституции Индии и племенным обычным правом. Водные и земельные ресурсы принадлежат общине и управляются деревенскими советами, чьи функции расширяются усилиями правительства штата. Процесс взаимодействия племенных общин и руководств штата по ресурсам нередко приводит к конфликтным ситуациям.

Л. Р. Зарипова (ИВ РАН) в сообщении **«Джхум и государство: эволюция политики регулирования подсечно-огневого земледелия в северо-восточной Индии»** проследила в историческом контексте эволюцию государственной политики в отношении подсечно-огневого земледелия (джхума) в северо-восточной Индии. Лилия Рафисовна подробно изучила доклад NITI Aayog⁴ **«Подсечно-огневое земледелие: на пути к трансформационному подходу. К вопросу об устойчивом развитии Индийского Гималайского региона»** 2018 г., переосмысливший концепцию джхума. В нём выделено два типа джхума (традиционный длинный и искажённый короткий) и их влияние на экологию. На примере штата Трипура освещена проблема практики перехода от джхума к другим формам земледелия усилиями государства. Показано, как через экологические аргументы государство стремилось ограничить или ликвидировать практику джхума в Трипуре.

Экономическую секцию конференции открыл доклад *И. В. Дерюгиной* (ИВ РАН) **«Экологические проблемы в сельском хозяйстве Индии»**. В качестве проблем выделены загрязнение воздуха, неочищенные сточные воды, выбросы парниковых газов. В связи с переходом к устойчивому сельскому хозяйству власти Индии стали применять инновационные методы для решения данных проблем.

С. Л. Рабей (ИВ РАН) в сообщении **«“Пластиковая” индустрия Индии: ожидания и реальность»** осветил успехи и проблемы индийского производства и потребления пластика. Выпуск пластика растёт опережающими темпами, Индия закрепила на 3-м месте в мире по производству пластмасс и играет заметную роль в мировой торговле пластиком. Кроме того, номинально Индия входит в число лидеров по степени вторичной переработки. Вызовами и проблемами являются зависимость от импорта сложных полимеров и нефти, коррупция, отсутствие современных механизмов сортировки пластика, кризис утилизации пластиковых отходов.

⁴ NITI Aayog (сокращение от National Institution for Transforming India — «Национальный институт преобразования Индии») является главным аналитическим центром по вопросам государственной политики при правительстве Республики Индия, а также центральным органом, в задачи которого входит стимулирование экономического развития, содействие кооперативному федерализму и отказ от федерализма, основанного на взаимных уступках, путём вовлечения правительств штатов Индии в процесс формирования экономической политики. Создан в 2015 году правительством Нарендры Моди вместо Комиссии по планированию. В совет NITI Aayog входят все главные министры штатов, а также главные министры Дели, Пудучерри и Джамму и Кашмира, вице-губернаторы всех союзных территорий и заместитель председателя, назначаемый премьер-министром. Кроме того, в совет входят временные члены из ведущих университетов и исследовательских институтов.

О. Л. Петрова (ИВ РАН) в выступлении на тему **«Сравнение стратегий Индонезии и Индии по очистке рек от пластиковых отходов (р. Ганг и р. Читарум)»** описала методы очистки рек от пластика в Индии и Индонезии. У обеих стран схожие проблемы — быстрая урбанизация, высокая плотность населения и пробелы в управлении отходами, но разные подходы к их решению. Стратегия Индии обусловлена централизацией экологических инициатив и устранением первопричин загрязнения. Ярким примером является программа «Намами Ганга», запущенная для восстановления реки Ганга, имеющей глубокое религиозное и культурное значение. Стратегия Индонезии включает в себя децентрализованный и прагматичный подход с акцентом на немедленном вмешательстве и технологических инновациях. Пример — использование реки Читарум на Западной Яве. Кроме того, в отличие от Индии, где участие часто обусловлено культурными и религиозными мотивами, индонезийские инициативы обычно движимы экологическим активизмом и решением местных проблем.

Я. О. Садовникова (ИМЭМО РАН) в докладе **«Задачи развития сталелитейной отрасли Республики Индия: экологический аспект»** рассматривала экологические аспекты развития производства индийской стали. Правительство Нарендры Моды приняло план по модернизации производства стали за счёт внедрения новых производственных технологий, использования более безопасного для окружающей среды сырья, усиления контроля над готовой продукцией и утилизацией вредных отходов, с тем чтобы полностью исключить или свести к минимуму выбросы парниковых газов. Яна Олеговна выделила два направления модернизации — «зелёный водород» и металлолом. Активно внедряется «зелёный водород» на производстве для уменьшения числа парниковых газов, увеличивается число пунктов приёма металлолома, создаются модернизированные центры по разборке, сортировке и утилизации вторсырья, а также улучшается политика в области утилизации старых транспортных средств.

В. И. Филатова (МГИМО) в сообщении **«Экологические и социальные последствия функционирования объектов ядерного топливного цикла в Индии: двойственность атомной промышленности Индии»** рассмотрела проблемы, связанные с влиянием на экологию объектов ядерного топливного цикла. В районах расположения АЭС в Индии наблюдается небезопасный для людей и природы уровень радиации. Ядерный топливный цикл несёт экологические риски на всех этапах: добыча и переработка урана (образование хвостохранилищ с долгоживущими радионуклидами), эксплуатация (тепловое загрязнение водоёмов) и хранение радиоактивных отходов. Отсюда появление «индийского Чернобыля» — Джадугода (штат Джаркханд). Данная ситуация коррелируется с заявлениями правительства Индии об отсутствии «неблагоприятных последствий для здоровья работников и местных жителей».

Завершило экономическую секцию выступление Э. Э. Новинского (МГИМО) на тему **«Королевство Бутан: “устойчивый” туризм на страже национальной изоляции»**. Он был посвящён политике туризма «высокой стоимости и малого влияния», подразумевающей ограничение потока иностранных гостей в Бутан для сохранения первозданной природной среды королевства и традиционного образа жизни его населения. Данная политика ограничивает присутствие в стране международных гостиничных и ресторанных брендов, свободное перемещение иностранцев через специальный «сбор на устойчивое развитие» и подписание «Клятвы дружбы», поддерживает малый и средний бизнес Бутана. Однако она имеет свои издержки: на индийцев эти меры не распространяются, туристы не возвращаются в Бутан повторно, сохраняется изоляция страны.

Историческая и внешнеполитическая секции завершали работу конференции во второй и заключительный день. Секцию по истории открыл доклад *Абхиджита Сингха* (НИУ ВШЭ) **«Culmination of State in the Ganga Jamuna Doab and Beyond, Janapadas and Mahajanapadas:**

The Indian City States». Абхиджит Сингх отметил, что развитие индской цивилизации и джанападов⁵/махаджанападов тесно связано с природой. Речные долины Ганги и Инда были развитыми политическими, экономическими и культурными системами. Появление массового земледелия, выращивание пшеницы и риса стало возможным только благодаря неисчерпаемым запасам аллювиальной почвы, которой было в изобилии в районе рек Ганга и Ямуна. Речные берега также служили естественным защитным механизмом в военных целях и выступали в качестве границы. Внутренний речной водный транспорт был важным способом торговли и связывал джанапады между собой. Это обеспечило существование больших джанапад, таких как Магадха (современный штат Бихар), Таксила (современный Панджаб) и Косала (современный штат Уттар-Прадеш и часть Непала).

Рену Бальян (Karnal University, Индия) в сообщении **«Ecology and Empire on the Gorkha Frontier: Transformation of the Indian Terai (1790–1815)»** рассматривала регион Тераи (части штатов Уттаракханд, Уттар-Прадеш, Бихар, Западная Бенгалия, Харьяна и Химачал-Прадеш) как единую экологическую единицу. При последнем правителе государства Горкха и первом короле Непала Притхви Нараяне Шахе контроль над лесистыми и плодородными территориями региона приобрёл как экономическое, так и стратегическое значение. Экологические условия региона и борьба за его контроль сыграли решающую роль в формировании моделей политического взаимодействия между гуркхами и британской Ост-Индской компанией на рубеже XVIII–XIX веков, а также между гуркхами и местным населением.

С. Е. Сидорова (ИВ РАН) в выступлении на тему **«Ирригационные работы в колониальной Индии: расчёты и просчёты»** осветила политику британских колониальных властей в области строительства ирригационных систем в Индии как средства борьбы с голодом, интенсификации сельскохозяйственного развития, повышения уровня жизни населения и стимулирования товарооборота внутри страны и за её пределами. Рассмотрены концепции продуктивных и непродуктивных работ, которыми руководствовались британцы при принятии решений, дискуссия, развернувшаяся в 1870-х гг. относительно преимуществ железнодорожного строительства перед ирригационным и наоборот.

Л. А. Черешнева (ЛГПУ) в докладе **«Раздел природно-экологических активов Британской Индии: принципы и итоги»** осветила распределение природных активов (государственные земли, леса, реки, ирригационные сооружения, гидроэлектростанции, дороги, мосты, здания, продовольственные резервы и т. д.) между Индией и Пакистаном в период раздела Британской Индии. Критериями распределения были численность населения согласно переписи 1941 г., площадь государств и протяжённость их границ, экономическая целесообразность, религиозно-общинный фактор. По итогам раздела Индии досталось в 6 раз больше активов, чем Пакистану. У Индии оказалось в 6 раз больше общей площади земельного фонда, 90% всех чайных плантаций, посевов арахиса и все плантации кофе, основные минеральные ресурсы, нефтяные промыслы, золотые прииски, медные рудники, запасы урановых и ториевых руд. Однако излишки продовольствия и сырья достались при разделе Пакистану. Данное распределение ресурсов оказало большое влияние на социально-экономическую политику стран после обретения независимости.

Завершила историческую секцию *Е. Ю. Ванина* (ИВ РАН) докладом **«Индийский лес в истории и культуре»**. Евгения Юрьевна указала, что на протяжении времён индийский лес постоянно стремительно уменьшался в размерах. Это связано с тем, что в древнеиндийском эпосе и произведениях санскритской литературы лес — особое пространство, противопоставленное

⁵ Джанапады (букв. «опорные пункты народа») — небольшие царства, аристократические республики (ганасанга) и королевства (самараджья) ведийского периода индийской истории. Махаджанапады («великие джанапады») — шестнадцать царств и аристократических республик, существовавших в древней Индии с VI по IV век до н. э.

обитаемым территориям. Он страшен и греховен, ибо там живут, кроме диких зверей, демоны-ракшасы и прочая нечисть, а также разбойники и зачастую враждебные племена, но одновременно и свят, если в нём обитают благочестивые отшельники-брахманы с учениками, ищущими света истины. Это место, где совершали подвиги герои древних и средневековых эпосов, куда ездили охотиться раджи, куда ссылали за преступления или уходили ради отказа от мира в пользу духовной жизни. Тем не менее леса в Индии нещадно вырубали или выжигали, распахивая территорию: человек, который расчищал участок от джунглей и начинал его обрабатывать, освобождался от налогов. Главным врагом индийского леса всегда оставалось земледелие, необходимость прокормить беспрерывно растущее население страны.

Внешнеполитическую секцию открыло выступление *Т. Л. Шаумян* (ИВ РАН) **«Проблемы экологии в повестке дня БРИКС»**. Татьяна Львовна отметила, что экологическая повестка дня стран БРИКС играет существенную роль в обеспечении мирового экологического баланса. Обладающие значительным природным и экономическим потенциалом страны БРИКС сталкиваются с серьёзными угрозами своей экологии, решение которых невозможно без интеграции и многостороннего сотрудничества. На формирование экологической политики стран БРИКС оказывают непосредственное воздействие такие факторы, как уровень экономического развития, изменения в демографии и глобальные экологические вызовы. В документах и инициативах БРИКС проблемы экологии и охраны окружающей среды занимают особое место.

Независимый исследователь *А. Е. Штода* в сообщении **«Экологическая политика Индии в БРИКС»** раскрыла позицию Индии в данном объединении и её роль в развитии повестки дня в области экологии. Экологическая повестка Индии во многом определяется её участием в международных климатических соглашениях, созданием собственных инициатив в данном вопросе. В 2026 г., когда Индия председательствует в БРИКС, планируется укрепить и расширить кооперацию в сфере «зелёной энергетики» и вопросах устойчивого развития. Новый банк развития БРИКС финансирует несколько индийских крупных экологических проектов.

Е. Н. Никитин (ИКСА РАН) в докладе **«Южная Азия как регион для формирования “атомных коридоров” России и Китая в рамках Евразийского пространства»** рассмотрел позиции России и Китая в сфере атомной энергетики в регионе Южной Азии. По ряду причин Россия сотрудничает в данной сфере с Индией и Бангладеш, Пакистан — с Китаем. Шри-Ланка только формирует атомную повестку, Афганистан, Мальдивы и пригималайские государства в развитии атомной отрасли не заинтересованы. Южная Азия не сформировала общего единого рынка атомной энергетики, а является разделённой на два своеобразных «коридора», которые заняты только Россией и Китаем.

Ю. С. Калинина (МИД РФ) в выступлении на тему **«Индия и климатическая справедливость: от защиты интересов Глобального Юга к продвижению собственной повестки»** изучила историю позиции Индии по экологическим вопросам в международных организациях. До 1990-х годов Индия выступала против жёстких экологических ограничений для экономик «третьего мира», с начала 1990-х годов индийское правительство предлагает принцип общей, но дифференцированной ответственности за изменения климата. В настоящее время Индия стремится делать акцент на важности поддержания собственной угольной энергетики, продолжении масштабных закупок нефти и газа у России и развитии собственных форматов сотрудничества в сфере альтернативной энергетики. Индия является союзником Китая в экологических вопросах и настороженно относится к позиции США.

Е. С. Ремизова (Россотрудничество) в докладе **«Экология и культурная дипломатия: успешный опыт Индии»** выявила степень влияния проектов по защите окружающей среды

на культурную дипломатию Индии. Наиболее успешным примером синтеза экологии и культурной дипломатии является Проект по сохранению бенгальского тигра, запущенный правительством Индии в 1973 году. На его основе в 2023 г. создан Международный альянс больших кошек, в который входят 24 страны, включая Россию (с 2025 г.), и 3 наблюдателя. В июне 2026 г. в Нью-Дели запланировано проведение первого международного саммита членов альянса на уровне глав государств и правительств.

Е. В. Безека (ИМЭМО РАН) в сообщении «**Экология как фактор внешней торговли Индии: риски и возможности**» проанализировал влияние экологического фактора на внешнюю торговлю Индии, прежде всего на экспорт как инструмент достижения социально-экономических целей страны. Около 33% ВВП Индии формируется в секторах, зависящих от природных ресурсов (сельское хозяйство, энергетика, промышленность), что делает экономику уязвимой к климатическим изменениям и экологическим ограничениям. Воздействие экстремальных погодных явлений и нестабильности муссонов на экспортный потенциал Индии очень велико. Особое внимание уделяется внешнему регулированию, прежде всего со стороны ЕС, на долю которого приходится значимая доля индийского экспорта (около 73 млрд долларов США). Экологический фактор становится важнейшим элементом формирования внешнеторговой стратегии Индии.

Завершило секцию и конференцию в целом выступление *В. Д. Горячева* (ФМП МГУ) «**Динамика развития долины реки Инд в 1947–2025 гг.**». Был изучен вопрос использования вод Инда и ресурсов его долины Индией и Пакистаном с момента обретения независимости. Водный фактор играет ключевую роль в индийско-пакистанских отношениях, особенно после майского конфликта 2025 г.

Сделанные на конференции доклады и развернувшиеся по ним дискуссии продемонстрировали актуальность затронутых тем. На заключительном заседании участники конференции поблагодарили её организаторов и руководство ИВ РАН. По итогам двух дней заседаний планируется публикация материалов участников конференции.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АФГАНИСТАН И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ». ОБЗОР

© 2026

О. Е. Евсеенко¹

В настоящей статье представлен обзор конференции «Афганистан и сопредельные страны», которая состоялась 2 марта 2026 г. Данное научное мероприятие проводилось на базе Института востоковедения РАН и было организовано сотрудниками сектора Афганистана (зав. сектором Афганистана У.В. Окимбековым, н.с. О.Е. Евсеенко) Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока. Подобные конференции, посвящённые афганской тематике, проводятся ежегодно начиная с февраля 2022 г. В предыдущие годы в рамках конференции были преимущественно представлены доклады, рассматривающие ситуацию в Афганистане, связанную с повторным приходом к власти движения Талибан. В 2026 г. в выступлениях участников конференции были затронуты темы, не только связанные с политическим режимом талибов внутри границ страны, социально-экономической ситуацией и вопросами безопасности в Афганистане, но особое внимание было уделено его отношениям с соседними государствами. В работе конференции приняли участие 35 человек. Среди них были сотрудники Института востоковедения РАН и представители других столичных вузов (МГИМО, Дипломатической академии МГИМО (У) МИД РФ, РГГУ, РУДН им. Патриса Лумумбы) и Институтов РАН (ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова). На конференции было представлено 20 докладов.

Ключевые слова: Афганистан, Движение Талибан, востоковедение, безопасность

Для цитирования: Евсеенко О. Е. Научная конференция «Афганистан и сопредельные страны». Обзор. Вестник Института востоковедения РАН. 2026. № 3. С. 170–172. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-170-172

“AFGHANISTAN AND NEIGHBOURING COUNTRIES”: A CONFERENCE REVIEW

Olga E. Evseenko

This article presents a review of the conference “Afghanistan and Neighboring Countries”, which took place on March 2, 2026. This event was held at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and was organized by the staff of the Afghanistan Section (Head of the Afghanistan Section U.V. Okimbekov, Research Fellow Evseenko O.E.) of the Center for the Study of the Near and Middle East. This conference, dedicated to Afghan issues, has been held annually since February 2022. In previous years, the conference primarily featured reports examining the situation in Afghanistan related to the Taliban movement’s return to power. In 2026, the presentations addressed not only issues connected to the Taliban’s political regime within the country’s

¹ Евсеенко Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; mitrofanenkova.olga@bk.ru

Olga E. Evseenko, PhD (Hist.), research fellow at the Center for the Study of the Countries of the Near and Middle East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; mitrofanenkova.olga@bk.ru
ORCID: 0000-0003-0076-2956

borders, the socio-economic situation, and security matters in Afghanistan, but special attention was paid to its relations with neighboring states. 35 people participated in the conference. Among them were staff members of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and representatives of other Moscow universities (MGIMO, the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, RSUH, RUDN University named after Patrice Lumumba) and institutes of the Russian Academy of Sciences (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences). 20 reports were presented at the conference.

Keywords: Afghanistan, Taliban movement, Oriental studies, security

For citation: Evseenko O. E. Afghanistan and Neighbouring Countries. A Conference Review. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 170–172. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-170-172

2 марта 2026 г. состоялась научная конференция «Афганистан и сопредельные страны». Конференция была организована сектором Афганистана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН.

С приветственными словами к участникам конференции обратились директор Института востоковедения РАН А. К. Аликберов и его заместитель В. А. Кузнецов. Затем заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока В. Я. Белокреницкий представил монографию сотрудников сектора Афганистана М. О. Нессара, У. В. Окимбекова, С. Пойи «Афганистан: Талибан у власти (2021–2025 гг.)».

В рамках конференции состоялось две сессии. Модераторы первой — В. Я. Белокреницкий и У. В. Окимбеков. Основное внимание на ней было уделено внутренней политике, социальным процессам, афганской экономике и вопросам безопасности в Афганистане. В ходе первой сессии с докладами выступили У. В. Окимбеков — «Развитие внутривнутриполитической и социально-экономической ситуации в Афганистане после августа 2021 г.», О. А. Нессар — «Общественно-политические процессы в Афганистане: сравнительный анализ правления Талибана 1.0 и 2.0.», В. В. Макаренко — «Срыв модернизации: негородские (деревенские) массы как доминирующий фактор социально-политического развития Афганистана», В. С. Христофоров (член-корр. РАН, Ин-т российской истории РАН, РГГУ) — «Формирование образа Афганистана (2021–2026): основные представления, возможности и реалии», Ю. П. Лалетин (МГИМО (У) МИД РФ) — «Религиозно-идеологическое укрепление власти талибов», Г. Г. Мачитидзе (МГИМО (У) МИД РФ) — «Проблемы внутренней безопасности и угрозы терроризма», С. С. Пойя «Взаимодействие ТТГП и афганских талибов: катализатор афгано-пакистанского кризиса». Работа первой сессии завершилась дискуссией, в которой принял участие чрезвычайный и полномочный посол России, в. н. с. ИВ РАН Е. Д. Островенко.

Вторая сессия конференции была посвящена внешнеполитическому измерению Афганистана. Внимание её участников концентрировалось на отношениях с сопредельными странами. Модераторами её выступили У. В. Окимбеков и О. Е. Евсеенко, а доклады представили Т. А. Ганиев (Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны РФ) — «Силы специального назначения ВС ИРА в потенциальных военных операциях США на территории современного Афганистана», Н. А. Замараева — «Движение Талибан Пакистана: становление группировки “защитников пуштунского этноса” (2002–2025 гг.)²», П. В. Топычканов (ИМЭМО РАН) — «Развитие отношений Индии и Афганистана после 2021 г.», Г. Г. Макаревич (ИМЭМО РАН) — «Эволюция отношений Индии и движения Талибан после 2021 г.», А. Ю. Быков (ИВ РАН) — «Афганистан

² В публикуемой ниже подборке материалов Н. А. Замараева предпочла представить более актуальную, хотя и связанную с докладом тему.

в оценках пользователей неофициальных telegram-каналов стран Центральной Азии», А. М. Мустафабейли (Дипломатическая академия МГИМО МИД России) — «Афганистан — Центральная Азия. Перспективы региональной интеграции с участием Кабула», М. А. Шпаковская (РУДН), М. Х. Юнесфер (РУДН) — «Водная политика Афганистана как фактор экологических изменений в странах Центральной Азии», В. Г. Джидди (независимый эксперт) — «Энергетическая безопасность Афганистана: ТАПИ и инвестиции М. Азизи», А. Н. Обухова — «Интеграционный потенциал Афганистана: транзит, энергетика, водные ресурсы», П. Ю. Аристархова (РГГУ) — «Эволюция двустороннего сотрудничества между Казахстаном и Афганистаном», Е. Р. Власова (РГГУ) — «Роль России в урегулировании кризиса в Афганистане в рамках работы ШОС».

В завершающей части конференции состоялся обмен мнениями по обсуждавшимся вопросам. В работе конференции приняли участие исследователи, эксперты, а также студенты и аспиранты из ИВ РАН, ИМЭМО РАН, МГИМО, РГГУ, РУДН и Дипломатической академии МГИМО России.

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-173-181

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В АФГАНИСТАНЕ

© 2026

У. В. Окимбеков¹

В августе текущего года исполнится пять лет с момента повторного прихода к власти в Афганистане талибов. Практика прошедших лет показывает, что новым властям удаётся не только обеспечивать стабильность внутри страны, но и решать хозяйственные вопросы, привлекать иностранные инвестиции, хотя и в незначительных объёмах. В настоящей статье рассматривается внутривнутриполитическое и социально-экономическое положение страны по состоянию на конец 2025 г. В частности, отмечается, что власти демонстрируют способность сохранять контроль над всей территорией государства и обеспечивать внутреннюю безопасность. В то же время высшему руководству удалось полностью пресечь публичный диспут отдельных представителей движения в Кабуле, недовольных гендерной политикой верховного руководства, находящегося в Кандагаре; при этом сохраняющиеся скрытые разногласия вызывают озабоченность эмира. Тем не менее некоторые введённые властями ограничения в полной мере не соблюдаются даже на уровне многих министерств и ведомств. В работе приводятся общие экономические показатели Афганистана, проблемы, с которыми продолжает сталкиваться национальная экономика, сведения о развитии отношений с Пакистаном и их влиянии на состояние внешней торговли, а также даётся информация о разработанной пятилетней программе развития страны. Среди сдерживающих факторов указывается исключение женщин из социально-экономической жизни, что, по оценкам международных финансовых институтов, негативно отражается на развитии афганской экономики.

Ключевые слова: Афганистан, Кабул, Кандагар, талибы, политика, экономика, социальная политика

Для цитирования: Окимбеков У. В. Внутривнутриполитическая и социально-экономическая обстановка в Афганистане. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 173–181. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-173-181

POLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN AFGHANISTAN

Ubaid V. Okimbekov

This year's August will mark five years since the Taliban returned to power in Afghanistan. The experience of the past years shows that the new authorities have managed not only to maintain order within the country, but also to address economic matters and attract foreign investment, albeit on a modest scale. This article examines the domestic political and socio-economic situation of the country as of the end of 2025. In particular, it is noted that the authorities demonstrate the ability to maintain control over the entire territory of the state and ensure internal security. At the same time, the top leadership has managed to completely suppress public debate among

¹ Окимбеков Убайд Вафобекевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ubayd@inbox.ru

Ubaid V. Okimbekov, PhD (Economics), Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; ubayd@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-3452-3630

certain representatives of the movement in Kabul who are dissatisfied with the gender policy of the supreme leadership based in Kandahar; meanwhile, persistent hidden disagreements are a source of concern for the emir. Nevertheless, some of the imposed restrictions are not fully observed even at the level of many ministries and government agencies. The paper presents general economic indicators of Afghanistan, the challenges that the national economy continues to face, information on the development of relations with Pakistan and their impact on the state of foreign trade, as well as details on the country's five-year development program. Among the restraining factors cited is the exclusion of women from socio-economic life, which, according to international financial institutions, negatively affects the development of the Afghan economy.

Keywords: Afghanistan, Kabul, Kandahar, Taliban, politics, economy, social policy

For citation: Okimbekov U. V. Political and Socio-Economic Situation in Afghanistan. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 3. Pp. 173–181. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-173-181

Внутриполитическая ситуация в Афганистане с момента последней смены политической власти в августе 2021 г. остается стабильной. Правящие в настоящее время страной талибы продолжают контролировать всю территорию Афганистана; органы государственной власти функционируют во всех провинциях и районах, включая те, которые ранее были недоступны для Кабула. Оппоненты талибов по-прежнему демонстрируют неспособность оказывать влияние на текущую обстановку. Обеспечение политической стабильности и внутренней безопасности в значительной степени способствует улучшению социальной и торгово-экономической атмосферы, создаёт основу для привлечения инвестиций, в большей степени за счёт национального капитала. Достигнутые результаты снижают уровень напряжённости в повседневной жизни населения, создают более комфортные и безопасные условия для передвижения внутри Афганистана между городами, районами и провинциями, что представляет собой важное достижение властей. Например, если ранее время в пути между двумя крупнейшими городами страны — Кабулом и Кандагаром — составляло 18 часов, то теперь оно уменьшилось более чем в два раза — до 8 часов, а сама дорога содержится в хорошем состоянии [Elian Peltier, 2026].

На уровне самого движения сохраняется внутреннее разногласие между представителями умеренной фракции из Кабула и ультраконсервативного Кандагара. Спор между сторонами по женскому вопросу достиг своего пика в 2025 г., когда ныне бывший заместитель министра иностранных дел Шер Мухаммад Аббас Станикзай после очередной открытой критики в адрес лидера талибов на церемонии выпуска учащихся одного из религиозных учебных заведений провинции Хост был вынужден бежать из Афганистана. Поставив под сомнение решение высшего руководства, он назвал лишение девочек возможности учиться «несправедливостью» со стороны талибов по отношению к 20 млн человек (то есть половине населения Афганистана). Станикзай заявил, что путь, которого придерживаются талибы, не соответствует шариату, а проистекает из природы самой группировки: «Все их права (женщин) ущемлены: они не имеют права наследования, у них нет права выбора мужа — их выдают за недостойных, мы не позволяем им учиться, не позволяем ходить в мечеть, двери университетов закрыты, не разрешаем даже посещать религиозные школы. Разве мы действуем согласно шариату?» Он подчеркнул, что все разногласия между внешним миром и талибами также сосредоточены именно вокруг вопроса об образовании девочек, и призвал эмира открыть двери для обучения всех — как женщин, так и мужчин, — добавив, что никаких оправданий в этом вопросе не было, нет и быть не может².

² Эъгеразе Истаникзай ба мамноъияте амужеше дохтаран: дар хаке 20 миллион нафар бидалати меконем [Протест Станикзая против запрета на образование для девочек: Мы поступаем несправедливо по отношению к 20 миллионам человек. Khabargozarie Ufuq, 20.01.2025. URL: <https://ufuqnews.com/archives/250114> (дата обращения: 12.02.2026)] (на дари).

Согласно информации оппозиционных источников, реакция лидера талибов на это оказалась крайне жёсткой, что вынудило Ш. Станикзая покинуть страну. Согласно тем же сведениям, посредничество вице-премьера по экономическим вопросам муллы Барадара, министра внутренних дел Сираджуддина Хаккани и министра обороны муллы Якуба, которые считаются умеренными членами Движения, не принесло результатов. Позже благодаря совместным усилиям указанных лиц и начальника разведки талибов Абдул Хака Васи́ка Станикзай получил разрешение покинуть Афганистан и в настоящее время находится в Объединённых Арабских Эмиратах (ОАЭ)³.

Данные события свидетельствуют о решимости и последовательности руководства талибов в своей социальной политике, а также о балансе сил между Кабулом и Кандагаром. Иными словами, в разногласиях, продолжающихся между двумя центрами с первых месяцев прихода талибов к власти, Кандагар одерживает верх, а чиновники из столичного региона с тех пор в открытой форме более не высказывают собственного мнения по указанному вопросу.

Тем не менее скрытое разногласие между сторонами, судя по косвенным данным, всё ещё продолжается. Его обострение, связанное в первую очередь с проблемами социальных ограничений, негативно сказывается на афганской экономике и, как минимум, может затормозить процесс её восстановления и развития. О степени остроты данного вопроса свидетельствуют некоторые сообщения европейских и афганских СМИ, согласно которым текущее положение дел вызывает беспокойство лидера Движения. В аудиозаписи, опубликованной BBC в январе 2025 г., Х. Ахундзада заявляет, что «внутренние разногласия в конечном итоге могут привести к падению эмирата»⁴, а в первые дни января 2026 г. вновь выразил обеспокоенность по поводу межфракционных трений. В опубликованном указе эмир описал сложившуюся ситуацию как большое испытание для членов группировки и указал на необходимость создания «атмосферы доверия» среди талибов, приказав своим подчинённым избегать действий, которые ведут к усилению недоверия между ними. Предупреждает, что вмешательство в дела друг друга может привести к ослаблению сплочённости этой группировки⁵.

Призывы и наставления Х. Ахундзада лишний раз подтверждают наличие беспокойной закулисной атмосферы в кругах высшего руководства страны по отдельным вопросам. Его требования не вмешиваться в сферу ответственности друг друга, несомненно, адресованы именно тем, кто выражает недовольство относительно решений высшего руководства страны, а именно указов эмира. Однако всё это не может означать перерастания разногласий в конфликтную фазу, а свидетельствует о продолжении процесса формирования социальной политики талибов.

Из принятых талибами жёстких правил пока что частично удаётся реализовать только те, которые касаются прав и обязанностей женщин, тогда как запрет на публикацию и хранение фото- и видеоматериалов сталкивается с более серьёзными барьерами, обусловленными реалиями жизни. Во-первых, выдача внутренних и заграничных паспортов гражданам страны невозможна без наличия фотографии владельца. Во-вторых, десятки тысяч камер наблюдения установлены в том же Кабуле, в частности в помещениях государственных учреждений и мечетях, для обеспечения порядка и безопасности, что прямо противоречит требованиям части 9 статьи 22 Закона, запрещающим «создание

³ Джозъеате тазае хорудже Аббас Истаникзай ба Амарате Моттахедае Араби [Новые подробности отъезда Аббаса Станикзая в ОАЭ. Afghanistan International, 30.01.2025]. URL: <https://www.afintl.com/202501298186> (дата обращения: 08.02.2026).

⁴ The Taliban rift at the top of the leadership in Afghanistan. BBC, 14.01.2026. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/cg7vdpv1l2vo> (дата обращения: 02.02.2026).

⁵ Тарсе Хибатуллах аз ихтелафат мияне горухи; Талебан ба азмуне бозорг ру ба ру хастанд [Страх Хибатуллы перед межгрупповыми разногласиями; Талибану предстоит серьёзное испытание. Hashte Subh Daily, 03.01.2026. URL: <https://8am.media/fa/haibatullah-fears-inter-group-differences-taliban-face-major-test/> (дата обращения: 02.02.2026).

или просмотр фотографий или видео любого одушевленного объекта на компьютерах, мобильных телефонах или любом другом подобном устройстве»⁶. Официальные интернет-ресурсы многих министерств и ведомств страны продолжают публиковать фото- и видеоматериалы о своей деятельности, в том числе с участием руководителей и сотрудников этих учреждений. Исключением при этом являются прежде всего министерство юстиции и министерство *амр биль-ма'руф*, принявшие соответствующий закон.

Общее состояние афганской экономики

В целом на этом фоне афганская экономика продолжает восстанавливаться и второй год подряд демонстрирует рост, оценивавшийся в 2025 г. в 4,3% против 2,5% в 2024 г. Однако согласно последнему докладу Всемирного банка (ВБ) растущий торговый дефицит, высокий уровень бедности и рост численности населения, в том числе за счёт возвращения афганцев из Ирана и Пакистана, оказывают на неё давление. По данным Верховного комиссариата ООН по делам беженцев, только за период с января по декабрь 2025 г. из Ирана и Пакистана вернулись свыше 2,8 млн человек, половина из которых была депортирована⁷. В условиях высокого уровня безработицы в стране (около 40%) с сентября 2023 г. по июль 2025 г. в Афганистан вернулись от 4 до 4,7 млн человек⁸. Это создаёт колоссальную дополнительную нагрузку на и без того скудные внутренние ресурсы и рынок труда. Кроме того, принятые Кандагаром законы и решения в области прав и свобод женщин оказывают негативное воздействие на состояние и развитие экономики Афганистана, которая, по оценкам ВБ, уже теряет около 1,4 млрд долл. в год только из-за отстранения женщин от экономической активности [Najam, Patrinos, Kattan, 2024, p. 3].

Некоторые положительные тенденции наблюдаются, в частности, в сельском хозяйстве. Несмотря на засухи и природные стихии, производство пшеницы в 2025 г. находилось на уровне 4,5 млн т, что на 6% меньше показателя 2024 г. Уровень инфляции остаётся одним из самых низких в регионе; по данным того же ВБ, в 2025 г. он составил 2%, чему способствуют стабильные цены на продукты питания, обусловленные низкой покупательной способностью населения, а также укреплением курса национальной валюты.

На фоне общей обстановки, связанной с проблемами во внешней торговле, мировой конъюнктурой и положением дел в соседних странах, к концу года фиксировались некоторые инфляционные ускорения. В ноябре 2025 г. общий индекс потребительских цен (ИПЦ) по сравнению с предыдущим месяцем вырос на 1,2%, что было связано с повышением цен на ряд как продовольственных, так и непродовольственных товаров. Уровень продовольственной инфляции был на 0,4% выше общего показателя, составив 1,6% в месяц. Относительно высоким оказался рост цен на свежие и сушёные фрукты (6,6%), а также на хлеб и крупы (2,2%), тогда как на масла и жиры составил 1,6%, а на мясо, молочные продукты, овощи, сахар и напитки — до 1%. Темпы роста непродовольственной инфляции оказались в два раза ниже (0,8%). Высоким был рост цен на товары и услуги

⁶ Кануне амр биль-ма'руф ва нахй ан-мункар (Закон о поощрении желательного и запрещении предосудительного). Vizarate amr bil ma'roof, 21.08.2024. URL: <https://mowpe.gov.af/sites/default/files/2024-08/فانور%20المنكر%20عن%20نهى%20او%20امر بالمعروف%20د.pdf> (дата обращения: 10.02.2026).

⁷ Afghanistan Country Focus Report. European Union Agency for Asylum, 23.02.2026. URL: Afghanistan Country Focus Report — Eu SEE (дата обращения: 25.02.2026).

⁸ Afghan Economy Expands Amid Persistent Challenges. World Bank Group, 11.12.2025. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2025/12/10/afghan-economy-expands-amid-persistent-challenges#:~:text=The%20report%20provides%20a%20comprehensive,of%202.5%20percent%20in%202024> (дата обращения: 20.02.2026).

здравоохранения, составивший 4,1% в месяц, что было связано с повышением закупочных затрат после обострения отношений с Пакистаном⁹.

Государственный бюджет и внешняя торговля

Параллельно ежегодно происходит снижение объёмов внешней помощи, тогда как темпы роста внутренних доходов сильно отстают. Иными словами, «экономика Афганистана демонстрирует признаки восстановления», однако «страна продолжает сталкиваться со значительными фискальными проблемами, поскольку мобилизация внутренних доходов оказывается недостаточной для компенсации сокращения помощи»¹⁰. Для сравнения отметим, что объёмы внешней помощи составили: в 2022 г. — 3277 млн долл., в 2024 г. — 1625 млн [Окимбеков, 2025, с. 103], в 2025 г. (по последним данным) — 1,15 млрд долл.¹¹

Если в статистических ежегодниках 2022 и 2023 гг. отражались показатели доходов и расходов бюджета, то в ежегоднике 2024 г. они отсутствуют, что вызывает много вопросов. Это в некоторой степени связывают с ростом расходов на оборону и безопасность, а также на религиозное образование. Согласно сведениям ВБ, общий бюджет Афганистана на 2024–25 финансовый год (март 2024 г. — март 2025 г.) был установлен в размере 335 млрд афгани, что на 40% больше показателя 2022 г. В его структуре высока доля расходов на образование и безопасность. За 9 месяцев 2025 г., согласно той же информации, расходы по отдельным статьям бюджета составили: на социальный сектор — 7,4% (14,9 млрд афгани), сельское хозяйство — 1,4% (2,9 млрд) образование — 18,9% (38,4 млрд) здравоохранение — 2,2% (4,5 млрд) инфраструктуру — 7,2% (14,6 млрд) безопасность — 47,8% (96,9 млрд)¹². Для сравнения отметим, что на три силовые ведомства (министерство обороны, министерство внутренних дел и разведку) в 2022 г. приходилось 43% общего бюджета, в 2023 г. — 34% [Statistical Yearbook, 2024, pp. 352–353]. Также отметим, что статья «образование» включает как светские учебные заведения, так и религиозные, при этом доля последних ежегодно растёт.

Ежегодный рост демонстрирует и внешняя торговля, объёмы которой по итогам 2025 г. достигли 13,9 млрд долл. (из них 1807 млн — экспорт)¹³, тогда как в 2022 г. этот показатель составлял 8837 млн (7 млрд — импорт и 1837 млн — экспорт) [Statistical Yearbook, 2024, pp. 343–344]. Эти данные свидетельствуют о значительном росте объёмов импорта за указанный период и небольшом спаде экспорта. Одной из главных проблем по части вывоза, особенно в 2025 г., стало очередное обострение отношений с одним из ключевых рынков сбыта афганской сельскохозяйственной продукции — Пакистаном, что привело к длительному закрытию границы со стороны этого государства. По оценкам пакистанских источников, ежемесячные потери сторон от этого составляют миллионы долларов [Salman Rafi Sheikh, 2025]. Если основным торговым партнёром Афганистана по импорту является Иран, то в экспорте, как и прежде, около 80% приходится на долю двух стран — Пакистана и Индии.

⁹ Afghanistan Economic Monitor. December 2025. World Bank Group. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/84116346a00db27c63e041f86892ba01-0310012026/original/Afghanistan-Economic-Monitor-December-2025.pdf> (дата обращения: 05.02.2026).

¹⁰ Afghan Economy Expands Amid Persistent Challenges...

¹¹ Afghanistan 2025. United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs, 01.04.2026. URL: <https://fts.unocha.org/countries/1/summary/2025> (дата обращения: 08.04.2026).

¹² Afghanistan Economic Monitor. December 2025...

¹³ Афзаише хаджме теджарате Афганистан ба биш аз 13,9 миллиард доллар дар сале 2025 [Объём торговли Афганистана в 2025 году превысил 13,9 миллиарда долларов. Ажансе хабарие Пажвок, 05.01.2026. URL: <https://pajhwok.com/fa/2026/01/05/afghanistans-trade-volume-to-rise-to-more-than-13-9-billion-by-2025/> (дата обращения: 25.02.2026).

Таблица 1. Доля Пакистана и Индии в афганском экспорте в годы правления талибов

Страна	2022		2023		2024	
	млрд долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Пакистан	1178	64,1	902	50,7	743,6	42,7
Индия	416,3	22,7	595,8	33,5	626,3	36
Всего	1837	86,8	1778	84,2	1740,7	78,7

Источник: [Statistical Yearbook, 2024, p. 343]

В связи с продолжающимся конфликтом с Пакистаном афганские власти пытаются переориентировать торговлю на Иран (порт Чабахар); однако, с одной стороны, отмена США осенью 2025 г. санкционного исключения для Чабахара, а с другой — начавшийся 28 февраля 2026 г. конфликт вокруг Ирана создают серьёзные риски для поставок и по этому направлению.

Строительство инфраструктурных и промышленных объектов

В пределах имеющихся возможностей власти ведут активную деятельность на главных инфраструктурных объектах, строятся предприятия по переработке и производству горнодобывающей, строительной и сельскохозяйственной продукции. Согласно информации афганской официальной прессы, работы продолжаются над самым крупным в стране ирригационным проектом Куштеппа, вторая фаза строительства которого находится на стадии завершения, и ведётся подготовка к началу третьей, заключительной фазы. Она согласно проекту будет включать возведение вспомогательных каналов и распределение сельскохозяйственных земель. В соответствии с приведёнными данными земляные работы второй фазы выполнены на 67%, а сооружение плотины продвинулось на 88%. В этот же период началось строительство мостов и гидротехнических конструкций в 19 различных районах вдоль трассы канала. На данный момент сообщается о построении двух мостов; работы по завершению остальных 17 объектов, а также гидротехнических сооружений ведутся по графику¹⁴.

Наряду с инфраструктурными объектами обсуждаются или реализуются проекты развития в области промышленности, в частности строительство ряда крупных цементных заводов, продукция некоторых из которых уже используется при возведении упомянутых выше сооружений, создаются рабочие места¹⁵. В среднесрочной перспективе, однако, для полного освоения этих и других мощностей потребуются соответствующая энергетическая инфраструктура. Правительственные планы по индустриализации и сегодня сталкиваются с проблемой дефицита электроэнергии, несмотря на импорт из соседних стран. Совокупные потребности Афганистана в электричестве на нынешнем этапе оцениваются в 5 ГВт, тогда как реально доступно лишь 0,7 ГВт. Такой дисбаланс может осложнить в будущем реализацию любых крупных проектов развития промышленности [Attahi, 2026], поэтому властям параллельно следует ускорить работу над осуществлением энергетических проектов, в первую очередь с акцентом на использование внутреннего потенциала.

Национальная стратегия развития Афганистана на 2025–2030 гг.

Наряду с попытками решения текущих вопросов афганские власти занимаются разработкой долгосрочных комплексных программ социально-экономического развития страны. В августе

¹⁴ Куштеппа канал; де двим фаз чаре де бешпереда пе дэршел ке [Канал Куштеппа; работы второй фазы близки к завершению. Ruznamae mellie Anis, 03.02.2026]. URL: <https://anisdaily.com/?p=78557> (дата обращения: 05.02.2026).

¹⁵ Там же.

2025 г. была представлена пятилетняя «Национальная стратегия развития», направленная, как заявили представители официальной власти, на создание новых рабочих мест и обеспечение сбалансированного развития. Стратегия охватывает следующие десять секторов народного хозяйства страны:

- Сельское хозяйство,
- Природные ресурсы,
- Энергетика,
- Жилищное строительство и социальная сплоченность,
- Транспорт и связь,
- Образование (как религиозное, так и светское),
- Культура,
- здравоохранение,
- Социальная защита,
- Охрана окружающей среды¹⁶.

Среди прочих целей стратегии — постепенная адаптация социально-экономической жизни к разработанным властями законам, строгим нормам и правилам поведения. В ней обозначены 15 приоритетных программ, среди которых, в частности, можно выделить планы по внедрению шариатского права и обеспечению исламского правосудия. В системе государственного аппарата акцентируется внимание на улучшении качества управления, обеспечении прозрачности работы органов государственной власти, усилении регионального сотрудничества и безопасности границ, решении проблем сельскохозяйственного сектора, энергоснабжения, здравоохранения, образования, транспортной инфраструктуры и телекоммуникаций¹⁷.

Вероятно, в сфере образования будет наблюдаться дальнейшее усиление роли религии и расширение числа религиозных школ, что направлено на активизацию пропаганды и укрепление идеологии талибов среди подрастающего поколения, а также на воспитание преданных последователей. Нерешённым, судя по документу, остаётся один из главных вопросов, волнующих как многих рядовых афганцев, так и вызывающих недовольство среди видных представителей самой власти (о чём было сказано выше), — вопрос о доступе девочек старших классов к образованию. Официальный представитель движения 3. Муджахид назвал его «незначительным вопросом» и отметил, что «Стратегия сосредоточена на более широких национальных проблемах». То же самое касается вопроса о принятии Основного закона страны: уклонение Муджахида от прямого ответа также может свидетельствовать о неактуальности и незначимости данного вопроса для нынешних афганских властей¹⁸.

В целом разработанная «Национальная стратегия развития» нацелена на дальнейшее расширение внешней торговли, в частности на ежегодный рост экспорта в объёме 10%, а также на привлечение иностранных инвестиций в размере 5 млрд долл. [Attahi, 2026].

Заключение

Афганистан под управлением талибов продолжает демонстрировать способность обеспечивать достигнутую всеобщую внутреннюю стабильность и безопасность, а также полный контроль и работоспособность правительственного аппарата во всех административных единицах. Главной внутренней проблемой Движения, хотя и не столь угрожающей, по крайней мере на нынешнем

¹⁶ Afghan administration unveils 5-year 'Development Strategy'. Anadolu Ajansı, 26.08.2025. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/afghan-administration-unveils-5-year-development-strategy/3669799> (дата обращения: 15.02.2026).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Taliban unveil five-year development strategy. Amu TV, 26.08.2025. URL: <https://amu.tv/194728/> (дата обращения: 12.02.2026).

этапе, для стабильности продолжают оставаться разногласия между его членами на уровне верховной власти. События, происходившие в начале 2025 г., говорят о важных двух моментах: во-первых, в борьбе между Кабулом и Кандагаром последний одержал верх; во-вторых, несогласные с отдельными указами эмира не готовы пойти на крайние меры во избежание смуты. Тем не менее сохранение внутренних разногласий в латентной форме может в перспективе привести к углублению раскола внутри Движения. Спор вокруг женского вопроса свидетельствует об отсутствии единого мнения и интерпретации у членов талибов по многим вопросам.

Экономическая ситуация продолжает оставаться сложной. Параллельно с ростом макроэкономических показателей происходит сокращение доходов населения, сохраняется высокий уровень безработицы. Давление на экономику в данный момент главным образом растёт за счёт двух факторов: социальная политика властей, ограничивающая, в частности, участие женщин в социально-экономической жизни, а также сокращение объёмов внешней помощи, в которой была высока доля США. Внешняя торговля является одной из основных движущих сил и источником поступлений в государственный бюджет, но противоречия с Пакистаном и ситуация вокруг Ирана негативно сказываются на её развитии, в частности на экспорте афганской продукции, что вынуждает искать альтернативные пути и проводить дальнейшую диверсификацию направлений. В этих условиях разработанная властями «Стратегия развития» при реализации будет нуждаться в серьёзных финансовых ресурсах и стабильности как во внешнеторговой, так и во внутриполитической и социально-экономической сферах для реального привлечения иностранных инвестиций.

Литература / References

Окимбеков У. В. Афганистан: внешняя экономическая и гуманитарная помощь при талибах. *Вестник ИВ РАН*. 2025. № 2(32), С. 99–109 [Okimbekov U. V. Afghanistan: Foreign Economic and Humanitarian aid under the Taliban. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2025. № 2(32). Pp. 99–109 (in Russian)].

Attahi M. N. *Why Afghanistan's Development Strategy Will Miss its Aspirations*. UNDP, 30.01.2026. URL: <https://www.undp.org/asia-pacific/blog/perspectives-economists> (дата обращения: 05.02.2026).

Elian Peltier. *Flawless Asphalt, Empty Homes: A 300-Mile Drive Through Afghanistan*. The New York Times, 18.02.2026. URL: <https://www.nytimes.com/2026/02/18/world/asia/afghanistan-highway-taliban-security.html> (дата обращения: 20.02.2026).

Rafiuddin Najam, Harry Anthony Patrinos, Raja Bentaouet Kattan. The Mis-Education of Women in Afghanistan: From Wage Premiums to Economic Losses. *Policy Research Working Paper, 10888. Education Global Practice*. World Bank, September 2024. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099557509032433623/pdf/IDU-ec89796a-2035-4f98-b8b9-abb3b328dc23.pdf> (дата обращения: 12.02.2026).

Salman Rafi Sheikh. Afghanistan's Uncertain Gamble for Economic Survival. *The Diplomat*, 12.12.2025. URL: Afghanistan's Uncertain Gamble for Economic Survival — The Diplomat (дата обращения: 05.02.2026).

Statistical Yearbook 2023–24. National Statistics and Information Authority (NSIA), № 45. Kabul, 2024.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Afghan administration unveils 5-year 'Development Strategy'. Anadolu Ajansı, 26.08.2025. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/afghan-administration-unveils-5-year-development-strategy/3669799> (дата обращения: 15.02.2026).

Afghan Economy Expands Amid Persistent Challenges. World Bank Group, 11.12.2025. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2025/12/10/afghan-economy-expands-amid-persistent-challenges#:~:text=The%20report%20provides%20a%20comprehensive,of%202.5%20percent%20in%202024> (дата обращения: 20.02.2026).

Afghanistan 2025. United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs, 01.04.2026. URL: <https://fts.unocha.org/countries/1/summary/2025> (дата обращения: 08.04.2026).

Afghanistan Country Focus Report. European Union Agency for Asylum, 23.02.2026. URL: Afghanistan Country Focus Report — Eu SEE (дата обращения: 25.02.2026).

Afghanistan Economic Monitor. December 2025. World Bank Group. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/84116346a00db27c63e041f86892ba01-0310012026/original/Afghanistan-Economic-Monitor-December-2025.pdf> (дата обращения: 05.02.2026).

Taliban unveil five-year development strategy. Amu TV, 26.08.2025. URL: <https://amu.tv/194728/> (дата обращения: 12.02.2026).

The Taliban rift at the top of the leadership in Afghanistan. BBC, 14.01.2026. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/cg7vdpv1l2vo> (дата обращения: 02.02.2026).

Афзаише хаджме теджарате Афганистан ба биш аз 13,9 миллиард доллар дар сале 2025 [Объем торговли Афганистана в 2025 году превысил 13,9 миллиарда долларов. Ажансе хабарие Пажвок, 05.01.2026]. URL: <https://pajhwok.com/fa/2026/01/05/afghanistans-trade-volume-to-rise-to-more-than-13-9-billion-by-2025/> (дата обращения: 25.02.2026)] (на дари).

Джозъяте тазае хорудже Аббас Истиканзай ба Амарате Моттахедае Араби [Новые подробности отъезда Аббаса Станикзая в ОАЭ. Afghanistan International, 30.01.2025]. URL: <https://www.afintl.com/202501298186> (дата обращения: 08.02.2026) (на дари).

Кануне амр биль-ма'руф ва нахй ан-мункар (Закон о поощрении желательного и запрещении предосудительного). Vizarate amr bil ma'roof, 21.08.2024. URL: <https://mopvpe.gov.af/sites/default/files/2024-08/02%المنكر02%عن02%نهى02%او02%بالمعروف02%-pdf> (дата обращения: 10.02.2026) (на дари).

Куштеппа канал; де двим фаз чаре де бешпереда пе дэршел ке [Канал Куштеппа; работы второй фазы близки к завершению. Ruznamae mellie Anis, 03.02.2026]. URL: <https://anisdaily.com/?p=78557> (дата обращения: 05.02.2026) (на пушту).

Тарсе Хибатуллах аз ихтелафат мияне горухи; Талебан ба азмуне бозорг ру ба ру хастанд [Страх Хибатуллы перед межгрупповыми разногласиями; Талибану предстоит серьезное испытание. Hashte Subh Daily, 03.01.2026]. URL: <https://8am.media/fa/haibatullah-fears-inter-group-differences-taliban-face-major-test/> (дата обращения: 02.02.2026) (на дари).

Эъгеразе Истиканзай ба мамноъияте амүзеше дохтаран: дар хаке 20 миллион нафар бидадалати меконем [Протест Станикзая против запрета на образование для девочек: Мы поступаем несправедливо по отношению к 20 миллионам человек. Khabargozarie Ufuq, 20.01.2025]. URL: <https://ufuqnews.com/archives/250114> (дата обращения: 12.02.2026) (на дари).

АФГАНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В ИРАНЕ: ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ И ПОЗИЦИЯ ОБЩЕСТВА

© 2026

Е. В. Дунаева¹

В данной статье рассматриваются политика властей ИРИ в отношении многочисленных афганских мигрантов и причины беспокойности общества их пребыванием в стране. После прихода к власти в Афганистане в августе 2021 г. движения Талибан Иран столкнулся с волной массовой миграции афганцев, не разделяющих идеологические установки теократического режима, обеспокоенных ухудшением экономической ситуации и безработицей, опасаящихся преследований по политическим мотивам, стремящихся дать своим детям достойное образование. Количество официальных мигрантов достигло 5 млн, а нелегальные составляли ещё 2–3 млн человек. Руководство ИРИ, принимая афганцев, обеспечило им бесплатные возможности для получения образования и медицинской помощи, устройства на работу, открытия своего бизнеса, лишь ограничивало места их проживания определёнными *останами*. Власти использовали афганцев в своих интересах в регионе и внутри страны. Такой массовый наплыв афганцев, большая часть которых проникала в страну нелегально, вызвал беспокойство в иранском обществе. Выражая недовольство в связи с огромными суммами, которые правительство тратило на афганцев в условиях ухудшения социально-экономической ситуации внутри страны, местные жители в социальных сетях обсуждали угрозы безопасности, а также внутривластическому и социально-культурному развитию ИРИ в связи с присутствием мигрантов. Миграционные проблемы впервые были поставлены на обсуждение перед президентскими выборами 2024 г. Новое правительство принимало меры для ужесточения контроля мигрантов, возвращало нелегальных мигрантов. Массовая высылка афганцев проводилась по окончании 12-дневной израильской агрессии ввиду обвинения афганцев в связях с Израилем, что обострило отношения между двумя странами.

Ключевые слова: Афганистан, мигранты, Талибан, Исламская Республика Иран, миграционная политика, возвращение мигрантов

Для цитирования: Дунаева Е. В. Афганские беженцы в Иране: политика властей и позиция общества. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 182–191. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-182-191

AFGHAN REFUGEES IN IRAN: GOVERNMENT POLICY AND PUBLIC OPINION

Elena V. Dunaeva

This article discusses the policy of Iranian authorities regarding numerous Afghan migrants and the reasons for public concern about their stay in the country. After the Taliban came to power in Afghanistan in August

¹ Дунаева Елена Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, elena-vd@list.ru

Elena V. Dunaeva, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, elena-vd@list.ru
ORCID: 0000-0003-3492-1361

2021, Iran faced a wave of mass migration of Afghans who do not share the ideological attitudes of the theocratic regime, worried about the worsening economic situation and unemployment, fearing persecution, seeking to give their children a decent education. The number of official migrants reached 5 million, and illegal ones amounted to another 2-3 million people. The IRI leadership, accepting Afghans, provided them with free opportunities for education and medical care, getting a job, starting their own business, and only limited their places of residence. The authorities used Afghans to their advantage in the region and domestically. Such a massive influx of Afghans, most of whom entered the country illegally, caused concern in Iranian society. Expressing dissatisfaction with the huge expenditures of the government on Afghans in the context of a worsening socio-economic situation within the country, threats to security, as well as to the domestic political and socio-cultural development of Iran were discussed on social networks. For the first time migration problems were put on the discussion before the presidential elections of 2024. The new government took measures to tighten the control of migrants, returned illegal migrants. The mass expulsion of Afghans was carried out at the end of the 12-day Israeli aggression in view of the accusation of Afghans in relations with Israel, which aggravated relations between the two countries.

Keywords: Afghanistan, migrants, Taliban, Islamic Republic of Iran, migration policy, return of migrants

For citation: Dunaeva E. V. Afghan Refugees in Iran: Government Policy and Public Opinion. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 182–191. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-182-191

После прихода к власти в Афганистане в августе 2021 г. движения Талибан и установления теократического режима страна столкнулась с массовым оттоком населения в соседние государства. Наибольшее количество афганских мигрантов принял Иран.

Западный сосед Афганистана уже пережил несколько волн миграции афганцев в период гражданской войны в 80–90-е годы XX в. Известно, что в начале 80-х годов практически свободный въезд афганцев через границу ИРИ санкционировал сам имам Хомейни, и власти предоставляли им статус беженцев. Некоторые исследователи политику иранских властей по отношению к афганцам с того периода и по настоящее время называют «политикой открытых дверей», в то время как в Пакистане беженцев расселяли исключительно в специальные лагеря [Modrzejewska-Leśniewska, 2020, p. 15]

Руководство ИРИ, принимая афганцев, обеспечило им возможности для получения образования и медицинской помощи, устройства на работу, открытия своего бизнеса, лишь ограничивало места их проживания определёнными *останами*.

Периодически власти использовали их в своих интересах в зависимости от складывающейся внутренней или региональной ситуации. Так, афганцы, в первую очередь те, кто участвовал в военных действиях внутри своей страны, направлялись на фронты ирано-иракской войны (1980–1988) или активно использовались в условиях нехватки рабочей силы на промышленных предприятиях. Афганские беженцы, организованные наиболее радикально революционными кругами ИРИ, в декабре 1980 г. вторглись на территорию советского посольства и нанесли большой урон историческому зданию. Практика использования афганцев продолжилась и в последующие годы. В 2010-х годах их вербовали в военные структуры — дивизию «Фатемийон», для участия в борьбе с оппозицией в Сирии и обеспечения поддержки правительства Б. Асада. В январе 2026 г., в дни подъёма оппозиционного движения внутри Ирана, бойцы «Фатемийон» привлекались для разгона демонстраций и подавления вооружённых групп оппозиционеров.

На начало 2000-х годов афганцев насчитывалось около 2,8 млн чел., причём получили специально введённую для регистрации мигрантов карту «Амайеш» (*Amayesh*) 950 тыс. и ещё около

500 тыс. проживали по временным визам с афганскими паспортами [Dorooh, 2025]. Афганцы-сунниты, в основном таджики, составляли 52,5%, шииты, преимущественно хазарейцы, — 47,4%. Стоит отметить, что более 52% афганцев из числа официально зарегистрированных родились в Иране [Dorooh, 2025].

Власти ИРИ предпринимали попытки выработки миграционной политики и установления контроля за въезжающими в страну, пытаясь упорядочить их прибытие в страну, однако до настоящего момента так и не смогли разработать ни соответствующего законодательства, регулирующего пребывание мигрантов, ни программ по их адаптации в стране. В отдельные периоды проводились кампании по репатриации афганцев.

Согласно переписи населения ИРИ 1395 г. (2016/17 г.), афганцев насчитывалось 1600 тыс., однако с учётом нелегальных мигрантов их число немногим превышало 2 млн [Nataeyeje-tafsili, 1396, pp. 33–34], что составляло 2,5% от всего населения ИРИ. Очевидно, что ухудшение экономической ситуации в Иране ввиду наложенных санкций, следствием чего стало сокращение валютных доходов, а также инфляция, рост цен и девальвация иранского *риала*, привели к некоторому сокращению числа афганских беженцев к концу второго десятилетия XXI в. [Норик, 2023, с. 124] Однако уже с осени 2021 г. после прихода к власти Движения Талибан Иран захлестнула новая, самая мощная волна афганских мигрантов. Основными причинами их переселения в соседний Иран стали политическое неприятие талибов как представителей наиболее радикального религиозного течения, недоверие к новой власти, опасения относительно внутривнутриполитической стабильности и личной безопасности.

В первую очередь в Иран переселялись афганцы, работавшие в государственных структурах при правительствах Хамида Карзая и Ашрафа Гани до талибов или служившие в вооружённых силах.

Сложная экономическая ситуация первых месяцев после смены власти, проявившаяся в перебоях с поставками продовольствия и товаров первой необходимости, высокий уровень безработицы и прекращение международной помощи, отсутствие ясных перспектив улучшения ситуации также подталкивала афганцев к переселению в Иран.

В последующие месяцы определяющим стал религиозный фактор: как и в 90-е годы, когда талибы захватили власть в Кабуле, значительную часть беженцев составили шииты, преимущественно хазарейцы. Бежали в Иран и представители других этносов, прежде всего таджики. Среди мигрантов есть и пуштуны, не разделяющие политику Талибан. Официальных данных относительно численности этнической и религиозной принадлежности афганских мигрантов, прибывших в Иран с 2021 г., нет.

Одной из причин переселения стало также стремление к получению образования, неприятие социально-культурной политики Талибан. В Иран переехали многие представители афганской научной и культурной интеллигенции. Иранский социолог С. Гадими утверждает, что «средний класс Афганистана сейчас находится в Иране. Преподаватели университетов, школьные учителя, бывшие государственные служащие покинули свою страну, в большинстве остаются без работы» [Chaleshha-ye mohajeran, 1402 (2023/24)] Семьи с детьми, особенно девочками, опасаясь ужесточения политики талибов в отношении прав женщин в сфере образования и занятости, также переезжали в Иран. Со временем были выстроены каналы перевозки девушек в эту страну на учёбу².

Согласно данным, приводимым А. Р. Хавари, проводившем опрос афганских мигрантов, покинувших страну после августа 2021 г., проживающих в г. Мешхед, большинство из которых хазарейцы, из опрошенных мужчин (21 чел.) причинами миграции большинство (9 чел.) назвало

² Об этом автору статьи рассказали в январе 2025 г. афганки, обучающиеся в Университете А. Табатабаи, которых за плату перевозила афганская семья, представив как своих родственников.

религиозный и этнический фактор, 4 — фактор безопасности, 3 — неприятие политики талибов, 2 — экономические причины, остальные — безопасность семьи, неравенство этносов в правах. Среди опрошенных 14 женщин в основном акцентировались следующие причины: стремление получить образование — 5 чел., опасение этнического геноцида и религиозный фактор [Khawari, 2023, p. 116]. Он же сообщает о том, что уже к концу 2022 г. количество афганских мигрантов достигало 5 млн [Khawari, 2023, p. 114]. Такие же и даже более высокие цифры приводили иранские СМИ. Так, газета «Джомхури-йе-эслами» отмечала, что афганцев насчитывается от 5 до 8 млн что составляет 6–10% населения Ирана³. Отметим, что министр внутренних дел ИРИ в начале 1402 г. (2023/24) подтвердил цифру в 5 млн чел⁴. Он же отметил, что 2 млн въехали нелегально и не зарегистрированы, а 3 млн получили визы или разрешения на въезд. Причем часть афганцев, официально въезжающих как паломники, туристы или с целью лечения, остаются на жительство в Иране.

Такой массовый наплыв афганцев, большая часть которых проникала в страну нелегально, вызвал беспокойство иранцев. Если в первые месяцы после смены власти население Ирана выражало беспокойство развитием ситуации в соседней стране, подчёркивало историческую и культурную близость двух народов, оказывало гуманитарную помощь, поддерживало беженцев, осознавая сложную экономическую ситуацию в Афганистане и политические риски, то уже к концу 2022 г. вопрос о присутствии афганских мигрантов превратился в широкий общественный дискурс, в который были вовлечены меджлис, правительство, СМИ, соцсети. Непрекращающийся и плохо контролируемый приток афганских мигрантов, отсутствие данных о нелегально въехавших и периодически возникающие слухи о предоставлении афганцам иранского гражданства всколыхнули соцсети и вылились в острые дискуссии внутри меджлиса. Там прозвучали цифры от 6 до 8 млн человек, из которых 80% въехали нелегально, притом было признано, что такое количество мигрантов угрожает безопасности страны⁵. Особенной остроты недовольство таким положением проявилось после ряда террористических актов и убийств, потрясших общество, при расследовании которых обнаружился «афганский след». Летом 2022 г. — нападение на трёх представителей духовенства в Мешхеде на территории комплекса гробницы имама Резы, осенью 2023 г. — террористический акт в шиитской святыне — мечети Шах Чераг в Ширазе, убийство известного режиссёра Мехрджуи и его супруги — актрисы Мохаммадифар, волна убийств в Семнane. Рост террористических актов на территории Ирана напрямую увязывали с присутствием афганцев. Утвердилось понимание того факта, что среди мигрантов есть представители радикальных организаций, въехавшие в страну с оружием. Возможно, некоторые из них имеют прямые связи с ИГИЛ. Цель их пребывания — дестабилизация обстановки в стране.

Хотя представители МВД сообщали о выдворении подозрительных лиц, постоянном возвращении незаконных мигрантов, укреплении контроля на границах, запуске системы мер по идентификации нелегально въехавших и недопущении повторного возвращения высылаемых афганцев, росло понимание того факта, что в соответствующих органах нет программы для упорядочивания присутствия афганцев, их передвижения и адаптации в Иране, поскольку отсутствуют необходимые законодательные акты.

В меджлисе ИРИ с 2018/19 г. обсуждался проект закона о создании национальной миграционной организации, её правах и обязанностях. Был поставлен на обсуждение новый закон о гражданстве. Ни один из этих вопросов не дошёл до стадии окончательного утверждения, но в рамках

³ Jomhuri-ye-eslami. 20 mehr 1402 (12.10.2023).

⁴ Roknanet. 10.07.1402. (02.10.2023). URL: <https://www.rokna.net/fa/tiny/news-933655> (дата обращения: 15.06.2026).

⁵ Tanaghos dar amar-e mohajeran az 5 ta 8 miliun nafar [Различия в данных относительно мигрантов от 5 до 8 млн] [Decline in immigrant numbers: from 5 to 8 million people (in Persian) Khabaronline. 6 абан 1403 (2024/25). URL: khabaronline.ir/xmNMK (дата обращения: 29.04.2026).

МВД уже при правительстве М. Пезешкиана была создана структура под названием Национальная организация по делам мигрантов.

А к осени 2023 г. ввиду новой волны беженцев, которых выдворяли власти Пакистана, реализуя план репатриации, настолько усилилось социальное напряжение, особенно в районах массового проживания афганцев, что оно угрожало усугублением внутривластного кризиса. Росло понимание того, что приём миллионов афганцев дестабилизирует не только экономическую ситуацию, переживающую серьёзный кризис ввиду наложенных жёстких санкций, поскольку отнимает рабочие места у иранцев, но и приводит к росту преступности, терактов, негативно сказывается на социально-культурном развитии, ограничивая модернизационные процессы, грозит изменением структуры населения в ряде районов, а в перспективе может оказать влияние на изменение внутренней политики.

Афганцы, получившие разрешения на въезд или карту мигранта, получают государственную поддержку, пользуются наравне с иранцами многочисленными льготами на коммунальные услуги, бензин, покупают дотируемые товары. В рамках господдержки они бесплатно получают медицинские услуги. Причём количество рождений в афганских семьях значительно превышает число новорождённых в иранских. Так, из 300 родов, принятых в одной из больниц *остана* Фарс в 2022/23 г., 297 пришлось на афганских женщин⁶. Афганцы также проявляют заинтересованность в браках с иранками. Такие тенденции вызывает опасения относительно возможного изменения структуры населения некоторых районов в пользу афганцев-суннитов.

Рассматривая вопрос проживания афганцев, стоит учесть их более низкий уровень грамотности⁷, отличающийся от иранцев образ жизни, характеризующийся большей традиционностью.

Афганцы в большинстве своём — сунниты. В Иране число суннитских мечетей ограничено, даже в Тегеране власти не дают разрешения на такое строительство. Однако афганцам разрешено проведение намазов в специально отведённых местах. Их массовые религиозные собрания, особенно в маленьких городах, вызывают серьёзные опасения местных жителей, а порой высказываемое недовольство относительно расширения суннитского ислама приводит к беспорядкам в малых городах и даже акциям под лозунгом «долгой афганцев».

Афганские дети бесплатно обучаются в иранских школах. В 2023/24 учебном году их насчитывалось 600 тыс., и затраты на их обучение для государства превысили 335 млн долл., притом что от международных организаций было получено только 20 млн. В некоторых классах количество учеников-афганцев превышает число иранских школьников [Amari az daneshamuzan, 2024].

Стоит отметить, что в школы принимают даже афганских детей без документов. Еще в 1394 г. (2015/16) распоряжением духовного лидера было предоставлено разрешение всем афганским детям получать бесплатное образование⁸. Такая ситуация вызывает недоумение в иранском обществе, так как в ряде районов страны, особенно в Систане и Белуджистане, наблюдается ежегодное сокращение количества начальных классов, не хватает школ и учителей даже для иранских детей. Наблюдается уменьшение численности иранских учеников. Расчёты среднего балла успеваемости по провинциям показали, что он коррелируется с уровнем бедности, т. е. наиболее низкие баллы были продемонстрированы на экзаменах в *останах* с более низким уровнем жизни. Эта информация вызвала негативную реакцию среди общественности и подняла на обсуждение вопрос о том, что прерогатива государства — обеспечить достойное обучение своих граждан [Amari az daneshamuzan, 2024].

⁶ Tanaghos dar amar-e mohajeran...

⁷ По данным 2021 г. уровень грамотности населения Афганистана составлял 37%, а населения Ирана — 87%.

⁸ Особо оговаривалось, что школы должны принимать детей, не имеющих документов, и на бесплатной основе. Ранее со всех иностранцев, обучающихся в школах ИРИ, взималась плата. URL: <https://www.nasim.news/fa/tiny/news-2375217> (дата обращения: 26.04.2026).

Однако в то время как в соцсетях активно обсуждаются вопросы сложностей совместного обучения иранских и афганских детей, государство продолжает нести огромные расходы на обучение иностранцев при постоянно нарастающем дефиците бюджета. Исследовательский центр меджлиса летом 2022 г. опубликовал исследование «Об обучении детей мигрантов в Иране», в котором, принимая различия между уровнем развития детей, призывает «к единению иранских школьников с мигрантами в рамках учебного процесса для расширения культурных связей между народами» [Tahsil-e kudakan, 1401], что отражала основную линию руководства ИРИ в период правительств И. Раиси (2021–2023) в отношении афганских мигрантов — идеологическую обработку и воспитание их в духе ирано-исламской культуры с тем, чтобы в будущем использовать их как проводников своего влияния внутри Афганистана или прокси-силу в регионе.

Отметим, что 70% афганских детей получают только начальное образование, 20% — среднее, причем девочек, учащихся в средних школах второй ступени, в два раза больше, чем мальчиков. 10% поступают в университеты.

При правительстве И. Раиси расширилось количество стипендий для афганских студентов, а также их приём на платной основе. Они получают значительные льготы на оплату обучения, так, университет Мешхеда предоставляет им скидку в 70%. По данным, приводимым иранским исследователем проблем ирано-афганских отношений доктором М. Тишеяр, на 1402 (2023/24) г. «количество афганцев в университетах Ирана превышало 60 тыс. ... Интеллектуальная элита Афганистана сосредоточена в Иране. В Тегеране обучалось больше афганских студентов, чем в Кабуле. Поэтому Тегеран можно считать научной столицей Афганистана» [Moaven-e daneshgah, 1403].

По иранским оценкам, содержание афганских беженцев обходится властям в год в более чем 10 млрд долл., а помощь международных организаций по поддержке беженцев составляет лишь 6% расходов иранского правительства⁹. Согласно рекомендациям организации ООН по миграции — УВКБ (UNHCR), допустимое расчётное число иностранных беженцев на территории страны составляет 3% от численности её населения. Расходование таких средств из бюджета, испытывающего уже многолетний дефицит, также вызывает негативные отклики в обществе.

Экологические проблемы Ирана, в первую очередь, водный кризис, приведший к нехватке воды в ряде районов страны и вызывающий опасения резким сокращением водных ресурсов практически во всех районах, также вносит свой вклад в формирование негатива по отношению к афганцам. Поскольку именно на них переносится недовольство политикой властей Афганистана, перекрывших возможность для восточных районов ИРИ использовать воды реки Гильманд и озера Хамун, которые многие десятилетия делились двумя странами.

Приток афганцев усилил давление в ряде иранских *останах* на социальную инфраструктуру, отбирал рабочие места¹⁰, повысил общий уровень криминогенности. К концу 2023 г. афганцам административно запретили проживание в 16 провинциях, в ряде городов. И даже для студентов закрыли возможность обучения в ряде университетов.

Обсуждалась вероятность того, что провоцирование массовой миграции из Афганистана — это стратегический план талибов, позволяющий им, с одной стороны, создать в своей стране государство с опорой на один этнос, язык, религиозное течение — пуштуны, сунниты, а с другой — ослабляющий тем самым положение соседних государств, в данном случае — ИРИ, обостряя внутреннюю ситуацию экономически, создавая социальные проблемы, а также используя отдельных

⁹ Khamshahri. 23.09.1403 (11.12.2024). URL: hamshahrionline.ir/x9KnX (дата обращения: 20.04.2026).

¹⁰ В данной статье автор не рассматривает экономические последствия пребывания афганских беженцев, хотя они внесли определённый вклад в развитие экономики ИРИ, перенося свой бизнес в Иран и инвестируя в экономику ИРИ более 2 млрд долл., занимая свободные рабочие места в строительстве и других сферах. Однако укрепившийся в обществе негативный подход к мигрантам не принимал во внимание этот аспект, хотя он обсуждался на экспертных дискуссиях.

мигрантов для действий, не отвечающих национальным интересам ИРИ. В экспертных кругах ИРИ, допуская такую возможность, требовали от структур безопасности особого контроля над мигрантами вплоть до полного закрытия границ.

Ввиду противостояния религиозно-политических элит в Иране, наблюдаемого по линии либеральные и умеренно консервативные — радикально консервативные, и ввиду приближающихся выборов в меджлис зимой 2024 г. высказывались опасения о том, что в перспективе афганцы могут стать гражданами ИРИ и принимать участие в выборах, а учитывая их более низкий уровень образования, большую религиозность, более традиционный уклад жизни, они могут расширить ряды электората самых радикальных исламских течений. Сообщалось, что среди депутатов нынешнего состава 20 — афганцы по происхождению.

В ходе общественных дискуссий поднимался вопрос и о возможном влиянии языка дари на язык фарси в ИРИ.

Таким образом, несмотря на периодически проводимые властями высылки нелегальных афганцев, их пребывание в Иране провоцировало усиление кризисных явлений в экономике и обществе, что представляло вызов для властей и требовало корректировки политики по отношению к Афганистану, правительство которого не было официально признано ИРИ, но связи между соседними государствами поддерживались, развивалось торгово-экономическое сотрудничество.

Вопросы относительно политики по отношению к мигрантам были подняты и в ходе внеочередной предвыборной президентской кампании, проходившей в июне 2024 г. после гибели президента И. Раиси. Интерес к вопросу о миграционной политике впервые поднимался в истории выборов кампаний в ИРИ. Некоторые кандидаты высказывались относительно своих позиций по этому вопросу, отвечая на запросы электората. Так, М. Б. Галибаф, один из кандидатов в президенты, подчеркнув, что присутствие миллионов мигрантов может представлять угрозу для безопасности страны, её экономического и социального развития, высказался за необходимость укрепления восточной границы и окончания строительства стены вдоль неё, чтобы предотвратить проникновение нелегальных беженцев, напомнив, что одна из статей одобренного меджлисом 7-го пятилетнего плана развития предусматривает выделение бюджетных средств на эти цели. Он также отметил необходимость регистрации и контроля всех нелегальных мигрантов. [Khabaronline, 2024].

Миграционная политика нашла отражение и в предвыборных речах будущего президента М. Пезешкиана. Он, подчеркнув необходимость возведения стены на границе, а также отметив эффективный вклад афганцев в экономику ИРИ, высказался за упорядочивание проживания мигрантов на территории страны и строгое соблюдение ими законодательства ИРИ. Он также предложил обратиться с просьбой к европейским державам о принятии большего числа афганских беженцев или покрытии ими части расходов иранской стороны на содержание афганцев [Khabaronline, 2024].

С приходом к руководству исполнительной власти в Иране умеренно либеральных сил наблюдается незначительное смещение приоритетов во внешнеполитическом курсе страны, появилось отчётливое понимание, что развитие ситуации в Афганистане может представлять вызов безопасности Ирана. Этот вызов связан как с возможными изменениями расстановки сил внутри движения Талибан, так и с укреплением радикальной сети Даэш Хорасан и другими радикальными группировками.

В Иране при новом правительстве с осени 2024 г. укрепилось понимание того, что политика Ирана по отношению к Афганистану и афганским беженцам требует корректировки. ИРИ более не имеет возможностей принимать и обеспечивать афганских мигрантов, что параллельно с усилением контроля за мигрантами внутри страны и высылкой нелегально находящихся там лиц, а также строительством стены на границе Иран должен инвестировать в экономику Афганистана,

в частности, в сельскохозяйственные и транспортные проекты, создавая там рабочие места, чтобы внутри Афганистана решать проблему занятости.

МВД стало принимать более решительные меры по легализации афганцев. В марте 2025 г. Организация по делам беженцев выпустила уведомление о том, что выданные ранее визы на временное проживание (*барг-е саршомари*) будут действительны только до конца иранского 1404 г., те афганские мигранты, которые имеют право остаться в стране (учащиеся и студенты, члены семьи, в которой муж или жена имеет вид на жительство), должны позаботиться о легализации своего присутствия. Остальные должны покинуть страну [CAFIA Announcement, 2025]. На основе этого постановления стало осуществляться массовое выселение афганцев с иранской территории, особенно в дни и сразу после 12-дневной израильской агрессии. По данным УВКБ ООН на конец июня 2025 г., из Ирана в Афганистан вернулись 640 тысяч афганских беженцев, их массовое возвращение в основном не носило добровольный характер¹¹.

В июне 2026 г. в дни израильских атак на Иран стали появляться сообщения о связи отдельных групп афганских мигрантов с «Моссад» и оказании помощи при наведении беспилотников на военное руководство и объекты, интересующие израильскую сторону. Сообщалось даже о причастности афганцев к провозу в страну деталей беспилотников и их сбору в арендованных ими помещениях на территории Ирана. Министерство информации ИРИ сообщило о задержании более 700 человек по подозрению в причастности к шпионской деятельности и связях с Израилем. Значительно увеличилась численность задерживаемых силами безопасности нелегальных мигрантов. Открыто зазвучали заявления о том, что беженцы представляют угрозу безопасности. К концу июня резко возросла численность депортируемых¹².

Афганские власти и представители международных организаций выражали озабоченность массовой высылкой мигрантов. Представители «Талибана» в провинции Герат сообщали, что только за два дня — 25 и 26 июня более 60 тыс. афганцев пересекли границу¹³. В Афганистане поднялась волна недовольства политикой Ирана, вылившаяся в кампанию бойкота иранских товаров и продуктов. К концу августа 2025 г. было выслано 1 млн 800 тыс. нелегальных мигрантов.

Отметим, что некоторые иранские СМИ достаточно резко отреагировали на эти действия властей. Признавая возможность существования произраильски настроенных групп афганцев и необходимость их привлечения к уголовной ответственности, они высказали пожелания подходить к невиновным афганцам с позиций уважения человеческого достоинства, поскольку нынешний подход властей создаёт угрозу национальным интересам¹⁴.

Несомненно, что афганская проблематика после августа 2021 г. как с точки зрения выстраивания отношений с властями Талибан и складывающейся ситуации внутри этой страны и на более чем 900-километровой границе, так и с точки зрения миллионов афганцев, бежавших в Иран, беспокоила власти и общество. Правительство И. Раиси последовательно проводило традиционный курс по отношению к афганцам, утвердившийся сразу после исламской революции, рассматривая их братским народом, исповедующим ислам, принимало беженцев, предоставляло многочисленные

¹¹ В УВКБ призывают оказать помощь Афганистану в связи с массовым возвращением беженцев. /Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465796> (дата обращения: 20.04.2026).

¹² Ближний Восток: заботясь о безопасности, Иран высылает афганских мигрантов. Военно-политическая аналитика. Интернет-журнал. 18.07.2025. URL: https://vpoanalytics.com/konflikty/blizhniy-vostok-zabotyas-o-bezopasnosti-iran-vysylaet-afganskikh-migrantov/?sphrase_id=1501269 (дата обращения: 20.04.2026).

¹³ Там же.

¹⁴ Ekhrāj-e shetabzade-ye anba-e afghanestani: tahdid-e manaf'e-ye melli va Karamat-e ensani [Hasty deportation of Afghan citizens; a threat to national interests and human dignity (in Persian)] [Спешная депортация афганских граждан представляет угрозу национальным интересам и человеческому достоинству]. Fararu 08.07.2025. URL: <https://fararu.com/fa/tiny/news-882180> (дата обращения: 05.05.2026).

льготы и пособия, помогало с трудоустройством. В то же время даже после 30–40 лет их пребывания не предоставляло им гражданства, продлевая лишь вид на жительство. Афганцы активно привлекались к службе в прокси-силах в регионе и рассматривались как возможные проводники иранской политики при возвращении в свою страну.

Однако нахождение огромного количества беженцев усугубляло социально-экономическую ситуацию в стране и вызывало недовольство в обществе, провоцировало антиафганские настроения, поскольку связывало с их присутствием угрозу для безопасности и внутренней стабильности в стране.

Правительство М. Пезешкиана немного скорректировало политику, приступило более активно к отслеживанию и высылке нелегальных мигрантов, ускорило возведение стены на границе, однако серьёзных мер по упорядочиванию пребывания беженцев в Иране, разработке миграционной политики или программ их адаптации осуществлено не было. Власти находятся под двойным давлением: с одной стороны — своего общества, с другой стороны, высказывают опасения, что жёсткие методы изгнания афганцев из Ирана приведут к распространению антииранских настроений внутри Афганистана, росту там суннитского радикализма, что может напрямую угрожать Ирану. Однако июньская агрессия против ИРИ привела к массовым высылкам афганцев из страны. 40-дневные израильско-американские атаки на Иран и разрушение его военной и гражданской инфраструктуры вызвали отток из Ирана многих тысяч афганцев, считающих свою страну более безопасной.

Литература/ Reference

Норик Б. В. Афганские мигранты в Иране: угроза внутренней безопасности или будущая прокси-сила? *Социальные новации и социальные науки*. 2023. № 1. С. 122–138 [Norik B. V. Afghan migrants in Iran: internal security threat or future proxy force? *Social Novelties and Social sciences*. 2023. No. 1. Pp. 122–138 (in Russian)].

Khawari A. R. Reasons why Afghan Hazara ethnic origin immigrants do not return based on examples from Iran and Turkey. *Journal of Applied Social Sciences and Fine Arts (JASSFA)*. Isparta University. 2024. Vol. 6, No. 14. Pp. 107–125.

Natayej-e tafsili-ye sarshomari-ye omumi-ye-nofus va maskan [Detailed results of the general population census (in Persian)]. Tehran: Markaz-e amar-e Iran, 1396.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

В УВКБ призывают оказать помощь Афганистану в связи с массовым возвращением беженцев. Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465796> (дата обращения: 29.04.2026).

Amari az daneshamuzan-e afghanestani dar Iran [Statistics of Afghan schoolchildren in Iran (in Persian)] Asr-e Iran. 31.5.1403 (21.08.2024). URL: <https://asriran.com/0049xQ> (дата обращения: 29.04.2026).

Ba mohajeran-e gheyr-e ghanuni dar doulat-e Ghalibaf che barkhordi khahad shod? [Каким будет подход правительства Галибафа к нелегальным мигрантам?] [What will happen to illegal immigrants in Qalibaf's government? (in Persian)]. Khabaronline 12.06.2024. URL: khabaronline.ir/xmK7T (дата обращения: 20.04.2026).

CAFIA Announcement on the Decision for Headcount Slip Holders. UNHCR. 12.03.2025. URL: <https://help.unhcr.org/iran/en/2025/03/12/cafia-announcemnt-on-the-decision-for-headcount-slip-holders/> (дата обращения: 29.04.2026).

Chalesha-ye mohajeran-e afghan dar Iran [Вызовы для афганских мигрантов в Иране] [Challenges to Afghan migrants in Iran (in Persian)]. Farsnews 19.08.1402 (10.11.2023). URL: www.farsnews.ir/print-news/14020819000329 (дата обращения: 13.02.2024).

Dorooh H. H. Between inclusion and exclusion: Iran's selective instrumentalization of Afghan migrants. Clingendael. URL: <https://www.clingendael.org/publication/between-inclusion-and-exclusion-irans-selective-instrumentalization-afghan-migrants> (дата обращения: 20.04.2026).

Ekhraj-e shetabzade-ye anba-e afghanestani: tahdid-e manaf'e-ye melli va Karamat-e ensani [Hasty deportation of Afghan citizens; a threat to national interests and human dignity (in Persian)] [Спешная депортация афганских граждан представляет угрозу национальным интересам и человеческому достоинству]. Fararu 08.07.2025. URL: <https://fararu.com/fa/tiny/news-882180> (дата обращения: 20.04.2026).

Moaven-e daneshgah-e Allameh Tabataba'i: bish az shast hezar daneshju-ye afghan dar Iran sargarm-e tahsiland [Vice President of Allameh Tabatabaei University: More than sixty thousand Afghan students are studying in Iran (in Persian)]. Entehab.ir. 26.09.1403 (14.12.2024). URL: <https://www.entekhab.ir/003WJT> (дата обращения: 22.04.2026).

Modrzejewska-Leśniewska J. Afghan migrants in Iran in modern times. Studia z Polityki Publicznej. URL: https://www.researchgate.net/publication/347113890_Afghan_Migrants_in_Iran/citation/download?_tr=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIn19 (дата обращения: 20.04.2026).

Roknanet. 10.07.1402. (02.10.2023). URL: <https://www.rokna.net/fa/tiny/news-933655> (дата обращения: 15.06.2026).

Tahsil-e kudakan-e mohajer dar Iran. [Educating of migrant children in Iran (in Persian)] Diaran. 22.03.1401 (12.06.2022). URL: https://diaran.ir/8006/%D8%AA%D8%AD%D8%B5%DB%8C%D9%84_%DA%A9%D9%88%D8%AF%DA%A9%D8%A7%D9%86_%D9%85%D9%87%D8%A7%D8%AC%D8%B1_%D8%AF%D8%B1_%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86/ (дата обращения: 28.04.2026).

Tanaghos dar amar-e mohajeran az 5 ta 8 miliun nafar [Decline in immigrant numbers: from 5 to 8 million people (in Persian)] [Различия в данных относительно мигрантов от 5 до 8 млн] Khabaronline. 06.08.1403 (27.10.2024). URL: khabaronline.ir/xmNMK (дата обращения: 20.04.2026).

АФГАНСКИЙ МЕТАМФИТАМИН И УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© 2026

О. Е. Евсеенко¹

В статье рассматривается эволюция афганского наркотрафика с конца XX в. по настоящее время с акцентом на угрозы для стран Центральной Азии. Отмечается, что с 1998 г. Афганистан стал крупнейшим в мире производителем наркотиков опиатной группы. После 2001 г. до 2023 г. производство наркотиков опиатной группы демонстрировало тенденцию к росту. Однако в XXI в. на фоне снижения мирового спроса на героин, а также и последовавшей в 2022 г. борьбы Движения Талибан с опиатной индустрией отмечается рост популярности наркотиков синтетического ряда (фентанил, метамфитамин и т.д.), производство которых также появляется и в Афганистане. С середины 2010-х гг. фиксируется резкий рост изъятий афганского метамфитамина в сопредельных странах, включая Таджикистан, Узбекистан, Киргизию и Казахстан. Тем не менее в отличие от героина метамфитамин сталкивается в регионе с конкуренцией со стороны местного мефедрона (стимулятора схожего действия), что ограничивает его транзит в Россию и снижает угрозу для Центральной Азии по сравнению с опиатной экспансией 1990–2000-х гг.

Ключевые слова: Афганистан, Центральная Азия, наркотики, метамфитамин, наркотрафик

Для цитирования: Евсеенко О. Е. Афганский метамфитамин и угроза безопасности для стран Центральной Азии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 192–199. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-192-199

AFGHAN METHAMPHETAMINE AND THE SECURITY THREAT TO CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Olga E. Evseenko

The article examines the evolution of Afghan drug trafficking from the late twentieth century to the present, with an emphasis on threats to the countries of Central Asia. It notes that since 1998, Afghanistan has become the world's largest producer of opiate-group drugs. From 2001 to 2023, the production of opiate-group drugs showed an upward trend. However, in the twenty-first century, against the backdrop of declining global demand for heroin, as well as the Taliban movement's subsequent crackdown on the opium industry in 2022, there has been a rise in the popularity of synthetic drugs (fentanyl, methamphetamine, etc.), the production of which is also emerging in Afghanistan. Since the mid-2010s, a sharp increase in seizures of Afghan methamphetamine has been recorded in neighbouring countries, including Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan and Kazakhstan. Nevertheless,

¹ Евсеенко Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; mitrofanenkova.olga@bk.ru

Olga E. Evseenko, PhD (Hist.), research fellow at the Center for the Study of the Countries of the Near and Middle East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; mitrofanenkova.olga@bk.ru
ORCID: 0000-0003-0076-2956

unlike heroin, methamphetamine faces competition in the region from local mephedrone (a stimulant with similar effects), which limits its transit to Russia and reduces the threat to Central Asia compared to the opiate expansion of the 1990s–2000s.

Keywords: Afghanistan, Central Asia, drugs, methamphetamine, drug trafficking

For citation: Evseenko O. E. Afghan Methamphetamine and the Security Threat to Central Asian Countries. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 192–199. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-192-199

Начиная с 1998 г. Афганистан был известен как крупнейший в мире производитель наркотиков опиатной группы (преимущественно героина). После операции США «Несокрушимая свобода» в 2001 г. объёмы производимых наркотиков в Афганистане стали расти стремительными темпами, что привело к расширению рынков сбыта. В результате в 2000-е годы выделяли три маршрута афганского наркотрафика. Первым из них был Балканский маршрут, который проходил через территорию Пакистана и Ирана, поставляя наркотики к конечному потребителю в странах Европы. Вторым маршрутом стал Северный маршрут, который прошёл через территорию стран Центральной Азии и далее в Россию и страны Балтии. Третьим маршрутом был Южный маршрут, который также использовал порты Пакистана и Ирана. Однако данный маршрут состоит из целой цепочки более мелких каналов поставки наркотиков в страны Африки и Ближнего Востока, а также в Азию, Австралию и Океанию и доходит до стран Северной Америки. Таким образом, в начале XXI в. афганский героин распространился практически по всему миру.

Однако в начале XXI в. во всем мире отмечалось постепенное снижение спроса на традиционный героин. Всё большую популярность начали набирать наркотики синтетического ряда, которые по своему воздействию относились уже к наркотикам стимулятивного ряда, тогда как героин имел диаметрально противоположный седативный эффект.

Согласно отчётам Управления ООН по наркотикам и преступности (далее УНП ООН) рынок синтетических наркотиков продолжает расширяться во всём мире. Этому способствует тот факт, что синтетические наркотики часто можно производить ближе к рынкам назначения, чем другие виды наркотиков. Это даёт такие преимущества, как более низкие эксплуатационные расходы, меньше препятствий для производства и сниженный риск обнаружения, пресечения и судебного преследования. Согласно данным за 2023 г. около 31 млн человек во всём мире потребляли наркотики амфитаминового ряда на постоянной основе, что демонстрирует сильный рост в сравнении с 2018 г., когда насчитывалось 24,7 млн человек, употреблявших данный наркотик на постоянной основе. Амфетамин является наиболее популярным синтетическим наркотиком в странах Европы, на Ближнем и Среднем Востоке².

Однако для лучшего понимания степени угрозы от афганского метамфетамина для стран Центральной Азии необходимо рассмотреть то, какую угрозу для них представлял афганский героин.

Угроза афганского героина для стран Центральной Азии

Одним из первых маршрутов афганского наркотрафика, который появился ещё в середине 1980-х гг., стал Северный маршрут. С помощью этого маршрута героин, который был произведён в Афганистане, поставлялся через страны Центральной Азии в Россию. А через территорию России

² Основные выводы. Всемирный доклад о наркотиках УНП ООН. ООН, Вена, 2025. URL: <https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR2025/2511227R.pdf> (дата обращения: 15.04.2026).

афганские наркотики уже поступали на рынки стран Прибалтики, Восточной и Северной Европы. В данном маршруте Россия играла роль и рынка сбыта, и транзитной зоны. Тем не менее в 1980-е годы объёмы наркотрафика через советские центральноазиатские республики были незначительные. Преимущественно это было связано с усилением охраны советско-афганской границы после Саурской революции 1978 г. [Христофоров, 2016, с. 261–271]. Наряду с этим, как ранее уже было отмечено, в самом Афганистане производилось не столь большое количество наркотиков в отличие от соседнего Пакистана [Митрофаненкова, 2024, с. 303–311].

В 1990-е годы в самом Афганистане произошёл сильный рост объёмов наркопроизводства, что также привело и к увеличению поставок по основным маршрутам наркотрафика, в том числе и через страны Центральной Азии.

В 1992–1995 гг. Афганистан выпускал 2200–2400 т опия в год, оспаривая первое место у Мьянмы. В 1996 г. здесь было произведено 2250 т. В дальнейшем отмечался резкий рост производства наркотиков. В 1999 г. произведено 4600 т наркотиков [Марсен, 2002, с. 159–160].

Важно отметить, что после распада Советского Союза страны Центральной Азии столкнулись с внушительным комплексом проблем, который привёл к дестабилизации политической ситуации, снижению уровня жизни населения, распространению радикального ислама и терроризма, росту преступности, контрабандной торговли, а также распространению наркотиков.

Гражданская война в Таджикистане, которая длилась с 1992 г. по 1997 г., способствовала проникновению криминальных элементов в Афганистан, которые в короткие сроки наладили поток афганских наркотиков в страны Центральной Азии. Террористическая организация Исламское Движение Узбекистана (далее ИДУ) основала свои базы в тех областях Таджикистана, которые граничат с Ферганской долиной и провинциями северного Афганистана, где производились наркотики. Благодаря их военным усилиям в конце 1990-х гг. удалось обезопасить маршруты распространения наркотиков через Ферганскую долину [Rubin, 2008, p. 55]. Особенности рельефа, этнического состава местного населения, а также затруднённый контроль над данной территорией со стороны официальных властей делал эту область привлекательной для наркоторговцев. Прежде всего Ферганская долина является межгорной впадиной, что делает данную область труднодоступной. Наряду с этим долину между собой делят Узбекистан, Таджикистан и Киргизия. В центральной части долины расположены узбекские области (Ферганская, Наманганская и Андижанская), по краям — киргизские (Джалал-Абадская, Баткенская и Ошская) и таджикские (Согдийская) области. Практически все административные единицы отделены от столиц республик естественными границами [Бобокулов, 2014, с. 7–20]. Таким образом, данная территория стала очень привлекательна как для террористических группировок, так и для наркоторговцев. В результате через Ферганскую долину прошёл афганский наркотрафик.

К концу 1990-х годов сформировалось три основных маршрута наркотрафика в Центральной Азии:

Алтын-Мазарский маршрут, берущий своё начало в районе Рушанского хребта на границе Афганистана с Таджикистаном в западной части Горно-Бадахшанской автономной области. Он проходил через ущелья Памира и Заалайского хребта до Чон-Алайской долины Ошской области;

Карамыкский маршрут включал в себя многочисленные горные тропы, которые использовались для переходов из Джиргатальского и других районов Таджикистана в Баткенский и Кадамжайский районы Ошской области;

Худжанский маршрут охватывал шоссейные дороги и примыкающие к ним территории от Худжанда через Ляйлякский район Ошской области, а также прилегающие районы Таджикистана и Узбекистана до города Ош [Боготуров, 2011, с. 253–254].

Во второй половине 1990-х годов начал заметно расти объём доставки наркотиков через страны СНГ (Таджикистан, Киргизию, Туркменистан, Россию), а оттуда через государства Балтии в Европу. Четыре маршрута поставки афганских наркотиков в западные страны проходили через Центральную Азию:

1. Кандагар — Герат — Туркмения;
2. Кандагар — Балх — Джаузджан — Республика Узбекистан;
3. Кундуз — Хатлонгская область Республики Таджикистан;
4. Пешавар — Читрал (северо-западный Пакистан) — афганский Бадахшан — Горно-Бадахшанская автономная область (Таджикистан) — Киргизия [Лалетин, 2003, с. 101].

Афганский наркотрафик в странах Центральной Азии привёл к вовлечению местного населения в криминальные виды деятельности, связанные с незаконным распространением наркотиков, распространению наркомании и заболеваний, передающихся через кровь (ВИЧ/СПИД), развитию теневой экономики, росту коррупции среди чиновников, росту финансовых поступлений террористическим и радикальным организациям [Аманбекова, 2019, с. 1103–1110].

В 2010 г. до 25% (около 100 т) всего героина, произведённого в Афганистане, поступало в страны Центральной Азии. При этом наиболее значимые транзитные зоны для афганских наркотиков находились в Таджикистане (из-за его непосредственной границы с Афганистаном). Наряду с этим наркотики из Таджикистана дальше поступали уже в Узбекистан или Киргизию, а оттуда в Казахстан и далее в Россию. Чаще использовался маршрут, который проходил через Киргизию, — из-за более высокого уровня коррупции³.

В период с 2011 г. по 2015 г. на территории Центральной Азии изымалось в среднем в год 2,3 т опия-сырца и 1,7 т героина. Географическое распределение изъятий героина в Центральной Азии показывает их концентрацию вблизи таджикской границы с Афганистаном, а также в Ферганском оазисе и в Казахстане. Часть изъятий также была совершена в Узбекистане на границе с Таджикистаном [Afghan opiate trafficking along the Northern route, p. 41]. Центральная Азия выступала транзитной зоной для афганских наркотиков в Россию.

В 2021 г. после повторного прихода Движения Талибан к власти в Афганистане отмечалось увеличение объёмов наркотрафика в страны Центральной Азии⁴. Однако в последние годы в связи с борьбой талибов с производством героина в Центральной Азии отмечается сокращение поставок героина и при этом увеличение наркотрафика афганского метамфетамин⁵.

Переход к производству метамфетамин в Афганистане

Сегодня нелегальное производство метамфетамин в Афганистане представляет растущую угрозу. Изъятия предположительно афганского метамфетамин были уже зарегистрированы в странах Европейского союза, Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии и в Восточной Африке. Согласно данным УНП ООН рост изъятий метамфетамин в соседних с Афганистаном странах отмечался в период с 2019 г. по 2022 г. [Understanding Illegal Methamphetamine Manufacture in Afghanistan, p. 5].

³ UNODC reveals devastating impact of Afghan opium. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/press/releases/2009/october/unodc-reveals-devastating-impact-of-afghan-opium-.html> (дата обращения: 15.04.2026).

⁴ The Impact of Afghanistan's Drug Trade on its Neighbours. URL: <https://static1.squarespace.com/static/63e4aef3ae07ad445eed03b5/t/655c7ba1dd14bd2d12e40a84/1700559778688/SOCACE-RP25-AfghanDrugTradeImpact-20Nov23.pdf> (дата обращения: 15.04.2026).

⁵ Special points of interest. UNODC. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2024/WDR_2024_SPI.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

Увеличение объёмов наркотрафика метамфитамина в соседних с Афганистаном странах (данные основаны на объёмах перехвата контрабанды), таких как Пакистан, Таджикистан, Узбекистан, Иран, указывает на то, что оборот метамфитамина быстро растёт, изменяя нелегальные наркорынки, которые ранее были ориентированы на поставки афганских опиатов [Understanding Illegal Methamphetamine Manufacture in Afghanistan, p. 6].

Важно отметить, что переход к производству метамфитамина в Афганистане связан не только с популярностью данного наркотика на мировых рынках, но также и с более простым и дешёвым производством данного наркотика.

Эфедрин в изобилии произрастает на территории Афганистана. Данное растение содержит эфедрин, который является ключевым активным веществом в наркотиках метамфитаминного ряда. Наряду с этим активно используются лекарственные препараты, содержащие эфедрин, для последующего производства наркотиков.

Обычно стоимость производства метамфетамина с содержанием активного вещества 50–70% (эфедрин) из эфедры в Афганистане составляет от 300 до 400 долл., а из лекарств от простуды — от 500 до 750 долл., что делает производство данного наркотика из эфедры немного более прибыльным, исходя из того, что оптовая цена за 1 кг метамфитамина в Афганистане составляет 700 долл. [Understanding Illegal Methamphetamine Manufacture in Afghanistan, p. 8].

Важно также отметить, что растение эфедрин не находится под таким международным контролем, как куст коки или поля опийного мака. Данное растение часто используют в Китае для производства лекарств от простудных заболеваний. В некоторых областях Центральной Азии и Афганистана эфедрин используется в качестве кормовой культуры для скота (верблюдов, овец и т. д.). В связи с этим отсутствуют точные данные о площадях посевов эфедрин⁶.

Из выше сказанного можно сделать вывод, что сырьё для производства метамфитамина более дешёвое и доступное и при этом не подпадает под международный антинаркотический контроль в отличие от опийного мака. Наряду с этим лекарства от простуды, содержащие эфедрин, могут быть как легально закуплены афганским руководством, так и ввезены в качестве гуманитарной помощи.

В отличие от производства метамфитамина производство героина в Афганистане представляло более сложный процесс. Прежде всего сложности возникали с поставками прекурсоров, необходимых для производства героина, в частности, уксусного ангидрида. На легальных рынках цена 1 л уксусного ангидрида составляла приблизительно 1 долл. В Афганистане же отсутствовали производства (производство удобрений, лекарств, лакокрасочное производство и т. д.), для которых данный реагент мог быть легально закуплен. В результате его ввозили контрабандой, и цена за 1 л уже составляла от 300 до 700 долл., что зависело от объёма контрабанды и от того, сколько было перехвачено правоохранными органами в странах транзита [The global afghan opium trade, p. 93]. При этом УНП ООН на протяжении более двух десятилетий предоставляет статистические данные как о площадях посевов опийного мака, так и об объёмах урожая. Вместе с тем точные данные об объёмах производства метамфитамина, а также площадях, занятых эфедрой, в источниках отсутствуют.

Таким образом, можно сделать вывод, что производство метамфитамина для Афганистана сегодня представляет большую выгоду, чем производство героина, особенно учитывая его сложное экономическое положение (около 23 млн человек в Афганистане нуждаются в экономической помощи⁷).

⁶ Ephedra. National Center for Complementary and Integrative Health (NCCIH). URL: www.nccih.nih.gov/health/ephedra (дата обращения: 16.05.2025).

⁷ Poverty and hunger intensify in Afghanistan 2024. URL: <https://shiawaves.com/english/news/islam/afghanistan/115977-poverty-and-hunger-intensify-in-afghanistan-in-2024/> (дата обращения: 19.02.2026).

Угроза афганского метамфитамина для стран Центральной Азии

Ранее уже было отмечено, что афганский наркотрафик прошёл через страны Центральной Азии ещё в конце XX в., став угрозой для национальной безопасности центральноазиатских государств.

После 2014 г. в странах Центральной Азии, кроме Туркмении, стали учащаться случаи перехвата контрабанды афганского метамфитамина [Regional overview. Central Asia and Oceania, p. 53], что свидетельствовало о росте его производства в Афганистане, а также и о потенциальном на него спросе в центральноазиатских государствах и России.

Афганский метамфетамин активно поступает в соседний Таджикистан, а оттуда — в Киргизию. Министерство внутренних дел Таджикистана нередко заявляло об изъятиях контрабанды афганского метамфитамина. Так, в 2020 г. таджикские правоохранительные органы изъяли крупную партию метамфитамина афганского происхождения, которая стоила более 1 млн долл.⁸ Изначально предполагалось, что афганский метамфетамин не должен был ограничиваться только нелегальным рынком наркотиков стран Центральной Азии, и допускалось, что возможен дальнейший наркотрафик в Россию. Это подтверждалось изъятием партий афганского метамфитамина в Казахстане в 2014 и 2015 гг. [Regional overview. Central Asia and Oceania, p. 55], который многие годы был воротами для наркотиков из Афганистана в Россию. Однако данный вывод в последующем не нашёл подтверждения, что было связано с особенностями нелегального рынка наркотиков в России.

При этом важно отметить, что в странах Центральной Азии и России также существует проблема, связанная с местным производством другого наркотика — мефедрона. Об этом также свидетельствуют сообщения о перехвате контрабанды правоохранительных органов Казахстана⁹ и России¹⁰. Вместе с тем граждане Таджикистана часто участвуют в контрабанде как прекурсоров, необходимых для производства мефедрона, так и готового наркотика¹¹ в Россию. Согласно данным МВД России мефедрон также производится и на территории РФ¹². УНП ООН отмечает наличие лабораторий по производству мефедрона и в Казахстане [Regional overview. Central Asia and Oceania, p. 57].

Стоит добавить, что мефедрон, так же как и метамфетамин, является наркотиком стимулятивного ряда. Эти два наркотика сильно похожи по своим химическим свойствам и воздействию на индивида.

Учитывая схожесть двух наркотических веществ, можно сделать вывод, что на рынке нелегальных наркотиков в Центральной Азии афганский метамфетамин встречает конкуренцию со стороны местного мефедрона. В России отсутствуют данные об изъятиях афганского метамфитамина. Можно сделать вывод, что в Россию афганский метамфетамин не поставляется, так как здесь ему составит серьёзную конкуренцию аналог местного производства мефедрон. При этом можно предположить, что афганский метамфетамин будет не способен конкурировать по цене с российским или центральноазиатским мефедроном из-за более сложной и дорогостоящей транспортировки.

⁸ Таджикские милиционеры задержали партию метамфитамина из Афганистана. URL: <https://fergana.media/news/115547/> (дата обращения: 21.02.2026).

⁹ Более пяти тысяч доз мефедрона изъяли у наркосбытчика в ВКО. URL: <https://www.inform.kz/ru/bole-pyati-tisyach-doz-mefedrona-izyali-u-narkosbitchika-v-vko-96792e> (дата обращения: 06.03.2026).

¹⁰ Почти тонну прекурсоров для производства мефедрона пытались ввезти из Центральной Азии в Москву. URL: <https://asiaplus.news/2024/07/09/pochti-tonnu-prekursorov-dlya-proizvodstva-mefedrona-pytalis-vvezti-iz-centralnoj-azii-v-moskvu/> (дата обращения: 08.03.2026).

¹¹ У наркоторговца из Таджикистана в ХМАО изъяли 100 свёртков с мефедроном и гашишем. URL: <https://86.ru/text/criminal/2023/03/24/72161918/> (дата обращения: 15.04.2026).

¹² Сотрудники МВД России пресекли деятельность нарколаборатории по изготовлению мефедрона. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravleniya/gunk/Novosti/item/20216016 (дата обращения: 15.04.2026).

Из выше написанного можно сделать вывод, что афганский метамфетамин хоть и поступает в страны Центральной Азии, однако угроза от него намного меньше, чем от поставляемого ранее героина. При этом местное производство мефедрона представляет большую угрозу для стран Центральной Азии. Основываясь на данных о перехвате контрабанды метамфетамина в центрально-азиатских странах, видно, что маршруты его распространения в регионе совпадали с маршрутами героинового наркотрафика.

Литература/ References

Аманбекова Ш. Афганский наркотрафик и проблема региональной безопасности в Центральной Азии. *Постсоветские исследования*. 2019. Т. 2. № 3. С. 1103–1110 [Amanbekova Sh. Afghan Drug Trafficking and the Problem of Regional Security in Central Asia. *Postsovetskie issledovaniya*. 2019. Vol. 2. No. 3. Pp. 1103–1110 (in Russian)].

Бобокулов И. Ферганская долина как FATA? *Центральная Азия и Кавказ*. 2014. Т. 17. Вып. 4. С. 7–20 [Bobokulov I. The Fergana Valley as FATA? *Tsentrāl'naya Aziya i Kavkaz*. 2014. Vol. 17. Iss. 4. Pp. 7–20 (in Russian)].

Лалетин Ю. П. Производство наркотиков в Афганистане. *Востоковедный сборник*. 2003. № 18. С. 101 [Laletin Yu. P. Drug Production in Afghanistan. *Vostokovednyi Sbornik*. 2003. No. 18. P. 101 (in Russian)].

Марсден П. *Талибан. Война и религия в Афганистане*. М.: [б. и.], 2002. С. 159–160 [Marsden P. Taliban. War and Religion in Afghanistan. Moscow, 2002. Pp. 159–160 (in Russian)].

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы. Под ред. А. Д. Богатурова. М.: [б. и.], 2011. С. 253–254 [Bogaturov A. D. (ed.). *International Relations in Central Asia: Events and Documents*. Moscow, 2011 (in Russian)].

Митрофаненкова О. Е. Формирование центра наркопроизводства в Афганистане и в Пакистане в 1980-е годы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 303–311 [Mitrofanenkova O. E. Formation of the Drug Production Center in Afghanistan and Pakistan in the 1980s. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 1. Pp. 303–311 (in Russian)].

Христофоров В. С. *Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг.* М.: ИРИ РАН, 2016. С. 261–271 [Khristoforov V. S. Afghanistan: *Military-Political Presence of the USSR 1979–1989*. Moscow: IRI RAN, 2016. Pp. 261–271 (in Russian)].

Afghan opiate trafficking along the Northern route. UNODC, Vienna, 2018.

Regional overview. Central Asia and Oceania. UNODC, Vienna, 2022.

Rubin B. R. *Counter-narcotics to Stabilize Afghanistan: the false promise of crop eradication*. New York: Center of International Cooperation New York University, 2008.

The global Afghan opium trade. A threat assessment. UNODC, Vienna, 2011.

Understanding Illegal Methamphetamine Manufacture in Afghanistan. UNODC, New York, 2003.

Электронные ресурсы / Online resources

Более пяти тысяч доз мефедрона изъяли у наркосбытчика в ВКО. URL: <https://www.inform.kz/ru/bole-pyati-tisyach-doz-mefedrona-izyali-u-narkosbitchika-v-vko-96792e> (дата обращения: 06.03.2026).

Почти тонну прекурсоров для производства мефедрона пытались ввезти из Центральной Азии в Москву. URL: <https://asiaplus.news/2024/07/09/pochti-tonnu-prekursorov-dlya-proizvodstva-mefedrona-putalis-vvezti-iz-czentrальной-azii-v-moskvu/> (дата обращения: 08.03.2026).

Сотрудники МВД России пресекли деятельность нарколаборатории по изготовлению мефедрона. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravleniya/gunk/Novosti/item/20216016 (дата обращения: 15.04.2026).

Таджикские милиционеры задержали партию метамфетамина из Афганистана. URL: <https://fergana.media/news/115547/> (дата обращения: 21.02.2026).

У наркоторговца из Таджикистана в ХМАО изъяли 100 свёртков с мефедроном и гашишем. URL: <https://86.ru/text/criminal/2023/03/24/72161918/> (дата обращения: 15.04.2026).

Ephedra. National Center for Complementary and Integrative Health (NCCIH). URL: www.nccih.nih.gov/health/ephedra (дата обращения: 16.05.2025).

Poverty and hunger intensify in Afghanistan 2024. URL: <https://shiawaves.com/english/news/islam/afghanistan/115977-poverty-and-hunger-intensify-in-afghanistan-in-2024/> (дата обращения: 19.02.2026).

Special points of interest. UNODC. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2024/WDR_2024_SPI.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

The Impact of Afghanistan's Drug Trade on its Neighbours. URL: <https://static1.squarespace.com/static/63e4aef3ae07ad445eed03b5/t/655c7ba1dd14bd2d12e40a84/1700559778688/SOCACE-RP25-AfganDrugTradeImpact-20Nov23.pdf> (дата обращения: 15.04.2026).

UNODC reveals devastating impact of Afghan opium. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/press/releases/2009/october/unodc-reveals-devastating-impact-of-afghan-opium-.html> (дата обращения: 15.04.2026).

ИСЛАМАБАД — КАБУЛ: КОРРЕКТИРОВКА АФГАНСКОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (2025–2026 гг.)

© 2026

Н. А. Замараева¹

2021–2025 гг. — период переосмысления Исламабадом афганского вектора внешней политики. Захват власти талибами в Афганистане в 2021 г. рассматривался как стратегическая победа над сверхдержавой; и часть этой победы — заслуга Исламабада в переговорном процессе между США и афганскими талибами.

Планы на формирование дружественного государства на западной границе Пакистана и далее, за пределами Афганистана, формирования геоэкономического сотрудничества с государствами Центральной Азии приостановлены из-за невыполнения афганскими талибами ряда требований Исламабада. Одно из них — ликвидация мест укрытий запрещённой в Пакистане группировки Движение Талибан Пакистана (ДТП). До прихода к власти лидеров движения Талибан Исламабад высказывал надежду, что «нейтрализация» боевиков группировки, базировавшейся на территории Афганистана, снизит уровень террора в Пакистане. Исламабад заявляет, что террористические акты с территории Афганистана недопустимы, так как угрожают безопасности страны.

Экономический раскол и военные столкновения в пограничных районах обеих стран (дипломатические отношения не затронуты) отражают расхождение между соседними государствами с разной формой правления. Пакистан сосредоточился на ликвидации террористических сетей, действующих из Афганистана, используя все средства — политические и военные. Военные операции «Радд-уль-Фитна-1», «Газаб лиль-Хак» и др., начатые федеральной армией после терактов ДТП на территории Пакистана, ставили целью ликвидацию боевиков.

Будущее соседних государств заключается в прагматическом сотрудничестве.

Ключевые слова: Исламский Эмират Афганистан (ИЭА), афганские талибы, Китай, Пакистан, Движение Талибан Пакистана (ДТП), региональные вызовы

Для цитирования: Замараева Н. А. Исламабад — Кабул: корректировка афганского вектора внешней политики (2025–2026 гг.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 200–206. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-200-206

ISLAMABAD — KABUL: ADJUSTING THE AFGHAN VECTOR OF FOREIGN POLICY (2025–2026)

Natalya A. Zamaraeva

¹ Замараева Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; olunja@mail.ru

Natalya A. Zamaraeva, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; olunja@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2457-0000

2021–2025 is the period of Islamabad's rethinking of the Afghan vector of foreign policy. The Taliban's takeover of Afghanistan in 2021 was seen as a strategic victory over a superpower USA; and part of that victory was due to Islamabad's role in the negotiations between the USA and the Afghan Taliban.

Plans to establish a friendly state on Pakistan's western border and, beyond Afghanistan, to foster geo-economic cooperation with Central Asian states have been suspended due to the Afghan Taliban's failure to comply with a number of Islamabad's demands. One of these demands is the elimination of hideouts of one banned group in Pakistan – Tehrik-e Taliban Pakistan (TTP). Before the Afghan Taliban came to power, Islamabad expressed hope that the 'neutralization' of the group's militants, based in Afghanistan, would reduce the level of terror in the internal regions of Pakistan. Terrorists operating from Afghanistan are not allowed to undermine Pakistan's security.

The economic rift and military operations in the border areas of both states (diplomatic relations are not affected) reflect the divergence between neighboring states with different forms of government.

Pakistan is focused on eliminating terrorist networks operating from Afghanistan, using all means—political and military. Operations 'Radd-ul-Fitna-1' and 'Operation Ghazab lil-Haq', launched by the federal army following the TTP attacks on Pakistani soil, were aimed at eliminating militants.

The future of neighboring states lies in pragmatic cooperation.

Keywords: Islamic Emirate of Afghanistan, The Afghan Taliban, Pakistan, China, Pakistan, Pakistan Taliban, regional problems

For citation: Zamaraeva N. A. Islamabad — Kabul: Adjusting the Afghan Vector of Foreign Policy (2025–2026). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 200–206. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-200-206

Нестабильность региональной обстановки, по заявлению командования федеральной армии Пакистана, в 2025–2026 гг. была вызвана совокупностью причин: обострением геополитической конкуренции; трансграничным терроризмом, гибридными угрозами и т. д. [Нессар М. О., Окимбеков У. В., Пойя, 2025].

Исламабад неоднократно заявлял об эскалации насилия боевиков запрещённой организации Движение Талибан Пакистана (ДТП)². Вслед за ДТП группировки Армия освобождения Белуджистана (АОБ) и Фронт освобождения Белуджистана (ФОБ) расширили список правонарушений, включая блокирование автомагистралей, захват транспортных средств, теракты на инфраструктурных объектах и т. д. Трансграничные переходы и активность террористических групп, таких как ДТП и АОБ, на афганской территории создавали угрозу безопасности для Пакистана, стремятся к региональной и глобальной легитимации своих представлений об угрозах, связанных с Афганистаном.

В 2025 г. в Пакистане зафиксировано 699 террористических атак, 80% из которых совершены в провинции Хайбер-Пахтунхва. Целями нападений на протяжении многих лет являются сотрудники сил безопасности и правоохранительных органов.

Официальные лица страны связывали большую их часть с трансграничными переходами из Афганистана; призывали власти эмирата оказать давление на боевиков, продолжали призывать к запретительным действиям против ДТП, которая, базируясь в разных провинциях Афганистана, продолжала совершать террористические атаки во внутренних районах Пакистана³.

² Terrorists operating from Afghanistan won't be allowed to undermine Pakistan's security: CDF Munir. Dawn. 21.03.2026. URL: <https://www.dawn.com/news/1984256/terrorists-operating-from-afghanistan-wont-be-allowed-to-undermine-pakistans-security-cdf-munir> (дата обращения: 25.04.2026).

³ Ministry of Foreign Affairs. Government of Pakistan. Transcript of the Press Briefing by the Spokesperson on Thursday 15th January 2026. 15.01.2026. URL: <https://mofa.gov.pk/press-releases/transcript-of-the-press-briefing-by-the-spokesperson-on-thursday-15th-january-2026> (дата обращения: 29.04.2026).

Власти Кабула в ответ резко реагировали на просьбы Исламабада обуздать ДТГП, а также на угрозы президента США Д. Трампа о том, что будущая помощь будет зависеть от возврата предоставленной военной техники.

Ситуация в пакистано-афганском пограничье осложнялась наличием большого количества новейшего оружия американского производства — штурмовые винтовки, пулемёты и приборы ночного видения, предназначенные для борьбы ещё с вооружённой афганской оппозицией. В основном это были винтовки М16, а также несколько современных моделей карабинов М4, приборы ночного видения PVS14, которые и в настоящее время на вооружении армии США. Уходя из Афганистана, коалиционные войска бросили более четверти миллиона винтовок и около 18 000 очков ночного видения. Афганская армия и боевики ДТГП «бесплатно» получили натовские трофеи. В 2021–2026 гг. оружие использовалось ДТГП и другими антиправительственными группировками.

Внешнеполитическое ведомство Пакистана подчёркивало ещё в конце января 2025 г., что «...наличие передового американского вооружения... нарушает режим безопасности Пакистана»⁴.

Основные нелегальные рынки продажи оружия расположены вдоль пакистано-афганской границы; один из известных находится в административном центре Дарра-Адамхеле к югу от Пешавара, который существует ещё со времён первой англо-афганской войны в 1838–1842-х гг. Афганские талибы подчёркивали, что оружие, изъятое Пакистаном на рынках или в боестолкновениях с боевиками, «составляет ничтожную долю от общего количества, которое закупали для афганцев за годы борьбы против иностранных коалиционных войск» [Noack, 2025].

События подтверждали, что афганские талибы не были готовы отказаться от базирующейся на их территории ДТГП. За несколько недель до возвращения афганских талибов к власти в августе 2021 г. генерал Х. Фаиз, возглавлявший Межвидовую разведку, заявил, что борьба талибов в соседней стране (Афганистане. — *Н. З.*) представляет собой «пуштунское националистическое восстание,... афганское движение Талибан и Движение Талибан Пакистана — две стороны одной медали» [Khan, 2025].

Власти в Исламабаде согласились с промахами, допущенными в отношении движения Талибан ещё до вывода коалиционных войск США/ НАТО (2019–2021 гг.) и позднее, после прихода к власти в Кабуле афганских талибов в августе 2021 г. В те годы военно-гражданские власти высказывали убеждённость, что афганские талибы в дальнейшем будут следовать указаниям Исламабада. Подобная убеждённость основывалась на активном участии Пакистана в решении вопросов безопасности в Афганистане и договорённостей с США, по итогам которых в феврале 2019 г. заключено соглашение о выводе в перспективе коалиционных США/НАТО войск из Афганистана.

В 2025 г. Исламабад с сожалением констатировал «возвращение» Индии в Афганистан, сотрудничество с властями исламского эмирата, учитывая, что в годы международной антитеррористической военной кампании в Афганистане он поддерживал исключительно администрации президентов Х. Карзая и А. Гани. И, наконец, Линия Дюранда, т. е. официально признанная Исламской Республикой Пакистан в качестве государственной границы с Афганистаном, не признаётся властями Исламского Эмирата Афганистан.

Учитывая приведённые факты, в 2025–2026 гг. военно-гражданские власти внесли коррективы в афганский вектор внешней политики Пакистана. Меняя тактику взаимодействия с ИЭА, Исламабад принял решение оказать максимальное давление на Кабул с целью заставить изменить позицию в отношении ДТГП.

⁴ Ministry of foreign affairs. Government of Pakistan. Statement by the Spokesperson regarding US weapons left behind in Afghanistan. 29.01.2025. URL: <https://mofa.gov.pk/press-releases/us-decision-to-take-back-advance-weapons-left-behind-in-afghanistan> (дата обращения: 25.03.2026).

Пакистан одновременно:

- проводит точечные трансграничные удары по местам расположения ДТП во внутренних районах Афганистана;
- возобновляет военные операции в районах пуштунских племён провинции Хайбер-Пахтунхва;
- усиливает пограничный контроль;
- блокирует погранпереходы;
- активизирует борьбу с незаконной деятельностью, включая борьбу с контрабандой, наркотрафиком и организованными преступными сетями⁵.

В 2025–2026 гг. депортация афганских беженцев, пограничные блокады, торговые и транспортные запреты и т. д. не принесли желаемого результата для Исламабада.

Осенью 2025 г. Исламабад вновь обращается к дипломатии. В октябре 2025 г. в Стамбуле стартовали пакистано-афганские переговоры. Региональные форумы Исламабад использовал для проведения широкой информационной кампании, привлечения внимания к проблемам безопасности; одновременно ставил цель достичь консенсуса среди соседних с Афганистаном стран для выработки совместных скоординированных действий против боевиков ДТП. Пакистан и Афганистан продолжали выдвигать взаимные обвинения. В дальнейшем на непродолжительное время Катар и Турция сумели спасти переговорный процесс.

Однако уже в ноябре 2025 г., после третьего раунда встреч министр обороны Пакистана Ходжа Асиф заявил, что переговоры по трансграничному терроризму «завершены» и «вступили в неопределённую фазу»; переговорщикам не удалось преодолеть глубокие разногласия между двумя сторонами⁶. Исламабад вышел из переговорного процесса с афганской стороной, закрыл границу, поставив на паузу торговые связи с Кабулом. В порту Карачи застряли грузы из Китая, Вьетнама, Малайзии, контейнеры с гуманитарной помощью от Всемирной продовольственной программы и т. д.

Позднее, уже в декабре 2025 г., в иранской столице состоялась встреча спецпредставителей по Афганистану из Пакистана, Китая, России, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана. Афганские власти отказались приехать. Однако Тегеранский формат не смог согласовать план действий, выпустить совместное коммюнике из-за разногласий участников.

Страны региона, приветствуя региональные форумы, на практике сотрудничали с властями ИЭА на двусторонней основе. Многие из них полагали, что ограниченное взаимодействие с Движением Талибан сохранит рычаги влияния на Кабул; другие думали, что нормализация отношений без соблюдения властями Кабула взятых обязательств подрывает режим безопасности в регионе.

Афганские власти, в свою очередь, взяли курс на двустороннее сотрудничество, контакты с региональными и внерегиональными странами, одновременно избегая выполнения обязательств на многосторонних форумах. Пакистан заинтересован в коллективном подходе, легитимизации на региональном уровне проблем безопасности в Афганистане, в частности запрещённой группировки Движение Талибан Пакистана.

И длительный переговорный процесс, и авиаудары по предполагаемым местам укрытий боевиков террористической ДТП не давали эффективных результатов. Закрытие границы на несколько месяцев всегда влечёт за собой значительные потери экспортных доходов для властей исламского

⁵ ISPR. Press Release. Participants of the National Security Workshop-27 (NSW-27) visited General Headquarters (GHQ) today, where they received comprehensive briefings on Pakistan's regional and internal security landscape and prevailing national security environment. November 26, 2025. No PR-380/2025-ISPR. URL: <https://ispr.gov.pk/press-release-detail?id=7513> (дата обращения: 25.04.2026).

⁶ Pakistan, Afghanistan seek to firm up truce in Istanbul talks. Dawn. 25.10.2025. <https://www.dawn.com/news/1951149> (дата обращения: 20.04.2026).

эмирата, которые в рассматриваемый период оценивались в 400 млн долл. Экспорт в Пакистан в 2021–2024 гг. составлял от 880 до 566 млн долл. Экономическое давление, как предполагали в Исламабаде, вызовет недовольство представителей массового мелкого бизнеса, которые в свою очередь направят его на правящую администрацию ИЭА⁷.

В конце 2025 г. федеральная армия продолжала контртеррористические кампании в рамках концепции «Азм-и-Истехкам» (утверждена Национальным планом действий, 2014 г.) с целью искоренения угрозы иностранного терроризма в стране. В декабре 2025 г. силы безопасности провели разведывательную операцию в районе Кохлу провинции Белуджистан⁸.

В декабре 2025 г. боевики ДТП вновь совершили нападение на погранпост в районе Куррам недалеко от афганской границы. И вновь Исламабад обвинил Кабул в эскалации насилия. И афганские власти вновь отвергли обвинения. Но предупреждение Исламабада было услышано. Джирга, на которую были приглашены до тысячи афганских священнослужителей со всей страны и прибыл временный премьер-министр мулла Мохаммад Хасан Ахунд, а также другие высокопоставленные чиновники, 10 декабря 2025 г. приняла фетву (политическое и юридическое заявление), в которой заверялось, что «...афганская территория не будет использована для причинения вреда какой-либо стране, и также власти обязались противостоять всем элементам, которые вмешиваются в конфликты за пределами границ Афганистана»⁹.

Фетва обязывала власти не использовать территорию страны против других государств. Спустя несколько часов после её издания министр иностранных дел Афганистана Амир Хан Муттаки подтвердил поддержку фетвы правительством. Двойную религиозную и политическую клятву в Кабуле давали на фоне растущего давления.

Однако Исламабад придерживался позиции, что региональные форумы, региональное сотрудничество не помогли разорвать связи афганских талибов с террористическими группировками. Напротив, взаимодействие и постоянная гуманитарная помощь, оказываемая соседними с Афганистаном государствами и международным сообществом, придали режиму смелости продолжать поддержку ДТП. Несмотря на нарушения прав человека внутри страны, Движению Талибан удалось установить дипломатические контакты и открыть офисы в 39 странах.

В декабре 2025 — январе 2026 гг. силы безопасности и правоохранительные органы Пакистана провели военную операцию «Радд-уль-Фитна-1» — вновь в Белуджистане. Обнаруженный склад оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и оборудования иностранного происхождения указывал, по заявлению военного командования, на «...систематическое внешнее содействие и логистическую поддержку указанных экстремистских группировок»¹⁰.

Генералитет столкнулся с противодействием местных властей. Провинциальная администрация обвиняла федеральные власти в нежелании согласовывать с местной администрацией сроки проведения операции в долине Тирах, насильственном перемещении местных жителей для

⁷ Afghan border closure. Dawn. 22.01.2026. URL: <https://www.dawn.com/news/1968370> (дата обращения: 20.04.2026).

⁸ On 25 December 2025, security forces conducted an intelligence based operation in Kohlu District of Balochistan, on reported presence of terrorists belonging to Indian proxy, Fitna al Hindustan. 26.12.2025. URL: <https://ispr.gov.pk/press-release-detail?id=7565> (дата обращения: 20.04.2026).

⁹ With a Fatwa and Official Pledges, The Taliban Offer Implicit Reassurances to Pakistan. Asharq Al-Awsat. 14.12.2025. URL: <https://english.aawsat.com/world/5218628-fatwa-and-official-pledges-taliban-offer-implicit-reassurances-pakistan> (дата обращения: 25.04.2026).

¹⁰ Security forces have successfully concluded Operation Radd-ul-Fitna-1 in Balochistan under which a series of coordinated, swift, and intelligence driven operations were conducted against Indian sponsored terrorist elements seeking to disrupt peace and development by targeting innocent civilians, including women and children. Rawalpindi. February 05, 2026. No PR-37/2026-ISPR. URL: <https://ispr.gov.pk/press-release-detail?id=7609> (дата обращения: 20.04.2026).

проведения силовыми структурами военной операции против всех запрещённых террористических групп, укрывавшихся в долине.

Сложный и длительный процесс переговоров завершился тем, что только с середины января 2026 г. старейшины и местные жители племён согласились покинуть дома; на время проживания в пунктах временного размещения федеральные власти согласились выплачивать им финансовую помощь. Тогда же, в январе 2026 г., правительство Ш. Шарифа разрешило реэкспорт транзитных грузов для Афганистана, которые находились в порту Карачи, с целью снижения штрафных санкций для афганских импортёров от растущих сборов за простой.

Следующий этап — военные операции в провинции Хайбер-Пахтунхва в районах Оракзай, Хайбер и Баджауре, Бану (Южный Вазиристан) в пакистано-афганском пограничье. В феврале 2026 г. военное командование также отдало приказ о начале операции «Газаб лиль-Хак» («Праведная ярость») против афганских талибов после «неспровоцированного обстрела» с другой стороны границы. И вновь в марте 2026 г. между сторонами произошла интенсивная артиллерийская перестрелка; которая стала самым масштабным военным столкновением между двумя соседними странами с момента начала пограничных столкновений в октябре 2025 г. Внешнеполитическое ведомство Пакистана заявило, что действия были предприняты в рамках осуществления его права на самооборону и для обеспечения безопасности своих граждан. Трансграничные обстрелы подтвердили, что двусторонний конфликт вышел на новый уровень. Пакистан объявил состояние «открытой войны» после бомбардировок крупных афганских городов¹¹.

Власти Исламского Эмирата Афганистан заявили о готовности к переговорам. В феврале 2026 г. генеральный секретарь ООН Антонио Гутерриш и представитель Китая в ООН Сунь Лэй предупредили о вновь надвигающейся террористической угрозе на Пакистан. Китайский посланник призвал к более тесному сотрудничеству с Кабулом, чтобы противостоять повторному превращению Афганистана в убежище для террористических организаций и предотвратить приезд иностранных террористов [Iqbal, 2026]¹².

Заключение

События убедили власти Исламского Эмирата Афганистан пересмотреть приоритеты политики в условиях меняющейся реальности и фрагментации международного порядка. Пакистан продолжал обвинять Индию в «...финансировании террористических элементов, действовавших против Пакистана, в том числе из Афганистана, а также внетерриториальных убийств...»¹³

Литература / Reference

Нессар М. О., Окимбеков У. В., Пойя С. *Афганистан: Талибан у власти (2021–2025 гг.)*. М.: ИВ РАН, 2025 [Nessar Omar, Okimbekov Ubaid, Sameulla Pojya. *Taliban in power (2021–2025)*. Moscow: IVRAN, 2025 (in Russian)].

¹¹ Pakistan declares state of 'open war' after bombing major Afghan cities. The Guardian. 27.02.2026. URL: <https://www.theguardian.com/world/2026/feb/27/pakistan-declares-state-of-open-war-after-bombing-major-afghan-cities> (дата обращения: 20.04.2026).

¹² Iqbal A. China, UN warn of terror spillover into Pakistan. Dawn. 01.02.2026. URL: <https://www.dawn.com/news/1970288/china-un-warn-of-terror-spillover-into-pakistan> (дата обращения: 20.04.2026).

¹³ Ministry of foreign affairs. Government of Pakistan. Transcript of the Press Briefing by the Spokesperson on Thursday 15th January 2026. 15.01.2026. URL: <https://mofa.gov.pk/press-releases/transcript-of-the-press-briefing-by-the-spokesperson-on-thursday-15th-january-2026> (дата обращения: 29.04.2026).

Электронные ресурсы / Online Resources

Afghan border closure. Dawn. 22.01.2026. URL: <https://www.dawn.com/news/1968370> (дата обращения: 20.04.2026).

Ecurity forces have successfully concluded Operation Radd-ul-Fitna-1 in Balochistan under which a series of coordinated, swift, and intelligence driven operations were conducted against Indian sponsored terrorist elements seeking to disrupt peace and development by targeting innocent civilians, including women and children. Rawalpindi. February 05, 2026. No PR-37/2026-ISPR. URL: <https://ispr.gov.pk/press-release-detail?id=7609> (дата обращения: 20.04.2026).

<https://www.dawn.com/news/1984256/terrorists-operating-from-afghanistan-wont-be-allowed-to-undermine-pakistans-security-cdf-munir> (дата обращения: 25.04.2026).

Iqbal A. China, UN warn of terror spillover into Pakistan. Dawn. 01.02.2026. URL: <https://www.dawn.com/news/1970288/china-un-warn-of-terror-spillover-into-pakistan> (дата обращения: 20.04.2026).

ISPR. Press Release. Participants of the National Security Workshop-27 (NSW-27) visited General Headquarters (GHQ) today, where they received comprehensive briefings on Pakistan's regional and internal security landscape and prevailing national security environment. November 26, 2025. No PR-380/2025-ISPR. URL: <https://ispr.gov.pk/press-release-detail?id=7513> (дата обращения: 25.04.2026).

Khan I. How Faiz's hubris came undone with failure of TTP 'resettlement project'. Dawn. 12.12.2025. URL: <https://www.dawn.com/news/1960607/how-faizs-hubris-came-undone-with-failure-of-ttp-resettlement-project> (дата обращения: 20.04.2026).

Ministry of Foreign Affairs. Government of Pakistan. Statement by the Spokesperson regarding US weapons left behind in Afghanistan. 29.01.2025. URL: <https://mofa.gov.pk/press-releases/us-decision-to-take-back-advance-weapons-left-behind-in-afghanistan> (дата обращения: 25.03.2026).

Ministry of Foreign Affairs. Government of Pakistan. Transcript of the Press Briefing by the Spokesperson on Thursday 15th January 2026. 15.01.2026. URL: <https://mofa.gov.pk/press-releases/transcript-of-the-press-briefing-by-the-spokesperson-on-thursday-15th-january-2026> (дата обращения: 29.04.2026).

Noack R., Horton A., Khan Haq Nawaz, Hussain Sh. U.S. weapons from Afghan war give Pakistani militants a deadly advantage. The Washington Post. 14.04.2025. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2025/04/14/afghanistan-war-weapons-pakistan-taliban-militants/> (дата обращения: 20.04.2026).

On 25 December 2025, security forces conducted an intelligence based operation in Kohlu District of Balochistan, on reported presence of terrorists belonging to Indian proxy, Fitna al Hindustan. 26.12.2025. URL: <https://ispr.gov.pk/press-release-detail?id=7565> (дата обращения: 20.04.2026).

Pakistan declares state of 'open war' after bombing major Afghan cities. The Guardian. 27.02.2026. URL: <https://www.theguardian.com/world/2026/feb/27/pakistan-declares-state-of-open-war-after-bombing-major-afghan-cities> (дата обращения: 20.04.2026).

Pakistan, Afghanistan seek to firm up truce in Istanbul talks. Dawn. 25.10.2025. URL: <https://www.dawn.com/news/1951149> (дата обращения: 20.04.2026).

Terrorists operating from Afghanistan won't be allowed to undermine Pakistan's security: CDF Munir. Dawn. 21.03.2026. URL: <https://www.dawn.com/news/1984256/terrorists-operating-from-afghanistan-wont-be-allowed-to-undermine-pakistans-security-cdf-munir> (дата обращения: 25.04.2026).

With a Fatwa and Official Pledges, The Taliban Offer Implicit Reassurances to Pakistan. Asharq Al-Awsat. 14.12.2025. URL: <https://english.aawsat.com/world/5218628-fatwa-and-official-pledges-taliban-offer-implicit-reassurances-pakistan> (дата обращения: 25.04.2026).

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ «ТЕХРИК-е ТАЛИБАН ПАКИСТАН»
И АФГАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ТАЛИБОВ
КАК КАТАЛИЗАТОР АФГАНО-ПАКИСТАНСКОГО КРИЗИСА**

© 2026

С. Пойя¹

Особое внимание в статье уделяется эволюции тактики и стратегии ТТП. Изначально ориентированная на локальные задачи, организация со временем расширила свои амбиции, стремясь дестабилизировать обстановку во всём Пакистане. Исследуются изменения в её внутренней структуре, появление новых лидеров после ликвидации предыдущих, а также способность адаптироваться к контртеррористическим операциям пакистанской армии. Анализируется, как внешние факторы, такие как ситуация в Афганистане и региональная геополитическая напряжённость, влияют на жизнеспособность и активность ТТП.

Рассматривая взаимоотношения ТТП с афганским правительством талибов, автор подчёркивает сложность и противоречивость этих связей. Кабул, стремясь к международному признанию и стабильности, вынужден лавировать между поддержкой своих идеологических союзников и необходимостью сдерживать их деятельность, которая напрямую вредит отношениям с соседним Пакистаном. Эта двойственность позиции афганских талибов создаёт дополнительные вызовы для урегулирования конфликта.

Наконец, автор подводит итог, оценивая долгосрочные перспективы противостояния.

Ключевые слова: Афганистан, Пакистан, талибы, «Техрик-е Талибан Пакистан»

Для цитирования: Пойя С. Взаимодействие «Техрик-е Талибан Пакистан» и афганского правительства талибов как катализатор афгано-пакистанского кризиса. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 207–215. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-207-215

**THE INTERACTION BETWEEN TEHREEK-e TALIBAN PAKISTAN
AND THE AFGHAN TALIBAN GOVERNMENT AS A CATALYST FOR THE
AFGHAN-PAKISTANI CRISIS**

Sameullah Poya

The article focuses on the evolution of the TTP's tactics and strategy. Initially focused on local objectives, the organization has expanded its ambitions over time, seeking to destabilize the entire Pakistani region. It examines changes in its internal structure, the emergence of new leaders after the elimination of previous ones, and its ability to adapt to Pakistani military counterterrorism operations. It also analyzes how external factors, such as the situation in Afghanistan and regional geopolitical tensions, influence the TTP's viability and activity.

¹ Пойя Семеулла, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; sameullah.poya@mail.ru

Sameullah Poya, PhD (Hist.), Senior Researcher Center for the Study of the Near and Middle East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; sameullah.poya@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8259-1216

Examining the TTP's relationship with the Afghan Taliban government, the author emphasizes the complexity and contradictions of these ties. Kabul, striving for international recognition and stability, is forced to navigate between supporting its ideological allies and the need to curb their activities, which directly harm relations with neighboring Pakistan. This ambivalence in the Afghan Taliban's position creates additional challenges for conflict resolution.

Finally, the author concludes by assessing the long-term prospects for the standoff.

Keywords: Afghanistan; Pakistan; Taliban; Tehreek-e Taliban Pakistan

For citation: Poya S. The Interaction Between Tehreek-e Taliban Pakistan and the Afghan Taliban Government as a Catalyst for the Afghan-Pakistani Crisis. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 207–215. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-207-215

Характеристика «Техрик-е Талибан Пакистан»²

«Техрик-е Талибан Пакистан» (ТТП) представляет собой зонтичную структуру исламистских боевиков, сформировавшуюся в 2007 году в северо-западных племенных районах Пакистана вдоль линии Дюранда. Организация объединила ряд суннитских мусульманских группировок, действовавших на территории страны. ТТП является одной из наиболее крупных и опасных воинствующих организаций в Пакистане³.

Деятельность ТТП преимущественно носит партизанский характер, в связи с чем её боевики рассредоточены по различным регионам страны, включая Синд и Панджаб. Исторически племенные районы Пакистана служили для боевиков удобной базой, в том числе для членов сети «Аль-Каида»⁴, укрывавшихся там после американского вторжения в Афганистан в 2001 году. В качестве социальной опоры ТТП выступает часть пуштунского и белуджского населения, проживающего в племенном поясе.

По оценкам ООН, численность ТТП достигает 35 000 боевиков, что позволяет рассматривать данную организацию как одну из крупнейших джихадистских структур в регионе.

Первоочередными целями и стратегическими задачами ТТП являются провозглашение автономии северо-западных племенных территорий, введение шариата и установление исламского правления в районах ФАТА в Пакистане. Конечной целью организации является трансформация конституционного строя страны и создание «исламского государства» на всей территории Пакистана.

Идеологическая позиция ТТП в отношении Пакистана основана на утверждении, что сохранение существующей системы препятствует установлению мира в регионе. В рамках своей риторики ТТП представляет исламскую систему как механизм защиты религиозных и национальных ценностей граждан. Достижение этой цели рассматривается руководством организации как необходимое условие региональной стабильности.

Тактика ТТП предполагает создание хаоса и атмосферы страха, ослабление государственных оборонительных институтов и установление контроля над отдельными территориями с последующим расширением влияния. В результате деятельность ТТП нанесла Пакистану значительный ущерб.

² Организация запрещена в России.

³ Отношения между «Техрик-е Талибан Пакистан» и афганскими тадибами [Рахбета-е «Тахрик-и талибан Пакистан» ба талибан-и афган]. URL: <https://www.da.azadiradio.com/a/32767547.html/> (дата обращения: 17.01.2026). На яз. дари.

⁴ Международная террористическая организация, деятельность которой официально запрещена на территории Российской Федерации.

Согласно представлениям ТТП, одна из ключевых характеристик исламской системы заключается в защите религии, собственности, жизни, чести и душевного спокойствия людей. Вместе с тем в отличие от ИГИЛ ТТП не выдвигает развёрнутую внешнеполитическую повестку и не претендует на универсальную программу действий в отношении других государств.

Лидеры пакистанских талибов

С момента создания «Техрик-е Талибан Пакистан» (ТТП) руководство организацией неоднократно менялось. Основателем и первым эмиром ТТП был Байтулла Мехсуд⁵, который погиб в августе 2009 года в результате удара американского беспилотника в Южном Вазиристане. После его гибели, хотя наиб-амиром организации был Хафиз Гуль Бахадур⁶, руководство перешло к Хакимулле Мехсуду⁷, который возглавлял организацию до 2013 года, когда был убит в результате очередного удара американского беспилотника в Северном Вазиристане.

После гибели Хакимуллы Мехсуда лидерство в ТТП перешло к Фазлулле (Фазлу Хаяту)⁸. В период его руководства пакистанская армия активизировала операции в племенных районах

⁵ Нечитайло Д. Отряд не заметил потери бойца. Независимое. 28.08.2009. URL: https://nvo.ng.ru/wars/2009-08-28/5_taliban.html. (дата обращения: 12.02.2026); URL: <https://lenta.ru/news/2009/08/07/mehsud1/> (дата обращения: 12.02.2026).

Байтулла Мехсуд (около 1970–1974 по 05 августа 2009) был пакистанским джихадистом, одним из основателей и первым лидером движения Tehrik-e-Taliban Pakistan (ТТП, Пакистанский Талибан), объединившим около 27 группировок в декабре 2007 года. Он родился в деревне Ланди Док (Южный Вазиристан, племя Мехсуд), получил только начальное религиозное образование в медресе. В 2004 году участвовал в обмене пленными с пакистанскими властями, в 2005-м году Байтулла возглавлял до 5000 боевиков, координировал атаки против сил США, НАТО в Афганистане, пакистанской армии и правительства. Ему приписывают ответственность за убийство Беназир Бхутто (декабрь 2007), взрывы в Равалпинди (2007), атаку на полицейскую академию в Лахоре (2009) и около 80–90% терактов-смертников в Пакистане и Афганистане в 2007–2009 годах. Сотрудничал с "Аль-Каидой", отвергал любые переговоры с США.

⁶ URL: https://military-history.fandom.com/wiki/Hafiz_Gul_Bahadur (дата обращения: 09.03.2026) (на англ. яз.). Хафиз Гуль Бахадур родился около 1961 года и вырос в деревне в Северном Вазиристане в клане Мадда Кхел племени Утманзай Вазир и является потомком антиколониального лидера Мирзали Хана (Факира из Ипи). Лидер пакистанской группировки «Талибан», базирующейся в Северном Вазиристане. После создания «Техрик-е-Талибан Пакистан» (ТТП) в декабре 2007 года был назначен главным наибомамиром группировки под руководством Байтуллы Мехсуда, который базировался в Южном Вазиристане, но в значительной степени дистанцировался от ТТП из-за соперничества с Мехсудом и разногласий по поводу нападения ТТП на пакистанские власти.

Бахадур владел медресе недалеко от Мирамшаха. В 2001 году он возглавлял студенческое крыло партии Jamiat Ulema-e-Islam-Fazal (JUI-F), где набрал ополчение в 4000 человек против возможного развёртывания миротворцев ООН на границе с Афганистаном.

После вторжения США в Афганистан в 2001 году Бахадур предоставлял убежище талибам, "Аль-Каиде" и другим группам. В 2005 году он организовал сопротивление пакистанской армии, проводившей операции против иностранных боевиков; в 2006 году заключил мирное соглашение, обещая вытеснить иностранцев. В 2007 году стал первым заместителем лидера Tehreek-e-Taliban Pakistan (ТТП), но разошёлся с ними из-за фокуса на Афганистане, а не Пакистане. Его группировка (Hafiz Gul Bahadur Group) контролировала значительную часть Северного Вазиристана, проводила теракты в Пакистане и Афганистане, обучала смертников.

⁷ URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1829727> (дата обращения: 12.02.2026); URL: <https://tass.ru/arhiv/754712>. (дата обращения: 12.02.2026). Хакимулла Мехсуд (1979–2013) — родился в районе Сарвойки (Южный Вазиристан), получил базовое религиозное образование. Работал водителем грузовика и такси, затем присоединился к боевикам: в 2004–2005 годах участвовал в обменах пленными и перемириях с пакистанскими властями, позже стал сподвижником Байтуллы Мехсуда в группировке. Организовал ключевые теракты: обстрел сборной Шри-Ланки по крикету в Лахоре (март 2009), взрыв в Пешаваре (июнь 2009), атаки на ЦРУ в Афганистане (2010) и другие. Сотрудничал с "Аль-Каидой", отвергал мирные переговоры; США объявили награду \$5 млн за его голову.

⁸ URL: [https://military-history.fandom.com/wiki/Fazlullah_\(militant_leader\)](https://military-history.fandom.com/wiki/Fazlullah_(militant_leader)) (дата обращения: 12.02.2026) (на англ. яз.). Фазл Хайят родился в 1974 году в районе Сват (северо-запад Пакистана) в семье пуштунов. Получил религиозное образование, работал на мельнице и занимался контрабандой. Он более известен как Маулана Фазлулла или "Радио-мулла" (1974–2018), был пакистанским террористом, лидером талибов в долине Сват и эмиром Tehrik-e-Taliban Pakistan (ТТП) с 2013 года. В 2001 году воевал на стороне талибов в Афганистане против сил США, после чего вернулся в Пакистан и возглавил группу Tehrik-e-Nifaz-e-Shariat-e-Mohammadi (TNSM), основанную его тестем Суфи Мохаммадом.

Вазиристана, что вынудило его и значительную часть боевиков покинуть территорию Пакистана и укрыться в Афганистане. Фазлулла был убит в 2018 году в результате удара американского беспилотника в провинции Кунар. С 2018 года лидером ТТП является муфтий Нур Вали Мехсуд, также известный как Абу Асим Мансур⁹.

Теневое правительство ТТП¹⁰

В декабре 2022 года ТТП представило новую структуру управления, сформированную по модели «правительства», что было направлено на демонстрацию организационной устойчивости и политических амбиций движения. Эта структура включает элементы, имитирующие государственные институты, в том числе подразделения, обозначенные как министерства обороны, внутренних дел, образования, экономики, строительства, политических дел и судебной власти, а также орган, уполномоченный на издание фетв, военные комиссии, оперативные лагеря и специальные подразделения смертников и Главное управление разведки (разведка).

Согласно сообщению *Republic World* со ссылкой на информированный источник, движение «Техрик-е Талибан Пакистан» разделило свою деятельность на два региона — северный и южный. К северному региону отнесены Пешавар, Малаканд, Мардан, Гилгит-Балтистан и Хазара, а к южному — Дера-Исмаил-Хан, Банну, Кохат и Жоб. В рамках данной структуры лидер «Техрик-е Талибан Пакистан» Нурул Улум Мехсуд возглавляет разведывательное подразделение, а муфтий Музахим¹¹, включённый в санкционный список Государственного департамента США, назначен министром обороны.

С 2007 года контролировал Сват, вводя шариат через радио FM-станцию, устраивая публичные казни и порки. После операции пакистанской армии в 2009 году отступил в племенные районы. Организовал теракты, включая покушение на Малалу Юсафзай (2012) и резню в школе Пешавара (2014, 149 погибших). Под его руководством ТТП усилил атаки на пакистанские силы.

⁹ URL: <https://sangar.info/t/q/kto-takoj-nur-vali-mekhsud>, <https://asiaplustj.info/ru/node/353693> (дата обращения: 12.02.2026). Нур Вали Мехсуд родом из Южного Вазиристана (племя Мехсуд) (род. 26 июня 1978), также известный как Абу Мансур Асим или Муфти Нур Вали.

Получил религиозное образование, автор книги «Революция Мехсуда». Воевал с афганскими талибами против Северного альянса и сил НАТО. В 2000-х возглавлял операции ТТП в Карачи: вымогательство, похищения, ограбления банков для финансирования группы.

Восстановил структуру ТТП после внутренних расколов и операций пакистанской армии. Под его руководством группировка усилила атаки на пакистанские силы безопасности, координируя удары из баз в Афганистане; имеет связи с «Аль-Каидой» и ИГИЛ-Хорасан. Включён в санкционные списки ООН.

По данным СМИ, предположительно убит 9 октября 2025 года авиаударом в Кабуле (Афганистан) на автомобиле Land Cruiser; пакистанские источники приписывают удар своим силам.

¹⁰ «Техрик-е Талибан Пакистан», теневое правительство «Техрик-е Талибан Пакистан», давлат да саия]. Etemadonline. 29.11.1401. URL: <https://www.etemadonline.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%A8%DB%8C%D9%86-%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%84%D9%84-17/589629-%D9%BE%D8%A7%DA%A9%D8%B3%D8%AA%D8%A7%D9%86-%D8%AA%D8%AD%D8%B1%DB%8C%DA%A9-%D8%B7%D8%A7%D9%84%D8%A8%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D9%81%D8%BA%D8%A7%D9%86%D8%B3%D8%AA%D8%A7%D9%86>. (дата обращения: 13.02.2026).

¹¹ В ходе встречи в Стамбуле был убит высокопоставленный лидер пакистанских талибов [кошта шодан-е яки аз рахбаран-е аршад-е талибан-е Пакистан хамзаман ба нешаст-е Стабул] THE EPOCH TIMES. 09.07.1404. URL: <https://persianepochtimes.com/a-senior-pakistani-taliban-leader-was-killed-during-the-istanbul-meeting/> (дата обращения: 14.02.2026). (на яз. дари).

Кари Амджад Свати (псевдоним «Муфти Музахим») — один из высших военных командиров ТТП, ликвидированный 30 октября 2025 г. во время Стамбульских переговоров ТТА–Пакистан в спецоперации пакистанской армии в Баджуре (Хайбер-Пахтунхва).

Ключевые операции под его командованием:

- 2021–2025: Направлял атаки ТТП из Кундуз/Кабула,
- Организовал присягу ТТП Эмирату после падения Кабула.

Тактика: Командовал "возвращением" боевиков через линию Дюранда.

По данным *The Independent*, новая организационная структура «Техрик-е Талибан Пакистан» включает два крупных оперативных лагеря под названием «Аль-Фарук», что отсылает к аналогичной модели, применяемой талибами после установления контроля над Афганистаном. В структуру также входит специальное подразделение смертников, аналогичное тому, которое существует в системе афганских талибов. Главное управление разведки, подчинённое лидеру движения, по-видимому, является одним из ключевых органов безопасности, сопоставимых с соответствующими структурами афганских талибов.

Военная операция Пакистана против ТТП и ответные действия¹²

Военные действия Пакистана против ТТП развивались с переменным успехом, однако правительственным силам удалось добиться ряда значимых результатов, вытеснив боевиков в труднодоступные районы. На протяжении многих лет ТТП осуществляло партизанские нападения в племенных районах, а также теракты-смертники на территории Пакистана.

Переломным моментом в эскалации конфликта стало нападение на армейскую школу в Пешаваре 16 декабря 2014 года, которое стало одной из наиболее резонансных террористических атак в истории страны. В результате теракта погибли более 140 человек, в том числе школьники, учителя и сотрудники сил безопасности; ответственность за нападение взяло на себя руководство ТТП. По данным источников, атака была представлена как ответ на действия пакистанской армии в Северном Вазиристане, а сама школа была выбрана специально. Ведь она находилась под патронажем пакистанской армии, а большинство её учеников — дети военнослужащих¹³.

В ответ пакистанские власти ужесточили антитеррористическую политику, отменив мораторий на смертную казнь для террористов и активизировав силовые операции. Пакистанские ВВС нанесли ряд авиаударов по базам ТТП, а наземные операции привели к разрушению части инфраструктуры группировки и вынудили отдельных боевиков, включая Муллу Факира Мухаммада¹⁴, покинуть территорию Пакистана и укрыться в Афганистане.

С сентября 2021 года по середину мая 2022 года ТТП совершило свыше 170 террористических атак, в результате которых погибли более 170 полицейских, военнослужащих, сотрудников полувоенных формирований и гражданских лиц. По данным Центра военно-стратегических исследований Пакистана, за три месяца было зафиксировано 240 столкновений, в ходе которых погибли 236 пакистанцев и 124 боевика ТТП. Наибольшая концентрация атак наблюдалась в племенных районах Хайбер-Пахтунхвы и Белуджистана, где ТТП опирается на свою этническую базу.

В 2023 году число террористических атак в Пакистане увеличилось на 69 процентов; в результате этих нападений погибли 974 человека, еще 1351 получили ранения¹⁵. За несколько дней до национальных и провинциальных выборов, состоявшихся 8 февраля 2024 года, боевики атаковали полицейский участок в Чодване в округе Дера-Исмаил-Хан, убив 10 сотрудников сил

¹³ При захвате школы в Пакистане погибли более 100 детей. РБК.16.12.2014. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/12/2014/549019cb2ae596c93f290c7f> (дата обращения: 22.01.2026).

¹⁴ URL: <https://www.ppl-ai-file-upload.s3.amazonaws.com> (дата обращения: 09.03.2026). Мулана Факир Мухаммад (Maulana Fakir Muhammad) — ключевой идеолог и один из основателей ТТП, входил в первоначальный Шура (совет) из 32 лидеров. Возглавлял Баджурскую группу (агентство ФАТА), отвечал за идеологическое единство зонтичной структуры. Участвовал в объединении ТТП с афганским Талибаном (2008–2009).

¹⁵ Назир Ахмад Мир. Проблема «Техрик-е Талибан Пакистан» и отношения между Афганистаном и Пакистаном. *The Diplomat*. 08.02.2024. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.a399850d-69f6ca28-798e8687-74722d776562/https://thediplomat.com/2024/02/pakistans-ttp-challenge-and-afghanistan-pakistan-relations/ (дата обращения: 03.05.2026).

безопасности. После возвращения афганских талибов в Афганистан количество и интенсивность террористических атак в Пакистане возросли¹⁶.

Позиция пакистанских политических и религиозных элит по отношению к ТТП в значительной степени сформировалась как ответ на нарастающую угрозу терроризма и особенно после трагедии в Пешаваре 16 декабря 2014 года. После этого нападения премьер-министр Наваз Шариф созвал совещание с участием руководителей основных политических партий, большинство из которых поддержало государственные меры против террористов; в публичной риторике этот теракт был воспринят как общенациональная трагедия и вызов государственности.

Значимую роль в формировании общественно-политической реакции сыграли и религиозно-политические деятели. Так, представители парламента и религиозных кругов открыто осудили насилие ТТП, характеризуя его как фитну и как явление, несовместимое с исламскими нормами и общественным порядком. В результате в пакистанском политическом дискурсе ТТП всё более отчетливо воспринималось не как участник политического конфликта, а как непосредственная угроза безопасности государства и граждан.

Слова покойного Хаджи Фазла Карима стали катализатором дальнейших действий. Его решительное выступление пробудило среди депутатов и в пакистанском обществе понимание необходимости беспощадной борьбы с терроризмом¹⁷.

После этого пламенного призыва Национальная ассамблея при поддержке общественности дала зелёный свет военным для проведения масштабных операций против ТТП. Операции «Зурб-е-Мубин» и «Рад аль-Фасад» стали прямым воплощением слов Хаджи Фазла Карима, направленным на искоренение зла и восстановление мира и стабильности¹⁸.

Военные действия, начавшиеся после выступления парламентария, отразили курс Пакистана на борьбу с терроризмом. Операции против укрытий боевиков способствовали снижению террористической угрозы. Потери среди военнослужащих стали частью усилий по обеспечению безопасности страны.

Наследие Хаджи Фазла Карима сохранилось в контексте пакистанской антитеррористической политики. Его выступление способствовало инициации парламентских дискуссий по борьбе с терроризмом. Имя парламентария ассоциируется с началом усиления мер против ТТП.

В ранний период часть пакистанских элит занимала более мягкую позицию по отношению к талибским структурам в связи с афганским конфликтом и попытками переговоров. После серии крупных атак, включая нападение на школу в Пешаваре, эта позиция утратила поддержку, а силовое противодействие ТТП получило широкое одобрение.

Переговоры и их провал

После прихода афганских талибов к власти в 2021 году Исламабад рассчитывал, что Кабул сможет выступить эффективным посредником в переговорах с ТТП. Действительно, в 2021–2022 годах при участии афганских талибов был проведён ряд раундов переговоров между ТТП

¹⁶ Проблема пакистанского ТТП и афгано-пакистанские отношения [Pakistan's TTP Challenge and Afghanistan-Pakistan Relations]. Nazir Ahmad Mir. INDIAN STRATEGIC STUDIES. 11.02.2024. URL: <https://www.strategicstudyindia.com/2024/02/pakistans-ttp-challenge-and-afghanistan.html> (дата обращения: 03.05.2026) (на англ. яз.).

¹⁷ Мангал. Афганистан, две встречи, два заявления [масала-е Афганистан, ду мулакатин, ду баяния-е]. 05.10.2021. URL: <https://www.urdupoint.com/daily/column/amir-ismail/35161/masla-afghanistan-2-mulaqatain-2-biyaniye.html> (дата обращения: 17.01.2026). (на яз. урду).

¹⁸ Там же.

и пакистанскими властями, включая временные соглашения о прекращении огня, однако добиться устойчивого политического урегулирования не удалось.

Основной причиной провала стали принципиальные разногласия по содержанию возможного соглашения и взаимное недоверие сторон. Пакистан настаивал на разоружении и нейтрализации ТТП, тогда как руководство движения не было готово к отказу от своих требований и сохраняло возможность возобновления вооружённой активности. В результате перемирия носили краткосрочный характер и часто нарушались новыми атаками, что лишь усиливало атмосферу кризиса¹⁹.

На практике это означало, что посредническая роль афганских талибов оказалась ограниченной. Исламабад ожидал, что после прихода талибов к власти в Афганистане проблема ТТП будет смягчена, однако этого не произошло; напротив, конфликт приобрёл более затяжной характер и стал одним из ключевых факторов напряжённости в пакистано-афганских отношениях.

Конкретные условия талибов

По имеющимся сообщениям, афганские талибы обозначали свою посредническую позицию через несколько принципиальных условий: прекращение атак ТТП с территории Афганистана, ведение переговоров Исламабада с ТТП без предварительной криминализации его членов и предоставление письменных гарантий по неограниченному функционированию пограничных переходов, прежде всего Торкхама и Чамана. Такая позиция отражала стремление Кабула сохранить баланс между посредничеством в пакистанском урегулировании и отказом от силового разрыва с ТТП.

На практике эти условия не привели к устойчивому результату. Перемирия между Пакистаном и ТТП, достигнутые при содействии афганских талибов, в том числе соглашение 2021 года, были сорваны, а группировка возобновила атаки по всей стране. Одновременно пакистано-афганские отношения осложнялись закрытием пограничных переходов, включая Торкхам и Чаман, что превращало приграничный вопрос в дополнительный источник напряжённости.

В более широком контексте отказ афганских талибов от жёстких мер против ТТП стал одним из ключевых факторов затяжного кризиса в отношениях между Кабулом и Исламабадом. Пакистан, в свою очередь, рассматривал ТТП как инструмент давления, используемый с афганской территории, что усиливало взаимное недоверие и срыв посреднических инициатив.

Поддержка ТТП афганскими талибами

Отношения между «Техрик-е Талибан Пакистан» (ТТП) и афганскими талибами носят характер формальной лояльности при фактической автономии. В 2021 году эмир ТТП Нур Вали Мехсуд повторно присягнул верховному лидеру «Исламского Эмирата Афганистан» Хайбатулле Ахундзаде, что демонстрировало идеологическую близость двух движений и признание афганской талибской модели как политического ориентира. Вместе с тем Кабул публично стремится дистанцироваться от ТТП, отказываясь признавать её террористической организацией и избегая прямого разрыва с ней.

С практической точки зрения поддержка выражается в предоставлении укрытий, логистической инфраструктуры и возможностей для трансграничной активности ТТП на афганской территории. В докладе ООН отмечается, что афганские талибы не считают ТТП террористической группировкой, а связи между ними остаются тесными; при этом ТТП, по оценкам экспертов, получает растущую поддержку для атак на Пакистан. Сообщается также о наличии тыловой

¹⁹ Мангал. Афганистан, две встречи...

инфраструктуры ТТП в приграничных районах Афганистана, включая тренировочные лагеря, оружейные мастерские и пункты лечения и отдыха. ТТП использует защищённые позиции и имеет доступ к вооружению, что значительно расширяет её оперативные возможности²⁰.

После 2022 года напряжённость между Исламабадом и Кабулом заметно усилилась. Пакистан стал чаще обвинять афганских талибов в бездействии или косвенной поддержке ТТП, тогда как Кабул настаивает на невмешательстве во внутренние дела Пакистана и одновременно отказывается от жёстких мер против ТТП. В результате ТТП превратилась в один из ключевых факторов, осложняющих афгано-пакистанские отношения и подрывающих попытки переговорного урегулирования.

В докладах ООН и связанных с ними обзорах отмечается, что часть боевиков и лидеров ТТП получила возможность укрыться на афганской территории, а сама организация использовала более благоприятную обстановку для наращивания атак против Пакистана.

В докладах ООН также отмечается, что ТТП создало или усилило тренировочные центры в ряде афганских провинций, включая Кунар, Нангархар, Хост и Пактику, при поддержке афганских талибов и связанных с ними структур. Отдельные сообщения указывают и на логистическую, финансовую и кадровую помощь, а также на присутствие боевиков ТТП в приграничных районах Афганистана.

Этнополитический фактор также играет важную роль: общая пуштунская идентичность облегчает взаимодействие между двумя движениями, а афганские талибы нередко избегают действий, которые могли бы быть восприняты как выдача «братьев-пуштунов». При этом Кабул официально отрицает поддержку террористической активности против Пакистана, что лишь усиливает взаимные обвинения и дипломатическую напряжённость.

В более широком контексте это привело к тому, что после 2021 года ТТП стало восприниматься Исламабадом не только как внутренняя угроза безопасности, но и как фактор, связанный с афганской политикой и ограниченной готовностью Кабула сдерживать трансграничную активность группировки. Это один из ключевых источников ухудшения пакистано-афганских отношений в последние годы.

Заключение

После установления контроля талибами над Кабулом 15 августа 2021 г. пакистанское руководство ожидало, что афганские власти сдержат активность «Техрик-е Талибан Пакистан» и предотвратят трансграничные атаки. Отказ Кабула от жёстких мер против ТТП, включая ликвидацию баз в провинциях Кундуз и Нангархар, стал определяющим фактором роста напряжённости в афгано-пакистанских отношениях.

Исламабад обвинял талибов в предоставлении ТТП убежищ, логистики и подготовки боевиков; Кабул отвергал претензии, квалифицируя конфликт как внутренний вопрос Пакистана. Переговоры 2021–2026 гг. (Кабул, Кветта, посредничество КНР в Урумчи) не привели к прорыву из-за разногласий по выдаче лидеров ТТП.

Позиция пакистанских элит эволюционировала от диалога к силовым операциям после атак, подобных Пешавару (2014 г.). Условные требования талибов (запрет атак ТТП, гарантии по переходам Торхам/Чаман) остались невыполненными, что спровоцировало эскалацию, включая авиаудары Пакистана в 2025–2026 гг. В итоге ТТП сохраняется как трансграничный фактор нестабильности.

²⁰ Игорь Володин. Новый доклад ООН: талибы превратили Афганистан в убежище для террористов. 17.02.2026. URL: <https://postasia.ru/a/4012981> (дата обращения: 02.05.2026).

Литература / Reference

Электронные ресурсы/ Electronic resources

Отношения между «Техрик-е Талибан Пакистан» и афганскими тадибами [Рахбета-е «Техрик-е Талибан Пакистан» ба талибан-е афган]. URL: <https://www.da.azadiradio.com/a/32767547.html/> (дата обращения: 17.01.2026). На яз. дари.

Дмитрий Нечитайло. Отряд не заметил потери бойца. Независимое. 28.08.2009. URL: https://nvo.ng.ru/wars/2009-08-28/5_taliban.html. (дата обращения: 12.02.2026).

URL: <https://lenta.ru/news/2009/08/07/mehsud1/> (дата обращения: 12.02.2026).

URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.e4026038-69aea0e8-955317bc-74722d776562/https/military-history.fandom.com/wiki/Hafiz_Gul_Bahadur (дата обращения: 09.03.2026).

URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1829727> (дата обращения: 12.02.2026).

URL: <https://tass.ru/arhiv/754712> (дата обращения: 12.02.2026).

URL: [https://military-history.fandom.com/wiki/Fazlullah_\(militant_leader\)](https://military-history.fandom.com/wiki/Fazlullah_(militant_leader)) (дата обращения: 12.02.2026).

URL: <https://sangar.info/t/q/kto-takoj-nur-vali-mekhsud>, <https://asiaplustj.info/ru/node/353693> (дата обращения: 12.02.2026).

«Техрик-е-Талибан Пакистан», теневое правительство «Техрик-е-Талибан Пакистан», давлат да саия]. Etemadonline. 29.11.1401. URL: <https://www.etemadonline.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%A8%DB%8C%D9%86-%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%84%D9%84-17/589629-%D9%BE%D8%A7%DA%A9%D8%B3%D8%AA%D8%A7%D9%86-%D8%AA%D8%AD%D8%B1%DB%8C%DA%A9-%D8%B7%D8%A7%D9%84%D8%A8%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D9%81%D8%BA%D8%A7%D9%86%D8%B3%D8%AA%D8%A7%D9%86> (дата обращения: 13.02.2026). На яз. дари.

В ходе встречи в Стамбуле был убит высокопоставленный лидер пакистанских талибов [кошта шодан-е яки аз рахбаран-е аршад-е талибан-е Пакистан хамзаман ба нешаст-е Стамбул]. THE EROCH TIMES. 9.07.1404. URL: <https://persianepochtimes.com/a-senior-pakistani-taliban-leader-was-killed-during-the-istanbul-meeting/> (дата обращения: 14.02.2026).

Захват школы в Пешаваре. Дилетант. URL: <https://diletant.media/articles/45297248/> (дата обращения: 22.01.2026).

При захвате школы в Пакистане погибли более 100 детей. РБК.16.12.2014. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/12/2014/549019cb2ae596c93f290c7f> (дата обращения: 22.01.2026).

URL: <https://www.ppl-ai-file-upload.s3.amazonaws.com>. (дата обращения: 09.03.2026).

Назир Ахмад Мир. Проблема «Техрик-е-Талибан Пакистан» и отношения между Афганистаном и Пакистаном. The Diplomat. 08.02.2024. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.a399850d-69f6ca28-798e8687-74722d776562/https/thediplomat.com/2024/02/pakistans-ttp-challenge-and-afghanistan-pakistan-relations/ (дата обращения: 03.05.2026).

Проблема ТТП и афгано-пакистанские отношения [Pakistan's TTP Challenge and Afghanistan-Pakistan Relations]. Nazir Ahmad Mir. INDIAN STRATEGIC STUDIES. 11.02.2024. URL: <https://www.strategicstudy-india.com/2024/02/pakistans-ttp-challenge-and-afghanistan.html> (дата обращения: 03.05.2026). На англ. яз.

Мангал. Афганистан, две встречи, два заявления [масала-е Афганистан, ду мулакатин, ду баяния-е]. 05.10.2021. URL: <https://www.urdupoint.com/daily/column/amir-ismail/35161/masla-afghanistan-2-mulaqat-ain-2-biyaniye.html>. (дата обращения: 17.01.2026). На яз. урду.

Игорь Володин. Новый доклад ООН: талибы превратили Афганистан в убежище для террористов. 17.02.2026. URL: <https://postasia.ru/a/4012981> (дата обращения: 02.05.2026).

Проблемы безопасности в Афганистане при режиме талибов. URL: <https://www.crisisgroup.org/rpt/asia-pacific/afghanistan/326-afghanistans-security-challenges-under-taliban> (дата обращения: 17.01.2026).

Аршад Мехмуд. Международная кризисная группа оценивает Пакистан как наиболее пострадавший от захвата власти талибами в Афганистане [Arshad Mehmood. International Crisis Group Rates Pakistan as Most Affected by Taliban Takeover in Afghanistan]. 01.11.2026. URL: <https://themedialine.org/headlines/international-crisis-group-rates-pakistan-as-most-affected-by-taliban-takeover-in-afghanistan/> (дата обращения: 07.02.2026).

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АФГАНИСТАНА: ТРАНЗИТ, ЭНЕРГЕТИКА

© 2026

А. Н. Обухова¹

В статье даётся оценка раскрытию интеграционного потенциала инфраструктуры Афганистана. Автор рассматривает статус развития железнодорожных маршрутов, газовых трубопроводов, электростанций, которые служат отправными точками реализации логистической и энергетической интеграции Афганистана в геоэкономику Центральной Азии. В статье подчёркивается роль России и бывших советских республик в процессе модернизации экономики Афганистана и интегрирования её в международные экономические процессы региона. Автор приходит к выводу, что на фоне эскалации в Персидском заливе и перераспределения системы морских транспортных маршрутов и нефтяной логистики вырастает роль стран, занимающих центральное положение на пересечении путей из Азии на Ближний Восток и России, среди которых Афганистан обладает наибольшим транзитным потенциалом.

Ключевые слова: интеграционный потенциал, электроэнергетика и логистика Афганистана, российско-афганские проекты

Для цитирования: Обухова А. Н. Интеграционный потенциал Афганистана: транзит, энергетика. Вестник Института востоковедения РАН. 2026. № 3. С. 216–227. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-216-227

INTEGRATION POTENTIAL OF AFGHANISTAN: TRANSIT, ENERGY

Anastasia N. Obukhova

The research article scrutinizes the potential for Afghanistan's infrastructural integration. The author surveys the development of railway routes, gas pipelines, and power plants, which serve as mile stones towards country's logistical and energy integration into the Central Asian geo-economy. The article further highlights the role of Russia and ex-Soviet republics in Afghanistan's economy modernization, and its integration into regional economic processes. The author concludes that, amid the escalation in the Persian Gulf and the redistribution of maritime routes and oil logistics, Afghanistan plays a crucial role as a central hub for inter-Asian transit from Asia to the Middle East and Russia, with Afghanistan, among others, possessing the greatest transit potential.

Keywords: integration potential, Afghan power industry and logistics, Russian-Afghan projects

For citation: Obukhova A. N. Integration Potential of Afghanistan: Transit, Energy. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 216–227. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-216-227

¹ Обухова Анастасия Николаевна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; anastasia.n.obukhova@yandex.ru

Anastasia N. Obukhova, Junior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; anastasia.n.obukhova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5576-1649

На фоне эскалации в Персидском заливе и перераспределения системы морских транспортных маршрутов и нефтяной логистики вырастает роль стран, занимающих центральное положение на пересечении путей из Азии на Ближний Восток и России, среди которых Афганистан обладает наибольшим транзитным потенциалом.

Рис. 1. Динамика ВВП, инфляция, 2003–2025 гг.

Источник: World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 20.04.2026)

Афганская экономика демонстрировала рост три года подряд в 2021–2023 гг., а в прошлом году ВВП страны увеличился на 2,2% по сравнению с 2024 г.² Хотя национальная экономика демонстрирует замедление темпов экономического роста на неблагоприятном геополитическом фоне, инфляция остаётся одной из самых низких в мире (2% в 2025 г.), как и ВВП на душу населения (\$379). ВВП по ППС на душу населения вырос также на 2% за 2025 год³.

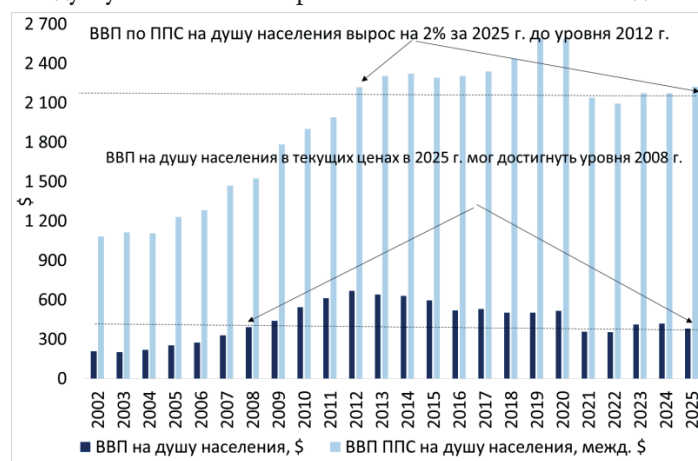

Рис. 2. ВВП на душу населения: 2003–2025 гг.

Источник: World Economic Outlook database: April 2026.

URL: <https://data.imf.org/en/datasets/IMF.RES:WEO> (дата обращения: 26.04.2026)

² World Economic Outlook database: April 2026. URL: <https://data.imf.org/en/datasets/IMF.RES:WEO> (дата обращения: 26.04.2026).

³ Ibid.

В прошлом году внешнеторговый оборот Афганистана вырос почти на 7% по сравнению с 2024 г. — с \$13 млрд до \$13,9 млрд 87%, из которых составили экспортные операции⁴. Большая часть экспорта – сельскохозяйственная продукция (инжир, хлопок, изюм), а в 2024 г. вырос экспорт ковров, свинца, драгоценных и полудрагоценных камней. Основу российско-афганской торговли составляет отечественный экспорт: на афганский рынок поставляется мука, подсолнечное масло, сахар; товарооборот с/х продукции растёт.

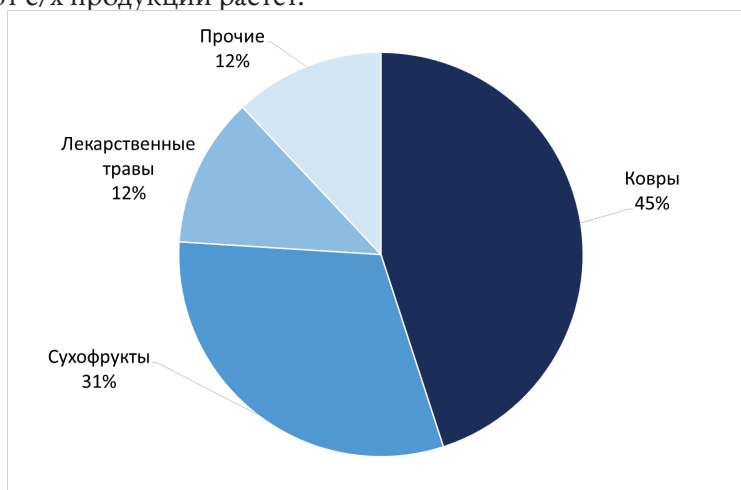

Рис. 3. Структура экспорта Афганистана, 2023 г.

Источник: Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/> (дата обращения: 22.04.2026)

Афганистан импортирует топливо, сжиженный природный газ, нефть, автозапчасти, лекарства, оборудование и товары медицинского назначения, пшеничную муку, рис. Россия из Афганистана закупает в основном сушёный виноград и миндаль⁵.

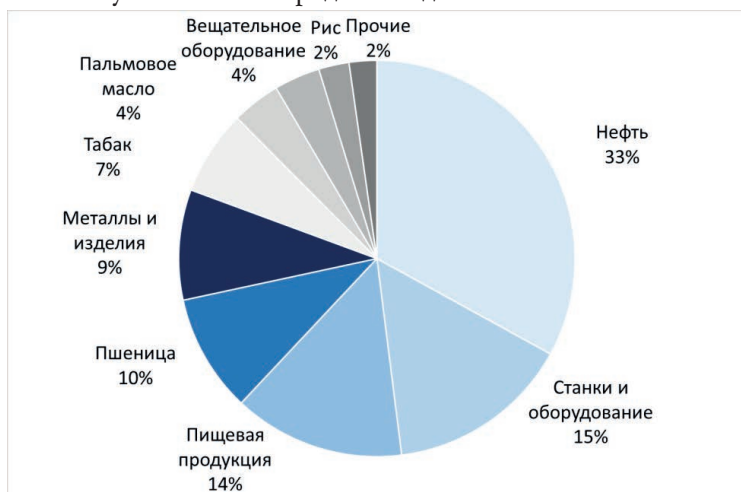

Рис. 4. Структура импорта Афганистана, 2023 г.

Источник: European Union. Trade in goods in Afghanistan. European Commission. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_afghanistan_en.pdf (дата обращения: 24.03.2026)

⁴ Внешнеторговый оборот Афганистана в 2024 году составил \$13 млрд. URL: <https://centralasianlight.org/ru/news/vneshnetorgovyi-oborot-afganistana-v-2024-godu-sostavil-13-mlrd/> (дата обращения: 10.03.2026).

⁵ Товарооборот продукции АПК между РФ и Ираном за 9 месяцев вырос на 20%. Интерфакс, 27.11.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1060306> (дата обращения: 24.03.26).

На три страны приходится три четверти афганского экспорта, включая Пакистан (с долей 48%), Индию (19%) и Россию (9%). Остальными ключевыми направлениями экспорта Афганистана являются Китай (4%), Турция (2%), ОАЭ (2%), Саудовская Аравия (2%), Казахстан (1%).

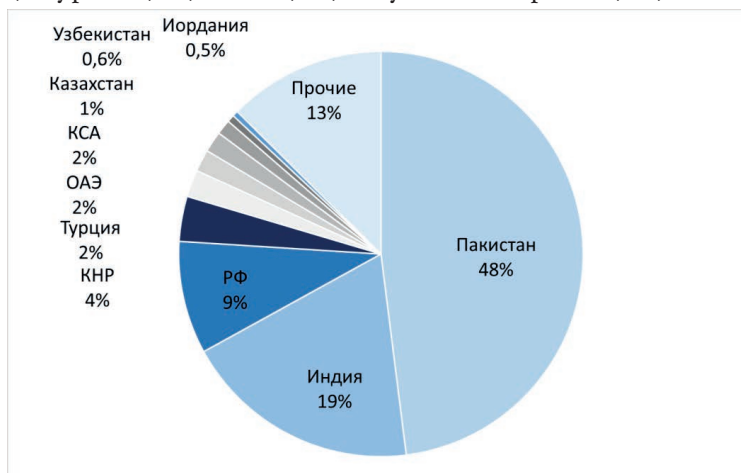

Рис. 5. Экспорт Афганистана по странам, 2023 г.

Источник: UN Trade and Development. UNCTAD. URL: <https://unctad.org/> (дата обращения: 27.04.2026)

Россия для Афганистана выступает #3 партнёром по экспортным операциям и #2 по импорту. Для Ирана Афганистан является пятым по величине направлением для объёмов ненефтяного экспорта⁶. В прошлом году Иран и Афганистан наращивали объёмы транзитных поставок с помощью железнодорожных перевозок, где дизель стал одним из ключевых товаров в трансграничной логистической сети⁷. Через территорию Ирана в ноябре 2025 г. Россия осуществила поставку первых объёмов дизельного топлива Афганистану, куда дизтопливо доставляется по Каспийскому морю⁸.

Рис. 6. Импорт Афганистана по странам, 2023 г.

Источник: Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/> (дата обращения: 22.04.2026)

⁶ Iran's non-oil exports rise 18% in 9 months on year. Tehran Times, 29 December, 2024. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/508038/Iran-s-non-oil-exports-rise-18-in-9-months> (дата обращения: 20.03.2026).

⁷ Organisation of the Petroleum Exporting Countries. URL: <https://opes.org> (дата обращения: 26.03.2026).

⁸ Россия начала поставки дизтоплива в Афганистан. Нефтяной капитал, 06.11.2025. URL: <https://oilcapital.ru/news/2025-11-06/rossiya-nachala-postavki-diztopliva-v-afganistan-5502757> (дата обращения: 21.03.2026).

В планах транспортировать транзитом 5000 тонн дизеля из России по территории Ирана путём доставки солянки в североиранский порт Амирабад, а затем по ж/д на станцию Рознак по железнодорожной ветке Хаф–Герат, где на перегоне строится нефтебаза для разгрузки топлива с первоначальным объёмом хранения до 1000 тонн горючего.

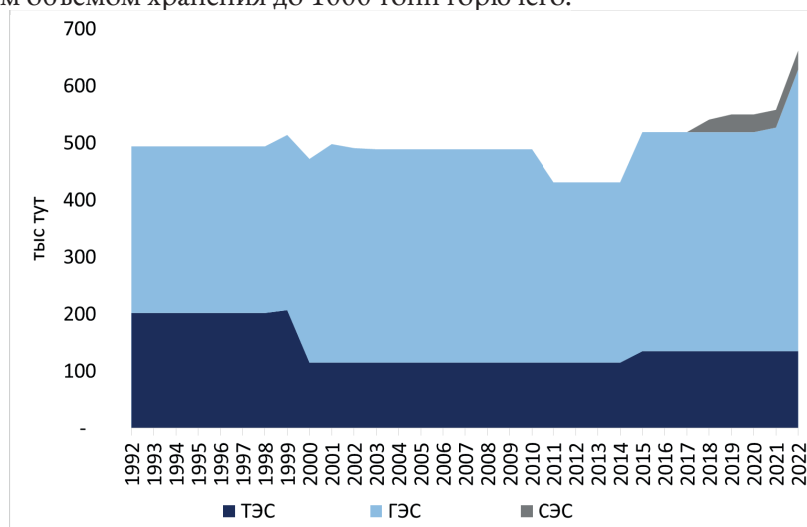

Рис. 7. Установленная мощность афганских электростанций, 1992–2022 гг.

Источник: Энергетика Афганистана. URL: <https://www.eeseaec.org/energetika-azii-i-okeanii/energetika-afganistana> (дата обращения: 24.03.2026)

Раскрытие логистического потенциала страны возможно только на базе строительства энергетической инфраструктуры, составляющей фундамент модернизации экономики. За предыдущие тридцать лет (1992–2022 гг.) установленная мощность электростанций Афганистана выросла всего на треть. За этот же период национальное производство электроэнергии удвоилось до 1414 млн кВт/ч, что составляет только 22% от 6540 млн кВт/ч общей поставки⁹.

Рис. 8. Поставки электроэнергии в Афганистане, 1992–2022 гг.

Источник: Энергетика Афганистана. URL: <https://www.eeseaec.org/energetika-azii-i-okeanii/energetika-afganistana> (дата обращения: 24.03.2026)

⁹ Энергетика Афганистана. URL: <https://www.eeseaec.org/energetika-azii-i-okeanii/energetika-afganistana> (дата обращения: 24.03.2026).

За десять лет с 2012 г. по 2022 г. конечное потребление электрической энергии выросло в стране на 60%, а объёмы национальной электрогенерации — лишь на 40%. Конечное потребление электроэнергии составляет 5850 млн кВт/ч или 89% поставок из-за традиционно высоких потерь в сетях (11%), поскольку более 40% электроэнергии в стране обеспечивается с помощью оборудования и ЛЭП, построенных ещё силами советских специалистов¹⁰.

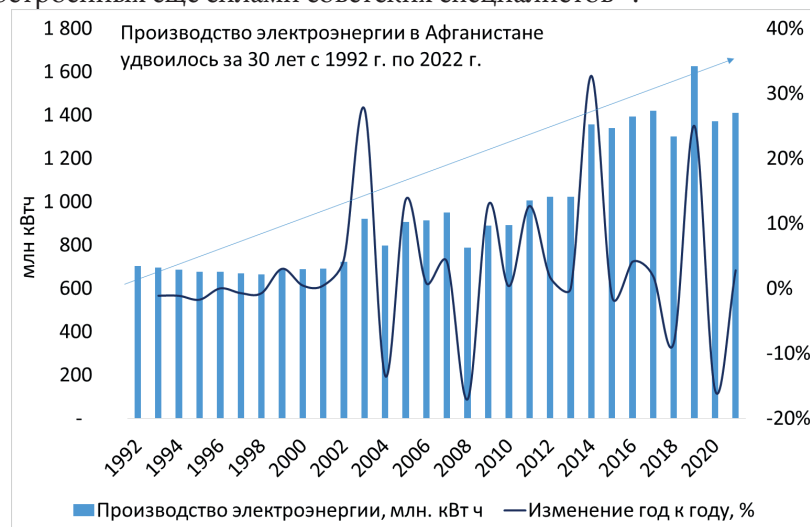

Рис. 9. Электрогенерация в Афганистане, 1992–2022 гг.

Источник: Энергетика Афганистана. URL: <https://www.ceseaec.org/energetika-azii-i-okeanii/energetika-afganistana> (дата обращения: 24.03.2026)

Гидроэлектростанции обеспечивают 86% производимой электроэнергии, тепловые электростанции — 9%¹¹. С 2018 г. в Афганистане ведётся строительство солнечных электростанций, на долю которых приходится около 5% вырабатываемой электроэнергии, но развитие ВИЭ (так называемых «возобновляемых источников энергии») возможно только при наличии диспетчеризируемой электроэнергии, в случае Афганистана обеспечиваемой постоянными поставками гидроэнергетики.

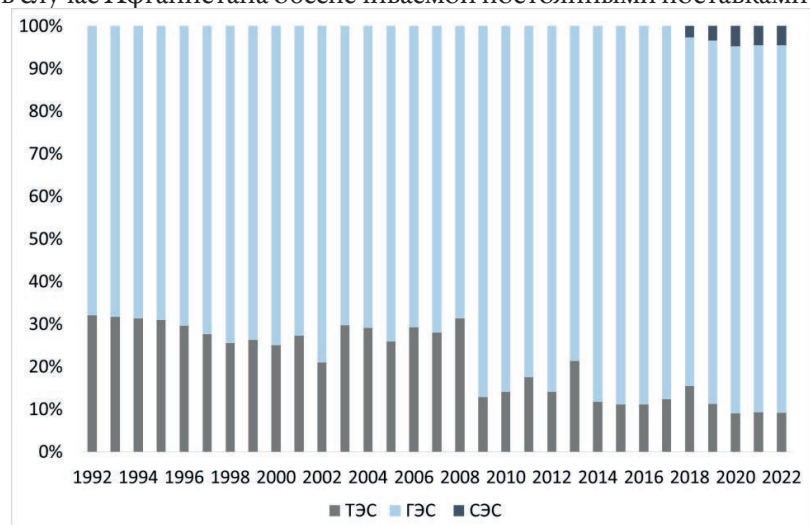

Рис. 10. Структура электрогенерации в Афганистане, 1992–2022 гг.

Источник: Энергетика Афганистана. URL: <https://www.ceseaec.org/energetika-azii-i-okeanii/energetika-afganistana> (дата обращения: 24.03.2026)

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

В настоящее время наибольший объём поставок электроэнергии в Афганистан обеспечивает Узбекистан, но для дальнейшего увеличения необходимы новые мощности на пограничной реке двух стран — Амударье, либо в самом Узбекистане, либо строительство ГЭС в Афганистане. Развитие гидроэнергетики в Средней Азии раскроет возможности для интеграции Афганистана в региональные энергомаршруты.

Напомним, что в 1990 г. в СССР была закончена организация Среднеазиатской объединённой водно-энергетической системы, формирование которой заняло десятилетия работ в сложных климатических и рельефных условиях. Система соединила электрогенерирующие мощности Казахской ССР, Киргизской ССР, Узбекской ССР, Туркменской ССР и Таджикской ССР. Поэтому так долго строилась объединённая система даже в СССР: в расположенных в горах Киргизской и Таджикской советских республиках были построены гидроэлектростанции, каждая из которых являлась примером инженерного подвижничества и преодоления многочисленных трудностей. Советская Среднеазиатская объединённая система предусматривала ландшафтные особенности горных республик, наличие и отсутствие «голубого» и ископаемого топлива. Таким образом, когда было нужно накапливать воду, то задействовались мощности Узбекской и Туркменской республик, где построены тепловые электростанции, работающие на местном угле и газе, а когда начинался сброс воды, то Киргизская и Таджикская ССР рассчитывались в кВт/ч, делая всё возможное для развития сельского хозяйства республик¹². Координационным центром выступал Ташкент как столица Узбекской ССР, граничившей во всеми остальными четырьмя советскими республиками — участниками объединённой системы.

С роспуском 26.12.1991 г. СССР распалась и отстроенная советская Среднеазиатская водно-энергетическая система, поскольку с 1992 года между бывшими советскими республиками возникли политические разногласия. Однако за прошедшие 35 лет проблема обеспечения водой обострилась для региона Центральной Азии с учётом изменения климата (ускорение таяния ледников и т. п.). Постепенно бывшие советские республики достигли консенсуса по политическим вопросам, но за это время во всех четырёх образовались собственные национальные валюты, налоговые системы и тарифы на электроэнергию.

В 2015 г. президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев предложил восстановить объединённую водно-энергетическую систему, актуальность которой увеличилась с учётом спроса со стороны растущего последние три десятилетия во всех четырёх среднеазиатских бывших советских республиках населения на генерирующие мощности. Быстро подсоединились Казахстан, энергодефицитные Узбекистан и Киргизстан, а Таджикистан (где значительна ценность водных ресурсов) — только в 2024 г. Пока только юг Казахстана переподключён в систему, а север страны снабжается электроэнергией, поставляемой из России. Для включения северной части страны в систему необходимо строительство новых линий электропередачи между севером и югом Казахстана, для чего нужна планомерная работа по установлению требуемых объёмов, центральных диспетчерских управлений и т. п.¹³.

¹² Марцинкевич Б. Газовые проекты России и Казахстана. Геоэнергетика Инфо, 25.04.2025. URL: <https://ya.ru/video/preview/16824855750990982276> (дата обращения: 20.03.2026).

¹³ Там же.

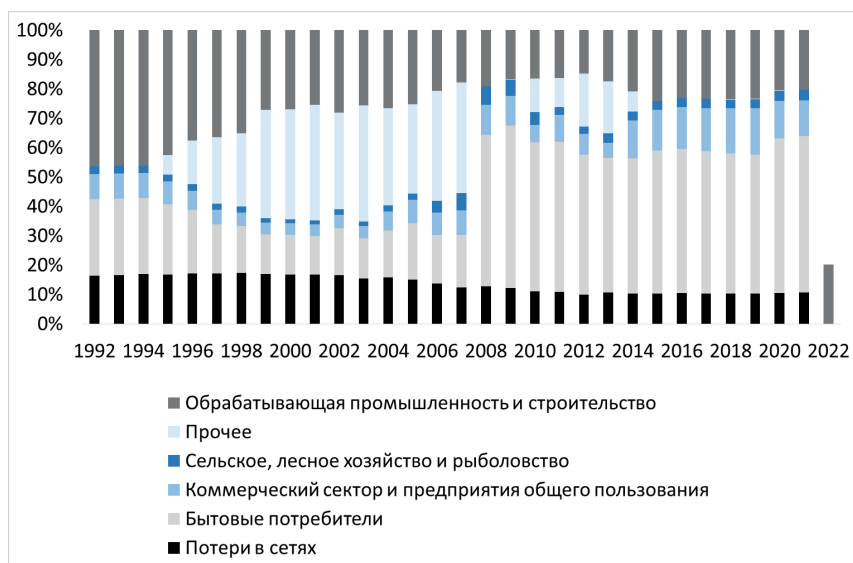

Рис. 11. Структура энергопотребления в Афганистане, 1992–2020 гг.

Источник: Энергетика Афганистана. URL: <https://www.eeseac.org/energetika-azii-i-okeanii/energetika-afganistana> (дата обращения: 24.03.2026)

«Перезагрузка» Среднеазиатской водно-энергетической системы позволит стимулировать и энергопроекты, связанные с Афганистаном, особенно относящиеся к гидроэнергетике. Напомним, что до конца 1970-х гг. в Афганистане проектировочные работы осуществлял советский Ленгидропроект (сейчас Русгидро), и эти гидропроекты можно возобновить¹⁴. На территории Афганистана Амударья — главная горная река на среднеазиатском постсоветском пространстве — набирает скорость и поэтому обладает большим гидроэнергетическим потенциалом (для передачи электроэнергии на значительные расстояния требуется напряжение 1000 кВт).

С 2016 г. ведётся обсуждение проекта CASA-1000 «Центральная Азия — Южная Азия» по прокладке ЛЭП из Таджикистана и Киргизии в Афганистан и Пакистан (CASA-1000: Central Asia — South Asia Transmission Interconnection Project) для энергопоставок ГЭС в энергодефицитные страны. Первая часть — ЛЭП Датка–Сугд протяжённостью 485 км была запущена в марте 2025 г., соединив Киргизию и Таджикистан. Конечная цель проекта CASA-1000 — задействовать гидропотенциал Киргизстана и Таджикистана для Афганистана. (Далее энергомаршрут можно протянуть

Рис. 12. Проект ЛЭП CASA-1000

Источник: Открытые источники

¹⁴ Марцинкевич Б. Газовые проекты России и Казахстана. Геоэнергетика Инфо, 25.04.2025. URL: <https://ya.ru/video/preview/16824855750990982276> (дата обращения: 20.03.2026).

и до Пакистана, лишь на 3% способного обеспечить себя энергоресурсами (природным газом и углём), где промышленность сконцентрирована на севере страны)¹⁵.

По оценкам ООН, для развития национального рынка за счёт собственных возможностей в стране должно жить не менее 30 млн чел. Афганистан остаётся мировым лидером по темпам роста населения, численность которого удвоилась за последние 20 лет, а за прошлый год увеличилась на 3 млн — до 46 млн человек¹⁶. Но в стране также и большая безработица, а электрификация и строительство железных дорог и инфраструктуры помогут обеспечить работой местное население.

Рис. 13. Население Афганистана, 2002–2025 гг.

Источник: World Economic Outlook database: April 2026. URL: <https://data.imf.org/en/datasets/IMF.RES:WEO> (дата обращения: 26.04.2026)

Афганистан становится всё более активным участником газовой интеграции в Средней Азии. Основным поставщиком газа, начиная со времён СССР, остаётся Туркмения, поставляющая природный газ по системе ПАО «Газпром» из четырёх магистральных газопроводов «Средняя Азия — Центр» с мощностью каждой ветки в 20 млрд куб. м / год. Из Туркмении газопроводы идут в Россию (через Узбекистан и Казахстан). Необходимо отметить, что в 2016 г. поставки туркменского газа были приостановлены из-за споров сторон относительно цены, но в 2019 г. Казахстан восстановил транзит. А в 2023 г. в обратном направлении российский газ пошёл через Казахстан в Узбекистан. За счёт того, что начались поставки в Узбекистан, «Газпром Кыргызстан» начал поставки природного газа в Киргизию, где пока сдержанный спрос на «голубое топливо», поскольку ~90% электроэнергии производится за счёт гидрогенерации. Поставки природного газа важны для поддержания диспетчеризируемой электроэнергии, производимой тепловыми электростанциями, необходимыми для балансировки с гидрогенерацией: требуется время для накопления воды, чтобы впоследствии её сбрасывать.

Уже на постсоветском пространстве в 2006 г. в Туркмении было открыто одно из крупнейших в мире месторождение Галкыныш с запасами в 21,2 трлн куб. м (по оценкам британской компании Gaffney, Cline and Associates, проводившей аудит)¹⁷. Туркмении удалось договориться о крупных инвестициях с Казахстаном и Китаем, в результате чего появилась ещё одна система магистральных газопроводов «Центральная Азия — Китай», проходящая через Узбекистан и Казахстан и состоящая из трёх

¹⁵ International Energy Agency (Международное энергетическое агентство). URL: <https://www.iea.org> (дата обращения: 25.03.2026).

¹⁶ World Economic Outlook database: April 2026. URL: <https://data.imf.org/en/datasets/IMF.RES:WEO> (дата обращения: 26.04.2026).

¹⁷ Statistical Review of World Energy. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 21.04.2024).

ниток (А, В, С) среднеазиатских стран, имеющих газ, — Туркмении, Узбекистана и Казахстана. В настоящее время ведутся переговоры о строительстве четвёртой ветки (D), где газ будет только туркменский, и стороны договариваются о новом маршруте через Киргизию и Таджикистан. Переговоры с КНР идут третий год, включают условия оплаты кредитов, строительства газопроводов, развитие газодобычи. С учётом привлекательности цены на туркменский газ, если переговоры по линии D завершатся успешно, то 25 млрд куб. м природного газа пойдут в Киргизию и Таджикистан. Но здесь возникает вопрос: сможет ли Туркмения поставлять газ на север Ирана, если начнёт поставлять 25 млрд куб. м в Китай из Галкыныша? Поэтому, возможно, потребуются перевод на реверс ещё одной нитки системы «Средняя Азия — Центр», и в случае запуска Галкыныша необходимо будет увеличить газодобычу до 30 млрд куб. м, чтобы поставлять газ в Иран (по реверсу газопровода «Средняя Азия — Центр»).

Ещё одним примером начала успешной газовой интеграции Афганистана служит магистральный газопровод ТАПИ (Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия), строительство которого началось в 2015 г. Изначально проект вызывал скепсис из-за неопределённости по гарантиям безопасности для 774 км маршрута по территории Афганистана из 1814 км протяжённости МГП (и 826 км по Пакистану до границы с Индией). Но 11.09.2024 г. началось строительство участка МГП ТАПИ Серхетабат–Тургунди до г. Герат на северо-западе Афганистана, превращающегося в транзитный узел. Газовый маршрут далее планируется проложить в афганский Кандагар, в пакистанские Кветту и Мултан и Фазилк на западе Индии.

Для МГП ТАПИ предусмотрена серьёзная проектная мощность в 33 млрд куб. м /год природного газа: 5 млрд куб. м /год Афганистану; по 14 млрд куб. м / год для Пакистана и Индии. Первоначальная стоимость газопровода — \$10 млрд. К марту 2025 г. Туркменистаном построено 214 км от газового м/р Галкыныш до афганской границы. На 2026 г. Туркмения подготовила примерно 80 км маршрута (100 км труб) в афганской провинции Герат; идёт прокладка проводов скоростного интернета, ЛЭП, вдоль МГП строится первая компрессорная станция, что позволит монетизировать природный газ не только как энергетический ресурс, но и электроэнергию.

Афганистану крайне необходим газопровод ТАПИ: в стране с электрификацией 30% проект с трудовым потенциалом — это потенциал наращивания не только энергобезопасности, но и социальной стабильности. К сожалению, риски военной эскалации на границе Пакистана и Индии по-прежнему продолжают материализовываться. Но газ нужен и Пакистану, и Индии. В этой связи может возрасти геополитическое влияние России в Средней Азии: на фоне нападения США и Израиля на Иран, ограничения движения нефтяных и СПГ танкеров в Ормузском проливе, активизации вооружённого конфликта на Линии Дюранда стабилизирующая роль России может способствовать реализации энергопроектов для укрепления энергостабильности в регионе в целом и в Афганистане в частности.

Постепенно выстраиваются геоэкономические коридоры через центр Средней Азии. В Афганистане действуют две транзитные железные дороги. В феврале 2021 г. Узбекистан, Пакистан и предыдущее правительство Афганистана подписали дорожную карту строительства на пять лет Трансафганской железной дороги Узбекистан — Афганистан — Пакистан по маршруту Термез — Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар протяжённостью ~600 км.¹⁸ В то время как де-юре железнодорожное сообщение начинается в Узбекистане, для России железнодорожный маршрут начинается на границе РФ с Казахстаном. Соответственно относящиеся к Афганистану энергетические и транзитные российские проекты также связаны с Казахстаном, поскольку железная дорога могла бы пойти по побережью Каспийского моря, выполняя функции по транзиту грузов МТК «Север–Юг».

¹⁸ Болотина Е. Борис Марцинкевич про стратегическое значение Афганистана. Financial One, 28.04.2025. URL: <https://fomag.ru/news/boris-afghanistan/?ysclid=mlvaygar2236217822> (дата обращения: 12.03.2026).

В 2009–2011 гг. Узбекистан построил с российской колеёй (1520 мм) железнодорожный участок Термез — Мазари-Шариф, продлив маршрут от Хайратона. «Проект века», по словам президента Узбекистана Шавката Мирзиёева, обошёлся в \$180 млн. В 2016 г. в Кабул поступило предложение от Узбекистана продлить Трансафганскую железную дорогу от Мазари Шарифа до Кабула, чтобы далее проложить сообщение в Пешавар с колеёй 1520 мм для возможного осуществления в будущем товарообмена не только с Афганистаном и Пакистаном, но и с Индией (где проложена так называемая «имперская» колея 1670 мм, построенная Британией в колониальные времена). Хотя Афганистан заявлял о гарантиях безопасности, тем не менее, особенно на фоне военной эскалации в Средней Азии, Узбекистан пока сохраняет осторожное отношение к проработке маршрута из Мазари-Шарифа в Кабул до Кандагара, затем в Пакистан и Индию.

В 2020 г. Иран достроил Трансграничную железную дорогу из иранского города Хаф в афганский Герат протяжённостью 225 км, включая 140 км по территории Афганистана, 85 км — через Иран. Строившаяся тринадцать лет (в 2007–2020 гг.) железная дорога потенциально может дать возможность выхода России, Узбекистана, Казахстана, Туркмении, Таджикистана и Киргизии на железнодорожную сеть Ирана (после организации в Герате перестановки вагонных тележек)¹⁹. Построенную железную дорогу в Герат с колеёй в 1435 мм Иран рассматривает как начало большого железнодорожного маршрута в Китай, где сложные горные маршруты. Переговоры касательно железнодорожного сообщения Иран — Афганистан — Таджикистан — Киргизия — Китай идут с Кабулом давно (ещё и при предыдущей власти). Основным предметом обсуждения — ширина колеи: в Иране и Китае колея 1435 мм, а в России и бывших советских республиках — 1520 мм. И когда переговоры только начинались, то в Афганистане была одна железная дорога с российской колеёй.

В Герате — на пересечении Афганистана и Ирана — расположено крупное железорудное месторождение, к разработке которого приступает со своей стороны Иран. Каким образом производить разработку месторождения в Афганистане? Если поставлять руду на горнообогатительный комбинат (ГОК) в Иран, то это приведёт к дополнительным затратам на логистику. Если строить металлургический комбинат в Герате, то это повысит политические риски. К тому же у Ирана нет средств для масштабных инвестиций ввиду количества санкций.

После Герата железную дорогу планируют повернуть в сторону Мазари Шарифа, который становится узловым пунктом, вдоль Амударьи до нашей бывшей республики (так как прокладка через горный рельеф и перевалы невозможна). Таким образом, России следует усилить фокус на двусторонние логистические проекты, чтобы остаться в авангарде «рельсовой дипломатии» через Афганистан.

Туркменией была предложена третья железная дорога в Афганистан из Туркменистана также с российской колеёй 1520 мм. Планируется, что она тоже дойдёт до Пакистана, но с западной границы, не через Кабул. Уже строится отрезок Торгунди (на границе Туркмении и Афганистана) — Герат — Кандагар — Спин-Булдак (граница Афганистана и Пакистана), но риски вооружённой эскалации тормозят строительство.

На стадии проработки находятся альтернативные маршруты МТК «Север–Юг» через Афганистан. В ноябре 2025 г. глава Иранских железных дорог (ИЖД) Дж. Закири обнародовал планы по созданию железнодорожного сообщения между Афганистаном и Индией через Чабахар²⁰. У России также есть заинтересованность для выхода на Пакистан через сухопутный маршрут помимо иранских портов

¹⁹ Iran's railway emerges as key transit link between India, Russia. 5 November, 2025. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/520005/Iran-s-railway-emerges-as-key-transit-link-between-India-Russia> (дата обращения: 19.03.2026).

²⁰ Afghanistan seeks investment by major Iranian companies. 17 November, 2025. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/520496/Afghanistan-seeks-investment-by-major-Iranian-companies> (дата обращения: 20.03.2026).

и МТК «Север–Юг». Для страны с населением 280 млн, коей является Пакистан, чем больше маршрутов для товарооборота — тем лучше.

Строительство электростанций и железных дорог даст необходимый толчок для развития горнодобычи и металлургии в Афганистане. С точки зрения рисков инвестиционного климата Казахстан исключил талибов из списка запрещённых в декабре 2023 г., Киргизстан — в сентябре 2024 г., Россия — 03.07.2025, а Узбекистан никогда их туда не вносил. Герат, будучи национальным центром чёрной металлургии, не имеет запасов каменного угля, в отличие, например, от России, где традиционно большая угледобыча. Севернее Герата есть крупное месторождения хромовых руд, а хром, в свою очередь, — один из немногих металлов, которые Россия импортирует (для производства нержавеющей стали). В середине 2010-х гг. приглашённые на осмотр ГЭС и плотины на Амударье специалисты российского холдинга «Силовые машины» (Русгидро) обнаружили месторождение золота. Соседние страны заинтересованы в развитии Афганистана: у КНР есть лицензия на разработку крупнейшего на планете медного месторождения (где есть и железная руда), но там нет ни электростанций, ни дорог; в сотрудничестве заинтересованы Армения и Казахстан. А Россия могла бы этому поспособствовать.

Литература / Reference

Электронные ресурсы / Online resources

Болотина Е. Борис Марцинкевич про стратегическое значение Афганистана. Financial One, 28.04.25. URL: <https://fomag.ru/news/boris-afghanistan/?ysclid=mlvaygar2236217822> (дата обращения: 12.03.2026).

Внешнеторговый оборот Афганистана в 2024 году составил \$13 млрд. URL: <https://centralasianlight.org/ru/news/vneshnetorgovy-i-oborot-afganistana-v-2024-godu-sostavil-13-mlrd/> (дата обращения: 10.03.2026).

Марцинкевич Б. Газовые проекты России и Казахстана/ Геоэнергетика Инфо, 25.04.2025/ URL: <https://ya.ru/video/preview/16824855750990982276> (дата обращения: 20.03.2026).

Россия начала поставки дизтоплива в Афганистан. Нефтяной капитал, 06.11.2025. URL: <https://oilcapital.ru/news/2025-11-06/rossiya-nachala-postavki-diztopliva-v-afganistan-5502757> (дата обращения: 21.03.2026).

Товарооборот продукции АПК между РФ и Ираном за 9 месяцев вырос на 20%. Интерфакс, 27.11.2025/ URL: <https://www.interfax.ru/business/1060306> (дата обращения: 24.03.2026).

Энергетика Афганистана. URL: <https://www.eeseacc.org/energetika-azii-i-okeanii/energetika-afganistana> (дата обращения: 24.03.2026).

Afghanistan seeks investment by major Iranian companies. 17 November, 2025. URL: <https://www.tehran-times.com/news/520496/Afghanistan-seeks-investment-by-major-Iranian-companies> (дата обращения: 20.03.2026).

European Union. Trade in goods in Afghanistan. European Commission. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_afghanistan_en.pdf (дата обращения: 24.03.2026).

International Energy Agency (Международное энергетическое агентство). URL: <https://www.iea.org> (дата обращения: 25.03.2026).

Iran's non-oil exports rise 18% in 9 months on year. Tehran Times, 29 December, 2024. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/508038/Iran-s-non-oil-exports-rise-18-in-9-months> (дата обращения: 20.03.2026).

Iran's railway emerges as key transit link between India, Russia. 5 November, 2025. URL: <https://www.tehran-times.com/news/520005/Iran-s-railway-emerges-as-key-transit-link-between-India-Russia> (дата обращения: 19.03.2026).

Organisation of the Petroleum Exporting Countries. URL: <https://opec.org> (дата обращения: 26.03.2026).

Statistical Review of World Energy. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 21.04.2024).

Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/> (дата обращения: 22.04.2026).

UN Trade and Development. UNCTAD. URL: <https://unctad.org/> (дата обращения: 27.04.2026).

World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 20.04.2026).

World Economic Outlook database: April 2026. URL: <https://data.imf.org/en/datasets/IMF.RES:WEO> (дата обращения: 26.04.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-228-232

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В СТРАНАХ АЗИИ И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ: ВВЕДЕНИЕ

© 2026

И. В. Дерюгина¹

В России создаётся новая модель взаимодействия науки, технологий и производства. Приняты основополагающие документы, которые должны обеспечить стране технологический суверенитет и повысить конкурентоспособность российской экономики на мировом рынке. Стратегия развития РФ направлена на трансформацию науки и технологий в ключевой фактор развития страны. Определены задачи, касающиеся взаимодействия в сфере науки, технологий и инноваций на международном уровне, они предполагают взаимовыгодное и равноправное сотрудничество с дружественными иностранными государствами. Цель настоящего раздела — показать тенденции и оценить перспективы научно-технологического развития некоторых стран Азии и Северной Африки, с которыми РФ расширяет научное сотрудничество. Для анализа выбраны три страны Азии, которые формируют центры «притяжения» в сфере международного научно-технологического сотрудничества в регионе — Китай, Индия, Объединённые Арабские Эмираты, и две дружественные страны Северной Африки — Египет и Алжир, которые переходят к новой модели научно-технологического развития.

Ключевые слова: Научно-технологическое развитие, международное сотрудничество, Россия, Индия, Китай, Алжир, Египет

Для цитирования: Дерюгина И. В. Научно-технологическое развитие в странах Азии и Северной Африки. Введение. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 228–232. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-228-232

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT IN ASIA AND NORTH AFRICA: AN INTRODUCTION

Irina V. Deryugina

A new model of interaction between science, technology and production is being created in Russia. Fundamental documents have been adopted that should ensure the country's technological sovereignty and increase the competitiveness of the Russian economy in the global market. The development strategy of the Russian Federation is aimed at transforming science and technology into a key factor in the country's development. Tasks related to cooperation in the field of science, technology and innovation at the international level have been identified, they involve mutually beneficial and equal cooperation with friendly foreign countries. The purpose of this section is to show trends and assess the prospects for scientific and technological development in some Asian and North

¹ Дерюгина Ирина Владимировна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; irina-vd@mail.ru

Irina V. Deryugina, PhD (Economics), Leading Research Fellow Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; irina-vd@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8040-1810

African countries with which the Russian Federation is expanding scientific cooperation. Three Asian countries have been selected for the analysis, which form the centers of “attraction” in the field of international scientific and technological cooperation in the region - China. India, the United Arab Emirates, and two friendly North African countries, Egypt and Algeria, are moving towards a new model of scientific and technological development.

Keywords: Scientific and technological development, international cooperation, Russia, India, China, Algeria, Egypt

For citation: Deryugina I. V. Scientific and Technological Development in Asia and North Africa: an Introduction. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 228–232. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-228-232

В России создаётся новая модель взаимодействия науки, технологий и производства. В целях реализации этой модели принят ряд документов, которые определяют концепцию и направления научно-технологического развития РФ. В 2019 г. была утверждена Государственная программа РФ «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (№ 377 от 29.03.2019). Программа является важнейшим инструментом реализации «Стратегии научно-технологического развития РФ» (№ 145 от 28.02.2024) и достижения национальных целей развития страны, определённых в Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (№ 309 от 07.05.2024).

В принятых документах определены векторы обеспечения независимости и конкурентоспособности России, достижения технологического суверенитета. В то же время стратегия достижения Россией технологического суверенитета не предполагает автаркии, она нацелена на создание взаимовыгодных альянсов с дружественными государствами, подразумевается, что в России будут поддерживаться инициативы дружественных иностранных партнёров, в которых используются российские технологические платформы².

Задачи, касающиеся различных аспектов взаимодействия в сфере науки, технологий и инноваций на международном уровне, определены в «Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации» (№ 1218-р от 16.05.2025). Они предполагают в первую очередь «развитие взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с конструктивно настроенными иностранными государствами, обеспечение учёта российских интересов на справедливой, взаимной, открытой и недискриминационной основе»³.

В этой связи важно оценить направления, перспективы и возможные препятствия сотрудничества в сфере науки и технологий, расширение существующих и зарождение новых форм научно-технологического сотрудничества России со странами Востока. При этом быстро усиливающаяся в последние годы политическая, экономическая и социальная дифференциация государств Азии и Северной Африки не позволяет выстраивать общую региональную политику научно-технологического сотрудничества. Каждое государство имеет не только различные уровни научно-технологического развития, но и разные цели как совершенствования собственной научной базы, так и форм международного сотрудничества.

Ниже предлагается обзор отдельных аспектов научно-технологического развития по дружественным странам Азии (Китай, Индия, ОАЭ) и Северной Африки (Алжир, Египет).

² Путин В. В.: Россия будет расширять альянсы в технологиях с другими странами. РИА НОВОСТИ. 14.05.2026. URL: <https://ria.ru/20260514/tekhnologii-2092466645.html> (дата обращения: 15.05.2026).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 мая 2025 г. № 1218-р «Об утверждении Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации». ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411960688/> (дата обращения: 03.05.2026).

В процессе перехода на рельсы инновационной экономики в Азии сформировались два центра «притяжения» в сфере научно-технологического развития — Китай, Индия, а также хаб научно-технологического сотрудничества — Объединённые Арабские Эмираты.

Китай стал центром притяжения научно-технологического развития для многих стран Азии благодаря масштабным инвестициям в исследования, стратегическому планированию и активному продвижению своих технологий в регионе. Этот процесс подкреплён государственными программами, экономическим влиянием и инициативами, направленными на укрепление технологического сотрудничества⁴.

Китай включил инновации в число стратегических приоритетов. Долгосрочные программы, такие как «Сделано в Китае 2025», «AI Plus» до 2035 года, План развития искусственного интеллекта нового поколения (2017–2030), направлены на достижение технологической независимости и лидерства в ключевых отраслях. Государство контролирует развитие инфраструктуры, распределяет субсидии, формирует индустриальные кластеры и требует от компаний совместных проектов для ускорения освоения новых технологий⁵.

Китайская система НИОКР в отличие от Индии ориентирована на прикладные исследования, которые напрямую связаны с реальным сектором экономики. Например, затраты на разработки в Китае составляют 82,1% всего финансирования НИОКР, в Индии — 19,5%. Напротив, на фундаментальные исследования в Индии приходится 14,5%, а в Китае — 6,6% всех затрат [Индикаторы науки, 2025, с. 341–345].

Благодаря растущему инновационному потенциалу, стратегическим инициативам и активной государственной политике Индия в последние годы стала позиционироваться как центр притяжения научно-технологического сотрудничества в Азии. Ключевыми драйверами развития научно-технологического сотрудничества стали государственные программы: Make in India, Digital India, Startup India, Atmanirbhar Bharat, Vigyan Dhara и др., направленные на достижение технологического суверенитета, формирование экономики, основанной на инновациях, и создание рабочих мест для молодёжи.

Перед Индией стоит стратегическая цель — достичь статуса развитой державы к 2047 г., когда будет отмечаться 100-летие независимости Индии. Эта амбициозная цель включает в себя увеличение объёмов ВВП до 23–35 трлн долл. (с текущих 4 трлн долл.), 3-е место среди крупнейших экономик мира (в абсолютных значениях) и статус страны с высоким доходом на душу населения (15000–20000 долл. вместо сегодняшних 2800). Такие задачи требуют ускоренного экономического роста — до 8–10% в год. При этом Индия рассматривает мировое лидерство в сфере инновационных технологий как ключевую основу этой стратегии.

Индия активно укрепляет свои позиции на мировом рынке цифровых технологий, становясь значимым игроком в сферах искусственного интеллекта (ИИ), финтеха, производства электроники и полупроводников, а также в области разработки программного обеспечения. Страна реализует масштабные государственные программы, привлекает инвестиции и развивает экосистему стартапов, что способствует её технологическому росту и влиянию на глобальные рынки. Приоритетными направлениями сотрудничества Индии со странами Азии выступают биотехнологии и фармацевтика; искусственный интеллект; космические исследования; энергетика; квантовые технологии.

⁴ Как Китай стал технологической сверхдержавой. РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/67c8297d9a794709eac7f155> (дата обращения: 05.05.2026).

⁵ Дракон расправил крылья: что сделало Китай технологической сверхдержавой. Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/549105-dragon-raspravil-kryl-a-cto-sdelalo-kitaj-tehnologiceskoj-sverhderzavoj> (дата обращения: 26.05.2026).

Ниже предлагается статья об историческом формировании научных элит в Индии. В колониальной Индии формирование научных элит сдерживалось неравным доступом к образованию, национальными и кастовыми предубеждениями. Однако имели место истории отдельных учёных, которые достигали мирового уровня, несмотря на системные барьеры, но их успех не трансформировался в устойчивые исследовательские традиции, поскольку отсутствовала целостная система подготовки кадров и интеллектуального воспроизводства. После обретения независимости внимание государства было сосредоточено на целенаправленном конструировании научной элиты через создание сетей институтов. Современный этап характеризуется переходом к приватизированной, коммерциализированной и глобализированной модели науки, где фундаментальные исследования уступают место стартапам и технопаркам.

ОАЭ выступает крупным технологическим хабом, привлекательность которого обеспечена в первую очередь политикой государства по отношению к научным исследованиям, развитием инфраструктуры, инвестициями в ключевые сферы НИОКР, программами привлечения в страну высокообразованных кадров и учёных, организацией свободных экономических зон с нулевым налогообложением.

Научно-технологическая политика в ОАЭ предполагает глубокую интеграцию в международное пространство. В научно-технологическом секторе государства преобладают импортные технологии и иностранные специалисты. В сфере науки преобладают прикладные исследования, что вынуждает расширять научно-технологическую кооперацию с государствами, являющимися мировыми лидерами в фундаментальной науке. Конкуренция за лидерство в регионе во многом определяет научно-технологическую политику ОАЭ. Для страны научно-технологическое развитие — это один из способов укрепления суверенитета и безопасности в широком смысле, включая усиление собственной роли в мировых хозяйственных связях. В программных документах определён разнообразный спектр развития научных областей — это возобновляемые источники энергии, транспорт, здравоохранение, водопользование, космические технологии, биотехнологии, ИКТ и ИИ, а также робототехника [Дерюгина, 2025].

Египет стремится занять лидирующие позиции в сфере научно-технического прогресса в Африке. Страна находится в парадигме догоняющего развития, и руководство её довольно аккуратно «проходит» через все региональные кризисы, стараясь поддерживать рабочие отношения с государствами, обладающими инновационными технологиями. Развитие науки и технологий в Египте рассматривается в качестве средства обеспечения национального суверенитета и построения «экономики знаний». В качестве приоритетных направлений научных исследований в программных документах выделяются энергетика, водные ресурсы, медицина, здравоохранение, сельское хозяйство, охрана окружающей среды и природных ресурсов [Мамедов, 2025].

Государство в Египте уделяет большое внимание энергетической отрасли. Ключевыми направлениями являются развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ), строительство первой в стране атомной электростанции Эд-Дабаа (строится в сотрудничестве с РФ) и модернизация инфраструктуры. Развитие отрасли в направлении диверсификации источников энергии, перехода на «зелёные» технологии и внедрения современных научных и технологических решений свидетельствует об эффективном повороте на рельсы инновационного экономического роста [Научно-технологическое развитие, 2025].

Алжир — крупнейшая по территории страна Африки. Сложившаяся модель экономики, при которой около 90% экспортных доходов формируется за счёт нефти и газа, сделала в глазах правительства диверсификацию в пользу наукоёмких секторов стратегической необходимостью. Научно-технологическая политика страны в последние годы претерпевает качественные преобразования:

государство целенаправленно формирует экосистему инноваций, расширяет международную кооперацию и создаёт правовую инфраструктуру для поддержки исследовательской деятельности и стартапов. При этом алжирская модель управления НТР отличается высокой степенью централизации: государство выступает основным заказчиком, финансистом и регулятором исследовательской деятельности. Частный сектор участвует в финансировании НИОКР лишь в минимальной мере.

Таким образом, предлагаемые шесть статей, охватывая различные аспекты научно-технологического развития отдельных дружественных стран Азии и Северной Африки, частично могут показать ключевые модели инновационного роста.

Литература / References

Дерюгина И. В. *Научно-технологическая политика стран Востока и Африки (Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия, Эфиопия). Перспективы сотрудничества с Россией*. Аналитический доклад. М.: МГИМО МИДРФ, 2025 [Deryugina I. V. *Scientific and technological policy of the countries of the East and Africa (Egypt, Iran, UAE, Saudi Arabia, Ethiopia). Prospects of cooperation with Russia*. Analytical report. Moscow: MGIMO MID RF, 2025 (in Russian)].

Индикаторы науки. Статистический сборник. Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025 [Indicators of science. Statistical collection. Moscow: ISIEZ HSE, 2025 (in Russian)].

Мамедов Р. Ш. Научно-технологическое развитие Египта и перспективы сотрудничества с Россией. *Международная аналитика*. 2025. Том 16. № 3. С. 81–102 [Mamedov R. Scientific and Technological Development of Egypt and Prospects for Cooperation with Russia. *Journal of International Analytics*. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 81–102 (in Russian)].

Научно-технологическое развитие стран Азии и Африки. Книга 1. Египет, Иран, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Эфиопия: коллективная монография. Отв. ред. И. В. Дерюгина, В. А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2025 [Scientific and technological development of Asian and African countries. Book 1. Egypt, Iran, Saudi Arabia, the United Arab Emirates, Ethiopia: a collective monograph. Edited by I. V. Deryugina, V. A. Kuznetsov. Moscow: IOS RAS, 2025 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Online resources

Дракон расправил крылья: что сделало Китай технологической сверхдержавой. Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/549105-drakon-raspravil-kryl-a-cto-sdelalo-kitaj-tehnologiceskoj-sverhderzavoj> (дата обращения: 26.05.2026).

Как Китай стал технологической сверхдержавой. РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/67c8297d9a794709eac7f155> (дата обращения: 05.05.2026).

Путин В. В.: Россия будет расширять альянсы в технологиях с другими странами. РИА НОВОСТИ. 14.05.2026. URL: <https://ria.ru/20260514/tekhnologii-2092466645.html> (дата обращения: 15.05.2026).

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 мая 2025 г. № 1218-р «Об утверждении Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации». ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411960688/> (дата обращения: 03.05.2026).

ОСОБЕННОСТИ ДИФФУЗИИ ИТ-ФИРМ В СФЕРЕ УСЛУГ В МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ: ГИПОТЕЗА О СВЯЗИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ И КУЛЬТУРНОЙ ОДНОРОДНОСТИ НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ

А. В. Акимов¹

В статье сделана попытка показать, что из мировых центров ИТ-технологий в области экспорта услуг их диффузия в мировое хозяйство идёт в первую очередь по странам со схожим национальным менталитетом, подобным тем, что имеется в странах, послуживших первоначальными центрами развития ИТ-услуг. Такая связь ранее была установлена для США и Ирландии, Индии и ОАЭ. Ниже предлагается пример аналогичной связи для Китая и Юго-Восточной Азии. Связь рассматривается на примере фирмы Tancent, ведущей среди китайских фирм, работающих в сфере компьютерных услуг и ИИ. Основным достижением компании Tencent является разработка и распространение программы обмена сообщениями для смартфонов WeChat.

WeChat рассматривается как китайский эквивалент Facebook и Instagram (*принадлежат американской компании Meta, признанной экстремистской на территории РФ*), но также опирается на культурные традиции Китая. Если сравнить размещение филиалов фирмы Tancent с численностью и долей населения, имеющего китайское происхождение в прошлом, и иммигрантов из Китая, то видно, что там, где китайская диаспора велика по численности или занимает большую долю в населении страны, филиалы фирмы встречаются чаще, хотя по глобальным масштабам её деятельности центры размещения филиалов могли бы быть в странах, где крупнее рынки за счёт высоких доходов населения и его большой численности. В узкой сфере, где предоставляются информационные услуги, связь с этническим центром важна, но в связи с тем, что информационные услуги и развитие искусственного интеллекта развиваются быстрее многих других отраслей, эта тенденция особенности сферы информационных услуг, возможно, будет набирать силу и вносить новые черты в процессы глобализации.

Ключевые слова: ИТ-фирмы в сфере услуг, диффузия в мировом хозяйстве, культурная однородность, Китай, фирма Tancent

Для цитирования: Акимов А. В. Особенности диффузии ИТ-фирм в сфере услуг в мировом хозяйстве: гипотеза о связи экономической экспансии и культурной однородности на примере Китая. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 233–240. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-233-240

¹ Акимов Александр Владимирович, доктор экономических наук, зав. отделом экономических исследований Института востоковедения РАН, Москва; akimovivran@mail.ru

Alexander V. Akimov, DSc (Economics), Head of the Department of Economic Research at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; akimovivran@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5310-903X

FEATURES OF IT FIRMS' DIFFUSION IN THE SERVICE SECTOR OF THE WORLD ECONOMY: THE CONNECTION BETWEEN ECONOMIC EXPANSION AND CULTURAL HOMOGENEITY, AS EXAMPLIFIED BY CHINA

Alexander V. Akimov

This paper attempts to show that the diffusion of IT services from global IT centers to the global economy primarily occurs in countries with similar national mentalities, similar to those found in the countries that served as the initial centers for the development of IT services. This connection has previously been established for the United States and Ireland, as well as for India and the United Arab Emirates. In this paper, we provide an example of a similar connection for China and Southeast Asia. For China, we use the example of Tencent, a leading Chinese company in the field of computer services and AI. Tencent's main achievement is the development and distribution of the WeChat messaging app for smartphones. WeChat is seen as the Chinese equivalent of Facebook and Instagram, but it also draws on China's cultural traditions. If we compare the location of Tencent's branches with the size and proportion of the population that has Chinese ancestry and immigrants from China, we can see that where the Chinese diaspora is large or represents a significant portion of the population, Tencent's branches are more prevalent. However, given the global nature of Tencent's operations, its branches may be located in countries with larger markets due to higher income levels and population sizes. In the narrow field of information services, communication with the ethnic center is important, but due to the fact that information services and the development of artificial intelligence are growing faster than many other industries, this trend may become more pronounced and contribute to the processes of globalization.

Keywords: IT firms in the service sector, diffusion in the global economy, cultural homogeneity, China, Tencent

For citation: Akimov A. V. Features of IT Firms' Diffusion in the Service Sector of the World Economy: The Connection Between Economic Expansion and Cultural Homogeneity, as Exemplified by China. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 233–240. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-233-240

Предлагаемая работа не является законченным исследованием, доказывающим определённые результаты. Ниже предлагается гипотеза, построенная на опыте работы других исследователей темы и автора по изучению экономики IT-отраслей, которая показывает некоторые существенные особенности этой отрасли не только в странах Востока, но и в мировой экономике.

Если кратко, ниже сделана попытка показать, что из мировых центров IT-технологий в области экспорта услуг их диффузия в мировое хозяйство распространяется в первую очередь по странам со схожей культурой, национальным менталитетом, подобным тем, что имеется в странах, послуживших первоначальными центрами развития IT-услуг.

Первым примером является отмеченная Н. Н. Цветковой связка США–Ирландия [Цветкова, 2021, с. 124–127] или шире: англо-саксонские страны — Ирландия. Ирландия лидирует среди развитых стран по экспорту IT-услуг за счёт привлекательного инвестиционного климата, притягивающего в страну мировых лидеров отрасли, а также, как мы предполагаем, за счёт схожести языка и культуры этих стран.

Подобные процессы наблюдаются и в отношениях Индии и ОАЭ в той же отрасли: «По некоторым оценкам, примерно четверть экспатов, проживающих в ОАЭ, имеют высокую

квалификацию. Среди них чаще выделяются группы IT-специалистов, инженеров и вспомогательного персонала (преимущественно индийского происхождения), которые поддерживают и развивают IT-системы как в государственном, так и в частном секторах» [Научно-техническое развитие ... 2025, с. 319–320].

Ниже прослеживается аналогичная схема по Китаю и странам Юго-Восточной Азии.

Для Китая наиболее подходящий объект для исследования — фирма Tencent. Она является ведущей среди китайских фирм, работающих в сфере компьютерных услуг и искусственного интеллекта. Поскольку эта фирма существует в виде акционерного общества, по ней имеется открытая информация по ряду существенных позиций. Основное достижение её — разработка и распространение программы обмена сообщениями для смартфонов WeChat.

Эта программа имеет эффективный для пользователей социальных сетей дизайн и такие функции, как текстовое общение, мобильные платежи, торговля ценными бумагами, обмен сообщениями в социальных сетях, вызов такси и видеосообщение.

WeChat рассматривается как китайский эквивалент Facebook* и Instagram*, но также опирается на культурные традиции Китая. В преддверии китайского Нового года менеджеры могут отправлять своим сотрудникам денежные подарки через группы в WeChat. В Китае у WeChat около 630 миллионов активных пользователей в месяц, то есть большинство людей пользуются WeChat, особенно в городах. Еще 70 миллионов пользователей находятся за рубежом, в основном в странах Юго-Восточной Азии и Индии.

Массовая популярность WeChat вывела его в лидеры по монетизации, средний годовой доход WeChat на одного пользователя составляет семь долларов США, в то время как среднегодовой доход Whatsapp от Facebook на одного пользователя составляет всего 0,06 доллара США².

Ма Хуатэн (также известен как Пони Ма) — китайский предприниматель, основатель и председатель совета директоров телекоммуникационной компании Tencent создал в фирме культуру, основанную на разработке продуктов. Он имеет штат из примерно 500 специалистов по разработке продуктов компании. WeChat — не единственный актив Tencent. Базирующаяся в Шэньчжэне фирма конкурирует с Alibaba и Baidu за господство в китайском интернете, а также активно инвестирует за пределами Китая. Tencent не только располагает решениями creative data для поддержки 700 миллионов пользователей WeChat, но и может предложить пользователям бесплатное хранилище объёмом 10 терабайт, которое в Google обошлось бы в 100 долларов в месяц. Многие эксперты предсказывают, что Tencent станет одной из главных сил в мировой индустрии технологий³.

Головной офис фирмы Tencent расположен в Шэньчжэне, провинция Гуандун, Китай, а филиалы и региональные офисы находятся в разных странах (см. табл. 1). По числу зарубежных филиалов Tencent на первом месте Восточная Азия и Тихоокеанский регион (см. табл. 1).

* Американская компания Meta, которой принадлежат соцсети Facebook и Instagram, признана экстремистской на территории РФ (решение Тверского суда Москвы от 21.03.2022).

² Five Chinese Tech Companies and their Global Equivalents. URL: <https://blog.tutorabcchinese.com/chinese-for-business/five-chinese-tech-companies> (дата обращения: 12.01.2026).

³ Ibid.

Таблица 1. Филиалы и зарубежные офисы фирмы Tencent.*

Азиатско-Тихоокеанский регион	
Город	Страна
Окленд	Новая Зеландия
Бангкок	Таиланд
Канберра	Австралия
Гонконг	Гонконг
Гургаон, штат Харьяна	Индия
Джакарта	Индонезия
Куала-Лумпур	Малайзия
Сеул	Республика Корея
Сингапур	Сингапур
Сидней	Австралия
Токио	Япония
Осака	Япония
Америка Северная и Южная	
Пало-Альто, штат Калифорния	США
Лос-Анджелес	США
Ирвин, штат Калифорния	США
Бельвью, штат Вашингтон	США
Нью-Йорк	США
Вашингтон	США
Торонто	Канада
Монреаль	Канада
Сан-Паулу	Бразилия
Европа	
Амстердам	Нидерланды
Берлин	ФРГ
Франкфурт	ФРГ
Стамбул	Турция
Лондон	Великобритания
Мюнхен	ФРГ
Париж	Франция
Варшава	Польша
Средний Восток и Африка	
Каир	Египет
Дубай	ОАЭ
Эр-Рияд	Саудовская Аравия

*Филиалы представлены в той последовательности, как они размещены на сайте фирмы

Источник: Tencent. Our Offices URL: <https://www.tencent.com/en-us/about.html#about-con-4> (дата обращения: 12.01.2026)

Если сравнить размещение филиалов фирмы Transcent с численностью и долей населения, имеющего китайское происхождение в прошлом, и иммигрантов из Китая (см. табл. 2), то видно, что имеется определённое совпадение, указывающее на то, что там, где китайская диаспора велика по численности или занимает большую долю в населении страны, филиалы фирмы встречаются чаще, хотя по глобальным масштабам её деятельности центры размещения филиалов могли бы быть в странах, где крупнее рынки за счёт высоких доходов населения и его большой численности.

Таблица 2. Численность китайской диаспоры по странам

Страна	Категории населения	Численность	Доля в населении страны или региона, %	Год
АЗИЯ		29 000 000		
Таиланд	потомки переселенцев из Китая	9 300 000	14%	2015
Малайзия	потомки переселенцев из Китая	7 527 793	23,2%	2020
Индонезия	потомки переселенцев из Китая	2 832 510	1,20% (официальные данные)	2010
Сингапур	потомки переселенцев из Китая и приехавшие и работающие в Сингапуре граждане Китая	2 675 521 (потомки переселенцев) 514 110 (приехавшие и работающие в Сингапуре граждане Китая)	76% (официальные данные ¹) нет данных	2015 2020
Мьянма	потомки переселенцев из Китая и приехавшие живущие и работающие в Мьянме граждане Китая	1 725 794	3%	2012
Филиппины	Филиппинцы китайского происхождения	1 146 250–1 400 000	2%	2013
Республика Корея	китайцы в РК	1 070 566	2%	2018
Япония	китайцы в Японии	1 000 000	<1%	2024
Бруней	этнические китайцы в Брунее	42 100	10%	2015
ЕВРОПА		1 670 000		
Франция	китайская диаспора во Франции	800 000–1 200 000 (по происхождению) (116000 Chinese nationals)	1%	2025
АМЕРИКА		8 215 000		
США	Китайцы, родившиеся в США, и иммигранты	5 457 033	1–2%	2023
Канада	Китайцы, родившиеся в Канаде, и иммигранты	1 715 770	4–5%	2021
Перу	Китайцы, живущие в Перу	1 000 000–3 000 000	3–10%	2015
ОКЕАНИЯ		1 500 000		
Австралия	Китайцы, живущие в Австралии	1 390 639	6%	2021
Новая Зеландия	Китайцы, живущие в Новой Зеландии	279 039	5%	2023

Источник: Chinese Diaspora by Country. Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Overseas_Chinese?y-sclid=mjrbhx6ni9657037502 (дата обращения: 15.01.2026)

По Сингапуру и Индонезии ситуация схожая. В обеих странах активно работают китайские фирмы, преуспевающие в сфере информационных услуг. Иная ситуация в Таиланде и Малайзии, где также велика китайская диаспора. В этих странах, как будет показано ниже, пока работают только китайские строительные и промышленные фирмы.

Китайские компании в области высоких технологий пришли в Сингапур во второй половине нулевых годов, а в настоящее время Сингапур является третьим мировым центром по их концентрации после КНР и Кремниевой долины в США. Свои филиалы в Сингапуре имеют как интернет-лидеры Alibaba, Tencent и Bytedance, так и технологические компании, такие как Ant Group и Huawei Cloud.

Как отмечают эксперты, это связано с высокой степенью развитости среды для венчурного бизнеса, большими инвестициями в эту сферу, благоприятным инвестиционным климатом Сингапура и инновационности его экономики. В Сингапуре насчитывается более 300 венчурных компаний⁴.

Важным достоинством Сингапура является его членство в АСЕАН, что позволяет выходить на рынки Юго-Восточной Азии с населением более 650 млн человек. Кроме того, Сингапур входит с число мировых финансовых центров.

Отмечается также, что Сингапур и КНР имеют давнюю историю тесного экономического взаимодействия и торговли. Также высокое качество технического и экономического образования в Национальном университете Сингапура и Наньянском технологическом университете является важным моментом в привлечении иностранных фирм в Сингапур.

В Сингапуре регистрация компании онлайн занимает всего 15 минут, а создание её — в среднем полтора дня. Налоговый режим Сингапура облегчает технологическим компаниям оптимизацию расходов. Площадь Сингапура составляет всего около четырёх процентов от площади Пекина, и сосредоточение большого количества фирм означает больше возможностей для сотрудничества. По имеющимся данным, 80 из 100 крупнейших технологических компаний мира работают в Сингапуре. В то же время Сингапур полностью полагается на огромный рыночный потенциал Юго-Восточной Азии для достижения быстрого развития. По прогнозам, к 2030 году Юго-Восточная Азия станет четвёртой по величине экономикой в мире. В Юго-Восточной Азии проживает более 650 миллионов человек, более трети из которых моложе 30 лет, и ожидается, что к 2030 году численность среднего класса увеличится втрое. Всё это создаст огромные демографические дивиденды для экономического развития Сингапура, а также крупный рынок сбыта товаров в регионе. Другими словами, большинство транснациональных корпораций, расположенных в Сингапуре, хотят попасть на большой и растущий рынок Юго-Восточной Азии⁵.

Ещё одной страной, где активно напрямую работают китайские технологические гиганты, такие как Alibaba, Tencent, Huawei и JD.com, является Индонезия. Alibaba и Sea Group создали местные фирмы в сфере электронной коммерции. С ними работает Tencent, а Huawei поддерживает телекоммуникационную инфраструктуру и 5G, внося вклад в цифровое развитие экономики Индонезии. В этой стране китайские фирмы выступают создателями рынка цифровой розничной торговли, финтеха, развития платёжных систем и блокчейна. Китайские фирмы приносят капитал, технологические ноу-хау и экспертные знания.

Индонезия получает технологии, которые обеспечивают доступ к финансовым услугам даже в отдалённых частях архипелага, создаются новые рабочие места. Для успеха китайские фирмы

⁴ Singapore a popular base for China tech firms. URL: <https://www.thinkchina.sg/technology/singapore-popular-base-china-tech-firms> (дата обращения: 10.01.2026).

⁵ Ibid.

должны приспособиться к местным практикам, языку и стандартам⁶. На этом пути члены местной китайской диаспоры могут стать важными помощниками.

По китайским ИТ-фирмам, производящим оборудование, ситуация другая (см. табл. 3). Основные доходы ведущих китайских фирм в этой сфере из-за рубежа приходятся на Европу, Ближний Восток, страны Азии и Америки, то есть изделия китайских фирм продаются на наиболее крупных рынках, культурные связи в этой сфере малозначимы.

Таблица 3. Доходы ведущих китайских фирм по производству вычислительной техники по регионам в 2017 г.

	Китай	Европа, Ближний Восток, Азия	Азиатско-Тихоокеанский регион	Америка
Леново	26	27	17	30
Хуавей	45	30	15	10

Источник: 4 successful Chinese companies overseas. URL: <http://daxueconsulting.com/4-successful-chinese-companies-overseas/> (дата обращения: 12.01.2026)

Нужно отметить, что проникновение китайских фирм в страны, где имеется китайская диаспора, происходит и в другие сферы, а не только в ИТ-индустрию. Например, в Малайзии на первых позициях — строительные фирмы КНР⁷, а в Таиланде китайские фирмы работают в самых разных сферах, начиная с сельского хозяйства.

В целом можно отметить, что в мире есть страны с одинаково привлекательным инвестиционным климатом, и транснациональные фирмы, работающие на мировом рынке, имеют равные основания работать в каждой из них, но Китай идёт не в Ирландию и не в ОАЭ, а в Сингапур, США идут в Ирландию, а не в Сингапур, и Индия идёт в ОАЭ, а не в Ирландию и не в Сингапур. Представляется, что в узкой сфере, где предоставляются информационные услуги, связь с этническим центром важна, в других же сферах этого нет, но поскольку информационные услуги и развитие искусственного интеллекта развиваются быстрее многих других отраслей, эта тенденция особенности сферы информационных услуг, возможно, будет набирать силу и вносить новые черты в процессы глобализации.

Литература / References

Научно-техническое развитие стран Азии и Африки. Книга 1. Египет, Иран, Саудовская Аравия, Объединённые Арабские Эмираты, Эфиопия: коллективная монография. Отв. ред. И. В. Дерюгина, В. А. Кузнецов; М.: ИВ РАН, 2025 [*Scientific and technological development of Asian and African countries. Book 1. Egypt, Iran, Saudi Arabia, the United Arab Emirates, Ethiopia: a collective monograph*. Edited by I. V. Deryugin, V. A. Kuznetsov; M: IOS RAS, 2025 (in Russian)].

⁶ Indonesia Welcomes Chinese Companies Boosting Its Economy Digital Sector. URL: <https://cptcorporate.com/indonesia-welcomes-chinese-companies-boosting-its-economy-digital-sector/> (дата обращения: 19.01.2026).

⁷ Top 10 Chinese Companies in Malaysia 2024 — Ranking & Update. URL: <https://digitalmarketingdeal.com/blog/chinese-companies-in-malaysia/> Digital Marketing Deal (дата обращения: 12.01.2026).

Цветкова Н. Н. *Развитие цифровой экономики: страны Азии и Африки. Книга 1. Развитие цифровой экономики*. Отв. ред. Акимов А. В. М.: ИВ РАН, 2021 [Tsvetkova N. N. *Digital Economy development: Asian and African countries. Book 1. The development of the digital economy*. Ed. Akimov A. V. M: IOS RAS, 2021 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Online resources

4 successful Chinese companies overseas. Daxueconsulting. URL: <http://daxueconsulting.com/4-successful-chinese-companies-overseas/> (дата обращения: 18.12.2025).

Chinese Diaspora by Country. Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Overseas_Chinese?ysclid=mjrbhx6ni9657037502 (дата обращения: 18.12.2025).

Five Chinese Tech Companies and their Global Equivalents. TutorABC. URL: <https://blog.tutorabc-chinese.com/chinese-for-business/five-chinese-tech-companies> (дата обращения: 18.12.2025).

Indonesia Welcomes Chinese Companies Boosting Its Economy Digital Sector. Cptcorporate. URL: <https://cptcorporate.com/indonesia-welcomes-chinese-companies-boosting-its-economy-digital-sector/> June 19 2025 (дата обращения: 18.12.2025).

Singapore a popular base for China tech firms. Thinkchina. URL: <https://www.thinkchina.sg/technology/singapore-popular-base-china-tech-firms> (дата обращения: 19.12.2025).

Tencent. Our Offices. Tencent. URL: <https://www.tencent.com/en-us/about.html#about-con-4> (дата обращения: 19.12.2025).

Top 10 Chinese Companies in Malaysia 2024 — Ranking & Update. Digital Marketing Deal. URL: <https://digitalmarketingdeal.com/blog/chinese-companies-in-malaysia/> Digital Marketing Deal (дата обращения: 19.12.2025).

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ ИНДИИ — СТАТЬ ЛИДЕРОМ В СФЕРЕ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

© 2026

И. В. Дерюгина¹

В Индии поставлена амбициозная цель — к 100-летию независимости (2047) войти в группу развитых стран. При этом Индия рассматривает мировое лидерство в сфере инновационных технологий как ключевую основу этой стратегии. Вопрос о том, сможет ли Индия стать лидером в сфере науки и технологий, является предметом анализа в данной статье. Проведя анализ, можно констатировать, что у Индии есть потенциал стать мировым лидером в области науки и технологий. Это заключение принято на основании сравнительного изучения наукометрических параметров в Индии и Китае. Например, основываясь на динамике трендов научно-технологического развития Индии, которая в 2025 г. поднялась на 38-е место в Глобальном инновационном рейтинге, занимает ведущие места в мировом рейтинге публикационной и патентной активности, а также рейтинге цитируемости. По совместным научным публикациям с учёными Малайзии, Саудовской Аравии, Эфиопии, Объединённых Арабских Эмиратов Индия поднялась на более высокие ступени по сравнению с Китаем. Индия существенно отстает от Китая в сфере финансирования науки и технологий, причём имеет совершенно другую структуру затрат на науку по источникам финансирования, отраслям и секторам научных исследований.

Ключевые слова: Индия, научно-технологическое развитие, наукометрия, структура финансирования науки, рейтинг университетов, глобальный инновационный индекс

Для цитирования: Дерюгина И. В. Стратегическая цель Индии — стать лидером в сфере науки и технологий. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 241–250. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-241-250

INDIA'S STRATEGIC GOAL IS TO BECOME A LEADER IN SCIENCE AND TECHNOLOGY

Irina V. Deryugina

India has set an ambitious goal to join the group of developed countries by the 100th anniversary of independence (2047). At the same time, India considers global leadership in the field of innovative technologies as a key basis for this strategy. The question of whether India can become a leader in science and technology is the subject of analysis in this article. After analyzing it, it can be stated that India has the potential to become a world leader in science and technology. This conclusion is based on a comparative study of scientometric parameters in India and

¹ Дерюгина Ирина Владимировна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; irina-vd@mail.ru

Irina V. Deryugina, PhD (Economics), Leading Research Fellow Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; irina-vd@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8040-1810

China. For example, based on the dynamics of scientific and technological development trends in India, which in 2025 rose to 38th place in the Global Innovation Ranking, occupies leading positions in the world ranking of publication and patent activity, as well as the citation rating. According to joint scientific publications with scientists from Malaysia, Saudi Arabia, Ethiopia, and the United Arab Emirates, India has risen to higher levels than China. India lags significantly behind China in the field of science and technology financing, and has a completely different cost structure for science by sources of funding, industries, and the research sector.

Keywords: India, scientific and technological development, scientometrics, structure of science financing, university ranking, global innovation index

For citation: Deryugina I. V. India's Strategic Goal is to Become a Leader in Science and Technology. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 241–250. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-241-250

В Индии поставлена амбициозная цель — к 100-летию независимости (2047) войти в группу развитых стран. Основой выполнения этой стратегии в экономическом плане должно стать мировое лидерство в сфере инновационных технологий². Стратегия Индии — на пути к лидерству в сфере науки и технологий — направлена на достижение технологического суверенитета, диверсификацию экономики и укрепление позиций на глобальной технологической арене. В неё входит увеличение финансирования научных исследований, укрепление позиций индийских университетов, концентрация на приоритетных инновационных направлениях, подготовка кадров, поддержка стартапов, международное сотрудничество. Правительство Индии в 2013 г. приняло Национальную программу в области науки, технологий и инноваций (Science, Technology and Innovation Policy / STIP-2013), целью которой являлось включить Индию в пятёрку мировых научных держав. В 2020 г. начал разрабатываться проект новой Национальной политики в области науки, технологий и инноваций (STIP-2020) [Draft 5th].

Индия в Глобальном инновационном индексе

Положительным трендом научно-технологического развития Индии является достаточно быстрое продвижение вверх в рейтинге Глобального инновационного индекса. Если в 2019 г. страна была на 52-м месте, в 2020 г. поднялась на 48-е место, то в 2024 г. заняла 39-е место и, наконец, в 2025 г. — 38-е место [Global Innovation, 2025, с. 19]. Уточним, что из стран Азии в этом рейтинге выше Индии находятся: Республика Корея (4-е место), Сингапур (5), Китай (10), Япония (12), Израиль (14), Малайзия (34). Интересным моментом стало отставание Турции (43-е место), которая долгое время обгоняла Индию.

Рейтинг университетов Индии

В сфере высшего образования главной политикой на сегодняшний день является «Национальная политика в сфере образования 2020», а в сфере науки и технологий — Science, Technology & Innovation Policy 2013 (STIP-2013). В документе была поставлена амбициозная задача вывести Индию в число пяти ведущих научных держав к 2020 г. Для оценки реальности этих планов рассмотрим рейтинг университетов по версии QS (Quacquarelli Symonds). Оценка осуществляется в баллах по 9 показателям: «академическая репутация», «репутация у работодателей», «преподаватели и студенты», «цитируемость», «иностранные преподаватели», «иностранные студенты»,

² Is India Ready to Lead the World in Science & Technology? Evaluating Efforts and Challenges. Legacy IAS Academy (LIA). URL: <https://www.legacyias.com/india-global-leader-science-technology-analysis/> (дата обращения: 26.04.2026).

«международное партнёрство (IRN)», «трудоустройство», «устойчивость», результатом является общий балл (табл. 1, 2).

Таблица 1. ТОП-5 университетов Индии по рейтингу QS (баллы)

	Место в мировом рейтинге	Академическая репутация	Репутация у работодателей	Преподаватели и студенты	Цитируемость	Иностранные преподаватели	Иностранные студенты	Международное партнёрство (IRN)	Трудоустройство	Устойчивость	Общий балл
Индийский институт технологий в Бомбее	118	58,5	86,0	14,4	79,1	4,3	1,3	52,3	64,5	52,5	56,3
Индийский институт технологий в Дели	150	54,1	80,9	17,3	77,4	3,1	1,5	63,3	35,1	32,7	52,1
Индийский научный институт в Бангалоре	211	45,7	26,3	37,9	99,9	3,7	1,5	39,1	13,1	23,7	45,0
Индийский технологический институт в Харагпуре	222	34,0	51,1	9	90,2	1,1	1,1	69,3	33	44,3	43,7
Мадраасский технологический институт	227	42,2	63,2	20,3	70,3	3,9	1,6	37,5	27	44,6	43,5

Источник: Рейтинг университетов мира QS World University Rankings 2025. URL: <https://www.albioncom.ru/programs/vysshee-obrazovanie/qs-world-university-rankings-2025> (дата обращения: 20.03.2026)

Таблица 2. ТОП-5 университетов Китая по рейтингу QS (баллы)

	Место в мировом рейтинге	Академическая репутация	Репутация у работодателей	Преподаватели и студенты	Цитируемость	Иностранные преподаватели	Иностранные студенты	Международное партнёрство (IRN)	Трудоустройство	Устойчивость	Общий балл
Пекинский университет	14	99,5	96,6	92,6	97,7	50,3	23,6	79,8	94,2	46,9	88,5
Гонконгский университет	17	97,4	59,4	81,2	86,4	100	99,3	81,4	99,7	89,2	87,6
Университет Цинхуа	20	99,2	97,7	95	99,1	18,1	13,4	79,2	92,3	40,4	86,5
Китайский университет в Гонконге	36	86,7	53,3	64,2	92,9	100	87,5	74,2	89,0	86,7	81,3
Шанхайский университет	45	84,0	86,3	58,6	99,6	23,1	19,6	73,7	73,5	80,3	77,8

Источник: Рейтинг университетов мира QS World University Rankings 2025. URL: <https://www.albioncom.ru/programs/vysshee-obrazovanie/qs-world-university-rankings-2025> (дата обращения: 20.03.2026)

По рейтингу QS Индия значительно отстаёт от Китая. Если ТОП-5 университетов Китая располагаются с 14-го по 45-е место в мировом рейтинге по версии QS, то ТОП-5 университетов Индии — со 118-го по 227-е место. Здесь надо учитывать, что в китайский рейтинг включены университеты Гонконга.

По каким же показателям китайские университеты существенно обгоняют индийские? Во-первых, за счёт баллов, полученных в позициях «преподаватели и студенты», в том числе «иностранные преподаватели» и «иностранные студенты». Индийские университеты по этим позициям в рейтинге QS набирают меньше 10 баллов, что приводит к понижению совокупного балла (табл. 1). Именно университеты Гонконга отличаются большим числом иностранных преподавателей и студентов (имеют по этой позиции свыше 90 баллов), университеты остального Китая имеют баллы по иностранным специалистам ниже (здесь показатели не выше 50 баллов) (табл. 2). Индийские университеты до сих пор ориентировались только на национальные кадры и индийских студентов, в то время как политика университетов Гонконга была более открытой. Но Индия предпринимает усилия (отметим, искусственные), чтобы поднять рейтинг своих университетов по этим позициям.

Планируется, что к 2030 г. Индия может стать крупнейшим международным учебным центром. Число приезжающих в Индию иностранных студентов будет ежегодно увеличиваться на 8% в период с 2025 по 2030 год. Планируется принять 500 тыс. иностранных студентов к 2047 г. (для сравнения: в 2025 г. было 58 тыс. студентов). В то же время более 800 тыс. индийцев получают образование за рубежом.

В Индии за 4 года подготовили 85 тыс. инженеров в области проектирования больших интегральных схем. Подготовка велась в 113 университетах. В рамках программы «Индийская полупроводниковая миссия 2.0» планируется охват до 500 учебных заведений. Считается, что стране нужно до 2 млн специалистов.

Индия в рейтинге публикационной и патентной активности

Проанализировав ежегодные позиции Индии в мировом рейтинге публикационной и патентной активности, можно констатировать, что по всем позициям, в том числе и по абсолютным показателям, страна постепенно набирает обороты [Степанов, Степанова, 2025]. Несмотря на особенности патентной системы, из-за которой на определённые товары патенты не оформляются, в стране в 2025 г. было выдано 105,1 тыс. патентов (63,2 тыс. — резидентам, 41,9 тыс. — нерезидентам). Для сравнения отметим, что в 2016 г. было выдано 9 тыс. патентов³. Не вдаваясь в детали, перечислим запрещённые к патентованию объекты: а) программы для ЭВМ (защищаются авторским правом); б) способы ведения сельского хозяйства и лечения; в) биологические процессы для производства или размножения растений и животных; г) бизнес-методы; д) топология интегральных схем; е) селекционные достижения; ж) полезные модели⁴.

Таким образом, Индия по числу патентных заявок поднялась с 6-го места в 2023 г. на 5-е место в 2025 г.⁵ По числу публикаций в изданиях, индексируемых в Scopus, страна сохранила 3-е место в мире (7,5% — удельный вес страны во всех публикациях Scopus за четверть века),

³ В Индии количество патентов выросло на порядок с 2016 года. ИА Красная Весна. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/c83d4251> (дата обращения: 03.05.2026).

⁴ Индийский рынок: особенности и регулирование интеллектуальной собственности. URL: <https://habr.com/ru/companies/onlinepatent/articles/681554/> (дата обращения: 09.05.2026).

⁵ Рейтинг стран мира по количеству патентов. Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/world-patent-ranking> (дата обращения: 20.05.2026).

а по позициям в мировом рейтинге цитируемости — 4-е место (7,7% — удельный вес страны в общемировой численности цитирований; табл. 3) [Дерюгина, 2025].

Таблица 3. Индия в мировом рейтинге публикационной и патентной активности, 2023 г.

	Позиция в мире по числу публикаций в изданиях, индекс. в Scopus	Удельный вес страны в числе публикаций в изданиях Scopus, %	Позиция в мире по числу патентных заявок	Удельный вес страны в общем мировом числе патентных заявок, %	Позиция в мировом рейтинге цитируемости	Удельный вес страны в общем мировом числе цитирований, %
Китай	1	28,4	1	46,3	1	38,4
США	2	16,7	2	14,9	2	20,5
Индия	3	7,5	6	1,8	4	7,7
Великобритания	4	5,5	8	1,6	3	8,3
Германия	5	4,9	5	4,5	5	6,3
Респ. Корея	13	2,7	4	8,1	11	3,5

Источник: [Индикаторы науки, 2025, с. 19, 20, 377].

Идея о том, что Индия становится центром научного развития в Азии, получает дополнительное подтверждение, когда мы начинаем анализировать коллаборацию учёных других стран по совместным публикациям с индийскими учёными.

Индия довольно рано осознала важность международного сотрудничества в области науки и технологий и на рубеже XX и XXI вв. подписала ряд научно-технических соглашений со странами Азии. Проанализируем сотрудничество на основе научных работ, опубликованных в соавторстве в период с 2000 по 2024 год в журналах, индексируемых в базе Scopus. Приведём численность совместных публикаций учёных из девяти стран Азии и Африки (Малайзии, ОАЭ, Саудовской Аравии, Индонезии, Турции, Вьетнама, Ирана, Египта, Эфиопии) с индийскими и китайскими учёными. Отметим, что большая часть публикаций учёных из стран Азии и Африки издаётся на английском языке в коллаборации с учёными из США, Великобритании, Японии, но с начала XXI в. Индия и Китай прочно завоёвывают высокие оценки на этом рынке.

Благодаря английскому языку и более открытой политике Индия по числу совместных публикаций с учёными означенных девяти стран вырывается вперёд — всего учёные из этих стран с 2000 по 2024 г. опубликовали совместно с индийскими учёными 145116 работ, а с китайскими учёными — 133659 работ (табл. 4).

Таблица 4. Рейтинг стран по совместным публикациям, индексируемым в Scopus, с учёными Индии и Китая, 2000–2024 гг.

ИНДИЯ			КИТАЙ		
Страна	Количество совместных публикаций в коллаборации с индийскими учёными	Место Индии в совместных публикациях учёных данной страны	Страна	Количество совместных публикаций в коллаборации с китайскими учёными	Место Китая в совместных публикациях учёных данной страны
Малайзия	28132	1	Малайзия	25577	4
Саудовская Аравия	51122	2	Саудовская Аравия	36212	5
ОАЭ	10814	3	ОАЭ	7061	7

ИНДИЯ			КИТАЙ		
Страна	Количество совместных публикаций в коллаборации с индийскими учёными	Место Индии в совместных публикациях учёных данной страны	Страна	Количество совместных публикаций в коллаборации с китайскими учёными	Место Китая в совместных публикациях учёных данной страны
Эфиопия	8238	1	Эфиопия	2153	7
Египет	11316	7	Египет	16794	3
Иран	10386	10	Иран	16694	5
Индонезия	5702	9	Индонезия	5122	11
Турция	12311	10	Турция	13923	5
Вьетнам	7095	9	Вьетнам	10123	5
Итого:	145116	—	Итого:	133659	—

Источник: SCOPUS. URL: <https://www.scopus.com/>

Для учёных Малайзии, Эфиопии, Саудовской Аравии, Объединённых Арабских Эмиратов совместные публикации с индийскими учёными стали приоритетными, т. е. Индия для ряда стран Азии стала главной страной по совместным публикациям. По оценке за 2000–2024 гг. Индия находилась на первом месте по совместным публикациям с учёными Малайзии и Эфиопии, на втором — Саудовской Аравии, на третьем — ОАЭ, на седьмом — Египта (рис. 1). Китай занимал третье место по публикациям с учёными Египта, четвёртое — Малайзии, пятое — Саудовской Аравии, Ирана, Турции, Вьетнама (рис. 2).

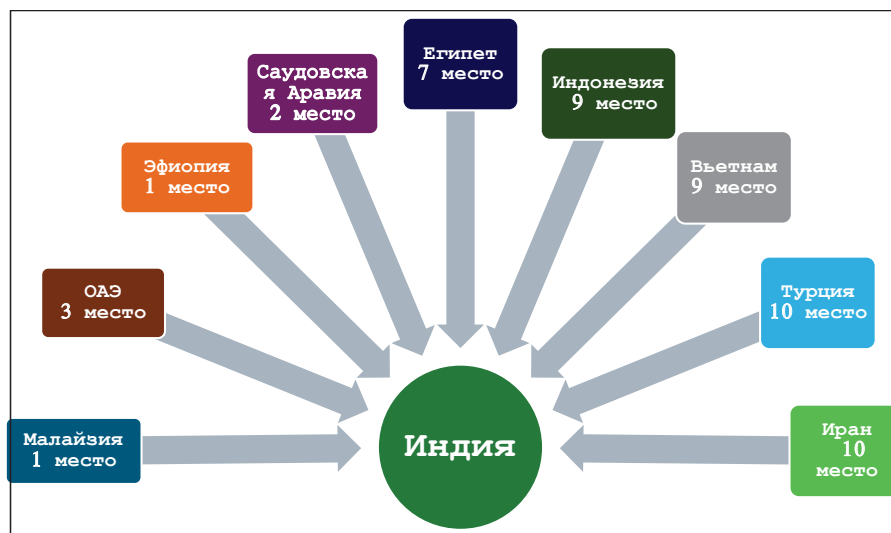

Рис. 1. Место Индии по совместным публикациям, индексируемым в Scopus, в коллаборации с учёными стран Азии, 2000–2024 гг.

Источник: SCOPUS. URL: <https://www.scopus.com/>

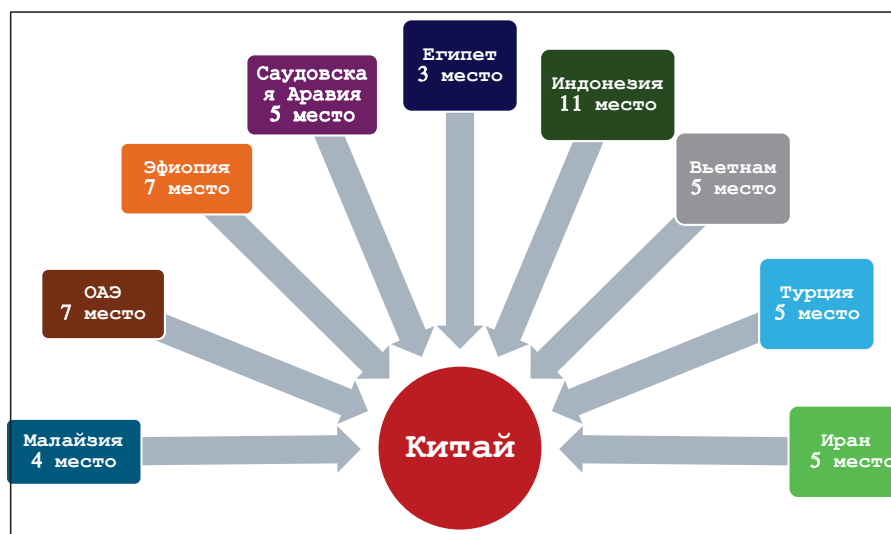

Рис. 2. Место Китая по совместным публикациям, индексируемым в Scopus, в коллаборации с учёными стран Азии, 2000–2024 гг.

Источник: SCOPUS. URL: <https://www.scopus.com/>

Несмотря на то что произошёл значительный прорыв в расходах на НИОКР в Индии — за период 2000–2020 гг. затраты на НИОКР увеличились со 161 млрд рупий до 1,3 трлн рупий, Индия по финансированию науки сильно отстаёт от Китая (2,4%). В Индии доля расходов на НИОКР от ВВП осталась на довольно низком уровне — 0,64%, в Китае показатель достиг 2,45% [Дерюгина, 2025].

Из совокупного финансирования на государственный сектор в Индии в 2023 г. приходилось 54,8%, на частный — 36,4%, на вузы — 8,8%. В Китае предпринимательский сектор берёт на себя 77,6% финансирования (табл. 5).

Таблица 5. Структура внутренних затрат на исследования и разработки по источникам финансирования, 2023 г.

	Государственный сектор	Предпринимательский сектор	Вузы
Индия	54,8%	36,4%	8,8%
Китай	14,6%	77,6%	7,8%

Источник: [Индикаторы науки, 2025, с. 341–345]

Имеет существенные различия и структура финансовых затрат по областям науки. Так, в Индии финансирование естественных наук составляло в 2023 г. 22,6% совокупных внутренних затрат на НИОКР, а в Китае — 16,4%. При этом технические науки в Китае финансировались значительно больше — на них приходилось 70,8% всех внутренних затрат на НИОКР, а в Индии — 47,6%. В Индии преимущественное финансирование по сравнению с Китаем имеют сельскохозяйственные и медицинские науки. Удельный вес медицинских наук составлял в Индии 6,8% против 3,6% в Китае; удельный вес сельскохозяйственных наук в Индии — 14,5%, а в Китае — 7,1% (табл. 6).

Таблица 6. Структура внутренних затрат на исследования и разработки по областям науки, 2023 г.

	Естественные науки	Технические науки	Медицинские науки	Сельскохозяйственные науки	Общественные (социальные) науки	Гуманитарные науки
Индия	22,6%	47,6%	6,8%	14,5%	2,9%	5,6%
Китай	16,4%	70,8%	3,6%	7,1%	2,1%	—

Источник: [Индикаторы науки, 2025, с. 341–345]

Принципиально отличается структура затрат на НИОКР по секторам науки: «фундаментальные науки», «прикладные науки», «разработки». В Китае всё внимание уделяется сектору разработки — на него приходится 82,1% всех затрат, в Индии же доля этого сектора составляет всего 19,5%. При этом значительно большая по сравнению с Китаем доля затрат приходится на фундаментальные науки в Индии — 14,4%, а в Китае — 6,6% (табл. 7). Здесь следует отметить, что в Индии классификация расходов по секторам наук значительно шире, например, в данных статистических показателях расходы на космические исследования попадают в разряд «прочие».

Таблица 7. Структура внутренних затрат на исследования и разработки по секторам науки, 2023 г.

	Фундаментальные науки	Прикладные науки	Разработки	Прочие
Индия	14,4%	22,2%	19,5%	43,9%
Китай	6,6%	11,3%	82,1%	—

Источник: [Индикаторы науки, 2025, с. 341–345]

В настоящее время в Азии сформировались два лидера научно-технологического прогресса — Китай и Индия, хотя их позиции и темпы развития существенно различаются и зависят от множества факторов. Индия по наукометрическим показателям отстаёт от Китая. Однако к 100-летию независимости принята Концепция «Viksit Bharat 2047» («Развитая Индия 2047»), которая предполагает к 2030 г. стать третьей по величине экономикой мира, а к 2047 г. войти в группу развитых стран. Последние годы показывают, что правительство Индии предпринимает серьёзные усилия для её выполнения.

Попробуем оценить главные факторы, которые стимулируют развитие инноваций в Индии:

- Государственная поддержка. Правительство страны создаёт различные институты и проекты по стимулированию инновационного сектора экономики. Национальная инициатива по развитию и выращиванию инноваций, программы для молодых компаний,

создание системы стартапов, обучения фаундеров. Напомним, что Индия — третья страна в мире по количеству технологических компаний-единорогов;

- Государственно-частное партнёрство. Ведущие индийские конгломераты активно инвестируют в области с более высокой добавленной стоимостью и продвигают инновации, в том числе через приобретение высокотехнологичных стартапов;
- В стране принят ряд государственных программ, нацеленных на развитие инноваций: Национальная политика в области науки, технологий и инноваций (STIP), Digital India, Make in India, Startup India, Самодостаточная Индия (Atmanirbhar Bharat), Научный поток (Vigyan Dhara), Полупроводниковая миссия, Программа Национального исследовательского фонда «Анусандхан»;
- Сильное техническое образование и знание английского языка;
- Высокая доля финансирования фундаментальных исследований;
- Лидерство в экспорте услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) — 1-е место в мире в 2025 г. Создан сильный кадровый резерв в IT секторе;
- Развитие фундаментальных исследований. Учреждение центров передового опыта в областях квантовых технологий, искусственного интеллекта, биотехнологий. Индия — одна из ведущих стран в области биотехнологий в мире, занимает третье место в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Биотехнологии находят широкое применение в фармацевтике, медицине, сельском хозяйстве;
- Быстрое развитие космических технологий в Индии, обусловленное государственной поддержкой. Значимые достижения: Миссия «Мангальян» (Mars Orbiter Mission, 2013 год); Лунная программа «Чандраян» (2008–2013 гг.); Солнечная миссия Aditya-L1; Пилотируемая программа «Гаганьян». В планах и перспективах — Космическая станция Bharat Antariksh Station (2028–2035); высадка астронавта на Луну к 2040 г.; разработка многоразовой ракеты Soorya;
- Развитие частного сектора в космических исследованиях. В Индии активно работают космические стартапы, например, Skyroot Aerospace в 2022 г. запустила суборбитальную ракету Vikram-S, в ближайшее время планируется запуск ракеты Vikram-1.

Оценим факторы, которые препятствуют ускоренному научно-технологическому развитию в Индии:

- Низкий удельный вес внутренних расходов на науку и исследования в ВВП;
- Недостаточный вклад штатов в финансирование НИОКР. Достаточно малое участие компаний частного сектора в финансировании — 36,4%. Низкий уровень участия вузов в финансировании — 8,8%;
- В Индии недостаточно развита профессиональная подготовка для разработки и внедрения инноваций, в том числе студенты не обеспечиваются необходимыми приборами, навыками, знаниями;
- Ограниченная связь промышленности с академическими кругами, существует разрыв между академическими исследованиями и потребностями промышленности, препятствующий передаче знаний и технологий;
- Большая утечка мозгов — научно-технические работники мигрируют в страны с лучшей исследовательской инфраструктурой и возможностями финансирования;
- Сильная неравномерность финансирования НИОКР между штатами. Наибольшее государственное финансирование получают центральные и южные штаты, где сосредоточены научные кластеры.

Таким образом, если Индия превратит науку в бизнес, выстраивая прочное долгосрочное сотрудничество между наукой и промышленностью, то у страны есть потенциал стать мировым лидером в области науки и технологий.

Литература / References

Дерюгина И. В. Инновационный потенциал Индии и перспективы сотрудничества с Россией в высокотехнологических отраслях. *Международная аналитика*. 2025. Том 16. № 3. С. 193–214 [Deryugina I. India's Innovative Potential and Prospects for Cooperation with Russia in High-Tech Industries. *Journal of International Analytics*. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 193–214 (in Russian)].

Индикаторы науки. Статистический сборник. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025 [*Indicators of science. Statistical collection*. Moscow: ISIEZ HSE, 2025 (in Russian)].

Степанов В. И., Степанова Н. В. Создание Национального исследовательского фонда и его роль в формировании будущего академического успеха Республики Индии. *Экономическое развитие России*. 2025. Том 32. № 11. С. 42–44 [Stepanov V. I., Stepanova N. V. Creation of the National Research Foundation and its role in shaping the future academic success of the Republic of India. *Economic development of Russia*. 2025. Vol. 32. № 11. Pp. 42–44 (in Russian)].

Global Innovation Index 2025: Innovation at a Crossroads. Geneva: WIPO, 2025.

Электронные ресурсы / Online resources

В Индии количество патентов выросло на порядок с 2016 года. ИА Красная Весна. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/c83d4251> (дата обращения: 03.05.2026).

Индийский рынок: особенности и регулирование интеллектуальной собственности. Хабр. URL: <https://habr.com/ru/companies/onlinepatent/articles/681554/> (дата обращения: 09.05.2026).

Рейтинг стран мира по количеству патентов. Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/world-patent-ranking> (дата обращения: 20.05.2026).

Draft 5th Science Technology and Innovation Policy. URL: <https://static.pib.gov.in/WriteReadData/userfiles/STIP.pdf> (дата обращения: 20.05.2026).

Is India Ready to Lead the World in Science & Technology? Evaluating Efforts and Challenges. Legacy IAS Academy (LIA). URL: <https://www.legacyias.com/india-global-leader-science-technology-analysis/> (дата обращения: 26.04.2026).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОИЗВОДСТВЕННОМ СЕКТОРЕ ИНДИИ

© 2026

Я. А. Рязанов¹

Искусственный интеллект — это достаточно перспективный инструмент повышения эффективности производства, особенно для четвёртой экономики мира по объёму ВВП, Индии, которая на протяжении долгого времени стремится повысить долю вторичного сектора в экономике. Однако возможности по внедрению искусственного интеллекта могут сильно отличаться — небольшие предприятия обладают гораздо меньшими ресурсами для использования ИИ и рискуют ещё сильнее отстать в технологической гонке от более крупных предприятий. При этом роль микро-, малых и средних предприятий в экономике очень велика, поэтому важно изучить проблему внедрения ИИ в производственный сектор Индии с их точки зрения.

Именно благодаря спросу со стороны микро-, малых и средних предприятий Индии на рынке ИИ-решений появляются инструменты, подходящие почти под весь спектр размеров предприятия — в зависимости от отрасли, главных уязвимостей, финансовых ресурсов, готовности к риску, подготовленности данных и специализации сотрудников в ИИ-решении масштабируются универсальность, стоимость, требуемые вычислительные мощности, появляются модели с акцентом на работе с индийскими языками. Благодаря политической поддержке сфера искусственного интеллекта в Индии развивается во многих аспектах, и с каждым днём становится доступен всё более широкий спектр ИИ-решений.

Ключевые слова: микро-, малые и средние предприятия, экономика Индии, искусственный интеллект, производственный сектор, цифровизация

Для цитирования: Рязанов Я. А. Искусственный интеллект в производственном секторе Индии. Вестник Института востоковедения РАН. 2026. № 3. С. 251–259. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-251-259

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN INDIA'S MANUFACTURING SECTOR

Yan A. Ryazanov

Artificial intelligence is a highly promising tool for boosting production efficiency, especially for India—the world's fourth-largest economy by GDP — which has long sought to increase the manufacturing sector's share of the economy. However, opportunities for AI adoption can vary significantly — small businesses have far fewer resources to utilize AI and risk falling even further behind larger enterprises in the technological race. At the same time, micro, small, and medium-sized enterprises play a very significant role in the economy, so it is important to examine the issue of AI adoption in India's manufacturing sector from their perspective.

It is precisely due to demand from India's micro, small, and medium-sized enterprises that tools suitable for nearly the entire spectrum of business sizes are emerging in the AI solutions market — depending on the

¹ Рязанов Ян Андреевич, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН, Москва; rjazanov9111@gmail.com
Yan A. Ryazanov. Laboratory research assistant, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; rjazanov9111@gmail.com
ORCID: 0009-0002-0801-870X

industry, key vulnerabilities, financial resources, risk appetite, data readiness, and employee expertise, AI solutions scale in terms of versatility, cost, and required computing power, and models with a focus on Indian languages are emerging. Thanks to political support, the field of artificial intelligence in India is developing in many ways, and an increasingly wide range of AI solutions is becoming available every day.

Keywords: micro small and medium-sized enterprises, Indian economy, artificial intelligence, manufacturing sector, digitalization

For citation: Ryazanov Y. A. Artificial Intelligence in India's Manufacturing Sector. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 251–259. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-251-259

Роль микро-, малых и средних предприятий в экономике Индии

Производственный сектор в Индии формирует примерно 17% ВВП, однако правительство на протяжении достаточно долгого времени стремится повысить этот показатель до 25%². И внедрение искусственного интеллекта в промышленный сектор может значительно увеличить его эффективность.

Индия обладает наибольшим уровнем доверия населения к искусственному интеллекту, чем остальные страны — 77%, в то время как в Китае этот показатель составляет 72%, в США — 32%, а в европейских странах — примерно 24–29%³.

Однако следует разделить индийский промышленный сектор на две части — крупные компании и микро-, малые и средние предприятия (ММСП). Следует учитывать оба сегмента, поскольку ММСП формируют около 30% ВВП Индии, обеспечивают 35,4% производственного выпуска и более 45% экспорта страны⁴. По данным за 2024 г. ММСП обеспечивают примерно 62% занятости в Индии⁵.

Но при достаточно высокой доле ММСП в производственном секторе и в занятости Индии между ММСП и крупными предприятиями сохраняется структурное неравенство. Во-первых, несмотря на существование схем Production Linked Incentive, которые являются одними из ключевых политик по поддержке производственного сектора, они затрагивают прежде всего именно крупные предприятия, поскольку мелкие предприятия с меньшей вероятностью смогут соответствовать порогам производства и инвестиций, установленных схемами — размеры стимулов зависят от объёмов ожидаемого прироста производства⁶. Кроме того, производительность труда ММСП составляет только 26% от уровня крупных предприятий⁷.

Это же неравенство встречается также в сфере внедрения искусственного интеллекта. По данным 2025 г. по индексу цифровой зрелости крупные предприятия в Индии в среднем набрали 3,4 балла по пятибалльной шкале, средние — 2,9 балла, а ММСП — 2,4 балла. Между высшим (4,3) и низшим (1,9) квартилями разница составляет 2,4 балла.

² India is keen to increase share of manufacturing in GDP from 17% to 25%: Union Minister Hardeep S Puri. Press Information Bureau. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1962138> (дата обращения: 08.05.2026).

³ В каких странах больше других доверяют ИИ? IT-World. URL: <https://www.it-world.ru/tech/tqjq8kuaak0scg4kss80gococ40kc00.html> (дата обращения: 10.05.2026).

⁴ MSME sector accounts for 30.1% of India's GDP, 35.4% of manufacturing and 45.73% of exports in the country: Union Minister for MSME. Press Information Bureau. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2142170®=3&lang=2> (дата обращения: 11.05.2026).

⁵ MSMEs contribute 62% to employment in India: McKinsey Global Institute. IBEF. URL: <https://www.ibef.org/news/msmes-contribute-62-to-employment-in-india-mckinsey-global-institute> (дата обращения: 12.05.2026).

⁶ Nayyar M. Production Linked Incentive (PLI) Scheme Decoded. Invest India. URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/production-linked-incentive-pli-scheme-decoded> (дата обращения: 11.05.2026).

⁷ MSMEs contribute 62% to employment in India: McKinsey Global Institute. IBEF. URL: <https://www.ibef.org/news/msmes-contribute-62-to-employment-in-india-mckinsey-global-institute> (дата обращения: 12.05.2026).

Следует учитывать и разницу между намерением внедрить искусственный интеллект в производство и непосредственной реализацией — около 85% руководителей заявляют о необходимости цифровизации, но только 30% успешно с этим справляются [Industry 4.0..., 2024, p. 6].

Цифровая траектория ММСП разделяется на 3 отдельные фазы. До 2016 г. ключевой была фаза ИКТ, когда ММСП осваивали электронную почту, мессенджеры, смартфоны и т. д. С 2016 по 2022 г. интегрировались E-commerce-платформы, UPI-платежи и цифровые следы транзакций. И наконец, с 2022 г. началась фаза глубокой трансформации с внедрением ERP, CRM, аналитики, цехового автоматизированного оборудования и искусственного интеллекта. Тем не менее большинство ММСП в Индии по-прежнему остаются именно на втором этапе [Unlocking the AI edge..., 2026, p. 14].

Тот же источник отследил упоминание искусственного интеллекта в последних трёх годовых отчётах 25 крупнейших по рыночной капитализации производителей и 25 ММСП. Количество упоминаний искусственного интеллекта у крупных компаний составляло 963, а у ММСП — всего 29 раз [Unlocking the AI edge..., 2026, p. 29].

Ключевые преграды

Причиной такого неравенства служит прежде всего недостаток финансовых ресурсов у ММСП. Около 59–68% ММСП считают стоимость инвестиций в интеграцию ИИ в производство чрезмерными [Patil, Swaroop, 2025, p. 4]. В то время как крупные предприятия обладают собственным большим капиталом, ММСП лишены даже институционального кредитного досье для возможности использования займов⁸. Помимо этого некоторые ИИ-решения окупаются на протяжении долгого времени, часто нескольких лет. И если для крупных предприятий такой срок приемлем, то для большинства ММСП это слишком рискованно.

Второе различие — это готовность данных и цифровая инфраструктура. Это важно, во-первых, для обучения искусственного интеллекта на реальных данных конкретного производства, а во-вторых, для существования непосредственно цифровой платформы, на которой ИИ-решение будет работать [Unlocking the AI edge..., 2026, p. 30]. Крупные предприятия либо уже обладают достаточно продвинутой цифровой инфраструктурой и структурированными данными, либо обладают достаточными ресурсами, чтобы в короткие сроки это реализовать. При этом у некоторых ММСП не хватает не просто единой базы данных, а в том числе и самих данных за продолжительный промежуток времени. До сих пор часть предприятий ведёт учёт в бумажном виде. Кроме того, аппаратное оборудование ММСП может быть устаревшим и не подходящим для искусственного интеллекта [Patil, Swaroop, 2025, p. 2].

На рынке труда виден острый дефицит ИИ-специалистов — это фиксируют 59% предприятий⁹. Согласно другим исследованиям, на уровне ММСП 80% предприятий испытывают нехватку ИИ-специалистов, а 72% — нехватку обучающихся ИИ курсов [Patil, Swaroop, 2025, p. 4]. Но если крупные предприятия обладают достаточными ресурсами для привлечения имеющихся специалистов, могут создавать собственные отделения и центры, а также заключать партнёрства с университетами, то ММСП такими ресурсами не обладают. И проблема выражается не только в трудности внедрения и управления ИИ-решением, но и, например, в отсутствии у ММСП консультантов,

⁸ Goenka S. India's Digital Lending Ecosystem & AI. LinkedIn. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/indias-digital-lending-ecosystem-ai-sudhir-goenka-zzjyc/> (дата обращения: 11.05.2026).

⁹ 47% Indian enterprises have multiple AI use cases live in production: EY-CII Report. ETCIO. URL: <https://cio.economicstimes.indiatimes.com/news/corporate-news/47-of-indian-enterprises-implementing-generative-ai-ey-cii-report-reveals-shift-from-pilots-to-performance/125361394> (дата обращения: 11.05.2026).

которые могли бы выбрать и посоветовать подходящее решение и провайдера [Unlocking the AI edge..., 2026, p. 15]. Кроме того, многие (примерно 62–65% ММСП) не знают о существовании подходящих ИИ-решений [Patil, Swaroop, 2025, p. 4].

Наконец, постепенное введение регулирования сферы искусственного интеллекта также может сказаться на его доступности для ММСП — новые требования к безопасности и защите данных только повысят издержки на внедрение искусственного интеллекта, которые для ММСП будут гораздо более критичны, чем для крупных предприятий [Arora, Raman, 2025, p. 1].

В целом можно сказать, что большинство ММСП видят внедрение искусственного интеллекта в производственной сектор как достаточно рискованную и авантюрную инвестицию. И для снижения рисков необходимо сделать искусственный интеллект более понятным, более простым для внедрения и более дешёвым. Среди многих предприятий в Индии особенно популярны, например, решения «plug and play», по сути, так называемые решения «под ключ» — они обеспечивают простоту внедрения. Кроме того, среди предприятий Индии есть запрос и на возможность бесплатного периода тестирования¹⁰ ИИ-решений — это позволяет с гораздо большей точностью определить и взвесить все преимущества и издержки внедрения, что снижает риски для владельца предприятия.

Типы ИИ

Таблица 1. Типы искусственного интеллекта в производственном секторе

Срок окупаемости	Вариант использования	Описание	Ожидаемый эффект	Объем инвестиций
4–8 месяцев	Предиктивное техническое обслуживание	ML-модели анализируют данные о вибрации, температуре и токе для прогнозирования отказов за 48–72 часа	Снижение незапланированных простоев на 30–50%	54–162 тыс. долл.
4–8 месяцев	Контроль качества (машинное зрение)	Модели глубокого обучения выявляют поверхностные дефекты, отклонения размеров и ошибки сборки на скорости линии	Точность 99%+, снижение затрат на контроль на 40–60%	86,4–216 тыс. долл.
4–8 месяцев	Оптимизация энергопотребления	Машинное обучение выявляет паттерны потерь энергии в разрезе смен, оборудования и ассортимента	Снижение затрат на электроэнергию на 15–25%	32,4–86,4 тыс. долл.
4–8 месяцев	Прогнозирование спроса	Модели временных рядов повышают точность планирования на основе заказов, рыночных сигналов и сезонности	Повышение точности прогнозов на 20–35%	43,2–108 тыс. долл.
6–12 месяцев	Симуляция цифровых двойников	Виртуальные копии линий позволяют оптимизировать процессы, планировать мощности и проводить анализ без остановки производства	Повышение пропускной способности на 10–20%	162–432 тыс. долл.

¹⁰ Разбор: 5 главных вызовов, с которыми сталкивается российский бизнес в Индии. Сбep. URL: <https://sber.bank.in/ru/media/publications/razbor-5-glavnyh-vizovov-s-ktorimi-stalkivaetsya-rossiiskii-biznes-v-indii> (дата обращения: 11.05.2026).

Срок окупаемости	Вариант использования	Описание	Ожидаемый эффект	Объем инвестиций
6–12 месяцев	Автономное планирование производства	ИИ оптимизирует последовательность заданий, переналадку и распределение ресурсов между линиями в реальном времени	Повышение общей эффективности оборудования на 20–30%	108–270 тыс. долл.
6–12 месяцев	Прогнозирование рисков цепочек поставок	ML отслеживает поставщиков, геополитику, логистику и рынки сырья для выявления рисков сбоев за 2–4 недели	Снижение последствий сбоев поставок на 40–60%	86,4–216 тыс. долл.
6–12 месяцев	Мониторинг безопасности работников	Системы машинного зрения фиксируют нарушения СИЗ, опасное приближение к технике и эргономические риски	Снижение числа предотвратимых инцидентов на 50–70%	108–324 тыс. долл.
12–24 месяца	Генеративный дизайн	ИИ создаёт проекты деталей с учётом требований к характеристикам, материалам и производственной целесообразности	Сокращение циклов итераций проектирования на 40–60%	216–540 тыс. долл.
12–24 месяца	Автономные циклы контроля качества	ИИ выявляет дефекты, диагностирует причины и автоматически корректирует параметры оборудования	Сокращение времени реакции на дефекты на 80–90%	216–432 тыс. долл.
12–24 месяца	Безлюдные производственные ячейки	Полностью автономные участки работают без людей; ИИ управляет всеми параметрами процесса	Снижение удельных затрат на рабочую силу на 30–40%	0,54–2,16 млн долл.

Источник: Pucek B. AI Use Cases in Manufacturing: What Leaders Need to Know. The Thinking Company. URL: <https://thinking.inc/en/industry-service/manufacturing-ai-use-cases/> (дата обращения: 09.05.2026)¹¹

«Крупные компании, обладающие достаточно развитой цифровой инфраструктурой, уже внедрённой системой интернета вещей, собравшие весомое количество данных за долгий срок, создавшие полноценных цифровых двойников на некоторых производствах, могут внедрять:

- 1) программно управляемые предприятия;
- 2) моделирование изменений процессов на цифровых двойниках;
- 3) регулирование логистических цепочек в реальном времени;
- 4) генеративный дизайн.

Большинство подобных систем в мире требуют инвестиций от 117,7–235,3 тыс. долл. вплоть до двух млн евро и продвинутую цифровую базу.

Но для ММСП есть более скромные решения, инвестиции в которые будут составлять 35,3–235,3 тыс. долл.:

- 1) прогнозирование необходимости технического обслуживания оборудования;
- 2) контроль качества с помощью компьютерного зрения;
- 3) оптимизация энергопотребления;
- 4) прогнозирование спроса;
- 5) чат-боты.

¹¹ Был использован курс 1 евро = 1,08 долл.

Менее высокая цена обусловлена в основном ограниченным введением ИИ в производство — большинство таких решений требуют установки датчиков или камер на определённую категорию оборудования и не затрагивают всё предприятие целиком»¹².

Между подходами крупных предприятий и ММСП к внедрению искусственного интеллекта в производство ключевая разница — это охват планируемого ИИ-решения. Крупные предприятия обычно повышают свою эффективность полной интеграцией искусственного интеллекта в производство, в то время как ММСП обычно используют искусственный интеллект для закрытия отдельной точечной уязвимости предприятия в наименее эффективном сегменте.

Проблему возможных высоких капитальных расходов при внедрении ИИ решают SaaS-модели — таким образом, капитальные расходы превращаются в операционные, тем самым снижая барьер внедрения ИИ для ММСП. Несмотря на это, ММСП всё же опасаются, например, возрастающих абонентских платежей и скрытых издержек интеграции [Unlocking the AI edge..., 2026, p. 15].

Кроме того, есть проблема с суверенностью, поскольку 74% индийских ИИ-стартапов используют именно западные закрытые модели через API, т. е. просто адаптируя интерфейс под задачи и потребности индийских клиентов, при этом не создавая суверенные ИИ-решения. Только 13% разработчиков берут модели с открытым исходным кодом и дообучают их для индийского рынка. В этом контексте важным фактором является многоязычие Индии. Использование западных моделей искусственного интеллекта, основанных именно на английском языке, для индийского рынка неэффективно — зарубежные модели хуже справляются с работой с индийскими языками¹³. «В Индии уже существуют суверенные ИИ-модели (Sarvam, Krutrim, модели от Tech Mahindra, Gnanī.ai), которые хотя и могут уступать зарубежным вариантам по части функциональных характеристик, гораздо лучше взаимодействуют с местными языками»¹⁴.

Как уже упоминалось, для ММСП более подходящими являются точечные и небольшие решения, которые благодаря своему небольшому масштабу требуют не очень много вычислительных мощностей, поэтому они могут работать в том числе и по принципу edge AI, т. е. на локальных серверах предприятия, без необходимости платы за аренду мощностей и без постоянной потребности в интернете. Для такой концепции важна разработка малых языковых моделей (SLM) как бюджетной и менее масштабной альтернативы больших языковых моделей (LLM). В контексте уже упомянутых факторов, которые делают ИИ-решения для ММСП более привлекательными и подходящими (дешевизна, узкая направленность, лёгкость внедрения), SLM являются наиболее оптимальным выбором.

Кроме того, производственный сектор в среднем менее подвержен ИИ-адаптации — она составляет всего 28%, что ниже среднего по экономике (48%), в фармацевтике и здравоохранении (52%), BFSI (68%) и ИТ-секторе (60–65%)¹⁵. И, как уже было упомянуто, адаптация происходит прежде всего на крупных предприятиях. Так, например, в 2023 г. Индия увеличила количество промышленных роботов почти в 1,6 раза по сравнению с 2022 г. Однако их концентрация зафиксирована

¹² Опыт внедрения ИИ в производственном секторе Индии. Восточная трибуна. URL: <https://ot-portal.com/science-tech/opyt-vnedreniya-ii-v-proizvodstvennom-sektore-indii/> (дата обращения: 11.05.2026).

¹³ Индийские ИИ-стартапы полагаются на западные API и закрытые модели, а не на обучение ИИ — результаты опроса. n8n. URL: <https://n8n.how/indijskie-ii-startapy-polagayutsya-na-zapadnye-api-i-zakrytye-modeli-a-ne-na-obuchenie-ii-rezultaty-oprosa/3576/> (дата обращения: 09.05.2026).

¹⁴ Опыт внедрения ИИ в производственном секторе Индии. Восточная трибуна. URL: <https://ot-portal.com/science-tech/opyt-vnedreniya-ii-v-proizvodstvennom-sektore-indii/> (дата обращения: 11.05.2026).

¹⁵ Roy A. AI adoption in key Indian sectors touches 48% in FY24. The Economic Times. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/tech/technology/ai-adoption-in-key-indian-sectors-touches-48-in-fy24/articleshow/110060391.cms> (дата обращения: 11.05.2026).

прежде всего в автомобилестроении, электронике и фармацевтике, где преобладают именно крупные предприятия, а не ММСП¹⁶.

Политика

Правительство также стремится развивать сферу искусственного интеллекта, в том числе для повышения эффективности различных отраслей. В частности, правительство реализует программу IndiaAI Mission. Она акцентируется на 7 основных направлениях:

1. Формирование национального пула GPU-вычислений;
2. Централизованная открытая платформа с датасетами и opensource-моделями AIKosh;
3. Финансирование разработок ИИ-решений в приоритетных секторах;
4. Механизмы венчурной поддержки;
5. Центры передового опыта в области искусственного интеллекта;
6. Обучение специалистов в сфере искусственного интеллекта;
7. Разработка этических и регуляторных рамок искусственного интеллекта¹⁷.

В области национальных вычислительных мощностей активно добавляются GPU — их количество к марту 2026 г. составляло 38 тыс. Доступ к этим вычислительным мощностям предоставляется по субсидированной цене — для одобренных проектов национального значения субсидия может составлять до 40%¹⁸. С этой субсидией стоимость вычислений становится в три раза меньше среднемировой. Для создания полностью отечественных моделей искусственного интеллекта субсидия достигает и 100%¹⁹.

Платформа AIKosh уже включает в себя более 7,5 тыс. датасетов и 273 ИИ-модели по 20 секторам в открытом доступе²⁰. Однако при столь большом количестве данных платформа почти не затрагивает именно отраслевые производственные датасеты.

Правительство также предусматривает создание национальных центров передового опыта для подготовки кадров в области искусственного интеллекта (National Centres of Excellence for Skill-ing)²¹, интегрирует обучение искусственному интеллекту в подготовку государственных служащих (iGOT-AI Mission Karmaayogi), осуществляет цифровую переподготовку в частном секторе (Future-Skills Prime). Насколько равномерно распределяется польза от этих программ между крупными предприятиями и ММСП — пока вопрос²².

¹⁶ India's Leap into Smart Manufacturing: The Rise of AI-Driven Autonomous Factories. IMARC Group. URL: <https://www.imarcgroup.com/insight/rise-of-ai-driven-smart-factories-in-india> (дата обращения: 11.05.2026).

¹⁷ MeitY launches AIKosha, a secured platform that provides a repository of datasets, models and use cases to enable AI innovation. It also features AI sandbox capabilities through an integrated development environment along with tools and tutorials. Press Information Bureau. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2108961®=3&lang=2> (дата обращения: 09.05.2026).

¹⁸ Press Information Bureau. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2108961®=3&lang=2> (дата обращения: 09.05.2026).

¹⁹ Govt offers 100% compute subsidy for foundational AI model development. Outlook Business. URL: <https://www.outlookbusiness.com/deeptech/artificial-intelligence/govt-offers-100-compute-subsidy-for-foundational-ai-model-development> (дата обращения: 10.05.2026).

²⁰ Centre outlines nationwide push to democratise AI access. ddnews. URL: <https://ddnews.gov.in/en/centre-outlines-nationwide-push-to-democratise-ai-access/> (дата обращения: 08.05.2026).

²¹ AI for all: India's blueprint for a smarter future. nedg. URL: <https://nedg.gov.in/blog/ai-for-all-indias-blueprint-for-a-smarter-future/> (дата обращения: 11.05.2026).

²² MeitY launches AIKosha...

Выводы

Таким образом, можно сказать, что Индия, несмотря на существование различных политик, которые как двигают вперёд производственный сектор, так и развивают искусственный интеллект, ощущает нестабильность развития из-за разных возможностей внедрения новых решений, повышающих эффективность предприятий.

Искусственный интеллект, как и вся индустрия 4.0, является очень полезным инструментом повышения эффективности, однако вместе с тем его стоимость оказывается определённой преградой, препятствующей прежде всего ММСП с небольшим количеством ресурсов. И пока крупные предприятия активно развивают индустрию 4.0, технологический разрыв между ними и ММСП продолжает расширяться — это уже ярко видно по индексу цифровой зрелости.

И, как уже упоминалось, существует большое количество правительственных политик, нацеленных на развитие различных сфер искусственного интеллекта, однако их охват несколько общий — они фокусируют усилия либо на рынке в целом (например, сокращение дефицита ИИ-специалистов), либо на узкоспециализированных направлениях, связанных непосредственно с самим искусственным интеллектом (например, субсидирование разработки ИИ и формирование платформы открытых данных для той же разработки). Специализированных программ, нацеленных именно на поддержку внедрения ИИ в ММСП, пока крайне мало.

Основным препятствием для ММСП по внедрению искусственного интеллекта, конечно, является именно финансовая сторона вопроса. Но даже при наличии необходимых ресурсов предприятия всё же часто считают это чрезмерно рискованной инвестицией — помимо финансового аспекта, свою роль играет относительно большой срок окупаемости, неуверенность в прогнозируемом эффекте, страх персонала о его замещении искусственным интеллектом, неподготовленность данных.

С одной стороны, всё вышеперечисленное — значимые преграды для внедрения искусственного интеллекта. С другой стороны, повышающаяся конкуренция и эффекты от внедрения ИИ могут стимулировать ММСП хотя бы готовиться к его использованию в будущем. Даже изначальная консолидация данных, формирование более цельной цифровой экосистемы производства, обучение сотрудников ещё без внедрения искусственного интеллекта уже повысит эффективность предприятий. В свою очередь, со стороны предложения уже появляются более бюджетные, узконаправленные и мелкомасштабные ИИ-решения, которые снижают риск инвестиций в ИИ. С учётом достаточно высокой доли ММСП в экономике Индии при достаточной инициативе со стороны ММСП спрос на такие решения будет только повышаться.

Литература / References

Arora J., Raman A. India's Digital Future: Strengthening DPDP Rules for Privacy, Innovation, and Global Leadership. Position Paper. OMI Foundation, 2025. 52 p.

Industry 4.0 Adoption and Strategic Roadmap for Indian Manufacturing. Confederation of Indian Industry, KPMG, 2024. 36 p.

Patil R., Swaroop D. Artificial Intelligence in SMES in India: Implementation, Benefits, and Challenges. *International Journal for Multidisciplinary Research (IJFMR)*. 2025. Vol. 7, No. 4. P. 5.

Unlocking the AI edge for MSMEs. PwC, 2026. 52 p.

Электронные ресурсы / Online resources

В каких странах больше других доверяют ИИ? IT-World [Which countries trust AI more than others? IT-World. URL: <https://www.it-world.ru/tech/tqjq8kuak0scg4kss80gococ40kc00.html> (in Russian)] (дата обращения: 11.05.2026).

Индийские ИИ-стартапы полагаются на западные API и закрытые модели, а не на обучение ИИ — результаты опроса. n8n [Indian AI startups rely on Western APIs and closed models rather than training AI — survey results. n8n. URL: <https://n8n.how/indijskie-ii-startapy-polagayutsya-na-zapadnye-api-i-zakrytye-modeli-a-ne-na-obuchenie-ii-rezultaty-oprosa/3576/> (in Russian)] (дата обращения: 11.05.2026).

Опыт внедрения ИИ в производственном секторе Индии. Восточная трибуна. [Experience of AI implementation in India's manufacturing sector. Eastern Tribune. URL: <https://ot-portal.com/science-tech/opyt-vnedreniya-ii-v-proizvodstvennom-sektore-indii/> (in Russian)] (дата обращения: 11.05.2026).

Разбор: 5 главных вызовов, с которыми сталкивается российский бизнес в Индии. Сбер. [Analysis: Five key challenges faced by Russian business in India. Sber. URL: <https://sber.bank.in/ru/media/publications/razbor-5-glavnih-vizovov-s-kotorimi-stalkivaetsya-rossiiskii-biznes-v-indii> (in Russian)] (дата обращения: 11.05.2026).

47% Indian enterprises have multiple AI use cases live in production: EY-CII Report. ETCIO. URL: <https://cio.economictimes.indiatimes.com/news/corporate-news/47-of-indian-enterprises-implementing-generative-ai-ey-cii-report-reveals-shift-from-pilots-to-performance/125361394> (дата обращения: 11.05.2026).

AI for all: India's blueprint for a smarter future. negd. URL: <https://negd.gov.in/blog/ai-for-all-indias-blueprint-for-a-smarter-future/> (дата обращения: 11.05.2026).

Centre outlines nationwide push to democratise AI access. ddnews. URL: <https://ddnews.gov.in/en/centre-outlines-nationwide-push-to-democratise-ai-access/> (дата обращения: 11.05.2026).

Goenka S. India's Digital Lending Ecosystem & AI. LinkedIn. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/indias-digital-lending-ecosystem-ai-sudhir-goenka-zzjyc/> (дата обращения: 11.05.2026).

Govt offers 100% compute subsidy for foundational AI model development. Outlook Business. URL: <https://www.outlookbusiness.com/deeptech/artificial-intelligence/govt-offers-100-compute-subsidy-for-foundational-ai-model-development> (дата обращения: 11.05.2026).

India is keen to increase share of manufacturing in GDP from 17% to 25%: Union Minister Hardeep S Puri. Press Information Bureau. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1962138> (дата обращения: 11.05.2026).

India's Leap into Smart Manufacturing: The Rise of AI-Driven Autonomous Factories. IMARC Group. URL: <https://www.imarcgroup.com/insight/rise-of-ai-driven-smart-factories-in-india> (дата обращения: 11.05.2026).

MeitY launches AIKosha, a secured platform that provides a repository of datasets, models and use cases to enable AI innovation. It also features AI sandbox capabilities through an integrated development environment along with tools and tutorials. Press Information Bureau. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2108961®=3&lang=2> (дата обращения: 11.05.2026).

MSME sector accounts for 30.1% of India's GDP, 35.4% of manufacturing and 45.73% of exports in the country: Union Minister for MSME. Press Information Bureau. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2142170®=3&lang=2> (дата обращения: 11.05.2026).

MSMEs contribute 62% to employment in India: McKinsey Global Institute. IBEF. URL: <https://www.ibef.org/news/msmes-contribute-62-to-employment-in-india-mckinsey-global-institute> (дата обращения: 11.05.2026).

Nayyar M. Production Linked Incentive (PLI) Scheme Decoded. Invest India. URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/production-linked-incentive-pli-scheme-decoded> (дата обращения: 11.05.2026).

Pucek B. AI Use Cases in Manufacturing: What Leaders Need to Know. The Thinking Company. URL: <https://thinking.inc/en/industry-service/manufacturing-ai-use-cases/> (дата обращения: 09.05.2026).

Roy A. AI adoption in key Indian sectors touches 48% in FY24. The Economic Times. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/tech/technology/ai-adoption-in-key-indian-sectors-touches-48-in-fy24/articleshow/110060391.cms> (дата обращения: 11.05.2026).

НТР АЛЖИРА В 2025 Г.: СОБЫТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2026

А. В. Дера¹

Статья посвящена обзору научно-технологического развития Алжира в 2025 году в контексте глобальной научно-технической трансформации. Основой работы послужили анализ официальных стратегических документов, материалов международных организаций, научных публикаций и отраслевых кейсов. Приоритетом НТР Алжира в рассматриваемый период стала цифровая трансформация, развитие искусственного интеллекта, инновационного предпринимательства и работа в области энергетического перехода, включая проекты по производству зелёного водорода. Важным аспектом стали реформа высшего образования, формирование исследовательских сетей и расширение международного научно-технического сотрудничества. В работе также выявлены структурные ограничения НТР, связанные с коммерциализацией научных результатов, кадровым обеспечением и инфраструктурными дефицитами. В статье сделан вывод о формировании в Алжире институциональных и технологических предпосылок для укрепления технологического суверенитета и повышения его роли в региональном научно-технологическом пространстве.

Ключевые слова: Алжир, научно-технологическое развитие, НТР, научно-технологическое сотрудничество, НТС, искусственный интеллект, ИИ, водород, инновации, цифровая трансформация

Для цитирования: Дера А.В. НТР Алжира в 2025 г.: события и перспективы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 260–264. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-260-264

ALGERIA'S SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT IN 2025: EVENTS AND PERSPECTIVES

Artem V. Dera

This article provides an overview of Algeria's scientific and technological development in 2025 in the context of the global scientific and technological transformation. This work is based on an analysis of official strategic documents, materials from international organizations, scientific publications, and industry case studies. Algeria's scientific and technological development priorities during this period included digital transformation, the development of artificial intelligence, innovative entrepreneurship, and energy transition, including green hydrogen production projects. Higher education reform, the formation of research networks, and the expansion of international scientific and technological cooperation also became important. The article also identifies structural constraints to the scientific and technological development related to the commercialization of scientific results, human resources, and infrastructure shortages. The article concludes that Algeria is developing the institutional and technological preconditions for strengthening its technological sovereignty and enhancing its role in the regional scientific and technological space.

¹ Дера Артём Викторович, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН, Москва; a.dera@ivran.ru
Artem V. Dera, Junior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; a.dera@ivran.ru
ORCID: 0009-0003-9532-4082

Keywords: Algeria, scientific and technological development, scientific and technological revolution, scientific and technological cooperation, scientific and technological cooperation, artificial intelligence, AI, hydrogen, innovation, digital transformation

For citation: Dera A. V. Algeria's Scientific and Technological Development in 2025: Events and Perspectives. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 260–264. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-260-264

В 2025 году Алжир окончательно утвердился в качестве третьей по величине экономики Африки, демонстрируя решительный и системный переход от традиционной ресурсно-ориентированной модели к диверсифицированной экономике. Этот стратегический сдвиг продиктован не только волатильностью мировых рынков углеводородов, но и осознанием необходимости технологического суверенитета в эпоху Четвёртой промышленной революции. Государственная политика Алжира последних лет характеризуется беспрецедентным вниманием к научно-техническому сектору: в период с 2020 по 2022 год бюджет на научные исследования был увеличен на рекордные 107%². К 2025 году эти инвестиции трансформировались в конкретные инфраструктурные и инновационные результаты, направленные на вывод страны в региональные лидеры цифровизации и энергетического перехода в регионе БВСА.

Фундаментом текущих преобразований стала долгосрочная стратегия «Цифровой Алжир 2030»³. Документ определяет цифровую трансформацию не как узкотехническую задачу, а как общегосударственный проект, призванный модернизировать систему государственного управления и повысить прозрачность экономики.

Приоритетов стратегии «Цифровой Алжир 2030» несколько. Среди них — ускоренное развёртывание оптоволоконных сетей и подготовка базы для массового внедрения 5G-вещания, что является критическим условием для промышленного ИИ; национальных суверенных платформ облачных вычислений для обеспечения безопасности государственных данных и снижения зависимости от зарубежных провайдеров; внедрение систем обработки больших данных (Big Data) для оптимизации налогового администрирования и борьбы с «серой» экономикой, которая остаётся одним из главных барьеров развития [Bentaiba, 2025, p. 201]; полный переход на электронное правительство, направленный на устранение бюрократических барьеров и коррупционных рисков.

Несмотря на достигнутую готовность к «технологическому рывку», прослеживается ряд вызовов. В частности, сохраняется дефицит современных центров обработки данных (ЦОД) и ощущается нехватка точных статистических баз данных, что затрудняет полноценное использование алгоритмов машинного обучения в государственном планировании [Bentaiba, 2025, p. 200]. Тем не менее по уровню проникновения интернета и активности молодёжи Алжир уже занимает одно из ведущих мест в регионе.

Алжир сделал ставку на развитие ИИ как на сквозную технологию. Важнейшим шагом стало открытие в 2021 году Высшей школы искусственного интеллекта (ENSIA), которая к 2025 году начала выпускать специалистов мирового уровня для нужд промышленности и государственного сектора. Также была развёрнута сеть DZAIR, объединяющая исследовательские центры с ИИ-стартапами по всей стране⁴. Особую роль играют региональные центры компетенций. В Ороне (запад страны) и Константине (восток) сформированы кластеры, специализирующиеся на прикладном ИИ для «умного производства» и мониторинга инфраструктуры. Эти центры ведут разработки

² “بداري: الجزائر تتجه نحو بحث علمي مفيد لخلق قيمة مضافة للاقتصاد الوطني” (Бадари: Алжир движется в направлении научных исследований, которые будут способствовать созданию добавленной стоимости для национальной экономики). Радио Алжир. 13.04.2025. URL: <https://news.radioalgerie.dz/ar/node/62906> (дата обращения: 03.02.2026).

³ Stratégie Nationale de la Transformation Numérique en Algérie. Pour une Algérie numérique 2030. Haut Commissaire à la Numérisation. Algérie, 2024. URL: <https://www.webservices.dz/images/faq/hcn/SNTN-Fr.pdf> (дата обращения: 25.01.2026).

⁴ Universities & Institutions — Dzair AI. URL: <https://dzair-ai.org/network/universities> (дата обращения: 01.02.2026).

в области компьютерного зрения и автономных систем, которые уже проходят тестирование в рамках проектов «умного города» [Bentaiba, 2025, p. 198; Benali A., Benali S., 2025, p. 23].

В целом сектор стартапов в Алжире в 2025 году демонстрирует успехи. Министерство малых предприятий, стартапов и экономики знаний сформировало многоуровневую систему поддержки. Специализированный фонд финансирования стартапов (ASF) выделил около 2,8 млрд динаров (ранее сообщалось о пилотных 510 млн динаров) на венчурные инвестиции в 18 различных секторах. Важную роль играет Высший совет по инновациям и сеть из 60 бизнес-инкубаторов (их число выросло с 14 всего за два года). Внедрение инновационных проектов осуществляется в различных сферах. «Strap Life» в здравоохранении — носимые устройства и ИИ-платформа для мониторинга пожилых людей и пациентов с диабетом или сердечно-сосудистыми заболеваниями. «Nabatk/Phyto» в сельском хозяйстве использует дроны и компьютерное зрение для ранней диагностики болезней растений. «Bika Fire» — роботы-пожарные, способные работать на расстоянии 300 метров от оператора и пускать струю воды на 80 метров, что критически важно для борьбы с лесными пожарами [Bentaiba, 2025, p. 199]. Компания Sonatrach активно сотрудничает с университетами (USTHB, университет Беджаи) для внедрения ИИ в свою деятельность.

В нефтегазовом секторе внедрение ИИ тоже приносит свои плоды: на пилотных проектах на турбинных установках достигнуто снижение внеплановых простоев на 15–20%, а применение глубокого обучения для моделирования пластов позволило улучшить точность прогнозов по нефтедобыче на 9–12% [Benali A., Benali S., 2025, p. 23].

В 2025 году произошло знаменательное событие, символизирующее наметившиеся на попроще обретения технологического суверенитета успехи. Алжирские инженеры из Центра развития передовых технологий (CDTA) завершили проектирование и представили первый отечественный микрочип, предназначенный для использования в электронных картах (банковских, биометрических и транспортных)⁵. Это достижение имеет прямое прикладное значение для реализации стратегии «Цифровой Алжир 2030», так как собственная компонентная база позволяет обеспечить большую безопасность критической информационной инфраструктуры. Министр Камаль Бедари отметил, что «контроль над этой технологией обеспечивает реальное сближение науки и рынка, превращая инновационные идеи в продукты, готовые к массовому производству и экспорту»⁶.

Обладая колоссальным потенциалом солнечной энергии, Алжир стремится занять нишу ведущего экспортёра зелёного водорода в Европу. Исследования, опубликованные в Nature: Scientific Reports, указывают на то, что Алжир может производить водород по одной из самых низких цен в мире [Benchenina, 2025, p. 13].

Таблица 1. Сравнительный потенциал регионов Алжира (генерация и стоимость водорода)

Регион	Локация	Генерация PV (ГВтч/год)	Выход H ₂ (тонн/год)	Стоимость LCOH (\$/кг)
Таманрассет	Юг (пустыня)	33,5	679	1,68
Адрар	Юг (пустыня)	32,9	668	1,70
Тлемсен	Северо-запад	29,0	589	1,92
Скикда	Северо-восток	26,6	539	2,11

Источник: [Benchenina, 2025]

⁵ First home-made electronic chip set to boost the economy — University World News. 24.04.2025. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20250421185941719> (дата обращения: 28.01.2026).

⁶ “بداري: الجزائر تتجه نحو بحث علمي مفيد لخلق قيمة مضافة للاقتصاد الوطني” (Бадари: Алжир движется в направлении научных исследований, которые будут способствовать созданию добавленной стоимости для национальной экономики). Радио Алжир. 13.04.2025. URL: <https://news.radioalgerie.dz/ar/node/62906> (дата обращения: 03.02.2026).

Для сравнения: в Германии стоимость LСОН составляет около \$3,11/кг, в Австралии — \$2,94/кг. Это делает алжирский водород крайне конкурентоспособным на внешних рынках.

Ключевым инфраструктурным проектом в области зелёного водорода стал Corridor Sud H₂ — коридор протяжённостью более 3300 км, призванный транспортировать до 4 млн тонн зелёного водорода в год в Италию, Австрию и Германию⁷. Проект предполагает использование и модернизацию существующих газопроводов (включая Galsi), что значительно снижает капитальные затраты. Использование инфраструктуры в Скинде и Оране позволяет напрямую интегрировать производство водорода в экспортные цепочки ЕС [Benchenina, 2025, p. 16].

Однако производство водорода требует огромных объёмов воды. Чтобы сберечь невозобновляемые подземные водные ресурсы Сахары, планируется повысить объёмы очищения сточных вод (в стране сейчас функционирует 100 очистных сооружений (WWTP) общей мощностью 1,8 млрд м³ в год, из которых 600 млн м³ уже активно перерабатываются), а также расширить сеть гидротехнических сооружений. На текущий момент в Алжире действуют 80 плотин, и планируется увеличение их числа до 139 к 2030 году для обеспечения водной безопасности промышленности [Benchenina, 2025, p. 12].

В это же время для университетов Алжира наступают серьёзные перемены. Во-первых, с целью лучше связать науку, образование и коммерческий сектор в конце 2025 г. в стране создали первый университетский холдинг⁸. Во-вторых, начался массовый выпуск университетских учебников на английском языке, что знаменует отход от франкофонии и интеграцию в глобальное научное пространство. Был предпринят и другой шаг, направленный на расширение международных связей, — в апреле 2025 года запущена программа «Study in Algeria» для привлечения иностранных студентов⁹. В-третьих, при зачислении бакалавров-первокурсников в 2025 г. была задействована технология искусственного интеллекта, с помощью её оптимального распределения удалось дать место в высших учебных заведениях 91% абитуриентов из 340 тысяч¹⁰. И в-четвёртых, крайне важной новостью стало появление национальной алжирской системы антиплагиата, призванной повысить качество академической активности в стране¹¹.

Стоит упомянуть и события из области международного сотрудничества в сфере образования и науки. 30 января 2025 г. на 12-й сессии российско-алжирской межправительственной комиссии стороны подписали соглашение о сотрудничестве в области науки и высшего образования¹². Алжир усиливает связи и с другой страной БРИКС — Китаем. Так, в октябре 2025 г. в столице на базе Университета Алжира-2 открылся первый в стране Институт Конфуция. Главной задачей организации стороны видят усиление культурного, языкового и научного обмена между КНР и АНДР¹³. Другим знаковым событием 2025 года стал визит гендиректора ВОИС (WIPO) Дарена

⁷ SoutH2 Corridor, 2026. URL: <https://www.south2corridor.net> (дата обращения: 31.01.2026).

⁸ “University holding company can boost sector’s sustainability” University World News, 13.11.2025. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=2025111304321825> (дата обращения: 05.02.2026).

⁹ “بداري: الجزائر تتجه نحو بحث علمي مفيد لخلق قيمة مضافة للاقتصاد الوطني” (Бадари: Алжир движется в направлении научных исследований, которые будут способствовать созданию добавленной стоимости для национальной экономики). Радио Алжир. 13.04.2025. URL: <https://news.radioalgerie.dz/ar/node/62906> (дата обращения: 03.02.2026).

¹⁰ Algeria Uses AI to Streamline University Placements and Align Education With Job Market Needs”. University World News, 24.09.2025. URL: <https://iafrica.com/algeria-uses-ai-to-streamline-university-placements-and-align-education-with-job-market-needs/> (дата обращения: 10.02.2026).

¹¹ “National anti-plagiarism system to combat academic fraud”. University World News, 24.09.2025. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20250923181132411> (дата обращения: 10.02.2026).

¹² “Mr. Kamel Baddari signs a cooperation agreement with Russia relating to higher education and scientific research” Ministry of Higher Education and Scientific Research, 31.01.2025. URL: <https://www.mesrs.dz/index.php/en/2025/01/mr-kamel-baddari-signs-a-cooperation-agreement-with-russia-relating-to-higher-education-and-scientific-research/> (дата обращения: 09.02.2026).

¹³ “Another Confucius Institute established in North Africa”. University World News, 02.09.2025. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20251001194517408> (дата обращения: 03.02.2026).

Танга и проведение конференции «Алжир в глобальном инновационном ландшафте» (30 ноября — 1 декабря). Было заявлено, что Алжир работает над улучшением своих позиций в Глобальном инновационном индексе (ГИИ), фокусируясь на защите интеллектуальной собственности и привлечении частного сектора в НИР¹⁴.

* * *

Описанные выше события указывают на то, что для Алжира прошедший год стал особенным в области науки, образования и инноваций. Страна стремится наверстать упущенное и сократить отрыв от развитых стран после многих лет застоя на научно-технологическом поприще. Главными приоритетами для АНДР стало выстраивание связей между наукой и образованием, с одной стороны, и частным и государственным сектором экономики — с другой. Второй областью приложения усилий стало повсеместное внедрение технологий, основанных на использовании искусственного интеллекта.

Литература / References

Кашина А. А. Развитие ИКТ-инфраструктуры Алжира в контексте цифровой трансформации. *Учёные записки Института Африки РАН*. 2025. Т. 11. № 3. С. 60–78 [Kashina A. A. Development of Algeria's ICT infrastructure in the context of digital transformation. *Scientific Notes of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences*. 2025. Vol. 11. No. 3. Pp. 60–78 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Online resources

Bentaiba M. The Future of Startups in Algeria in Light of Artificial Intelligence Developments. *Recherches économiques*. 2025. No. 20(2). Pp. 186–205. URL: <https://asjp.cerist.dz/en/article/285544> (дата обращения: 06.05.2026).

Benchenina Y., Zemmit A., Bouzaki M. M. et al. Advancing green hydrogen production in Algeria with opportunities and challenges for future directions. *Sci Rep*. 2025. No. 15. Pp. 55–59. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-025-90336-1> (дата обращения: 17.04.2026).

Braknia T. (2025). Sustainable Development and Economic Diversification in Algeria: A Bibliometric Analysis (2010–2025). Preprints. URL: <https://doi.org/10.20944/preprints202512.0182.v1> (дата обращения: 20.05.2026).

Benali A., Benali S. Transforming Algerian Industry Through Intelligence: Academic Insights on AI And Digital Transition. *Cyber System Journal*. 2025. No. 2(1). Pp. 22–26. URL: <https://doi.org/10.57238/csj.2025.1003> (дата обращения: 03.04.2026).

Stratégie Nationale de la Transformation Numérique en Algérie. Pour une Algérie numérique 2030. Haut Commissaire à la Numérisation. Algérie, 2024. URL: <https://www.webservices.dz/images/faq/hcn/SNTN-Fr.pdf> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁴ “Algeria is determined to strengthen its position in the global innovation landscape”. WIPO, 09.12.2025. URL: <https://www.wipo.int/en/web/office-algeria/w/news/2025/l-algerie-affirme-son-ambition-de-consolider-sa-place-dans-le-paysage-mondial-de-l-innovation> (дата обращения: 03.02.2026).

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЕГИПТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2026

Р. Ш. Мамедов¹

В статье анализируется современное состояние системы высшего образования и научных исследований Египта в контексте проводимых реформ и вызовов социально-экономического развития страны. Рассматриваются структурные особенности египетского высшего образования, включающего государственные, частные и международные университеты, а также динамика его развития. Особое внимание уделяется ключевым направлениям государственной политики в сфере высшего образования: созданию новых университетов (в том числе технологических и прикладных), расширению международного сотрудничества (создание филиалов ведущих зарубежных вузов), цифровизации обучения и ориентации на инновации и STEM-специальности. В заключение делается вывод о том, что, несмотря на заметный количественный рост и отдельные успехи в интернационализации, система высшего образования и науки Египта сохраняет ряд системных проблем: недостаточное финансирование НИОКР, слабую связь науки с реальным сектором экономики, неравномерность развития между столичными и региональными вузами, а также разрыв между потребностями рынка труда и подготовкой специалистов. Статья подчёркивает, что дальнейшее развитие системы будет определяться способностью египетского государства обеспечить качественный переход от массового образования к модели, ориентированной на инновации и глобальную конкурентоспособность.

Ключевые слова: высшее образование Египта, научные исследования, образовательные реформы, инновации, интернационализация, человеческий капитал

Для цитирования: Мамедов Р. Ш. Система высшего образования и научных исследований Египта на современном этапе. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 265–282. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-265-282

CONTEMPORARY SYSTEM OF HIGHER EDUCATION AND SCIENTIFIC RESEARCH IN EGYPT

Ruslan Sh. Mamedov

The article analyses the current state of Egypt's higher education and research system in the context of ongoing reforms and the challenges of the country's socio-economic development. It examines the structural features of Egyptian higher education, which includes public, private, and international universities, as well as the dynamics of its development.

¹ Мамедов Руслан Шакирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; rshmamedov@yandex.ru

Ruslan Sh. Mamedov, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; rshmamedov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9783-5500

Particular attention is given to key directions of state policy in the field of higher education: the establishment of new universities (including technological and applied institutions), the expansion of international cooperation (through the creation of branches of leading foreign universities), the digitalization of learning, and a focus on innovation and STEM disciplines.

The conclusion highlights that, despite notable quantitative growth and certain successes in internationalization, Egypt's higher education and research system retains several systemic challenges. These include insufficient funding for R&D (research and development), a weak linkage between research and the real economic sector, uneven development between metropolitan and regional universities, and an ongoing mismatch between labour market demands and the training of specialists.

The article emphasises that the future development of the system will be determined by the Egyptian state's ability to ensure a qualitative transition from mass education to a model oriented towards innovation and global competitiveness.

Keywords: Egyptian higher education, scientific research, educational reforms, innovation, internationalisation, human capital

For citation: Mamedov R. Sh. The Contemporary System of Higher Education and Scientific Research in Egypt. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 265–282. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-265-282

Египет как одно из ведущих государств арабского мира активно развивает партнёрские отношения с другими государствами в сфере научно-технического и образовательного сотрудничества. Египет стремится встать в авангарде научно-технического прогресса в Африке. Вопросы образования, науки и технологий нашли своё отражение в Конституции Египта 2014 года. Закрепление расходов на науку и технологии до 1% ВВП (ст. 29 Конституции) стало важной ступенью к формированию стратегии в этой сфере². После прихода к власти президента Абдель Фаттах ас-Сиси в Египте наблюдается постоянный экономический рост, чего, однако, недостаточно для того, чтобы отказаться от внешних кредитов. В марте 2024 г. правительство Египта и МВФ согласовали программу реформ в рамках новых договорённостей о расширении кредитной линии с 3 до 8 млрд долларов. Для преодоления финансового кризиса Египет получил кредиты и инвестиции из разных источников и государств (включая Саудовскую Аравию, Китай, США, Кувейт и др.), однако наибольшие вливания в экономику Египта в последние несколько лет осуществляют ОАЭ. Так, в марте 2024 г. ОАЭ выделили Египту кредитов и инвестиций на 35 млрд долларов — сумму,кратно превосходящую средства, выделяемые МВФ.

Вместе с тем «утечка мозгов» из Египта (процесс миграции более массовый и начался гораздо раньше) в последние десятилетия наблюдается в основном в Саудовскую Аравию, где примерно схожая культурно-языковая среда и выше зарплаты. Экономическая зависимость в некотором плане отражается и на зависимости от кооперации с внешними странами в научно-технологической сфере. В 2018 г. в стране начались постепенные реформы системы высшего образования и науки, направленные прежде всего на поддержку технических специальностей. С 2018 г. активизируется рост государственных ассигнований на НИОКР, хотя затраты на них перешли отметку в 1% ВВП только в 2022 г. (1,02% от ВВП в 2022 г. и 1,03% в 2023 г.).

В 2023 г. была обновлена стратегия «Египет. Видение — 2030», что привело к вопросам внешних наблюдателей о том, будет ли скорректирована Стратегия в области науки, технологий и инноваций от 2019 г. И действительно, в 2023 г. была представлена — а на сайте Министерства высшего образования и научных исследований выложена в общий доступ только в конце 2024 г.

² “The Egyptian Constitution” The Supreme Standing Committee for Human Rights (SSCHR) of. URL: <https://sschr.gov.eg/en/the-egyptian-constitution/Egypt> (дата обращения: 10.01.2025).

или в 2025 г. — обновлённая Национальная стратегия 2030 в области высшего образования и научных исследований от 2023 г.³

Стратегические нормативные документы, связанные с регуляцией научно-технологической и образовательной сферы Египта, приведены в Таблице 1.

Таблица 1. Основные нормативные документы, регулирующие стратегию научно-технологической и образовательной сферы Египта

Название документа	Цели, задачи, стратегические направления	Дата принятия и сроки выполнения
Стратегия устойчивого развития: Египет. Видение 2030 ⁴	Четыре руководящих принципа достижения поставленных целей и задач: «Человекоориентированное развитие», «Справедливость и доступность», «Стрессоустойчивость (<i>Resilience</i>) и адаптивность», «Устойчивое развитие (<i>Sustainability</i>)»	2023 г. (предыдущая версия — 2016 г.). Срок — до 2030 г.
Национальная стратегия 2030 по высшему образованию и научным исследованиям от 2023 г. ⁵ (заменила ранее действовавшую Национальную стратегию в области науки, технологий и инноваций до 2030 г. ⁶ от 2019 г.)	Основана на рассмотрении комплексного государственного плана «Египет 2030», направленного на достижение всеобъемлющего видения развития Египта в различных областях. Оно опирается прежде всего на исследование комплексного плана развития Египта и его связи с целями устойчивого развития и различными направлениями экономического роста, с целью максимального повышения роли различных учреждений Министерства в достижении эффективной поддержки развития в различных экономических, социальных, городских и экологических областях.	Принята в 2019 г. Обновлена в 2023 г. (Доступна только на арабском языке, в отличие от предыдущей версии). Срок — до 2030 г.

³ Национальная стратегия 2030 по высшему образованию и научным исследованиям от 2023 г. Сайт Министерства высшего образования и научных исследований АРЕ. URL: https://moheer.gov.eg/media/attachments/2025/06/23/egypt_vision_2030_moheer.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ The National Agenda for Sustainable Development: Egypt's Updated Vision 2030. Ministry of Planning and Economic Development, 2023. URL: https://mped.gov.eg/Files/Egypt_Vision_2030_EnglishDigitalUse.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

⁵ Национальная стратегия 2030 по высшему образованию и научным исследованиям от 2023 г. Сайт Министерства высшего образования и научных исследований АРЕ. URL: https://moheer.gov.eg/media/attachments/2025/06/23/egypt_vision_2030_moheer.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

⁶ Al-astiratijiyya al-qawmiyya lil-ulum wa-t-tiknulujiyya wa-l-ibtakar 2030 (National Strategy for Science, Technology and Innovation 2030). Council of Research Centers and Institutes, 2019. URL: <https://tinyurl.com/4cfft9nt8> (дата обращения: 09.09.2025).

Продолжение Таб. 1

Название документа	Цели, задачи, стратегические направления	Дата принятия и сроки выполнения
Национальная стратегия высшего образования и научных исследований: Национальная политика в области устойчивых инноваций от 2025 г. ⁷	Национальная политика в области устойчивых инноваций — отдельно выделяемая стратегия ввиду того, что она находится под патронажем президента Египта. Видение — превращение Египта в инновационное, устойчивое общество знаний. Миссия — использование инноваций для создания ценностей и повышения устойчивости во всех секторах производства и услуг, тем самым повышая качество жизни, инклюзивный рост и конкурентоспособность страны на региональном и глобальном уровнях.	Принята в феврале 2025 г. До 2030 г.
Закон № 12 от 2009 года «О частных и национальных университетах» и Указы Президента № 302 от 2010 г., Закона № 154 от 2021 г., вносящего изменения в Закон № 12 от 2009 г.	Законы регулируют деятельность частных университетов и Совета о частных и национальных университетах. В целом связаны с преобразованием университетов из частных в национальные, а также созданием новых национальных университетов, а также в связи с созданием международных университетов.	Приняты в 2009 г.
Закон о стимулировании науки, технологий и инноваций № 23 от 2018 г. ⁸	Цель — создание дополнительных стимулов для продвижения и финансирования науки, технологий, инноваций (в основном путём освобождения от налогов)	Принят в 2018 г.

⁷ URL: <http://102.223.94.66/demo/ministry/ministry/media/attachments/2025/06/22/mohesr-nsip-arabic-2025v1.pdf> (дата обращения: 09.04.2024).

⁸ Qanun Rqam 23 Lisnat 2018 Bi-İşdār Qanun Ḥawāfız al-Ulūm wa-t-Tiknulūjiyya wa-l-Ibtikār (Law No. 23 of 2018 promulgating the Science, Technology and Innovation Incentives Law). Lawyer Egypt, 2018. URL: <https://tinyurl.com/49jxc64v> (дата обращения: 09.09.2025).

Продолжение Таб. 1

Название документа	Цели, задачи, стратегические направления	Дата принятия и сроки выполнения
Министерский указ № 592 от 11.03.2025 г., согласно которому были приняты «Рамочные стандарты высшего образования (2025 г.)» ⁹ .	Указ утверждён Высшим советом университетов (SCU), служит основополагающим руководством для политики в области высшего образования в Египте. Он направлен на интеграцию мировых стандартов, согласование учебных программ с потребностями рынка труда и развитие предпринимательства и научных исследований.	Принят в 2025 г.
Исполнительное постановление Закона № 82 от 2006 г. о создании Национального органа по обеспечению качества и аккредитации образования (NAQAAE). ¹⁰	Этот орган отвечает за внешний контроль качества, установление стандартов и аккредитацию высших учебных заведений и их программ.	Принят в 2006 г.

Источник: составлено автором

Существуют также отраслевые документы: Стратегия развития информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) 2030, Закон о создании Египетского космического агентства (Закон № 3, 2018), Национальная стратегия Египта по искусственному интеллекту, Египетская хартия ответственного ИИ 2023 г. (Egyptian Charter for Responsible AI), Национальная стратегия кибербезопасности Египта от 2018 г., Закон № 151 от 2019 г. «О регулировании фармацевтического рынка», Национальная стратегия Египта по изменению климата (NCCS) 2050, Закон № 2 от 2024 года (Закон о стимулировании зелёного водорода) и др.

После запуска Национальной стратегии в области интеллектуальной собственности в 2022 г. в Египте был принят Закон № 163 от 2023 г. о создании Египетского агентства интеллектуальной собственности (EGIPA) для достижения ещё одной важной цели на пути к развитию своей системы интеллектуальной собственности (ИС) и дальнейшей поддержки Видения Египта 2030¹¹.

Регулирование высшего образования в Египте осуществляется многогранной структурой регулирующих органов, при этом Министерство высшего образования и научных исследований (MoHESR) выступает в качестве главного органа по разработке, реализации и координации политики среди всех учреждений послесреднего образования. Министерство высшего образования и научных исследований контролирует различные аспекты высшего образования, включая планирование, обеспечение качества и приём студентов через свой Центральный координационный офис. Оно играет жизненно важную роль в подготовке преподавателей начальной школы и обеспечении соответствия высшего образования целям национального развития. В настоящее время

⁹ Higher Education Reference Framework (2025). Supreme Council of Universities, 2025. URL: <https://scu.eg/en/>. (дата обращения: 09.09.2025).

¹⁰ Executive Regulations of Law 82 for the Year 2006 Regarding the Establishment of the National Authority for Quality Assurance and Accreditation of Education (NAQAAE). NAQAAE. URL: https://naqaee.eg/en/about_us/Executive_Regulation (дата обращения: 09.09.2025).

¹¹ Egyptian Authority for Intellectual Property. State Information Service, November 3, 2023. URL: <https://tinyurl.com/46acewup> (дата обращения: 09.09.2025).

Министерство высшего образования и научных исследований возглавляет д-р Айман Ашур (защитил кандидатскую диссертацию в Московском архитектурном институте в 1993 г.).

Высший совет университетов (SCU) дополняет инициативы Министерства высшего образования (МоНЕ), выступая в качестве координирующего органа для государственных учреждений под председательством министра высшего образования и включает в себя ректоров университетов и представителей гражданского общества. SCU отвечает за разработку образовательной политики, определение критериев качества академических программ и обеспечение равного распределения ресурсов между государственными учреждениями.

Следует выделить Управление по финансированию науки, технологий и инноваций, предоставляющее гранты на исследования на национальном уровне. Управление ведает деятельностью учреждённого министерством Фонда развития науки и технологии (*STDF*; до 2018 г. действовала также Программа исследований, разработок и инноваций). Конкурсная система присуждения грантов этим фондом была разработана по образцу Немецкого научно-исследовательского общества (*DFG*). По его линии осуществляются и программы международного сотрудничества (с Россией такие программы на данный момент у *STDF* отсутствуют).

Академия научных исследований и технологий является национальным координирующим органом и организацией, которая содействует разработке национально-исследовательской политики, финансирует исследования и инновации в Египте. Академия действует как исполнительный орган, подведомственный Министерству высшего образования и научных исследований Египта по разработке и реализации национальных программ и дорожных карт исследований. *ASRT* включает в себя стратегические комитеты, такие как Национальный фармакологический комитет, и ключевые департаменты, такие как Патентное бюро, Национальное агентство по развитию инноваций и изобретений, Научная обсерватория¹². Реализуется программа развития научных сетей *ASRT Sponsored Research Networks (SRN)*, которая объединяет выдающихся исследователей из различных дисциплин для содействия сотрудничеству и обмену знаниями.

Стоит отдельно выделить Египетскую обсерваторию науки, технологий и инноваций (ЕОНТИ) при Академии научных исследований и технологий. ЕОНТИ является одним из инструментов, используемых для поддержки принимающих решения лиц посредством отчётов, которые помогают в разработке политики в области НТИ, анализе, планировании, финансировании (имеются фонды АНИТ) и управлении научно-технической деятельностью, опираясь на соответствующие международные стандарты в сфере науки и техники. Организационная структура АНИТ также включает в себя 20 советов.

При Министерстве высшего образования и научных исследований действуют подведомственные органы — в частности, Совет исследовательских центров, институтов и организаций. Основная задача Совета исследовательских центров, институтов и организаций заключается в координации и создании эффективной системы, которая поможет максимизировать производительность и гармонизировать работу исследовательских центров и институтов Египта. На заседаниях Совета часто председательствует министр.

Национальный исследовательский центр (НИЦ) Египта был создан как независимый государственный орган в 1956 г. с целью содействия фундаментальным и прикладным научным исследованиям, особенно в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении и других отраслях национальной экономики. В настоящее время НИЦ Египта — крупнейший многопрофильный центр исследований и разработок в стране. Возглавляет структуру президент НИЦ. В Национальном исследовательском

¹² About the Academy of Scientific Research & Technology (ASRT), GloPID-R. URL: <https://www.glopid-r.org/members/academy-of-scientific-research-technology/>. (дата обращения: 09.09.2025).

центре Арабской Республики Египет задействовано около 60% всех учёных, работающих в подведомственных Министерству высшего образования и научных исследований учреждениях¹³.

Система управления научно-технологической сферой Египта носит комплексный характер, поскольку в ней также участвуют отраслевые министерства и связанные с ними исследовательские центры. Соответственно такие ведомства и министерства, как Министерство электричества и возобновляемых источников энергии, Министерство связи и информационных технологий, Египетское космическое агентство, Министерство инвестиций и внешней торговли, имеют серьёзный вес в определении стратегии развития связанных с ними научных направлений и собирают координационные комитеты с Министерством высшего образования и научных исследований в случае необходимости.

Общее описание структуры высшего образования

Система высшего образования Египта представляет собой крупную централизованную структуру, находящуюся под контролем Министерства высшего образования и научных исследований (MOHESR), которое отвечает за государственные и частные учебные заведения. Система включает государственные и частные университеты, технические институты и международные филиалы, которые регулируются MOHESR через советы, такие как Высший совет университетов и Совет частных университетов. Премьер-министр ежегодно формирует отдельный Совет частных университетов для решения вопросов, касающихся частных университетов. Совет включает ключевых представителей частного и государственного секторов высшего образования, а возглавляет его министр высшего образования. Система разработана для поддержки программы «Видение Египта 2030» и уделяет особое внимание качеству, инновациям и формированию у студентов практических навыков. Сообщается, что по состоянию на 2025 г. в Египте функционируют 128 университетов¹⁴.

• Основные категории вузов

Государственные университеты: Это финансируемые государством учреждения, предлагающие широкий спектр академических и научно-исследовательских программ. Университет Аль-Азхар, имеющий богатую историю, также функционирует в рамках этой системы, предоставляя специализированное исламское образование наряду со светскими программами. Всего государственных университетов 27.

Национальные университеты: Инициатива «Национальные университеты Египта» направлена на расширение и модернизацию государственной системы высшего образования путём создания новых национальных университетов, финансируемых государством и доступных по более низкой цене обучения, чем в частных университетах. Такова идея. Но на деле речь скорее идёт о создании на базе уже имеющихся государственных университетов их особых модернизированных отделений в новых зданиях со всем необходимым оборудованием (так, например, Национальный университет Айн-Шамс — это, по сути, подразделение государственного Университета Айн-Шамс, только в специально построенном и оборудованном новом кампусе с модными программами). В 2025 г. Национальный совет университетов Египта одобрил создание 12 новых национальных университетов, что довело общее число национальных университетов до 32.

¹³ Entering a New Digital Era for Scientific Research in Egypt. HUAWEI. URL: <https://e.huawei.com/ua/case-studies/industries/education/2021/national-research-centre> (дата обращения: 09.09.2025).

¹⁴ Egypt launches 10 new national universities for 2023–2024 academic year. Ahram Online. URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/2/540937/Egypt/Society/Egypt-launches-new-national-universities-for.aspx> (дата обращения: 01.02.2026).

Частные университеты: Всё больше частных университетов предлагают более диверсифицированные факультеты и специализируются в различных областях. Частных вузов 52.

Университеты со специальными законами: University of Science and Technology at Zewail City of Science and Technology.

Университеты с международными соглашениями: Американский университет Каира, Египетско-японский университет науки и технологий, Германский международный университет в Административной столице, Германский университет Берлина в Эль-Гуне, ESLSCA University (Ecole Supérieure Libre des Sciences Commerciales Appliquées, филиал французского университета), Senghor University (филиал французского университета). Всего 6 университетов с международным участием.

Университеты с рамочными соглашениями: Арабская академия наук, технологий и морского транспорта, Арабский открытый университет.

Филиалы зарубежных университетов: созданы в соответствии с Законом 162 от 2018 г. и указами Республики Египет; отличаются от формата университетов с международными соглашениями, указанными выше: 1) Фонд канадских университетов в Египте, в котором размещаются филиал Университета острова Принца Эдуарда и филиал Университета Райерсона; 2) Фонд университетов международного образования, в котором находятся филиалы Университета Ковентри в Великобритании и Университета Нова в Португалии; 3) Фонд Global Foundation, в котором находится филиал Университета Хартфордшира в Великобритании; 4) Фонд европейских университетов в Египте, в котором находятся филиалы каждого из университетов (Лондонский, Центральный Ланкашир); 5) Фонд Modern Group, в котором находятся филиалы Казанского и Санкт-Петербургского университетов (Россия).

Технические и технологические университеты: Система включает специализированные технические институты и технологические университеты, которые специализируются на профессиональной подготовке и развитии технологических навыков для удовлетворения потребностей промышленности. Создаются по отдельной программе, курируемой президентом Египта. Изначально планировалось 10 университетов, поступали сообщения о том, что их число могло вырасти.

Существуют и другие университеты...¹⁵

• *Уровни образования*

Действует трёхуровневая система образования: бакалавриат (четыре года обучения), магистратура (не менее двух лет), докторантура (три года исследований).

Высший совет университетов (SCU) играет решающую роль в разработке политики, издании указов и утверждении рамок высшего образования в Египте, включая недавно принятые «Рамочные стандарты высшего образования (2025 г.)»¹⁶.

Национальное агентство по обеспечению качества и аккредитации (NAQAAE) отвечает за разработку национальных стандартов, соответствующих международным стандартам, для реформирования образовательных учреждений и улучшения их учебных процессов и результатов. Кроме того, NAQAAE занимается постоянным обновлением и развитием стандартов обеспечения качества и аккредитации для образовательных учреждений, чтобы идти в ногу с изменениями в окружающем мире. Это также соответствует программе развития Египта «Видение 2030», которая включает в качестве одной из основных целей развитие высших учебных заведений посредством набора

¹⁵ Министерство высшего образования Арабской Республики Египет. Обновлённый перечень аккредитованных высших учебных заведений Арабской Республики Египет. URL: <https://www.asu.edu.eg/7966/news/the-ministry-of-higher-education-republishes-the-updated-lists-of-accredited-higher-education-institutions-in-the-arab-republic-of-egypt> (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁶ Higher Education Reference Framework (2025). Supreme Council of Universities. URL: <https://scu.eg/en/> (дата обращения: 09.09.2025).

показателей эффективности. Среди этих показателей — требование, чтобы все высшие учебные заведения были аккредитованы NAQAAE как минимум дважды до 2030 года.

В 2015 году по президентской инициативе был создан проект «Египетский банк знаний» (платформа с доступом к международным, региональным и местным издательствам) с целью поддержки образования и научных исследований. Увеличилось количество государственных и частных университетов и произошла большая диверсификация образовательных программ. Особое внимание стало уделяться участию в науке молодёжи и женщин.

Государственная политика стала больше внимания уделять каналам коммуникации в сети Интернет. Они стали неотъемлемым инструментом позиционирования бренда университетов и научно-исследовательских центров, продвижения образовательных и научных услуг на зарубежных рынках, развития международного академического сотрудничества. Довольно часто ситуация осложняется низким качеством сайтов — как на арабском языке, так и на английском (информация на английском может просто отсутствовать). При этом стоит отметить стремительное развитие этой сферы в контексте интернационализации — а также довольно развитые сайты государственных ведомств АРЕ, таких как сайты Государственного управления информации, Министерства планирования, Министерства высшего образования и научных исследований.

• *Описание ведущих университетов*

В рейтинге университетов QS 2024 (QS World University Rankings 2024) Египет представлен 15-ю университетами. Пятёрка лучших университетов Египта:

- Каирский университет (обогнал Американский университет в Каире (AUC), заняв 371 место по сравнению с 551–560 в 2023 году);
- Американский университет Каира (опустился на одну позицию — до 415-го места — в списке 2024 года);
- Столичный Университет Айн-Шамс (721–730 место);
- Александрийский университет (901–950);
- Университет Мансура (1001–1200).

В список QS World University Rankings 2024 также вошли Государственный университет Асьют, Университет будущего в Египте, Государственный университет Аль-Азхар, Хелуанский университет, Университет Суэцкого канала, Университет Танта, Университет Загазиг, частные университеты Британский университет в Египте (BUE) и Немецкий университет в Каире (GUC), а также Арабская академия науки, технологий и морского транспорта (Kandil, 2023).

Стоит отдельно отметить, что лидерство медицинских направлений обеспечивается вниманием к медицинскому образованию и здравоохранению в египетских университетах, а также продвижению международных компаний в этой области, что положительно отражается на повышении уровня оказываемых медицинских услуг (в условиях растущего демографически населения). Медицинский факультет остаётся самым престижным и популярным среди абитуриентов — в университетах из топ-10 государственного рейтинга конкурс на данный факультет может достигать 2 тыс. человек на место (Хассан, Закирьянова, 2021, с. 447). На втором месте — факультеты, связанные с технологиями и инженерией, замыкают тройку самых престижных факультеты, связанные с бизнесом и торговлей.

Бюджет Египта на высшее образование и научные исследования на 2025/2026 финансовый год составил около 135 млрд египетских фунтов¹⁷, что на 109% больше, чем ранее¹⁸. 128 млрд

¹⁷ Здесь и далее: курс по состоянию на ноябрь 2025 г. 1 USD — 47,82 EGP.

¹⁸ Несмотря на то, что многие ссылаются на речь египетского министра и решили, что это почти в два раза больше, чем в предыдущем году, тем не менее сам министр не уточнял, по отношению к какому году такой рост (возможно, он имел

египетских фунтов было выделено на высшее образование, а 7 млрд египетских фунтов — на научные исследования. Как пишет известное египетское СМИ «Аль-Йом ас-Сабаи», «этот значительный рост отражает приверженность государства поддержке высшего образования и научных исследований как основополагающего элемента всестороннего развития, при этом определённая часть ассигнований была направлена на достижение географического равенства»¹⁹. Имеется в виду, что часть средств была направлена и на университеты Верхнего Египта (поскольку наибольшая часть бюджета традиционно направляется на Каир и агломерацию, то власти решили подчеркнуть, что в этот раз они также обеспокоены и регионами).

Несмотря на то, что существует не менее 30 частных университетов, на частное высшее образование приходится лишь около 15% от общего числа учащихся [Bekele, 2024]. Государственное высшее образование в Египте в основном финансируется государством, на долю которого приходится примерно 85–90% институциональных расходов. Университеты должны покрывать оставшиеся 10–15% за счёт собственных доходов, включая сборы за специализированные программы или общественные услуги [Embaby, 2025].

Финансовая структура преимущественно централизована, что предоставляет университетам минимальную автономию в перераспределении бюджета или распределении ресурсов. Министерство финансов осуществляет строгий контроль за использованием субсидий, обязывая университеты вносить их на определённые счета. Такая централизация часто ограничивает способность университетов быстро адаптироваться к меняющимся требованиям. Напротив, частные учреждения функционируют в рамках самоокупаемости, в основном завися от доходов от платы за обучение. Эта финансовая автономия обеспечивает повышенную гибкость в распределении ресурсов, создании программ и финансировании исследований, делая их более восприимчивыми к меняющимся академическим и рыночным требованиям²⁰.

Прямых данных о бюджетах университетов найти не всегда удастся. Тем не менее в арабоязычных источниках периодически появляются сведения по итогам рассмотрения и утверждения бюджетов в парламенте. Так, в 2023 г. бюджет Каирского университета составил около 11 192 млн ег. фунтов²¹. Бюджет Университета Айн-Шамс (и его больницы, что важно) — около 5 146 млн ег. фунтов²². Стоит также отметить, что согласно заявлению президента Университета Айн-Шамс (второй крупнейший госуниверситет страны) фактические расходы государства и университета на каждого студента составляют около 10 000 египетских фунтов в месяц, включая питание, проживание и полный пансион²³. Бюджет Американского университета в Каире (AUC) в 2023 г. превышал 200 млн долл. США, включая 40 млн долл. США в виде стипендий для поддержки студентов. Университет частично или полностью компенсирует расходы на обучение 52% своих студентов, согласно словам

в виду не предыдущий год, а несколько лет назад). Цитата и статистика по: Safaa Essam Eddin. Egypt doubles higher education budget in 2025/26 reform push. al-Manassa. URL: <https://manassa.news/en/news/24305> (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁹ Higher Education: The new budget is 135 billion pounds, of which 7 billion are allocated to scientific research. Youm7. URL: <https://www.youm7.com/6992410> (дата обращения: 01.02.2026).

²⁰ Ibid.

²¹ Khitat al-nuwwab tanaqash muwazanaat jami'at al-Qahira wa-Ain Shams wa-al-Wadi al-Jadid. [Deputies' plan discusses budgets of Cairo University, Ain Shams and New Valley]. Youm7, 23.05.2023. URL: <https://www.youm7.com/6190208> (дата обращения: 01.02.2026).

²² Ibid.

²³ Ra'is Jami'a Ain Shams: al-Dawla tudamm al-talab [President of Ain Shams University: The state supports students]. Filgamaa. com. URL: <https://filgamaa.com/%D8%B1%D8%A6%D9%8A%D8%B3-%D8%AC%D8%A7%D9%85%D8%B9%D8%A9-%D8%B9%D9%8A%D9%86-%D8%B4%D9%85%D8%B3-%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%88%D9%84%D8%A9-%D8%AA%D8%AF%D8%B9%D9%85-%D8%A7%D9%84%D8%B7%D8%A7%D9%84%D8%A8-%D8%A8/> (дата обращения: 01.02.2026).

президента университета²⁴. Стоит отметить, что АУС имеет статус частного некоммерческого учебного заведения (но аккредитован и в Египте, и в США). Он управляется советом попечителей (довольно автономно) и функционирует с правительством Египта в рамках протокола 1975 г., который основан на Соглашении о культурных отношениях 1962 г. между США и Египтом.

Стоит отметить и региональные вузы, например, занимающий всё более прочные позиции в Египте Университет Бенха. В бюджете Университета Бенха (один из продвинутых в плане диджитализации) прописаны годовые траты за 2023–2024 гг. на уровне 1 865 млн ег. фунтов²⁵.

Расходы на НИОКР в Египте в 2023 г. составили 1.03%²⁶, что является важной психологической отметкой — до 2022 г. Египет не мог преодолеть барьер в 1%, прописанный в конституции. Общие расходы Египта на НИОКР в 2022 г. составили приблизительно 3,7 млрд долл. США, исходя из расходов на НИОКР в 2022 г. в размере 1,02% от ВВП и ВВП в размере 362 млрд долл. США.

По информации Министерства высшего образования и научных исследований, число исследователей в Египте увеличилось со 110 700 в 2013 году до 180 800 в 2022 году. В 2024 году стало известно, что египетские учёные опубликовали 44 620 научных работ²⁷. Согласно индексу SCImago, одному из важнейших глобальных показателей оценки опубликованных научных исследований и журналов, Египет занимает 25-е место в мире по объёму научных публикаций и первое место в Африке, на долю его приходится около 27% от общего объёма научных исследований континента.

Несмотря на обозначенные выше цифры с положительной динамикой, пересчёт на показатель количества исследователей от общей численности населения позволяет представить иную, проблемную картину. Если учесть огромную разницу между средней численностью исследователей в Египте и населением в сравнении с развитыми странами, становится ясно, что существует разрыв в развитии между Египтом и другими государствами. В то время как в Египте на миллион жителей в 2022 г. приходилось 686,6 исследователей, в Бельгии, например, на миллион жителей приходилось 3878 исследователей. Даже если сравнивать с арабскими странами, то, по данным Организации Лиги арабских государств по вопросам образования, культуры и науки (ALECSO), в ОАЭ на миллион приходилось 2378 исследователей, в Тунисе — 1771 исследователь, в Саудовской Аравии — 1500 исследователей, в Марокко — 1073 исследователя, а в Алжире — 819 исследователей²⁸. Очевидно, руководство Египта понимает данную проблему. За последние два года этот показатель в Египте улучшился. Согласно докладу WIPO, в 2024 г. в Египте количество исследователей на миллион населения составило 845 человек²⁹.

Анализ публикационной активности авторов, имеющих аффилиацию с исследовательскими и учебными организациями Египта, на основе базы данных Scopus даёт представление о результативности научно-технологического прогресса. Полученная база данных состоит из 397596 публикаций

²⁴ Egypt's Ministry of Higher Education announces new admission criteria for 2023/2024 academic year [Электронный ресурс]. El Balad. 15.06.2023. URL: <https://www.elbalad.news/5825420> (дата обращения: 01.02.2026).

²⁵ Benha University Budget for the 2023–2024 Academic Year. Benha University. URL: https://bu.edu.eg/e-services/BU_Budget/Benha_University_Budget_20232024.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

²⁶ Research and Development Expenditure (% of GDP) — Egypt. World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?locations=EG> (дата обращения: 01.02.2026).

²⁷ Al-ta'lim al-'ali: ziyadat 'adad al-abhaath al-'ilmiyya fi Misr ila... [Higher education: Increase in the number of scientific researches in Egypt to...]. Youm7. 21.05.2023. URL: <https://www.youm7.com/story/2023/5/21/44/6187325-العلمية-الأبحاث-عدد-زيادة> (дата обращения: 01.02.2026).

²⁸ Al-bahth al-'ilmi fi Misr: wafraf intaj wa-'aql muhajir [Scientific research in Egypt: Abundance of production and an exiled mind]. Noon Post. URL: <https://www.noonpost.com/320464/> (дата обращения: 01.02.2026).

²⁹ Egypt: Economy Profile. World Intellectual Property Organization. URL: <https://www.wipo.int/gii-ranking/en/egypt/section/economy-profile> (дата обращения: 01.02.2026).

(в журналах, сборниках конференций, коллективных монографиях и т. д.) и охватывает 2000 — июнь 2024 гг. (Таблица 2).

Таблица 2. Публикации учёных Египта (2000 — июнь 2024 гг.)

Год	Публикации (кол-во)	Темпы роста
2000	3318	
2001	3570	7,59%
2002	3774	5,71%
2003	4554	20,67%
2004	4598	0,97%
2005	4875	6,02%
2006	5355	9,85%
2007	6011	12,25%
2008	6836	13,72%
2009	8589	25,64%
2010	9591	11,67%
2011	11249	17,29%
2012	13349	18,67%
2013	14894	11,57%
2014	15744	5,71%
2015	17202	9,26%
2016	19653	14,25%
2017	19730	0,39%
2018	22400	13,53%
2019	26153	16,75%
2020	32507	24,30%
2021	38872	19,58%
2022	43415	11,69%
2023	42635	-1,80%
2024	19349	
Всего	397596	
ССТР (2000–2023)		11,74%
СТР (2000–2023)		11,97%

Источник: Scopus. URL: <https://www.scopus.com/> (дата обращения: 07.06.2024)

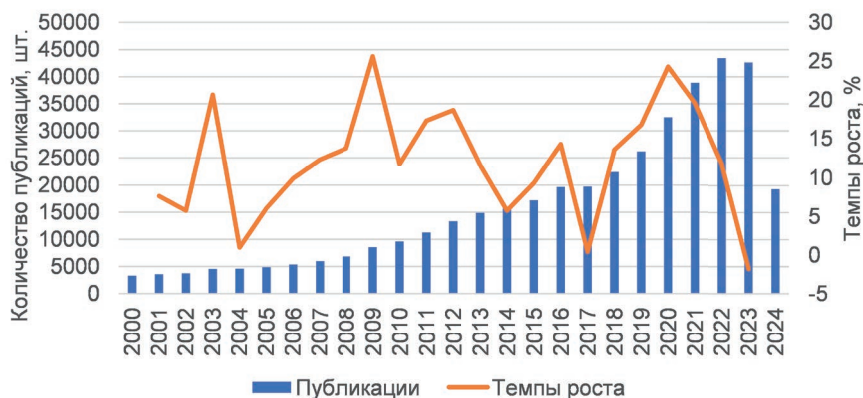

Рисунок 1. Динамика публикационной активности (2000 — июнь 2024 гг.)
Источник: Scopus. URL: <https://www.scopus.com/> (дата обращения: 07.06.2024)

Можно видеть, что в среднем объём публикаций рос с темпами в 12% как в совокупном среднегодовом (ССТР), так и среднегодовом (СТР) измерении (Рисунок 1.3). После принятия Стратегии НСНТИ наблюдается значительный рост количества исследований. Наиболее сильный рост в количестве публикаций произошёл с 2020 по 2021 г. — оно увеличилось на 24,3%. Тем не менее в 2023 г. количество публикаций сохранилось на уровне 2022 г., что говорит о нестабильности роста и, видимо, достижении плато и преодоления эффекта «низкой базы». Выход на предыдущие темпы роста скорее всего потребует системных изменений производства научного знания.

Таблица 3. Наиболее активные (с точки зрения количества публикаций) вузы по данным Scopus за период 2018–2024 гг.

№	Организация	Количество публикаций за 2018–2024 гг.
1	Cairo University	65135
2	Ain Shams University	32668
3	Zagazig University	30836
4	Mansoura University	28208
5	Alexandria University	25650
6	Al-Azhar University	21601
7	King Saud University	18793
8	Tanta University	17507
9	National Research Centre	17178
10	Assiut University	15944

Источник: Scopus. URL: <https://www.scopus.com/> (дата обращения: 07.06.2024)

Несмотря на то, что патенты в основном выдаются Научно-исследовательскому центру Египта — и университеты являются в этом смысле незначительным игроком — но в части научных публикаций всё выглядит не так однозначно. В основном все научные публикации в Египте, согласно данным SCOPUS, делаются в университетах, где за 2018–2024 гг. первая тройка — Каирский университет (65135), Университет Айн-Шамс (32668), Университет Загазиг (30836). Национально-исследовательский центр Египта занял 9-ю строчку рейтинга с 17178 публикациями (Таблица 3).

Международное сотрудничество университетов, в том числе в сфере науки и технологий

Египетские университеты активно развивают международное сотрудничество, стремясь повысить качество образования и научных исследований через обмен опытом и знаниями с ведущими мировыми образовательными учреждениями. Ключевые направления деятельности включают создание международных филиалов, присоединение к региональным научным платформам, таким как PRIMA, и получение финансирования в рамках глобальных инициатив, таких как программа ЕС «Горизонт 2020». Эти усилия направлены на совершенствование учебных программ, содействие исследованиям, улучшение инфраструктуры и позиционирование Египта как регионального лидера в области высшего образования и инноваций. Среди примеров международного сотрудничества (помимо академической мобильности и обменов) можно назвать следующие.

Сотрудничество ЕС и Египта: Египет и ЕС создали совместный комитет по сотрудничеству в области науки и технологий, который взаимодействует в рамках таких программ, как «Горизонт 2020» и инициатива PRIMA.

Сотрудничество США и Египта: Комиссия Фулбрайта в Египте поддерживает академическое и исследовательское развитие, способствуя сотрудничеству между США и Египтом и предоставляя информацию об академических программах.

Франко-египетские связи: Каирский университет подписал меморандумы о взаимопонимании с несколькими французскими университетами в таких областях, как инженерия, энергетика и археология.

Двадцать государственных и частных египетских университетов присоединились к Сетевому университету БРИКС — консорциуму высших учебных заведений стран блока БРИКС, созданному для содействия сотрудничеству в области образования и исследований между странами-членами.

Ряд египетских университетов изучают возможность открытия филиалов за рубежом, и первым шагом стало одобрение, выданное Высшим советом университетов, на создание филиала Каирского университета в эмирате Аджман в ОАЭ и двух филиалов Александрийского университета в Абу-Даби в ОАЭ и Малайзии. Уже реализуется инициатива по открытию филиалов Каирского университета в Эр-Рияде (Саудовская Аравия) и Дохе (Катар). Филиалы в Аджмане, Эр-Рияде и Дохе планируют начать работу в 2026–2027 учебном году³⁰.

Если переходить к науке, то Египет — через ASRT — участвует в нескольких международных коллаборациях. Среди них Международный институт прикладного системного анализа (IIASA), Международный центр синхротронного излучения для экспериментальных научных приложений на Ближнем Востоке (SESAME) и Объединённый институт ядерных исследований (ОИЯИ) в Дубне. Они считаются мировыми лидерами в области научной дипломатии [Soror et. al., 2023].

Выявление наиболее динамично развивающихся отраслей

Анализ базы данных *Scopus*, проведённый командой Института востоковедения РАН в 2024 году, показал, что наибольшее количество публикаций египетских учёных в 2023 г. было по направлениям «Инжиниринг» (9170), «Медицина» (9072), «Компьютерные технологии» (5808), «Химия» (5741) и «Науки о материалах» (5542).

Таблица 4. Приоритетные отрасли научных исследований (по данным Scopus, 2023)

Египет	Иран	Саудовская Аравия	ОАЭ	Эфиопия
Инжиниринг (9170)	Медицина (20027)	Инжиниринг (15079)	Инжиниринг (5766)	Медицина (3602)
Медицина (9072)	Инжиниринг (16427)	Компьютерные науки (12239)	Компьютерные науки (5682)	Сельскохозяйственные науки и биология (1605)
Компьютерные науки (5808)	Науки о материалах (8437)	Медицина (10363)	Медицина (3391)	Экология (1451)
Химия (5741)	Биохимия, генетика, молекулярная биология (8437)	Науки о материалах (10112)	Социальные науки (2779)	Инжиниринг (1292)
Науки о материалах (5542)	Химия (7696)	Химия (9626)	Математика (2272)	Социальные науки (1276)

Источник: составлено автором на основе анализа специалистами ИВ РАН базы данных «Скопус»

³⁰ Egyptian universities go international. Al-Ahram Weekly. URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/50/1201/551922/AlAhram-Weekly/Egypt/Egyptian-universities-go-international.aspx> (дата обращения: 01.02.2026).

Таблица 5. Приоритеты публикационной активности (2000–2023)

№	Научное направление	2000	2023	2000–2023
1	Инжиниринг	780	9170	80066
2	Медицина	562	9072	90507
3	Компьютерные науки	219	5808	42010
4	Химия	768	5741	55758
5	Науки о материалах	588	5542	52734
6	Биохимия, генетика, молекулярная биология	392	5231	46899
7	Физика и астрономия	624	4896	46489
8	Сельскохозяйственные науки и биология	303	4855	39200
9	Математика	258	4033	27979
10	Экология	213	3892	29818

Источник: составлено автором на основе анализа специалистами ИВ РАН базы данных «Скопус»

Характеристика сотрудничества с Россией на текущем этапе

На протяжении 2023 года фиксируется активизация российско-египетских контактов в сфере науки и образования. На сегодняшний день в российских университетах проходят обучение порядка 16 тыс. египетских студентов — это почти половина от общей численности обучающихся в российских вузах студентов с Африканского континента³¹. По сравнению с 2022 годом более чем в два раза выросло число квот Правительства Российской Федерации для египетских абитуриентов; на 2023/24 учебный год выделено 250 мест.

Развиваются проекты открытия филиалов российских вузов. 4 октября 2023 года Совет Министров Египта во главе с премьером М. Мадбули одобрил проект о создании египетского университетского учреждения под названием «Modern Group University» для размещения на территории Арабской Республики Египет филиалов СПбГУ (в Новом Каире) и Казанского федерального университета (в городе Шестое октября)³². Целью создания двух филиалов является содействие развитию системы высшего образования и научных исследований в Арабской Республике Египет, а также работа по укреплению связей между этой системой и её аналогами в Российской Федерации. Предусмотрены программы по общей медицине, стоматологии и фармацевтике для обоих вузов. Сегодня в стране возводится два специальных кампуса под реализацию этого проекта.

Кроме того, в Египте работает частный Египетско-российский университет. Примечательно, что инвесторами проекта выступили не предприниматели, а египетские учёные. Набор студентов ведётся на три факультета: инженерный, фармакологический и стоматологический. Однако пока университет занимает лишь 47-е место в рейтинге вузов Египта и не входит в число престижных.

Стоит отметить, что также проводятся соответствующие научные мероприятия, посвящённые теме развития сотрудничества НТИ между Россией и Египтом. 19 мая 2025 года Институт востоковедения РАН, Академия научных исследований и технологий Египта, а также Центр внешнеполитического сотрудничества им. Е. М. Примакова провели в Каире первый Российско-египетский научный диалог в условиях новой международной динамики, организованной на базе *ASRT*. В мероприятии приняли участие руководители и научные сотрудники ключевых российских и египетских

³¹ Российско-египетский вектор высшего образования и науки: страны наращивают сотрудничество. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/65553/> (дата обращения: 20.12.2023).

³² Правительство согласно принять два филиала российских Санкт-Петербургского университета и Казанского федерального университета. Сайт государственного управления информации, 2023. URL: <https://www.sis.gov.eg/Story/264201-الحكومة-على-استضافة-فرع-جامعة-سانت-بطرسبرج-الروسية-وكازان-الفيدالية-الروسية?lang=ar> (дата обращения: 20.12.2023).

научно-исследовательских центров³³. С египетской стороны во встрече участвовали представители АНИТ, Каирского университета, Нильского университета, Университета Айн-Шамс, Zewail City of Science and Technology и др. Стороны договорились продолжить взаимодействие.

Существуют планы открытия филиалов Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» и Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» на базе Политехнического университета Бурдж Аль-Араб в Александрии (Технологического университета). Бурдж Аль-Араб представляет собой функционирующий с 2022 г. небольшой университет, включающий факультет медицинских наук, факультет промышленности и энергетических технологий (стоимость обучения — 15 тыс. фунтов за первые два года и 20 тыс. фунтов — вторые два).

Стоит отметить и переговоры Минобрнауки России с египетской стороной в части подписания Межправительственного соглашения о взаимном признании образования, квалификаций и учёных степеней. В настоящий момент соглашение находится в высокой степени готовности³⁴.

Продолжается взаимодействие с египетской стороной в сфере обучения и подготовки кадров для атомной промышленности. 6 сентября 2021 года стартовало обучение первых сотрудников Управления по атомным электростанциям АРЕ в Технической академии Росатома в г. Санкт-Петербурге. Всего по договору будет обучено 1 712 человек. Помимо этого в настоящее время около 50 студентов из Египта проходят обучение в российских вузах по атомным и смежным специальностям по квотам Росатома. Что касается ядерной энергетики, то интерес к ядерным исследованиям значим в контексте сооружения двумя странами ЭАС «Эль-Дабаа» в Египте. Стоит отметить работу египетских учёных в Объединённом институте ядерных исследований (Дубна).

* * *

Египет находится в сильной зависимости от зарубежных научных центров в плане научно-технологического развития, что несёт в себе как риски, так и возможности. Официальные лица осознают проблему и видят решение в диверсификации НТС по всем направлениям. Египет стремится к развитию науки, технологий и инноваций с целью решения социально-экономических проблем. Он находится в парадигме догоняющего развития, и правительство очень аккуратно проходит через все региональные кризисы, стараясь поддерживать рабочие отношения с государствами, обладающими технологиями. Имея это в виду, правящая элита всячески поощряет проведение исследований при сотрудничестве с международными научными центрами.

Россия и Египет обладают нераскрытым потенциалом научно-технического сотрудничества. Стороны способны проработать несколько ключевых научных направлений с целью определения конкретных тематик возможных научных проектов. Среди приоритетных научных направлений можно назвать энергетику, медицинские исследования и фармацевтику, компьютерные технологии, космос и ИКТ, а также водные исследования (потенциально стоит также проработать возможность аграрных исследований). Целесообразно взаимодействие с египетскими госорганами и научно-исследовательскими институтами одновременно как на формальном, так и на неформальном уровне с участием специалистов по кросскультурной коммуникации, что позволило бы дополнительно усилить атмосферу доверия между сторонами.

Литература / Reference

³³ Визит российской экспертной делегации в Египет [Центр арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН. 21 мая 2025]. URL: <https://cais.ivran.ru/novosti?artid=220904> (дата обращения: 06.06.2025).

³⁴ Минобрнауки России обсудило перспективы открытия новых филиалов российских вузов в Египте. Минобрнауки России, 01.06.2023 — электронный ресурс — URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/68632/> (дата обращения: 20.12.2023).

Bekele T.A., Ibrahim B. Centuries-Old Private Provision of Higher Education in Egypt. *Emerging Dynamics in the Provision of Private Higher Education in Africa* / ed. by W. Tamrat, D. Teferra. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. Pp. 25–52.

Embaby O.M.A. Egyptian Higher Education System: Core Challenges and Reform Plans in Light of Egypt's Vision 2030. *International Journal of Novel Research and Development (IJNRD)*. 2025. Vol. 10. Issue 4. Pp. 505–516.

Soror S.H., El-Feky G., Attia A., Sakr M.M. Case Studies in International Science Diplomacy: ASRT Contribution to Developing S&T in Egypt. *Science, Technology and Innovation Diplomacy in Developing Countries*. Ed. by V. Ittekkot, J.K. Baweja. Singapore: Springer, 2023. Pp. 233–244.

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Визит российской экспертной делегации в Египет [Центр арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН. 21 мая 2025]. URL: <https://cais.ivran.ru/novosti?artid=220904> (дата обращения: 06.06.2025).

Министерство высшего образования Арабской Республики Египет. Обновлённый перечень аккредитованных высших учебных заведений Арабской Республики Египет. URL: <https://www.asu.edu.eg/7966/news/the-ministry-of-higher-education-republishes-the-updated-lists-of-accredited-higher-education-institutions-in-the-arab-republic-of-egypt> (дата обращения: 01.02.2026).

Минобрнауки России обсудило перспективы открытия новых филиалов российских вузов в Египте. Минобрнауки России, 01.06.2023 – электронный ресурс – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/68632/> (дата обращения: 20.12.2023).

Национальная стратегия 2030 по высшему образованию и научным исследованиям от 2023 г. Сайт Министерства высшего образования и научных исследований АРЕ. URL: https://moheer.gov.eg/media/attachments/2025/06/23/egypt_vision_2030_moheer.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

Правительство согласно принять два филиала российских Санкт-Петербургского университета и Казанского федерального университета. Сайт государственного управления информации, 2023. URL: <https://www.sis.gov.eg/Story/264201?lang=ar> (дата обращения: 20.12.2023).

Российско-египетский вектор высшего образования и науки: страны наращивают сотрудничество. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/65553/> (дата обращения: 20.12.2023).

About the Academy of Scientific Research & Technology (ASRT), GloPID-R. URL: <https://www.glopid-r.org/members/academy-of-scientific-research-technology/>. (дата обращения: 09.09.2025).

Al-astiratiyya al-qawmiyya lil-ulum wa-t-tiknulujiyya wa-l-ibtakar 2030 (National Strategy for Science, Technology and Innovation 2030). Council of Research Centers and Institutes, 2019. URL: <https://tinyurl.com/4cff9nt8>. (дата обращения: 09.09.2025).

Al-bahth al-'ilmi fi Misr: wafrat intaj wa-'aql muhajir [Scientific research in Egypt: Abundance of production and an exiled mind]. Noon Post. URL: <https://www.noonpost.com/320464/> (дата обращения: 01.02.2026).

Al-ta'lim al-'ali: ziyadat 'adad al-abhaath al-'ilmiyya fi Misr ila... [Higher education: Increase in the number of scientific researches in Egypt to...]. Youm7. 21.05.2023. URL: <https://www.youm7.com/story/2023/5/21/44/6187325-عدد-زيادة-العلمية-الأبحاث-إلى-مصر-في-التعليم> (дата обращения: 01.02.2026).

Benha University Budget for the 2023–2024 Academic Year. Benha University. URL: https://bu.edu.eg/e-services/BU_Budget/Benha_University_Budget_20232024.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

Egypt launches 10 new national universities for 2023–2024 academic year. Ahram Online. URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/2/540937/Egypt/Society/Egypt-launches-new-national-universities-for-> aspx (дата обращения: 01.02.2026).

Egypt: Economy Profile. World Intellectual Property Organization. URL: <https://www.wipo.int/gii-ranking/en/egypt/section/economy-profile> (дата обращения: 01.02.2026).

Egypt's Ministry of Higher Education announces new admission criteria for 2023/2024 academic year. El Balad. 15.06.2023. URL: <https://www.elbalad.news/5825420> (дата обращения: 01.02.2026).

Egyptian Authority for Intellectual Property. State Information Service, November 3, 2023. URL: <https://tinyurl.com/46acewup> (дата обращения: 09.09.2025).

Egyptian universities go international. Al-Ahram Weekly. URL: <https://english.ahram.org.eg/News-Content/50/1201/551922/AlAhram-Weekly/Egypt/Egyptian-universities-go-international.aspx> (дата обращения: 01.02.2026).

Entering a New Digital Era for Scientific Research in Egypt. HUAWEI. URL: <https://e.huawei.com/ua/case-studies/industries/education/2021/national-research-centre> (дата обращения: 09.09.2025).

Executive Regulations of Law 82 for the Year 2006 Regarding the Establishment of the National Authority for Quality Assurance and Accreditation of Education (NAQAAE). NAQAAE. URL: https://naqaae.eg/en/about_us/Executive_Regulation (дата обращения: 09.09.2025).

Higher Education Reference Framework (2025). Supreme Council of Universities, 2025. URL: <https://scu.eg/en/> (дата обращения: 09.09.2025).

Higher Education: The new budget is 135 billion pounds, of which 7 billion are allocated to scientific research. Youm7. URL: <https://www.youm7.com/6992410> (дата обращения: 01.02.2026).

URL: <http://102.223.94.66/demo/ministry/ministry/media/attachments/2025/06/22/mohesr-nsip-arabic-2025v1.pdf> (дата обращения: 09.04.2024).

Khitat al-nuwwab tanaqash muwazanaat jami'at al-Qahira wa-'Ain Shams wa-al-Wadi al-Jadid [Deputies' plan discusses budgets of Cairo University, Ain Shams and New Valley]. Youm7, 23 May 2023. URL: <https://www.youm7.com/6190208> (дата обращения: 01.02.2026).

Qanun Rqam 23 Lisnat 2018 Bi-Isdār Qanun Ḥawāfız al-Ulūm wa-t-Tiknulūjiyya wa-l-Ibtikār (Law No. 23 of 2018 promulgating the Science, Technology and Innovation Incentives Law). Lawyer Egypt, 2018. URL: <https://tinyurl.com/49jxc64v> (дата обращения: 09.09.2025).

Ra'is Jami'a 'Ain Shams: al-Dawla tudamm al-talab [President of Ain Shams University: The state supports students]. Filgamaa.com. URL: <https://filgamaa.com/%D8%B1%D8%A6%D9%8A%D8%B3-%D8%AC%D8%A7%D9%85%D8%B9%D8%A9-%D8%B9%D9%8A%D9%86-%D8%B4%D9%85%D8%B3-%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%88%D9%84%D8%A9-%D8%AA%D8%AF%D8%B9%D9%85-%D8%A7%D9%84%D8%B7%D8%A7%D9%84%D8%A8-%D8%A8/> (дата обращения: 01.02.2026).

Research and Development Expenditure (% of GDP) — Egypt. World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?locations=EG> (дата обращения: 01.02.2026).

Safaa Essam Eddin. Egypt doubles higher education budget in 2025/26 reform push. al-Manassa. URL: <https://manassa.news/en/news/24305> (дата обращения: 01.02.2026).

The Egyptian Constitution, The Supreme Standing Committee for Human Rights (SSCHR) of. URL: <https://sschr.gov.eg/en/the-egyptian-constitution/> Egypt (дата обращения: 10.01.2025).

The National Agenda for Sustainable Development: Egypt's Updated Vision 2030, Ministry of Planning and Economic Development, 2023 URL: https://mped.gov.eg/Files/Egypt_Vision_2030_EnglishDigitalUse.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

РАЗВИТИЕ ЭНЕРГЕТИКИ ЕГИПТА КАК ОТВЕТ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В XXI в.

© 2026

В. В. Панов¹

Энергетический сектор Египта активно развивается в направлении диверсификации источников энергии, перехода на «зелёные» технологии и внедрения современных научных и технологических решений. Ключевыми направлениями являются развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ), строительство первой в стране атомной электростанции и модернизация инфраструктуры. За первую четверть XXI в. численность населения страны увеличилась на 61%, вместе с тем потребление электричества на душу населения увеличилось на 62%. Руководству АРЕ удалось удовлетворить стремительно возрастающий спрос на электроэнергию путём своевременного развития газодобычи и строительства энергоэффективных ТЭС. Демографические тенденции сигнализируют о продолжении роста населения, которое может достичь 200 млн к 2100 г., что потребует дальнейшего развития электроэнергетики. Будучи ресурсодефицитной страной, Египет делает ставку на значительное расширение доли ВИЭ в электрогенерации. В случае успешной реализации эта стратегия увеличит запас прочности египетской энергосистемы, защитит страну от шоков на энергетических рынках и позволит сэкономить миллиарды долл. США в год на импорте энергоресурсов. Нарращивание мощностей электрогенерации является обязательным условием опережающего экономического развития Египта в XXI в.

Ключевые слова: установленная мощность энергосистемы Египта, возобновляемые источники энергии, газовый хаб, средний коэффициент рождаемости

Для цитирования: Панов В. В. Развитие энергетики Египта как ответ на демографические вызовы в XXI в. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2026. № 3. С. 283–291. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-283-291

DEVELOPMENT OF EGYPT'S ENERGY DECTOR AS A RESPONSE TO THE TWENTY-FIRST CENTURY DEMOGRAPHIC CHALLENGES

Vasiliy V. Panov

Egypt's energy sector is actively developing towards the diversification of energy sources, the transition to “green” technologies and the introduction of modern scientific and technological solutions. The key areas are the development of renewable energy sources (RES), the construction of the country's first nuclear power plant and the modernization of infrastructure. During the first quarter of the 21st century, Egypt's population increased by 61%, while per capita electricity consumption rose by 62%. The government of the Arab Republic of Egypt has managed to meet the rapidly growing demand for electricity through the timely expansion of natural gas production and the construction of energy-efficient thermal power plants. Demographic trends indicate a continued population increase, which may reach 200 million by 2100, thereby necessitating further development of the power

¹ Панов Василий Владиславович, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН, Москва; vasiliypanov21@mail.ru

Vasiliy V. Panov, junior researcher, Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow; vasiliypanov21@mail.ru

sector. As a resource-constrained country, Egypt is prioritizing a substantial expansion of the share of renewable energy sources in electricity generation. If successfully implemented, this strategy will enhance the resilience of Egypt's energy system, protect the country from shocks in energy markets, and enable savings of billions of U.S. dollars annually on energy imports. Expanding electricity generation capacity is a prerequisite for Egypt's sustained and advanced economic development in the twenty-first century.

Keywords: installed capacity of Egypt's power system, renewable energy sources, gas hub, total fertility rate

For citation: Panov V. V. Development of Egypt's Energy Sector as a Response to the Twenty-First Century Demographic Challenges. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 283–291. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-283-291

Энергетический сектор Египта активно развивается в направлении диверсификации источников энергии, перехода на «зелёные» технологии и внедрения современных научных и технологических решений. Ключевыми направлениями являются развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ), строительство первой в стране атомной электростанции и модернизация инфраструктуры.

За первую четверть XXI в. количество граждан Арабской Республики Египет увеличилось на 61%. В 2025 г. оно составляло 118,4 млн человек². Страна занимает шестое место по численности населения в группе BRICS. По темпам роста населения Египет занимает второе место среди стран-участниц объединения, уступая только Эфиопии. Несмотря на снижение темпов роста населения, суммарный коэффициент рождаемости всё ещё высок. В 2024 г. он составил 2,7 (рождений на женщину)³, а население увеличилось на 1,7%⁴. Ожидается, что рост будет продолжаться в течение XXI в., и население страны достигнет 200 млн к 2100 г. [Winter, Yafit, 2024, p. 224]. Стремительный демографический бум ставит перед египетским руководством задачу постоянного расширения электрогенерирующих мощностей и повышения стабильности энергетической системы.

Среди всех стран Арабского мира Египет выделяется самой сложной экономикой и наиболее разнообразной промышленностью, которая требует большого количества относительно дешёвой электроэнергии для поддержания конкурентоспособности. Активному развитию промышленности способствует урбанизация, темпы которой превосходят рост населения на 17% (городское население увеличивается на 2% ежегодно)⁵.

Но не промышленный сектор, а домохозяйства являются основными потребителями электроэнергии в Египте. В 2024 г. они использовали 46% энергии в национальном масштабе, тогда как промышленные потребители — только 16%. Еще 6% ушло на функционирование магазинов и 3% — на освещение общественных пространств. В том же году 36 миллионов домохозяйств были абонентами Египетской холдинговой электроэнергетической компании, которая является главным централизованным поставщиком электроэнергии⁶. Именно рост населения станет основным фактором роста спроса на электричество в Египте в XXI в.

² Egypt Population 2025. United Nations Population Fund. URL: <https://www.unfpa.org/data/world-population/EG> (дата обращения: 19.03.2026).

³ Fertility rate. Arab Rep. Egypt 2024. World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN?locations=EG> (дата обращения: 19.03.2026).

⁴ Population growth (annual%) — Egypt, Arab Rep. World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW?locations=EG> (дата обращения: 19.03.2026).

⁵ Urban population (% of total population), Egypt Arab Rep. World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS?locations=EG> (дата обращения: 19.03.2026).

⁶ Годовой отчёт Египетской холдинговой электроэнергетической компании за 2023–2024 гг. 2025. С. 60.

Стоит отметить, что помимо роста населения увеличивается и потребление электричества на душу населения. С 2000 по 2023 г. этот показатель увеличился на 62%⁷. Государству удалось удовлетворить стремительно увеличившийся спрос на электроэнергию: 99,7% египтян имели доступ к электричеству в 2024 г.⁸ Однако энергосистема остаётся нестабильной. Это проявляется в регулярных отключениях, особенно во время летних пиковых нагрузок, связанных с кондиционированием, которые могут достигать 3,5 ГВт⁹. Установленная мощность египетской энергосистемы составляет 59 ГВт¹⁰. Это второе место в Африке с незначительным отставанием от ЮАР, однако учитывая более высокие темпы ввода новых генерирующих мощностей, Египет может выйти на первое место в течение двух лет.

Основой электрогенерации АРЕ являются тепловые электростанции. Они вырабатывают 87% электричества в стране и работают преимущественно на природном газе. До 75% электрогенерации обеспечивается сжиганием природного газа¹¹. Расширение мощностей ТЭС было основным направлением развития египетской электроэнергетики с 1990-х по начало 2020-х. Доля ВИЭ снизилась с 22,5% в 1992 г. до 9,8% в 2022 г. из-за исчерпания потенциала увеличения генерации на ГЭС и относительно невысоких темпов открытия новых СЭС и ВЭС на фоне строительстве новых ТЭС¹².

Сводная таблица по действующим электростанциям на 2024 г.

Тип электростанции	Тепловые электростанции	ГЭС	Ветряные электростанции	Солнечные электростанции
Количество	37	6	15	40
Установленная мощность (ГВт)	52 ГВт	2,8 ГВт	1,9 ГВт	1,9 ГВт
Процент генерации	87%	6,6%	2,8%	2,3%
Генерация (ТВт.ч)	202 ТВт.ч	15 ТВт.ч	6,3 ТВт.ч	5,3 ТВт.ч

Источник: «аш-Шарика ал-кабида ликахрабаи миср. ат-Такрир ас-санави» (Годовой отчёт Египетской холдинговой электроэнергетической компании за 2023–2024 гг.). Каир, 2025. С. 17

Эта политика обусловлена значительными запасами голубого топлива, добываемого в территориальных водах Египта. Ежегодный уровень добычи находится в диапазоне от 45 до 50 млрд м³ в год, что обеспечивает до 67% потребления голубого топлива в национальном масштабе¹³. Египтяне были крупными экспортёрами газа до 2023 г., для его сжижения были построены заводы в Эдку

⁷ Electricity consumption per capita in Egypt. International energy agency. URL: <https://www.iea.org/countries/egypt> (дата обращения: 19.03.2026).

⁸ Egypt's Updated Vision 2030. Egypt government. P. 144. URL: https://mped.gov.eg/Files/Egypt_Vision_2030_EnglishDigitalUse.pdf (дата обращения: 19.03.2026).

⁹ «إمام»: أجهزة التكييف تزيد أحمال الكهرباء إلى 3500 ميجاوات في أوقات الذروة. 16.04.2013. URL: <https://www.shorouknews.com/news/view.aspx?cdate=16042013&id=d40a49bf-fb20-4124-b879-35bf5e734a90> (дата обращения: 19.03.2026).

¹⁰ Годовой отчёт Египетской холдинговой электроэнергетической компании за 2023–2024 гг. 2025. С. 11.

¹¹ Natural gas supply in Egypt in 2023. International energy agency. URL: <https://www.iea.org/countries/egypt/natural-gas> (дата обращения: 19.03.2026).

¹² Энергетический профиль Египта. EES EAEC. URL: <https://www.eeseaec.org/energetika-afriki/energeticeskij-profil-egipta> (дата обращения: 19.03.2026).

¹³ Natural gas supply in Egypt in 2023. International energy agency. URL: <https://www.iea.org/countries/egypt/natural-gas> (дата обращения: 19.03.2026).

и Дальметте. Но в последние годы они стали нетто-импортёрами газа из-за роста его потребления для электрогенерации и сокращения объёмов добычи из-за истощения старых месторождений. Быстрорастущее население нуждается в голубом топливе не только для получения электричества, но и для приготовления пищи и обогрева жилья. Тринадцать с половиной миллионов домохозяйств, в которых проживают 60 миллионов человек, имеют централизованное подключение к газовой сети (ежегодный рост новых подключений составляет 8%)¹⁴. Граждане, не имеющие подключения, пользуются газовыми баллонами. Страна обеспечена рентабельными запасами на 45 лет при условии сохранения текущих темпов добычи. До 17% потребляемого газа поставляется по трубопроводам с израильского месторождения «Левиафан»¹⁵. Такой газ обходится Каиру в два раза дешевле поставок сжиженного природного газа. С 2022 г. страна закупает СПГ на спотовом рынке на сумму 3–7 млрд долл. США ежегодно для покрытия пикового спроса летом. В 2025 г. было закуплено 160 партий стоимостью 8 млрд долл. США¹⁶. Для этих нужд были арендованы пять иностранных плавучих терминалов для регазификации сжиженного топлива. Они пришвартовались в порту Айн Сохна на побережье Красного моря.

Египет имеет потенциал стать ближневосточным газовым хабом. Это обеспечивается наличием относительно крупных запасов газа, инфраструктуры для сжижения и регазификации СПГ, а следовательно, для импорта и экспорта. Ещё одним конкурентным преимуществом является сеть трубопроводов, связывающих Египет с Израилем (с которым подписан долгосрочный контракт на импорт до 2030 г.), Сирией и Ливаном. Однако функционирование этих маршрутов крайне подвержено изменению политического климата в регионе. Например, израильтяне приостановили поставки газа в Египет 28.02.2026, объявив форс мажор в связи с военной операцией против Ирана. Эта ситуация продемонстрировала зависимость энергетической безопасности Каира от конфликтов, в которых он не участвует и не имеет влияния для их предотвращения. Также согласно заявлению пресс-секретаря Министерства нефти и природных ресурсов Египта Мухаммада Наджи американо-израильская агрессия против Ирана стоила Каиру 1,1 млрд долл. США дополнительных ежемесячных расходов на покупку газа из-за шока на спотовых рынках¹⁷. (Нестабильность в регионе ставит вопрос о возвращении на родину четырёх миллионов египтян, работающих в странах ССАГПЗ¹⁸. Резкое возвращение столь большого количества граждан может создать дополнительную нагрузку на энергосистему страны, увеличивая риск отключений.)

Таким образом, египтяне имеют техническую возможность импортировать трубопроводный и сжиженный газ и продавать его на премиальные европейский и азиатский рынки, пользуясь своим уникальным географическим положением. Преградами на пути реализации этой схемы являются нехватка инфраструктуры для накопления и хранения газа в больших объёмах и невозможность избежать пагубного влияния региональных конфликтов на энергетику Египта.

Газ — топливо для наиболее современных и энергоэффективных ТЭС, работающих в стране. В результате реализации пакетного соглашения с Siemens в 2018 г. в Египте были построены три

¹⁴ Egypt's Updated Vision 2030. Egypt government. P. 145. URL: https://mped.gov.eg/Files/Egypt_Vision_2030_EnglishDigitalUse.pdf (дата обращения: 19.03.2026).

¹⁵ Israel's Leviathan signs \$35 billion natural gas supply deal with Egypt. 2025.08.07. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/israels-leviathan-signs-35-billion-natural-gas-supply-deal-with-egypt-2025-08-07/> (дата обращения: 19.03.2026).

¹⁶ Egypt says gas deal with Israel is purely commercial. Al-Jazeera. 18.12.2025. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/12/18/egypt-says-gas-deal-with-israel-is-purely-commercial> (дата обращения: 19.03.2026).

¹⁷ Egypt's Cairo businesses face early closures and energy crunch amid US-Israel war on Iran. The New Arab. 26/03/2026. URL: <https://www.newarab.com/news/egypts-cairo-businesses-hit-energy-crunch-amid-iran-war> (дата обращения: 19.03.2026).

¹⁸ اعداد المصريين العاملين في دول مجلس التعاون الخليجي. Hawamer. URL: <https://hawamer.com/vb/hawamer2981786> (дата обращения: 19.03.2026).

газовые электростанции. Мощность каждой из них составляет 4,8 ГВт при КПД 60%. Сделка также включала в себя строительство двенадцати ветропарков суммарной мощностью в 2 ГВт. Стоимость сделки составила 9 млрд долл. США¹⁹. Таким образом, стоимость одного ГВт установленной мощности составила всего 625 млн долл. США, что примерно в 10 раз дешевле строительства мощностей для атомной генерации энергии. Скорость возведения ТЭС является ещё одним конкурентным преимуществом данного способа электрогенерации. Все три проекта были возведены немцами всего за 27 месяцев благодаря эффекту масштаба, им объясняется и относительно низкая стоимость.

Данный проект очень показателен в плане египетской стратегии по развитию энергетики. Он сочетает в себе подходы, применяемые и в других проектах. Финансирование осуществлялось за счёт кредита, предоставленного консорциумом из 17 иностранных банков (преимущественно европейских). Германское экспортное кредитное страховое агентство «Hermes» и Министерство финансов АРЕ гарантировали выплаты по займу²⁰. Египет не способен осуществлять масштабные инфраструктурные проекты без привлечения иностранного капитала в форме инвестиций или дешёвых кредитов. Такая модель финансирования привела к росту госдолга страны почти в пять раз за период с 2011 по 2023 г.,²¹ но позволила реализовывать капиталоемкие проекты. Египтяне любят решать энергетические проблемы путём реализации масштабных проектов, служащих поводом для национальной гордости. На момент реализации в 2018 г. построенные Siemens станции увеличили установленную мощность национальной энергосистемы на 50%. Применяя инновационные зарубежные решения, Каир рассчитывает на недорогую эксплуатацию и быструю окупаемость. По заявлениям Siemens, энергоэффективные парогазовые турбины позволят экономить на топливе до одного млрд долл. США в год²². Такая экономия положительно сказывается на платёжном балансе страны, вынужденной импортировать около 30% закупаемого газа.

Очередным мегапроектом, реализуемым в этой логике, стало строительство первой египетской АЭС Эд-Дабаа. По аналогии с Siemens госкорпорация Росатом осуществляет крупный проект, используя своих специалистов и уникальные технологии. РФ предоставляет египетскому правительству кредит на сумму 25 млрд долл. США. Заём предоставляется на льготных условиях: ставка составляет 3% годовых, сумма кредита покрывает 85% стоимости объекта²³. Первые выплаты начнутся в 2029 г., когда Египет станет получать прибыль от эксплуатации станции. Четыре реактора ВВЭР-1200 будут выдавать 4,8 ГВт к 2030 г., когда станция будет достроена (первый энергоблок планируют запустить в работу к 2028 г.).²⁴

Высокая стоимость и сложность проекта будут компенсированы увеличением стабильности египетской энергосистемы. Цены на топливо для АЭС, поставляемые российской корпорацией ТВЭЛ, не подвержены сильной волатильности, как углеводороды, а логистика не зависит от «бутылочных горлышек» мировой торговли. К преимуществам проекта относится возможность

¹⁹ Mega Electricity generating stations. Egypt state information service. 02.12.2023. URL: <https://sis.gov.eg/en/projects-initiatives/projects/mega-electricity-generating-stations/> (дата обращения: 19.03.2026).

²⁰ Egypt secures \$4bn financing to develop 14.4GW of combined cycle power plants. NS Energy. 12.04.2016. URL: <https://www.nsenergybusiness.com/news/newegypt-secures-4bn-financing-to-develop-144gw-of-combined-cycle-power-plants-130416-4863040/> (дата обращения: 19.03.2026).

²¹ Egypt External Debt. Macrotrends. URL: <https://www.macrotrends.net/global-metrics/countries/egy/egypt/external-debt-stock> (дата обращения: 19.03.2026).

²² Milestone for Siemens Egypt megaproject: First substations ready for operation. Siemens press. 14.12.2016. URL: <https://press.siemens.com/middleeast/en/pressrelease/milestone-siemens-egypt-megaproject-first-substations-ready-operation> (дата обращения: 19.03.2026).

²³ РФ предоставит Египту кредит на строительство первой АЭС в размере \$25 млрд. ТАСС. 30.11.2015. URL: <https://tass.ru/ekonomika/2485694> (дата обращения: 19.03.2026).

²⁴ Первый блок АЭС "Эд-Дабаа" введут в эксплуатацию в 2028 году. ТАСС. 25.10.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22233831> (дата обращения: 19.03.2026).

его масштабирования путём постройки на той же площадке новых энергоблоков. Проектировщики Росатома также предлагали возведение завода по опреснению воды из Средиземного моря с использованием дешёвого электричества от АЭС. Вода могла быть использована для нужд населения шестимиллионной Александрии, однако египетская сторона отказалась от реализации этого предложения.

Стоит отметить, что для строительства крупных объектов электроэнергетики выбираются площадки в слабозаселённых районах. Сименс построил свои мощнейшие ТЭС в небольшой провинции Бени-Суеф в 110 км к югу от Каира, на северном краю дельты Нила в Буруллусе и в практически незаселённой, строящейся Новой столице. Площадка для возведения АЭС Эд-Дабаа также находится на удалении более 170 км от ближайшего крупного города — Александрии. Такое расположение обосновывается не только как мера безопасности для минимизации ущерба от потенциальных техногенных аварий. Оно также служит цели более дисперсного расселения граждан внутри страны путём создания системообразующих предприятий, способствующих появлению вокруг себя дополнительных рабочих мест. Эта политика проводится для решения проблемы перенаселения долины Нила, составляющей 3% площади страны, на которой проживают 97% населения. Более равномерное расселение является настолько приоритетным, что египетское руководство готово вкладывать дополнительные инвестиции в строительство сотен километров новых ЛЭП, а также трансформаторов и аккумуляторных станций. Ветряные и солнечные электростанции также возводятся в малонаселённых регионах, и зачастую государство предоставляет землю бесплатно. Малонаселённые районы Египта имеют высокий потенциал для развития возобновляемой энергетики.

Стратегия Каира по развитию ВИЭ содержится в программе ISES 2035. Она была принята в 2016 году и предполагала достижение 42% электрогенерации с помощью ВИЭ (солнечная, ветряная и гидроэнергетика без учёта доли атомной энергетики) к 2035 г. План был принят в рамках подготовки к всемирному экологическому саммиту COP 27, который египтяне проводили в Шарм-аш-Шейхе²⁵. Однако в 2024 г. цели были скорректированы. Министр топлива и природных ресурсов Египта Карим Бадави заявил, что достичь 40% электрогенерации из ВИЭ планируется к 2040 г. Он также призвал увеличить добычу природного газа внутри страны в течение переходного периода, чтобы снизить объём дорогостоящего импорта²⁶.

Правительство Египта придаёт большое значение развитию солнечной электроэнергетики. Отмечается, что территория страны является сердцем глобального солнечного пояса и обладает идеальными условиями для солнечной генерации²⁷. Она расположена между 22 и 31 градусами северной широты и отличается плоским пустынным ландшафтом. Солнечное излучение достигает мощности 6,5 кВт/ч на м² в сутки, что является одним из самых высоких показателей в мире. По оценкам «Солнечного атласа» Всемирного банка, потенциал Египетской солнечной энергетики оценивается в 52 ГВт (88% от установленной мощности всей энергосистемы на 2024 г.). Согласно «Стратегии устойчивого развития до 2035 г.», выпущенной Министерством электроэнергетики и ВИЭ, доля солнечной электрогенерации должна составлять 26% к 2030 г., однако в 2023 г. она составила только 3%²⁸.

²⁵ Egypt cuts 2040 renewable energy target to 40%, keeps focus on natural gas. Reuters. 20.10.2024. URL: <https://www.reuters.com/sustainability/climate-energy/egypt-cuts-2040-renewable-energy-target-40-keeps-focus-natural-gas-2024-10-20/> (дата обращения: 19.03.2026).

²⁶ Energy transition. American chamber of commerce in Egypt. 12.04.2025. URL: <https://www.amcham.org.eg/bic/pdf/EnergyInsight.pdf> (дата обращения: 19.03.2026).

²⁷ Benban, the Largest Solar Power Plant in Aswan. The Arab Republic of Egypt presidency. URL: <https://clck.ru/3TjiJo> (дата обращения: 19.03.2026).

²⁸ Energy transition. American chamber of commerce in Egypt. P. 3. 12.04.2025. URL: <https://www.amcham.org.eg/bic/pdf/EnergyInsight.pdf> (дата обращения: 19.03.2026).

Национальная политика по развитию этого типа энергетики отражается в строительстве Бенбанского солнечного парка, который находится в пустынном районе в 40 км от г. Асуан. Проект был реализован путём привлечения инвестиций от международных банков (ЕБРР, Африканский банк развития), экологических фондов и частных инвесторов. По проекту они должны вкладываться в строительство солнечных фотоэлектрических станций, для постройки которых правительство выделяет 39 участков (на каждом из которых должна появиться установка 50 МВт) на площади 37 км². Интерес частных инвесторов заключается в том, что правительство обязуется выкупать всю производимую энергию по фиксированным ценам. По завершении строительства суммарная мощность Бенбанской электростанции достигла 1,8 ГВт, что делает её мощнейшей солнечной фотоэлектрической станцией в Африке²⁹. Для реализации национальной цели по достижению 26% электрогенерации с помощью энергии солнца к 2030 г. Египту потребуется реализовать ещё около 10 проектов такого масштаба, из-за чего планы и были скорректированы.

Ветряной электрогенерации также отводится большая роль. Скорость ветра на побережье Суэцкого залива оптимальна для строительства ВЭС и составляет 10,5 м/с. Территории пустынь к западу и востоку от Нила тоже имеют подходящую скорость ветра — 7,5 м/с. Всемирный банк оценивает потенциал Египетской ветряной генерации в 31,2 ГВт. Проекты крупнейших ветропарков реализовываются путём привлечения инвестиций от компаний из ОАЭ, Саудовской Аравии и ЕС, а также от Пенсионного фонда Норвегии. Гигантомания не обошла и эту сферу: она проявилась в планах строительства ветропарка Сохаг мощностью 10 ГВт, что более чем в два раза превосходит проектную мощность АЭС Эд-Дабаа. В мае 2024 г. египтяне подписали соглашение с эмиратской энергетической компанией «Масдар», проект оценивается в 11 млрд долл. США³⁰. Планировалось приступить к строительству в марте 2026 г., однако новости на эту тему не появились, что объясняется вовлечённостью ОАЭ в конфликт в Персидском заливе, мешающий им заниматься инвестициями. Масштаб проекта также делает его труднореализуемым, так как во всём мире только Китай осуществил проект такой мощности. Это комплекс электростанций Ганьсу мощностью 10,5 ГВт, непрерывно расширяемый в пустыне Гоби с 2009 г.³¹ В 2026 г. крупнейшей функционирующей станцией Египта является «Gulf of Suez Wind Farm II» мощностью всего 650 МВт, она считается мощнейшей в Африке и на Ближнем Востоке³².

В случае реализации суммарного потенциала СЭС и ВЭС, составляющего 83 ГВт установленной мощности Египет не только обеспечит нужды собственных домохозяйств и промышленности, но и станет крупнейшим экспортёром электроэнергии. Для этих целей уже сейчас функционируют, строятся или проектируются несколько международных интерконнекторов. Крупнейшим из реализуемых проектов является линия электропередачи между Египтом и Саудовской Аравией мощностью 3000 Мвт. Помимо того, идёт работа по расширению электропередачных мощностей с Иорданией, Ливией и Суданом. Также подписаны двусторонние соглашения об изучении возможности прокладки подводных электрокабелей на Кипр, в Италию и Грецию³³.

²⁹ The Benban Solar Park. Arab urban development institute <https://araburban.org/en/infocenter/projects/?id=10630> (дата обращения: 19.03.2026).

³⁰ مصر تحتضن ثاني أكبر مزرعة رياح في العالم.. وإعلان موعد التنفيذ. الطاقة. 27.06.2024. URL: <https://clck.ru/3TPvD6> (дата обращения: 19.03.2026).

³¹ Самые большие электростанции в мире: топ 10. Моя планета. URL: https://moya-planeta.ru/travel/view/samye_bolshie_elektrostantsij_v_mire_top_10 (дата обращения: 19.03.2026).

³² Egypt: 'Largest' wind farm in Africa, Middle East now operational. ESI Africa. 09.06.2025. URL: <https://www.esi-africa.com/news/egypt-largest-wind-farm-africa-middle-east-operational/> (дата обращения: 19.03.2026).

³³ Годовой отчёт Египетской холдинговой электроэнергетической компании за 2023–2024 гг. 2025. С. 45–46.

Подводя итог, стоит отметить грамотный подход руководства АРЕ к развитию национальной энергетической системы. При строительстве новых энергообъектов они стараются равномерно развивать разные виды электрогенерации (газовую, солнечную, ветряную и атомную). Египтянам удаётся диверсифицировать приток капитала и технологий путём одновременного развития кооперации с энергетическими и инвестиционными компаниями из России, ЕС, Китая и монархий Персидского залива. Данная стратегия сильно подвержена политической нестабильности, что подтвердилось ростом издержек на импорт энергоносителей и отменой или заморозкой инвестиционных проектов на территории Египта. Однако до 2026 г. она позволяла обеспечивать электроэнергией стремительно растущее население и развивающуюся промышленность. В перспективе негативные последствия от политических потрясений будут минимизироваться большей энергонезависимостью благодаря введению в эксплуатацию АЭС и увеличению доли ВИЭ. Несмотря на замедление темпов строительства новых СЭС и ВЭС, энергосистема имеет достаточный запас прочности, чтобы выдерживать ценовое давление на рынках энергоносителей и удовлетворять растущий внутренний спрос. Её дальнейшее расширение является обязательным условием опережающего экономического развития Египта в XXI в.

Литература / References

Годовой отчёт Египетской холдинговой электроэнергетической компании за 2023–2024 гг. Каир: Министерство электричества и возобновляемой энергетики, 2025 [Annual Report of the Egyptian Holding Electricity Company for 2023–2024. Cairo. Ministry of Electricity and Renewable Energy, 2025 (in Russia)].

Winter O., Yafir K. *Population Growth in Egypt: Threats, Responses and Opportunities*. Bar Ilan University. Tel Aviv: The Institute for national security studies, 2024. URL: <https://www.inss.org.il/wp-content/uploads/2024/10/Winter-Knimach.pdf> (дата обращения: 19.03.2026).

Электронные источники/ Electronical sources

Первый блок АЭС «Эд-Дабаа» введут в эксплуатацию в 2028 году. ТАСС. 25.10.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22233831> (дата обращения: 03.04.2026).

РФ предоставит Египту кредит на строительство первой АЭС в размере \$25 млрд. ТАСС. 30.11.2015. URL: <https://tass.ru/ekonomika/2485694> (дата обращения: 03.04.2026).

Самые большие электростанции в мире: топ 10. Моя планета. URL: https://moyaplaneta.ru/travel/view/samy_e_bolshie_elektrostantsij_v_mire_top_10 (дата обращения: 03.04.2026).

Энергетический профиль Египта. EES EAEC. URL: <https://www.eeseaec.org/energetika-afriki/energeticeskij-profil-egipta> (дата обращения: 19.03.2026).

Benban, the Largest Solar Power Plant in Aswan. The Arab Republic of Egypt presidency. URL: <https://clck.ru/3TjiJo> (дата обращения: 03.04.2026).

Egypt cuts 2040 renewable energy target to 40%, keeps focus on natural gas. Reuters. 20.10.2024. URL: <https://www.reuters.com/sustainability/climate-energy/egypt-cuts-2040-renewable-energy-target-40-keeps-focus-natural-gas-2024-10-20/> (дата обращения: 03.04.2026).

Egypt External Debt. Macrotrends. URL: <https://www.macrotrends.net/global-metrics/countries/egy/egypt/external-debt-stock> (дата обращения: 03.04.2026).

Milestone for Siemens Egypt megaproject: First substations ready for operation. Siemens press. 14.12.2016. URL: <https://press.siemens.com/middleeast/en/pressrelease/milestone-siemens-egypt-megaproject-first-substations-ready-operation> (дата обращения: 03.04.2026).

Egypt Population 2025. United Nations Population Fund. URL: <https://www.unfpa.org/data/world-population/EG> (дата обращения: 19.03.2026).

Egypt says gas deal with Israel is purely commercial. Al-Jazeera. 18.12.2025. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/12/18/egypt-says-gas-deal-with-israel-is-purely-commercial> (дата обращения: 03.04.2026).

Egypt secures \$4bn financing to develop 14.4GW of combined cycle power plants. NS Energy. 12.04.2016. URL: <https://www.nsenergybusiness.com/news/newsegypt-secures-4bn-financing-to-develop-144gw-of-combined-cycle-power-plants-130416-4863040/> (дата обращения: 03.04.2026).

Egypt's Cairo businesses face early closures and energy crunch amid US-Israel war on Iran. The New Arab. 26/03/2026. URL: <https://www.newarab.com/news/egypts-cairo-businesses-hit-energy-crunch-amid-iran-war> (дата обращения: 03.04.2026).

Egypt: 'Largest' wind farm in Africa, Middle East now operational. ESI Africa. 09.06.2025. URL: <https://www.esi-africa.com/news/egypt-largest-wind-farm-africa-middle-east-operational/> (дата обращения: 03.04.2026).

Egypt's Updated Vision 2030. Egypt government. URL: https://mped.gov.eg/Files/Egypt_Vision_2030_EnglishDigitalUse.pdf (дата обращения: 03.04.2026).

Electricity consumption per capita in Egypt. International energy agency. URL: <https://www.iea.org/countries/egypt> (дата обращения: 03.04.2026).

Energy transition. American chamber of commerce in Egypt. 12.04.2025. URL: <https://www.amcham.org.eg/bic/pdf/EnergyInsight.pdf> (дата обращения: 03.04.2026).

Fertility rate. Arab Rep. Egypt 2024. World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN?locations=EG> (дата обращения: 19.03.2026).

Israel's Leviathan signs \$35 billion natural gas supply deal with Egypt. 2025.08.07. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/israels-leviathan-signs-35-billion-natural-gas-supply-deal-with-egypt-2025-08-07/> (дата обращения: 19.03.2026).

Mega Electricity generating stations. Egypt state information service. 02.12.2023. URL: <https://sis.gov.eg/en/projects-initiatives/projects/mega-electricity-generating-stations/> (дата обращения: 19.03.2026).

Natural gas supply in Egypt in 2023. International energy agency. URL: <https://www.iea.org/countries/egypt/natural-gas> (дата обращения: 19.03.2026).

Population growth (annual%) — Egypt, Arab Rep. World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW?locations=EG> (дата обращения: 19.03.2026).

The Benban Solar Park. Arab urban development institute. URL: <https://araburban.org/en/infocenter/projects/?id=10630> (дата обращения: 19.03.2026).

Urban population (% of total population), Egypt Arab Rep. World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS?locations=EG> (дата обращения: 19.03.2026).

مصر تحتضن ثاني أكبر مزرعة رياح في العالم.. وإعلان موعد التنفيذ. الطاقة (Египет планирует построить вторую крупнейшую ветряную электростанцию в мире и объявляет дату начала строительства). Агентство Така. 27.06.2024. URL: <https://clck.ru/3TPvD6> (дата обращения: 19.03.2026).

إمام: أجهزة التكييف تزيد أحمال الكهرباء إلى 0053 ميجاوات في أوقات الذروة (Кондиционеры увеличивают нагрузку на электроэнергию до 3500 МВт в пиковые часы). Агентство Шурук. 16.04.2013. URL: <https://www.shorouknews.com/news/view.aspx?cdate=16042013&id=d40a49bf-fb20-4124-b879-35bf5e734a90> (дата обращения: 19.03.2026).

اعداد المصريين العاملين في دول مجلس التعاون الخليجي. Hawamer (Количество египетских рабочих в странах ССАГПЗ). Портал Хавамир. URL: <https://hawamer.com/vb/hawamer2981786> (дата обращения: 19.03.2026).

ОАЭ КАК НОВЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ХАБ

© 2026

Н. Н. Цветкова¹

ОАЭ стремятся стать мировым технологическим центром, центром цифровой экономики, технологий ИИ, «зелёной энергетики». В статье рассматриваются развитие НИОКР в ОАЭ, деятельность Института технологических инноваций и компаний по коммерциализации результатов прикладных разработок. ОАЭ зависят от импорта технологий, но в стране активно ведутся прикладные разработки. Показано, что филиалы ТНК являются векторами по передаче технологии в ОАЭ, при этом они стремятся действовать в масштабах всего региона.

Другая особенность ОАЭ — высокая доля иностранцев среди квалифицированных кадров. Страна ввела ряд льгот в иммиграционное законодательство для привлечения профессионалов. ОАЭ стремятся проводить многовекторную политику. Особое внимание уделяется тиражированию результатов своих прикладных разработок в странах БВСА, говорят даже о регионе БВАЮА (Ближний Восток, Африка, Южная Азия).

Ключевые слова: ОАЭ, БВСА, НИОКР, технологический хаб, ТНК, международная трудовая миграция, зелёная энергетика, ИКТ

Для цитирования: Цветкова Н. Н. ОАЭ как новый технологический хаб. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 292–305. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-292-305

THE UAE AS A NEW TECHNOLOGY HUB

Nina N. Tsvetkova

United Arab Emirates have set the goal to become a technological hub, a center of development of digital economy, artificial intellect, green energy. The paper reviews development of R&D in UAE, in particular the activity of the Technology Innovations Institute and structures designed for commercialization of applied research results. Transnational corporations that are active in UAE, perform technology transfer to their affiliates, on the one hand, and use UAE as a hub for co-operation with MENA countries. UAE are dependent on import of technologies but they develop applied research.

Another feature of the Emirates is their dependence on inflow of talents, highly qualified professionals. The country has taken measures to attract specialists.

UAE lead multi-vector policy. They receive the state-of-art technologies from US corporations, but also develop cooperation with BRICS countries, MENA and even such a region as MEASA (Middle East, Africa, South Asia).

Keywords: UAE, MENA, R&D, technological hub, TNCs, world labour migration, green energy, ICT

For citation: Tsvetkova N. N. The UAE as a New Technology Hub. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 292–305. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-292-305

¹ Цветкова Нина Николаевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; n.tsvetkova@ivran.ru

Nina N. Tsvetkova, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow; n.tsvetkova@ivran.ru
ORCID: 0000-0002-4126-9159

В современной мировой экономике сформировались научно-технологические центры первого уровня — США, Китай, некоторые западноевропейские страны. Однако формируются и технологические центры второго уровня, суб-центры, технологические хабы. На роль такого технологического хаба претендуют ОАЭ.

Проблемы технологического развития ОАЭ получили освещение в коллективной монографии «Научно-технологическое развитие стран Азии и Африки» (2025), в работах ряда ответственных авторов — А. О. Филоника, В. А. Исаева, А. Адрианова [Научно-технологическое развитие, 2025; Исаев, Филоник, 2019, Адрианов, 2023]. В данной статье предпринимается попытка ответить на вопрос, становятся ли ОАЭ технологическим хабом.

Особую роль в судьбе ОАЭ сыграл нефтяной фактор. 1970-е годы стали периодом «бума» нефтяных доходов для государств Аравийского полуострова, которых стали называть капиталоизбыточными экспортёрами нефти, позднее — странами-рантье. Стремясь преодолеть зависимость от экспорта нефти, ОАЭ делают ставку на диверсификацию экономики. Для ОАЭ она связана с развитием цветной металлургии, финансовой сферы, логистики, туризма. Одной из стратегических целей для страны стало технологическое развитие, превращение её в технологический хаб, центр цифровой экономики, технологий ИИ, «зелёной энергетики».

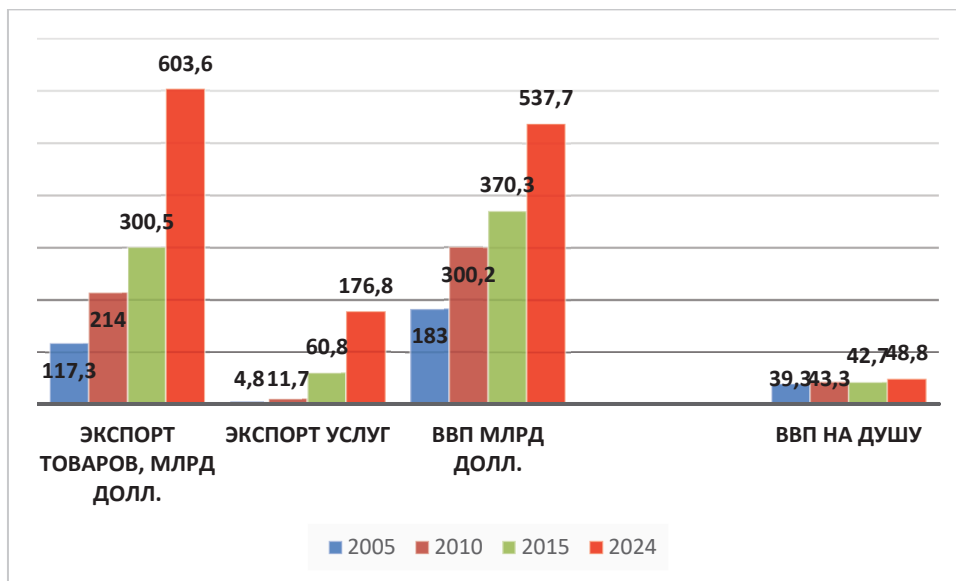

Рисунок 1. Основные показатели экономического развития ОАЭ, 2005–2024 гг.
Составлено по: General profile: United Arab Emirates. URL: <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/784/index.html> (дата обращения: 15.01.2026)

В 2024 г. ВВП ОАЭ составил 537,7 млрд долл., 48,8 тыс. долл. на душу населения. По ППС Мировой банк оценивает ВВП ОАЭ на душу населения в 2024 г. в 78,1 тыс. долл. в год [World Development Indicators, Table WV 1, 2025]. Объём и структура экспорта товаров и услуг показывают успехи ОАЭ в диверсификации экономики. Экспорт товаров из страны увеличился с 2005 по 2024 г. со 117,3 млрд до 603,6 млрд долл., в 2024 г. на нефть и газ приходилось 40%, на продукцию обрабатывающей промышленности — 30%, на металлы — 6%. Для сравнения: у Саудовской Аравии в 2024 г. экспорт товаров составил 305,5 млрд долл., доля нефти и газа в нём остаётся более высокой, чем у ОАЭ, — 68%. Экспорт услуг из ОАЭ возрос с 2005 по 2024 г. с 4,8 млрд долл. до 176,8 млрд долл., из этого экспорта в 2024 г. 40,4% приходилось на туризм, 27,1% — на транспортные услуги,

32,5% — на прочие услуги, в числе которых — финансовые услуги и ИКТ-услуги. Экспорт услуг из КСА в 2024 г. равнялся 55,3 млрд долл., 74,1% составляли поступления от туризма².

ОАЭ приняли целый ряд стратегий по технологическому развитию, в том числе по вопросам развития цифровой экономики. Это, например, Стратегия цифровой трансформации Абу-Даби, Стратегия цифрового управления ОАЭ, Политика единой цифровой платформы, Политика в области государственных электронных услуг для граждан и электронного правительства. В отдельных эмиратах ОАЭ, например, в Дубае, Абу-Даби, Рас аль-Хайме осуществляются стратегии развития «умных городов». Стратегия «Умный Дубай 2021» охватывает такие направления, как беспилотный транспорт, электронная торговля, 3D-печать, безбумажный документооборот, кибербезопасность, блокчейн, Интернет вещей. Отдельно разработана стратегия развития мета-вселенной.

Особое место занимает Стратегия искусственного интеллекта. В ней поставлена цель для ОАЭ — стать одним из лидеров в сфере ИИ. Но, как это может продемонстрировать пример Абу-Даби, стратегии ОАЭ отнюдь не ограничиваются цифровыми технологиями.

В Абу-Даби принята Стратегия по изменению климата. Она предусматривает сокращение эмиссии углекислого газа в эмирате на 22%, что эквивалентно сохранению 500 млн деревьев за 10 лет, для реализации Стратегической инициативы UAE Net Zero к 2050 г. Солнечная электростанция Al Dhafra мощностью 2.0 Gw позволит сократить выброс CO₂ на 2,4 т и обеспечит электричеством 160 тыс. домов. Предусматриваются также сохранение мангровых зарослей традиционными методами и с использованием дронов, использование транспортных средств с низким выбросом CO₂ [Abu Dhabi Climate, 2022].

Промышленная стратегия Абу-Даби включает 6 программ трансформации, которые должны стимулировать экономический рост и инновации, повышение компетенций, укрепить экосистему для местных производителей, способствовать переходу к циркулярной (безотходной) экономике. Стратегия предусматривает государственные инвестиции в 10 млрд дирхамов, что должно к 2031 г. обеспечить рост производства обрабатывающей промышленности Абу-Даби в 2 раза, до 172 млрд дирхамов, и увеличение ненефтяного экспорта на 43%, до 178,8 млрд дирхамов, создание 13,6 тыс. рабочих мест для квалифицированных работников. Программа Индустрия 4.0 ставит целями развитие «умного производства», создание центров повышения квалификации. Стратегия включает такие задачи, как развитие НИОКР, контроль над качеством продукции, создание цепочек поставок внутри страны и включение предприятий из ОАЭ в глобальные цепочки стоимости (ГЦС), привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) [Abu Dhabi Industrial Strategy, 2023].

Развитие НИОКР

Важной целью для ОАЭ является научно-технологическое развитие. Вопрос о деятельности научных организаций и исследовательских центров при университетах в ОАЭ детально проанализирован в коллективной монографии «Научно-технологическое развитие стран Азии и Африки», Книга 1. В ней сделаны важные выводы: «Текущая политика ОАЭ во многом направлена на развитие технологического сектора. Для этого государство активно инвестирует в сферу высоких технологий и в цифровую инфраструктуру, развивает международные связи в этих направлениях, а также позиционирует себя как региональный центр для работы технологических компаний» [Научно-технологическое развитие, 2025, с. 289].

² General profile: United Arab Emirates. URL: <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/784/index.html>; General profile: Saudi Arabia. URL: <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/682/index.html> (дата обращения: 11.01.2026).

В 2022 г. расходы на НИОКР в ОАЭ составили 1,49% от ВВП, в КСА — 0,46, в Катаре — 0,68, в Кувейте — 0,08%. Число исследователей, занятых полный рабочий день, на 1 млн жителей в ОАЭ в 2022 г. составляло 2607, в КСА — 958, в Катаре — 948 [World Development. Table 5.12, 2025]. У ОАЭ самая высокая доля расходов на НИОКР в ВВП, самое большое число исследователей на 1 млн населения среди стран ССАГЗ.

Научно-исследовательских институтов в ОАЭ немного. И ведущий среди них — это Институт технологических инноваций (ИТИ, Абу-Даби), в состав которого входят 10 научно-исследовательских центров, в том числе центры робототехники, криптографии, ИИ и цифровых наук, квантовых исследований, исследований безопасных систем. Многие центры занимаются цифровыми технологиями, но о широте научных интересов ОАЭ говорит наличие центров по таким направлениям, как новые материалы, космические исследования, энергетика, возобновляемые источники энергии, биотехнологии.

Одним из важнейших достижений ИТИ стала разработка ИИ-модели Falcon. Существуют различные версии этой большой языковой модели (БЯМ). Falcon Edge предназначена для работы на периферийных устройствах, даже на ноутбуках, при ограниченных возможностях ИТ-инфраструктуры, она быстро работает, не используя мощных графических ускорителей. Falcon 40B, модель с открытым кодом, имеет 40 млрд параметров и прошла машинное обучение на 1 трлн токенов³. Важно, что одна из версий ИИ-модели прошла машинное обучение на арабском языке и предназначена для арабских пользователей, широко применяется в арабских странах.

Итак, в ОАЭ разработана базовая БЯМ, точнее, целое семейство этих моделей. Но известно, что при её разработке была взята за основу ИИ-модель с открытым исходным кодом Llama американской корпорации Meta⁴. Впрочем, эта практика распространена и в других странах. Однако страна с низким уровнем развития цифровых технологий и низкой квалификацией специалистов вряд ли смогла бы осуществить подобное. В целом же можно согласиться с авторами коллективной монографии о научно-техническом развитии стран Азии и Африки в том, что в ОАЭ отсутствует фундаментальная наука: большинство исследований являются прикладными или относятся к сфере услуг. Ближе всего к фундаментальным подходят космические исследования и энергетика. Но их состояние в ОАЭ далеко от фундаментального уровня [Научно-технологическое развитие, 2025, с. 290]. Впрочем, можно ли предъявлять высокие требования в этом отношении к столь небольшому государству, к тому же молодому (возникшему в 1971 г.), не имеющему университетов и исследовательских центров с давней историей даже в сравнении с другими арабскими странами, например, Египтом?

Научные исследования и разработки в ОАЭ ведутся и в университетах, причём были открыты филиалы ряда зарубежных университетов: американских, английских, французских, австралийских, университетов из стран Востока — индийских, даже пакистанского университета. Ведутся исследования и в свободных экономических зонах, например, в таких, как Dubai Internet City, Dubai International Financial Center, Dubai International Academic City.

Большое внимание уделяется в ОАЭ прикладным разработкам и коммерциализации технологических решений. Если больше всего СЭЗ находится в Дубае, который получает совсем небольшие доходы от экспорта нефти и предпринимает активнейшие усилия, чтобы стать международным центром финансов, логистики, туризма, а теперь и технологий, то нефтяные доходы (от 95% добычи нефти в стране) сконцентрированы в Абу-Даби. Именно в Абу-Даби действуют крупнейшие фонды национального благосостояния — ADIA, ADQ, Mubadala. В Абу-Даби создан Исследовательский совет по передовым технологиям (ATRC), председателем которого является наследный

³ Falcon LLM. Falcon Models. TII. URL: <https://falconllm.tii.ae/falcon-models.html> (дата обращения: 22.01.2026).

⁴ Признана экстремистской в РФ.

принц Абу-Даби Халед бин Мухаммед бин Зайид Аль Нахайян, а генеральным секретарём — Фейсал аль Баннаи. Именно при Совете действует Институт технологических инноваций. В 2023 г. при Совете было создано подразделение VentureOne для коммерциализации технологических решений, «трансформации прикладных разработок ИТИ в коммерческие продукты и решения и организации их сбыта по всему миру», сотрудничества с другими странами. По словам Фейсала аль-Баннаи, «в ОАЭ стремление к сотрудничеству заложено в нашей ДНК»⁵.

У VentureOne есть несколько дочерних компаний по разным направлениям: AI71, SteerAI, QuantumGate, NabatAI. Компания AI71 действует в сфере ИИ. На основе Falcon разработан ряд ИИ-ассистентов для различных сфер, прежде всего здравоохранения, образования, юридической сферы. AI71, что важно, обеспечивает децентрализованное владение данными, это позволяет партнёрам — предприятиям, ТНК, иностранным государствам — гарантировать защиту персональных данных. ИИ71 сотрудничает с различными структурами в ОАЭ и с иностранными компаниями, в частности, с PwC Middle East [Khaled bin Mohamed, 2023].

ИИ-ассистенты компании AI71 на основе Falcon: RAZI 71, ИИ-ассистент для здравоохранения, который составляет обзоры медицинской литературы, делает на их основе рекомендации, транскрибирует заметки по медицинским случаям, проводит перекрёстные проверки врачебных рекомендаций. CONS — ИИ-решение для архитекторов и девелоперов в строительной отрасли. ASK 71 — ИИ-ассистент, который использует базы данных организаций для генерирования аналитических докладов.

Эксперты заявляют, что развитие квантовых вычислений сделает традиционные решения по кибербезопасности неэффективными через 5–10 лет. QuantumGate разработала решения по защите данных, цифровых активов организаций в «квантовую эпоху»: QSphere, которое состоит из пост-квантового VPN и пост-квантовой электронной почты, приложения по шифрованию; Salina — инструмент по управлению доступом, упрощает процессы аутентификации, позволяя обходиться без паролей⁶. QuantumGate разработала новое приложение по кибербезопасности к ПО для предприятий и в 2025 г. подписала соглашение о стратегическом сотрудничестве с консалтинговой компанией PwC, которая действует в разных странах Ближнего Востока⁷.

Важная цель для ОАЭ — разработка мер для контроля над климатическими изменениями. Nabat, дочерняя компания VentureOne, ставит своей целью решать проблемы климата, сохранять и восстанавливать мангровые заросли и другие экосистемы региона, используя ИИ и робототехнику. Компания применяет дроны, ПО с ИИ и гибкие механизмы, чтобы сажать мангровые заросли⁸.

Иностранные компании и технологическое сотрудничество

Внедрением и разработкой технологий в ОАЭ занимаются и компании.

Подробнее остановимся на иностранных компаниях. Филиалы иностранных ТНК играют роль векторов передачи технологии. Специфика такой формы международных экономических отношений, как передача технологии, состоит как раз в том, что значительную часть технологий

⁵ AI71. Our Products. URL: <https://ai71.ai/our-products> (дата обращения: 22.01.2026).

⁶ ATRC Ventureone launches quantumgate secure data. 13 November 2024. URL: <https://www.ventureone.ae/news/atrcs-ventureone-launches-quantumgate-secure-data-quantum-era-cyberq> (дата обращения: 11.01.2026).

⁷ Abu Dhabi's QuantumGate launched a new enterprise solution and signed strategic agreement with PwC at GISEC 2025 to enhance cybersecurity across the region. May 7, 2025. URL: <https://www.ventureone.ae/news/quantumgate-debuts-new-security-product-partners-pwc-strengthen-cybersecurity-middle-east> (дата обращения: 22.01.2026).

⁸ The Advanced Technology Research Council's VentureOne has unveiled Nabat. 11 December, 2024. URL: <https://www.ventureone.ae/news/nabat-new-abu-dhabi-climate-tech-venture-use-ai-and-robotics-restore-mangroves-and-boost> (дата обращения: 11.01.2026).

принимающие страны получают по внутрифирменным каналам, через филиалы ТНК, неакционерные формы организации международного производства (различного рода контракты).

ОАЭ в силу своего географического положения («5 часов полёта до важнейших мировых центров»), развития инфраструктуры, благоприятных условий для ведения бизнеса стали играть роль центра, где ТНК размещают свои региональные штаб-квартиры, ещё до «бума» технологий.

ОАЭ активно привлекают прямые иностранные инвестиции. Наряду с этим страна сама стала крупным международным инвестором.

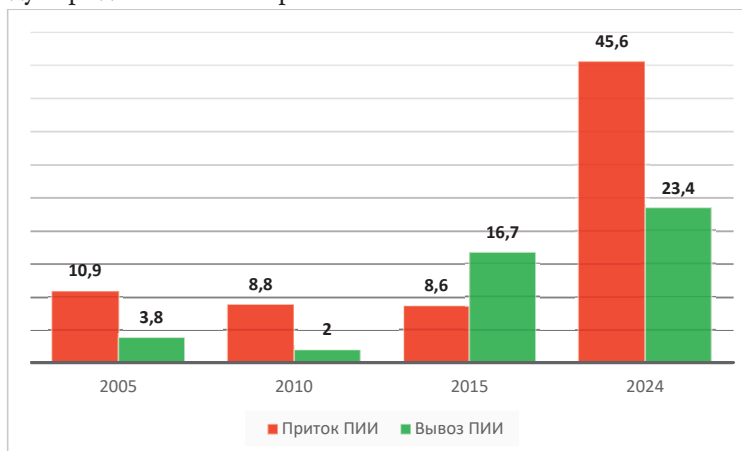

Рисунок 2. ОАЭ: приток и отток прямых иностранных инвестиций, 2005–2024 гг. (млрд долл.)
Составлено по: General profile: United Arab Emirates. URL: (дата обращения: 15.01.2026)

Таблица 1. Балансовая стоимость прямых иностранных инвестиций в странах Ближнего Востока и зарубежных инвестиций этих стран, 2000, 2010, 2024 гг. (млрд долл.)

Страны/Годы	Балансовая стоимость (млрд долл.)					
	Привлечённых ПИИ			ПИИ страны за рубежом		
	2000	2010	2024	2000	2010	2024
ОАЭ	1	64	271	2	56	286
Сауд. Аравия	18	90	255	5	27	229
Турция	18	188	180	4	23	69
Катар	2	31	28	0,1	13	51
Зап. Азия	72	533	1055	15	172	789

Источник: World Investment Report 2025. UNCTAD. Geneva, 2025. P. 259

Если в 2000 г. ПИИ в ОАЭ были незначительными (1 млрд долл.), а в 2010 г. лидером по привлечению ПИИ в регионе Ближнего и Среднего Востока (Западной Азии в статистике ЮНКТАД) была Турция, а ОАЭ находились на третьем месте после Саудовской Аравии, то к 2024 г. ОАЭ стали лидером среди стран БВСА по накопленной балансовой стоимости ПИИ (271 млрд долл.) и по балансовой стоимости своих прямых зарубежных инвестиций (286 млрд долл.).

Поскольку, несмотря на все меры по диверсификации экономики, системообразующей отраслью в ОАЭ остаётся нефтегазовая промышленность, ключевое значение имеет технологическое сотрудничество национальной корпорации ADNOC и её подразделений с иностранными компаниями. В различных проектах с дочерними компаниями ADNOC: ADNOC Gas, ADNOC Drilling Company, ADNOC Logistics & Services участвуют ТНК, в некоторых случаях это имеет

критическое значение с технологической точки зрения — например, в консорциуме Al Dhafra Petroleum по добыче труднодоступной нефти партнёры — южнокорейские Korean National Oil Corp и GS Energy. В других сегментах нефтегазовой промышленности у ADNOC и её структур ведётся партнёрство с французской Total, британскими BP и Shell, американскими Occidental Petroleum, ExxonMobil, австрийскими OMV и Borealis, итальянской Eni, японской Mitsui, а также с китайской China National Petroleum и индийской ONGC⁹. В проекте Ruweis производство СПГ будет основано на использовании чистой энергии, причём опреснение воды производится в сотрудничестве с египетской Orascom¹⁰. ОАЭ сотрудничают с иностранными компаниями в сфере «зелёной энергетики».

Большое внимание уделяется в ОАЭ развитию цифровых технологий, технологий ИИ. В ОАЭ создали филиалы крупнейшие американские цифровые мега-корпорации Google, Apple, Microsoft, Meta*, Amazon, NVIDIA, IBM, Oracle.

В СЭЗ Dubai Internet City действуют такие иностранные ИТ-корпорации, как SAP, IBM, Vodafone, Canon, Dell, Siemens, AT&T, Cisco, HTC, General Electric, Nokia, Sony, Telenor. ОАЭ известны своей многовекторной политикой. И в данной СЭЗ представлены индийская Tata Communications (Middle East), китайские China Telecom Middle East, Huawei. Всё в той же СЭЗ DIC (Dubai Internet City) представлены ведущие мировые консалтинговые компании, банки, компании сферы логистики, компании-конгломераты Unilever, Procter&Gamble, ТНК пищевой промышленности — Nestle¹¹. Многие ТНК открыли свои филиалы в Абу-Даби, в других эмиратах. Как видно даже по названиям, многие компании ориентируются в своих операциях не только на ОАЭ, но и на Ближний Восток в целом или даже включают Африку в сферу своей деятельности.

Лидеры на мировом рынке облачных услуг — Microsoft, Google, Amazon — инвестировали в ОАЭ в развитие мощных центров обработки данных (ЦОД), которые необходимы для развития технологий ИИ и могут предоставлять услуги всему региону¹². Microsoft и компания G42, созданная в ОАЭ как холдинг-компания для развития технологий ИИ, объявили о расширении мощности дата-центров в ОАЭ на 200 МВт. Проект реализуется через Khazna Data Centers, подразделение G42, и должен начать работу до конца 2026 г. В 2024 г. Microsoft инвестировала 1,5 млрд долл., получив миноритарную долю в компании G42, которая также поддерживается фондами Mubadala, частной инвестиционной компанией Silver Lake и офисом миллиардера Рея Далио. Ожидается, что в 2026–2029 гг. Microsoft дополнительно направит в ОАЭ 7,9 млрд долл. в развитие облачной и ИИ-инфраструктуры¹³.

Кардинально важным для развития цифровых технологий в стране стало разрешение администрации США на экспорт продвинутых чипов Nvidia для дата-центров в ОАЭ, оно было дано администрацией США в октябре 2025 г.¹⁴ Параллельно было дано такое же разрешение и для

⁹ ADNOC. Our Partners. URL: <https://www.adnoc.ae/en/our-partners> (дата обращения: 22.01.2026).

¹⁰ ADNOC. Our Projects. URL: <https://www.adnoc.ae/n/our-projects/sustainable-water-supply> (дата обращения: 22.01.2026).

¹¹ Rawan Haddad. Top MNC Companies in Dubai/UAE. Jul 11, 2025. URL: <https://www.drivenproperties.com/blog/mnc-companies-in-dubai> (дата обращения: 11.01.2026).

¹² The Best Companies in Dubai to Work for as a Software Engineer. Mokhtary, Sam, Founder of Zero Tax Jobs. 13 May 2025. URL: <https://zerotaxjobs.com/articles/best-companies-to-work-for-in-dubai-for-software-engineers> (дата обращения: 11.01.2026).

¹³ Microsoft и G42 расширят дата-центры в ОАЭ на 200 МВт. Reuters. 06 ноября 2025. URL: <https://www.ferra.ru/news/techlife/microsoft-i-g42-rasshiryat-data-centry-v-uae-na-200-mvt-06-11-2025.htm> (дата обращения: 22.01.2026).

¹⁴ Минторг США одобрил экспорт чипов Nvidia в ОАЭ на несколько миллиардов долларов. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/10/09/1145516-eksport-chipov-v-uae> (дата обращения: 22.01.2026).

Саудовской Аравии. Таким образом, ОАЭ (но и их конкурент КСА) станут центром по размещению ЦОД, смогут стать экспортёрами услуг ЦОД для всего региона.

В Дубае в мае 2024 г. открылся AI Campus, он был создан в Инновационном центре (Innovation Hub) в Международном финансовом центре Дубая (DIFC), как отмечено, крупнейшем финансовом центре в регионе MEASA, с ориентацией на сотрудничество со странами этого расширенного региона, в который включают Ближний Восток, Африку, Южную (и Юго-Восточную) Азию¹⁵. Ключевыми партнёрами кампуса станут Amazon Web Services, HP, Microsoft, Oracle and Nvidia.

Однако крупными компаниями деятельность частного сектора в технологической сфере ОАЭ не ограничивается. В ОАЭ создано большое число средних и малых предприятий, стартапов. Среди предпринимателей фигурирует немало выходцев из других стран. На первом месте — американцы, но на втором — индийцы. Большое число компаний создано британцами, но также и пакистанцами. Пакистанские советы бизнеса существуют в Дубае, в Абу-Даби¹⁶, в других эмиратах.

В сегменте среднего бизнеса в ОАЭ фигурируют такие компании с более 1000 занятых, как LS Digital, ведущая компания по цифровой трансформации в сфере маркетинга со штаб-квартирой в Индии; Systems Limited, крупная ИТ-компания из Пакистана (разработка и кастомизация ПО, кибербезопасность), Gini Talent, компания из Турции (аутстафинг, решения по краудсорсингу); компания из Сингапура To the New (цифровая трансформация и инжиниринговые услуги). Есть и немало совсем небольших предприятий (менее 10 занятых), созданных иностранными гражданами (шансы стать гражданином ОАЭ у мигрантов невелики). Conceptz Ghana Events & AV (ивент менеджмент, паблик рилейшнз) создана инвесторами из Ганы, Primal Ape Consulting (ПО для онлайн-коммерции, цифровой маркетинг, автоматизация) — ливанцами, её клиенты находятся не только в ОАЭ, но и в Катаре, Бейруте, Ираке, КСА, Иордании и Британии. Немало компаний СМБ создано индийцами, пакистанцами¹⁷.

Международная миграция как фактор технологического развития

Международная трудовая миграция становится для ряда стран, и не только развивающихся, важным фактором технологического развития.

Международная трудовая миграция — это одна из форм международных экономических отношений: международное движение фактора производства «труд». Миграция связана прежде всего с различием в уровнях заработной платы в стране эмиграции и в принимающей стране. Среди факторов выталкивания (push) — политические и экономические, среди последних — низкий уровень доходов или их отсутствие, высокий уровень безработицы, в том числе среди молодёжи, причём во многих арабских странах — среди молодых людей, получивших высшее образование. Мотивы привлечения мигрантов для принимающих стран связаны с тем, что иммигранты создают добавленную стоимость, вносят вклад в ВВП [Цветкова, 2025]. Мигрантам, как правило, поручают опасную, грязную или трудную работу, которую обозначают как 3D (dirty, dangerous, difficult). Но сегодня важным мотивом стало привлечение специалистов, профессионалов высокого уровня, которые способствуют продвижению технологического развития.

¹⁵ Hamdan bin Mohammed inaugurates Dubai AI Campus cluster at DIFC Innovation Hub. May 18, 2024. URL: <https://www.wam.ae/en/article/b37r0g6-hamdan-bin-mohammed-inaugurates-dubai-campus> (дата обращения: 11.01.2026).

¹⁶ Pakistan business Professional Council, Abu Dhabi, UAE. URL: <https://pbpcuae.org/about-us/> (дата обращения: 11.01.2026).

¹⁷ Explore Top Companies in United Arab Emirates. URL: <https://techbehemoths.com/companies/united-arab-emirates?> (дата обращения: 22.07.2025).

Международную трудовую миграцию можно разделить на два потока: одна категория весьма многочисленная — это неквалифицированные и низкоквалифицированные рабочие, другая категория — это специалисты высокой квалификации. Именно последние заняты в отраслях, связанных с внедрением новых технологий. ОАЭ широко используют «утечку умов». Но большие выгоды получают от «утечки умов» и самые развитые страны, в частности США.

Кафала (система найма, которая возникла в 1950-х гг. и применяется в ОАЭ по сей день) является основной системой регулирования отношений с трудовыми мигрантами. В миграционной сфере кафала представляет собой уникальный по своей сути тип правового обеспечения миграционной сферы, имеющий характерные черты «архаичности». Сложившаяся в ОАЭ система правового регулирования внешней миграции исключает возможность мигрантов протестовать и защищать свои права, даёт возможность работодателю изменять условия трудового договора в одностороннем порядке, делает работодателя ответственным за незаконное пребывание мигранта в стране [Миграционная политика, 2023]. Система эта весьма жёсткая.

Следует отметить, что в отличие от западных стран в ОАЭ при учёте численности иммигрантов не действуют категории «родившийся за рубежом» (*foreign born*) и «иностранец» (*foreigner*). Гражданство ОАЭ предоставляется иностранцам лишь в исключительных случаях. Пример — Павел Дуров, основатель «Телеграм». Не могут иностранцы, не будучи гражданами, и претендовать на получение социальных льгот (что является важным мотивом для миграции в страны Европы).

Однако в последние годы ОАЭ делают исключения в своей достаточно жёсткой политике по отношению к иммигрантам, поощряя приток квалифицированной рабочей силы. С 2019 г. ОАЭ предоставляют ВНЖ сроком до 10 лет («Золотая виза») профессионалам многих областей, включая медицину, науку и технику, информационные технологии, бизнес и управление, образование, право, культуру и социальные науки. Кандидаты должны иметь действующий трудовой договор с работодателем в ОАЭ, а ежемесячная зарплата не должна быть меньше 30 тыс. дирхамов (8 168 долл.). Учёные и исследователи с высокими достижениями в своей области могут получить ВНЖ на основании рекомендации Совета учёных ОАЭ. Кандидат должен иметь степень доктора философии или магистра в области инженерии, технологий, биологических или естественных наук. Исключительно одарённым личностям в области культуры, искусства, спорта, цифровых технологий, изобретателям статус присуждается независимо от образования, уровня квалификации, размера заработной платы по рекомендации федерального или местного органа власти. Иностранцы, желающие создать стартап или быть партнёром в стартапе, зарегистрированном в ОАЭ, с годовым оборотом не менее 1 млн дирхамов (272 294 долл.), также могут претендовать на ВНЖ сроком на десять лет, им нужно получить одобрение от официального бизнес-инкубатора, Министерства экономики или компетентных местных органов власти. Отдельная программа существует для программистов. Вместе с основным заявителем ВНЖ получают супруг(а) и дети [Миграционная политика, 2023]. В 2025 г. были введены дополнительные льготы в визовой политике для привлечения специалистов в сфере ИИ, но требуется письмо от компании, приглашающей этого работника. Есть льготы по ВНЖ и для цифровых кочевников.

В рейтинге стран, привлекающих профессионалов высокого уровня (таланты) Мирового банка, ОАЭ с показателем 1,62 занимают 9-е место после развитых стран — Канады, Кипра, Австралии, Польши, Швейцарии, Португалии, Люксембурга, США и 1-е место среди стран Азии. После ОАЭ идёт Саудовская Аравия (10-е место). У Катара (1,41) — 21-е место, у Израиля (1,39) — 22-е место, у Сингапура — 25-е (1,26) (см. Рис. 3).

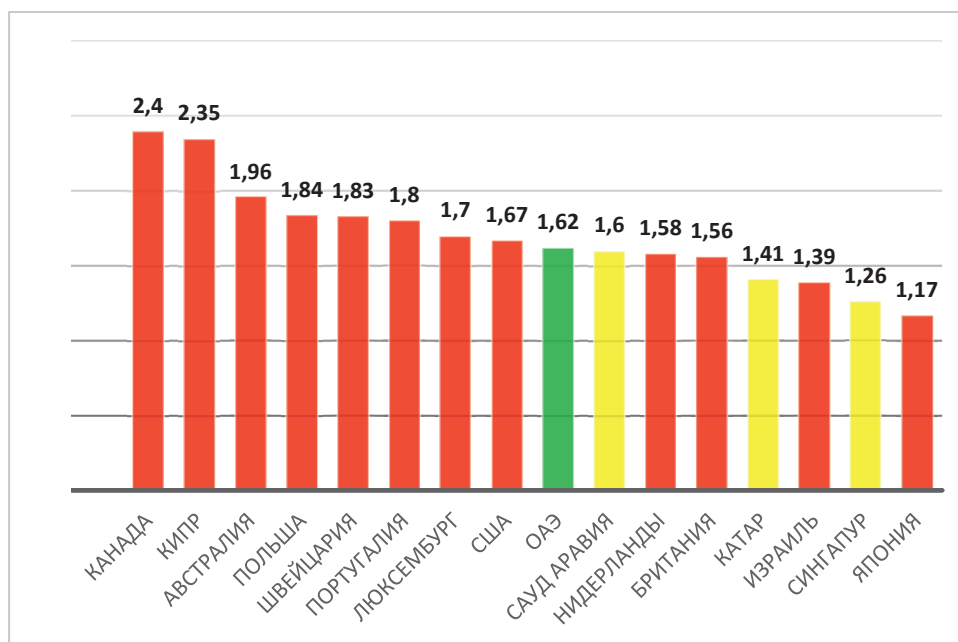

Рисунок 3. Соотношение притока и оттока высококвалифицированных профессионалов, 2022 г.
Источник: Digital Progress and Trends Report 2025. Strengthening AI Foundations. World Bank Group, Wash., 2025. P. 86

Население ОАЭ, по данным ЮНКТАД, в 2024 г. составило 11,1 млн человек. *Коренных жителей ОАЭ в феврале 2025 г. насчитывалось 1,16 млн человек.*

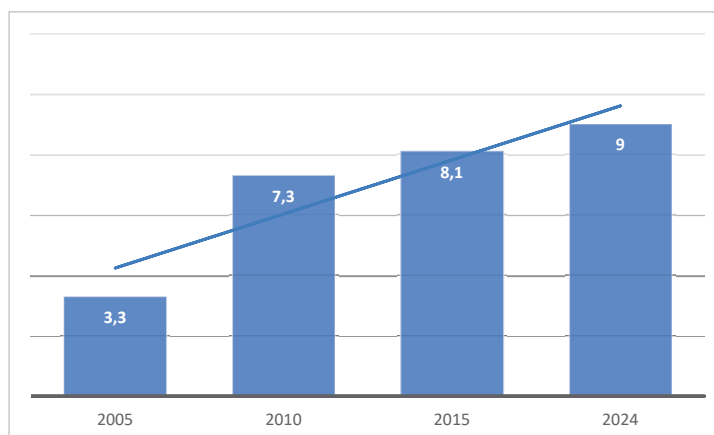

Рисунок 4. Число иммигрантов в ОАЭ, 2005–2024 гг. (тыс. человек)
Составлено по: Connor, Phillip, Middle East's Migrant Population More than Doubles since 2005. Pew Research Center, 2016. URL: <https://www.pewresearch.org/global-migration-and-demography/2016/10/18/economic-growth-attracts-migrants-to-persian-gulf/>; UAE's population by nationality. March 13, 2024. URL: <https://bq-magazine.com/uaes-population-by-nationality/> (дата обращения: 22.01.2026)

Как видно на рисунке 4, с 2005 по 2024 г. число мигрантов в ОАЭ увеличилось с 3,3 млн до 9 млн, больше всего возросла их численность с 2005 по 2010 г. — на 121%, более чем в 2 раза, тогда как за 9 лет, с 2015 по 2024 г., — на 12,3%.

Таблица 2. Население ОАЭ по странам происхождения, 2025 г. (млн человек, %)

Страна происхождения	Число иммигрантов, млн	Доля в общей численности населения, %
Индия	4,0	38
Пакистан	1,90	16,7
Бангладеш	0,84	7,4
Филиппины	0,78	6,9
Иран	0,54	4,7
Египет	0,48	4,2
Непал	0,36	3,2
Шри-Ланка	0,36	3,2
Китай	0,25	2,2
прочие	0,25	2,2
Всего иммигранты	9,76	88,7

Источник: United Arab Emirates (UAE) Population Statistics 2025. 03.06.2025. URL: <https://www.globalmediainsight.com/blog/uae-population-statistics/> (дата обращения: 22.01.2026)

Среди мигрантов в ОАЭ наиболее многочисленные — индийцы, в 2025 г. их насчитывалось 4 млн (38% от общей численности населения). На втором месте в 2025 г. среди стран происхождения мигрантов — Пакистан (1,9 млн человек; 21%), на третьем — Бангладеш (840 тыс., 9,3%), на четвертом — Филиппины (780 тыс.), на пятом — Иран (540 тыс.), на шестом — Египет (а в 1990 и в 2015 гг. он был вторым после Индии). В 2025 г. в ОАЭ было по 360 тыс. иммигрантов из Непала и Шри-Ланки, 250 тыс. — из КНР (см. Табл. 2).

Доля иммигрантов в общей численности населения ОАЭ с 2010 по 2025 г. сохраняется приблизительно на одном, очень высоком, уровне — 88%.

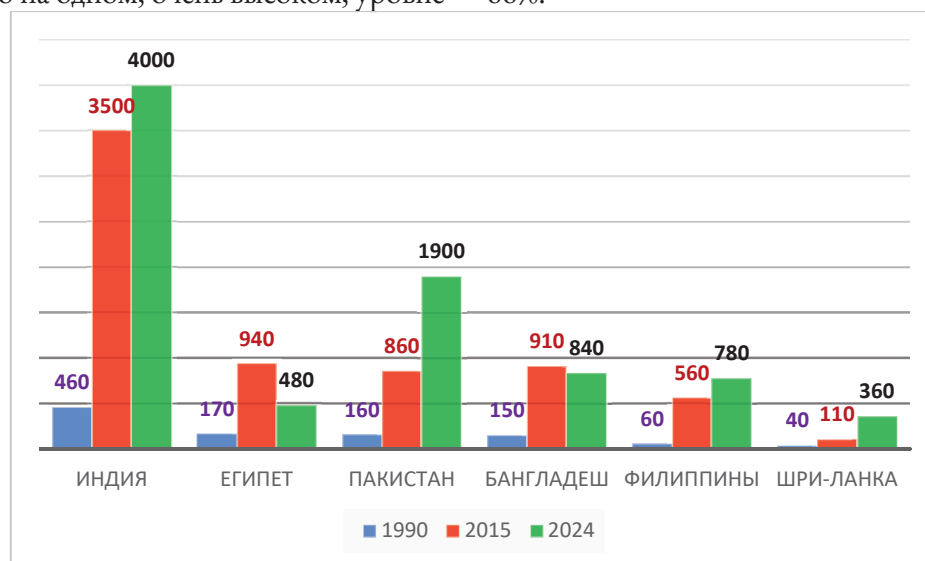

Рисунок 5. Число мигрантов в ОАЭ по странам происхождения, 1990–2025 гг. (тыс. человек)
 Составлено по: Connor, Phillip, *Middle East's Migrant Population More than Doubles since 2005*. Pew Research Center, 2016. URL: <https://www.pewresearch.org/global-migration-and-demography/2016/10/18/economic-growth-attracts-migrants-to-persian-gulf/>; United Arab Emirates (UAE) Population Statistics 2025. 03.06.2025. URL: <https://www.globalmediainsight.com/blog/uae-population-statistics/> (дата обращения: 22.01.2026)

Оценивая долю специалистов в составе миграционных потоков, можно использовать данные доклада организации индийской диаспоры *Indiaspora* «От древнего наследия к современным триумфам» по индийцам. В 2025 г. доля специалистов и предпринимателей среди индийцев оценивалась в 35% [Oak, Nair, Manoj, 2025, p. 7]. Это 1,4 млн человек.

Индийцы: и предприниматели, и специалисты — играют важную роль в развитии системы здравоохранения ОАЭ. Среди 26 тыс. врачей и 55 тыс. медсестёр в ОАЭ немало индийцев. Индийцы создали сети больниц, такие как *Aster Healthcare*, *VPS Healthcare*, *Zulekha Healthcare*. Ведущий медицинский вуз в ОАЭ — Медицинский университет Залива доктора Тумбая Мойдина. Онлайн-платформы, такие, как *Sama Health*, которую основала г-жа Миша Акбар, позволяют пользователям консультироваться с врачами, они обслуживают всех южноазиатских иммигрантов в странах Залива. Проект курирует представитель индийской диаспоры, доктор Наваб Шафи Ул Мульк, основатель и президент *Mulk Med Healthcare*, в сотрудничестве с *DY Patil Group*. Эта больница оказывает высококачественные медицинские услуги по ценам, сравнимым с индийскими, облегчая доступ к лечению различным общинам мигрантов, но в особенности «синим воротничкам» из Индии. Кроме того, в проекте предусматривается обучение медсестёр, которые впоследствии смогут работать в других странах Залива и в странах Африки [Oak et al., 2025, p. 17].

Индийские предприниматели играют важную роль в развитии системы образования ОАЭ. Компании, принадлежащие индийскому капиталу, руководят работой почти 95% частных школ в ОАЭ [Oak et al., 2025, p. 16]. Расширяют свою деятельность в ОАЭ и индийские высшие учебные заведения, например *SP Jain*, *Birla ITS Pilani*, Индийский институт технологии Бомбей (из Мумбаи) (*IIT Bombay*). Свой филиал в Абу-Даби создал ИИТ Дели.

Важную роль в экономическом развитии ОАЭ сыграли и индийские предприниматели. По некоторым данным, до 30% стартапов в Дубае создано индийцами.

ОАЭ как технологический хаб

ОАЭ стремятся стать технологическим хабом для всего региона БСВА и даже для расширенного региона MEASA (БВАЮА). Это касается и цифровых технологий, и зелёной энергетики. Эмират Абу-Даби к 2023 г. инвестировал через различные компании, в первую очередь суверенный фонд *Mubadala* и компанию *Masdar*, около 50 млрд долл. в проекты ВИЭ (возобновляемые источники энергии) в 70 странах, в том числе в 40 развивающихся. ОАЭ стремятся сыграть роль своего рода посредника между развитыми странами, стремящимися поставить более амбициозные цели по снижению выбросов, и развивающимися, для которых на первом месте стоит вопрос экономического роста [Адрианов, 2023].

Компании цифровой экономики из ОАЭ, в том числе и иностранные ТНК, и эмиратские компании, ведут свои операции по всему региону. *Talabat*, эмиратская онлайн-платформа по торговле продовольственными товарами, действует в 9 странах и ведёт операции более чем в 40 странах, у неё есть команды ИТ-специалистов в 13 странах. Единорог из ОАЭ *Careem* создал приложение *Everything App* для большого Ближнего Востока, это ближневосточный ответ на *Uber* и *Uber Eats*. *Careem* действует более чем в 70 городах в 10 странах, от Марокко до Пакистана. У компании насчитывается 50 млн клиентов, благодаря ей зарабатывают себе на жизнь 2,5 млн шофёров¹⁸.

¹⁸ The Best Companies in Dubai to Work for as a Software Engineer. Mokhtary, Sam, Founder of Zero Tax Jobs. 13 May 2025. URL: <https://zerotaxjobs.com/articles/best-companies-to-work-for-in-dubai-for-software-engineers> (дата обращения: 11.01.2026).

AI71 в октябре 2024 г. подписала контракт с Министерством цифрового развития и административных реформ Марокко о продвижении цифровой трансформации Марокко. AI71 предоставляет марокканским партнёрам не только ИИ-решения, но и вычислительные мощности на 100 тыс. долл. через AI71's API Hub, что даёт доступ к Falcon четырём марокканским ИИ-стартапам: TOUM AI, Neuy.ma, PostGoo, Thinkable¹⁹.

ТНК рассматривают ОАЭ как региональный центр для ведения своих операций. Операции Microsoft в Дубае сконцентрированы прежде всего на развитии ЦОД, которые могут предоставлять услуги всему региону.

* * *

ОАЭ сегодня называют транспортным, туристическим, финансовым хабом. Стали ли они технологическим хабом? Ответ на этот вопрос неоднозначный. Нельзя сказать, что ОАЭ стали мировым центром фундаментальных исследований. Но ОАЭ проводят взвешенную, проактивную политику, направленную на ускорение технологического развития, в этом прослеживается и роль субъективного фактора (руководителей, которые прозорливо уделяют этим вопросам приоритетное внимание). Это и особая роль фондов национального благосостояния, инвестиции в НИОКР, в развитие инфраструктуры, и привлечение иностранного частного капитала, зарубежные прямые инвестиции. Это и селективная политика в отношении международной трудовой миграции, направленная на привлечение «танталов». Это и многовекторная политика, тесное технологическое сотрудничество с США, без отказа от партнёрства со странами БРИКС. Небольшая страна, для которой полный технологический суверенитет может быть лишь иллюзией, отдалённой целью, прилагает все усилия, чтобы стать центром научно-технологических разработок, технологических услуг для региона БВСА, а сегодня говорят и о расширенном регионе MEASA (БВАЮА). И эти усилия дают положительные результаты.

Однако после обострения геополитической напряжённости в ходе войны США и Израиля против Ирана, начавшейся 28 февраля 2026 г., планы ОАЭ стать технологическим хабом оказались под угрозой.

Литература / References

Исаев В. А., Филоник А. О. Новая роль суверенных фондов в экономическом развитии арабских монархий Персидского залива. *Вестник Московского университета*. Серия 13. Востоковедение. 2019. № 4. С. 109–126 [Isaev V. A., Filonik A. O. The New Role of the Sovereign Funds in the Economic Development of the Arabian Monarchies at the Persian Gulf. *Moscow University Bulletin*. Series 13. Oriental Studies. 2019. No. 4. Pp. 109–126 (in Russian)].

Научно-технологическое развитие стран Азии и Африки. Книга 1. Египет, Иран, Саудовская Аравия, Об. Ар. Эм., Эфиопия. Отв. ред. И. В. Дерюгина, Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2025 [Scientific and Technological Development of Asian and African Countries. Book 1. Egypt, Iran, Saudi Arabia, United Arab Emirates, Ethiopia. Ed. by I. V. Deryugina, V. A. Kuznetsov. Institute of Oriental Studies, RAS. Moscow: IOS RAS, 2025 (in Russian)].

Цветкова Н. Н. Международная трудовая миграция и страны Залива (на примере миграции индийцев в ОАЭ). *Россия и мусульманский мир*. 2025. № 3. С. 69–81 [Tsvetkova N. N. International Labour Migration and the Gulf Countries (On the Example of Indian Immigrants in the UAE). *Russia and the Moslem World*. 2025. No. 3. Pp. 60–81 (in Russian)].

Digital Progress and Trends Report 2025. Strengthening AI Foundations. Wash.: World Bank Group, 2025. P. xx.

¹⁹ UAE's AI71 and Morocco Ministry ink deal. t GITEX GLOBAL to Support Morocco's Digital Strategy and Transformation. October 16, 2024. URL: <https://www.ventureone.ae/news/uaes-ai71-and-morocco-ministry-ink-deal-gitex-global-support-morocco-digital-strategy-and-transformation> (дата обращения: 06.02.2026).

Oak A. Nair S., Manoj M. *From Ancient Legacy to Modern Triumphs: The Indian Diaspora in the UAE*. 2025. Indiaspora, 2025.

World Investment Report 2025. UNCTAD. Geneva, 2025.

Электронные ресурсы / Online resources

Адрианов А. Климатический посредник: как Абу-Даби хочет повлиять на борьбу с потеплением. Forbes. 31.08.2023. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/495383-klimaticheskij-posrednik-kak-abu-dabi-hocet-povliat-na-bor-bu-s-potepleniem?ysclid=mki9eiauki657759483> (дата обращения: 22.01.2026).

Миграционная политика России и ОАЭ. Конкурентные преимущества в борьбе за мигрантов. Росконгресс. 16.06.2023. URL: <https://roscongress.org/materials/migratsionnaya-politika-rossii-i-oae-konkurentnyie-preimushchestva-v-borbe-za-migrantov/> (дата обращения: 10.06.2025).

Abu Dhabi Climate Change Strategy, 2022. AbuDhabi.Gov. URL: <https://www.abudhabi.gov.ae/en/programmes/abu-dhabi-climate-change-strategy> (дата обращения: 22.01.2026).

Abu Dhabi Industrial Strategy, 2023. AbuDhabi.Gov. URL: <https://www.abudhabi.gov.ae/en/programmes/abu-dhabi-industrial-strategy> (дата обращения: 22.01.2026).

Connor, Phillip, Middle East's Migrant Population More than Doubles since 2005. Pew Research Center, 2016. URL: <https://www.pewresearch.org/global-migration-and-demography/2016/10/18/economic-growth-attracts-migrants-to-persian-gulf/> (дата обращения: 22.01.2026).

Khaled bin Mohamed bin Zayed launches Advanced Technology Research Council's new AI company AI71. WAM. 28.11.2023. URL: <https://www.wam.ae/article/apva774-khaled-bin-mohamed-bin-zayed-launches-advanced-technology-research-councils-new-ai-company-ai71> (дата обращения: 11.01.2026).

Подписано в печать 29.08.2026. Формат 84x108/16
Бумага офсетная 80 г/м²
Тираж 500 экз.
Усл.-печ. л. 32,13. Уч.-изд. л. 23,6
Заказ №

Редактор и корректор
Н. А. Сидоркина
Вёрстка текста и дизайн обложки номера
И. В. Федулов

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром А. О. Захаров

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, 42, корп. 5
тел.: +7 (499) 322-38-31
e-mail: www.t8print.ru